

ПЭЛЕМ ГРЭНВИЛ ВУДХАУЗ

JEEVES & WOOSTER

Annotation

В этой книге мы вновь встречаемся с Дживсом и Вустером, главными персонажами цикла романов П.Г. Вудхауза, ставшего делом его жизни.

- [Пэлем Грэнвил Вудхауз](#)
 - [Не позвать ли нам Дживса](#)
 -
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [Глава XVII](#)
 - [Глава XVIII](#)
 - [Глава XIX](#)
 - [Глава XX](#)
 - [Глава XXI](#)
 - [Глава XXII](#)
 - [Посоветуйтесь с Дживсом](#)
 -
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
- [Рассказы](#)
 - [КОМАНДУЕТ ПАРАДОМ ДЖИВС](#)
 - [ДЖИВС И «ПОРЯДОЧНЫЙ ЖИЛА»](#)
 - [ЛОДЫРЬ РОККИ И ЕГО ТЕТУШКА](#)
 - [ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ СО СТАРИНОЙ БИФФИ](#)
 - [БЕЗ ПРАВА ЗАМЕНЫ](#)
 - [СПАСАЕМ ФРЕДДИ](#)
 - [ГОРОЙ ЗА БИНГО](#)
 - [БЕРТИ МЕНЯЕТ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ](#)
 - [ДЖИВС И СКОЛЬЗКИЙ ТИП](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)

- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)

- [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [74](#)
 - [75](#)
 - [76](#)
 - [77](#)
 - [78](#)
 - [79](#)
 - [80](#)
 - [81](#)
 - [82](#)
 - [83](#)
 - [84](#)
 - [85](#)
 - [86](#)
 - [87](#)
 - [88](#)
 - [89](#)
 - [90](#)
 - [91](#)
 - [92](#)
 - [93](#)
-

Пэлем Грэнвил Вудхауз
Собрание сочинений
Том 8. Дживс и Вустер

Не позвать ли нам Дживса

Перевод с английского И.М.Бернштейн
Редактор Ю. Жукова

Глава I

Бармен, на минуточку отлучившийся из-за стойки в пивной «Гусь и Огурчик», чтобы срочно навести по телефону некую справку, возвратился на свое рабочее место, весь сияя, как человек, узнавший, что ему достался крупный выигрыш. Его так и подмывало поделиться с кем-нибудь своей радостью, но в пивной никого не было, только одна женщина сидела за столиком у входа, потягивала джин с тоником и коротала время за чтением книги спиритического содержания. Он решил сообщить замечательную новость ей.

— Может, вам интересно будет узнать, мэм, — обратился он к ней срывающимся от волнения голосом. — Мамаша Уистлера выиграла Дубки.

Посетительница оторвалась от книги и с таким выражением посмотрела на него прекрасными темными глазами, будто он сейчас только материализовался из эктоплазмы.

— Что выиграла? — переспросила она.

— Дубки, мэм.

— А что это?

Бармену представлялось невероятным, чтобы кто-нибудь в Англии мог задать такой вопрос, но он успел вычислить, что эта дама — американка, а американки, это он уже знал, часто не разбираются в фактах грубой действительности. Он лично был знаком с одной, которая попросила, чтобы ей объяснили, что такое футбольный тотализатор.

— Это ежегодные лошадиные скачки, мэм, исключительно для молодых кобыл, то есть иначе говоря, они бывают раз в году, и участие мужского пола не допускается. Проходят в Эпсоме накануне Дерби, а уж про Дерби вы, конечно, слыхали.

— Да, про Дерби слышала. Это у вас тут самые большие конские состязания, верно?

— Верно, мэм. Их еще иногда называют классическими. А Дубки бывают накануне, хотя в прежние времена их устраивали на следующий день. То есть я хочу сказать, — пояснил бармен, надеясь быть понятым, — раньше Дубки были после Дерби, но теперь это переменяли.

— И Мамаша Уистлера там всех опередила?

— Да, мэм, на два корпуса. Я поставил пятерку.

— Поняла. Ну, что ж, это здорово. Не принесете мне еще один джин с тоником?

— Ну, конечно, мэм. Мамаша Уистлера! — отходя, упоенно повторил бармен. — Моя красавица!

Бармен вышел. А дама снова углубилась в книжку. На «Гуся и Огурчика» снизошла тишина.

По основным показателям это заведение мало чем отличалось от всех остальных питейных точек, гнездящихся вдоль проезжих дорог Англии и не дающих ее населению погибнуть от жажды. Тот же церковный полумрак, те же неперенные картинки над камином: «Охотничьи собаки задирают оленя» и «Прощание гугенота», те же соль, перец и горчица и бутылочки с острым соусом на столах и тот же традиционный озоновый дух — смесь маринада, мясной похлебки, отварного картофеля и старого сыра.

Единственное, что отличало «Гуся и Огурчика» в этот ясный июньский день и придавало ему особую статью среди всех остальных питейных заведений, было присутствие женщины, с которой говорил бармен. Как правило, в английских придорожных кабаках взору не на чем отдохнуть, кроме разве случайного фермера, поглощающего яичницу, или пары коммивояжеров, развлекающих друг дружку неприличными анекдотами; но «Гусю и Огурчику» посчастливилось заманить к себе на подмогу эту заморскую красавицу, и она сразу подняла его уровень на недостижимую высоту.

Что в этой женщине сразу же бросалось в глаза и исторгало изумленный присвист, так это окружавшая ее аура богатства. О нем говорило в ней все: кольца, шляпка, чулки, туфли, серебристый меховой палантин и безукоризненный парижский костюм спортивного покроя, любовно облегающий выпуклости роскошной фигуры. Вот, сказали бы вы при виде ее, женщина, у которой от презренного металла сундуки ломаются и тик в большом пальце от непрерывной стрижки купонов, а кровожадные пиявки из налогового управления при звуках ее имени по привычке с почтительным придыханием приподнимают свои грязные шляпы.

И так сказав, вы бы не ошиблись. Какой богатой она казалась, такой и была на самом деле. Похоронив двух мужей, в обоих случаях — мультимиллионеров, она осталась так прекрасно упакована в финансовом отношении, что лучшего и вообразить невозможно.

Жизнь ее может служить красочной иллюстрацией к романам Х. Элджера, которые повествуют про золушек, превращающихся в герцогинь, и тем поддерживают в молодых сердцах неувядаемые надежды, никогда ведь не знаешь, какая колоссальная удача ждет тебя за ближайшим углом. Урожденная Розалинда Бэнкс из городка Чилликот, что в штате Огайо, она

не обладала никакими дарами, если не считать миловидного личика, великолепной фигуры и некоторого умения сочинять верлибры, с таким багажом прибыла в Гринич-Виллидж искать счастье в мире искусства — и преуспела с первой же попытки. На одной вечеринке она привлекла к себе взоры и покорила сердце желто-газетного магната Клифтона Бессемера и оглянуться не успела, как стала его женой.

Овдовев в результате попытки Клифтона Бессемера протаранить на своей машине тяжелый грузовик, вместо того чтобы мирно его объехать, она два года спустя познакомилась в Париже и сочеталась браком с А. Б. Спотсвортом, миллионером — охотником на крупную дичь, и почти сразу же овдовела опять. На этот раз виною было расхождение во взглядах между ним и одним из львов, на которых А. Б. Спотсворт охотился в Кении. Он считал, что лев мертв, а лев считал, что нет. И когда стрелок поставил ногу зверю на горло, позируя перед фотоаппаратом капитана Биггара, знаменитого Белого Охотника, сопровождавшего экспедицию, последовала неприятная шумная ссора, а Белому Охотнику надо было сначала отбросить фотоаппарат, да еще он потратил несколько драгоценных мгновений, пока нашарил ружье, так что его выстрел, меткий, как всегда, грянул слишком поздно, чтобы принести практическую пользу. Ничего другого не оставалось, как подобрать клочья и переписать огромное состояние миллионера-охотника на имя вдовы, присоединив его к тем приблизительно шестнадцати миллионам, которые она ранее унаследовала от Клифтона Бессемера.

Вот кто такая была миссис Спотсворт, женщина с душой и с сорока двумя миллионами долларов в кубышке. А дабы прояснить еще некоторые мелочи, быть может, нуждающиеся в прояснении, заметим, что сейчас она направлялась в Рочестер-Эбби в качестве гостьи девятого графа Рочестера, а в «Гусе и Огурчике» остановилась просто немного отдохнуть и выгулять собачку-пекинеса по кличке Помона. Книгу спиритического содержания она читала потому, что с недавних пор сделалась горячей приверженкой потусторонних изысканий. Модный парижский костюм спортивного покроя на ней был потому, что она любила модные парижские костюмы спортивного покроя. А джин с тоником она пила потому, что такой теплый летний вечер словно нарочно создан для того, чтобы выпить стаканчик джина с тоником.

Бармен принес волшебный напиток и продолжил разговор с того места, где остановился.

— Ставка была тридцать три к одному, мэм. Миссис Спотсворт подняла на него лучистые глаза.

— Простите?

— С этой цифры она начинала.

— О ком вы говорите?

— О той кобыле, что вот я рассказывал, выиграла Дубки.

— Ах, так мы опять о ней? — вздохнула миссис Спотсворт. Она читала про чрезвычайно интересные манифестации мира духов, и эти земные разговоры прозвучали для нее неприятным диссонансом.

Бармен почуял отсутствие живого интереса. Ему стало немного обидно. В такой великий день он хотел бы иметь дело лишь с теми, в чьих жилах течет спортивная кровь.

— Вы не увлекаетесь скачками, мэм? Миссис Спотсворт ответила не сразу.

— Да, пожалуй, не особенно. Мой первый муж был от них без ума, но мне всегда казалось, что это как-то бездуховно... Такие вещи не очень способствуют высшему развитию нашего Я. Случается, я иной раз поставлю тысчонку для забавы, но это мой предел. А глубины моей души они не затрагивают.

— Тысчонку, МЭМ?

— Ну, тысячу долларов.

— Ух ты! — пробормотал потрясенный бармен. — Вот это я называю прозаложить последнюю рубашку. Хотя для меня это была бы не только рубашка, но и чулки с подвязками в придачу. Повезло букмекерам, что вы сегодня не были на ипподроме и не поставили на Мамашу Уистлера.

Он возвратился за стойку, а миссис Спотсворт снова углубилась в книгу.

Далее на протяжении, наверное, десяти минут в «Гусе и Огурчике» ничего существенного не происходило, только бармен прихлопнул салфеткой муху, а миссис Спотсворт допила джин с тоником. Но вдруг могучая рука распахнула дверь, и в залу решительными шагами вошел крепкий, коренастый, широкоплечий и обветренный мужчина. У него было очень красное лицо, зоркие небесно-голубые глаза, круглая, с залысинами голова и прямоугольные усики щеточкой, какие встречаются повсеместно на далеких окраинах Империи. Они в таком изобилии произрастают под носами тех, кто несет бремя белого человека, что напрашивается мысль, не имеется ли у их носителей каких-то монопольных прав? На ум приходят ностальгические строки поэта Киплинга: «Мне б к востоку от Суэца, где добро и зло — одно, где не ведают Закона и человек может выращивать у себя на губе прямоугольные усики щеточкой».

Вероятно, эти усики и придавали вошедшему такой экзотический вид.

Из-за них он казался совсем не на месте в английской придорожной пивной. При взгляде на него чувствовалось, что его естественная среда обитания — притон Черного Майка в Паго-Паго, где он был бы, конечно, душою общества, хотя вообще-то почти все время пропадал бы на сафари, сводя счеты с местной фауной, какая ни подвернется под руку. Вот, сказали бы вы, человек, не раз смотревший в глаза носорогу, и тот перед ним беспомощно отворачивал морду.

И опять же, как и тогда, когда вы так глубоко и точно анализировали миссис Спотсворт, вы окажетесь совершенно правы. Этот мужественный воитель джунглей и саванн был не кто иной, как тот самый капитан Биггар, о котором мы уже мельком упоминали выше в связи с прискорбным происшествием, завершившимся кончиной А. Б. Спотсворта, и любой из тех, кто проживает у дороги в Мандалай или проводит время в «Длинном Баре» в Шанхае, подтвердит вам, что «бвана» Биггар в своей жизни смирил взглядом так много носорогов, что вам такого количества и во сне не увидеть. Однако в данный момент он думал не столько о наших бессловесных братьях, сколько о том, чтобы выпить чего-нибудь прохладительного. Вечер, как мы уже говорили, был теплый, и капитан проделал долгий путь от Эпсوما, откуда выехал немедленно по окончании скачек, известных под названием Дубки, до этой тихой пивной в Саутмолтоншире.

— Пива! — прорычал он, и при звуке его голоса миссис Спотсворт, вскрикнув, уронила книгу, а глаза ее чуть не выскочили из родных орбит.

И в той ситуации это было вполне естественно, ибо сначала ей показалось, будто она стала свидетельницей одной из тех манифестаций спиритуального мира, про которые она сейчас только читала. У любой женщины глаза из орбит выскочат.

А дело-то все в том, что капитан Биггар, если взглянуть на вещи прямо, был охотник и, следовательно, должен был охотиться. Его место там, где расположены его охотничьи угодья. Встреться он вам в Кении, или в Малайе, или на Борнео, или в Индии, и вы нисколько не удивитесь. «А-а, капитан Биггар, привет-привет, — скажете вы ему. — Как следопытствуете?» А он ответит, что следопытствует нормально. И все в полном порядке.

Но если вы встретите его в английской придорожной пивной, за тысячи миль от естественной области обитания, можно будет вас понять, коль скоро у вас мелькнет подозрение, что это вовсе не живой человек во плоти, а всего лишь призрак, или фантом, завернувший к вам на огонек, как это свойственно призракам и фантомам.

— Иик! — воскликнула миссис Спотсворт, потрясенная до глубины души. С тех пор, как она увлеклась потусторонними явлениями, ей часто мечталось увидеть своими глазами настоящее привидение, но для таких вещей нужны соответствующая обстановка и подходящее время суток. Кому охота, чтобы призраки лезли на глаза, когда ты сидишь и пьешь освежительный джин с тоником?

Капитану же Биггару, пока он не услышал голос миссис Спотсворт, она в полутемной пивной казалась просто обыкновенной женщиной, опрокидывающей стаканчик на дорогу. Конечно, он машинально расправил плечи и подкрутил усы, как поступал неизменно в присутствии любой особы женского пола; но кто она такая, он не догадывался. И вот теперь, узнав ее, он весь, с ног до головы, задрожал мелкой дрожью, словно молодой робкий гиппопотам, впервые столкнувшийся нос к носу с великим Белым Охотником.

— Ну, жарьте меня в кипящем масле! — вырвалось у него, и глаза его полезли на лоб. — Миссис Спотсворт! Варите меня в сливовой подливке! Вот уж кого никак не ожидал встретить. Я думал, вы в Америке.

Миссис Спотсворт опомнилась и приняла прежний светский вид.

— Я прилетела на прошлой неделе с визитом, — пояснила она.

— А-а, тогда понятно. А то я очень удивился, увидев вас здесь. Помню, вы говорили, что живете в Калифорнии, или где-то там такое.

— Да, у меня дом в Пасадине. И в Кармеле. И еще один в Нью-Йорке, и еще во Флориде. И еще на севере, в штате Мэн.

— Пять в общей сложности?

— Шесть. Я забыла еще про дом в Орегоне.

— Шесть? — растерянно повторил капитан. — Что ж, приятно конечно иметь крышу над головой.

— Да. Но через какое-то время надоедает. Хочется чего-то нового. Я подумываю купить, может быть, этот дом, куда сейчас еду, Роучестер-Эбби. Я познакомилась в Нью-Йорке с сестрой лорда Роучестера, она возвращалась с Ямайки, и она сказала, что, возможно, ее брат согласится продать. Ну, а вы-то что делаете в Англии, капитан? Я как вас увидела, сначала глазам своим не поверила.

— Да вот, знаете ли, дорогая леди, захотелось взглянуть на родные места. Давно уж не выбирался сюда, все некогда было. Хотя, помните пословицу: «Кто с детства много трудится И не веселится, Из того вырастет Дурак и тупица»? Диву даешься, до чего тут все изменилось с тех пор, как я приезжал последний раз. Нет больше праздных богатеев, если вы меня понимаете, все работают, каждый, так сказать, при деле.

— Да, поразительно! Сестра лорда Рочестера леди Кармойл рассказала мне, что ее муж сэр Родерик Кармойл заведует секцией в магазине «Харридж». А он десятый баронет или что-то в этом роде. Представляете?

— Трудно себе представить, ваша правда. Толстый Фробишер и Субадар^[1] ни за что не поверят, когда я им расскажу.

— Кто-кто?

— Приятели мои в Куала-Лумпуре. Просто рты поразевают от изумления. Но мне лично нравится, — мужественно заключил капитан. — Так и должно быть. Игра прямой битой.

— Как вы сказали?

— Такой спортивный термин, милая леди. Из крикета. В крикете полагается бить прямой битой, а иначе... иначе ты бьешь, прямо скажем, кривой битой, ну, вы меня понимаете.

— Н-наверно. Может быть, вы присядете?

— Благодарю. Только на одну минуту. Я преследую врага рода человеческого.

В том, как держался капитан Биггар, тонкий наблюдатель заметил бы некоторую скованность и приписал бы ее, вернее всего, тому обстоятельству, что при последнем свидании с миссис Спотсворт он собирал и складывал вместе фрагменты тела ее супруга, чтобы их можно было отправить в Найроби. Однако неловкость, испытываемая им, была вызвана вовсе не этим прискорбным воспоминанием. Корни ее уходили гораздо глубже.

Эту женщину он любил. Полюбил ее с первого мгновения, как она вошла в его жизнь. До чего ясно он помнил это событие! Лагерь среди древесных акаций. Каменистый обрыв. Обломки скал в русле горного потока. Старый Симба (лев) ревет в отдалении, старый Тимбо (слон) гуляет в высоких тростниках (бимбо), и тут к лагерю подъезжает в автомобиле А. Б. Спотсворт, а рядом с ним — божественное видение в брюках для верховой езды. «Моя жена», — представил А. Б. Спотсворт и указал рукой на свою спутницу, Клеопатру Египетскую и Елену Троянскую в одном лице, а капитан Биггар, отвечая: «Добро пожаловать, мемсагиб, — и, произнося вежливое приветствие: *Край йу ти ню ма пай*», — испытал такое ощущение, будто его прошибло сильным электрическим током. Вот оно! — понял он.

Естественно, в соответствии с законами белого человека он в своей любви и не подумал признаваться, но с той самой поры в его сердце горела ровным пламенем безмолвная, жаркая страсть такого калибра, что порой, на досуге, слушая вой гиен и любуясь снегами Килиманджаро, он почти

готов был сочинять стихи.

И вот теперь *она* снова перед ним, и еще прелестнее, чем прежде. Капитану Биггару показалось, будто где-то поблизости бьют в большой барабан. Но это было всего лишь биение его сердца.

Его последняя реплика оставила миссис Спотсворт в недоумении.

— Преследуете врага рода человеческого? — переспросила она.

— Одного мерзавца-букмекера. Подлеца из подлецов с душой черной, как его грязные ногти. Гонюсь за ним уже несколько часов. И почти настиг, — заключил капитан Биггар, мрачно отпив пива, — но тут что-то сломалось в чертовом автомобиле. Сейчас его чинят в гараже по соседству за углом.

— Но почему вы гонитесь за букмекером? — не поняла миссис Спотсворт. Такое занятие казалось ей совсем не подходящим для настоящего мужчины.

Лицо капитана Биггара потемнело. Своим вопросом она задела обнаженный нерв.

— Жалкий пес подло со мной обошелся. А с виду такой положительный. Усы, как у моржа, и черная нашлепка на левом глазу. «Честный Паркинс» — название фирмы. «Ставьте на кого вашей душе угодно, благородный человек, — он говорил. — Кто не играет, тот не выигрывает. Подходите, подходите, — он говорил. — Вразвалку, враскачку, вприпрыжку. Дамам скидка, ставки не возвращаются». Ну, я и поставил у него в двойном.

— В двойном?

— В двойном, дорогая леди, это когда ставишь на лошадь в одной скачке, и если выиграл, то весь выигрыш ставится на другую лошадь в другой скачке.

— А-а, то, что в Америке называется двойной одинар.

— И как вы легко можете прикинуть, если обе лошади приходят первыми, вам достается изрядная сумма. Я по приезде в Лондон сошелся с довольно осведомленными людьми, и они порекомендовали на сегодня надежный дубль: Люси Глиттерс и Мамаша Уистлера.

Второе имя было миссис Спотсворт уже знакомо.

— Здешний официант сказал, что Мамаша Уистлера победила.

— И Люси Глиттерс в предыдущей скачке тоже. Я поставил на нее пятерку, выиграл из ста к шести и все записал на Мамашу Уистлера в Дубках. Она прошла финиш из...

— ...из тридцати трех к одному, по словам бармена. Вот это да! Вы сорвали приличный куш.

Капитан Биггар допил свое пиво. Он допил его, как страждущая душа — если страждущая душа может пить пиво.

— Да, я безусловно сорвал бы куш, — подтвердил он, горестно хмуря брови. — Мне причиталась от него колоссальная сумма в три тысячи фунтов два шиллинга и шестипенсовик, да плюс еще моя исходная пятерка, которую я вручил его помощнику, типу в клетчатом костюме и тоже при моржовых усах. И что же? Негодяй-букмекер дал деру, не заплатив. Укатил в своем автомобиле, а я за ним. Несся вдогонку, вихляя по извилистым сельским дорогам, наверное, целую вечность. И как раз когда я его уже почти сцапал, моя машина сломалась! Но я его все равно поймаю, скотину. Изловлю гада. И когда схвачу, выгребу из него все внутренности голыми руками, сверну ему голову, и он у меня ее проглотит. После чего...

Капитан Биггар вдруг опомнился и умолк. Кажется, он заболтался и не дает даме вставить ни слова. В конце-то концов, какое дело этой женщине до его грез наяву?

— Довольно обо мне, — сказал он. — Малоинтересная тема. А как вы жили-поживали все это время, дорогая леди? Все у вас в порядке, надеюсь? Выглядите вы — лучше не бывает. А как здоровье вашего супруга? Ах, простите...

— Ничего, пожалуйста. Вы хотели спросить, не вышла ли я снова замуж? Нет, не вышла, хотя Клифтон и Алексис оба очень советуют. Так мило с их стороны, так благородно! Они так заботятся обо мне.

— Клифтон? Алексис?

— Мистер Бессемер и мистер Спотсворт, мои прошлые мужья. Я с ними время от времени переговариваюсь на спиритических сеансах. Вы наверно считаете, — добавила она не без смущения, — что странно с моей стороны верить в такие вещи?

— Странно?

— Многие мои друзья в Америке говорят, что это все вздор собачий.

Капитан Биггар воинственно фыркнул.

— Хотел бы я быть там и высказать им свое мнение. Я бы потряс их тусклый интеллект. Нет, дорогая леди, живя на таинственном Востоке, я видел слишком много фантастического, чтобы находить что-то странным. Я наблюдал, как босые пилигримы на дороге Ахура-Мазда ступали по раскаленным углям. Видел, как в воздух подкидывают канаты и по ним карабкаются вверх стайки ребятишек. Я знаю факиров, которые спят на гвоздях.

— Неужели?

— Уверяю вас. И при этом, подумайте только, совершенно не ведают бессонницы. Так что я не из тех, кто поднимает людей на смех за то, что они верят в спиритизм.

Миссис Спотсворт смотрела на него с нежностью. Она думала о том, какой он чуткий и симпатичный.

— Я очень увлекаюсь мистическими исследованиями. С гордостью могу сказать, что принадлежу к узкому кругу энтузиастов, стремящихся проникнуть сквозь завесу. И надеюсь, что в этом Рочестер-Эбби, куда я еду, я сподоблюсь какой-нибудь яркой духовной манифестации. Это ведь, говорят, один из старейших загородных домов в Англии.

— Ну, раз так, значит, обязательно вспугнете пару-тройку призраков, — заверил ее капитан Биггар. — В этих старых английских домах они водятся целыми табунами. Не выпьете ли еще джина с тоником?

— Нет, мне пора. Помона ждет в машине, а она сердится, когда ее оставляют одну.

— Никак не можете задержаться и пропустить со мной по полстаканчика?

— Боюсь, что никак. Надо ехать. У меня нет слов, чтобы передать вам, как мне приятно было снова встретиться с вами, капитан.

— Для меня это был настоящий праздник, дорогая леди, — ответил капитан Биггар голосом, осипшим от избытка чувств. Они уже вышли на улицу, и она задержалась, стоя возле своего автомобиля в ослепительных лучах заката, так что ему представилась возможность лучше разглядеть ее во всей красе. Как она хороша, подумалось ему, как обворожительна, как... Стоп, Биггар, резко одернул он себя, это никуда не годится, приятель. Соблюдай правила игры, старина!

— Зайдите навестить меня, капитан, когда я вернусь в Лондон. Я остановилась в «Савое».

— Буду счастлив, дорогая леди, буду счастлив, — ответил капитан Биггар. — Зайду непременно.

Но на самом деле он не собирался выполнить свое обещание. Потому что зачем? Какой прок возобновлять это знакомство? Только беречь старую рану. Нет, лучше уж сжать покрепче зубы и прямо сейчас поставить на всем этом точку, раз и навсегда. Скромному охотнику, прямо скажем, без фартинга за душой, нечего якшаться с богатыми вдовами. О таких вещах ему не раз с осуждением говорили Толстый Фробишер и Субадар в Англо-Малайском клубе Куала-Лумпура. «Этот малый — просто пошляк и гонится за деньгами, — бывало говорили они за рюмкой джина про кого-нибудь из знакомых, женившегося на богатой. —

Обыкновенный жиголо, черт подери, только и всего. Так не поступают, старина, ясно? Это непорядочно».

И они совершенно правы. Так не поступают. Да, черт подери, у человека есть кодекс чести. Одним словом, как говорится, *мех нее пан конг бахн ротфай*.

Он вздернул подбородок и зашагал по дороге — узнать, как поживает его автомобиль.

Глава II

Замок Рочестер-Эбби — вообще-то в Англии произносится «Ростер» — расположен милях в десяти от «Гуся и Огурчика». Он стоит, вернее, стоит та часть его, которая еще не обрушилась, на самой границе Саутмолтена, среди улыбчивой сельской местности. Хотя если бы вы спросили его владельца Вильяма Эджертона Бамфилда Оссингама Белфрая, девятого графа Рочестерского, с чего бы это в наши дни английской сельской местности улыбаться, он бы затруднился ответить. Архитектура его дома относится к XIII веку, к XV веку и к эпохе Тюдоров, а разрушения — к середине XX века, к периоду после Второй Мировой войны.

Чтобы попасть в Рочестер-Эбби, надо свернуть с шоссе и ехать добрую милю по подъездной аллее, густо заросшей живописными сорными травами, а затем подняться по каменным, кое-где выщербленным ступеням парадного крыльца к массивной, давно не крашенной входной двери. Что и проделали сестра Билла Ростера Моника и ее муж сэр Родерик (Рори) Кармойл примерно в то время, когда миссис Спотсворт и капитан Биггар вспоминали былое.

Моника, по прозвищу Маленький Мук, была женщина миниатюрная и очень подвижная; ее муж был долговяз и невозмутим. В его облике и манерах ощущалось что-то от крайне флегматичного буйвола, который задумчиво жует жвачку и озирается вокруг медлительно и методично, не допуская ни малейшей спешки. Именно так он, стоя на верхней ступеньке крыльца, озирает сейчас Рочестер-Эбби.

— Мук, — промолвил он наконец, завершив осмотр. — Я сообщу тебе одну вещь, которую ты, по своему усмотрению, можешь передавать или не передавать для публикации в прессе. Это несчастное здание раз от разу, что я его вижу, все больше теряет лоск.

Моника немедленно вступилась за дом своего детства.

— Могло быть еще гораздо хуже.

Рори подумал-подумал, пожевал жвачку и спросил:

— Например, как?

— Конечно, дом нуждается в ремонте, но где взять на это денег? Не может же бедняжка Билл содержать дворец на избушечные доходы.

— Почему он не поступит на работу, как все мы?

— Нечего тебе важничать. Подумаешь, деятель торговли!

— Не я один, все работают. Палата лордов практически пустует, лорды приходят заседать только по вечерам и в праздники.

— Нас, Ростеров, трудно к чему-нибудь приспособить. Все мужчины у нас в роду были божьи одуванчики. Дядя Роджер, например, даже сапоги свои не умел надеть.

— А в чьих же он сапогах ходил? — заинтересовался Рори.

— Это мы все не прочь бы выяснить. Конечно, ошибка Билла, что он упустил ту баснословно богатую американку.

— Что еще за американка?

— Это было вскоре после нашей с тобой свадьбы. Некая миссис Бессемер. Вдова. Он с ней познакомился как-то летом в Каннах. Сказочно богатая и, по словам Билла, неопишуемой красоты. Поначалу ситуация казалась обнадеживающей, но потом ничего из этого не вышло. Верно, кто-то перебежал дорогу. Он же тогда был просто мистер Белфрай, а не его сиятельство граф Рочестер, это могло иметь решающее значение.

Рори покачал головой.

— Вряд ли дело в этом. Я вон тоже был просто мистер Кармойл, когда познакомился с тобой, а посмотри, как я тебя лихо уволок из-под носа у лучших женихов графства.

— Да, но вспомни, какой ты тогда был. Разбивал сердца направо и налево, только бровью поведешь. Ты и сейчас еще ничего, — любовно добавила Моника. — Осталось кое-что от прежних чар.

— Что верно, то верно, — не стал отрицать Рори. — При рассеянном освещении я еще кого хочешь очарую. А вот у Билла, мне кажется, всегда не хватало напора... такого напора, какой можно наблюдать у нас в «Харридже». Воля к победе, я бы так это назвал. Она была у Наполеона. Она есть у меня. А у Билла ее нет. Мм-да, так-то, — философски заключил Рори. Он снова принялся оглядывать Рочестер-Эбби. — Знаешь, в чем нуждается этот дом? В атомной бомбе. Чтобы ее аккуратно сбросили на крышу главного банкетного зала.

— Да, это бы, конечно, неплохо.

— В два счета бы все пришло в порядок. Наладилась бы нормальная жизнь. Но, увы, атомные бомбы стоят денег, так что этот вариант, надо полагать, исключается. Тебе следует употребить свое влияние и убедить Билла, пусть закупит побольше керосина, нагребет стружек, перестанет выбрасывать утренние газеты, запасется спичками и в одну прекрасную безлунную ночь запалит тут такой костер, чтобы небу жарко стало. Как только старую развалину охватят языки пламени, он сразу почувствует себя другим человеком.

Моника ухмыльнулась загадочно.

— Я знаю способ получше. Рори покачал головой.

— Нет. Только поджог. Это единственный выход. Старый добрый поджог. Ребята на Востоке им частенько пользуются. Спалят фабрику, на которой работали, и гуляй не хочу.

— А что ты скажешь, если я тебе сообщу, что надеюсь его продать?

Рори изумленно вытаращил глаза. Он был высокого мнения об изобретательности своей жены, но в данном случае, он полагал, она замахнулась на невозможное.

— Продать? Да этот дом задаром никому не всучишь. Билл, как мне известно, предлагал его за бесценок одной благотворительной конторе под приют для исправившихся малолетних преступников, так от него там с презрением отмахнулись. Должно быть, опасались, как бы их преступники не подхватили ревматизм. Чрезвычайно сырое помещение, Рочестер-Эбби.

— Да, влажноватое.

— Вода проступает сквозь стены и струится ручьями. Помню, я как-то сказал Биллу. «Билл, говорю, сообщу тебе кое-что насчет твоей домашней обстановки. У вас в саду протекает река, а в доме протекают крыши». Развеселил его, беднягу. Он сказал, что это очень остроумно.

Моника смерила его холодным супружеским взглядом, какие неизменно приводят мужей в трепет.

— Жуть как остроумно, — произнесла она ледяным тоном. — Обхохочешься. И конечно ты сразу же отмочишь что-нибудь в этом роде, чтобы позабавить миссис Спотсворт.

— Как ты сказала? — До Рори постепенно дошло, что было названо имя, ему не знакомое. — Кто это миссис Спотсворт?

— Дама, которой я надеюсь продать этот дом. Американка. Ужасно богатая. Я познакомилась с ней в Нью-Йорке, по пути домой. У нее штук двадцать домов в Америке, но ей безумно хочется что-нибудь старое и живописное в Англии.

— Романтическая особа, да?

— Вся пропитана романтикой. Ну и вот, когда она мне это сказала — мы сидели рядом на обеде в женском клубе — я, конечно, сразу подумала про Билла и Рочестер-Эбби и принялась ей его расписывать. Она, похоже, заинтересовалась. В конце-то концов здесь и вправду уйма всяких исторических достопримечательностей.

— И мышей.

— Она на следующий день улетала в Англию, и я пригласила ее, когда я вернусь, приехать сюда и самой все осмотреть. Теперь она должна быть с

минуты на минуту.

— А Билл об этом знает?

— Нет. Мне следовало предупредить его телеграммой, но я забыла. Ну, да какая разница? Он все равно будет в восторге. Важно только, чтобы ты не отпугнул ее своими убийственными шуточками. «Я часто говорю, миссис Спотсворт, со свойственным мне остроумием, что, с одной стороны в здешнем саду протекает речка, а с другой стороны... ха-ха-ха! Вы только послушайте — закачаешься... с другой стороны в доме протекает крыша». И она, конечно, немедленно бросится заключать сделку.

— Ну, что ты, моя старушка, разве я способен ляпнуть такое?

— Очень даже способен, мое сокровище. Твоя беда в том, что ты, хоть и лучший из мужчин, но совершенно лишен такта.

Рори усмехнулся. Ему было смешно это слышать.

— Это я-то лишен такта? У нас в «Харридже» тебя бы за такие слова просто подняли на смех.

— Ты должен постоянно держать в голове, как важно для нас продать Рочестер-Эбби.

— Буду помнить. Я всей душой за то, чтобы протянуть старине Биллу руку помощи. Куда же это годится? — перешел Рори к глубокомысленным рассуждениям; он нередко задумывался на подобные темы. — Билл начал свою карьеру с самого низа, как простой наследник графского титула, и благодаря собственной настойчивости и отваге в конце концов достиг того, что стал графом. Но едва только он успел нахлобучить на голову феодальную корону и сказал себе: «Хоп-ля-ля, урра!» — как вдруг происходит социальная революция, и у него отбирают практически все до последнего пенни. М-да, что поделаешь, — заключил Рори со вздохом. — Послушай, Мук, — переменял он тему, — старушка, ты не заметила, что на протяжении нашей беседы, для меня лично крайне приятной, я то и дело, с короткими интервалами, нажимал звонок, но абсолютно безрезультатно? Тут что, Замок Спящей Красавицы? Или ты думаешь, все население этого дома выкосила какая-нибудь чума или холера?

— Да Господи! — воскликнула Моника. — В Рочестер-Эбби никакие звонки не работают со времен Эдуарда Седьмого^[2] по крайней мере. Дядя Джордж, если ему нужно было позвать кого-нибудь из домашнего персонала, запрокидывал голову и выл, как койот.

— Это когда ему требовалось надеть чужие сапоги?

— Надо просто толкнуть дверь и войти. Что я сейчас и сделаю. А ты принеси вещи из машины.

— И куда их поставить?

— Пока на пол в холле, — ответила Мук. — А позже отнесешь наверх.

Моника переступила через порог и вошла в гостиную слева от дверей. В этой комнате во времена ее детства концентрировалась почти вся жизнедеятельность Рочестер-Эбби. Как и в других старинных английских домах таких же размеров, в Рочестер-Эбби имелось много высоких парадных покоев, которыми никогда не пользовались, а также библиотека, куда изредка заходили, и эта гостиная, место встречи всех и вся. Здесь в раннем детстве Моника сидела и читала «Газету для девочек» и здесь же, пока не запретил дядя Джордж, обладавший обостренным обонянием, она держала своих белых кроликов. Это была просторная, уютная, слегка облезлая комната со стеклянными дверями, выходящими на террасу и дальше в сад, через который, как мы уже знаем, протекала речка.

Моника стояла, оглядываясь вокруг и вдыхая старый знакомый аромат табака и кожи и, как всегда, испытывая грустную радость и сожалея о том, что никак нельзя пустить часы в обратную сторону, а в это время из сада в комнату вошла девушка в рабочем комбинезоне, на миг в изумлении застыла при виде ее, а затем восторженно взвизгнула:

— Маленький Мук... Дорогая! Моника обернулась.

— Джил, мой ангел!

И они бросились друг дружке в объятия.

Глава III

Джил Уайверн была молодая, очень миловидная девушка, слегка присыпанная веснушками, и по всему видно, что деловая и толковая. Комбинезон на ней выглядел как военный мундир. Ростом она, как и Моника, была невеличка, и один интеллектуальный поклонник в неопубликованном стихотворении уподобил ее танагрской статуэтке.^[3] Сравнение это, однако же, хромает, поскольку танагрские статуэтки, при всех их достоинствах, довольно статичны, тогда как Джил была подвижная и энергичная. Она обладала пружинистой походкой и в свое время в школе с успехом играла правым крайним в хоккейной команде.

— Милая моя Мук! — проговорила она теперь. — Это в самом деле ты? Я думала, ты на Ямайке.

— Сегодня утром вернулась. Прихватила в Лондоне Рори и на машине сюда. Он там, у крыльца, вытаскивает вещи.

— Как ты загорела!

— Ямайский пляж. Я три месяца работала над этим загаром.

— Тебе к лицу. А Билл не говорил, что ждет вас сегодня. Ты вернулась раньше времени?

— Да, я прервала свои разъезды более или менее досрочно. Мои средства, столкнувшись с нью-йоркскими ценами, тихо скончались. А вот и король торговли.

Вошел Рори, отирая платком пот со лба.

— Что там у тебя в чемоданах, моя милая? Свинец? — Заметив Джил, он замолчал и уставился на нее, наморщив лоб. — Здравствуйте, — произнес он неуверенным тоном.

— Ты ведь помнишь Джил Уайверн, Рори?

— Да, конечно. Джил Уайверн. Само собой. Как ты справедливо заметила, это Джил Уайверн. Ты рассказала ей про свой загар?

— Она сама заметила.

— Действительно, бросается в глаза. Она говорит, что загорала вся без ничего, — доверительно сообщил он Джил. — Старозаветный муж мог бы кое о чем задуматься, а? Но важно разнообразие. Так вы, значит, Джил Уайверн? Как вы выросли!

— С каких пор?

— С тех... с тех пор, как начали расти.

— Вы ведь представления не имеете, кто я, верно?

— Ну, этого я бы не сказал...

— Я вам напомню. Я была на вашей свадьбе.

— Для этого вы слишком молоды.

— Мне было пятнадцать. Меня поставили смотреть за собаками, чтобы не прыгали на гостей. Шел, как вы наверно помните, проливной дождь, и у них лапы были в грязи.

— Бог ты мой! Теперь я вас вспомнил. Значит, вы и есть та противная девчонка? Я тогда заметил, как вы вертитесь под ногами, и еще подумал, ну и пугало!

— Мой муж славится утонченными манерами, — вмешалась Моника. — Его нередко называют современным графом Честерфилдом. [\[4\]](#)

— Я как раз собирался добавить, — самодовольно возразил Рори, — что она за это время заметно улучшилась с виду, так что, как мы видим, никогда не следует отчаиваться. А после того случая мы разве больше не встречались?

— Встречались спустя год или два, когда вы здесь гостили летом. Я тогда только начала выезжать и, должно быть, выглядела еще противнее прежнего.

Моника вздохнула.

— Ах, эти выезды в свет! Старый добрый рынок невест! Так и вспоминаешь собственную молодость. Очки долой, зубные пластинки вон!

— Затянуться, чтобы где надо, было выпукло, а где надо, впукло, — последовал вклад Рори, и Моника строго взглянула на мужа.

— А тебе-то откуда известны такие подробности?

— Да так, бываю в нашем Отделе дамского белья. Джил рассмеялась.

— Мне лично больше всего запомнились панические семейные советы на тему о моих хоккейных руках. Я должна была часами ходить, держа руки над головой.

— Ну, и каков результат? Оправдались затраты?

— В каком смысле?

Моника, доверительно понизив голос, растолковала:

— В смысле жениха. Подцепила что-нибудь стоящее?

— На мой взгляд, да. Собственно говоря, вы, сами того не ведая, залетели в высокие сферы. Перед вами не кто-нибудь, а будущая графиня Рочестерская.

Моника восторженно взвизгнула.

— То есть вы с Биллом помолвлены?

— Вот именно.

— Давно?

— Уже несколько недель.

— Я страшно рада. Вот уж не думала, что у Билла хватит ума на это.

— Действительно, — со свойственным ему тактом подтвердил Рори. — Событие, которому нельзя не удивиться. Билл, насколько я помню, всегда предпочитал пухленьких, пышнотелых красоток. Я был свидетелем многих его страстных увлечений особами, выглядевшими как помесь Царицы фей с чемпионом по классической борьбе. Была одна хористочка в мюзик-холле «Ипподром»...

Тут ему пришлось прервать этот поток увлекательных для невесты воспоминаний, чтобы громко охнуть, поскольку Моника предусмотрительно лягнула его по лодыжке.

— Расскажи нам, дорогая, как это произошло? — попросила она. — Неожиданно?

— Да, совершенно неожиданно. Он помогал мне дать корове болюс...

Рори вытаращил глаза.

— Что дать корове?

— Болюс. Это такая большая пилюля, которую дают коровам. И не успела я опомниться, как он вдруг схватил мою руку и говорит: «Слушай, когда мы с этим управимся, ты выйдешь за меня замуж?»

— Какое красноречие! Рори, делая мне предложение, сказал только: «Э-э, как насчет того, чтобы, а?...»

— Да, а перед тем еще три недели репетировал, — уточнил Рори. Он снова наморщил лоб, явно пытаясь что-то сообразить. — Этот болюс, пилюля, про которую вы сейчас говорили... Я не вполне понял. Вы давали его корове, верно?

— Да, больной корове.

— Ах, больной корове? Тут я чего-то недопонимаю. Необходимо кое-что уточнить. Почему, собственно, вы давали болюс больной корове?

— Это моя работа. Я местный ветврач.

— Кто-кто? Не хотите ли вы случайно сказать, что вы ветеринар?

— Именно. Дипломированный специалист. Мы все теперь трудящиеся.

— Рори с умудренным видом кивнул.

— Глубоко верно. Я и сам солдат армии труда.

— Рори работает в «Харридже», — уточнила Моника.

— Правда?

— Старший продавец в секции «Шланги, газонокосилки и поилки для птиц», — пояснил Рори. — Но это лишь временно. Ходят упорные слухи о повышении по службе и переводе в секцию «Стекло, фигурки и фарфор».

А оттуда всего лишь шаг до «Дамского белья».

— Мой герой! — Моника нежно поцеловала мужа. — Держу пари, они там все позеленеют от зависти.

Рори, скандализированный, поспешил возразить:

— Ну, что ты! Нет, конечно. Народ бросится пожимать мне руку, шлепать по спине. У нас в «Харридже» царит замечательный дух товарищества, один за всех и все за одного.

Моника снова обратилась к Джил:

— А твой отец не возражает против того, что ты разъезжаешь повсюду и даешь болюсы коровам? Отец Джил, — объяснила она мужу, — начальник полиции графства.

— А-а, очень приятно, — сказал Рори.

— Я бы думала, что он будет против.

— Нет-нет. Мы теперь все где-нибудь работаем. За исключением моего брата Юстаса. Он прошлой зимой выиграл в Литтлвуде крупную сумму в бильярд и стал чванливым богачом. Со всей родней держится так надменно. Одним словом, великосветский фат.

— Какой снобизм! — горячо отозвался Рори. — Меня возмущают классовые различия.

Он собрался было распространиться на эту тему, поскольку имел поданному вопросу твердые взгляды, но в эту минуту раздался телефонный звонок, и он потрясенный оглянулся вокруг.

— Господи ты Боже мой! Вы что, хотите сказать, что старина Билл заплатил за телефон?

Моника подняла трубку.

— Алло?.. Да, это Рочестер-Эбби... Нет, лорда Рочестера в настоящее время нет дома. Это его сестра леди Кармойл. Номер его автомобиля? Я даже не знала, что у него вообще есть автомобиль. — Она обернулась к Джил. — Ты не знаешь номер машины Билла?

— Нет. А почему они спрашивают?

— Почему вы спрашиваете? — повторила Моника в телефон. Она подождала минуту и положила трубку. — Разъединили.

— Кто это был?

— Не назвался. Просто голос из пустоты.

— Как вы думаете, а вдруг Билл попал в аварию? — встревожилась Джил.

— Ну, что вы! — успокоил ее Рори. — Он слишком хорошо водит машину. Наверно остановился по дороге купить сока или чего-нибудь, а им понадобился его номер, записать в книгу должников. Но когда люди звонят

по телефону и не называют своего имени, это всегда производит неприятное впечатление. У нас был один, работал помощником старшего продавца в секции «Варенья, соусы и консервы», ему однажды ночью позвонил Таинственный Голос, не назвался, и короче говоря...

— Прибереги эту историю на после обеда, о, мой король рассказчиков, — прервала его Моника. — Если, конечно, тут будет обед, — добавила она с сомнением.

— Разумеется, будет обед, — сказала Джил. — И вы убедитесь, что он тает во рту. У Билла очень хороший повар.

Моника удивленно захлопала глазами.

— Повар? Это в наши времена? Не могу поверить. Может, еще скажешь, что у него есть горничная?

— Есть. По имени Эллен.

— Опомнись, дитя. Ты бредишь. Горничных не бывает.

— А у Билла есть. И садовник есть. И дворецкий, замечательная личность по имени Дживс. И Билл еще подумывает нанять мальчика, чтобы чистил ножи и обувь.

— Милосердные небеса! Прямо какой-то ханский дворец. — Моника вдруг что-то вспомнила. — Дживс, ты сказала? Почему это имя мне знакомо?

Рори поспешил пролить свет:

— Берти Вустер. У него слугу зовут Дживс. Наверно его брат или тетка.

— Нет, — возразила Джил. — Это он и есть. Билл получил его в ленд-лиз.

— Но как же Берти-то без него обходится?

— По-моему, мистер Вустер сейчас в отъезде. Во всяком случае, Дживс сам в один прекрасный день явился сюда и объявил, что готов принять на себя обязанности дворецкого, ну и, естественно, Билл за него ухватился. Это не человек, а сокровище. Билл говорит, что он «старой закалки», не знаю точно, что это значит.

Моника все еще недоумевала.

— А средства на все это? Он платит жалованье своим придворным или только одаривает их время от времени обворожительной улыбкой?

— Ну конечно платит. Щедро. Еженедельно по субботам расшвыривает кошельки с золотом.

— Откуда же он его берет?

— Зарабатывает.

— Не смей меня. Билл за всю жизнь не заработал ни пенни,

исключая раннее детство, когда ему платили по два пенса за прием касторки. Где он мог заработать?

— Он делает какую-то работу для Сельскохозяйственного Совета.

— Ну, на этом не разбогатеешь.

— А вот Билл сумел. Наверно ему платят больше, чем другим, за то, что очень хорошо исполняет свои обязанности. В чем они состоят, я на самом деле точно не знаю. Он садится утром в машину и уезжает. Я думаю, инспектирует. Собирает сведения по вопросникам. А так как с цифрами он не особенно в ладах, с ним ездит Дживс.

— Ну, что ж. Замечательно, — сказала Моника. — А то я испугалась, не принялся ли он снова играть на скачках. Было время, я страшно за него беспокоилась, когда он гонялся с ипподрома на ипподром в своем сером цилиндре, и еще носил в нем сэндвичи.

— Нет-нет, это исключено. Я взяла с него честное благородное слово, что он никогда больше не поставит деньги на лошадь.

— Разумная мера, — одобрил Рори. — Хотя, конечно, иногда немного встряхнуться невречно. Мы в «Харридже» устраиваем маленький тотализатор на разные важные события. По пять шилингов. Ставки крупнее не поощряются начальством.

Джил подошла к стеклянной двери в сад.

— Ну, хорошо, — сказала она. — Мне вообще-то некогда тут болтать, меня работа ждет. У Билла приболел ирландский терьер, я зашла взглянуть, как он.

— Дайте ему болюс.

— Я применяю новую американскую мазь. У бедняги чесотка. Увидимся еще сегодня.

И Джил ушла по делам милосердия, а Рори обернулся к Монике. От его обычной флегмы не осталось и следа. Он оживился, принял пронизательный вид, ну просто Шерлок Холмс, напавший на след преступника.

— Мук.

— Да?

— Что ты на это скажешь, старушка?

— На что?

— На это внезапное обогащение Билла. Тут явно что-то не так. Если бы у него завелся один дворецкий, это бы еще можно было понять: переодетый судебный исполнитель. Ну, а горничная? А повар? И автомобиль? И, черт возьми, оплаченные счета за телефон?

— Да, я согласна. Это странно.

— Не просто странно. Смотри сама. Когда я прошлый раз посещал Рочестер-Эбби, Билл находился в состоянии полного безденежья, естественном для представителя английских высших классов наших дней, — выпивал кошкино молоко и подбирал сигарные окурки в сточных канавах. Приезжаю теперь и что же я вижу? Дворецкие в каждом углу, повсюду, куда ни глянь, — горничные, на кухне повара теснятся у плиты, тут и там ирландские терьеры, да еще раздаются фантастические разговоры про мальчиков для чистки обуви и ножей. Это... это... Забыл слово. Ну, как это говорится?

— Не знаю, что ты хочешь сказать.

— Знаешь. Начинается на «ир».

— Ирак? Ирвинг? Иррадиация?

— Да нет. Иррационально, вот какое слово. Все это совершенно иррационально. Разговоры про работу для Сельскохозяйственного Совета конечно отбрасываем, это чистая лапша на уши. Сказки для маленьких. Таким роскошеством на жалованье от Сельскохозяйственного Совета не обзаведешься. — Рори замолчал и погрузился в задумчивость. — Слушай, а что если Билл решил пойти в джентльмены-грабители?

— Не говори глупостей.

— А что, некоторые идут. Рэффлс, ^[5] например, если помнишь, был джентльменом-грабителем и жил вполне неплохо. Или, может быть, он кого-то шантажирует?

— Господи, Рори, ну что ты такое говоришь?

— Выгодное занятие, насколько я знаю. Присмотришь себе какого-нибудь богача, проведешь его гнусные тайны и шлешь ему письмо, что, мол, тебе все известно и пусть он положит десять тысяч фунтов мелкими купюрами под столб на второй миле Лондонского шоссе. Потратишь эти десять тысяч, берешь с него еще столько же. Сумма со временем возрастает, и вот тебе разгадка всех этих дворецких, горничных и прочего.

— Если ты будешь меньше плести чушь и перенесешь наверх больше чемоданов, мир станет значительно лучше.

Рори подумал и понял, что от него требуется.

— Ты хочешь, чтобы я перенес чемоданы наверх?

— Вот именно.

— Будет исполнено. Девиз «Харриджа»: сервис.

Снова зазвонил телефон. Рори возвратился и поднял трубку.

— Алло? — Он вздрогнул. — Кто-кто? Господи ты Боже мой! Хорошо. Его сейчас нет, но я передам. — Он положил трубку. На лице у него появилось ответственное выражение. — Мук, — проговорил он

торжественно, — может быть, впредь ты будешь серьезнее относиться к моим словам и перестанешь отмахиваться и высмеивать мои теории. Звонили из полиции.

— Из полиции?

— Хотели поговорить с Биллом.

— О чем?

— Не сказали. Не полагается, ты что, не понимаешь? Запрещено законом о государственной тайне и прочих таких вещах. Но круг смыкается, старушка. Его уже обложили со всех сторон.

— А может, они просто хотят, чтобы он приехал раздавать призы участникам какого-нибудь полицейского состязания.

— Сомневаюсь. Но ты конечно можешь придерживаться этой версии, если тебе так легче. Значит, ты говоришь, отнести чемоданы наверх? Будет исполнено незамедлительно. Пошли, ты будешь меня вдохновлять словом и жестом.

Глава IV

Они ушли, и какое-то время тишину летнего вечера нарушал только доносившийся с лестницы глухой стук восхождения покорного мужа с тяжелыми чемоданами в обеих руках. Потом замер и он, и сонное безмолвие снова воцарилось в Рочестер-Эбби. Но вот, сначала тихий, издалека, затем все громче, ближе стал слышен шум автомобильного мотора. После того как он, усилившись, оборвался, через стеклянную дверь из сада вошел молодой человек. Ввалился на подкашивающихся ногах, учащенно дыша, подобно загнанной лани, которая желает к потокам воды. [6] Вынув дрожащими руками из кармана портсигар, вошедший закурил; видно было, что его одолевают тягостные мысли.

Впрочем, мысли — это условно говоря. Потому что Вильям, девятый граф Рочестер, который, бесспорно, был очень мил, и все, кто его знал, относились к нему с искренней симпатией, никак не мог считаться мыслителем. Еще в его детские годы близкими было замечено, что хотя сердце у него золотое, маленьких серых клеточек в мозгу явный недобор, так что, согласно общему мнению, кому бы ни досталась следующая Нобелевская премия, это будет не Билл Ростер. В «Клубе Трутней», членом которого он заделался сразу по окончании школы, его по части интеллекта ставили где-то между Фредди Уидженом и Понго Туислтоном, то есть на одно из самых последних мест. Более того, некоторые утверждали, что в умственном развитии он отстает даже от «Дубины» Фодеринг-Фиппса.

Зато следует отметить, что Билл, как все в их роду, был исключительно хорош собой, — хотя те, кто так считал, возможно, изменили бы свое мнение, если бы увидели его в данную минуту. Ибо мало того, что на нем был пиджак в крупную пеструю клетку с оттянутыми набитыми карманами и галстук вырви глаз, расцвеченный голубыми подковами на малиновом фоне, но вдобавок еще левый глаз закрывала большая черная нашлепка, а над верхней губой нависали пышные рыжие усы, напоминающие швабру без палки. В мире бритых лиц, в котором мы живем, нечасто встретишь у человека такую почти тропическую растительность; да и не особенно хочется, по правде говоря.

Черная нашлепка и рыжие усищи — это дурно, но что девятый граф все же еще способен к раскаянию, было видно из того, как он подпрыгнул, точно балетный танцор, когда, прохаживаясь по комнате, случайно заметил в старинном зеркале свое отражение.

— Боже милостивый! — воскликнул он, отшатнувшись. Торопливо снял с глаза нашлепку, сунул в карман, сорвал с губы злокачественную растительность и, изогнувшись, вылез из клетчатого пиджака. После этого он подошел к окну, высунул голову наружу и сдавленным, заговорщицким голосом позвал:

— Дживс!

Ответа не последовало.

— Эй, Дживс, где вы? Снова тишина.

Билл свистнул. Свистнул еще раз. Так он стоял на пороге между комнатой и террасой и свистел, когда дверь сзади него отворилась, и показалась величавая фигура.

Человек, вошедший — или правильнее будет сказать: вступивший — в комнату, был высок, темноволос и важен. Это мог быть иностранный посол из приличной семьи или нестарый первосвященник какой-нибудь утонченной, солидной религии. В глазах его светился ум, правильные черты лица выражали феодальную верность и готовность к услугам. Словом, это был типичный джентльмен, слуга джентльмена, с высокоразвитыми благодаря рыбной диете мозгами, которые он теперь был рад почтительно предоставить в распоряжение молодого господина. Он держал переброшенный через руку пиджак в спокойных тонах и консервативной расцветки галстук.

— Вы свистели, милорд? Билл обернулся.

— Дживс! Каким образом вы ухитрились туда пробраться?

— Я отвел машину в гараж, милорд, а потом вошел в дом через людскую половину. Ваш пиджак, милорд.

— Спасибо. Я вижу, вы переоделись.

— Я счел, что так будет лучше, милорд. Когда мы выезжали на шоссе, тот господин был уже совсем близко, он может пожаловать сюда с минуты на минуту. Если бы его встретил дворецкий в клетчатом костюме и накладных усах, это могло бы возбудить его подозрения. Рад видеть, что вы, ваше сиятельство, уже сняли этот довольно заметный галстук. Он превосходно способствует созданию соответствующей атмосферы на скачках, но едва ли подходит для частной жизни.

Билл с содроганием покосился на отталкивающий предмет мужского туалета.

— Он мне с самого начала внушал отвращение, Дживс. Весь в каких-то ужасных подковах... бррр. Засуньте его куда-нибудь подальше. И пиджак тоже.

— Очень хорошо, милорд. Вон тот сундук, я полагаю, сможет

послужить им временным вместилищем. — Дживс подобрал пиджак и галстук и прошел в дальний конец комнаты, где стоял старинный дубовый сундук для приданого, переходивший из поколения в поколение в роду Рочестеров. — Да, — удостоверился Дживс. — «Не так глубоок, как колодезь, и не так широк, как церковные врата,^[7] но и этого хватит».

Аккуратно сложив эти неприятные вещи, он поместил их на дно и опустил крышку. Даже такие простые действия Дживс совершал со спокойным достоинством, которое произвело бы глубокое впечатление на зрителя, не столь взбудораженного, как Билл. Выглядело это все так, как будто полномочный посол великой державы возлагает венок на гробницу почившего монарха.

Но Билл, как мы уже сказали выше, был взбудоражен. На него наибольшее впечатление произвела фраза, сорвавшаяся несколько раньше с уст великого человека.

— То есть как это он может пожаловать с минуты на минуту? — переспросил он. Известие, что ему может нанести визит краснорожий субъект с оглушительным голосом, осыпавший его бранью всю дорогу от Эпсума до Саутмолтоншира, его не слишком обрадовало.

— Не исключено, что он разглядел и запомнил номер нашего автомобиля, милорд. Если ваше сиятельство помнит, он довольно продолжительное время имел возможность рассматривать нас с тыла.

Билл рухнул в кресло и отер со лба одинокую каплю пота. Такого оборота дел он не предвидел. И теперь перед лицом неожиданной опасности у него словно размякли кости.

— А, черт! Об этом я и не подумал. Теперь он узнает имя владельца и явится сюда.

— Да, милорд, такое предположение вполне правдоподобно.

— Вот дьявольщина, Дживс!

— Да, милорд.

Билл снова провел по лбу платком.

— Ну, и что же мне тогда делать?

— Я бы порекомендовал равнодушие и полнейшее непонимание, о чем идет речь.

— С эдаким легким смешком?

— Вот именно, милорд.

Билл попробовал издать легкий смешок.

— Как на ваш слух, Дживс?

— Не слишком удачно, милорд.

— Больше похоже на предсмертный хрип, а?

— Да, милорд.

— Придется разок прорепетировать.

— Не один раз, милорд. Тут нужна убедительность. Билл сердито пнул скамеечку.

— Откуда я вам возьму убедительность, когда у меня нервы в таком состоянии?

— Вполне понимаю ваши чувства, милорд.

— Да я весь дрожу. Вы видели когда-нибудь бланманже под штормовым ветром?

— Нет, милорд, мне не случалось наблюдать такого природного явления.

— Оно трясется. Вот и я тоже.

— Вполне естественно, что после такого испытания вы несколько перевозбуждены.

— Вот именно что испытания. Мало того, что грозила ужасная опасность, но еще пришлось так позорно улепетывать.

— Я бы не назвал наши действия улепетыванием, милорд. Правильнее сказать — стратегический отход. Это общепризнанный военный маневр, его использовали все великие тактики прошлого, когда того требовала обстановка. Не сомневаюсь, что и генерал Эйзенхауэр прибегал к нему при случае.

— Но только за ним наверняка не гнался с пеной у рта взбесившийся игрок в тотализатор и не орал во всю глотку: «Держи мошенника!»

— Возможно, что нет, милорд. Билл погрузился в грустные думы.

— Это слово, «мошенник», его особенно неприятно было слышать.

— Я вполне вас понимаю, милорд. Оно вызывает возражения как недопустимое, несущественное и не идущее к делу, говоря словами юристов. Ведь ваше сиятельство по пути домой неоднократно высказывались в том смысле, что намерены вернуть деньги тому господину.

— Ну, разумеется, намерен. Тут и спорить не о чем. Естественно, возмещу все, до последнего пенни. Ноблес... как это говорится, Дживс?

— Оближ, милорд.

— Вот именно. На карту поставлена честь Рочестеров. Но мне нужно время, черт подери, чтобы сколотить такую сумму: три тысячи фунтов два шилинга и шесть пенсов.

— Три тысячи пять фунтов два шилинга и шесть пенсов, милорд. Вы забываете изначальные пять фунтов, поставленные тем господином.

— Верно. Из головы вылетело. Вы сунули его пятерку в карман брюк,

и мы так с нею и уехали.

— Совершенно верно, милорд. Итого, общая сумма вашей задолженности капитану Биггару...

— Это его так зовут?

— Да, милорд. Капитан К. Дж. Брабазон-Биггар, клуб «Объединенные Странники», Нортумберланд-авеню, Лондон, W.C.2. Как секретарь вашего сиятельства я записал его фамилию и адрес на билете, который сейчас находится у него. А согласно корешку, который он предъявил и я в качестве вашего секретаря у него принял, ему от вас следует получить три тысячи пять фунтов два шиллинга и шесть пенсов.

— О, Господи.

— Да, милорд. Сумма значительная. Немало бедняков были бы рады трем тысячам пяти фунтам двум шиллингам и шести пенсам.

Билл поморщился.

— Я был бы вам признателен, Дживс, если бы вы нашли возможным как-то обойтись без повторения этих цифр.

— Хорошо, милорд.

— Они уже намалеваны на моем сердце разноцветными красками.

— Конечно, милорд.

— Кто это говорил, что когда он — или это была она? — умрет, у него — или у нее — на сердце окажется записано какое-то слово?

— Королева Мария Шотландская, милорд, предшественница великой королевы Елизаветы Тюдор. Слово было — «Кале», а в целом замечание должно было выражать ее горе в связи с утратой этого города.

— Ну так вот, когда я умру, что произойдет очень скоро, если я и дальше буду себя чувствовать так, как сейчас, взрежьте мою грудную клетку, Дживс...

— Как прикажете, милорд.

— ...и, готов спорить на два шиллинга, вы найдете, что на моем сердце запечатлены слова: «Три тысячи пять фунтов два шиллинга и шестипенсовик».

Билл встал и нервно прошелся по комнате.

— Каким образом можно наскрести такую сумму, Дживс?

— Тут потребуется серьезная и длительная экономия, милорд.

— Еще бы. На долгие годы.

— А капитан Биггар производит впечатление человека довольно нетерпеливого.

— Это я и без вас заметил.

— Да, милорд.

— Давайте сосредоточимся на настоящем моменте.

— Хорошо, милорд. Будем помнить, что жизнь человеческая вся уместается в краткой текущей минуте, а что до остального, то прошлое ушло, а будущего еще не существует.

— Как вы сказали?

— Это Марк Аврелий, милорд.

— Ах, да? А я говорю, давайте сосредоточимся на том, что будет, если этот господин Биггар вдруг прикатит сюда. Он меня узнает, как вы думаете?

— Я склонен думать, что нет, милорд. Усы и нашлапка на глазу обеспечивали вполне надежную маскировку. Ведь за прошедшие несколько месяцев мы имели дело со многими вашими знакомыми...

— И ни один не догадался, что это я!

— Совершенно верно. Тем не менее при данных обстоятельствах приходится считать сегодняшнее происшествие своего рода финалом. Очевидно, что на завтрашних скачках наше появление невозможно.

— Я-то рассчитывал, что мы отхватим на Дерби кругленькую сумму.

— Я тоже, милорд. Но после того, что случилось, всякую букмекерскую деятельность следует считать приостановленной на неопределенный срок.

— А может, рискнем еще разок, напоследок?

— Нет, милорд.

— Конечно, я понимаю. Стоит нам появиться утром в Эпсоме, и первый человек, с которым мы столкнемся, будет этот самый капитан Биггар.

— Как бес Аполлион,^[8] стоящий на пути. Вот именно, милорд. Билл провел ладонью по своей встрепанной шевелюре.

— Эх, если бы я не спустил те деньги, что мы набрали в Ньюмаркете!

— Да, милорд. «И слов грустней не сочинить, Чем: "Так могло бы быть!"» Уиттьер.^[9]

— Вы предостерегали меня.

— Я понимал, что мы не в том положении, чтобы идти на такой риск. Потому я вам так настойчиво советовал вторую ставку капитана Биггара не принимать. Чувало мое сердце. Конечно, вероятность, что этот дубль окажется выигрышным, была невелика, но когда я увидел, как Мамаша Уистлера проходит к старту под нашей трибуной, у меня кошки на душе заскребли. Эти длинные ноги, этот могучий круп...

— Перестаньте, Дживс.

— Хорошо, милорд.

— Я хочу забыть Мамашу Уистлера.

— Понимаю вас, милорд.

— А кто он вообще-то такой, этот Уистлер?

— Довольно известный художник — пейзажист, портретист и жанрист, милорд, родился в Лоуэлле, штат Массачусетс, в 1834 году. Его «Портрет моей матери», написанный в 1872 году, особенно ценимый знатоками, был в 1892 году приобретен французским правительством для Люксембургской галереи в Париже. Его работы отмечены печатью индивидуальности и славятся изысканной гармонией красок.

Билл перевел дух.

— Какой, вы говорите, гармонией? Изысканной?

— Да, милорд.

— Понятно. Спасибо, что вы мне сказали. А то я очень беспокоился насчет его гармонии. — Билл задумался. — Дживс, если дело примет наихудший оборот и Биггар схватит меня за руку, можно ли рассчитывать, что мне скостят срок по закону об игорных долгах?

— Боюсь, что нет, милорд. Вы взяли у этого господина наличные. Это денежная сделка.

— Значит, по-вашему, это кутузка?

— Полагаю, что так, милорд.

— И вас тоже заметут, как моего секретаря?

— Вполне возможно, милорд. Тут я не вполне уверен. Надо будет проконсультироваться с моим адвокатом.

— Но мне точно светит посадка?

— Да, милорд. Но сроки, как я слышал, дают небольшие.

— Представляете себе, что будет в газетах? Девятый граф Рочестер, чьи предки проявили отвагу на поле брани при Азинкуре, позорно бежал с поля в Эпсоме, преследуемый расвишавшим игроком на скачках. Мальчишки-газетчики с ума сойдут от счастья.

— Да, можно не сомневаться, что обстоятельства обращения вашего сиятельства к общедоступному букмекерству привлекут широкий общественный интерес.

Билл, расхаживавший по комнате из угла в угол, замер на одной ноге и устремил на собеседника взгляд, полный укоризны.

— А чья это была идея, чтобы я пошел в общедоступные букмекеры? Ваша, Дживс. Не хочу вас бранить, но признайтесь: это вы придумали. Вы были, этим самым, как это говорится?..

— Fons et origo mali, [\[10\]](#) милорд? Не отрицаю. Но если помните,

милорд, мы тогда оказались в довольно затруднительном положении. Было ясно, что предстоящая женитьба вашего сиятельства требует увеличения доходов. Мы просмотрели в телефонном справочнике весь раздел объявлений о вакансиях, надеясь найти какое-нибудь занятие для вашего сиятельства. И исключительно потому, что ничего подходящего не попадалось, а дошли уже до буквы «р», я выдвинул предложение насчет Регистрации ставок на ипподроме, просто *faute de mieux*.

— Фо де что?

— *Mieux*, милорд. Французское выражение. Мы бы сказали: «За неимением лучшего».

— Ослы эти французы! Нет чтобы говорить просто по-английски.

— Может быть, их надо скорее жалеть, чем винить, милорд. Беда в том, что их с детства так воспитывали. Я говорю, милорд, мне подумалось, что это будет счастливым выходом из всех ваших затруднений. В Соединенных Штатах Америки букмекеров считают людьми низшего сорта, и вообще их даже преследует полиция, но в Англии все совершенно иначе. Здесь это люди уважаемые, их благосклонности всячески добиваются. Современная мысль видит в них новую аристократию. Они много зарабатывают и вдобавок еще пользуются исключительным правом не платить налоги.

Билл покаянно вздохнул.

— Мы тоже немало сколотили до этого случая в Ньюмаркете.

— Да, милорд.

— И где теперь эти деньги?

— Действительно, где, милорд?

— Не надо было так тратиться, чтобы привести в порядок дом.

— Возможно, милорд.

— И было ошибкой, что я оплатил счета портного.

— Я согласен с вами, милорд. Тут ваше сиятельство, как говорится, перегнули палку. Еще древние римляне советовали: *ne quid nimis**.

— Да, это было неосмотрительно с моей стороны. Но что толку теперь стонать?

— Ни малейшего, милорд. «То, что начертано рукою Провиденья...

— Послушайте!

— ...уж недоступно впредь для измененья, Ни доводам ума, ни знаниям богослова, И никаким слезам не смыть судьбы решенья». Вы что-то сказали, милорд?

— Я только хотел попросить вас остановиться.

— Разумеется, милорд, как скажете.

— Я что-то не в настроении сегодня слушать стихи.

— Очень хорошо, милорд. Я привел эту цитату из персидского поэта Омара Хайяма, просто потому что она очень подходит к настоящему моменту. Могу ли я задать вашему сиятельству вопрос?

— Да, Дживс?

— А мисс Уайверн знает о ваших профессиональных связях с миром скачек, милорд?

При одном только этом предположении Билла всего передернуло.

— Нет, конечно. С ней бы случилось сто родимчиков, услышь она такое. Я в общем-то дал ей понять, что работаю при Сельскохозяйственном Совете.

— Очень уважаемое учреждение.

— Не то чтобы я прямо так ей сказал. Но я раскидал по всему дому их издания и позаботился о том, чтобы они попались ей на глаза. Вам известно, что Сельскохозяйственный Совет напечатал семьдесят девять вопросников, не считая семнадцати брошюр?

— Нет, милорд, этого я не знал. Показывает большое усердие.

— Редкое усердие. Они там из кожи вон лезут, эти ребята.

— Да, милорд.

— Но мы уклонились от темы, а речь шла о том, что мисс Уайверн ни при каких обстоятельствах не должна узнать страшную правду. Это был бы конец всему. Когда мы обручились, она выдвинула непереносимое условие, чтобы я раз и навсегда перестал ставить на лошадей, и я дал слово, что больше не поддамся соблазну. Вы конечно можете сказать, что быть букмекером — не то же самое, что играть на скачках, но боюсь, мисс Уайверн вам в этом не убедить.

— Разница действительно тонкая, милорд.

— Стоит ей узнать, и все пропало.

— Мы не услышим свадебных колоколов?

— Это уж точно. Я и охнуть не успею, как она возвратит меня по месту покупки. Так что если она начнет задавать вопросы, смотрите, не проговоритесь. Молчите, даже если она будет вставлять вам горящие спички между пальцами ног.

— Такая опасность маловероятна, милорд.

— Наверное. Я просто хочу сказать, что бы ни случилось, Дживс, храните тайну и ничего не говорите.

— Вы можете на меня положиться, милорд. Как вдохновенно выразился Плиний Младший...

Билл поднял руку.

— Хорошо, хорошо, Дживс.

— Как скажете, милорд.

— Плиний Младший меня не интересует.

— Да, милорд.

— По мне так вы можете взять вашего Плиния Младшего и засунуть туда, где обезьяна складывает орехи.

— Конечно, милорд.

— А теперь оставьте меня, Дживс. У меня уйма тяжких забот. Ступайте и принесите мне виски с содой, да покрепче.

— Очень хорошо, милорд. Я займусь этим сей же час. Дживс растаял с выражением почтительного сочувствия на лице, а Билл опустился в кресло и сжал голову ладонями. С губ его сорвался глухой стон. Получилось недурно. Билл простонал вторично.

Он уже готовился к третьей попытке, так чтобы стон шел из самой глубины души, прямо от пяток, когда голос рядом произнес:

— Господи, Билл, что случилось?

Возле него стояла Джил Уайверн.

Глава V

Джил после ухода из гостиной успела натереть американской мазью ирландского терьера Майка, посмотреть пова-рихину золотую рыбку, которая вызвала в кухне переполох тем, что отказалась есть муравьиные яйца, а затем еще произвела обход свиней и коров и одной из последних дала боллус. В приятном сознании выполненного долга она вернулась в дом, радуясь предстоящей встрече с любимым, который, по ее расчетам, должен был возвратиться из поездки по делам Сельскохозяйственного Совета и будет вполне расположен поболтать о том о сем на досуге. Потому что хотя в Сельскохозяйственном Совете и сообразили, какой исключительно ценный работник им достался, и, вполне естественно, норовят выжать из него как можно больше, но все-таки у них хватает человеколюбия примерно ко времени вечернего коктейля отпускать бедного труженика на волю.

Каково же было ей застать жениха сжимающим голову ладонями и издающим стоны!

— Билл, да что с тобой? — повторила она.

Билл подскочил, как ужаленный. Звук любимого голоса, раздавшийся неожиданно, точно гром среди ясного неба, в то время когда он полагал, будто находится один на один со своим горем, подействовал на него так, словно сзади ему в седалище вонзились зубья циркулярной пилы. Заговори с ним сам капитан К. Дж. Брабазон-Биггар, член клуба «Объединенных Странников», что на Нортумберланд-авеню, и тогда бы он не переполошился сильнее. Он стоял перед Джил с отвисшей челюстью и весь, с головы до ног, мелко дрожал. Дживс, оказись он свидетелем этой сцены, наверняка припомнил бы Макбета, увидевшего на пиру призрак Банко.

— Нич-ч-ч-чего, — ответил Билл через четыре «ч». Джил смотрела на него серьезным, вдумчивым взглядом.

У нее, как у многих хороших, серьезных девушек, вообще был такой взгляд, прямой и честный, и Биллу это в ней очень нравилось. Но в данную минуту он предпочел бы что-нибудь не так глубоко проникающее в душу. У человека с нечистой совестью вырабатывается аллергия на серьезные, вдумчивые взгляды.

— Нич-чего, — повторил он, уже несколько кратче и четче. — Как это, что со мной? Ничего со мной. Почему ты спросила?

— Потому что ты стонал, как пароходная сирена в тумане.
— Ах, вот ты о чем. Просто небольшая невралгия.
— Головная боль?
— Да, разыгралась вот. У меня был трудный день.
— Да что случилось? Севоборот нарушился? Или свиноматки выступили за сокращение рождаемости?

— Сегодня меня беспокоили главным образом лошади, — подавленно признался Билл.

Во взоре Джил мелькнуло подозрение. Там, где дело касалось ее любимого, она, как все хорошие, серьезные девушки, становилась настоящим Пинкертоном.

— Ты что, опять играл на скачках? Билл захлопал глазами.

— Кто? Я?!

— Ты дал мне торжественное обещание, что не будешь. О, Господи, Билл, какой ты глупец! За тобой смотреть труднее, чем за трупной дрессированных тюленей. Неужели ты не понимаешь, что просто бросаешь деньги на ветер? Каким надо быть тупицей, чтобы не видеть, что у ставящих на лошадь нет против букмекеров никаких шансов? Я знаю, рассказывают про какие-то фантастические выигрыши в дубль, когда за одну пятерку можно получить тысячи фунтов, но на самом же деле ничего этого не бывает. Что ты сказал?

Билл ничего не сказал. Звук, вырвавшийся из его сжатых губ, был просто тихим стоном, какой мог бы издать сжигаемый на костре индеец из наиболее экспансивных.

— Иногда бывает, — глухо возразил он. — Я знаю такие случаи.

— У тебя этого все равно не может быть. Тебе с лошадьми не везет.

Билла перекорежило. Все это здорово напоминало казнь на медленном огне.

— Да, — проговорил он. — Теперь я в этом убедился.

Взгляд Джил сделался еще прямее и проницательнее.

— Признайся честно, Билл, ты поставил на лошадь в Дубках и проиграл?

Это было прямо противоположно тому, что произошло в действительности, так что он даже слегка взбодрился.

— Ничего похожего.

— Побожись.

— Сейчас, кажется, начну божиться и чертыхаться.

— Ты ни на кого не ставил в Дубках?

— Разумеется, нет.

- Тогда что с тобой?
- Я же сказал. Голова болит.
- Бедняжка. Дать тебе что-нибудь?
- Нет, спасибо. Дживс пошел за виски с содой.
- А поцелуй не поможет, пока суд да дело?
- Поцелуй возвратит жизнь умирающему.

Джил поцеловала его, но немного рассеянно. Вид у нее был задумчивый.

- Дживс ведь сегодня ездил с тобой, правда?
- Да, я брал его.
- Ты всегда берешь его в эти поездки?
- Да.
- И куда же вы ездите?
- Объезжаем разные точки.
- И что делаете?
- Да так, то да се.
- Понятно. Как голова?
- Спасибо. Чуть получше.
- Это хорошо.

Они немного помолчали.

- У меня раньше тоже бывали головные боли, — сказала Джил.
- Сильные?
- Очень. Мучительные.
- Да, штука неприятная.

— Крайне. Однако, — продолжала Джил уже громче и с некоторым металлом в голосе, — я при головной боли, даже самой жестокой, никогда не выглядела как беглый каторжник, который прячется за кустом и прислушивается к лаю собак, ожидая, что с минуты на минуту нога Рока даст ему под зад коленкой. А у тебя сейчас вид именно такой. Исключительно виноватый. Если бы ты сейчас признался, что совершил убийство и вдруг спохватился, что, кажется, ненадежно спрятал труп, я бы сказала: «Так я и думала». Билл, в последний раз: что случилось?

- Ничего не случилось.
- Не лги.
- Сколько раз тебе говорить?
- И тебя ничего не мучает?
- Ничего.
- Ты весел и беззаботен, как жаворонок в небе?
- Может быть, даже веселее, чем жаворонок.

Снова оба примолкли. Джил кусала губы, а Биллу это действовало на нервы. Конечно, нет ничего плохого и предосудительного в том, что девушка кусает губы, но жениху в трудную минуту наблюдать такое зрелище не слишком приятно.

— Билл, скажи мне, как ты относишься к браку? — спросила Джил.

Билл посветлел лицом. Вот это — другой разговор.

— Я считаю, что брак — штука замечательная. Конечно, при том условии, что мужская сторона заполучит кого-нибудь вроде тебя.

— А если без комплиментов? Сказать тебе, как я к нему отношусь?

— Давай.

— По-моему, без полного доверия между женихом и невестой даже думать о браке — безумие, потому что если они будут что-то друг от друга скрывать и не посвящать один другого в свои неприятности, то от их брака рано или поздно останутся рожки да ножки. Муж и жена должны все друг другу рассказывать. Мне бы и в голову никогда не пришло что-то от тебя скрыть, и если тебе интересно, могу сказать, что мне ужасно противно видеть, как ты какие-то свои неприятности, в чем бы они ни заключались, стараешься от меня утаить.

— У меня нет никаких неприятностей.

— Есть. Что случилось, я не знаю, но даже близорукий крот, потерявший очки, сразу увидит, что ты испытываешь мучения. Когда я вошла, ты так стонал, что дрожали стены. И тут самообладание Билла, с утра подвергнувшееся таким испытаниям, не выдержало.

— Да черт побери! — взвыл он. — Я что, не имею права постонать, если мне вздумается? По-моему, в Рочестер-Эбби по будням в эти часы стонать разрешается. Оставь ты меня, пожалуйста, в покое, сделай милость! — продолжал он, разогнавшись. — Ты кем себя воображаешь? Секретным агентом, допрашивающим подпольщика? Того гляди начнешь выяснять, где я был в ночь на двадцать первое февраля. Ей-богу, не суй ты нос не в свое дело!

Джил была девушка с характером, а девушки с характером долго терпеть такие разговоры не способны.

— Не знаю, отдаешь ли ты себе в этом отчет, — холодно ответила она ему, — но когда ты поплюешь на ладони и примешься за дело всерьез, ты по праву можешь получить звание самого последнего подонка на свете.

— Вот так сказала!

— Сказала чистую правду. Ты просто-напросто свинья в человеческом обличий. И если хочешь знать, что я думаю, — продолжала она, тоже с разгона, — то, по-моему, на самом деле ты связался с какой-то ужасной

женщиной, вот что.

— С ума сошла! Где мне было взять ужасных женщин?

— У тебя сколько угодно возможностей. Ты постоянно куда-то уезжаешь на автомобиле, бывает что на целую неделю. Откуда мне знать, может, ты на самом деле проводишь время, увешанный гулящими красотками.

— Да я на гулящую красотку и не взгляну даже, хоть бы мне ее подали на тарелочке под соусом!

— Не верю я тебе.

— Если память мне не изменяет, это ведь ты всего две с половиной секунды назад рассуждала о том, что между нами должно быть полное и абсолютное доверие? Ну, женщины! — с горечью заключил Билл. — Господи! Кошмарный пол!

Как раз в эту трудную минуту появился Дживс со стаканом на подносе.

— Виски с содой, — объявил он примерно таким же торжественным тоном, каким президент Соединенных Штатов объявляет заслуженному гражданину: «Вручаю вам медаль Конгресса». ^[11]

Билл с благодарностью принял от него спасительный напиток.

— Спасибо, Дживс. Вы, как всегда, вовремя.

— Сэр Родерик и леди Кармойл, которые находятся сейчас в тиссовой аллее, желали бы видеть вас, милорд.

— Бог ты мой! Рори и Мук! Откуда они взялись? Я думал, Мук на Ямайке.

— Ее сиятельство, как я понял, возвратилась нынче утром, а сэру Родерику по этому случаю дали в «Харридже» отгул по домашним обстоятельствам, чтобы сопровождать ее сюда. Они просили передать вашему сиятельству, что желали бы переговорить с вами в удобное для вас время, но до приезда миссис Спотсворт.

— До чего? Кого? Кто такая миссис Спотсворт?

— Дама из Америки, с которой леди Кармойл познакомилась в Нью-Йорке. Она ожидается здесь сегодня вечером. И как я понял из разговора между ее сиятельством и сэром Родериком, не исключено, что миссис Спотсворт пожелает купить этот дом.

У Билла отвисла челюсть.

— Какой дом?

— Этот, милорд.

— Наш дом?

— Да, милорд.

— То есть Рочестер-Эбби?

— Да, милорд.

— Вы смеетесь надо мной, Дживс.

— Никогда бы не позволил себе такой вольности, милорд.

— Вы всерьез хотите сказать, что эта беженка из американского сумасшедшего дома, где она содержалась под присмотром, покуда не улизнула, замаскировавшись с помощью накладной бороды, теперь намерена выложить твердую монету за Рочестер-Эбби?

— Именно так я понял слова сэра Родерика и леди Кармойл, милорд.

Билл перевел дух.

— Ну, знаете ли! Недаром говорится, каких только чудаков на свете не бывает. И эта дама, она что, останется у нас погостить?

— Насколько я понял, да, милорд.

— В таком случае будет лучше, если вы уберете те два ведра, которые подставили в верхнем коридоре под течь с потолка. Они производят невыгодное впечатление.

— Непременно, милорд. И еще я подколю булавками обои. Куда вы, ваше сиятельство, предполагаете поместить миссис Спотсворт?

— В покои королевы Елизаветы. Это — самое лучшее, что у нас есть.

— Очень хорошо, милорд. Я вставлю в дымоход проволочную решетку, чтобы в спальню не проникали гнездящиеся там летучие мыши.

— Ванную комнату, боюсь, мы выделить для нее не сможем.

— К сожалению, нет, милорд.

— Но если она согласна обходиться душем, пусть становится под течь в верхнем коридоре.

Дживс укоризненно поджал губы.

— Дозвольте мне заметить, ваше сиятельство, сейчас шутить так крайне нежелательно. Вы можете ненароком обмолвиться подобной шуткой в присутствии миссис Спотсворт.

Джил, которая отошла, пылая гневом, к двери в сад да так и остановилась, взволнованно слушала их разговор. Справедливое негодование, побудившее ее только что обозвать своего нареченного свиньей в человеческом обличий, теперь улеглось в ее сердце, слишком потрясающей была новость. Войне был положен конец.

— Да-да, горе ты мое, — подхватила Джил, поскольку полностью разделяла опасения Дживса. — Нельзя, чтобы ты даже про себя так думал. Ой, Билл, как это замечательно! Если она купит дом, у тебя хватит денег приобрести ферму. Я уверена, у нас с тобой прекрасно пойдет дело на ферме, при моем ветеринарном образовании и при твоём

сельскохозяйственном опыте.

— При каком моем опыте? Дживс кашлянул.

— Мне кажется, мисс Уайверн имеет в виду широкий круг познаний, приобретенных вашим сиятельством при выполнении работы для Сельскохозяйственного Совета, милорд.

— А-а, ну да. Понимаю. Конечно, конечно. Для Сельскохозяйственного Совета. Ну как же. Благодарю вас, Дживс.

— Не стоит благодарности, милорд. Но Джил продолжала мечтать вслух.

— Если ты получишь от этой миссис Спотсворт действительно порядочную сумму, мы сможем завести племенное стадо. Это очень выгодное дело. Интересно, сколько примерно можно выручить за этот дом?

— Боюсь, что не особенно много. Он знал лучшие времена.

— А сколько ты собираешься запросить?

— Три тысячи пять фунтов два шиллинга и шесть пенсов.

— Что-что?

Билл растерянно заморгал.

— Прости. Я думал совсем не о том.

— Но откуда такие странные цифры?

— Сам не знаю.

— Не можешь же ты не знать.

— Понятия не имею.

— Но была же какая-то причина.

— Упомянутая сумма всплыла сегодня в связи с хлопотами его сиятельства по делам Сельскохозяйственного Совета, мисс, — ловко вмешался Дживс. — Вы конечно помните, милорд, я тогда обратил ваше внимание на то, что сумма очень странная.

— Да-да, Дживс. Конечно. Я припоминаю.

— Вот поэтому вы и сказали: три тысячи пять фунтов два шиллинга и шесть пенсов.

— Ну да, поэтому я и сказал: три тысячи пять фунтов два шиллинга и шесть пенсов.

— Такие минутные aberrации памяти — явление достаточно обычное, насколько я знаю. А теперь, если мне позволительно вам напомнить, я думаю, вам следует немедленно поспешить в тисовую аллею, милорд. Сейчас время решает все.

— Да, конечно. Они ведь меня ждут, верно? Ты идешь, Джил?

— Не могу, милый. Я должна посетить своих больных. Надо съездить

в Стоувер посмотреть мопса Мейнуорингов, хотя я подозреваю, что собачка совершенно здорова. На редкость мнительное животное.

— Но к обеду-то ты будешь?

— Обязательно. Я скоро вернусь. У меня уже слюнки текут.

Джил вышла в сад. Билл отер пот со лба. Уф-ф! Едва не попался.

— Дживс, вы меня спасли, — сказал он. — Если бы не ваша сообразительность, все бы вышло наружу.

— Рад быть полезным, милорд.

— Еще бы мгновение, и заработала бы женская интуиция. А тогда пиши пропало. Вы ведь едите много рыбы, Дживс?

— Да, довольно много, милорд.

— Берти Вустер мне говорил. Поглощаете палтуса и сардины в невероятных количествах, он рассказывал. И ваш колоссальный интеллект он объясняет содержащимся в рыбе фосфором. По его словам, вы сто раз выручали его из беды в последнюю минуту. Он превозносит ваши таланты до небес.

— Мистер Вустер всегда высоко ценил мои скромные старания прийти ему на помощь, милорд, и это дает мне большое удовлетворение.

— Что с самого начала было выше моего понимания, это как он решился с вами расстаться? Когда вы в тот день явились ко мне и сказали, что вы свободны, я прямо закачался от удивления. Единственное объяснение, которое я мог придумать, это что Берти утратил рассудок... то есть сколько у него его было. А может, вы с ним разругались и возвратили портфель?

Такое предположение покорило Дживса.

— Нет, что вы, милорд. Мои взаимоотношения с мистером Вустером продолжают быть неизменно сердечными. Но обстоятельства нас временно разлучили. Мистер Вустер поступил в учебное заведение, правила которого не допускают, чтобы студенческий состав пользовался услугами камердинеров.

— Что еще за учебное заведение?

— Школа обучения аристократов методам ведения самостоятельного образа жизни, милорд. Мистер Вустер, хотя состояние его личных финансов пока еще не внушает опасений, счел разумным позаботиться о будущем, на случай если социальная революция разыграется еще больше. Мистер Вустер... я не могу без сокрушения говорить об этом... учиться, представьте себе, своими руками штопать себе носки. Кроме того, он проходит еще такие предметы, как чистка обуви, постилание постели и вводный курс приготовления пищи.

— Вот тебе на! Это что-то новенькое в жизни Берти.

— Да, милорд. Мистер Вустер «преобразился под водой И стал блистательный, но иной».^[12] Я цитирую Стратфордского Барда. Не пожелает ли ваше сиятельство пропустить еще стаканчик виски перед встречей с леди Кармойл?

— Нет, нельзя терять ни мгновенья. Как вы сами говорили, время... как там дальше, Дживс?

— ...решает все, милорд.

— Да? Вы уверены?

— Да, милорд.

— Ну, раз вы так говорите, значит, так оно и есть, хотя я лично думал, что это мы решаем. Ну, что ж, пошли?

— Идемте, милорд.

Глава VI

Миссис Спотсворт покинула пивную «Гусь и Огурчик» в некотором смятении. Встреча с капитаном Биггаром произвела в ее душе бурю эмоций.

Миссис Спотсворт была из тех женщин, что придают большое значение разным происшествиям, от которых лица более грубой организации отмахнулись бы как от обыкновенной случайности или простого совпадения. Она не верила в случайность. В ее словаре не было такого слова — совпадение. Она считала, что все события исполнены смысла. Неожиданное возвращение в ее жизнь Белого Охотника может быть объяснено, например, только тем, что в мире духов на этот счет ведется серьезная подготовительная работа.

Он появился в такой ответственный момент! Как раз за два дня до этого А. Б. Спотсворт, непринужденно болтая с нею во время спиритического сеанса, сначала сообщил, что очень счастлив и ест много фруктов, а затем сказал, что пришло время ей подумать о новом замужестве. Никакого смысла, сформулировал эту мысль А. Б. Спотсворт, ей жить одной при таких капиталах в банке. Женщине нужен спутник жизни, утверждал А. Б. Спотсворт и вдобавок еще заверил ее, что Клиф Бессемер, с которым он перекинулся некоторыми соображениями по этому поводу во время утренней прогулки в Долине Света, придерживается той же точки зрения. «А таких рассудительных парней, как старина Клиф Бессемер, нечасто встретишь», — заключил А. Б. Спотсворт.

На вопрос же вдовы: «Но, Алексис, разве тебе и Клифтону не будет обидно, если я опять выйду замуж?» — А. Б. Спотсворт ответил, как всегда, без экивоков: «Ну, ясное дело, нет, дурища. Давай, действуй».

И сразу же после этого волнующего разговора перед ней вдруг раз и очутился не кто-нибудь, а мужчина, который любил ее безмолвно и страстно с первой же минуты их знакомства. Колдовство какое-то. Похоже, что, проникнув за таинственную завесу, господ Бессемер и Спотсворт обрели дар ясновидения.

Может конечно показаться странным, что миссис Спотсворт была посвящена в тайну страсти капитана Биггара, ведь он, как мы видели, о ней ни словом не обмолвился. Но женщина всегда чувствует такие вещи. Видя, что мужчина всякий раз, встречаясь с ней взглядом над антилопьем бифштексом и чашкой лаймового сока, начинает кашлять и заливаться от

смущения свекольным румянцем, она очень скоро ставит верный диагноз.

А поскольку эти симптомы проявились и теперь, при расставании у крыльца «Гуся и Огурчика», миссис Спотсворт легко заключила, что время не погасило пламя в груди мужественного капитана. Было взято на заметку, как вытаращились его ярко-голубые глаза, и как прилила краска к его и без того густо-румяному лицу, и как шаркали, переминаясь, огромные подошвы во все время их разговора. Нет, она по-прежнему для него дерево, на котором спеет плод его жизни, или же она, Розалинда Спотсворт, вообще ничего не понимает. Ее, правда, немного удивило, что она не услышала ничего похожего на страстное признание. Откуда ей было знать, что у него имеется какой-то кодекс чести?

Проезжая по живописной Саутмолтонширской местности, миссис Спотсворт то и дело возвращалась мыслями к капитану К. Г. Биггару.

Познакомившись с ним когда-то в Кении, она сразу же ощутила в нем что-то привлекательное. А уже через два дня она им горячо восхищалась. Женщина не может не восхищаться мужчиной, который, подняв дробовик пятисот пятого калибра навстречу несущемуся буйволу, способен одним выстрелом выпотрошить этакое чудище. А между восхищением и любовью расстояние столь же коротко, как в «Харридж» между отделами «Стекло, Фигурки и Фарфор» и «Дамским Нижним Бельем». Капитан Биггар казался ей похожим на героев Эрнеста Хемингуэя, а она всегда питала слабость к мужественным, неустрашимым и бесшабашным хемингуэевским героям. Ее, существо, склонное к духовности, притягивали в мужчинах грубость и сила. Клифтон Бессемер этими качествами обладал. И А.Б. Спотсворт тоже. Клифтон Бессемер пронзил ее сердце на той вечеринке, где они познакомились, лихо прищлепнув назойливую муху свернутой в трубку газетой; а в случае А. Б. Спотсворта искру высек услышанный ею разговор между ним и парижским таксистом, который высказал недовольство размерами своих чаевых.

Когда она въехала в ворота Рочестер-Эбби и покатила по длинной подъездной аллее, ей уже было более или менее ясно, что с капитаном Биггаром неплохо бы подружиться поближе. Женщине нужен защитник; а кто может быть защитником надежнее, чем мужчина, способный, не моргнув глазом, уйти в камыши по следу раненого льва? Правда, в обычной семейной жизни раненые львы встречаются редко, но все равно жене приятно сознавать, что, появившись у нее в доме раненый лев, она спокойно может поручить его мужу.

Подготовительную работу провести будет, как она понимала, несложно. Несколько приветливых слов и пары нежных взглядов будет

довольно, чтобы довести сильную и страстную натуру до точки кипения. Мужчины из джунглей сразу реагируют на нежные взгляды.

Она как раз репетировала такой взгляд в автомобильном зеркальце, когда за поворотом перед нею вдруг вырос Рочестер-Эбби, и капитан Биггар был временно забыт. Она думала только о том, что нашла и видит перед собой дом своей мечты. Эти бледные стены, освещенные ласковыми лучами закатного солнца, эти ряды окон, сверкающих, как алмазы! Ей казалось, что перед нею дворец из какой-то сказки. Домишко в Пасадине, домик в Кармеле и прочие домики в Нью-Йорке, во Флориде, в Мэне и Орегоне, они тоже по-своему неплохи, но не идут в сравнение с этим замком. Такие сооружения, как Рочестер-Эбби, всегда лучше всего смотрятся снаружи и с некоторого расстояния.

Она остановила автомобиль и сидела, любуясь.

Рори и Моника, не дождавшись Билла в тиссовой аллее, направились к дому и столкнулись с ним уже на крыльце. Втроем они вернулись в гостиную и сидели там, предаваясь предвкушению выгодной сделки с прилетевшим из-за океана Санта-Клаусом в юбке. Билл, хоть и слегка воспрявший духом после виски с содой, все еще нервничал. Его лихорадочно дергающиеся руки и ноги, его вытаращенные глаза наверняка заинтересовали бы специалиста по душевным болезням, если бы таковой здесь присутствовал.

— Есть надежда? — дрожащим голосом спросил он, как человек на одре болезни мог бы спросить врача.

— По-моему, есть, — сказала Моника.

— А по-моему, нет, — сказал Рори.

Моника бросила на него убийственный взгляд, и он поперхнулся.

— Тогда на обеде в женском клубе у меня сложилось впечатление, что она вот-вот клюнет, — пояснила она. — Я вывернула ей на голову целый мешок пропаганды, и она явно размякла. Осталось теперь только придать ей решающий толчок. Когда она прибудет, я оставлю вас с ней вдвоем, и ты сможешь пустить в ход свое прославленное обаяние. Применить индивидуальный подход.

— Обязательно, — со страстью в голосе посулил Билл. — Я буду как сизый голубок, воркующий со своей голубкой. Буду играть на ней, как на этом... струнном инструменте.

— Да уж постарайся, пожалуйста, потому что, если продажа состоится, я рассчитываю на комиссионные.

— Ты их получишь, Мук, милая моя старушка. Тебе воздастся тысячекратно. Дай только срок, и ты увидишь у своего подъезда слонов,

груженных золотом, и верблюдов, везущих драгоценные камни и редкие благовония.

— А как насчет обезьян, слоновой кости и павлинов?^[13]

— Будут и они.

Практичный Рори, твердолобый делец, отнесся к этим фантазиям критически.

— Я лично сомневаюсь, — сказал он. — Вопрос спорный. Даже если допустить, что эта дама — слабоумная, все равно маловероятно, что она даст за владение, подобное Рочестер-Эбби, какую-то колоссальную сумму. Во-первых, все фермы уже от него отошли.

— Это правда, — сразу сник Билл. — И парк принадлежит местному гольф-клубу. Остались только дом и сад.

— Вот именно. Знаем мы этот сад. Я только недавно говорил Мук, что в здешнем саду протекает речка, а в доме...

— Тс-с-с! Замолчи, пожалуйста, — остановила его Моника. — По-моему, Билл, ты вполне можешь получить за дом пятнадцать тысяч фунтов. А то и все двадцать, я бы так сказала.

Билл поднял поникшую голову, как цветок, который полили.

— Ты думаешь?

— Ничего она такого не думает, — снова вмешался Рори. — Просто хочет тебя по-сестрински ободрить, и это с ее стороны очень мило. Достоинство всякого уважения. Под этой суровой внешностью прячется нежное сердце. Но двадцать тысяч за сооружение, от которого даже исправившиеся юные нарушители с ужасом отшатнулись? Абсурд. Это не дом, а остатки былого величия. Сто сорок семь комнат!

— Мало, что ли? — не сдавалась Моника.

— Много, но никуда не годится, — твердо констатировал Рори. — Чтобы привести его в порядок, понадобятся огромные средства.

Тут Монике было нечего возразить.

— Возможно, — признала она. — Но миссис Спотсворт — такая американка, которые готовы ассигновать миллион-другой на подобные дела. Да ты, я вижу, сам тут кое-что отремонтировал.

— Капля в море, — вздохнул Билл.

— Ты даже вывел этот ужасный запах на лестничной площадке.

— Хотел бы я сейчас иметь ту сумму, которая на это ушла.

— У тебя что, плохо с деньгами?

— Шаром покати.

— Одну минуточку, — сразу востроился Рори, точно помощник прокурора на суде. — Откуда тогда все эти дворецкие и горничные? Эта

отставшая от жизни девушка Джил?

— Она вовсе не отставшая от жизни.

Рори успокоительным жестом поднял ладонь.

— Может, она и не отставшая, не буду спорить, — уступил он защите в этом малозначительном пункте, — но факт таков, что она только недавно расписывала тут нам твои домашние нововведения, и из ее слов следовало, что ты предаешься безумным роскошествам, из-за которых пал Вавилон. Когорты дворецких, кордебалет горничных, повара в неограниченном количестве и настойчивые слухи о мальчиках для чистки ножей и сапог... После ее ухода я еще сказал Мук, что, мол, не заделался ли ты джентльменом-гра... Кстати, старушка, это мне напомнило: ты передала Биллу насчет полиции?

Билл подскочил в воздух на целый фут и снова упал в кресло, дрожа с ног до головы.

— Насчет полиции? Что такое насчет полиции?

— Звонил какой-то хам из местной жандармерии. Фараоны хотят тебя допросить.

— Как это — допросить? Ты что?

— А так. Учинить тебе допрос третьей степени, с применением пыток. А до этого был еще другой звонок. Не назвавшийся таинственный незнакомец. Они с Мук обменялись двумя-тремя любезностями.

— Да, это я с ним объяснялась, — сказала Моника. — Какой-то тип с таким скрипучим голосом, будто поел шпината с песком. Спрашивал номер твоего автомобиля.

— Что?!

— Ты случайно не наехал на чью-нибудь корову? Кажется, теперь это карается законом, и очень сурово.

Билл не переставал мелко дрожать.

— То есть кто-то хотел узнать регистрационный номер моей машины?

— Ну да, я же сказала. Да что с тобой, Билл? У тебя вид такой испуганный. Что случилось?

— Он побелел и сотрясается, как хороший коктейль, — уточнил Рори и положил сочувственную ладонь на плечо шурина. — Билл, доверься мне. Будь откровенен. За что тебя ищет полиция?

— Никакая полиция меня не ищет.

— Не знаю. У меня сложилось впечатление, что они страстно желают тебя заграбастать. Пришла мне в голову одна идея — я даже поделился с тобой, Мук, если помнишь, — а именно, что ты нашел какого-то богача, скрывающего позорную тайну, и решил разжиться за его счет посредством

небольшого шантажа. Так это или нет, старина, тебе виднее, но если так, сейчас самое время открыться нам. Ты среди друзей. Мук придерживается широких взглядов, я тоже. Полиция, правда, смотрит на шантаж косо, но я, например, ничего против него не имею. Быстрый оборот средств и никаких накладных расходов. Если бы у меня был сын, не исключено, что я бы его направил по этой линии. Одним словом, если тебя преследует полиция и тебе нужна дружеская рука помощи, чтобы улизнуть за границу, пока еще не выставили охрану в портах, скажи только слово, и мы...

— Миссис Спотсворт! — объявил Дживс, возникнув на пороге, и Билл проделал еще один подскок в воздух — он, кажется, упражнялся в них сегодня весь день.

Бледный, стоял он и взирал на появившееся в комнате видение.

Глава VII

Миссис Спотсворт вошла с самоуверенным видом дамы, которая знает, что у нее все — как надо: шляпа, и платье, и туфли, и чулки, да еще дома отложено порядка сорока двух миллионов долларов в ценных бумагах, и у Билла с полуразвалившимся загородным домом на руках от этого зрелища сердце должно было бы сразу взыграть. Ибо она, бесспорно, походила на человека, который закупает старинные английские загородные дома не глядя и оптом.

Однако не продажа дома была сейчас у Билла на уме. Память перенесла его на несколько лет назад на Французскую Ривьеру, где и когда он познакомился с этой женщиной, и между ними установились, он вынужден был себе признаться, отношения в высшей степени дружеские.

Конечно, совершенно невинные — просто несколько поездок при луне, да раза два совместные купания и пикники у Эдемской скалы, и обычные обмены любезностями, без которых не обходится пребывание на Ривьере, — но он сильно опасался, а вдруг она вздумает теперь предаться милым воспоминаниям, крайне неуместным, когда поблизости находится твоя невеста, которая, к тому же, успела проявить прискорбную подозрительность.

Так что появление миссис Спотсворт было для него не только полнейшим, но и довольно неприятным сюрпризом. В Каннах у него сложилось впечатление, что ее фамилия — Бессемер, но, понятное дело, в таких местах никто особенно не интересуется фамилиями. Он ее, кажется, именовал просто Роза, а она его, припомнил он с содроганием, — Билликен. Ему ясно представилось, какое лицо будет у Джил, когда сегодня за обедом она услышит, что гостя называет его Билликен. Как на грех, он никогда не рассказывал Джил о своей знакомой по Каннам миссис Бессемер, к слову не пришлось, но теперь, чтобы все разъяснить, по-видимому, потребуется приложить старания.

— Рада вас видеть опять, Розалинда, — приветствовала ее Моника. — Слава Богу, что вы нас нашли, тут, когда свернешь с шоссе, вполне можно заблудиться. Это мой муж сэр Родерик Кармойл. А это...

— Билликен! — радостно воскликнула миссис Спотсворт от всей своей широкой души. Было очевидно, что восторг по поводу этой неожиданной встречи если и был довольно умеренным, то, по крайней мере, не с ее стороны.

— Э-е-е? — вымолвила Моника.

— Мы с мистером Белфраем старые друзья. Познакомились в Каннах несколько лет назад, когда я еще была миссис Бессемер.

— Бессемер!

— Это было вскоре после того, как мой муж покинул наш мир в результате столкновения на скоростном шоссе с грузовиком, везшим бутылки из-под пива. Его имя было Клифтон Бессемер.

Моника бросила брату довольный, одобрительный взгляд. Про миссис Бессемер в Каннах ей было все известно. Он там отчаянно ухаживал за этой миссис Бессемер, а может ли быть для дома, который продается, основание надежнее?

— Вот и хорошо, — сказала Моника. — У вас будет о чем вместе повспоминать. Но только он теперь не мистер Белфрай, а лорд Рочестер.

— Он сменил имя, — объяснил остряк Рори. — Скрывается: за ним охотится полиция.

— Не будь ослом, Рори. Билл унаследовал титул. Знаете, как это бывает в Англии. Начинаешь жизнь под одним именем, потом некто умирает, и ты уже кто-то совсем другой. Некоторое время назад отдал Богу душу наш дядя лорд Рочестер, а Билл был его наследником, вот ему и пришлось отбросить Белфрая и принять имя Рочестер.

— Понятно. Но для меня он всегда останется Билликеном. Как поживаешь, Билликен?

Билл с трудом обрел голос, но в минимальном количестве, и то довольно сиплый.

— Да ничего, спасибо... э-э-э... Рози.

— Рози? — недоумевая, переспросил Рори, как дитя природы, каковым он и был, даже не пытаясь скрыть недоумение. — Я не ослышался? Он сказал, Рози?

Билл враждебно посмотрел на него.

— Имя миссис Спотсворт, как ты уже знаешь из хорошо информированного источника, а именно от Моники, — Розалинда. А друзья, и даже случайные знакомые вроде меня зовут ее Рози.

— А-а, вот оно что! Как же, как же. Теперь понятно. Само собой разумеется.

— Случайные знакомые? — обиженно повторила миссис Спотсворт.

Билл попытался растянуть галстук у себя на шее.

— Ну, то есть, кто просто знал вас в Каннах и тому подобных местах.

— Канны! — сразу же восторженно откликнулась миссис Спотсворт. — Милые, солнечные, радостные Канны! Как мы там весело

жили, Билликен! Ты помнишь...

— Да-да, — сказал Билл. — Очень приятное времяпрепровождение. Не хотите ли выпить, или может быть, бутерброд, или сигару, или еще что-нибудь?

Он мысленно благословлял песика Мейнуорингов за то, что по причине его неисправимой мнительности Джил оказалась на другом краю графства. Он надеялся, что ко времени ее возвращения миссис Спотсворт уже спустит пары и насытится счастливыми воспоминаниями. А пока он попытался немного осадить ее восторги.

— Мы рады приветствовать вас в Рочестер-Эбби, — церемонно произнес он.

— Да, я надеюсь, вам здесь понравится, — подключилась Моника.

— Я в жизни не видела ничего прекраснее!

— Вы находите? Старая плесневелая развалина, я бы так сказал, — рассудительно возразил Рори. И по счастью, не встретился глазами с женой. — Разваливается уже не одно столетие. Держу пари, если потрясти эти занавеси, оттуда вылетит чета летучих мышей.

— Патина древности! Я ее обожаю, — миссис Спотсворт закрыла глаза. — Вдоль коридоров в двенадцать рядов стоят мертвецы и хватают тебя, когда проходишь мимо, — пробормотала она, понизив голос.

— Фу, какой ужас, — не согласился Рори. — На мой вкус, и пары цепляющихся трупов более чем достаточно.

Миссис Спотсворт открыла глаза.

— Я скажу вам одну очень странную вещь, — проговорила она, радостно улыбаясь. — Это меня так поразило, что я вынуждена была присесть, едва переступив через порог. Ваш дворецкий решил, что я больна.

— Но это не так, надеюсь?

— Нет, я совершенно здорова. Я просто была... потрясена. Я поняла, что уже бывала здесь когда-то.

На лице у Моника выразилось вежливое недоумение. Разъяснять ситуацию выпало на долю Рори.

— О, так вы экскурсанта? Сюда в летние месяцы по пятницам приезжали толпы народу, и за шиллинг с носа их водили по всему дому. Я этих людей отлично помню еще с тех времен, Мук, когда мы с тобой женихались. Мы их называли «глазельщики». Они приезжали в шарабанах и роняли на ковры ореховый шоколад. Не то чтобы конечно от шоколада состояние ковров могло еще ухудшиться. Но теперь это все в прошлом, верно, Билл? Не на что больше глазеть. Покойный лорд Рочестер, —

пояснил он гостье, — сбыл американцам все мало-мальски ценное, и теперь во всем доме не осталось ничего, на чем стоило бы задержать взгляд. Я вот только недавно говорил жене, самое лучшее, что можно сделать с Рочестер-Эбби, это сжечь его до основания.

У Моники вырвался глухой стон. Она возвела очи горе, словно моля небеса поразить сэра Родерика молнией и громом. Если у него такой подход к покупателю, то чудо, что ему вообще удастся продать хоть одну газонокосилку, поилку для птиц или резиновый шланг.

Миссис Спотсворт со снисходительной улыбкой покачала головой.

— Нет-нет. Не в теперешней телесной оболочке. В предыдущем воплощении. Я, знаете ли, верю в круговорот душ. По нашим убеждениям, мы все родимся заново в каждом девятом колене, воплотившись в кого-нибудь из наших предков.

— В каждом девятом? — переспросила Моника и принялась считать на пальцах.

— Да. Это мистический Девятый дом. Вы, конечно, читали «Зенд-Авесту Зороастра», сэр Родерик?

— Боюсь, что нет. Хорошая вещь?

— Фундаментальная, я бы сказала.

— Я внесу ее в свой библиотечный список. Кто автор, Агата Кристи?

Моника тем временем закончила подсчеты.

— Если девятое поколение, то я тогда леди Барбара, первая шлюха при дворе Карла Второго.

Миссис Спотсворт посмотрела на нее с глубоким почтением.

— Тогда я наверно должна называть вас леди Барбара и расспрашивать про ваши последние любовные приключения.

— Если бы только я их помнила. Судя по тому, что мне о ней известно, рассказ получился бы смачный.

— Она загорала вся без ничего, или предпочитала проводить время в четырех стенах? — поинтересовался Рори.

Миссис Спотсворт снова смежила вежды.

— Я чувствую влияния, — пробормотала она. — Мне даже слышен тихий шепот. Как это странно, приехать в дом, где гостила три столетия назад. Подумайте, сколько жизней прожито в этих древних стенах. И все они здесь, вокруг нас, и создают загадочную ауру этого очаровательного старинного здания.

Моника переглянулась с братом.

— Дело в шляпе, Билл, — шепнула она.

— Что-что? Кто в шляпе? — бодро, во весь голос переспросил Рори.

— Да замолчи ты, господи!

— Нет, я не понял, о ком ты говоришь. Ой! — Он потер многострадальную лодыжку. — М-м-м, а-а, ну да. Конечно. Теперь понимаю.

Миссис Спотсворт провела ладонью по лбу. Она как будто бы погрузилась в медиумический транс.

— Мне кажется, я помню часовню. Тут есть часовня?

— Развалины часовни, — ответила Моника.

— Зачем же говорить такие вещи, старушка? — возразил Рори.

— Я так и знала. И Длинная галерея?

— Да. Там в восемнадцатом веке стрелялись на дуэли. До сих пор остались отверстия от пуль в стенах.

— И темные пятна на полу конечно тоже. В этом доме, должно быть, множество привидений.

Эту мысль Моника поспешила опровергнуть.

— Нет-нет! Не беспокойтесь, — заверила она гостью. — Ничего такого в Рочестер-Эбби никогда не было.

И с удивлением увидела, что та смотрит на нее широко распахнутыми печальными глазами, как ребенок, которому сказали, что мороженого на десерт сегодня не будет.

— Но я хочу привидения. Мне обязательно нужны привидения! — воскликнула миссис Спотсворт. — Неужели тут их нет ни одного?

Рори, как всегда, поспешил на помощь.

— Есть так называемая заклятая уборная на первом этаже. Время от времени, при том что поблизости нет ни души, там вдруг спускается вода, а когда в семье должен кто-то умереть, то вода течет беспрерывно. Только мы не знаем, то ли это призрак, то ли канализация испортилась.

— Наверно просто полтергейст, — разочарованно отмахнулась миссис Спотсворт. — А видимых манифестаций никаких?

— Никаких.

— Не говори глупостей, Рори, — возразила Моника. — А леди Агата?

Миссис Спотсворт сразу оживилась.

— Кто была леди Агата?

— Супруга сэра Карадока Крестоносца. Ее несколько раз видели в разрушенной часовне.

— Чудесно! Великолепно! — обрадовалась миссис Спотсворт. — А теперь позвольте мне отвести вас в Длинную галерею. Не говорите, где это. Посмотрим, смогу ли я сама ее разыскать.

Она закрыла глаза, прижала кончики пальцев к вискам, постояла так и,

снова открыв глаза, пошла вперед. Когда она подошла к двери, на пороге появился Дживс.

— Прошу прощения, милорд.

— Да, Дживс?

— Я касательно собаки миссис Спотсворт, милорд. Хотелось бы знать часы кормления и диеты.

— Помона ест все, что дадут, — ответила миссис Спотсворт. — Вообще ее обеденное время — пять часов, но к нарушениям режима она относится спокойно.

— Благодарю вас, мадам.

— А сейчас я должна сосредоточиться. Это будет проверкой. — Миссис Спотсворт опять приложила кончики пальцев к вискам. — Идите следом за мной, Моника. И ты тоже, Билликен. Я отведу вас прямо в Длинную галерею.

Процессия удалилась из гостиной, и Рори, внимательно посмотрев ей вслед, сказал Дживсу, пожимая плечами:

— Ненормальная дамочка, а?

— Леди действительно кажется не совсем соответствующей общепринятым нормам, сэр Родерик.

— Совершенно тронутая. Вот что я вам скажу, Дживс. У нас в «Харридже» такого бы не потерпели.

— Нет, сэр?

— Никогда! Если бы эта миссис, как бишь ее, пришла бы, скажем, в секцию «Пирожные, печенье и кондитерские изделия» и вздумала бы вести себя таким образом, охранники тут же ухватили бы ее сзади за брюки и вышвырнули вон, прежде чем она договорит первую глупость.

— Вот как, сэр Родерик?

— Можете мне поверить, Дживс. Я сам пережил нечто подобное, когда только поступил туда работать. Стою за прилавком однажды утром, я тогда был в секции «Бутылки, фляги и принадлежности для пикника», и появляется женщина, хорошо одетая, с виду вполне порядочная, ничем не бросается в глаза, единственное только — на голове у нее пожарный шлем. Я принимаюсь ее вежливо обслуживать. «Доброе утро, мэм, — говорю, — чем могу быть вам полезен? Что-нибудь для пикников? Бутылочку? Кувшинчик?» А она так пристально на меня взглянула. «Ты что же, интересуешься бутылками, гаргулья?» — это она меня так почему-то обозвала. «Да, мэм, интересуюсь», — отвечаю. «Тогда что скажешь вот на эту?» — И схватив огромный графин, с размаху опускает его туда, где должен бы быть мой лоб, только я успел отпрянуть, как нимфа, которую

застали врасплох за купанием. Графин грохнулся о прилавок и вдребезги. Этого с меня было довольно. Я поманил охранников, и они ее удалили.

— Весьма неприятный случай, сэр Родерик.

— Да, признаюсь, я был ошарашен. Чуть было не подал заявление об уходе. Выяснилось, что эта дама только что получила большое наследство от богатого австралийского дядюшки и, как следствие, повредила умом. Наверно с нашей гостьей стряслось нечто в том же роде. Унаследовала миллионы от целой роты покойных мужей, по рассказам моей жены, и на этом основании спятила. Незаработанные деньги, они до добра не доведут. Нет ничего лучше, как самому зарабатывать свой хлеб. С тех пор как я вступил в ряды пролетариев, я стал гораздо более достойным человеком.

— Вы держитесь тех же взглядов, что и Стратфордский Бард, сэр Родерик. «По делам достаются призы».

— Вот именно. Совершенно верно. Кстати о призах, как насчет завтрашнего дня?

— Насчет завтрашнего дня, сэр Родерик?

— Дерби. Вам известно что-нибудь?

— Боюсь, что нет, сэр Родерик. Там кто только не принимает участие. Фаворит, насколько я знаю, — [Voleur^{\[14\]}](#) месье Буссака. Ставка вчера на вечерней перекличке была пятнадцать против двух и может сократиться до шести или даже пяти перед стартом. Однако данная лошадь немного мелковата и тонка в кости для столь сурового испытания. Впрочем, всем известны случаи, когда такие недостатки преодолевались. На память приходит Манна, победительница 25-го года, и Гиперион, тоже некрупная лошадка, которая побила прежний рекорд, принадлежавший Летучей Лисице, преодолев дистанцию за две минуты тридцать четыре секунды.

Рори взирал на него с глубоким уважением.

— Ну и ну, Дживс! Вы знаток.

— Хочется быть *ai courant* [\[15\]](#) в этих делах, сэр. Они составляют, я бы сказал, существенную часть образования.

— Я безусловно еще поговорю с вами завтра, прежде чем сделаю ставку.

— Буду рад оказать вам услугу, сэр Родерик, — любезно отозвался Дживс и бесшумно потек вон из гостиной, оставив Рори в одиночестве переживать знакомое всем, кому случалось общаться с этим великим человеком, чувство соприкосновения с неким добрым, мудрым духом, в чьи надежные руки можно без колебаний передать все свои заботы.

Спустя минуту или две возвратилась Моника, вид у нее был немного

загнанный.

— А вот и ты, старушка, — приветствовал ее муж. — Вернулась из путешествия? Отыскала она эту чертову галерею?

Моника безрадостно кивнула.

— Да. Но не прежде чем потаскала нас по всему дому. Сначала она, по ее словам, потеряла влияние. Но все-таки это успех, через триста-то лет.

— Я только сейчас говорил Дживсу, что эта дамочка сильно не в себе. Как у нас говорят, с большим приветом. Кстати почему это считается, что привет может довести человека до помешательства? Теперь, когда она заехала в нашу страну, ей скоро начнут, я думаю, приходить приветы и выгодные приглашения из Бедлама и прочих подобных заведений. А куда девался Билл?

— Не выдержал и сошел с дорожки. Испарился. Я думаю, пошел переодеваться к обеду.

— А в каком он был настроении?

— Глаза остекленелые, и вздрагивал при каждом шорохе.

— Ага, значит, все еще не успокоился. Похоже, он сильно разнервничался, наш Вильям. Но у меня возникла насчет старины Билла новая теория. Я больше не думаю, что его нервозность объясняется преследованием полиции, уже наступающей ему на пятки. Теперь я считаю, что все дело в этой работе, которую он выполняет для Сельскохозяйственного Совета. Поначалу, как всякий новичок, он принялся за дело слишком старательно. Нашему брату, кто не привык работать, приходится учиться экономить силы, не выкладываться до конца, а оставлять кое-что про запас, ну, словом, ты меня понимаешь. Я всегда внушаю это своим подчиненным. Они обычно прислушиваются, но есть один малый, в секции «Все для малышей», ты не представляешь себе, как он старается. Если дальше так пойдет, он просто сгорит на работе, не дожив до собственного пятидесятилетия. О, а это еще кого мы тут видим?

В гостиную вошла высокая красивая девушка. Рори смотрел на нее с недоумением. Первоначальную мысль, что это тень леди Агаты, которой осточертели развалины часовни и захотелось побыть в обществе, он отбросил. Но в таком случае, кто это может быть, оставалось неясным. Жена его, как всегда, оказалась более проницательной. Обратив внимание на фартучек и белую наколку на волосах, она сделала правильный вывод, что перед ними сказочное существо под названием горничная.

— Элен? — удостоверилась Моника.

— Да, миледи. Я ищу его сиятельство.

— Он, я думаю, в своей комнате. Могу я чем-нибудь помочь?

— Там какой-то джентльмен спрашивает его сиятельство. Я видела, как он подъехал в автомобиле, а мистер Дживс был занят в столовой, поэтому я пошла, впустила его и проводила в утреннюю гостиную.

— Кто же это?

— Какой-то капитан Биггар, миледи. Рори радостно хмыкнул.

— *Капитан* Биггар? Армейская косточка? Помнишь, Мук, в нашем детстве играли в такую игру: если есть полковник, значит, должен быть и целковник, то есть целый ковник. Кто дальше?

— Оставь, Рори, ты ведь уже не маленький.

— А-а, пасуешь? А вы, Эллен?

— Я не знаю, сэр.

— Вопрос: кто такой морковник? Ответ: командир полка, который морит голодом своих солдат. Еще? Может быть, миссис Как-бишь-ее ответит? — обратился Рори навстречу входящей гостье.

Прекрасное лицо миссис Спотсворт сияло скромным торжеством.

— Вы уже сказали сэру Родерику? — поспешила справиться она.

— Да, сказала, — ответила Моника.

— Я отыскала Длинную галерею, сэр Родерик.

— Трижды ура, — отозвался Рори. — Продолжайте в том же духе, и скоро вы еще, глядишь, сумеете найти большой барабан в телефонной будке. Но отвлечемся на минуту. Вы не ответите на такой вопрос: если есть полковник, где сидит ковник, который чином ниже?

Миссис Спотсворт посмотрела на него с недоумением.

— Что за ковник, я не понимаю.

— Не слушайте его, — вмешалась Моника. — В такие минуты он совершенно не опасен. Просто приехал какой-то капитан Биггар, вот он и завелся. Минута-другая, и он придет в себя.

Дивные глаза миссис Спотсворт округлились.

— Капитан Биггар?

— Ответ я подзабыл, — не отступался Рори. — Ничего, скоро вспомню. Гм-м-м... который чином ниже его...

— Капитан Биггар? — повторила миссис Спотсворт. И обратившись к Эллен, спросила: — Такой крепкий джентльмен с довольно красным лицом?

— С очень красным лицом, — уточнила Эллен. Она во всем любила четкость.

Миссис Спотсворт схватила за сердце.

— Какое чудо!

— Вы его знаете? — спросила Моника.

— Это мой очень старый, очень добрый друг. Я знала его еще когда... О, Моника, нельзя ли... вы не могли бы... пригласить его погостить здесь немного?

Моника встрепенулась, как старый боевой конь при звуке горна.

— Ну конечно, Розалинда. Как ваш друг, он и наш друг. Прекрасная мысль.

— О, спасибо! — миссис Спотсворт обратилась к Эллен: — Где сейчас находится капитан Биггар?

— В утренней гостиной, мэм.

— Будьте добры, проводите меня туда прямо сейчас. Я должна его видеть.

— В эту дверь пожалуйста, мэм.

Миссис Спотсворт поспешно вышла, за ней последовала горничная Эллен. Рори с сомнением покачал головой.

— Ты уверена, что это разумно, Мук, старушка? Возможно, он совсем не нашего круга, какой-нибудь тип в котелке и галстук на резинке.

Но Моника вся сияла.

— Не все ли равно, какой он тип? Это старый, близкий друг миссис Спотсворт, остальное неважно. Ой, Билл! — радостно воскликнула она, увидев входящего брата.

Билл явился во фраке, при белом галстук-бабочке, белом жилете и крахмальной манишке, прилизанные волосы его лоснились от каких-то заморских масел. Рори посмотрел на него с изумлением.

— Бог ты мой, Билл! Ты похож на живую картину «Великие любовники всех времен». Если ты воображаешь, что я сейчас побегу и тоже так выряджусь, то ошибаешься. Довольно с тебя будет старого черного галстука Кармойлов и обыкновенной белой рубашки. Я конечно понимаю, что ты задумал. Ты расфуфырился, чтобы произвести впечатление на миссис Спотсворт и оживить воспоминания о счастливых днях в Каннах. Но только смотри не переборщи, я тебе советую. Подумай о Джил. Если она узнает про тебя и эту Спотсворт... Билл вздрогнул.

— Ты на что это намекаешь?

— Ни на что, я просто так, на язык подвернулось.

— Не обращай на него внимания, Билл, — сказала Моника. — Человек бредит. Болтает всякую чушь. Джил — девушка разумная.

— Да и потом, — добавил Рори для полного успокоения, — это ведь все происходило до того, как ты обручился с Джил.

— Что — все происходило?

— Ничего, старина, абсолютно ничего.

— Мои отношения с миссис Спотсворт были чисты, как слеза.

— Ну конечно, само собой.

— У вас в «Харридже» продаются намордники, Рори? — спросила Моника.

— Намордники? А как же. В секции «Кошки, собаки и домашние зверушки».

— Придется купить для тебя намордник, чтобы ты молчал. Вообрази, что его здесь вообще нет, Билл, и послушай, что я тебе расскажу. Произошло нечто замечательное. Приехал старый друг миссис Спотсворт, и я пригласила его погостить у нас.

— Что еще за старый друг?

— Еще один любовник, надо полагать.

— Прекрати сейчас же, Рори. Ты что, не понимаешь, как это для нас великолепно, Билл? Мы оказали ей услугу, и она перед нами в долгу. Представляешь, как она теперь растает?

Восторженное настроение сестры передалось Биллу. Он ясно понял ее мысль.

— Да, ты права. Это большая удача.

— Правда? Нам здорово повезло. Она теперь будет как глина в твоих руках.

— Да, как мягкая глина. Молодчина, Маленький Мук! Сразу сообразила. А кто он такой, этот друг?

— Фамилия — Биггар. Капитан Биггар.

Билл невидящей рукой нашарил позади себя стул. По лицу его расплзлась зеленоватая бледность.

— Что?! — вскрикнул он. — Капитан Би...би...би...?

— Ага, вспомнил! — обрадованно возвестил Рори. — Где сидит тот, кто ниже чином? Ответ: в подполе, конечно, на то он и подполковник.^[16] Я так и знал, что вспомню, — заключил он, очень довольный собой.

Глава VIII

Покойный А. Б. Спотсворт, которого, хоть он по-своему неплохо относился к жене, никак нельзя было считать дамским угодником или, скажем, сравнивать со средневековыми трубадурами, любил шутить, что, мол, секрет счастья и успеха состоит в том, чтобы при первой же возможности отделаться от женщин. Дайте прекрасному полу под зад коленкой, рассуждал он, стаскивая пиджак и доставая фишки для покера, и после этого можете пуститься во все тяжкие. Он часто повторял, что самый прекрасный и возвышающий душу миг — это когда по завершении обеда дамы гуськом выходят из столовой, оставляя мужчин одних предаваться мирным мужским разговорам.

Биллу Ростеру в девять часов вечера все того же беспокойного дня такая точка зрения показалась бы совсем неубедительной. Меньше всего его прельщал мирный мужской разговор с капитаном Биггаром. Он стоял и придерживал дверь, пропуская переходящих в гостиную миссис Спотсворт, Монику и Джил, а душу ему томило горькое чувство утраты и неведение того, что его ждет впереди. Примерно такие же кошки скреблись бы на сердце у осажденного дикарями гарнизона, если бы прибывший на подмогу полк морской пехоты Соединенных Штатов вдруг сделал поворот кругом и замаршировал прочь.

А ведь до сих пор все шло так хорошо. Даже сам Билл, хоть и терзаемый муками совести, не находил в застольной беседе капитана Биггара ничего такого, к чему можно было бы придраться. На протяжении всего обеда, начиная с супа и кончая сардинками на поджаренных хлебцах, Белый Охотник придерживался только таких нейтральных тем, как знакомые вожди каннибалов и меры, которые следует принять, когда тебя обступили охотники за головами, вооруженные трубками с отравленными зарядами. Рассказал две довольно длинные и крайне скучные истории про каких-то своих приятелей Толстого Фробишера и Субадара. И сообщил Джил, на всякий случай, мало ли что, рецепт отличной мази от укусов аллигатора. Об обманщиках-букмекерах, гонке преследования по открытой местности и регистрационных номерах автомобилей речь вообще не заходила.

Но теперь, когда дамы удалились и двое крепких мужчин — или трое, если считать Рори Кармойла, — остались с глазу на глаз, кто скажет, сколько еще может продлиться это благополучное положение дел? Хоть бы

Рори не ляпнул сразу что-нибудь такое, что, мол, не интересуется ли капитан Биггар скачками?

— Капитан, вы не интересуетесь скачками? — произнес Рори, едва закрылась дверь.

С губ капитана Биггара сорвался стон, похожий на предсмертный хрип зебры. Билл, подскочивший на шесть дюймов вверх, угадал в нем глухой, безрадостный смех. У него и самого мелькнула была мысль разразиться чем-нибудь в таком же роде.

— Скачками? — задохнулся капитан Биггар. — Интересуюсь ли я скачками? Ну, перемелите меня в мясорубке и заправьте луком!

Эту просьбу Билл, если бы только мог, исполнил бы с радостью. Воспользовавшись таким кулинарным рецептом, он сразу разрешил бы все проблемы. Жаль, что ни одному вождю каннибалов, с которыми водился его гость, это не пришло в голову.

— Вечером состоится специальный банкет по случаю завтрашних скачек, — сказал Рори. — Я скоро вас оставлю и пойду смотреть телетрансляцию. Телевизор в библиотеке. Будут выступать все главные владельцы лошадей, обсуждать, у кого какие шансы. Разумеется, на самом-то деле никто из них ничего не знает. А днем сегодня были Дубки, вы случайно не присутствовали?

Капитан Биггар вздулся, как те удивительные рыбы на Флориде, которые раздуваются, если их пощекочешь.

— Присутствовал ли я на Дубках? *Чанг сварк!* Да, сэр, я там был. И если когда-нибудь человеку...

— Довольно живописная природа там в Саутмолтоншире, вы не находите, капитан? — поспешил заметить Билл. — Ласкает взор, как говорится. В соседней с нами деревне, Лоуэр Снодсбери, вы, наверное, обратили внимание, когда проезжали мимо...

— Если когда-нибудь человеку пережимали горло рукавом, черт побери, — продолжал свою тему капитан Биггар, который успел так раскраснеться, что оказался сейчас случайно в столовой бык — другой, не миновать бы беды, — то это мне сегодня в Эпсоме. Я прошел через горнило, как Седрах, Мисах и Навуходоносор,^[17] или как там его. Мне всю душу завязали узлом и пропустили через отжим.

Рори сочувственно поцокал.

— Не везло?

— Сейчас я вам все расскажу.

— ...там сохранилась прекрасная норманская церковь, — гнул свою линию Билл, обмирая, но не сдаваясь, — которую очень...

— Начну с того, что, вернувшись на старую родину, я сошелся с очень знающими ребятами, которые разбираются в лошадях так, что дай Боже, отличают, как говорится, где у лошади начало, а где конец, и они дали мне несколько дельных подсказок. И вот сегодня...

— ...которую очень высоко ценят специалисты по норманским церквам, — не замолкал Билл. — Сам я плохо в них разбираюсь, но слышал, что там в притворе есть...

Капитан Биггар снова взорвался.

— О притворстве мне лучше не говорите! *Йоги тулсирам джагинат!* О. первейшим из притворщиков я познакомился сегодня в Эпсоме, вздуйся он весь пузырями! Притворялся честным букмекером, а сам... Да, так я говорил, эти мои ребята время от времени подкидывали мне надежную информацию, и сегодня посоветовали двойной: в скачке в два тридцать Люси Глиттерс и в Дубках Мамашу Уистлера.

— Поразительно, что Мамаша Уистлера пришла победительницей, — вставил Рори. — У нас в «Харридже» было общее мнение, что у нее ни малейших шансов.

— И что же? Люси Глиттерс пришла при ста к шести, а Мамаша Уистлера, как вы наверно слышали, — при тридцати трех к одному.

Рори был потрясен.

— То есть ваша двойная выиграла?

— Да, сэр.

— При таких ставках?

— При таких ставках.

— А сколько вы поставили?

— Пятерку на Люси Глиттерс и весь выигрыш на Мамашу Уистлера.

Рори вытаращил глаза.

— Бог ты мой! Ты слышишь, Билл? Вы выиграли приличный куш.

— Три тысячи фунтов.

— Ну, я вам скажу!.. Слыхали, Дживс?

Дживс внес в столовую кофе. У него был все тот же, неизменно торжественный вид. Дживс, как и Билл, находил присутствие капитана Биггара невыносимым, но в отличие от Билла, который весь дергался и суетился, Дживс сохранял сходство с хорошо воспитанной статуей.

— Сэр?

— Капитан Биггар выиграл в Дубках три тысячи фунтов.

— В самом деле, сэр? Результат, о котором приходится только мечтать.

— Да, — мрачно произнес капитан. — Я выиграл три тысячи фунтов,

а букмекер с ними удрал.

Рори удивленно вздернул брови.

— Не может быть!

— Уверяю вас.

— Улизнул в лучах луны?

— Именно.

Рори был потрясен.

— Никогда не слышал такого безобразия! А вы слышали что-нибудь подобное, Дживс? Дальше уж некуда, верно, Билл?

Билл как бы очнулся.

— Извини, Рори, я задумался о другом. Так что ты говорил?

— Бедняга Биггар отхватил сегодня в Дубках жирный дубль, а букмекер, свинья, взял и удрал, не выплатив ему трех тысяч фунтов.

Билл, естественно, пришел в ужас. Какой порядочный человек не придет в ужас, услышав такое?

— Боже милосердный! — воскликнул он. — Капитан, как это могло случиться? Букмекер убежал, вы сказали?

— Рванул с места, как заяц, и я за ним.

— Неудивительно, что вы расстроены. Такие злодеи не должны оставаться на свободе. Кровь стынет в жилах, когда подумаешь о таком... таком... как такого человека назвал бы Шекспир, Дживс?

— Подлый, низкий, отъявленный негодяй, милорд...

— Вот-вот. Шекспир это здорово выражает.

— ...сукин сын, безмозглый таракан, лопоухий холоп, ничтожество, разбойник, поедатель падали, грязный, жалкий, в грубых онучах...

— Ладно, ладно, Дживс, хватит. Можно составить себе представление. — Билл заметно разволновался. — Не уходите, Дживс. Разворошите получше огонь в камине.

— Сейчас июнь, милорд.

— Да-да, верно. Я совсем голову потерял, услышав такое. Вы не присядете, капитан? Ах да, вы сидите. Тогда сигары, Дживс. Сигару для капитана Биггара.

Капитан поднял ладонь.

— Спасибо, не надо. Я не курю, когда преследую крупную дичь.

— Крупную дичь? А, ну да, понимаю. Этого букмекера. Вы — Белый Охотник и охотитесь на белых букмекеров, ха-ха! Неплохо сказано, а, Рори?

— Отлично сказано, старина. Я умираю от смеха. А теперь позвольте мне пойти вниз. Я хочу посмотреть по телевидению банкет по случаю

Дерби.

— Прекрасная мысль, — обрадовался Билл. — Давайте все пойдем смотреть банкет по случаю Дерби. Идемте, капитан.

Но капитан Биггар не двинулся с места. Он остался сидеть, где сидел, только сделался еще краснее прежнего.

— Может быть, позже, — произнес он кратко. — А сейчас я хотел бы переговорить с вами, лорд Рочестер.

— Конечно, конечно, конечно, конечно, — отозвался Билл не слишком жизнерадостно. — Оставайтесь, Дживс. Тут уйма всяких дел. Почистите вон пепельницу. Дайте сигару капитану Биггару.

— Джентльмен уже отказался от сигары, когда вы ему предлагали, милорд.

— Ах, да-да. Верно, верно, верно, — сказал Билл. И сам закурил сигару, держа огонек в руке, вибрирующей, как камертон. — Так расскажите нам еще про этого вашего жулика букмекера, капитан.

Капитан Биггар немного помолчал, нахмурившись. А потом вынырнул из пучины безмолвия со словами, что от всей души надеется когда-нибудь увидеть, какого цвета внутренности у этого негодяя.

— Если бы только я встретил подлеца в Куала-Лумпуре! — произнес он.

— В Куала-Лумпуре?

Дживс, как всегда, пришел Биллу на помощь.

— Город на побережье Малаккского пролива, милорд, в составе британской колонии Восточная Индия, куда входят Малакка, Пенанг и провинция Уэлсли, получившая статус отдельного владения в 1853 году и переданная под управление генерал-губернатора Индии. В 1887 году к этой колонии были присоединены Кокосовые, или Килинговы, острова, а в 1889-м — остров Рождества. Условия жизни в тех местах очень проникательно описал мистер Сомерсет Моэм.

— Ну конечно, я теперь припоминаю. Там, говорят, кого только не встретишь, всякой твари по паре.

В этом капитан Биггар оказался с ним согласен.

— Да, есть там всякая тварь, — подтвердил он. — Но мы умеем с нею обращаться. Знаете, лорд Рочестер, что бывает в Куала-Лумпуре с теми, кто проиграл, а не платит?

— Н-нет, мне кажется, я об этом ничего не слышал. Не уходите, Дживс. Вон еще одна пепельница, вы пропустили. Так что же бывает в Куала-Лумпуре с теми, кто проиграл, а не платит?

— Мы предоставляем несчастному три дня на то, чтобы вернуть долг.

А потом приходим к нему и даем ему револьвер.

— Добрый поступок. Караете его щедростью... То есть, вы хотите сказать, заряженный револьвер?

— Заряженный всеми шестью патронами. Мы смотрим негодяю в глаза и уходим, оставив револьвер на столе. Ничего не говоря. Он без слов понимает.

Билл проглотил комок в горле. Разговор такого рода был выше его сил.

— И он, значит, должен... Вам не кажется, что это... немного слишком?

Глаза капитана Биггара были холодны и тверды, как крутое яйцо.

— Этого требует кодекс чести, сэр. Честь! Это великое слово для тех, кто живет на окраинах Империи. Там слишком легко потерять форму. Вино, женщины и неоплаченные игорные долги — вот ступени, которые ведут вниз, — провозгласил он. — Вино, женщины и неоплаченные долги, — повторил он, изображая ладонью ступень за ступенью.

— Долги — ниже всего, а? Вы слышали, Дживс?

— Да, милорд.

— Довольно интересно.

— Да, милорд.

— Расширяет кругозор, я бы сказал.

— Да, милорд.

— Век живи, век учись.

— Совершенно верно, милорд.

Капитан Биггар взял с блюда большой бразильский орех и расколол его зубами.

— Мы, несущие бремя белых, обязаны показывать пример. Нельзя допускать, чтобы даяки переплюнули нас в соблюдении кодекса чести.

— А они что, пытаются?

— Даяку, не уплатившему долг, отрубает голову.

— Другие даяки?

— Да, сэр. Другие даяки.

— Ну и ну.

— И голову затем отдают первому кредитору.

Билл изумился. Возможно, что и Дживс тоже изумился, но лицо его не приспособлено было к выражению подобных эмоций. Те, кто знал его близко, якобы наблюдали своими глазами, как в минуту глубокого потрясения один уголок рта у него слегка вздрагивал; но в обычной жизни черты его лица сохраняют каменную невозмутимость, подобную

невозмутимости деревянного индейца на вывеске табачной лавки.

— Господи Боже мой! — проговорил Билл. — У нас тут такие порядки неприменимы. Если бы стали считаться, кто первый кредитор, представляете, какая свара бы поднялась! Правда, Дживс?

— Несомненно, милорд. Как в детской считалке: мясник или булочник, кузнец или дворник...

— Да еще знакомые, у которых этот даяк гостил весь уик-энд, а утром в понедельник улизнул, совсем забыв про субботнюю партию в бридж.

— Даяк, если только он остался бы после этого жив, научился бы впредь соразмерять свои ставки со своими финансовыми возможностями, милорд.

— Верно, Дживс. Конечно, он научился бы не зарываться.

— Вот именно, милорд. Он бы трижды подумал, прежде чем оставить компаньона без законного выигрыша.

Капитан Биггар разгрыз еще один орех. В установившейся тишине это прозвучало как выстрел, одним махом убивающий шестерых.

— А теперь, — произнес он, — с вашего позволения, лорд Рочестер, я хотел бы бросить эту пустую болтовню и перейти к делу. — Он замолчал на мгновение, приводя в порядок свои разбежавшиеся мысли. — Насчет этого жулика букмекера.

Билл захлопал глазами.

— Ах, да, насчет букмекера. Я понимаю, о чем вы.

— На данный момент он, к сожалению, скрылся. Но у меня хватило смекалки запомнить номер его машины.

— Вот как? Действительно, вы очень правильно поступили, верно, Дживс?

— Весьма, милорд.

— А потом справиться в полиции. И знаете что мне там сказали? Что этот автомобильный номер, лорд Рочестер, — ваш.

Билл удивился.

— Мой?

— Ваш.

— Но как это может быть?

— Вот тут-то и есть загадка, которую надо разрешить. Этот Честный Паркинс, как он себя называет, по-видимому, позаимствовал ваш автомобиль... с вашего согласия или без такового.

— Быть того не может!

— Совершенно немыслимо, милорд.

— Благодарю вас, Дживс. Разумеется, совершенно немыслимо. Откуда

мне знать какого-то Честного Паркинса?

— Так вы его не знаете?

— Первый раз о нем слышу! В глаза его никогда не видел. Как он выглядит?

— Высокий... примерно вашего роста... с рыжими усами и с черной нашлапкой на левом глазу.

— Нет, черт возьми, быть не может... То есть я хочу сказать, я вас понял. Черная нашлапка на левом глазу и рыжие усы на верхней губе. Я сначала подумал...

— И еще клетчатый пиджак и галстук с голубыми подковами по малиновому полю.

— Боже милосердный! Какой-то человек совершенно не нашего круга. Не правда ли, Дживс?

— Да, милорд, не *soigne*.^[18]

— Совсем, совсем не свинье. Да, кстати, Дживс, вы мне напомнили, Берти Вустер рассказывал, вы его однажды тоже так обругали, сильное впечатление на него произвело. И он даже попробовал сочинить на эту тему балладу. Не знаете, осуществил он свой замысел?

— Думаю, что нет, милорд.

— Конечно, Берти Вустеру это не по зубам. Но если бы за дело взялся подходящий человек, тут вполне мог бы выйти эстрадный хит.

— Вне всякого сомнения, милорд.

— Кол Портер, например, мог бы справиться с этой темой.

— Не исключено, милорд.

— Или Оскар Хаммерстейн.^[19]

— Это вполне в пределах возможностей такого талантливого человека, как мистер Хаммерстейн, милорд.

Но тут, явно потеряв терпение, капитан Биггар призвал собравшихся к порядку.

— К чертям эстрадные хиты и Оскары Портеры! — произнес он довольно резко, Эмили Пост^[20] его, безусловно, не одобрила бы за это. — Не о Портере речь. Я говорю о мошеннике букмекере, который сегодня ездил на вашем автомобиле.

Билл покачал головой.

— Мой дорогой охотник за пумами и прочей живностью, вы утверждаете, что говорите о букмекерах, но в действительности вы говорите сами не знаете о чем. Здорово я это обернул, а Дживс?

— Да, милорд. Смачно сказано.

— Разумеется, на самом деле наш друг Биггар запомнил не тот номер.

— Да, милорд.

Лицо капитана Биггара из малинового стало бордовым. Была задета его гордость.

— По-вашему, я не смог запомнить номер машины, за которой гнался от самого Эпсума до Саутмолтоншира? В машине, имеющей ваш номер, сегодня ехал упомянутый Честный Паркинс с помощником, и я спрашиваю вас, это вы одолжили ему автомобиль?

— Но, мой дорогой добрый друг, подумайте сами, могли я одолжить свой автомобиль человеку в клетчатом пиджаке и при малиновом галстуке, не говоря уж о черной нашлепке на глазу и рыжих усах? Это же совершенно не... как это говорится, Дживс?

— Невообразимо, милорд. — Дживс вежливо кашлянул. — Может быть, у джентльмена со зрением не все в порядке?

Капитан Биггар грозно напыжился.

— Это у меня со зрением не все в порядке? *У меня?! Да вы знаете ли, с кем разговариваете?* Я — бвана Биггар!

— Сожалею, сэр, но этого имени я никогда не слышал. Я полагаю, что вы допустили вполне простительную ошибку, неверно разобрав номер на едущей впереди машине.

Перед тем как ответить, капитан Биггар вынужден был сглотнуть разок-другой, чтобы взять себя в руки. Кроме того, он взял еще один орех.

— Послушайте, — произнес он почти мягко. — Вы, должно быть, тут не в курсе. Вам не рассказывали, кто да что. Я — Биггар, Белый Охотник, самый знаменитый Белый Охотник на всю Африку и Индонезию. Я могу преспокойно стоять на пути несущегося во весь опор носорога... А почему? Потому, что зрение у меня такое, что я знаю, понимаете? знаю, что успею всадить ему пулю в единственную уязвимую точку, не пробежит он и шестидесяти шагов. Вот какое у меня зрение.

Лицо Дживса осталось каменным.

— Боюсь, что я не могу изменить позиции, на которой стою, сэр. Допускаю, что вы натренировали зрение для случаев, подобных только что вами описанному, но, как ни плохо я информирован касательно крупной фауны Востока, я все же сомневаюсь, чтобы носорогов снабжали регистрационным номером.

Биллу показалось, что сейчас самое время пролить масло на бушующие волны и подкинуть слова утешения.

— А что до вашего злосчастного букмекера, капитан, мне кажется, я могу зажечь для вас луч надежды. Я допускаю, что он действительно

сбежал от вас с быстротой нетопыря, вырвавшегося из преисподней, но полагаю, когда от ромашек побелеют луга, он возвратит вам долг. У меня впечатление, что он вернет все, дайте только срок.

— Он у меня получит срок, — грозно сказал капитан. — И я позабочусь, чтобы подлиннее. А после того, как он вернет долг обществу, я займусь им лично. Тысяча сожалений, что мы не на Востоке. На Востоке такие вещи понимают. Если знают, что вы человек правильный, а тот, другой, не прав... что ж, тогда лишних вопросов не задают.

Билл слушал, широко раскрыв глаза, как трепетная серна.

— Ка... каких вопросов?

— Избавиться, и из головы долой — так в общем и целом там мыслят. Чем меньше на свете таких гадов, тем лучше для англо-саксонского престижа.

— М-да, пожалуй, можно и так на это взглянуть.

— Не стану от вас скрывать, на моем дробовике есть две-три зарубки, обозначающие не буйволов и не львов... и не антилоп... и не носорогов.

— Да? А кого же?

— Да этих, что удирают быстрее всех. Уродов в пестрой шкуре.

— Да, да, я знаю. Это гепарды, такие как бы леопарды, бегают со скоростью скаковой лошади.

Дживсу пришлось вмешаться с поправкой:

— Даже несколько быстрее, милорд. Полмили за сорок пять секунд.

— Вот это да! Вот это резвость! Вот это скакуны!

— Да, милорд.

Капитан Биггар раздраженно фыркнул:

— Я говорил о пестроклечатых неплательщиках, а не о пятнистых гепардах. Хотя случалось и тех пару-тройку подстрелить.

— Случалось?

— Бывало.

— Понятно, — сглотнув, произнес Билл. — Их тоже.

Дживс кашлянул.

— Могу ли я высказать предположение, милорд?

— Конечно, Дживс. Высказывайте несколько.

— Мне сейчас только пришло в голову, милорд, что тот мошенник на скачках, к которому капитан Биггар питает вполне заслуженную вражду, мог подменить номер на своем автомобиле поддельным...

— Точно, Дживс! Вы попали в яблочко!

— ...и по редкому совпадению, как раз намалевал на щитке номер машины вашего сиятельства.

— Конечно! И сразу все стало ясно. Удивительно, как нам это раньше в голову не пришло? Теперь все объясняется, вы согласны, капитан?

Капитан Биггар сидел и молчал. Судя по сведенным бровям, он обдумывал новый оборот дела.

— Но это же очевидно! — ликовал Билл. — Дживс, ваш выпирающий сзади мозг, подпитываемый рыбной диетой, разрешил загадку, которая, если бы не вы, осталась бы в истории нераскрытой тайной, о каких пишут в книгах. Будь у меня на голове шляпа, я бы сейчас ее снял перед вами.

— Я счастлив, что заслужил одобрение, милорд.

— Вы всегда заслуживаете одобрение, Дживс, неизменно. За это вас все так уважают.

Капитан Биггар кивнул.

— Д-да, пожалуй, что это возможно. Другого объяснения просто нет.

— Слава Богу, что все, наконец, разъяснилось, — повеселел Билл. — Еще портвейну, капитан?

— Нет, благодарю.

— Тогда, может быть, присоединимся к дамам? А то они наверно недоумевают, что такое у нас тут приключилось? И говорят себе: «А он все не идет!», как эта самая, как ее, Дживс?

— Как бедная Марианна, милорд.

И вечером, когда выпадала,
И утром, когда высыхала роса,
Лила Марианна горькие слезы,
Не в силах взглянуть в небеса. [\[21\]](#)

— Ну, настолько уж убиваться из-за нашего отсутствия они вряд ли станут. Но все-таки, я думаю, пора... Идемте, капитан?

— Я хотел бы сначала позвонить по телефону.

— Позвонить можно из гостиной.

— Это личный разговор.

— Уговорили. Дживс, отведите капитана Биггара в вашу буфетную и посадите к аппарату.

— Очень хорошо, милорд.

Оставшись в одиночестве, Билл задержался на несколько мгновений, раздраемый противоречивыми желаниями: и поскорее очутиться в дамском обществе, и опрокинуть еще стакан портвейна за здоровье Честного Паркинса, благополучно обогнувшего опасный угол.

Единственное, что омрачало его довольство, была мысль о Джил. Билл был не вполне уверен, в каких отношениях он сейчас с путеводной звездой своей жизни. За ужином миссис Спотсворт, сидевшая от него по правую руку, своим панибратством превзошла его самые мрачные опасения. И кажется, в глазах Джил блеснул тот холодный, задумчивый огонек, который влюбленному меньше всего хочется видеть в глазах суженой.

По счастью, в процессе ужина панибратство миссис Спотсворт постепенно сошло на нет, поскольку разговорился капитан Биггар. Миссис Спотсворт перестала поминать веселые каннские денечки, а вместо этого с упоением внимала рассказам Белого Охотника:

О сказочных пещерах и пустынях...
О каннибалах, то есть дикарях,
Друг друга поедающих, о людях,
Которых плечи выше головы. [\[22\]](#)

К его речам она, не дыша, склонила слух, полностью исключив из застольной беседы каннские мотивы, так что, возможно, еще не все так плохо.

Меж тем в столовую вернулся Дживс, и Билл принялся вновь возносить ему хвалы за выигранное сражение..

— Замечательная мысль вас осенила, Дживс. Просто спасительная.

— Благодарю вас, милорд.

— Она разрешила все трудности. Успокоила его подозрения, так ведь?

— Можно предполагать, что так, милорд.

— А знаете, Дживс, даже в наши беспокойные послевоенные времена, при том, что куда ни посмотришь, повсюду выделяет кульбиты социальная революция и цивилизация, так сказать, угодила в плавильный котел, все же неплохо, когда твое имя значится в книге пэров, да еще крупными буквами.

— Бесспорно, милорд. Это придает джентльмену некий статус.

— Вот именно. В обществе, не требуя доказательств, тебя считают порядочным человеком. Возьмите, например, графа. Он живет себе, поживает, люди говорят: «Он — граф» и довольствуются этим. И никому даже в голову не приходит, что, может быть, в свободную минуту он лепит на глаз черную нашлапку, наклеивает усы и в клетчатом пиджаке и при галстукке с подковами кричит из дощатой будки: «Один к шести на всех, кроме одной!»

— Совершенно справедливо, милорд.

— И это хорошо.

— Весьма, милорд.

— Могу вам признаться, что на протяжении сегодняшнего дня были минуты, когда мне казалось, что ничего не остается, как сказать себе: «Что ж поделаешь!» и поднять лапки кверху. Но сейчас еще немного, и я запою, как херувимы и серафимы. Ведь эти, которые поют, они херувимы и серафимы?

— Да, милорд. Главным образом, «Осанну».

— Я словно заново родился. Прошло неприятное ощущение, будто проглотил пинту бабочек, которое у меня возникло, когда под барабанную дробь в языках пламени выскочил из подпола этот чертов Белый Охотник.

— Рад это слышать, милорд.

— Я знал, что вас это обрадует, Дживс. Само собой. Сочувствие и Понимание — ваши средние имена. Ну а теперь, — сказал Билл, — присоединимся к обществу дам и избавим их от мук ожидания.

Глава IX

Но в гостиной оказалось, что число дам, к чьему обществу можно было присоединиться, сократилось до одной, осталась только, считая слева направо, — Джил. Она сидела на диване, держа в ладонях пустую кофейную чашку и устремив перед собой, как принято выражаться, невидящий взор. У нее был вид девицы, которая о чем-то глубоко задумалась, которой недавние события дали обильную пищу для размышлений.

— Привет, дорогая, — радостно воскликнул Билл, точно потерпевший кораблекрушение моряк, завидевший на горизонте парус. После того страшного испытания, которое он перенес в столовой, когда ушли дамы, любое лицо, если это не лицо капитана Биггара, показалось бы ему прекрасным, а лицо Джил — тем более.

Джил подняла на него глаза.

— Ну, привет, — отозвалась она.

Биллу показалось, что она встретила его довольно сдержанно, но это не убавило его жизнерадостности.

— А где все?

— Рори и Мук в библиотеке смотрят телетрансляцию банкета в канун Дерби.

— А миссис Спотсворт?

— А Роза, — ответила Джил ровным голосом, — пошла к разрушенной часовне. Она надеется побеседовать там с призраком леди Агаты.

Билл от неожиданности вздрогнул и сглотнул.

— Роза? — переспросил он.

— По-моему, ты так ее называешь, разве нет?

— М-м, ну да.

— А она тебя Билликен. Она твоя старая приятельница?

— Нет, что ты. Познакомился с ней когда-то летом в Каннах.

— Из ее рассказов за ужином про поездки при луне и купания под Райской скалой у меня сложилось впечатление, что вы были довольно близкими друзьями.

— Какое там! Вовсе нет. Просто знакомые, не более того.

— Понятно. Оба помолчали.

— Скажи, ты помнишь, — прервала наконец молчание Джил, — что я

давеча говорила насчет того, чтобы ничего друг от друга не скрывать, если двое хотят пожениться?

— Я... Д-да... Помню.

— Мы согласились, что иначе и быть не может.

— Д-да... Ну конечно. Ясное дело.

— Я рассказала тебе про Перси, верно? И про Чарльза, и Скиффи, и Тома, и Блотто, — продолжала Джил, перечисляя героев своих забытых романов. — Мне и в голову не приходило скрыть от тебя, что я уже была один раз помолвлена до тебя. Почему же ты прятал от меня эту Спотсворт?

Биллу показалось, что за один летний день на одного в общем-то неплохого парня, никому не желающего зла и со всеми старающегося поступать по-хорошему, жестокая судьба обрушила слишком много неприятностей. Тот малый — Шекспир, кажется, но надо будет уточнить у Дживса, — который писал про пращи и стрелы яростной судьбы,^[23] знал, что говорил. Вот именно что пращи и стрелы.

— Не прятал я от тебя эту Спотсворт! — горячо возразил он. — Просто к слову не приходилось. Да Господи! Когда сидишь с любимой девушкой, держишь ее за ручку и шепчешь ей на ушко ласковые слова, разве можно вдруг сменить тему и сказать: «Да, между прочим, была одна женщина, с которой я познакомился несколько лет назад в Каннах, и по этому вопросу я хочу теперь произнести несколько слов. Для начала — про поездку в Сан-Тропез».

— При свете луны.

— Разве я виноват, что светила луна? Меня не спрашивали. А что до купания под Райской скалой, то тебя послушать, можно подумать, будто мы были с ней одни у этой чертовой скалы, и вокруг ни души. Ничего подобного, как раз наоборот. Когда ни сунешься в воду, там всегда кишмя кишело великими князьями в изгнании и вдовствующими аристократками самых строгих правил.

— И все-таки я нахожу странным, что ты ни разу о ней не обмолвился.

— Не вижу в этом ничего странного.

— А я вижу. А еще страннее, что когда Дживс пришел и объявил о прибытии некоей миссис Спотсворт, ты только буркнул что-то малосодержательное и замолчал, как будто первый раз о такой слышишь. Разве не естественнее было бы сказать: «Миссис Спотсворт? Вот так так! Уж не та ли самая это дама, с которой я пару лет назад в Каннах поддерживал отдаленное знакомство? Я тебе о ней не рассказывал, Джил? Мы с нею катались при луне, но, разумеется, на приличном расстоянии».

Настал миг Биллова торжества.

— Нет! — провозгласил он. — Совсем не было бы естественно, если бы я сказал: Миссис Спотсворт? Вот так так, и так далее. И сейчас объясню, почему. Во время нашего с ней знакомства... отдаленного, повторяю, как все знакомства, которые заводят в Каннах и прочих курортных местах... ее фамилия была Бессемер.

— Вот как?

— Именно так. Б-Е-С-С-Е-М-Е-Р. А каким образом она превратилась в Спотсворт, я еще даже не выяснил.

Тут вошел Дживс. Долг требовал от него в эту самую минуту собрать и вынести кофейные чашки, а требования долга никогда не оставались у этого замечательного человека в небрежении.

Его приход положил конец разговору, и Джил, у которой еще было что сказать на обсуждаемую тему, просто встала и подошла к двери на террасу.

— Мне надо идти, — проговорила она спокойно, хотя все еще довольно сдержанно.

— Ты что, уже уходишь? — удивился Билл.

— Я только домой за вещами. Мук пригласила меня ночевать.

— Да благословят ее небеса! Что значит, умная девушка.

— Ты одобряешь ее приглашение?

— По-моему, это замечательно.

— Ты уверен, что я не помешаю?

— Ну что за вздор! Хочешь, я схожу с тобой?

— Нет, конечно. Ты же хозяин дома и принимаешь гостей. Она вышла, а Билл, проводив ее любящим взглядом, вдруг спохватился и вздрогнул. Что такое должен был означать ее вопрос: «Ты уверен, что я не помешаю?» Просто так она это сказала, из вежливости, или со зловещим подтекстом?

— Женщины — странные существа, Дживс, — проговорил он, вздыхая.

— Да, милорд.

— Чтобы не сказать, загадочные. Говорят одно, а что подразумевают, никогда не поймешь.

— Да, крайне редко, милорд.

Билл мгновение помолчал, размышляя.

— Вы наблюдали за мисс Уайверн, когда она выходила в эту дверь?

— Не очень внимательно, милорд.

— Как она, на ваш взгляд, держалась, странно?

— Затрудняюсь ответить, милорд. Мое внимание было сосредоточено на чашках.

Билл снова погрузился в раздумья. Неопределенность действовала ему на нервы. «Ты уверен, что я не помешаю?» Был ли в ее голосе язвительный призыв, когда она задавала этот вопрос? От этого все зависело. Если не было призыва, хорошо. Но если был, тогда дела обстоят неважно. Такой вопрос да еще язвительный призыв вместе могут означать только одно: его разъяснения Спотсворт-Каннского эпизода не возымели успеха, и она по-прежнему питает подозрения, совершенно не достойные такой девушки, как Джил.

Он ощутил раздражение, которое всегда в таких ситуациях ощущают ни в чем не повинные мужчины. Что проку быть чистым, как свежесвыпавший снег, или даже еще чище, если у девушек все равно так язвительно звенит голосок?

— Беда с женщинами заключается в том, Дживс, — проговорил он, и философ Шопенгауэр тут конечно шлепнул бы его по спине и сказал, что вполне его понимает, — что практически все они не в своем уме. Взять, вот например, миссис Спотсворт. Просто помешанная. Сидит ночью в разрушенной часовне в надежде увидеть леди Агату.

— В самом деле, милорд? Миссис Спотсворт интересуется привидениями?

— С маслом их ест. Разве уравновешенный человек может так себя вести?

— Спиритуальные переживания бывают притягательны для слабого пола, милорд. Моя тетя Эмили...

Билл бросил на него предостерегающий взгляд.

— Помните, что я говорил вам насчет Плиния Младшего, Дживс?

— Да, милорд.

— Это же относится и к вашей тете Эмили.

— Очень хорошо, милорд.

— Меня не интересует ваша тетя Эмили.

— Я вас понимаю, милорд. За долгие годы своей жизни она очень мало кого интересовала.

— Так ее уже нет с нами?

— Нет, милорд.

— И то хоть слава Богу.

Дживс выплыл из комнаты, а Билл бросился в кресло. Он по-прежнему размышлял о загадочном вопросе Джил, и теперь его мысли приняли пессимистическое направление. Не в одном только призыве тут дело. Ему уже определенно представлялось, что она произнесла эти слова сквозь зубы да еще посмотрела на него весьма многозначительно. И кажется, даже

собиралась сказать что-то ехидное.

Билл лихорадочным жестом запустил пальцы в волосы. И в это мгновение из библиотеки вышла Моника. Присутствующие на банкете по случаю завтрашних скачек, на ее вкус, оказались чересчур многоречивы. Рори по-прежнему ловил каждое их слово, но ей захотелось перевести дух.

Она увидела, что любимый брат рвет на себе волосы, и очень удивилась.

— Господи Боже мой, Билл! Что с тобой? Что такое? Билл посмотрел на нее не по-братски свирепо.

— Ничего, черт возьми! Ничего, ясно? Ничего, ничего, ничего!

Моника вздернула брови.

— Ну и ладно. Чего ты так разнервничался? Я просто выражала сестринское участие.

Билл великим усилием воли вернулся к знаменитой любезности Рочестеров.

— Прости, Мук, старушка. У меня голова болит.

— Ах ты мой бедненький.

— Ничего, скоро пройдет.

— Тебе нужен свежий воздух.

— Может быть.

— И приятное общество. Мамаша Спотсворт пошла в разрушенную часовню. Ступай к ней и поболтай о том о сем.

— Что-о?

Моника сказала умиротворяющим тоном:

— Не упряжься, Билл. Ты не хуже меня понимаешь, как важно расположить ее к себе. Один хороший рывок сейчас может склонить ее к покупке дома. С самого начала было так задумано: я разрекламировала ей Рочестер-Эбби, а теперь ты отведешь ее в сторонку ипустишь в ход свое прославленное обаяние. Помнишь, ты обещал, что будешь ворковать с ней, точно сизый голубок? Ступай сейчас же и принимайся ворковать, как не ворковал никогда в жизни.

Мгновение казалось, что сейчас с беднягой Биллом, чей предел выносливости был давно превзойден, случится нечто вроде самовозгорания. Глаза его полезли на лоб, щеки вспыхнули, и огненные речи затрепетали на губах. Но вдруг, словно в разговор вступил Здравый Смысл и негромко поцокал языком, все встало на свои места: глаза потухли и щеки понемногу приобрели нормальный оттенок. Билл осознал, что предложение Моника разумно и справедливо.

В пылу последних переживаний он как-то упустил из виду, что для

него зависит от осуществления продажи наследственного жилища. И теперь вдруг осознал, насколько важна эта возможность, этот единственный спасательный круг, колышущийся на волнах моря бед, в которое он погружен почти с головой. Ухватиться за него, иначе — гибель. Когда продают дома, напомнил он себе, какую-то часть цены в виде залога получают наличными. Такого залога хватит на то, чтобы избавиться от угрозы со стороны Биггара, и если для получения этой суммы требуется пойти к Розалинде Спотсворт и поворковать с ней, значит, надо идти и ворковать.

Одновременно ему пришла утешительная мысль, что раз Джил отправилась домой за вещами для ночевки, выходит, до ее возвращения у него есть добрых полчаса, а за полчаса, если как следует сосредоточиться, можно наворковать вполне достаточно.

— Мук, — сказал Билл, — ты права. Мое место рядом с нею.

Он торопливо вышел, а еще минуту спустя в дверях библиотеки появился Рори.

— Послушай, Мук, — обратился он к жене, — ты понимаешь по-испански?

— Нет. Никогда не пробовала. А что?

— Там по телевизору какой-то испанец или аргентинец, ну, словом, из этой публики, рассказывает про свою лошадь на родном языке. Наверно, совсем не нашего круга человек, но интересно все-таки услышать его мнение. А где Билл? Неужели все еще сидит с Бременем Белого Человека?

— Нет, он только что сюда заглянул и ушел пообщаться с миссис Спотсворт.

— Я хочу обсудить с тобой ситуацию с Биллом. Мы здесь одни? Нас никто не может услышать?

— Разве только если кто-нибудь прячется вот в этом сундуке. Что такое с Биллом?

— С ним что-то не так, старушка, и это каким-то образом связано с капитаном Биггаром. Ты смотрела на Билла за обедом?

— Специально, кажется, нет. А что? Он ел горошек ножом?

— Это-то нет. Но, встречаясь взглядом с Биггаром, он каждый раз весь корчился, словно исполнял танец живота. Этот Биггар почему-то действует на него, как веничек-сбивалка на яйцо. Почему? Вот что мне хотелось бы знать. Кто он в сущности такой, таинственный капитан Биггар? Зачем он здесь? И что между ними, отчего бедняга Билл весь дрожит, подскакивает и трясется, стоит тому на него взглянуть? Не нравится мне это, моя милая. Выходя за меня замуж, ты даже не заикнулась, что у вас в роду есть

припадочные, и я считаю, что по отношению ко мне это несправедливо. Подумай сама, каково это: ухаживал-ухаживал, не жалея сил и денег, завоевал любовь обожаемой избранницы и вдруг, вскоре после медового месяца, узнаешь, что стал зятем человека, больного пляской Святого Вита.

Моника задумалась.

— А ведь действительно, по-моему, когда я сказала ему, что к нам прибыл некий капитан Биггар, он словно бы разволновался. Точно, точно. Я теперь припоминаю и зеленоватую бледность лица, и отвисшую нижнюю челюсть. А сейчас, когда я вошла, он драл на себе волосы. Я согласна с тобой. В этом есть что-то зловещее.

— Но я еще вот что скажу тебе, — продолжал Рори. — Когда я собрался уходить из столовой, чтобы смотреть телепередачу, Билл тоже хотел пойти. «Пойдемте, капитан?» — спросил он Биггара. А тот, надувшись, ему в ответ: «Может быть, попозже. А сейчас я хотел бы переговорить с вами, лорд Рочестер». Эдаким ледяным, железным тоном, точно судья, который сейчас присудит вам штраф в пять фунтов за сдергивание каски с полицейского в ночь лодочных гонок. Билл лязгнул челюстью, как голодный бульдожка, и пробормотал: «Да-да, конечно», или что-то в этом роде. Словом, видно за версту, что у этого Биггара есть что-то на нашего Билла.

— Но что это может быть?

— Тот же вопрос задал себе и я, о старая подруга радостных и суровых дней моих. И по-моему, я нащупал ответ. Ты помнишь рассказы, которые мы читали в детстве, например, в «Стрэнд мэгазин»?

— Что еще за рассказы?

— Ну, про глаз идола, скажем. Как шайка негодяев рванула в Индию, чтобы выкрасть драгоценный камень, служащий глазом идолу. Камень они благополучно стащили, но при дележке обделили одного из своих, отчего он, естественно, затаил на них зло и по прошествии многих лет он их, одного за другим, выследил в их респектабельных английских домах и всех до последнего уничтожил, таким образом сведя с ними счеты. Попомни мои слова, этот тип Биггар преследует старину Билла за то, что Билл присвоил его долю денег, вырученных за зеленый глаз золотого божка в храме Вишну, и я ничуть не удивлюсь, если завтра утром, спустившись к завтраку, мы увидим его плавающим в луже крови среди жареных селедок и сосисок с вонзенным в основание черепа восточным кинжалом.

— Дурак!

— Это ты мне?

— Именно тебе, и мало еще. Билл никогда в жизни не бывал

восточнее Ист-Энда.

— А в Каннах?

— Разве Канны на Востоке? Первый раз слышу. Но к индийским божкам с драгоценными глазами он уж точно никогда не приближался.

— Да, это я упустил из виду, — признал Рори. — Это обстоятельство несколько подрывает убедительность моей версии.

Однако, подумав еще немного, он выдвинул новую гипотезу:

— Ха! Теперь мне все ясно. Я понял: причина вражды между Биллом и Биггаром в младенце.

— Господи, что ты такое городишь! В чьем младенце?

— Билла. В тесном сотрудничестве с родной дочерью Биггара, сокровищем его души, наивной бедняжкой, которая любила «безмерно, безрассудно».^[24] А если ты мне возразишь, что теперь наивные и безрассудные девушки все вывелись, я отвечу: «Где-нибудь, может, и вывелись, но не в миссионерской школе тамошнего Коала Пурпура». У них в миссионерских школах девочек знакомят с грубыми фактами жизни на примере пчелок и цветочков, так что бедняжки теряют всякое представление, о чем речь.

— Слушай, Рори, ради Бога!

— Подумай, как это все укладывается в неотвратимость греческой трагедии, или что там у них было такое неотвратимое. Девушка по окончании школы возвращается в Англию, одна, без матери, наставить ее некому, и тут она встречает молодого красавца англичанина. Что за этим следует? Один неверный шаг. Запоздалое раскаяние... Маленький сверток на руках. Трудное объяснение с папашей. Папаша весь кипит, изрыгает несколько проклятий на каком-то дикарском наречии, увязывает в мешок слоновое ружье и приезжает потолковать со стариной Биллом. «Каррамба!», как говорит, наверное, сейчас тот венесуэлец в телевизоре. Впрочем, беспокоиться особенно не о чем. Я думаю, жениться он его все равно не заставит. Единственное, что Биллу придется взять на себя, это заботу об образовании маленького. Поместить его в школу, если мальчик, то в Итон, если девочка, — в Роудин.

— В Челтнем.

— Ах, да. Забыл, что ты училась в Челтнеме. Но теперь встает вопрос: надо ли об этом ставить в известность юную Джил? По-моему, жестоко не предостеречь ее против неосмотрительного брака с таким невозможно испорченным человеком, как Вильям, граф Рочестер.

— Не смей такими словами обзывать моего брата Билла!

— Именно такими словами обозвали бы его у нас в «Харридже».

— И вообще, я думаю, ты ошибаешься насчет Билла и Биггара. Действительно, бедняжка немного нервничает, но вернее всего, капитан Биггар тут совершенно ни при чем. Просто он волнуется, купит ли миссис Спотсворт у него дом. И кстати сказать, Рори, ты мог бы как тренированный продавец поспособствовать заключению этой сделки, вместо того чтобы вставлять палки в колеса.

— Не понимаю, к чему ты клонишь.

— Клоню к самой земле. За все время после появления здесь миссис Спотсворт ты только и делал что привлекал внимание к недостаткам Рочестер-Эбби. Будь конструктивнее.

— Как например, моя королева?

— Н-ну, покажи ей что-нибудь хорошее в этом доме. Рори послушно, но не убежденно кивнул.

— Сделаю что смогу, — пообещал он. — Хотя у меня для работы будет очень мало материала. Ну, а теперь, моя старушка, этот испанец уже, должно быть, сошел с экрана и мы можем снова присоединиться к телевизионному банкету. По каким-то загадочным причинам — кто знает, что нами правит? — я испытываю пристрастие к четвероногому по кличке Риторика.

Глава X

Миссис Спотсворт покинула разрушенную часовню. Она прождала появления леди Агаты целых двадцать пять минут, и ей это надоело. Как многие очень богатые дамы, она была нетерпелива и требовала, чтобы ее обслуживали в первую очередь. Захотелось ей привидений — значит, подать их немедленно, с пылу с жару. Идучи обратно через сад, она присмотрела живописно расположенную скамейку, села, закурила сигарету и стала любоваться красотой летней ночи.

Была одна из тех чудесных июньских ночей, какие изредка все же случаются в Англии и смягчают обычную суровость летней непогоды, сея в умах торговцев зонтами и макинтошами сомнения, правильно ли они всегда считали, что эта страна — земной рай для представителей их профессии?

По небу плыла луна, веял ласковый западный ветерок, принося с собой будоражащий душу аромат левкоев и душистого табака. В кустах возле скамейки тихо шуршали робкие насельники ночи, и в довершение всего за рекой на том берегу запел соловей, приступив к делу с таким размахом, какого и следовало ожидать от птицы, получившей восторженный отзыв у поэта Китса^[25] и только позавчера удостоившейся лестного упоминания в передаче Би-Би-Си.

То была ночь, созданная для любви, и миссис Спотсворт это ясно чувствовала. Хотя в юности, когда она писала верлибры в Гринич Вилледж, в круг ее интересов входили, главным образом, нищета и грязь, однако в глубине души она даже и тогда была сентиментальна. Ее бы воля, она бы только и строчила что вирши про кровь и любовь, луну и тишину, сказки и ласки. Да вот издатели поэтических сборников почему-то отдавали предпочтение многоквартирным корпусам с крысами, кислому капустному духу и беспросветной безнадежности, а кормиться-то девушке надо.

Но теперь, приобретя полную финансовую независимость и освободившись от необходимости угождать вкусам издателей, она могла преспокойно совлечь путы со своей чувствительной души и, сидя на скамейке, свободно любоваться лунной ночью и упиваться пением соловья, предаваясь настроению, которое такой тонкий стилист, как покойный Гюстав Флобер, прославившийся своими неустанными поисками точного слова, без колебаний определил бы как сентиментальное.

В том, что миссис Спотсворт так сильно расчувствовалась, немало повинны были рассказы капитана Биггара за ужином. Мы уже привели выше некоторые образчики и охарактеризовали общее направление его разговора, свободно переходившего с людоедов на охотников за головами, с охотников за головами на аллигаторов, и все это произвело на миссис Спотсворт примерно такое же действие, как рассказы Отелло на Дездемону. Словом, задолго до того, как была съедена последняя клубничина десерта и разжеван последний орех, миссис Спотсворт пришла к твердому выводу, что вот он, подходящий для нее спутник жизни, и задумала сделать все потребное, чтобы дело это решилось желательным образом. Насчет того, чтобы снова выйти замуж, и А.Б. Спотсворт, и Клифтон Бессемер — оба дали ей «зеленую улицу». Так что никаких препятствий на пути к цели перед нею не было.

Однако на пути к скамейке, на которой миссис Спотсворт сидела, по-видимому, некое препятствие имелось, ибо она вдруг услышала в ночной тишине, как кто-то, мужественно шагая, налетел на садовый вазон, затем последовало смачное проклятие на суахили, и перед нею, потирая лодыжку, появился капитан Биггар.

— Ах, Боже мой, вы не поранились, капитан? — спросила миссис Спотсворт, вся — женственное участие.

— Всего лишь царапина, милая леди, не более того, — ответил он.

Говорил он отрывисто, и только кто-нибудь вроде Шерлока Холмса или месье Пуаро сумел бы определить, что при звуках ее голоса сердце его проделало двойное сальто и он затрепетал не хуже самого Билла Ростера.

Белый Охотник, поговорив по телефону, почел за благо не заходить в гостиную, а выбратся на широкий простор, где можно побыть одному. Присоединиться к дамам, рассудил он, значит, подвергнуть себя мучительному созерцанию боготворимой женщины и лишний раз убедиться, что она для него недостижима. Он понимал, что оказался в положении мотылька, который позволил себе увлечься звездой, как это описано в известном стихотворении Шелли,^[26] а на его взгляд, разумный ход для мотылька был бы по возможности уклоняться от общения с обожаемым предметом и тем уменьшить сердечные муки. Вот что должен был бы рекомендовать в такой ситуации стихотворец Шелли.

И вот, пожалуйста, он оказался ночью в саду наедине со своей любовью. И ночь не простая, а по всей форме, с луной, соловьями, нежно веющим ветерком и благоуханием левкоев и табака.

Так что, принимая приглашение миссис Спотсворт посидеть с нею на скамеечке, капитан Биггар весь сжался, собрался и сказал себе: «Будь

тверд, приятель». А в ушах его звучали голоса Толстого Фробишера и Субадара: справа Толстый Фробишер советовал не быть размазней, а слева Субадар — напоминал о кодексе чести.

Он мобилизовал все силы для предстоящего tete-a-tete'a.

Миссис Спотсворт, мастерица светских бесед, начала с замечания, что, мол, какая божественная ночь, на что от капитана последовало: «Высший класс». — «Луна», — умилилась миссис Спотсворт и прибавила, что ночь, когда светит полная луна, по ее мнению, гораздо лучше ночи, когда луна неполная. «Угу», — согласился капитан Биггар. Затем, после того как миссис Спотсворт высказала предположение, что ветерок напевает цветам колыбельные песенки, а капитан Биггар с огорчением признался, что не имеет по этому вопросу собственного мнения, поскольку является чужаком в здешних краях, наступило молчание.

Нарушила его миссис Спотсворт, испуганно вскрикнув: «Ой!»

— Что случилось?

— Я потеряла подвеску. Замочек развинтился. Капитан Биггар преисполнился сочувствием.

— Вот неприятность, — сказал он. — Наверно лежит где-нибудь тут на дорожке. Сейчас поищу.

— Да, пожалуйста. Она дешевенькая, стоила каких-нибудь десять тысяч, не больше, но дорога мне как память. Это подарок одного из моих мужей, я только забыла, которого. Нашли? Вот спасибо! Не можете мне застегнуть?

Когда капитан Биггар застегивал у нее на шее цепочку, пальцы его, а также мышцы спины и живота мелко дрожали. Защелкнуть замочек, не дотронувшись до шеи владелицы, было практически невозможно, он несколько раз коснулся атласной кожи. И при каждом прикосновении тело его пронзало точно ножом. Полная луна, соловей, ветерок, левкой и душистый табак так и подталкивали его покрыть эту шею горячими поцелуями.

Да только Толстый Фробишер и Субадар дружно образовали оппозиционный блок и не давали ему это сделать.

— Прямая клюшка, старина, — предостерегал Толстый фробишер.

— Помни, что ты белый человек, — добавлял Субадар. Он сжал кулаки и опомнился.

— Приятно, должно быть, — заметил он прямодушно, — иметь столько денег, чтобы считать десять тысяч пустяком.

Миссис Спотсворт сразу подхватила эту реплику:

— Вы думаете, богатые женщины обязательно счастливы, капитан

Биггар?

Капитан ответил, что те, которых он знал, а ему как Белому Охотнику случалось встречать их немало, на жизнь не жаловались.

— Они носили маску.

— То есть как это?

— Улыбались, чтобы скрыть страдание, — пояснила миссис Спотсворт.

Капитан Биггар припомнил, как одна миллионерша, крупная блондинка по фамилии Фиш, как-то ночью танцевала канкан в кружевных панталонах, но миссис Спотсворт на это сказала, что бедняжка просто старалась не показать вида.

— Богатые женщины так одиноки, капитан Биггар.

— Разве вы одиноки?

— Очень, очень одинока.

— О, а, — произнес капитан Биггар.

Вообще-то он хотел бы сказать не это. Ему хотелось бы излить душу в страстном потоке слов. Но что тут можно сделать, если за каждым твоим жестом следят Толстый Фробишер и Субадар?

Когда женщина лунной ночью под аккомпанемент закатывающихся соловьев говорит мужчине, что она очень, очень одинока, а в ответ слышит только «о» да «а», нельзя ее винить, если она на миг несколько упадет духом. У миссис Спотсворт был когда-то большой гончий пес летаргического темперамента, ему надо было надавать пинков, чтобы выгнать вечером на прогулку. Вот и теперь у нее возникло такое же ощущение, как будто она колотит носком туфли по ленивому заду этого пса. Будто прилагаешь напрасные усилия, пытаешься сдвинуть нечто несдвигаемое. Она любила Белого Охотника. И восхищалась им. Но высечь из его груди искру страсти оказалось работой не из легких. В голове даже мелькнула горькая мысль, что у мокрой устрицы на блюде ей случалось видеть больше божественного огня. Однако она не отступилась.

— Как странно, что мы с вами здесь встретились, — тихо пролепетала она.

— Да, очень странно.

— Мы были на разных концах земли, и вот встретились в английской пивной.

— Редкое совпадение.

— Не совпадение. Так было предначертано. Хотите, я вам скажу, что привело вас в ту пивную?

— Мне захотелось пива.

— Рок, — возразила миссис Спотсворт. — Фатум. Да, простите?

— Я только хотел сказать, что с английским пивом не сравнится ни одно пиво на свете.

— Тот же рок, тот же фатум, — продолжала миссис Спотсворт, хотя при других обстоятельствах она бы с горячностью оспорила его последнее утверждение, так как считала, что английское пиво просто невозможно взять в рот, — которые свели нас в Кении. Вы помните день в Кении, когда мы познакомились?

Капитана Биггара перекурежило. Это было все равно, что поинтересоваться у Жанны д'Арк, не забыла ли она случайно свое небесное видение. «Ну, что, ребята? — мысленно спросил он и покосился направо и налево. — Никак невозможно сделать исключение?» Но Толстый Фробишер и Субадар отрицательно покачали головами.

— Чти кодекс, — сказал Толстый Фробишер.

— Играй по правилам, — сказал Субадар.

— Помните? — повторила миссис Спотсворт.

— Угу, — ответил капитан Биггар.

— У меня тогда при виде вас возникло странное ощущение, будто мы уже когда-то в прежней жизни были знакомы.

— Маловероятно, я бы сказал. Миссис Спотсворт закрыла глаза.

— Я словно бы видела нас обоих в какие-то темные доисторические времена, мы были одеты в звериные шкуры. Вы ударили меня дубинкой по голове и потащили за волосы в свою пещеру.

— Ну уж нет, ничего подобного я бы никогда не сделал.

Миссис Спотсворт подняла веки, расширила до максимума свои прекрасные очи и направила их на него, точно два прожектора.

— Вы сделали это, потому что вы меня любили, — трепетным шепотом промолвила она, — А я...

Она не договорила. Нечто длинное и тощее вырисовалось над нею в небе, и голос, быть может, чуть-чуть нервно произнес:

— Ах, вот вы, оказывается, где...

Я искал вас повсюду, Роза, — продолжал Билл. — У разрушенной часовни вас не оказалось, и тогда... А-а, здравствуйте, капитан.

Капитан хрипло ответил на приветствие и на подкашивающихся ногах побрел прочь. Пройдя несколько шагов и сгинув из виду, он задержался, чтобы отереть со лба капли пота. Он трудно дышал, как буйвол в сезон брачных игр. Уфф! Едва-едва обошлось. Если бы их прервали хотя бы минутой позже, он бы, вне всякого сомнения, нарушил кодекс и совершил непоправимый проступок, который выставил бы его имя на позор и

осмеяние в Англо-Малайском клубе Куала-Лумпура: он, неимущий капитан с какими-то несколькими фунтами на банковском счете, готов был предложить руку и сердце обладательнице миллионов! Потому что с каждым мгновением он все больше и больше терял голову, и все тише звучали в его ушах предостережения Толстого Фробишера и Субадара. Он бы выдержал ее взгляд. Выстоял бы и против ее голоса, и против шелковистых прикосновений к ее коже. Но вместе глаза, голос, кожа, луна, ласковое дуновение западного ветерка и соловьиное пение образовывали слишком сильнодействующую смесь.

Он стоял, и грудь его вздымалась, как море на театральном заднике. Опасность миновала, было бы естественно предположить, что главным его чувством сейчас была молитвенная благодарность фатуму, или року за своевременное вмешательство. Но как ни странно, все обстояло иначе. Судорога облегчения быстро прошла, и на душе у него стало муторно. Дело в том, что, стоя в нескольких шагах от скамейки, он не мог не слышать речей Билла. Билл же, усевшись рядом с миссис Спотсворт, принялся ворковать.

В данной хронике до сих пор мало внимания было уделено талантам девятого графа Рочестера в этой области. Когда он обещал своей сестре Монике отправиться к миссис Спотсворт и поворковать с ней, как сизый голубок, мы могли подумать, что речь идет о заурядном сизом голубке, который, конечно, может поворковать, когда надо, но не более того. А правильнее было бы вообразить сизого голубка — суперзвезду, далеко превосходящего всех собратьев по ремеслу. Молодой человек самых средних в общем и целом способностей, Билл Ростер, будучи в пике своей формы, мог подняться до таких высот воркования, что публика, если уж не совсем бесчувственная, просто задыхалась от восторга.

Таких высот он достиг и сейчас, ибо мысль, что в руках этой женщины — его избавление от первейшего в Англии белого слона^[27] и тем самым стабилизация его финансов, благодаря которой он сможет выплатить долг чести Честного Паркинса, подвигла его на такое красноречие, какого он не выказывал со времен майских балов в Кэмбридже. Золотые слова лились с его уст, как сироп.

Капитан Биггар сиропа не любил, и ему была неприятна мысль, что на его любимую женщину изливаются эти приторные потоки. У него мелькнула было мысль вернуться и переломить в трех местах Биллу хребет, но снова кодекс чести помешал ему в исполнении заветных желаний. Он ел пищу Билла и пил его вино... и то и другое отменного качества, в особенности жареная утка... и значит, поднять на него руку он

не может. Потому что если человек пользовался гостеприимством человека, ломать человеку хребет человек не имеет морального права, независимо от того, чем человек провинился. В этом вопросе кодекс чести очень строг.

Зато он вправе про себя отнести такого человека в разряд жалких ничтожеств, гоняющихся за деньгами. Именно туда капитан Биггар мысленно поместил Билла, мрачно шагая к дому. И так в общем и целом охарактеризовал его в разговоре с Джил, с которой встретился в дверях. Она несла наверх свои вещи для ночевки.

— Бог мой, — сказала она, потрясенная его видом. — Что с вами, капитан Биггар? Вы чем-то расстроены? Не укусил ли вас аллигатор?

Прежде чем перейти к объяснениям, капитан вынужден был ее поправить.

— В Англии нет аллигаторов, — возразил он сначала, — не считая зоопарка. — И лишь потом ответил: — Нет, я просто потрясен до глубины души.

— Кто вас потряс? Вомбат?

И снова ему пришлось опровергать ее заблуждения. На редкость невежественная барышня, подумалось ему.

— И вомбатов тоже нет. А потрясен я до глубины души был тем, что слышал, как разливался тут один подлый, корыстолюбивый английский пэр, — с горечью буркнул он. — И этот тип зовет себя лорд Рочестер! Лорд Жиголо, вот для него подходящее имя.

Джил так поразились, что выронила чемоданчик.

— Позвольте мне, — наклонился за ним капитан Биггар.

— Не понимаю, — проговорила Джил. — Вы что же, хотите сказать, что лорд Рочестер...?

Кодекс чести требует от белого мужчины ограждать женщин, тем более молодых невинных девушек, от прозаической стороны жизни, но капитан Биггар был сейчас так взволнован, что полностью упустил это из виду. Он походил на Отелло не только пристрастием к «сказочным пещерам и пустыням», но и тем, что, будучи доведен до крайности, совершенно терял голову.

— Он любезничал при луне с миссис Спотсворт, — четко объявил капитан.

— Что?!

— Слышал своими ушами. Ворковал ей на ухо, как сизый голубок. За ее миллионами погнался, конечно. Все они такие, выродившиеся старинные аристократы. Стоит где-нибудь появиться богатой вдове, и

тотчас же на охоту сбегаются, воя по-волчьи, все герцоги, графы и виконты. Крысы, вот как мы зовем их в Куала-Лумпуре. Слышали бы вы, что говорит о них у нас в клубе Толстый Фробишер. Помню, однажды он сказал доктору и Скуиффи — Субадар в тот раз отсутствовал, если память мне не изменяет, уехал в горы или еще куда-нибудь. — «Док», — он тогда сказал...

Возможно, из этого получился бы замечательный рассказ, доведи его капитан Биггар до финала, но капитан Биггар тут умолк, так как аудитория, к которой он адресовался, обратилась в бегство: Джил резко повернулась и пошла к двери, низко, он заметил, наклонив голову. Еще бы не наклонить, когда услышишь такие разоблачения. Ни одна порядочная девушка не могла бы спокойно слышать про такую безнравственность британской аристократии.

После этого он сел и взялся было за вечернюю газету, но сразу же со стоном ее отбросил, потому что в глаза ему бросились слова: «Мамаша Уистлера». Так он и сидел, мрачно размышляя о том, сведет ли его когда-нибудь Рок (или Фатум), на узкой дорожке с Честным Паркинсом, но тут в гостиную просочился Дживс. И одновременно из библиотеки вышел Рори.

— А-а, Дживс, — приветствовал его Рори, — не принесете ли мне чего-нибудь крепкого выпить? Я жажду.

Дживс почтительным кивком указал на внесенный им поднос, весь заставленный соответствующими зельями, и Рори поспешил вслед за ним к столу, на ходу облизывая губы.

— А вам что налить, капитан? — спросил он.

— Виски, пожалуйста, — ответил капитан Биггар. После того, что он пережил в саду под луной, он чувствовал потребность подкрепиться.

— Виски? Отлично. А вам, миссис Спотсворт? — спросил Рори, так как из сада в эту минуту вошла названная дама в сопровождении Билла.

— Ничего, благодарю вас, сэр Родерик. В такую ночь с меня довольно лунного сияния. Лунного сияния и красоты вашего сада, Билликен.

— Я сейчас расскажу вам кое-что насчет этого сада. В летние месяцы там... — начал было Рори, но не договорил, так как на пороге библиотеки появилась Моника.

При виде жены он не только воздержался от дальнейших рассуждений по поводу протекающей в саду реки, но и вспомнил, что его просили в разговорах с миссис Спотсворт расхваливать Рочестер-Эбби. Быстро обведя глазами гостиную в поисках хоть чего-нибудь, что можно было бы расхвалить в этих руинах, он задержал взгляд на старинном сундуке для приданого, и на память ему пришли чьи-то лестные отзывы об этом

предмете обстановки.

Пожалуй, сундук может послужить неплохой отправной точкой.

— Да, — продолжил он свою речь, — сад здесь бесподобный, но нельзя также упускать из виду, что в стенах Рочестер-Эбби, хоть они и не первой свежести и слегка разлезаются по швам, содержится много objets d'art, при виде которых у знатоков глаза на лоб лезут. Обратите вот внимание на этот сундук.

— Я им сразу залюбовалась, когда только вошла. Прелесть!

— Да, красивый сундук, правда? — подхватила Моника, бросая на благоверного одобрительный взгляд. Рори нечасто выказывает вот такие признаки почти человеческой понятливости. — Когда-то Дювэн умолял, чтобы ему его продали, но вещь наследственная и конечно не продается.

— Идет вместе с домом, — вставил Рори.

— Там хранятся удивительные старые одеяния.

— Тоже идут вместе с домом, — добавил Рори, быть может, не совсем верно, но видно было, что человек старается.

— Хотите посмотреть? — предложила Моника и взялась за крышку.

Билл горестно вскрикнул:

— Их там нет!

— Глупости, они там. Всегда там лежат. И я уверена, что Розалинде будет интересно на них взглянуть.

— Ну, конечно.

— С этим сундуком связано трогательное предание, Розалинда. Лорд Рочестер тех времен, столетия назад, не позволял своей дочери выйти замуж за того, кого она любила, знаменитого путешественника, первооткрывателя.

— Старик был против первооткрывателей, — пояснил Рори. — Опасался, как бы они не открыли Америку. Ха-ха-ха-ха! Ах, прошу прощения.

— Жених прислал дочери сундук, где лежали всякие редкие вышивки, которые он привез из своих путешествий по Востоку, а отец не позволил ей принять подарок. Он велел ее возлюбленному приехать и забрать сундук. Что тот и сделал, и конечно внутри оказалась его невеста, она предвидела такой ход событий и заранее спряталась в сундуке:

— А комедия состояла в том, что вредный старикашка бежал за женихом до самых ворот и кричал: «Унеси эту гадость отсюда, и чтобы я ее больше не видел!»

Миссис Спотсворт пришла в восторг.

— Ах, какая чудесная легенда! Пожалуйста, откройте же крышку,

Моника.

— Сейчас. Она не запирается. Билл обессиленно рухнул в кресло.

— Дживс!

— Милорд?

— Бренди!

— Очень хорошо, милорд.

— Вот так так! Ну и ну, — воскликнула Моника.

Она недоуменно разглядывала невесть откуда взявшийся пиджак в такую пеструю клетку и такой ярко-малиновый галстук в таких ослепительно голубых подковах, что стоявший рядом Рори неодобрительно покачал головой.

— Боже милосердный, Билл, не говори мне, что ты показываешься на людях в таком пиджаке. Ты же должен быть в нем похож на вороватого букмекера. А галстук! Что за галстук! О, боги! Загляни как-нибудь к нам в «Харридж» и поговори с приказчиком в галантерейной секции, у нас сейчас распродажа.

Капитан Биггар шагнул вперед. Суровые черты его лица окаменели.

— Позвольте мне взглянуть. — Он взял пиджак, пошарил в карманах и достал черную нашлепку. — Ха! — выговорил он, вкладывая в это краткое слово бездну значения.

Рори, прислушиваясь в дверях библиотеки, объявил:

— Ага! Там кто-то говорит по-французски. Наверно Буссак. Буссака пропускать нельзя. Пойдем, Мук. Эта девушка, — объяснил он, любовно обняв ее за плечи, — говорит по-французски обеими руками. Вы идете, миссис Спотсворт? По телевидению показывают банкет в честь завтрашних скачек.

— Я подойду чуть попозже, — ответила миссис Спотсворт.

— Я оставила Помону одну в саду и боюсь, как бы она не заскучала.

— Вы, капитан?

Капитан Биггар покачал головой. Лицо его стало еще тверже, чем раньше.

— Я должен сначала сказать пару слов лорду Рочестеру. Вы уделите мне минуту, лорд Рочестер?

— Пожалуйста, — ответил Билл, слабея.

Дживс внес бренди, и Билл сделал рывок к подносу, как Мамаша Уистлера к финишному столбу.

Глава XI

Но от бренди, поданного в маленьких послеобеденных рюмках, мало пользы для человека, дела которого приняли такой оборот, что на минуту ему даже показалось, будто на него сзади наскочил курьерский поезд «Двадцатый век». Дали бы ему тонну или большую бочку спасительного напитка, тогда еще он, возможно, смог бы ожидать предстоящего объяснения с беспечной усмешкой на устах. А полученный им один маленький глоток оставил его таким же бледным и обмякшим, как если бы его напоили газированной водичкой. Он видел капитана Биггара словно сквозь дымку и вообще походил на индивида, которого изловили в свои сети полицейские с целью допроса в связи с грабительским налетом на ювелирный магазин «Бон-Тон» Маркса и Свинсера на Восьмой Авеню. Лицо его в процессе побеления приобрело сходство с брюхом дохлой рыбешки, и Дживс, глядя на него с почтительным состраданием, от души сокрушался из-за того, что не может вернуть румянец на щеки его сиятельства, процитировав ему два-три наиболее удачных места из «Собрания сочинений Марка Аврелия».

Капитан же Биггар даже сквозь дымку представлял собой зрелище, способное устроить храбрейшего. Биллу чудилось, будто из глаз его бьют длинные изгибающиеся языки пламени, и было совершенно непонятно, как человека с такой густо-красной физиономией могут называть Белым Охотником? Под наплывом сильных чувств румянец капитана, как всегда, разгорелся до такой алости, как будто человек пережил взрыв на заводе, где консервируют помидоры.

И если вид его породил опасения, то голос, когда он заговорил, отнюдь их не развеял. Это был голос киллера, который, стоит его только еще чуть-чуть поддержать и подбодрить, сейчас выхватит из-за пояса револьвер и разрядит всю обойму.

— Значит, так, — проговорил он.

На слова «значит, так» не существует убедительного ответа, тем более если они произнесены вышеописанным тоном, и Билл даже не попытался ничего ответить.

— Значит, вы и есть Честный Паркинс!

На подмогу пришел Дживс, по своему обыкновению стараясь сделать все возможное:

— Как вам сказать, сэр? И да, и нет.

— Что значит, и да, и нет? Вот и нашла его, подлеца. — Капитан поднял над головой экспонат номер один. — И усы его, негодяя. — Он ткнул пальцем в экспонат номер два. — И уж не думаете ли вы, что я не узнал этот пиджак с галстуком?

— Говоря «и да, и нет», я имел в виду, сэр, что его сиятельство удалился от дел.

— Еще бы ему не удалиться. Жаль только, что так поздно.

— Да, сэр. «Как жалко, Яго, о, какая жалость!»^[28]

— Что-что?

— Я цитировал Эйвонского лебедя, сэр.

— Ну, так перестаньте цитировать Эйвонского лебедя, будь он неладен.

— Конечно, сэр, как вам угодно.

Билл тем временем пришел до некоторой степени в себя. Не то чтобы он совсем уж развеселился, сказать так было бы преувеличением, но, по крайней мере, он снова обрел дар речи.

— Капитан Биггар, — произнес он, — я должен вам предложить объяснение.

— Вы должны мне три тысячи пять фунтов двадцать шиллингов и шесть пенсов, — холодно поправил его капитан.

Билл, естественно, сразу же снова проглотил язык, и капитан Биггар, воспользовавшись этим, обозвал его одиннадцатью ругательными словами.

Защиту взял на себя Дживс, так как Билл после одиннадцатого ругательства еще некоторое время не мог опомниться.

— Не приходится оспаривать тот факт, сэр, что в данных обстоятельствах ваши чувства вполне понятны, ибо, действительно, недавние действия его сиятельства носили такой характер, который допускает критическое истолкование. Но справедливо ли будет за то, что произошло, винить его сиятельство?

Вопрос показался капитану простым, и он ответил:

— Да.

— Обратите внимание, что я здесь употребил наречие «справедливо». Его сиятельство прибыл сегодня в Эпсом-Дауне с самыми чистыми намерениями и с капиталом, вполне достаточным на любой обычный случай. Уместно ли было ожидать от него, чтобы он предугадал заранее, что две такие весьма низко оцениваемые лошади, как Люси Глиттерс и Мамаша Уистлера, выйдут победительницами каждая в своем соревновании на скорость? Его сиятельство — не ясновидец.

— Он мог бы не принимать ставок.

— Вот тут я с вами полностью согласен. Rem acu tetigisti.

— Что-что?

— Это латинское выражение, смысл которого можно передать американским оборотом: «В самую точку». Я советовал его сиятельству именно так и поступить.

— Вы?

— Я был секретарем при его сиятельстве. Капитан вытаращил глаза.

— То есть вы — тот тип с розовыми усами?

— Совершенно верно, сэр, только я бы определил их цвет скорее как морковный, а не розовый.

Капитан обрадовался.

— Ах, так вы были его секретарем! В таком случае, когда его посадят, вы тоже попадете за решетку.

— Будем надеяться, что ничего такого прискорбного не случится.

— Что значит — прискорбного? — возмутился капитан Биггар.

Последовала неловкая пауза. Капитан же ее и прервал.

— Ну, ладно, теперь к делу. Незачем терять время попусту. Собственно говоря, я могу взыскать с этого жалкого, жидконогого обитателя преисподней...

— Имя — лорд Рочестер, сэр.

— Ничего подобного, его имя — Честный Паркинс. Собственно говоря, Паркинс, мерзкое вы пресмыкающееся, я могу взыскать с вас деньги за бензин, который у меня ушел на поездку из Эпсوما сюда, и за починку моего автомобиля, он бы не сломался, не жми я на него так, когда гнал за вами... и еще, — внезапно осенило его, — за две кружки пива, выпитые мною в «Гусе и Огурчике» в ожидании, пока его починят. Но я не такой жадный и удовольствуюсь тремя тысячами пятью фунтами двумя шилингами и шестью пенсами. Выписывайте чек.

Бил провел по волосам дрожащей пятерней.

— Но как я могу выписать чек?

Капитан Биггар раздраженно прищелкнул языком. Ну, сколько можно?

— Перо у вас имеется, верно? И чернила тоже, я думаю, в доме найдутся? Вы здоровый молодой мужчина во цвете сил и вполне владеете правой рукой, так? Не парализованы? Ревматизмом суставов не страдаете? А если вас беспокоит отсутствие промокательной бумаги, не нервничайте, я, так и быть, подую на вашу подпись.

Дживс снова пришел на помощь молодому хозяину, который все еще отупело потирал макушку.

— Его сиятельство хочет выразить словами ту мысль, что, хотя, как вы справедливо заметили, физически он в состоянии выписать вам чек на три тысячи пять фунтов два шиллинга и шесть пенсов, такой чек в банке принят к оплате не будет.

— Вот именно, — подтвердил Билл, довольный тем, как ясно Дживс все изложил. — Он отскочит, как прыгающий дервиш, и вернется обратно, как почтовый голубь.

— Оба сравнения очень удачны, милорд.

— У меня нет ни гроша.

— Дефицит средств, так это называется в финансовых сферах, милорд. У его сиятельства, если мне позволительно использовать жаргонный оборот, в карманах гуляет ветер.

Капитан Биггар посмотрел на него с изумлением.

— У человека такой роскошный дом, просто дворец, провалиться мне на этом месте, и он не может выписать чек на три тысячи фунтов?

Дживс взял на себя разъяснение.

— Такой дом, как Рочестер-Эбби, в наши дни следует занести не в актив, а в пассив, сэр. Боюсь, что вследствие долгого проживания на Востоке вы несколько отстали и не вполне осведомлены о тех переменах, которые произошли у вас на родине. Социалистическое законодательство значительно урезало богатства наследственной аристократии. Мы теперь живем в так называемом государстве всеобщего благосостояния, а это означает, грубо говоря, что неимущими являются все.

Никто из туземной прислуги на Востоке и ни один бегемот, носорог, аллигатор или буйвол, ни одна зебра или пума и вообще никто из тех, с кем капитану Биггару за долгие охотничьи годы приходилось сталкиваться, не поверил бы, что его мощная нижняя челюсть способна так беспомощно отвиснуть, словно стебель спаржи без подпорки; но именно так она сейчас отвисла. Его голубые глаза округлились и почти жалобно заглядывали в лицо собеседникам.

— Выходит, он заплатить не может?

— Вы совершенно точно выразили все в двух словах, сэр. Кто украдет кошелек его светлости, приобретет пустую тряпицу.

Капитан Биггар, утратив железный самоконтроль, замахал руками, как семафор. Можно было бы подумать, что Белый Охотник делает утреннюю гимнастику.

— Но мне необходимы эти деньги, они нужны мне завтра до полудня! — произнес он, повышая голос, можно было бы даже сказать — взвыл, если бы речь шла о менее мужественном человеке. — Слушайте. Я

вынужден открыть вам один совершенно железный секрет, если вы проболтаетесь кому-нибудь хоть полсловом, я разорву вас на части своими руками, изрежу на мелкие кусочки и попрыгаю на ваших останках в сапогах с подковами. Это вам понятно?

— Да, все как будто бы ясно, — поразмыслив, ответил Билл. — Как по-вашему, Дживс?

— Сформулировано предельно четко, милорд.

— Продолжайте, капитан.

Капитан Биггар перешел на хриплый шепот.

— Помните, я звонил по телефону после обеда? Я говорил со своими дружками, с теми ребятами, которые подсказали мне сегодня мою выигрышную пару. То есть она была бы для меня выигрышная, — поправился капитан Биггар, снова немного повысив голос, — если бы не подлый обман этого, черт бы его драл, лопоухого негодяя...

— Да-да, мы понимаем, — не давая ему разойтись, поспешил вернуть его на землю Билл. — Так вы говорили, что звонили своим знакомым.

— Мне надо было поскорее узнать, все ли уже решено.

— Что — все?

Капитан Биггар снова заговорил шепотом, теперь таким тихим, что слышно было главным образом шипение, как будто газ вырывается из незажженной конфорки.

— Затевается интересное дело. Как писал Шекспир, предприятие большого значения.

Дживс поморщился.

— «Предприятия огромного размаха и влияния», [\[29\]](#) если цитировать точно, сэр.

— Эти ребята получили самую надежную информацию на завтрашние скачки. Самый точный верняк за всю историю Дерби. Ирландская лошадь Баллимор.

Дживс вздернул брови.

— О нем невысокого мнения, сэр.

— Ну и что? О Люси Глиттерс и Мамаше Уистлера тоже были невысокого мнения. В этом вся соль. Баллимор значит где-то в конце списка. Про него никто ничего не знает. Его держат в тени — темная лошадка, темнее черного кота в безлунную ночь. А я вам скажу, что его уже два раза испытывали в галопе на ипподроме в Эпсоме, и он оба раза побил рекорд.

Билл, несмотря на все переживания, присвистнул.

— Вы это точно знаете?

— Вне всякого сомнения. Я видел своими глазами, как он бежал, — мчался быстрее молнии. Видишь только размытую коричневую полосу. Мы сговорились ставить в последнюю минуту и у дюжины разных букмекеров, чтобы не повлиять на ставки. И вот теперь я слышу от вас, — в который раз поднимая голос, горестно заключил капитан, — что поставить мне будет нечего!

Страдания капитана Биггара тронули Билла. Из краткого знакомства он не вынес впечатления, что его с этим человеком могла бы связать, как в книгах, трогательная взаимная дружба наподобие отношений Дамона и Пифиаса, Давида и Ионафана или Суона и Эдгара,^[30] но понять чужое горе и посочувствовать ему он был вполне способен.

— Да, очень досадно, — по-братски участливо обратился Билл к кипящему от бешенства охотнику и чуть ли не погладил его по плечу. — Скверная получилась история, вы будете недалеко от истины, если скажете, что вид ваших мук режет меня без ножа. Но боюсь, самое большее, что я могу вам предложить, это ежемесячные выплаты, начиная через шесть недель от сегодняшнего дня.

— Мне от этого никакого проку.

— А мне и подавно, — честно признался Билл. — Это выпотрошит весь мой бюджет и сведет будущие затраты до нищенского уровня. Я теперь до самого Нового года не смогу прилично пообедать. Прощай, навек прощай... что прощай, Дживс?

— Величье ваше, милорд.^[31] Такова судьба человека: сегодня он пускает нежные побеги надежды; завтра пышно расцветает румяными цветами почета; а на третий день настанут жестокие заморозки, и в то время как он, добрая душа, ждет, что вот уж, скоро созреют плоды его величия, они вымораживают самые его корни.

— Благодарю вас, Дживс.

— Не стоит благодарности, милорд. Билл посмотрел на него и вздохнул.

— Вам, например, придется уйти, это во-первых. Я не смогу платить вам жалованье.

— Я буду рад служить вашему сиятельству без вознаграждения.

— Это чертовски благородно с вашей стороны, Дживс, я ваше предложение очень ценю. Более яркого проявления доброго феодального духа я в жизни не встречал. Но как, — горестно спросил Билл, — я смогу обеспечить вас рыбой?

Капитан Биггар прервал этот обмен галантностями. Он некоторое

время безмолвно злился, если слово «злился» приложимо к Белому Охотнику, у которого вот-вот выступит пена на губах. Но теперь высказался по поводу Дживсовой рыбы так резко, что слова замерли на устах Билла, и он остался неподвижен и нем, с выпученными глазами, как будто совершенно неожиданно пораженный молнией.

— Вы должны вернуть мои деньги!

— Его сиятельство уже уведомил вас, что по причине его финансовой несостоятельности это невозможно.

— Пусть займет.

Билл обрел власть над своими голосовыми связками.

— У кого? — с раздражением поинтересовался он. — Вы говорите так, как будто занять деньги проще, чем с печки упасть.

— Его сиятельство имеет в виду, — уточнил Дживс, — что джентльмены в подавляющем большинстве проявляют склонность умывать руки, когда делается попытка получить У них денежную ссуду.

— Тем более, если надо оторвать от себя такую немыслимо большую сумму, как три тысячи пять фунтов двадцать шиллингов и шесть пенсов.

— Вот именно, милорд. Когда речь идет о столь огромных цифрах, люди уподобляются глухому аспиду, который не слышит голоса укротителя, сколько тот его ни укрощай. [\[32\]](#)

— Одним словом, среди моих знакомых не найдется ни одного возможного заимодавца, — заключил Билл. — Ничего не выйдет. Мне очень жаль.

У капитана Биггара из ноздрей начали вырываться языки пламени.

— Вам еще больше будет жаль, и я скажу вам, когда, — прорычал он. — Когда вас с вашим расчудесным секретарем поставят за загородкой для подсудимых в Уголовном суде и судья воззрится на вас сквозь свои бифокалы, а я буду сидеть в публике и строить вам рожи. Вот когда вам станет всерьез жаль... и еще потом, немного спустя, когда судья огласит приговор под одобрительные возгласы присяжных и вас отправят в места отдаленные отрабатывать свои два года или сколько там вам дадут, на каторжных работах.

У Билла сам собой открылся рот.

— Э, нет, постойте-ка, — возразил он. — Вы не пойдете на такое... на такую...на что, Дживс?

— На такую крайнюю меру, милорд.

— Вы, конечно, не пойдете на такую крайнюю меру?

— Это вы так думаете.

— Никто не хочет неприятностей.

— Между тем, что хочешь и что получишь, большая разница, — буркнул капитан Биггар и, скрежеща зубами, вышел в сад, чтобы немного поостыть.

Позади себя он оставил такую тишину, какую обычно называют зловещей. Первым ее нарушил Билл.

— Ну и угодили мы в историю, Дживс.

— Действительно, можно сказать, что в наших делах наметился довольно острый кризис, милорд.

— Этот тип требует фунт мяса.

— Да, милорд.

— А у нас мяса нет.

— Совершенно верно, милорд. Положение весьма неприятное.

— Ну и субъект этот Биггар. Похож на гориллу, которая мается животом.

— Да, пожалуй, просматривается некоторое сходство с этим зверем, страдающим упомянутой вами болезнью.

— А обратили вы на него внимание за ужином?

— Какую особенность его поведения за столом имеет в виду ваше сиятельство?

— Я вспомнил, как он уминал жареную утку. Просто что-то страшное. Набросился на нее, как тиф на добычу. Мне показалось, что этот человек не ведает жалости и снисхождения.

— Бесспорно, ему не хватает душевной доброты, милорд.

— Есть такое слово, оно в точности ему подходит. На «кар» начинается. Не картуз. Не карлик. Каратель, вот кто. В этом субъекте есть что-то от карателя. Я понимаю его досаду из-за того, что он не получил своих денег. Но какой ему прок губить меня?

— Он от этого, очевидно, рассчитывает получить моральное удовлетворение, милорд.

Билл задумался.

— А что, в самом деле нет никого, у кого бы можно было занять немного наличности?

— Никого из тех, чьи имена сразу приходят в голову, милорд.

— А как насчет того финансиста, что живет в Дитчингаме, как его, сэръ... ну, вы понимаете...

— Сэр Оскар Уоппл, милорд? Застрелился в прошлую пятницу.

— Так. Тогда не будем его беспокоить. Дживс кашлянул.

— Быть может, мне дозволительно внести предложение?..

— Да, Дживс?

Слабый лучик надежды зажегся в сумрачном зоре Билла. И голос его, хотя по-прежнему едва ли заслуживал определения «жизнерадостный», однако же перестал походить на голос покойника, доносящийся непосредственно из могилы.

— У меня мелькнула мысль, милорд, что окажись у нас в руках билет капитана Биггара, и наше положение станет гораздо прочнее.

Билл потряс головой.

— Не понимаю. Билет? Какой еще билет? Вы говорите так, как будто мы на железнодорожной станции.

— Я подразумеваю тот билет, который в должности секретаря вашего сиятельства я лично вручил капитану Биггару в качестве квитанции как подтверждение его ставки на Люси Глиттерс и Мамашу Уистлера.

— А-а, его *билет!* — уразумел Билл.

— Вот именно, милорд. Поскольку он покинул ипподром в большой спешке, билет должен быть при нем, а эта бумажка — единственное доказательство, что он вообще ставил деньги на кого бы то ни было. Стоит нам только изъять ее у него, и ваше сиятельство получит возможность произвести с ним расчеты на любых приемлемых для вас условиях.

— Понятно. Да, это было бы неплохо. Значит, мы должны раздобыть у него его билет, так?

— Так, милорд.

— Можно мне задать один вопрос, Дживс?

— Разумеется, милорд.

— Каким образом?

— Что называется, прямым действием.

Билл вытаращил глаза. Открывался совершенно новый подход к проблеме.

— Вы имеете в виду навалиться на него? Сграбастать его? Взять за горло?

— Вы совершенно точно выразили мою мысль, милорд. Билл все так же хлопал глазами.

— Но помилуйте, Дживс. Вы видели его? Грудь колесом, мышцы так и играют.

— Я согласен, что капитан Биггар — мужчина в теле, милорд. Но на нашей стороне будет преимущество внезапности. Сейчас он вышел в сад. Вполне естественно предположить, что обратно он войдет тем же путем, каким вышел, то есть через стеклянную дверь с террасы. Если я задерну портьеры, ему придется проходить сквозь них. Он будет нащупывать проход, но в этот момент один рывок обрушит портьеры вместе с палкой

ему на голову, и он окажется как бы спеленут по рукам и ногам.

Этот план, разумеется, произвел на Билла глубокое впечатление.

— Вот это да, Дживс! Потрясающая идея! Думаете, у нас получится?

— Несомненно, милорд. Метод римских гладиаторов, о которых вы, конечно, знаете.

— Это те, что сражались с помощью сети и трезубца?

— Именно, милорд. Так что если вы не против...

— Еще бы я был против!

— Прекрасно, милорд. Тогда я задерживаю портьеры, и мы занимаем позиции по обе стороны от двери.

Билл наблюдал за приготовлениями с чувством глубокого удовлетворения. После сумрачного начала сквозь тучи начало проглядывать солнце.

— Дело в шляпе, Дживс!

— Очень яркий образ, милорд.

— Если он заверещит, мы заткнем ему глотку этим... как называется эта ткань?

— Бархат, милорд.

— Заглушим его вопли бархатом. И пока он будет пресмыкаться на полу, я воспользуюсь случаем и дам ему хорошего пинка в зад.

— Соблазнительная возможность, милорд. На благие дела всегда снисходит благословение свыше, как говорит нам драматург Конгрив.

Билл возбужденно дышал.

— Вы были на Первой Мировой войне, Дживс?

— Принимал в ней некоторое участие, милорд.

— Я на ту войну не успел, я тогда еще не родился. Зато я был в командосах в этой. Мы словно ждем условного сигнала.

— Да, ситуация несколько сходная, милорд.

— Он должен уже скоро появиться.

— Да, милорд.

— Приготовились...

— Слушайте, — раздался голос капитана Биггара у них за спиной, — мне надо еще кое о чем переговорить с вами обоими.

Белый Охотник, на путях которого среди дикой природы на каждом шагу таятся опасности, приобретает с годами некое предостерегающее шестое чувство. Там, где обыкновенный человек, набредший в джунглях на западню для тигра, свалится в нее вверх тормашками, Белый Охотник, хранимый шестым чувством, преспокойно обойдет ее кругом.

Капитан Биггар с дьявольским хитроумием, вместо того чтобы

возвратиться в гостиную, как ожидалось, Через стеклянную дверь с террасы, обогнул дом и вошел через главный вход.

Глава XII

Хотя на самом деле с момента, когда капитан Биггар вышел в сад, и до его возвращения прошло всего каких-то пять минут, только-только хватило на то, чтобы несколько раз прогуляться взад-вперед по лужайке да еще разок остановиться и в сердцах пнуть встречную лягушку, тем не менее для его целей этого времени оказалось довольно. Если бы при выходе на террасу его спросили: «Есть ли у вас какие-нибудь идеи, капитан?» — он бы вынужден был ответить: «Не больше, чем у кролика». Но вернулся он энергичной походкой, и глаза у него блестели. Капитан Биггар нашел выход из положения.

В минуты бурных душевных переживаний наш мозг работает на повышенной скорости. Безответная страсть стимулирует деятельность серых клеточек. Неприятная сцена на садовой скамейке, когда любовь столкнулась с кодексом чести, по законам которого живут люди на далеких окраинах Империи, привела в движение серые клеточки его мозга, и если бы вы сейчас просветили череп капитана Биггара рентгеновскими лучами, вы бы увидели, что серые клеточки прыгают и пляшут там, как рисовые зернышки на сковородке. Не прошло и тридцати секунд после того, как встречная лягушка, потирая шишку на лбу, удалилась, спеша предупредить подруг, чтобы остерегались атомной бомбы, как он был вознагражден тем, что, бесспорно, можно назвать озарением.

Положение его, если в двух словах, таково. Он любит. Это факт. Можно даже пойти дальше и признать, что он любит безумно. И предмет его обожания, если он мало-мальски правильно истолковал ее слова, и поведение, и блеск ее очей, тоже его любит. В самом деле, не станет ведь женщина заводить разговор о старых добрых временах, когда ты шмякал ее дубиной по макушке и волок в пещеру, если не хочет этим что-то сказать. Правда, через несколько минут она уже, смеясь и закатываясь, болтала с этим проклятым Рочестером, чтоб ему пусто было, но теперь, когда капитан поостыл и поразмыслил, это представлялось ему не более как любезностью гостыи по отношению к хозяину дома. Проклятого Рочестера можно отбросить как не имеющего значения. Капитан Биггар пришел к выводу, что, по-человечески, стоит ему только положить свое сердце к ее ногам, и она его подберет.

Казалось бы, все хорошо. Но дальше начинаются сложности. Она богата, а он беден. В этом заковыка, тут сучок и задоринка. Отсюда —

сыплется песок во втулку колеса.

Дополнительной горечи и силы пинку по лягушке придавало сознание, что если бы не возмутительные финансовые махинации злодея-букмекера, этого Честнейшего Кривого Рочестера, все разрешалось бы очень просто. Поставить три тысячи на Баллимора, и даже при сегодняшних ставках из одного к пятидесяти это дало бы сто пятьдесят тысяч — как на дороге подобрать; и уж конечно, даже Толстый Фробишер и Субадар, как ни строги их взгляды в таких делах, не обвинят человека в игре кривой клюшкой за то, что он женился на женщине, пусть сколь угодно богатой, но имея и сам в кармане сто пятьдесят тысяч чистеньких и блестящих.

Капитан мысленно застонал. Память о счастье — худшая из мук, а он, надрывая себе душу, припомнил, как шелковиста была под пальцами ее шея, когда он застегивал цепочку...

Тут он громко вскрикнул. На суахили, разумеется, слова этого языка всегда первыми срывались с его губ в минуты волнения, но смысл был ясен, как смысл «Эврики» Архимеда.

Подвеска! Ну, конечно! Он четко представил себе, как надо действовать.

Две минуты спустя он был уже у парадного входа. Еще через двадцать пять секунд решительными шагами вошел в гостиную и увидел со спины Честнейшего Рочестера и его секретаря, по каким-то своим дурацким соображениям завернувшихся справа и слева в портьеру, которой они зачем-то задернули дверь на террасу.

— Слушайте! — окликнул он их. — Мне надо еще кое о чем переговорить и с вами, и с вами.

Эти слова произвели на них сильное впечатление. Всегда немного теряешься, когда ждешь человека с северо-востока, а он вдруг окликает вас с юго-запада, особенно если оклик довольно зычный и напоминает лай в собачьем питомнике в час кормежки. Билл снова проделал номер с прыжком и трясучкой, притом очень успешно, сказала практика. Даже Дживс, хотя черты его лица сохранили обычную бесстрастность, все же встревожился, если судить по тому, что левая бровь у него чуть дернулась, как бы готовясь подняться.

— Что вы мнетесь там, как умирающий лебедь, — сказал капитан Биггар Биллу, который, надо ему отдать должное, очень похоже изображал названную птицу *in articulo mortis*.^[33] — Со времени нашего с вами, красавчиками, разговора, — продолжал он, наливая себе виски с содой, — я обдумал положение и нашел выход. Меня вдруг осенило. И я сказал себе: «Подвеска!».

Билл жалобно заморгал. Его сердце, только что чуть было не выскочившее из рта, начало медленно опускаться на место, но, по-видимому, от перенесенной встряски пострадал слух. Ему почудилось, будто капитан произнес слово «подвеска», что было совершенно лишено всякого смысла.

— По... подвеска? — повторил он, недоумевая.

— Миссис Спотсворт носит на шее бриллиантовую подвеску, милорд, — заметил Дживс. — По всей видимости, джентльмен имеет в виду ее.

Это было вполне возможно, но Билл все еще ничего не понимал.

— Вы так полагаете?

— Да, милорд.

— По вашему мнению, речь идет об этом предмете, Дживс?

— Да, милорд.

— Но при чем он тут?

— На этот вопрос, как можно предположить, милорд, мы получим ответ из его дальнейших слов.

— То есть, когда он скажет еще что-нибудь?

— Совершенно верно, милорд.

— Н-ну, если вы так считаете... — с сомнением проговорил Билл. — Но мне это кажется... как это говорится?

— Сугубо маловероятно, милорд?

— Да. Именно что сугубо маловероятно.

Капитан Биггар на другом конце комнаты молча злился. Теперь он окончательно потерял терпение и язвительно спросил:

— Ну что, кончили вы там лепетать, Кривой Рочестер?

— Я разве лепетал?

— Еще как лепетали. Словно эти, как их?.. Ну, словно эти штуковины, которые лепечут.

— Листья на дереве? О них иногда говорят, что они лепечут, сэр, — пришел на помощь Дживс. — А также лесные ручьи. В своем очень известном стихотворении «Ручей» покойный поэт лорд Теннисон вкладывает слова: «Лепечущий ручей» в уста героя Эдмунда, а затем ручеек как бы говорит сам про себя: «Я пою свою песенку с руладами и трелями на перекатах и лепечу, заглядывая в заводи». Капитан Биггар нахмурил брови.

— *Аи денг хан камоо* на покойного лорда Теннисона, — раздраженно отозвался он. — А что меня интересует, так это подвеска.

Билл взглянул на него с некоторой надеждой:

— Вы собираетесь пояснить, в чем дело с этой подвеской? Пролить, так сказать, свет?

— Да, собираюсь. Она стоит около трех тысяч зеленых, и вы, — заключил он как бы между прочим, — ее украдете, Кривой Рочестер.

— Ук... украду?

— Нынешней же ночью.

Человеку, которого только что словно шмякнули тупым предметом по макушке, довольно непросто выпрямиться во весь рост и устремить на собеседника укоризненный взор, но у Билла это получилось.

— Что-о? — вскричал он, потрясенный до глубины души. — Вы, опора Империи, живой пример для подражания даякам, всерьез предлагаете мне ограбить мою гостью?

— Я ведь тоже ваш гость, однако вы меня ограбили.

— Только временно.

— И миссис Спотсворт вы тоже ограбите только временно. Я не вполне точно сказал: «украдете». Все, что мне от вас нужно, это взять у нее подвеску в долг до завтрашнего ужина, а тогда она будет ей возвращена.

Билл схватился за волосы.

— Дживс?

— Милорд?

— На помощь, Дживс. У меня мозги кругом идут. Вы уловили какой-нибудь смысл в словах этого носорогоубийцы?

— Да, милорд.

— Вот как? В таком случае, «ты лучше меня, Гунга Дин».^[34]

— Направление мыслей капитана Биггара представляется мне ясным, милорд. Джентльмену действительно нужны деньги, чтобы завтра в Дерби поставить на лошадь по кличке Баллимор, и он предлагает, как я понял, изъять у владелицы подвеску, заложить и полученные средства употребить на вышеназванные цели. Я правильно изложил вашу мысль, сэр?

— Да.

— А по завершении скачек, как я понимаю, этот предмет будет доставлен обратно, и кто-нибудь, может быть я, обнаружит его в таком месте, где дама могла его обронить, и вручит его ей. Я не ошибаюсь, сэр?

— Нет.

— В таком случае, если только можно быть на все сто процентов уверенным в том, что лошадь Баллимор придет первой...

— Придет, придет, можете не сомневаться. Я же вам сказал, он дважды побил рекорд ипподрома.

— Это официально, сэр?

— Прямо из конюшни.

— Тогда я, должен признаться, не вижу — или почти не вижу — оснований возражать против этого плана.

Билл с сомнением покачал головой.

— А по-моему, это все-таки кража. Капитан Биггар досадливо поморщился.

— Ничего подобного! И сейчас объясню, почему. В каком-то смысле можно сказать, что эта подвеска — моя.

— Ну, знаете... чья, вы сказали?

— Моя. Позвольте, я расскажу вам одну историю.

Несколько мгновений капитан Биггар молчал, погрузившись в раздумье. Потом очнулся, увидел, что стакан его пуст, и снова его наполнил. В данной ситуации он вел себя как человек, который намерен, пусть даже предложенная им сделка и сорвется, зато, по крайней мере, выпить как можно больше хозяйского виски и тем хоть отчасти возместить понесенный урон. Когда живительная жидкость достигла желаемых глубин, он утерся тыльной стороной руки и приступил к повествованию.

— Знает который-нибудь из вас, ребята, «Длинный бар» в Шанхае? Нет? Ну, так я вам скажу, что это — «Кафе де ля пэ» Востока. Все говорят, если просидеть в парижском «Кафе де ля пэ» достаточно долго, то непременно увидишься со всеми своими приятелями, и точно так же в «Длинном баре». Несколько лет назад, оказавшись в Шанхае, я как-то заглянул в «Длинный бар», притом у меня и в мыслях не было, что Толстый Фробишер и Субадар могут быть где-то ближе тысячи миль оттуда, но только вошел, смотрю, а они вот они, голубчики, сидят себе на табуретах у стойки. «Привет, Бвана, старикан», — говорят они мне, когда я подвалил поближе. И я им тоже: «Привет, Толстый! Привет, Субадар, старина», — а они мне: «Что будешь пить, старик?», и я им в ответ: «Что вы пьете, то и мне подойдет», и Толстый заказал по стигна-рому на всех троих, и мы принялись толковать про *цоу-луанг* и *най бахн рот фэйс*, и где мы последний раз виделись, и что случилось с *пугни* в Лампанге, и про тому подобные вещи. А когда допили до дна, я сказал: «Следующий круг за мной. Тебе что, Толстый, старикан?» Он говорит: «Смешивать не буду: стинга-ром», — «А тебе, Субадар, старикан?» — спрашиваю, и он говорит, ему тоже стинга-ром, ну, и я поманил пальцем бармена и заказал еще раз то же самое всем троим, и, короче говоря, нам налили, стинга-ром Субадару, стинга-ром Фробишеру и стинга-ром мне.» «Удачи, ребята!» — сказал Толстый Фробишер. «Удачи, ребята!» — сказал Субадар. А я сказал: «Выше голову, молодцы», и мы выпили. Дживс кашлянул, почтительно, но

твёрдо.

— Прошу прощения, сэр.

— Да?

— Не хотелось бы прерывать ваше повествование, но куда оно ведёт, сэр?

Капитан Биггар побагровел. Человеку, рассказывающему зажигательную, крепко сколоченную историю, не нравится, когда у него спрашивают, куда она ведёт.

— Куда ведёт? Что значит, куда она ведёт? Разумеется, куда надо, туда и ведёт. Я как раз подхожу к самому интересному. Только мы выпили по второму кругу, и тут, этак трусливо озираясь, словно боясь, что его сейчас вышвырнут вон, входит этот парень в драной рубахе и джинсах.

Неожиданное появление нового действующего лица совершенно запутало Билла.

— Что ещё за парень в драной рубахе и джинсах?

— Тот самый, про которого я вам рассказываю.

— Кто это такой?

— А-а, вот то-то и оно! Я его первый раз в жизни видел, и Толстый Фробишер, замечая, тоже первый раз в жизни видит, и Субадар тоже. Но он эдак бочком подваливает к нам и только разинул рот, как сразу говорит, обращаясь ко мне: «Привет, Бимбо, старина», а я удивился и спрашиваю: «Ты кто такой?» — потому что меня никто не звал Бимбо с тех пор, как я кончил школу. В школе-то меня все так звали, Бимбо, Бог ведь почему, но там, на Востоке, меня, сколько помню, величали исключительно Бвана. А он говорит: «Ты что, меня не узнаешь, старик? Я Сикамор, старик». Я пригляделся получше и спрашиваю: «Как ты говоришь, старина? Сикамор? Случайно, не Щеголь Сикамор, который со мной учился в военном классе в Аппингаме?» А он отвечает: «Я самый, старина. Только теперь меня зовут Бродяга Сикамор».

Воспоминание об этой грустной встрече заметно расстроило капитана Биггара. Пришлось ему, прежде чем продолжить рассказ, снова налить себе виски Билла.

— Я прямо покачнулся от изумления, — вернулся он к своей повести. — Этот парень Сикамор был первый весельчак и франт из всех когда-либо украшавших военный класс, даже в Аппингаме.

Билл теперь слушал его внимательно.

— А в Аппингаме все учащиеся были весельчаки и франты, я правильно вас понял?

— Большие весельчаки и франты, а этот парень Сикамор — самый

большой весельчак и франт из всех. О нем рассказывали легенды. И вот теперь он стоял перед нами в драной рубахе и джинсах и даже без галстука. — Капитан Биггар вздохнул. — Я сразу понял, что с ним произошло. Старая-старая история. На Востоке человек легко теряет форму. Пьянство, женщины, неоплаченные карточные долги...

— Да-да, — поторопил его Билл. — Он морально разложился?

— Увы. Представлял собою жалкое зрелище. Типичный бродяга.

— Помню, Моэм описывал нечто в этом же роде.

— Держу пари, ваш приятель Моэм, кто бы он ни был, не встречал такого жалкого человека, как Сикамор. Он опустился на самое дно, и вопрос был в том, что тут можно сделать. Толстый Фробишер и Субадар, не будучи представлены, конечно, смотрели в сторону и не принимали участия в разговоре, возложив ответственность на меня. Но для таких людей, которые на Востоке морально разложились, и сделать-то ничего нельзя, только разве дать немного денег на выпивку, и я уже полез было в карман за пятеркой или десяткой, как вдруг этот парень Сикамор достает из-под своей драной рубахи вещь, при виде которой у меня перехватило дыхание. Даже Толстый Фробишер и Субадар, хоть и не будучи представлены, перестали притворяться, будто тут с нами никого нет, и поневоле обратили внимание и вытаращили глаза. «*Сабайга!*» — сказал Фробишер. «*Пом Баху!*» — сказал Субадар. И было чему удивиться. Это была та самая подвеска, которую вы видели сегодня на шее... — капитан Биггар замялся на мгновение, вспоминая, какой была на ощупь эта шея. — ...на шее, — заключил он, призвав на подмогу все свое мужество, — у миссис Спотсворт.

— Вот это да! — произнес Билл, и даже Дживс, судя по тому, как дрогнул уголок его рта, по-видимому, нашел, что рассказ джентльмена, начавшийся в тягучем темпе, перешел к увлекательной развязке. Было ясно, что все эти перечисления поглощенных напитков сослужили службу при создании атмосферы и декораций, и теперь пойдет заключительная сцена.

— «Может, купишь у меня вот это, Бимбо, старина?» — спрашивает этот парень Сикамор, поворачивая вещицу так и эдак, чтобы в ней играл свет.

Я произнес: «Поджарь меня в оливковом масле, Щеголь! Откуда у тебя это?»

— Я как раз хотел спросить то же самое, — возбужденно подхватил Билл. — Ну, и откуда же?

— Бог его знает. Не надо бы спрашивать. Неприлично. К востоку от

Суэца быстро усваиваешь это правило: вопросов не задавать. Была, конечно, у этой вещицы какая-то темная история... грабеж, может быть... а то и убийство. Я уточнять не стал. А только спросил: «Сколько?» Он назвал цену, далеко превосходящую содержимое моего кошелька. Похоже было, что ничего из этого не выйдет, но, по счастью, Толстый Фробишер и Субадар — я их к этому времени представил — вызвались войти в долю, втроем мы собрали нужную сумму, и Сикамор нас оставил, ушел назад во тьму, из которой возник. Грустный случай, очень грустный. Помню, как этот парень Сикамор сделал в крикетном матче на первенство школы сто сорок шесть пробежек, да еще на скользком поле. — Капитан Биггар замолчал, погрузившись мыслями в прошлое.

Потом он вернулся в настоящее и сказал, ставя точку:

— Так что вот.

— Но как она оказалась вашей?

— Кто оказался?

— Подвеска. Вы сказали, что она ваша, а насколько я понимаю, она перешла в собственность синдиката.

— А, вы вот о чем. Я еще не объяснил вам? Мы бросили кости, и подвеска досталась мне. Толстому Фробишеру в кости никогда не везет. И Субадару тоже.

— А к миссис Спотсворт каким образом она попала?

— Я ей подарил.

— Подарили?

— А что? Мне-то она на что нужна? А миссис Спотсворт и ее муж оказали мне множество любезностей. Беднягу задрал лев, а что осталось от него, отправили в Найроби, и когда миссис Спотсворт на следующий день покидала лагерь, я подумал, что хорошо бы ей подарить что-нибудь — на память и вообще, ну и я вытащил подвеску и спросил, не захочет ли она взять ее себе. Она согласилась, я отдал, и она уехала. Вот что я имел в виду, когда сказал, что в сущности-то эта вещица — моя, — заключил капитан Биггар и снова налил себе виски.

На Билла его рассказ произвел сильное впечатление.

— По-моему, это в корне меняет дело, Дживс.

— Несомненно, милорд.

— Ведь в конце-то концов, как справедливо заметил старец Биггар, подвеска — его, да он и хочет просто на время позаимствовать ее, всего на пару часов.

— Совершенно верно, милорд.

Билл повернулся к капитану. Решение было принято.

— Договорились, — сказал он.
— Вы это сделаете?
— Попробую.
— Браво!
— Будем надеяться, что сойдет.
— Сойдет, сойдет. Соскользнет, как по маслу. У нее замочек совсем слабый.

— Я имел в виду, что сойдет благополучно.

Капитан Биггар еще раз прикинул. Теперь он был бодр и полон оптимизма.

— Конечно, сойдет благополучно. Что может помешать? Два таких умника, как вы, придумают сто разных способов, как раздобыть эту штуковину. Ну, — сказал капитан, ставя пустой стакан, — а я выйду в сад, мне надо сделать упражнения.

— Так поздно вечером?

— Дыхательные упражнения, — пояснил капитан Биггар. — По системе йоги. И при этом, конечно, достигается единение с мировой душой. Наше вам, ребята!

Он раздвинул портьеры и вышел через стеклянную дверь.

Глава XIII

После его ухода в гостиной установилась глубокая и долгая тишина. Любое помещение погружается в тишину, когда его покидает капитан Биггар. Билл сидел, подперев подбородок кулаком в позе роденовского «Мыслителя». Но потом, немного спустя, он посмотрел на Дживса и покачал головой.

— Нет, Дживс, — сказал он.

— Милорд?

— Я узнаю блеск феодальной верности в ваших глазах, Дживс. Вы рвете поводок, горя желанием прийти на помощь молодому хозяину. Разве я не прав?

— Действительно, милорд, в свете наших взаимоотношений владыки и вассала мой долг — оказать вашему сиятельству всякую помощь, насколько это будет в моей власти.

Билл снова отрицательно покачал головой.

— Нет, Дживс. Исключается. Никакая сила не заставит меня допустить ваше вмешательство в предприятие, которое, в случае неблагоприятного оборота событий, вполне может закончиться пятилетним заключением в одной из наших прославленных тюрем. Я займусь этим делом сам, и прошу вас мне не перечить.

— Но, милорд...

— Я сказал, не перечить, Дживс.

— Очень хорошо, милорд.

— Все, что мне от вас нужно, это совет и консультация. Итак, что мы имеем? Мы имеем бриллиантовую подвеску, которая на данный конкретный момент висит на шее у миссис Спотсворт. Задача, стоящая передо мной, — я подчеркиваю: передо мной, Дживс, — заключается в том, чтобы каким-нибудь образом отделить эту подвеску от этой шеи и, схватив ее, незаметно смыться. Какие будут предложения?

— Задача, милорд, бесспорно, представляет определенный интерес.

— М-да, это мне и самому понятно.

— Насколько я понимаю, ни о каких насильственных методах и речи быть не может. Вся надежда возлагается исключительно на ловкость и ухищрение.

— Выходит, что так. Не думайте, пожалуйста, что я намерен шмякнуть миссис Спотсворт резиновой дубинкой по кум пол у.

— В таком случае, милорд, я склонен заключить, что наибольшего успеха можно ожидать от приема, который я назвал бы сцена с пауком.

— Не понял?

— Позвольте мне объяснить, милорд. Ваше сиятельство встречаетесь с означенной дамой в саду?

— Она, должно быть, сидит там на скамейке.

— Тем лучше. Такие условия прекрасно подходят для осуществления выдвигаемого мною плана. Если через несколько минут после того, как между вами завязался разговор, ваше сиятельство якобы заметит в волосах миссис Спотсворт паучка, сцена с пауком воспоследует сама собой, как день следует за ночью. Ваше сиятельство вполне естественно вызоветесь смахнуть насекомое. Это даст вам предлог поднять руку к ее шее. И если замочек, как утверждает капитан Биггар, слабенький, вашему сиятельству не составит труда расстегнуть его, так чтобы подвеска упала на землю. Вы следите за моим рассуждением, милорд?

— Да. Пока мне все ясно. А если она ее поднимет?

— Не поднимет, милорд, потому что в действительности вещица будет уже в кармане у вашего сиятельства. Ваше сиятельство сделаете вид, будто продолжаете шарить в траве, но безрезультатно, и в конце концов вы примете решение отложить поиски до утра, когда будет светло. А найдена драгоценность будет завтра ближе к вечеру.

— Когда Биггар ее выкупит и привезет?

— Именно так, милорд.

— И окажется, что она преспокойно лежит под кустиком?

— Или в траве чуть подальше. Откатилась.

— А подвески могут катиться?

— Эта подвеска сможет, милорд. Билл сосредоточенно закусил губу.

— Стало быть, это и есть сцена с пауком?

— Да, это и есть сцена с пауком, милорд.

— Совсем неплохо задумано.

— Достоинство этого приема в простоте, милорд. А если ваше сиятельство опасаетесь, что у вас может не получиться, я бы предложил то, что у актеров называется быстрый прогон.

— Репетицию, вы хотите сказать?

— Именно, милорд. Это поможет вам заучить слова и действия. Мне говорили, что на Бродвее в Нью-Йорке, где сосредоточена театральная индустрия Соединенных Штатов, про это говорят: прогладить горячим утюгом от клопов.

— От пауков, правильнее будет выразится.

— Ха-ха, милорд. Но позвольте мне заметить, что сейчас не следует тратить драгоценные мгновения на острословие.

— Сейчас время решает все?

— Вот именно, милорд. Хотите быстро пробежать всю сцену?

— Да, пожалуй, раз вы говорите, что это успокаивает нервы. А то у меня такое чувство, будто вдоль по позвоночнику выплывает целый кордебалет дрессированных блох.

— Мистер Вустер тоже жаловался на такие симптомы в минуту испытания и стресса. Это скоро пройдет.

— Когда?

— Как только ваше сиятельство войдете в роль. Скамейка в саду, вы сказали?

— Там она сидела в прошлый раз.

— Итак, сцена — скамейка в саду, время — летняя ночь, — забормотал Дживс. — При подъеме занавеса видна миссис Спотсворт. Входит лорд Рочестер. Я буду изображать миссис Спотсворт, милорд. Сначала мы обмениваемся несколькими репликами для создания атмосферы. Потом плавно переходим к сцене с пауком. Ваша реплика, милорд.

Билл сосредоточился.

— Ээ... мм... Скажите, Рози...

— Рози, милорд?

— Да, Рози, черт возьми. Есть возражения?

— Ни малейших, милорд.

— Мы были знакомы когда-то в Каннах.

— Вот как, милорд? Я этого не знал. Итак, вы говорили?..

— Скажите, Рози, вы боитесь пауков?

— Почему вы спрашиваете, ваше сиятельство?

— Потому что у вас по волосам сзади ползет довольно крупный экземпляр... — Тут Билл подскочил на месте дюймов на шесть. — Какого черта вы вдруг завизжали, Дживс? — с раздражением спросил он.

— Просто для придания правдоподобия, милорд, — невозмутимо пояснил Дживс. — Мне подумалось, что именно так поведет себя нежно воспитанная леди, когда получит подобное сообщение.

— Зря вы это. У меня чуть было макушка не отскочила.

— Прошу извинения, милорд. Но я именно так представляю себе эту сцену. Я так чувствую, чувствую вот здесь, — ответил Дживс, похлопывая себя по груди слева. — Подбросьте мне, пожалуйста, последнюю реплику еще раз, ваше сиятельство.

— У вас сзади по волосам ползет довольно крупный экземпляр.

— Будьте столь любезны, ваше сиятельство, смахните его на землю.

— Он куда-то затерялся. Ага, вот! Переполз на шею.

— И при этих словах, — провозгласил Дживс, вскакивая с дивана, который исполнял у него роль садовой скамейки, — вы сразу же приступаете к действиям, милорд. Ваше сиятельство не можете не признать, что все это проще простого.

— Кажется, да.

— Не сомневаюсь, что теперь, после этого прогона, дрессированные блохи, про которых вы раньше упомянули, умерили свои пляски.

— Да, сбавили темп. Но я все еще волнуюсь.

— Это неизбежно в канун премьеры, милорд. Я полагаю, что вашему сиятельству следует действовать безотлагательно. Что делаешь, делай скорее. Мы подготовили сцену на садовой скамье, и вам будет трудно приспособить наработанную игру к интерьеру, если миссис Спотсворт вдруг возьмет да и возвратится в дом.

Билл кивнул.

— Понимаю. Ну, привет, Дживс. Пока.

— Пока, ваше сиятельство.

— Если что-то выйдет не так...

— Ничего не может выйти не так, милорд.

— Но все-таки... Вы будете иногда писать мне в Дартмур,^[35] Дживс? Несколько строк о том, о сем с последними новостями с воли?

— Разумеется, милорд.

— Этим вы окажете мне поддержку, когда я буду день за днем дробить скалу. Говорят, в теперешних тюрьмах условия гораздо лучше, чем были в старину?

— Я тоже так слышал, милорд.

— Смотришь, я еще обрету в Дартмуре тепло и уют. Со всеми удобствами.

— Очень может быть, милорд.

— Но все-таки будем надеяться, что до этого не дойдет.

— Конечно, милорд.

— М-да... Ну, ладно, еще раз пока, Дживс.

— Пока, милорд.

Расправив плечи, Билл отважно вышел вон. Он призвал на помощь фамильную гордость Рочестеров, и она укрепила в нем твердость духа. Вот с таким же спокойным бесстрашием его предок в семнадцатом веке взошел

на эшафот на Тауэр-Хилле,^[36] любезно кивнул палачу и помахал родным и знакомым среди публики. Благородная кровь всегда сказывается в час испытания.

Несколько минут никого не было, потом вошла Джил.

Дживсу показалось, что в последние часы невеста молодого хозяина утратила немалую долю своей обычной живости, придававшей ей такую привлекательность. И он не ошибался. Недавний разговор с капитаном Биггаром привел ее в задумчивость, уголки губ у нее опустились, а во взгляде поселилась печаль. Вот и сейчас глаза ее были печальны.

— Вы не видели лорда Рочестера, Дживс? — спросила Джил.

— Его сиятельство только что вышел в сад, мисс.

— А где все остальные?

— Сэр Родерик и леди Моника все еще в библиотеке, мисс.

— А миссис Спотсворт?

— Она вышла в сад незадолго до его сиятельства.

— Да? — холодно произнесла Джил и ушла в библиотеку. Уголки ее губ опустились еще ниже прежнего, и печаль во взоре возросла процентов на двадцать. Можно было подумать, что она предполагает самое худшее, и так оно и было.

А еще через две минуты в гостиную с песней на устах ворвался капитан Биггар. Упражнения по системе йоги и соприкосновение с мировой душой, как видно, оказали на него самое благотворное воздействие. Глаза его блестели, и общий вид был оживленный. Когда приходит время действовать, Белые Охотники всегда оказываются на высоте.

Любил я белые ручки твои
На берегу Салимара...
Где же ты, где ты теперь?

— напевал капитан Биггар. — «Я... Как там дальше?... чары твои... ля-ля-ля... ля-ля ля-ля! Где ты теперь? Где ты? — Ибо Дэнни Дивера повесят на рассвете»,^[37] — пропел он в заключение, сменив тему.

Тут он заметил Дживса и прервал свое не слишком художественное выступление.

— Привет, — сказал капитан Биггар. — *Квай хай*, приятель. Как дела?

— Состояние дел вполне удовлетворительное, сэр.

— А где Кривой Рочестер?

- Его сиятельство находится в саду, сэр.
- С миссис Спотсворт?
- Да, сэр. Чтоб испытать судьбу, все выиграть иль всего лишиться. [\[38\]](#)
- Значит, вы придумали, как действовать?
- Да, сэр. Избрали игру с пауком.
- Как вы сказали? И груз? Какой груз?

Капитан Биггар внимательно выслушал объяснение Дживса, а выслушав, сделал ему самый щедрый комплимент:

- Вам бы надо жить на Востоке, дружище.
- Вы очень добры, сэр.
- То есть, если конечно вы это сами придумали.
- Сам, сэр.
- Тогда такие люди, как вы, нам нужны в Куала-Лумпуре. Таких там как раз не хватает, которые умеют шевелить мозгами. Нельзя же, чтобы все мозги были у даяков. Они начинают слишком много о себе воображать.
- А что, даяки — сообразительный народ, сэр?
- Еще какой сообразительный! Я сейчас расскажу вам один случай, который произошел у меня и Толстого Фробишера, когда...

Он не договорил, и мир лишился очередной занимательной истории. С террасы в гостиную вошел Билл.

Разительная перемена произошла с девятым графом Рочестером за те несколько минут, что он провел в саду. Уходил он, как мы помним, исполненный боевого задора, готовый встретить опасность лицом к лицу. Тогда плечи у него были браво расправлены. Теперь же они поникли, словно придавленные тяжелым бременем, глаза смотрели тускло, лоб изрыли борозды. Видно, фамильная гордость Рочестеров сложила пожитки и убралась восвояси, лишив его поддержки. В облике Билла не осталось ни малейшего сходства с тем его предком, который в семнадцатом веке проявил такое партийное отношение к своей казни на Тауэр-Хилле. Теперь он больше всего напоминал другого предка, который был в 1782 году пойман за руку Чарльзом Джеймсом Фоксом, [\[39\]](#) когда жульничал в карты в кофейне Уоттьера.

— Ну? — нетерпеливо воскликнул капитан Биггар. Билл молча посмотрел на него долгим, скорбным взглядом и обратился к Дживсу:

- Дживс!
- Милорд?
- Эта сцена с пауком.
- Да, милорд?

— Я попытался ее сыграть.

— И что же, милорд?

— Сначала вроде все пошло хорошо. Я отстегнул подвеску.

— Да, милорд?

— Капитан Биггар правильно сказал. Замочек был слабенький. Легко расстегнулся.

— Да, милорд?

Капитан Биггар издал радостный возглас на суахили и протянул руку.

— Давайте сюда!

— У меня ее нет. Выскользнула из пальцев.

— И упала?

— Да, упала.

— И сейчас валяется в траве?

— Нет, — ответил Билл и мрачно покачал головой. — Не валяется она ни в какой траве. Она упала прямо за ворот платья миссис Спотсворт и находится сейчас где-то в недрах ее одежд.

Глава XIV

Нечасто в жизни приходится наблюдать, как трое здоровых мужчин одновременно оказываются поражены до глубины души, но если бы кто сейчас очутился в гостиной Рочестер-Эбби, именно такое зрелище представилось бы его глазам. Сказать, что рапорт Билла потряс собеседников, значило бы преуменьшить его воздействие. Капитан Биггар принялся растерянно расхаживать по комнате, размахивая руками, как мельница, но и Дживс тоже пришел в волнение, о чем свидетельствовало то обстоятельство, что два волоска на конце его правой брови отчетливо дрогнули. А сам Билл, окончательно сокрушенный последним ударом Судьбы, по-видимому в конце концов все-таки формально сложил оружие — рухнул в кресло и сидел, обмякший и отчаявшийся. Недоставало только длинной седой бороды, и сходство с королем Лиром не в духе было бы полным. Первым заговорил Дживс:

— Весьма неприятно, милорд.

— Да, — понуро согласился Билл. — Досадно, а? У вас не найдется при себе какого-нибудь малоизвестного азиатского яда, Дживс?

— Нет, милорд.

— Жаль, — сказал Билл. — А то мне бы пригодился. Дживсу было больно видеть страдания молодого хозяина, а так как он всегда считал, что для страждущей души нет действенное болеутоляющего средства, нежели что-нибудь из Марка Аврелия, он стал рыться в памяти, ища подходящую цитату из произведений этого императора. Колеблясь, что лучше подойдет, «Что бы с тобой ни случилось, это было предопределено тебе от века», или же «Не существует несчастий, которые природой человеку не дано сил вынести», и та, и другая — отличные цитаты, Дживс медлил с выбором, и в это время капитан Биггар, паливший в воздух длинной очередью восклицаний на каком-то туземном диалекте, внезапно снова перешел на английский.

— *Дой вьенг лек!* — крикнул он. — Нашел! Порубите меня на куски и поджарьте с грибным соусом, я понял, что вы должны сделать!

Билл поднял безжизненно висевшую голову.

— Сделать? — повторил он. — Я?

— Да, вы.

— Мне очень жаль, но я сейчас не способен ничего сделать, кроме как разве скончаться, всеми оплакиваемый.

Капитан Биггар фыркнул, а затем еще хмыкнул, крякнул и присвистнул.

— *Мун ни ноанлап лао!* — досадливо отмахнулся он. — Вы ведь умеете танцевать, верно?

— Танцевать?

— Лучше всего чарльстон. Это все, что от вас требуется. Несколько па старого доброго чарльстона.

Билл пошевелился, как мертвец, которому мешают шевелиться гробовые пелены. В движение его привела острая колика негодования. Праведный гнев наполнил душу. Человек угодил в такую передрыгу и трижды за день потерпел фиаско, а этот тип предлагает ему танцевать, как Давид танцевал перед Саулом. И, похоже, это только начало, дальше Белый Охотник еще, пожалуй, потребует комических куплетов и фокусов, и пародий на всем нам хорошо известных звезд эстрады. Он что думает, что здесь открывается новый театр «Водевиль»? Или что начинается деревенский концерт для сбора средств в фонд реставрации церковного органа?

Подыскивая слова, чтобы смачнее выразить все, что он думает по данному поводу, Билл вдруг обнаружил, что капитан Биггар тем временем приступил к новому рассказу из своих запасов. Этот любимый сын Куала-Лумпура, видимо, имел, подобно Марку Аврелию, подходящие истории на все случаи жизни. Но там где римский император обходился отдельными шуточками в духе Боба Хоупа или Граучо Маркса,^[40] капитан Биггар предпочитал повествовательный жанр.

— Да, чарльстона, — повторил капитан Биггар, — и сейчас я вам объясню, о чем речь. Мне вспомнился один случай, который произошел с Толстым Фробишером и супругой греческого консула. Это воспоминание вспыхнуло внезапно, как молния в небе.

Он замолчал. Его беспокоило ощущение, что он что-то упустил. Но потом он вспомнил. Ну, конечно. Виски. Капитан Биггар подошел к столу и наполнил стакан.

— Где Толстый Фробишер в то время служил, в Смирне, Яффе или Стамбуле, — произнес он, осушив половину, а с тем, что осталось, возвращаясь к дивану, — боюсь, не смогу вам сказать. С годами эти мелкие подробности забываются. Может быть, даже в Багдаде или еще где-нибудь, мало ли. Забыл, честно признаюсь. Но суть в том, что он находился где-то там такое и в один прекрасный вечер отправился на прием, или суарею, или как эти сборища называют, в какое-то посольство. Ну, вы знаете, о чем я. Прекрасные дамы и блестящие кавалеры, во фраках и туалетах,

отплясывают всюду, как полоумные. И вот по ходу дела получилось так, что Толстый вышел танцевать чарльстон в паре с супругой греческого консула. Не знаю, видел ли кто-нибудь из вас, как Толстый Фробишер танцует чарльстон?

— Ни его сиятельство, ни я, сэр, не имеем чести быть знакомы с мистером Фробишером, — вежливо напомнил ему Дживс.

— С майором Фробишером, черт подери, — высокомерно поправил капитан Биггар.

— Прошу меня простить, сэр. С майором Фробишером. И по причине незнакомства техника исполнения майором Фробишером танца чарльстон для нас — книга за семью печатями, сэр.

— Да? — Капитан Биггар опять наполнил свой опустевший стакан. — Ну, так я вам скажу. Его техника, как вы выражаетесь, отличается мощностью. Он не жалеет сил. В старину таких танцоров называли трехворотничковыми. К тому моменту, когда Толстый Фробишер заканчивает танцевать чарльстон, его партнерша чувствует себя так, как будто едва живая выбралась из драки. Так было и в тот вечер. Он подцепил супругу греческого консула и давай с ней притоптывать и подпрыгивать, крутить ее то туда, то сюда, бросать на одну руку, перекидывать на другую, и вдруг — догадайтесь, что произошло?

— У дамы случился разрыв сердца, сэр?

— Нет, разрыв сердца у дамы не случился, но случилось нечто такое, что у всех присутствующих могло бы его вызвать. Потому что, хотите верьте, хотите нет, но раздался металлический лязг, и из-за пазухи у этой дамы стали вываливаться серебряные ложки, серебряные вилки и даже, уверял Толстый Фробишер, набор головных щеток с черепаховым верхом. Оказывается, супруга консула была закоренелой клептоманкой и использовала пространство между корсажем и тем, что там они носят под платьем — я человек неженатый, вдаваться в подробности не могу, — в качестве банковского сейфа.

— Получилась неловкость для майора Фробишера, сэр. Капитан Биггар удивился.

— Для Фробишера? Почему? Он же не присваивал эти вещи, а только способствовал их обнаружению. Вы что, не поняли, к чему я клоню? Я уверен, если Кривой Рочестер пустится плясать чарльстон с миссис Спотсворт и употребит хотя бы десятую долю той энергии и воли к победе, что и Толстый Фробишер, мы скоро вытряхнем эту подвеску у нее из-за пазухи. Толстый бы ее извлек на свет Божий за первые же десять тактов. И кстати говоря, нам понадобится музыка. Ага, я вижу, там в углу стоит

граммофон. Вот и прекрасно. Ну? Вам понятен план?

— Вполне, сэр. Его сиятельство танцует чарльстон с миссис Спотсворт, и в конце концов закатившаяся подвеска выкатится и упадет, как благодатный дождь с небес на нивы упадает.^[41]

— Точно! Как вы расцениваете эту идею?

Дживс переадресовал вопрос в высшие инстанции.

— Как ваше сиятельство расцениваете эту идею? — почтительно поинтересовался он.

— Что? — отозвался Билл. — Как вы сказали?

— То есть вы не слушали? — возмутился капитан Биггар. — Ну, знаете ли, видел я нахалов, но...

Дживсу пришлось вмешаться.

— По-моему, сэр, в данных обстоятельствах рассеянность его сиятельства более чем понятна, — заметил он с укоризной. — По его погасшему взору видно, что «природный цвет его решимости хиреет под налетом мысли бледным».^[42] Капитан Биггар предлагает, милорд, чтобы ваше сиятельство пригласили миссис Спотсворт на танец под названием чарльстон. В ходе танца, если ваше сиятельство приложит достаточно темперамента, искомая подвеска вытряхнется и упадет на пол, и вы, милорд, без труда подберете ее и сунете в карман.

С четверть минуты у Билла ушло на то, чтобы смысл этих слов проник в его подавленное сознание, но, проникнув, он произвел электрическое действие. В глаза его вернулся блеск, спина распрямилась. На горизонте снова зажглась надежда и пробудила его к жизни. И когда Билл встал с кресла с бодрым видом человека, готового на все, в нем было что-то от его жизнерадостного предка, которого в эпоху Реставрации за нахрап и галантное обхождение дамы при дворе короля Карла Второго любовно называли Шалун Рочестер.

— Ведите меня к ней! — сказал Билл ясным и звонким голосом. — Ведите меня к ней, это все, чего я прошу, а остальное предоставьте мне.

Но и вести его к ней в конечном счете не потребовалось, так как в эту минуту она собственной персоной вошла с террасы в гостиную, прижимая к груди своего мопсика Помону. Помона, завидев всю компанию, закатилась в пронзительном лае. Можно было подумать, будто ее раздирают на части раскаленными щипцами, хотя на самом деле она таким способом выражала радость. В минуты восторга она всегда громко верещала, отчасти как погибшая душа, а отчасти как ошпаренная кошка.

Из библиотеки выбежала встревоженная Джил, но миссис Спотсворт

успокоила ее.

— Ничего, милочка, она просто разволновалась. Но может быть, вы занесете ее в мою комнату, если идете наверх? Это вас не слишком затруднит?

— Нисколько, — холодно ответила Джил.

И вышла из комнаты с Помоной на руках, а Билл приблизился к миссис Спотсворт.

— Потанцуем? — предложил он.

Миссис Спотсворт удивилась. Только что в саду на скамейке, в особенности после пропажи подвески, ей показалось, что хозяин дома настроен на довольно байронический лад. И вдруг этот неожиданный дух веселья — откуда что берется?

— Вы хотите *танцевать*?

— Да. С *вами*, — ответил Билл, вкладывая в свои слова весь спектр придворных интонаций эпохи Стюартов. — Это будет совсем как когда-то в Каннах.

Миссис Спотсворт была женщина проницательная. Она, конечно, заметила, что в дальнем конце комнаты прячется капитан Биггар, и сообразила, что появилась отличная возможность разбудить в нем спящего зверя, который спит, по ее понятиям, как-то уж слишком крепко. Что мешает Белому Охотнику развернуться в роли страстного обожателя, она не знала; зато ей было хорошо известно, что самое верное средство раскочегарить заленившегося поклонника, — это продемонстрировать ему, как любимая женщина отплясывает в объятиях другого, тем более такого красавчика, как Вильям граф Рочестер.

— О да, давайте! — весело откликнулась миссис Спотсворт, вся загоревшись. — Как живо я помню те дни! Лорд Рочестер танцует восхитительно, — объяснила она капитану Биггару, она же понимала, как ему обидно было бы, если бы эта достоверная новость прошла мимо его ушей. — Обожаю танцевать. Единственное оставшееся на свете безгрешное удовольствие.

— Еще бы! — подхватил Билл с таким же энтузиазмом. — Старый добрый чарльстон... Вы помните его?

— Неужели нет!

— Поставьте пластинку с чарльстоном, Дживс.

— Очень хорошо, милорд.

Когда Джил, доставив Помону в спальню миссис Спотсворт, возвратилась в гостиную, там были только Билл, Дживс и миссис Спотсворт, ибо капитан Биггар, не в силах выдержать представившегося

ему зрелища, сбежал через стеклянную дверь в немую ночь.

Что он сам же и задумал это возмутительное представление, эту смесь непристойностей французской революционной карманьолы с наиболее рискованными чертами туземных плясок, которые он наблюдал в Экваториальной Африке, отнюдь не развеивало мрак его души. У лягушек на лужайке, по которой он прохаживался со свирепым выражением на лице, сложилось впечатление, будто с неба на них сыплются ботинки одиннадцатого размера.

Отрицательное мнение о чарльстоне в исполнении хозяина дома и любимой женщины капитана Биггара разделяла и Джил. Наблюдая с порога за танцующими, она чувствовала, как у нее в душе поднимается та же дурнота, что испытал и Белый Охотник, выслушивавший обмен любезностями на садовой скамейке. Возможно, в том, как вел себя Билл, и не было настоящего состава преступления, но какие-то полицейские меры, она считала, необходимо было принять немедленно. Против таких вещей должен быть закон.

Невозможно описать словами танец чарльстон, как его исполняли, с одной стороны, женщина, обожающая танцевать чарльстон и разошедшаяся вовсю, а с другой — молодой человек, вознамерившийся во что бы то ни стало так растряссти свою даму, чтобы из глубин ее существа выкатилась бриллиантовая подвеска, где-то там застрявшая. Достаточно, наверное, будет сказать, что если бы в это время в комнату случайно зашел майор Фробишер, ему бы сразу вспомнились добрые старые времена в Смирне, или Яффе, или Стамбуле, а может, Багдаде. Миссис Спотсворт он бы, к ее выгоде, сравнил с супругой греческого консула, а Билла одобрительно похлопал бы по спине и признал бы, что тот выкаблучивается не хуже, а может, и лучше его самого.

Из библиотеки пришли Рори и Моника и не скрыли своего изумления.

— Боже милосердный! — проговорила Моника.

— Старина Билл лихо кромсает ковер каблуками, а? — заметил Рори. — Пошли, моя красавица, вольемся в толпу ликующих.

Он обхватил жену за талию, и сцена стала массовой. Джил, не в силах долее выносить это возмутительное зрелище, повернулась и вышла. По пути к себе в комнату она довольно плохо думала о своем женихе. Девушке с идеалами всегда неприятно убедиться в том, что она связала свою судьбу с повесой, но теперь она убедилась, что Вильям граф Рочестер — просто-напросто развратник, у которого могли бы еще пройти курс заочного обучения Казанова, и Дон Жуан, и самые грубые древнеримские императоры.

— Я когда танцую, — произнесла миссис Спотсворт, которая тоже лихо кромсала ковер, — то ног под собой вообще не чувствую.

Моника поморщилась.

— Если бы вы танцевали с Рори, вы бы свои ноги очень даже чувствовали. Он то вспрыгнет тебе на ногу, то соскочет. Хоть бы уж что-нибудь одно.

— Ох! — вдруг вскрикнула миссис Спотсворт. Билл только что приподнял ее и с размаху поставил обратно на пол с такой силой, что майор Фробишер наверняка пришел бы в восторг. Теперь она стояла и терла бок. — Я, кажется, что-то растянула, — сказала она и проковыляла к креслу.

— Неудивительно, — отозвалась Моника, — когда Билл так разошелся.

— Ой, надеюсь, это просто растяжение, а не мой старый радикулит. Он меня ужасно мучает, особенно если я оказываюсь в сыром помещении.

Трудно поверить, но Рори не сказал ей на это: «Вроде Рочестер-Эбби, а?» и не произнес вслед за этим свою любимую остроту насчет протекающей зимой крыши. Он наклонился и рассматривал какой-то предмет на полу.

— Эге, — проговорил Рори. — Это что такое? Это ведь ваша подвеска, миссис Спотсворт?

— О, спасибо, — сказала миссис Спотсворт. — Да, это моя. Наверно закатилась за... Ох-х-х! — Она не договорила и снова скрючилась от боли.

— Вам надо немедленно лечь в постель, Розалинда, — хлопотала над ней Моника.

— Да, наверно

— С хорошей горячей грелкой.

— Да.

— Рори поможет вам подняться по лестнице.

— С удовольствием, — сказал Рори. — Интересно, почему это всегда говорят: «Хорошая горячая грелка»? Мы в «Харридже» говорим наоборот: «Отвратительная горячая грелка». Современные электрические одеяла, которые имеются у нас в продаже, делают водяную грелку анахронизмом. С тремя переключениями... «Осенняя бодрость», «Весеннее солнышко» и «Мэй Вест».

Они медленно двинулись к двери. Миссис Спотсворт тяжело опиралась на его руку. Как только они скрылись за дверью, Билл, провожавший их безумным взглядом, вскинул руки в жесте полного отчаяния.

— Дживс!

— Да, милорд?

— Это конец.

— Да, милорд.

— Она улизнула в нору.

— Да, милорд.

— Вместе со своей подвеской.

— Да, милорд.

— Так что, если вы не можете ничего предложить, чтобы выманить ее из комнаты, мы погибли. Можете вы что-нибудь предложить?

— В данную минуту нет, милорд.

— Я так и думал. Вы же всего лишь смертный человек, а тут задача вне... этого самого... как это говорится, Дживс?

— Вне пределов человеческих возможностей, милорд.

— Вот именно. Знаете, что я собираюсь сейчас сделать?

— Нет, милорд.

— Лечь спать, вот что. лягу спать и постараюсь заснуть и забыть. Правда, заснуть мне конечно не удастся, где там, у меня каждый нерв торчит наружу и кончики завиваются.

— Возможно, если ваше сиятельство попробуете считать овец...

— Думаете, подействует?

— Это широко признанное средство, милорд.

— Гм. — Билл задумался. — Ну, что ж, можно попытаться. Покойной ночи, Дживс.

— Покойной ночи, милорд.

Глава XV

Не считая мышиноного писка за дубовыми панелями и периодических шорохов в печных трубах, где ворочались во сне летучие мыши, в остальном Рочестер-Эбби стоял погруженный в сонное безмолвие. Настал общеизвестный колдовской час ночи. В Голубой Комнате, приятно уставшие за день, мирно спали Моника и Рори. Миссис Спотсворт отрубилась и посапывала в комнате королевы Елизаветы, а заодно и Помона в корзинке у нее под боком. В комнате Анны Болейн честный капитан Биггар, добрая душа, видел во сне добрые старые времена на реке Ме Вонг, которая является, о чем и без нас хорошо известно читающей публике, притоком еще более многоводной и крокодиленной реки Вонг Ме.

В комнате-С-Часами бодрствовала Джил, бессонными глазами глядя в потолок, и Билл в комнате Генриха Восьмого тоже напрасно старался забыться дремотой. Средство, предложенное Дживсом, хоть и пользовавшееся широким признанием, все еще оставалось бессильным расплести сеть его забот.^[43]

— Восемьсот двадцать две, — бормотал он. — Восемьсот двадцать три. Восемьсот двадцать...

Тут он замолчал, и восемьсот двадцать четвертая овца, выделявшаяся из всех особенно бессмысленным выражением лица, так и повисла в воздухе. Дело в том, что раздался стук в дверь, такой тихий и почтительный, какой могла произвести рука только одного человека. Поэтому, когда минуту спустя дверь приотворилась и вошел Дживс, Билл несколько не удивился.

— Прошу извинения у вашего сиятельства, — изысканным тоном произнес Дживс. — Я бы не потревожил вас, если бы не услышал из-за двери ваши слова, свидетельствовавшие о том, что моя рекомендация оказалась бесполезной.

— Да, покамест она еще не сработала, — сказал Билл. — Но входите, пожалуйста. Прошу. — Он был бы сейчас рад кому угодно, лишь бы это была не овца. — Не говорите мне, — вдруг приподнялся он на подушках, заметив блеск торжества в глазах гостя, — что вы что-то придумали.

— Да, милорд, я счастлив сообщить, что, по-моему, я нашел выход из создавшегося положения.

— Дживс, вы — чудо!

— Благодарю вас, милорд.

— Помню, Берти Вустер мне говорил, что нет такого затруднения, которого вы не сумели бы разрешить.

— Мистер Вустер всегда перехваливал меня, милорд.

— Какое там! Недохваливал. Если вы действительно нащупали способ преодолеть нечеловеческие трудности, возникшие на нашем пути...

— Насколько я понимаю, да.

Сердце Билла заколотилось о лиловую пижамную куртку.

— Подумайте хорошенько, Дживс, — умоляющим голосом произнес он. — Каким-то образом нам надо выманить миссис Спотсворт из комнаты и продержать ее снаружи на протяжении времени, достаточного для того, чтобы я ворвался туда, отыскал подвеску, схватил и выскочил обратно, и чтобы ни одна живая душа меня за этим делом не увидела. Если только я ничего не перепутал по причине нервного расстройства, вызванного пересчитыванием овец, вы утверждаете, что можете все это устроить. Но как? Вот вопрос, который напрашивается. Как можно это сделать? С помощью зеркал, как фокусники в цирке?

Дживс молчал. Его четкие черты исказила гримаса страдания. Словно ему неожиданно открылось нечто крайне огорчительное.

— Прощу меня простить, милорд. Я ни в коем случае не хотел бы позволить себе вольность...

— Говорите, говорите, Дживс. Я весь внимание. В чем дело?

— В вашей пижаме, милорд. Если бы я знал, что ваше сиятельство имеете обыкновение спать в пижаме лилового цвета, я бы вам этого решительно не посоветовал. Лиловый не к лицу вашему сиятельству. Мне уже случилось однажды из лучших побуждений выступить по аналогичному поводу перед мистером Вустером, который тогда тоже увлекался лиловыми пижамами.

Билл озадаченно посмотрел на Дживса.

— Что-то я не пойму, каким образом мы перешли на пижамы? — растерянно спросил он.

— Ваша пижама бросается в глаза, милорд. Такой едкий оттенок! Если ваше сиятельство послушаете меня и перейдете на спокойный синий или мягкий фисташково-зеленый...

— Дживс!

— Милорд?

— Сейчас не время судачить о пижамах.

— Очень хорошо, милорд.

— Собственно говоря, я себе, пожалуй, даже нравлюсь в лиловом. Но,

как я уже сказал, это к делу не относится. Отложим дебаты до более благоприятного момента. Но только вот что я вам скажу, Дживс. Если вы действительно можете что-то дельное предложить по поводу этой дьявольской подвески и из этого получится то, что нам надо, я отдам вам эту лиловую пижаму, можете стереть ее в порошок, запахать в землю и посыпать сверху солью.

— Сердечно благодарен вам, милорд.

— Это будет дешевая плата за ваши огромные услуги. Ну, а теперь, когда вы меня так раззадорили, рассказывайте, о чем речь. Что вы такое задумали?

— Мой замысел очень прост, милорд. Он базируется на...

Билл поднял руку.

— Не говорите. Дайте мне самому догадаться. На психологии индивидуума. Правильно?

— Совершенно верно, милорд. Билл вздохнул с облегчением.

— Я так и знал. Что-то мне подсказало. Не раз и не два, попивая мартини с Берти Вустером в баре клуба «Трутней», я слушал, затаив дыхание, его рассказы про вас и психологию индивидуума. Он говорил, что стоит только вам дорыться до психологии индивидуума, и дело сделано, можно бросать в воздух шляпу и плясать на лужайке, Продолжайте же, Дживс. Я внимаю вам с замиранием сердца. Индивидуум, чья психология вас в данный момент занимает, это, как я понимаю, миссис Спотсворт? Я прав или не прав, Дживс?

— Вы совершенно правы, милорд. Не заметили ли вы, ваше сиятельство, что составляет главный интерес миссис Спотсворт и занимает первое место в ее мыслях?

У Билла отвисла челюсть.

— Неужели вы явились сюда в два часа ночи, чтобы заставить меня снова идти танцевать чарльстон с миссис Спотсворт?

— Нет-нет, милорд.

— Знаете, когда вы сейчас заговорили о ее главном интересе...

— В характере миссис Спотсворт есть и другая грань, которую вы упустили из внимания, милорд. Я согласен, что она заядлая любительница танцевать чарльстон, но больше всего ее интересуют потусторонние явления. С первой минуты, как она явилась в Рочестер-Эбби, она не устает выражать горячую надежду на то, что сподобится увидеть призрак леди Агаты. Именно на этом обстоятельстве я построил свой план, как раздобыть ее бриллиантовую подвеску, план, который зиждется на психологии индивидуума.

Билл откинулся на подушки, разочарованный.

— Нет, Дживс. Это не пойдёт.

— Милорд?

— Я понял, к чему вы ведёте. Вы хотите, чтобы я вырядился в плат и юбку с фижмами и пробрался в комнату, где спит миссис Спотсворт, чтобы она, если даже проснется и увидит меня, просто сказала: «А-а, призрак леди Аделы»! — перевернулась на другой бок и опять заснула. Ничего не выйдет, Дживс. Ничто не заставит меня облачиться в дамские одежды, даже ради такого важного дела. В крайнем случае я согласен снова налепить усы и нашлепку на глаз.

— Я бы вам не советовал, милорд. Даже на ипподроме некоторые клиенты, как я заметил, при виде вашего сиятельства отшатывались в испуге. А дама, обнаружив столь ужасное видение у себя в спальне, вполне способна завизжать на весь дом.

Билл беспомощно развел руками.

— Ну, вот видите. Ничего не получится. Ваш план аннулируется как несостоятельный.

— Нет, милорд. Ваше сиятельство, позволю себе заметить, не уловили его суть. Главное в том, чтобы выманить миссис Спотсворт вон из комнаты и тем самым создать условия, при которых ваше сиятельство сможете войти туда и завладеть подвеской. Я вызываюсь постучаться к ней и попросить ненадолго флакончик нюхательной соли.

Билл схватился за волосы.

— Что вы сейчас сказали, Дживс?

— Флакончик нюхательной соли, милорд. Билл затряс головой.

— Эти овцы, которых я тут пересчитывал, как-то плохо на меня подействовали. У меня испортился слух. Мне почудилось, будто вы сейчас упомянули нюхательную соль.

— Так оно и было, милорд. Я бы при этом объяснил, что нюхательная соль мне нужна, чтобы привести в чувство ваше сиятельство.

— Ну вот, опять. Я прямо готов поклясться, что слышал, будто вы сказали: «...привести в чувство ваше сиятельство».

— Именно, милорд. Ваше сиятельство пережили сильное потрясение. Случайно оказавшись в полночный час вблизи разрушенной часовни, вы увидели призрак леди Агаты, и вам стало дурно. Как вашему сиятельству удалось добрести до своей комнаты, это навсегда останется тайной, но я вас застал в почти бессознательном состоянии и поспешил к миссис Спотсворт занять немного нюхательной соли.

Билл все еще недоуменно хлопал глазами.

— Ничего не понимаю, Дживс.

— Дозвольте мне продолжить мои разъяснения, милорд. Как я это себе представляю, милорд, услышав, что леди Агата, если можно так выразиться, под самым боком, миссис Спотсворт загорится желанием немедленно бежать к разрушенной часовне, чтобы самолично наблюдать это потустороннее видение. Я вызовусь проводить ее туда, а в ее отсутствие вы, милорд...

Обычный человек, потрясенный проявлением чужой гениальности, как правило, не сразу находит слова для выражения охвативших его чувств. Когда Александр Грейам Белл^[44] в 1876 году, встретив в одно прекрасное утро своего знакомого, сказал ему: «Слыхали последнюю новость? Я вчера изобрел телефон», — очень может быть, что знакомый просто молча переступил с ноги на ногу. Вот так же и Билл. Он не мог выговорить ни слова, а лежал молча, заливаемый волнами раскаяния из-за того, что мог усомниться в этом человеке. Все было точно так, как неоднократно рассказывал Берти Вустер. Стоит только этому вскормленному рыбой великому уму перейти к психологии индивидуума, и дело сделано, тебе остается лишь подбросить шляпу в воздух и пуститься в пляс на зеленой лужайке.

— Дживс, — выговорил он наконец, когда к нему вернулся дар речи. Но Дживс уже мерцал на пороге.

— Спешу за нюхательной солью, милорд, — пояснил он через плечо. — Прошу прощения, я сейчас.

Минуты через две, хотя Биллу казалось, что дольше, он возвратился, держа в пальцах маленький флакончик.

— Ну? — нетерпеливо спросил Билл.

— Все прошло согласно плану, милорд. Дама реагировала в общем так, как я и предвидел. Сразу же по получении известия она проявила интерес. Вашему сиятельству известно выражение «Джимини Кристмас»?

— Да нет, по-моему, я его никогда не слышал. Может быть, «Мерри Кристмас»?

— Нет, милорд. Именно «Джимини». Эти слова произнесла миссис Спотсворт, когда узнала, что в разрушенной часовне можно наблюдать фантом леди Агаты. Они, как я понял, выражают удивление и радость. Она заверила меня, что в два счета накинёт халат и по истечении названного срока выйдет ко мне, прямо, как она сказала, с заплетенной косой. Я должен быть у двери и проводить ее к месту события. Вашу дверь я оставлю приоткрытой, и ваше сиятельство, глядя в щель, сможете проследить, когда мы уйдем. Как только мы спустимся вниз по лестнице, я

рекомендую немедленное действие, поскольку нет нужды вам напоминать, что время...

— ...решает все? Да, в этом нужды нет. Помните, что вы мне говорили про гепардов?

— В связи со скоростью, которую они развивают?

— Полмили за сорок пять секунд, если не ошибаюсь?

— Да, милорд.

— Ну так вот, я сейчас разовью такую скорость, что самый резвый из гепардов останется, считайте, просто за флагом.

— Это будет как раз то, что требуется, милорд. Со своей стороны замечу, что видел на туалетном столе у миссис Спотсворт небольшой футлярчик, несомненно содержащий искомую подвеску. Туалетный стол стоит прямо под окном. Ваше сиятельство сразу же его увидит.

И как всегда, Дживс оказался прав. Первое, что Билл увидел, когда проводил глазами процессию, состоящую из миссис Спотсворт и Дживса, прошествовавшую вниз по лестнице, и вбежал в комнату Королевы Елизаветы, был туалетный стол. А на нем — небольшой футлярчик, как и говорил Дживс. И в этом футлярчике, убедился Билл, дрожащими руками открыв крышечку, находилась та самая подвеска. Он поспешил схватить коробочку и сунуть в карман пижамной куртки и уже направился было к двери, как вдруг в тишине, которую до той минуты нарушало лишь его шумное дыхание, раздался оглушительный визг.

Выше уже упоминалось обыкновение собачки Помоны при виде всякого знакомого или даже незнакомого, но чем-то ей приятного лица, выражать радость ушераздирающим лаем. Именно такая радость охватила ее и в данную минуту. Во время давешнего разговора на скамейке, пока Билл ворковал, она, как все собаки, прониклась к нему горячей любовью. И обнаружив его теперь в неформальной обстановке, она, еще не освоившись с одиночеством, которого терпеть не могла, даже не подумала обуздывать свои чувства.

Ее воплей по количеству и силе звука вполне хватило бы дюжине баронетов, найденных на полу библиотеки с кинжалами в спине. И на Билла они произвели самое неблагоприятное воздействие. Как выразительно написал автор «Охоты на снарка»^[45] про одного из своих главных героев,

И так велик был его испуг,
Что белым, как мел, стал его сюртук.

Вот и лиловая пижамная куртка Билла почти побелела.

Хоть он и симпатизировал Помоне, но не задержался для дальнейшего братания, а бросился к двери на такой скорости, что самому атлетическому гепарду оставалось бы только беспомощно пожать плечами, и вылетел в коридор как раз в ту минуту, когда разбуженная шумом Джил выглянула из Комнаты-С-Часами. Она увидела, как Билл на цыпочках прокрался в комнату Генриха Восьмого, и с горечью подумала, что там ему и место.

А еще четверть часа спустя, когда Билл лежал в постели и бормотал себе под нос: «Девятьсот девяносто восемь... Девятьсот девяносто девять... Тысяча...», — Дживс вошел в комнату с блюдечком в руке.

На блюдечке лежало кольцо.

— Я только что встретил в коридоре мисс Уайверн, милорд, — сказал он. — Она просила передать вашему сиятельству вот это.

Глава XVI

Уайверн-Холл, дом полковника Обри Уайверна, отца Джил, служившего начальником полиции графства Саутмолтоншир, был расположен сразу за рекой, протекавшей в дальнем конце сада через владения Рочестер-Эбби, и вот на следующий день, после совершенно неудовлетворительного обеда полковник Уайверн сердитыми шагами вышел из столовой, проследовал в свой кабинет и позвонил дворецкого. По прошествии соответствующего времени дворецкий явился, запнувшись о ковер у порога и воскликнув при этом: «Ах ты, чтоб тебя!», что случилось с ним всякий раз, через какой бы порог он ни переступал.

Полковник Уайверн был приземист и толст и досадовал на это, так как хотел бы быть высоким и стройным. Но если собственная его внешность и причиняла ему время от времени огорчение, чувство это не шло ни в какое сравнение со страданиями, причиняемыми ему внешним видом его дворецкого. В наше время жителю сельской местности в Англии приходится по части домашней obsługi довольствоваться тем, что есть. Все, чем смог разжиться полковник Уайверн, он наскреб в деревенской приходской школе. Мажордом Уайверн-Холла Булстроуд был тщедушным шестнадцатилетним юнцом, которого Природа от щедрот своих одарила таким количеством прыщей, что на лице почти не оставалось места для его неизменной бессмысленной ухмылки.

Ухмылялся он и теперь, и опять, как при каждом таком совещании на высшем уровне, его босс был потрясен сходством своего подчиненного с безмозглой золотой рыбкой в стеклянном аквариуме.

— Булстроуд, — произнес полковник с характерной хрипотцой, выработанной на плац-парадах.

— Туточки я, — мирно отозвался дворецкий.

В другое время полковник Уайверн высказался бы на тему о таком нетрадиционном отклике, но сегодня его интересовала дичь покрупнее. Его желудок продолжал слать наверх жалобы на низкое качество обеда, и полковник желал видеть повара.

— Булстроуд, — распорядился он. — Подать мне сюда повара.

Призванный пред хозяйские очи повар оказался особой женского пола и тоже из молодых, а именно пятнадцати лет. Она притопала в кабинет, тряся косицами, и полковник устремил на нее недовольный взгляд.

— Трелони! — произнес он.

— Туточки я, — ответила повариха.

На этот раз полковник не стерпел. Вообще-то Уайверны не воюют с женщинами, но бывают ситуации, когда оставаться рыцарем невозможно.

— Не смейте говорить «Туточки я», вы, маленькое чудовище! — рявкнул он. — Надо отвечать: «Да, сэр?», и притом почтительно и по-солдатски, сразу же став по стойке «смирно» и вытянув руки вниз, так чтобы большие пальцы касались боковых швов. Трелони, обед, который вы сегодня имели наглость мне подать, был оскорблением для меня и позором для всякого представителя кулинарной профессии. Я послал за вами, чтобы уведомить, что если такое разгильдяйство и *laissez faire* с вашей стороны еще повторится... — Тут полковник смолк. Слова «я пожалею вашей матери», которыми он намеревался заключить тираду, представились ему вдруг недостаточно убедительными. — ...я вам покажу! — Этим он закончил речь и нашел, что вышло, может быть, и не так хорошо, как хотелось бы, но все-таки придает столько огня и едкости недожаренной курице, водянистой брюссельской капусте и картофелю, который не проколешь вилкой, что менее стойкая кухарка съежилась бы от страха.

Однако Трелони тоже сбиты из прочного материала. Такие люди не дрогнут в минуту опасности. Юная кухарка с железной решимостью посмотрела ему в глаза и нанесла ответный удар.

— Гитлер! — произнесла она и высунула язык. Начальник полиции оторопел.

— Это вы меня называли Гитлером?

— Да, вас.

— Ладно. Смотрите, больше так никогда не говорите, — строго сказал полковник Уайверн. — Можете идти, Трелони.

Трелони удалилась, задрав нос, а полковник повернулся к Булстроуду.

Уважающий себя человек не может сохранять спокойствие, потерпев поражение в словесной перепалке с кухаркой, тем более если кухарка имеет пятнадцать лет от роду и две косички, так что когда полковник Уайверн обратился к дворецкому, в нем было что-то от бешеного слона. На протяжении нескольких минут он говорил красно и страстно, особо останавливаясь на привычке Булстроуда поедать свой сладкий паек, прислуживая за столом, и когда тому наконец было дозволено последовать за Евангелиной Трелони в нижние пределы, где эти двое служащих влачили существование, дворецкий, если и не дрожал с головы до ног, был, во всяком случае, так угнетен, что забыл произнести на выходе свое неизменное «Ах ты, чтоб тебя!», запнувшись за край ковра.

Он оставил полковника, хоть и снявшего с груди отягощенной

тяжесть, давящую на сердце, но все еще погруженного в уныние. «Ихавод»,^[46] — ворчал себе под нос начальник полиции, и притом вполне недвусмысленно. В золотые дни до социальной революции спотыкающийся о ковры полоротый прыщавый юнец вроде Булстроуда мог рассчитывать в крайнем случае на место мальчика на побегушках, сидящего в прихожей. Понятия консерватора старой закалки оскорбляла даже самая мысль о том, чтобы этот позор Саутмолтона носил священный титул дворецкого.

Он с тоской вспомнил свою лондонскую молодость на переломе столетий, и классических дворецких, встречавшихся ему в домах, которые он в те поры посещал... дворецких на добрых двести пятьдесят фунтов весом, с тремя подбородками и далеко выступающим брюхом, с выпученными зелеными глазами и строгими, надменными манерами, каких в пятидесятые годы двадцатого века в нашем выродившемся мире уже днем с огнем не сыщешь. Тогда это были действительно дворецкие, в самом глубоком и священном смысле этого слова. А теперь вместо них юнцы со скошенными подбородками и с обязательной карамелью за щекой, отвечающие: «Туточки я», — когда к ним обращаешься.

Человек, проживающий так близко от Рочестер-Эбби, не мог, задумавшись над вопросом о дворецких, обойти мыслью главное украшение соседского дома, а именно Дживса. О Дживсе полковник Уайверн думал с большим теплом. Дживс произвел на него самое глубокое впечатление. Он находил, что Дживс — это настоящее сокровище. Молодой Рочестер, по мнению полковника, вообще не жаловавшего молодежь, ничего особенного собой не представлял, но его дворецкого, этого самого Дживса, он оценил с первого взгляда. И при мысли о нем среди мрака, одевшего все вокруг после неприятной сцены с Евангелиной Трелони, вдруг засиял луч света. Пусть сам начальник полиции останется со своим Булстроудом, но зато, по крайней мере, его дочь выходит замуж за человека, у которого есть настоящий традиционный дворецкий. Мысль эта утешала. Все-таки наш мир не так уж и плох.

Он поделился этим соображением с Джил, которая минуту спустя как раз вошла к нему с видом холодным и гордым, но Джил вздернула подбородок и приняла вид еще более холодный и гордый. Ну прямо Снежная Королева.

— Я не выхожу замуж за лорда Рочестера, — кратко заявила она.

Полковнику подумалось, что, должно быть, его дочь страдает амнезией, и он попытался оживить ее память.

— Нет, выходишь, — напомнил он ей. — В «Таймсе» было

напечатано, я сам читал. Объявляется о помолвке между...

— Я расторгла помолвку.

Луч света, о котором говорилось чуть выше, маленький лучик, блеснувший для полковника Уайверна во мраке, внезапно фукнул и погас, как луна на театральном заднике, когда перегорели пробки. Начальник полиции изумленно вытаращил глаза.

— Расторгла помолвку?

— И навсегда, больше с лордом Рочестером я не разговариваю.

— Какие глупости, — заспорил полковник Уайверн. — Как это, не разговариваешь? Вздор. Я так понимаю, у вас произошла пустячная размолвка, как говорится, милые бранятся...

Но Джил не могла покорно смириться с тем, чтобы от ее беды, которая, бесспорно, являлась самой большой трагедией со времен Ромео и Джульетты, так легко отмахнулись. Надо все-таки подбирать подходящие слова.

— Нет, это не пустячная размолвка, — возразила она с жаром оскорбленной женщины. — Если ты хочешь знать, почему я ее расторгла, то я это сделала из-за его возмутительного поведения с миссис Спотсворт.

Полковник Уайверн приложил палец ко лбу.

— Спотсворт? Спотсворт? Ах, да. Та американская дама, про которую ты давеча говорила.

— Американская шлюха, — холодно уточнила Джил.

— Шлюха? — заинтересовался полковник.

— Я сказала именно это.

— Но почему ты ее так называешь? Ты что, застала их на месте... э-э-э... преступления?

— Да, застала.

— Господи помилуй!

Джил два раза сглотнула, словно ей что-то попало в горло.

— По-видимому, все началось, — проговорила она тем невыразительным тоном, который раньше так обидел Билла, — несколько лет назад в Каннах. Они с лордом Рочестером купались там у Райской скалы и ездили кататься при луне. А ты знаешь, к чему это приводит.

— О да, еще бы не знать, — живо подхватил полковник Уайверн. И уже собрался было подкрепить это утверждение рассказом из своего интересного прошлого, но Джил продолжала все таким же странным, невыразительным тоном:

— Вчера она приехала в Рочестер-Эбби. Якобы Моника Кармойл познакомилась с ней в Нью-Йорке и пригласила ее погостить, но я не

сомневаюсь, что у нее с лордом Рочестером все было сговорено заранее, потому что сразу было видно, какие между ними отношения. Едва только она появилась, как он стал крутиться и увиваться вокруг нее... любезничал с нею в саду, танцевал с нею чарльстон, как кот на раскаленных кирпичках, и вдобавок еще, — заключила она совершенно как ни в чем не бывало, подобно той миссис Фиш в Кении, которая произвела такое сильное впечатление на капитана Биггара невозмутимостью при исполнении канкана в нижнем белье, — в два часа ночи вышел из ее спальни в лиловой пижаме.

Полковник Уайверн поперхнулся. Он собрался было склеить разрыв, заметив, что человек вполне может обменяться парой-тройкой любезностей с дамой в саду и скоротать вечером время за танцами, и при этом остаться ни в чем не повинным; но последнее сообщение лишило его дара речи.

— Вышел из ее комнаты в лиловой пижаме?

— Да.

— Лиловой?

— Ярко-лиловой.

— Ну, знаете ли!

Как-то в клубе один знакомый, раздосадованный своеобразными приемами полковника Уайверна при игре в бридж, сказал про него, что он похож на бывшего циркового лилипута, который вышел на пенсию и обжирается углеводами, и это замечание было отчасти справедливо. Он и впрямь был, как мы уже говорили, невысок и толст. Но когда надо было действовать, он умел преодолеть малость роста и избыток обхвата и обрести вид значительный и грозный. Начальник полиции величаво пересек комнату и дернул сонетку.

— Туточки я, — объявил Булстроуд.

Полковник Уайверн сдержался и не дал воли огненным словам, которые рвались у него с языка. Ему надо было экономить силы.

— Будстроуд, — произнес он. — Принесите мой хлыст.

В чаще прыщей на лице дворецкого мелькнуло нечто живое. Это было виноватое выражение.

— Нету его, — проямлил он. Полковник поднял брови.

— Нету? Что значит, нету? Куда он делся?

Булстроуд закашлялся. Он надеялся, что расспросов удастся избежать. Чутье подсказывало ему, что иначе возникнет неловкость.

— В починке. Я его снес чинить. Он треснул.

— Треснул?

— Ага, — ответил Булстроуд, от волнения прибавив непривычное слово «сэр». — Я щелкал им на конном дворе, и он треснул. Ну, я и снес его чинить.

Полковник Уайверн грозно указал ему на дверь.

— Убирайтесь вон, недостойный, — сказал он. — Я с вами поговорю потом.

И сев за письменный стол, как он поступал всегда, когда надо было поразмыслить, полковник забарабанил пальцами по ручке кресла.

— Придется позаимствовать хлыст молодого Рочестера, — сказал он себе наконец и с досадой прищелкнул языком. — Ужасно неловко явиться к человеку, которого собираешься отхлестать, и просить у него для этой цели его же хлыст. Однако ничего не поделаешь, — философски заключил полковник Уайверн. — Другого выхода нет.

Он принадлежал к числу людей, которые всегда умеют приспособиться к обстоятельствам.

Глава XVII

Обед, который ели в Рочестер-Эбби, был гораздо лучше, чем в Уайверн-Холле, даже просто никакого сравнения. В то время как полковнику Уайверну приходилось довольствоваться некомпетентным произведением беспомощной стряпухи с косицами, воображавшей, судя по всему, что она кормит стаю стервятников в пустыне Гоби, к рочестерскому столу подавались кушанья, созданные первоклассным специалистом. Ранее в этой хронике уже мимоходом упоминался высокий уровень здешнего кухмистерского руководства, осуществляемого прославленной миссис Пиггот; вот и сегодня, выдавая на-гора обеденные блюда, она ни в чем не изменила своим возвышенным идеалам. Трое из четырех пирующих находили, что пища просто тает во рту, и, поглощая ее, издавали возгласы восторга.

И только сам хозяин составлял исключение, у него каждый кусок, попадая в рот, обращался в золу. В силу разных причин — тут и нестабильное финансовое положение, и ночная интерлюдия с ограблением, и ее катастрофический исход, утрата невесты, — Билл оказался далеко не самым веселым участником этой веселой кампании. В прежние счастливые времена ему случалось читать в книжках про то, как персонаж за столом отодвигал тарелку, не отведав ни кусочка, и, будучи большим любителем поесть, Билл всегда недоумевал, откуда такая сила воли? Но за трапезой, которая сейчас подходила к концу, он сам поступал точно так же, а то немногое, что все же попадало ему в рот, обращалось, как сказано выше, в золу и прах. Он сидел за столом, от нечего делать крошил хлебный мякиш, дико озираясь и дергаясь подобно гальванизируемой лягушке, когда к нему обращались. Ему было положительно не по себе, как кошке в чужом переулке.

К тому же застольная беседа тоже действовала на него далеко не успокоительно. Миссис Спотсворт то и дело поминала капитана Биггара, ей было жаль, что его нет за пиршественным столом, и имя Белого Охотника всякий раз производило в больной совести Билла сейсмический эффект. Вот и сейчас миссис Спотсворт снова вернулась к той же теме.

— Капитан Биггар мне рассказывал... — начала было она, но ее перебил жизнерадостный смех Рори.

— Да? Он вам рассказывал? — со свойственной ему тактичностью подхватил он. — Надеюсь, вы ему не поверили?

Миссис Спотсворт насторожилась. Ей послышался в его словах выпад против того, кого она любила.

— Как вы сказали, сэр Родерик?

— Ужасный лгун этот Биггар.

— Почему вы так думаете, сэр Родерик?

— Да вот припомнил все эти басни, что он рассказывал вчера за ужином.

— Его рассказы были совершенно правдивы.

— Какое там! — бойко возразил Рори. — Не позволяйте ему заговаривать вам зубы, дорогая миссис Как-вас-там. Все эти парни, которые жили на Востоке, все как один — феноменальные вралы. Кажется, это результат действия ультрафиолетовых лучей. Они там ходят без тропических шлемов, и солнце перегревает им головы. Мне говорили знающие люди. Один часто заходил ко мне, когда я служил в отделе «Ружья, револьверы и патроны», и мы с ним сдружились. Раз под вечер, в подпитии, он меня предостерег, чтобы я не верил ни единому их слову. «Посмотрите на меня, — говорит, — слышали вы от кого-нибудь еще такие небылицы, как я рассказываю? Да я с детства не произнес ни слова правды. Но восточнее Суэца вообще такие нравы, что меня там за правдивость прозвали Джордж Вашингтон».

[47]

— Кофе сервирован в гостиной, милорд, — провозгласил Дживс, своевременно и тактично вмешавшись и тем предотвратив назревавший, судя по блеску в глазах миссис Спотсворт, неприличный скандал.

Билл потянулся за гостями в соседнюю комнату, ощущая все возрастающую тоску и тревогу. Казалось бы, хуже, чем сейчас у него на душе, просто не могло быть, но, однако же, после слов Рори стало еще во сто крат тяжелее. Он опустил в кресло, принял из рук Дживса чашку с кофе, плеснув на брюки, а к стае стервятников, терзающих ему сердце, прибавился еще один: вдруг рассказ капитана Биггара о происхождении подвески — ложь? Если так, страшно подумать, что он натворил, во что ввязался...

Как сквозь сон, Билл видел, что Рори и Моника собрали все утренние газеты и уселись над ними с озабоченными лицами. Подходит последний срок. Меньше чем через час начнется забег, и если ставить, то решать надо сейчас.

— «Ипподромные известия», — объявила Моника, призывая к вниманию всех присутствующих. — Что пишут в «Ипподромных известиях», Рори?

Рори неторопливо и тщательно просмотрел газету.

— Все больше про результаты скачек в Ньюмаркете. Полнейшая чушь, разумеется. По Ньюмаркету ни о чем судить нельзя, слишком много неизвестных. Если кто хочет знать мое мнение, то я лично не вижу никого, кто мог бы побить Мисс Тадж-Махал. У них в конюшне одни кобылы, а этим решается все. Жеребцы не идут с кобылами ни в какое сравнение.

— Приятно слышать, что ты, хоть и с опозданием, но отдаешь должное моему полу.

— Да, решено, я свои два фунта намерен поставить на Мисс Тадж-Махал.

— Тем самым для меня Тадж-Махал исключается. Стоит тебе на кого-нибудь поставить, и это животное сразу начинает пятиться назад. Помнишь, как было на собачьих бегах?

Рори был вынужден с ней в этом согласиться.

— Действительно, в тот раз моя кандидатура себя не оправдала, — признал он. — Но ведь когда на собаку выпускают живого кролика, знаешь как это может ее испугать? Тадж-Махал получает мои два кровных.

— А я думала, ты выбрал Риторику.

— Риторика — это аутсайдер, на всякий случай. На нее десять шилингов.

— А вот еще одна подсказка: Эскалатор.

— Эскалатор?

— Ведь «Харридж», по-моему, — первый универмаг, установивший у себя эскалаторы.

— Точно! И мы выиграли первенство. Наш безопасный сход со ступенек обеспечил нам преимущество в три секунды. На Оксфорд-стрит все просто позеленели от зависти. Надо будет приглядеться к этому Эскалатору.

— На нем скачет Лестер Пиггот.

— Да? Тогда вопрос решен. У нас есть Л. Пиггот в отделе «Кофры, сумки и чемоданы», отличный малый. Правда Л. у него — сокращение от «Ланселота», но все равно, это хороший знак.

Моника подняла голову и взглянула на миссис Спотсворт.

— Вы наверно находите, что мы сумасшедшие, Розалинда?

Миссис Спотсворт снисходительно улыбнулась.

— Ну, что вы, милая, конечно нет. Вы напомнили мне прошлое с мистером Бессемером. Состязания — это все, что его в жизни интересовало. Это вы скачки Дерби так живо обсуждаете?

— Да, маленькое развлечение раз в году. Много мы не ставим, не имеем на это средств. В нашем положении приходится считать пенсы.

— Неукоснительно, — подтвердил Рори. И тут же хихикнул, потому что ему в голову пришла забавная мысль. — Я подумал, — поспешил он объяснить гостю, — что надо бы мне вчера оставить у себя вашу подвеску, которую я подобрал в траве, отправиться в Лондон, заложить ее и на вырученные деньги... Что ты говоришь, старина?

Билл сглотнул.

— Ничего.

— А мне показалось, что ты что-то сказал.

— Икнул просто.

— Имеешь полное право, — отозвался Рори. — Если человек не может икнуть в своем доме, в чьем же доме ему тогда икать? Итак, возвращаясь к обсуждаемому вопросу, два фунта на Мисс Тадж-Махал. И десять шиллингов на Эскалатора, мало ли что. Пойду дам телеграмму. Однако постойте. — Он остановился у порога. — Разумно ли принимать такое ответственное решение, не посоветовавшись с Дживсом?

— При чем тут Дживс?

— Моя дорогая женушка, чего Дживс не знает про скачки, того и знать не стоит. Слышала бы ты его вчера, когда я спросил его мнение относительно основных участников первых классических скачек Англии. Он отбарабанил все клички, секунды и рекорды, ну прямо как епископ Кентерберийский.

На Монику это произвело впечатление.

— Я не знала, что он такой специалист. Таланты этого чудо-человека, похоже, не имеют пределов. Пойдем проконсультируемся у него.

Супруги вышли, и тогда Билл произнес:

— Э-эм-м-м.

Миссис Спотсворт вопросительно посмотрела на него.

— Э-э, Розы. Эта ваша подвеска, о которой говорил Рори.

— Да?

— Я вчера вечером ею любовался. В Каннах у вас ее не было, верно?

— Верно. Я тогда еще не познакомилась с мистером Спотсвортом, а это его подарок.

Билл подскочил. Худшие его опасения подтвердились.

— Подарок мистера Спотс... — задохнулся он. Миссис Спотсворт весело рассмеялась.

— Надо же, — сказала она. — Вчера я говорила о ней с капитаном Биггаром и сказала ему, что это подарок одного из моих мужей, но не могла вспомнить, которого. Ну, конечно же, мистера Спотсворта. Как же это я забыла, ай-яй-яй.

Билл судорожно вздохнул.

— Вы точно помните?

— Конечно.

— Вы не получили ее от... от одного человека на охоте в качестве... ну, как бы на память?

Миссис Спотсворт посмотрела с недоумением.

— Я вас не понимаю.

— Ну, например, один человек... в благодарность за доброту... при прощании... мог сказать: «Не согласитесь ли вы принять от меня этот небольшой сувенир...» и так далее.

Миссис Спотсворт явно сочла такое предположение оскорбительным.

— Вы что, думаете, я могу принять бриллиантовую подвеску в подарок от «одного человека», как вы выразились?

— Я, собственно...

— Никогда в жизни! Мистер Спотсворт купил эту вещицу, когда мы были в Бомбее. Я отлично помню, как это было. Маленькая такая лавчонка, за прилавком толстый китаец, и мистер Спотсворт старается объясняться по-китайски, он тогда учил китайский. Но пока он торговался с лавочником, произошло землетрясение. Не особенно крупное, но поднялась красная пыль и минут десять висела в воздухе, а когда осела, мистер Спотсворт сказал: «Уходим отсюда!» — заплатил китайцу, сколько тот запрашивал, схватил подвеску, и мы со всех ног бросились бежать и не останавливались, пока не очутились в отеле.

Билла охватило черное отчаяние. Он тяжело поднялся с кресла.

— Может быть, вы извините меня, — проговорил он. — Мне надо срочно повидать Дживса.

— Ну, так позвоните. Билл покачал головой.

— Нет, если позволите, я, пожалуй, схожу к нему в буфетную.

Ему пришло в голову, что в буфетной у Дживса, наверно, найдется глоток портвейна, а глоток портвейна или другого подкрепляющего снадобья — это было как раз то, чего жаждала его измученная душа.

Глава XVIII

Рори и Моника, войдя к Дживсу в буфетную, застали ее хозяина за чтением письма. Его всегда серьезное правильное лицо казалось сейчас еще немного серьезнее обычного, как если бы содержание письма его встревожило.

— Простите, что помешали вам, Дживс, — сказала Моника.

— Нисколько, миледи.

— Дочитывайте, пожалуйста, ваше письмо.

— Я уже прочитал его, миледи. Это послание от мистера Вустера.

— А-а, от Берти Вустера? — воскликнул Рори. — Как поживает старый бездельник? Здоров, как огурчик?

— Мистер Вустер не пишет ничего в противоположном смысле, сэр.

— Прекрасно. Румянец во всю щеку, питается шпинатом? Ну и отлично. Так это или нет, — сменил тему Рори, — но мы хотели бы узнать ваше мнение по поводу шансов Мисс Тадж-Махал на сегодняшних скачках в Эпсоме. Я подумываю поставить на нее свои два фунта, если получу ваше одобрение.

— И по поводу Мука Второго, — добавила леди Кармойл. — Это мой выбор.

Дживс задумался.

— Я не вижу причины, почему бы не поставить небольшую сумму на названную вами лошадь, сэр. И вами тоже, миледи. Но не следует упускать из виду того обстоятельства, что скачки Дерби носят чрезвычайно открытый характер.

— Мне ли этого не знать!

— И поэтому было бы разумно, если хватит средств, застраховать себя от потери, поставив также на другую лошадь.

— Рори остановился на Эскалаторе. А я еще колеблюсь. Дживс кашлянул.

— Ваше сиятельство не задумывались об ирландской лошади Баллимор?

— Бога ради, Дживс! Баллимора никто из знающих людей даже не упоминает. Нет, Баллимор не годится, Дживс. Я еще кого-нибудь пригляжу.

— Очень хорошо, миледи. Больше у вас нет ко мне вопросов?

— Есть, — ответил Рори. — Раз уж мы все тут собрались щека к щеке,

как говорится, словечко от нашего наставника по личному вопросу. Что такое говорила за обедом миссис Как-бишь-ее про то, как вы с ней ночью гуляли по крышам?

— Сэр?

— Разве вас не было в столовой во время ее рассказа?

— Нет, миледи.

— Она сказала, что нынешней ночью вы с ней сбежали тайком в разрушенную часовню.

— Ах, вот вы о чем, миледи. Мне теперь понятны слова сэра Родерика. Миссис Спотсворт действительно пожелала, чтобы я ее сопровождал этой ночью к разрушенной часовне. Она рассчитывала, как она сказала, увидеть призрак леди Агаты.

— Ну и как, увидела?

— Нет, миледи.

— А вот Билл, по ее словам, видел привидение.

— Да, миледи.

Тут Рори издал радостный возглас мыслителя, вдруг разгадавшего загадку:

— Так вот почему Билл сегодня такой кислый! Он просто испугался до полусмерти.

— Это зрелище, сэр, конечно не могло не оказать на его сиятельство некоторого действия. Но если у вас, сэр Родерик, при виде его сиятельства возникло, как вы говорите, ощущение кислоты во рту, причина тут не столько в видении из мира духов, сколько в том, что рухнули матримониальные планы его сиятельства.

Моника жалобно пискнула:

— Неужели их помолвка расторгнута?

— Именно это я и пытался вам сообщить, миледи. Мисс Уайверн лично вручила мне обручальное кольцо для передачи лорду Рочестеру. Я позволил себе осведомиться, имеет ли этот жест определенное символическое значение, и мисс Уайверн ответила утвердительно.

— Вот тебе и на! Бедняга Билл.

— Да, миледи.

— У меня сердце кровью обливается.

— Ваша правда, сэр Родерик.

И в это мгновение в буфетную влетел Билл. При виде сестры и зятя он с ходу остановился.

— Привет, Рори, — отдуваясь, проговорил он. — Привет, Мук. Я совсем забыл, что вы здесь.

Рори приблизился к Биллу с протянутой рукой, невооруженным глазом было видно, что он намерен выразить участие. Правой ладонью он сдвинул Биллу руку, левой стал мять ему плечо. В такие минуты человек нуждается в сочувствии, кто этого не понимает? И в такие минуты он благодарит Бога, что рядом оказался сострадательный родственник, который умеет поддержать, сказав несколько ободряющих слов.

— Мы не только здесь, старина, — произнес он, — но мы сейчас услышали от Дживса новость, от которой у нас застыла кровь в жилах. Он говорит, что девица Джил вернула тебя по месту покупки. Это правда? Вижу, что да. Ай-яй-яй, плохо-то как! Но все равно, не надо унывать, приятель. Ты должен... как это говорится, Дживс?

— «Собраться с силами, напрячь сухожилия», ^[48] сэр Родерик.

— Именно. Тут нужен широкий, всеохватный, масштабный взгляд на вещи. Скажем так, на данный момент ты лишился невесты, такова жестокая правда, и, естественно, ты склонен разодрать на себе одежды и посыпать главу пеплом. Но теперь взгляни под другим углом, старичок. Вспомни, что сказал Шекспир: «Женщина ведь — всего только женщина, а сигару можно курить». ^[49]

Дживс поморщился.

— Киплинг, сэр Родерик.

— Или вот тебе еще одна глубокая истина, не знаю, кто автор. Ночью все кошки серы.

Моника, которая слушала все это с крепко сжатыми губами и со странным блеском в глазах, не выдержала и проговорила:

— Великолепно. Что дальше?

Рори перестал разминать плечо Билла и вместо этого похлопал по нему ладонью.

— Ты испытал удар, — продолжил он свои рассуждения, — и едва устоял на ногах, что вполне объяснимо. Ты чувствуешь, что утратил нечто драгоценное, и в некотором смысле можно сказать, что так оно и есть, поскольку Джил — славная девушка, спору нет. Но когда собираются тучи, ищи светлую изнанку, как, бывало, пел я в ванне и как ты, несомненно, пел тоже. Не забывай, что ты теперь снова выставлен на продажу. Лично я считаю, что тебе в этой истории выпала большая удача. Счастливы живут на этом свете только холостяки, мой друг. В вопросах любви есть немало соображений в пользу блюд *a la carte* ^[50] по сравнению с кормежкой в режиме *table d'hote*. ^[51]

— Дживс, — произнесла Моника.

— Миледи?

— Как звали ту женщину, которая загнала кол в голову своему мужу? Где-то в Библии про это рассказывается.

— Вероятно, ваше сиятельство имеете в виду историю Иаили.^[52] Но она и тот джентльмен, которому она загнала кол в голову, не были женаты, они были просто добрыми друзьями.

— Тем не менее ее решение представляется вполне здоровым.

— Так и считалось в кругу ее знакомых, миледи.

— У вас тут не найдется небольшого кола, Дживс? Нет? Придется поискать в скобяной лавке. Прощай, Табльдот.

Моника вышла. Рори озабоченно посмотрел ей вслед. Он соображал не слишком быстро, но сейчас ему показалось, что тут что-то не так.

— Как вам кажется, Дживс? По-моему, она разозлилась.

— У меня тоже создалось такое впечатление, сэр Родерик.

— Вот черт. Я же говорил все это про холостяков, чтобы подбодрить тебя, Билл. Дживс, где можно достать цветов? Только не говорите, что в цветочном магазине, потому что я не могу поехать в город, это выше моих сил. В саду не найдется цветов?

— В немалом количестве, сэр Родерик.

— Пойду нарву ей букет. Запомни на тот случай, если все-таки когда-нибудь женишься, Билл, хотя пока что на это непохоже: когда слабый пол приходит в негодование, букет цветов — это то, что всегда вернет тебе их доброе расположение.

Дверь за ним закрылась. Дживс повернулся к Биллу.

— Ваше сиятельство желали со мной о чем-то говорить? — вежливо осведомился он.

Билл провел ладонью по разгоряченному лбу.

— Дживс, — простонал он, — я просто не знаю, с чего начать. У вас нет при себе аспирина?

— Конечно есть, милорд. Я сам только что принимал. Он достал жестяную коробочку и протянул Биллу.

— Спасибо, Дживс. Можете закрыть, но не щелкайте громко.

— Не буду, милорд.

— А теперь я вам все расскажу.

И он поведал свою горестную историю, а Дживс слушал участливо и внимательно. Так что Биллу не было нужды спрашивать по заключении рассказа, уловил ли он суть. Из того, каким тоном он произнес: «Крайне неприятно, милорд», — было очевидно, что уловил. Дживс всегда ее улавливал.

— Если кто-нибудь когда-нибудь в жизни попадал в переплет, так это я и именно сейчас, — сказал Билл, подводя итог. — Меня обвели вокруг пальца, заманили в ловушку и заставили действовать в чужих интересах. А я сдуру на все, как это они выражаются, купился. Этот чертов Биггар наплел мне ерунды, я как осел поверил. И похитил подвеску, приняв все за чистую монету: она-де на самом деле принадлежит ему, и он-де хочет только позаимствовать ее на время. А он преспокойно укатил с нею в Лондон, и я думаю, что едва ли мы его еще увидим. А вы?

— Да, я тоже думаю, что вряд ли, милорд.

— Сугубо маловероятно?

— Вот именно, милорд. Похоже, что так.

— Вы не могли бы дать мне пинка в зад, Дживс?

— Нет, милорд.

— Я пытался сам себе дать пинка, но это возможно, только если ты акробат. Все эти рассказы про стинга-ром, и «Длинный бар», и про Щеголя Сикамора. Нам бы следовало сразу понять, что он врет.

— Да, следовало, милорд.

— Вероятно, когда у человека такая красная физиономия, ему как-то веришь.

— Возможно, милорд.

— И глаза такие ясные, голубые. Ну, словом, так, — вздохнул Билл. — Красное лицо ли тут виновато или голубые глаза, не знаю, но факт таков, что под действием всей цветовой гаммы я позволил себя надуть, оказался орудием в чужих руках и похитил драгоценную подвеску, а черный негодяй Биггар цапнул ее и удрал в Лондон, только его и видели, мне же теперь светит продолжительный срок за решеткой... если только...

— Если что, милорд?

— Я хотел сказать, если только вы ничего не предложите. Но это глупо. — Билл горестно усмехнулся. — Что тут можно предложить?

— Я могу, милорд. Билл вытаращил глаза.

— Вы ведь не станете надо мной шутить в такое время, Дживс?

— Ни в коем случае, милорд.

— У вас вправду есть спасательный круг, чтобы бросить мне, прежде чем каталажка сомкнется у меня над головой?

— Есть, милорд. Во-первых, я хотел бы заметить вашему сиятельству, что подозревать вас в хищении принадлежащей миссис Спотсворт драгоценности нет в сущности никаких оснований. Вещь исчезла. Исчез и капитан Биггар. Власти сопоставят эти факты, милорд, и автоматически припишут честь преступления ему.

— Гм, в этом что-то есть.

— Ни о чем другом они просто не могут подумать. Билл немного приободрился. Но лишь совсем чуть-чуть.

— Да, это конечно хорошо, я согласен, но мне-то от этого нелегче. Вы упустили тут кое-что, Дживс.

— Что именно, милорд?

— Честь Рочестеров. Вот в чем закавыка. Я не смогу прожить остаток жизни с сознанием, что под моей собственной крышей, пусть она и течет, но все же это моя крыша, я стянул ценную подвеску у гостьи, по уши накормленной моим хлебом и моей солью. Как мне возместить ей потерю? Вот над чем надо поломать мозги.

— Я как раз собирался коснуться этой темы, милорд. Если помните, я, говоря о том, что подозрение падет на капитана Биггара, употребил выражение «Во-первых»? Во-вторых же, я хотел прибавить, что возместить даме эту утрату легко можно будет посредством анонимной высылки по ее адресу соответствующей суммы, если даму удастся склонить к покупке Рочестер-Эбби.

— Боже мой, Дживс!

— Милорд?

— Я употребил это междометие в том смысле, — пояснил Билл срывающимся от волнения голосом, — что в суматохе последних событий совершенно забыл про продажу дома. Ну конечно же! Тогда бы все уладилось, верно?

— Несомненно, милорд. Даже по самой низкой цене ваше сиятельство все же получите при продаже дома достаточно, чтобы...

— Чтобы расплатиться по долгам!

— Совершенно верно, милорд. Могу прибавить, что ночью по дороге к разрушенной часовне миссис Спотсворт очень восторженно отзывалась о великолепии Рочестер-Эбби и так же сердечно говорила о нем и на обратном пути. В целом, милорд, я бы сказал, что перспективы вполне благоприятны, и позволю себе дать вам совет отправиться в библиотеку и подыскать образцы того, как надо расхваливать предлагаемые на продажу усадьбы. Вы их найдете, перелистав отдел объявлений в журнале «Загородная жизнь», где рекламируются, как, вероятно, известно вашему сиятельству, практически все загородные дома Англии, которые отказался взять на содержание Фонд Охраны Памятников. Язык на редкость убедительный.

— Да, я знаю, о чем вы. «Эти царственные владения с их аллеями исторических дубов, и журчащими потоками, в которых плещутся форель

и линь, и потрясающими видами в обрамлении ветвей цветущего кустарника...» Пойду подзубрю.

— Не поможет ли в этом вашему сиятельству, если я принесу в библиотеку небольшую бутылку шампанского?

— Вы успеваете подумать обо всем, Дживс.

— Ваше сиятельство очень добры.

— Пинты будет довольно.

— Я тоже так думаю, милорд, в охлажденном виде, понятно.

А несколько минут спустя, когда Дживс с маленьким подносом в руке пересекал гостиную, из сада через стеклянную дверь вошла Джил.

Глава XIX

Характерная черта женщин как класса, притом делающая честь их чувствительным сердцам, состоит в том, что их всех, кроме разве так называемых гангстерских марух, идея физической расправы решительно отталкивает. Пусть умерла любовь, им все же нерадостно думать, что вот уж, бывший нареченный теперь получит пару горячих охотничьим хлыстом в бывалых руках пожилого, но еще мускулистого начальника полиции графства. И когда они слышат от этого начальника о планируемой операции такого рода, они инстинктивно устремляются в дом предполагаемой жертвы, дабы описать положение вещей и предостеречь от угрожающей опасности. Именно с этой целью явилась Джил в Рочестер-Эбби, а так как с бывшим женихом она больше не разговаривала, было непонятно, каким образом сообщить ему принесенную весть. Встреча с Дживсом разрешила эту трудность. Объяснить Дживсу в нескольких словах, о чем речь, намекнуть, чтобы Билл сидел и не высовывался, покуда старый джентльмен не покинет его жилище, и можно со спокойным сердцем возвращаться домой в сознании исполненного долга и сделанного неприятного дела.

— Здравствуйте, Дживс, — проговорила она.

Дживс обернулся и посмотрел на нее благосклонно и почтительно.

— Добрый день, мисс. Вы найдете его сиятельство в библиотеке.

Джил гордо вскинула голову. И вытянулась во весь рост, сколько в ней его было.

— Нет, не найду, — ответила она тоном прямо из холодильника, — потому что я туда вовсе и не собираюсь идти. У меня нет намерения говорить с лордом Рочестером. Я только хочу ему кое-что с вами передать.

— Очень хорошо, мисс.

— Скажите ему, что папа идет сюда, он собирается попросить у него хлыст, чтобы отхлестать его.

— Не понял, мисс?

— Все очень просто. Вы ведь знаете моего отца?

— Да, мисс.

— И что такое хлыст, тоже знаете?

— Да, мисс.

— Вот и передайте лорду Рочестеру, что эта комбинация направляется к нему.

— А если его сиятельство поинтересуется, чем вызвано недовольство полковника Уайверна?

— Можете объяснить, что я ему рассказала про события минувшей ночи. Или, вернее, сегодняшнего утра. В два часа пополуночи, если быть абсолютно точными. Он поймет.

— В два часа пополуночи, мисс? Как раз в то время, когда я сопровождал миссис Спотсворт к разрушенной часовне. Мадам выразила желание пообщаться с духом леди Агаты, это супруга сэра Карадока Крестоносца, который покрыл себя славой в битве под Яффой, если не ошибаюсь. Считается, что она бродит там в ночные часы.

Джил рухнула в кресло. Внезапно ожившая надежда, хлынув в щели ее разбитого сердца, встряхнула ее от носа до кормы, и все кости в ее теле размякли.

— Что?.. Что вы сказали?

Дживс был человек добросердечный. И не только добросердечный, но еще умеющий в случае надобности молниеносно откупорить бутылку шампанского. Прямо как сэр Филип Сидней,^[53] уступивший когда-то фляжку с водой раненому солдату, Дживс выдернул пробку из бутылки, которую нес: нужда Джил, на его взгляд, была настоятельнее нужды Билла.

— Позвольте мне, мисс.

Джил с благодарностью осушила бокал. Глаза ее расширились, в лице вновь появился румянец.

— Дживс, это вопрос жизни и смерти, — произнесла она. — Минувшей ночью в два часа пополуночи я видела, как лорд Рочестер выходил из комнаты миссис Спотсворт, он был в кошмарной лиловой пижаме. Вы говорите, что миссис Спотсворт в это время там не было?

— Совершенно верно, мисс. Она была со мной в разрушенной часовне и рассказывала мне увлекательные истории про новейшие исследования, проведенные Параприродным Обществом.

— Что же тогда лорд Рочестер делал в ее комнате?

— Похищал ее подвеску, мисс.

К несчастью, когда Дживс произнес эти слова, Джил как раз отпила глоток шампанского, и поэтому поперхнулась. А так как ее собеседник счел бы недопустимой вольностью шлепнуть ее по спине, ей пришлось довольно долго откашливаться, прежде чем она снова смогла говорить.

— Похищал подвеску миссис Спотсворт?

— Да, мисс. Это длинная и довольно запутанная история, но если вы желаете, чтобы я пересказал вам ее вкратце, останавливаясь лишь на основных моментах, буду рад это сделать. Вам интересно было бы узнать

истинное положение дел его сиятельства, завершившихся, как я уже упомянул, присвоением принадлежащей миссис Спотсворт драгоценности?

— Да, Дживс, — еще не отдышавшись, еле выговорила Джил.

— Очень хорошо, мисс. В таком случае я должен повести речь о том, «кто любил без меры и благоразумья, И в жизни слез не ведав, льет их, Как целебную смолу роняют аравийские деревья». [\[54\]](#)

— Дживс!

— Да, мисс?

— Что вы такое городите? Дживс обиделся.

— Я пытался объяснить, что в народные букмекеры его сиятельство пошел исключительно из любви к вам.

— В букмекеры?

— Обручившись с вами, мисс, его сиятельство решил — и вполне справедливо, на мой взгляд, — что для содержания жены ему потребуется доход существенно более высокий, чем он располагал до этого. Перебрав и взвесив преимущества ряда других профессий, он избрал карьеру букмекера для общедоступных трибун и принял фирменное название Честный Паркинс. Я исполнял при нем должность помощника. Мы оба носили накладные усы.

Джил открыла было рот, но, видимо, почувствовав, что слова тут бессильны, снова закрыла.

— Первое время предприятие приносило вполне неплохую прибыль. В Донкастере удача нам настолько улыбнулась, что за три дня мы сколотили сумму в четыреста двадцать фунтов, и в самом оптимистическом настроении отправились в Эпсом на Дубки. Однако там его сиятельство поджидала катастрофа. Дело не в отливе и приливе, эта метафора была бы здесь неточна. На его сиятельство обрушилась одна гигантская волна цунами, иначе говоря, капитан Биггар, мисс. Он выиграл у его сиятельства двойной: пять фунтов на Люси Глиттерс при ста к шести и весь выигрыш — на Мамашу Уистлера по стартовой ставке.

— И какая была стартовая ставка? — еле слышно спросила Джил.

— К. великому моему прискорбию, тридцать три к одному, мисс. А поскольку он сгоряча не согласился своевременно расторгнуть пари, в результате этого обвала его сиятельство оказался должен капитану Биггару свыше трех тысяч фунтов, и никаких средств, чтобы расплатиться по этому обязательству.

— Бог мой!

— Да, мисс. Его сиятельство вынужден был броситься в довольно поспешное бегство с ипподрома, преследуемый капитаном Биггаром,

который ехал за нами и кричал: «Жулики!». Мы все же сумели оторваться от него где-то милях в десяти от Рочестер-Эбби, и уже надеялись, что все благополучно кончилось и в памяти капитана Биггара его сиятельство навсегда останется смутной безымянной фигурой в моржовых усах. Однако судьба распорядилась иначе, мисс. Капитан, идя по следу, настиг его сиятельство здесь, разоблачил его инкогнито и потребовал, чтобы с ним немедленно рассчитались.

— Но у Билла ведь денег нет.

— Вот именно, мисс. Его сиятельство сослался на это обстоятельство. И тогда капитан Биггар предложил, чтобы его сиятельство завладел подвеской миссис Спотсворт, а когда его сиятельство хотел отказаться, убедил его, заявив, что несколько лет назад сам лично преподнес это украшение миссис Спотсворт и потому имеет моральное право позаимствовать его. Эта версия теперь, по здравом размышлении, представляется малоправдоподобной, но он изложил ее с таким множеством подтверждающих подробностей, что тогда мы ему поверили, и его сиятельство, клявшийся, что никогда не согласится, согласился. Я понятно излагаю, мисс?

— Вполне. Вам не мешает, что у меня голова кружится?

— Нисколько, мисс. Затем встал вопрос, каким образом это осуществить, и в конце концов было решено, что я уведу миссис Спотсворт из ее комнаты, сообщив ей, что в разрушенной часовне видели леди Агату, а его сиятельство в ее отсутствие завладеет подвеской. Хитрость удалась. Драгоценность вручили капитану Биггару, и он увез ее в Лондон с тем, чтобы заложить и деньги поставить на ирландскую лошадь Баллимор, чьи шансы он оценивал очень высоко. Что же до лиловой пижамы его сиятельства, о которой вы отозвались с таким неодобрением, то я надеюсь убедить его сиятельство, что спокойный голубой или фисташково-зеленый...

Но Джил к вопросу о рочестеровских пижамах и планируемых мерах по искоренению их лиловости осталась равнодушна. Она колотила кулаком в дверь библиотеки.

— Билл! Билл! — кричала она при этом, как женщина, призывающая своего демона-возлюбленного,^[55] и Билл при звуках этого голоса выскочил из дверей библиотеки, как пробка из бутылки, которую откупорил Дживс.

— О, Билл! — воскликнула Джил, бросаясь к нему в объятия. — Дживс мне все рассказал!

Билл поверх ее головы, покоящейся у него на груди, бросил на Дживса опасливый взгляд.

— В каком смысле все? То есть *все-все*?

— Все, милорд. Я счел, что так будет лучше.

— Теперь мне известно и про Честного Паркинса, и про твои усы, и про капитана Биггара, и про Мамашу Уистлера, и про миссис Спотсворт, и про подвеску, — говорила Джил, нежно прижавшись к его груди.

Что девушка, которой известно все, нежно прижимается к его груди, показалось Биллу настолько невероятным, что он вынужден был отпустить ее на минутку, отойти к столу и отпить немного шампанского.

— То есть ты в самом деле не шарахаешься от меня в ужасе? — спросил он, возвратившись и снова заключив ее в объятия.

— Конечно, нет. Разве похоже, чтобы я шарахалась от тебя в ужасе?

— Похоже, что нет, — прикинув, заключил Билл. И поцеловал ее в губы, в лоб, в оба уха и в макушку. — Но беда в том, что у тебя есть все основания шарахнуться от меня в ужасе, потому что убей меня, я не представляю себе, как мы теперь можем пожениться. Я совершенно нищ и еще должен буду как-то наскрести целое состояние, чтобы вернуть миссис Спотсворт деньги за пропавший бриллиант. *Noblesse oblige*, ты же понимаешь. Так что если она теперь не купит у меня дом...

— Конечно, она купит у тебя дом.

— Ты думаешь? Ну, не знаю. Во всяком случае я приложу все мыслимые усилия. Кстати, куда она подевалась, черт подери? Когда я проходил в библиотеку, она была тут. Надо ее немедленно отыскать, а то у меня полна голова всяких словечек и оборотов из объявлений, и если она сейчас не окажется под рукой, все выветрится.

— Прошу прощения, милорд, — произнес Дживс, который во время их объяснения тактично отошел к двери в сад. — Миссис Спотсворт и леди Кармойл в данную минуту направляются сюда через лужайку.

Он с поклоном отступил от двери, пропуская миссис Спотсворт и следующую за ней Монику.

— Джил! — удивленно воскликнула Моника, останавливаясь на пороге. — Боже праведный!..

— Не пугайся, пожалуйста, — отозвалась Джил. — Все переменилось. Мир, мир навсегда.

— Ну и отлично. Мы сейчас ходили с Розалиндой, я показывала ей твои владения...

— ... их аллеи, обсаженные историческими дубами, и весело журчащие ручьи, где плещутся форели и лини, и живописные виды в обрамлении цветущих кустов... И как вам, понравилось?

Миссис Спотсворт в экстазе всплеснула руками и закрыла глаза.

— Чудно! Восхитительно! — пролепетала она. — Я просто не понимаю, как вы можете со всем этим расстаться, Билликен?

Билл сглотнул.

— А я должен буду с этим расстаться?

— Безусловно, — ответила миссис Спотсворт категорическим тоном. — Для меня, во всяком случае, все решено. Это замок моей мечты. Сколько вы за все хотите в общей сложности?

— Я как-то не ожидал...

— Такая уж я. Терпеть не могу всякие проволоочки и недомолвки. Если вещь мне нравится, я так и говорю и тут же выписываю чек. Вот давайте как решим. Я даю вам задаток, скажем, две тысячи, а позже договоримся об окончательной цене.

— А можно три тысячи?

— Пожалуйста. — Миссис Спотсворт отвернула колпачок с авторучки, но, отвернув, остановилась. — Одну вещь я хотела бы уточнить, прежде чем подписаться над пунктирной линией. Этот дом не сырой?

— Да что вы! — заверила ее Моника. — Конечно нет.

— Вы уверены?

— Здесь сухо, как в пустыне.

— Ну тогда прекрасно. Сырость — это смерть моя. Ишиас и люмбаго, можете себе представить?..

В это мгновение с террасы вошел Рори, несущий охапку роз.

— Бутоньерочка для тебя, Мук, с комплиментами от Р. Кармойла, — провозгласил он, суя ей в руки роскошный букет. — А знаешь, Билл, собирается дождь.

— Ну и что?

— Как, ну и что? Мой добрый старый друг, ты разве не знаешь, что делается в этом доме во время дождя? Вода сочится сквозь крышу, вода проступает сквозь стены, вода, вода, кругом вода. Я только хотел тебе напомнить, как заботливый бойскаут, чтобы ты не забыл поставить ведра вверху под чердачным окном. Ужасная сырость в этом доме, — продолжал Рори, дружески и доверительно обращаясь к миссис Спотсворт. — Река рядом, знаете ли. Я часто говорю, что тут в саду протекает река, а в доме...

— Прошу прощения, миледи, — прервала его горничная Эллен, появившаяся на пороге. — Могу я обратиться к миссис Спотсворт?

Миссис Спотсворт, с вечным пером в руке в ужасе внимавшая сэру Родерику, обернулась.

— Да?

— Мадам, — объявила Эллен, — украли вашу подвеску. Эта девушка не отличалась умением тактично преподносить дурные вести.

Глава XX

Эллен с удовольствием ощутила себя в центре всеобщего внимания. На нее устремились все глаза, и многие из них были вытаращены. В особенности глаза хозяина, они, казалось, вот-вот выскочат из орбит.

— Да, — повторила Эллен в гораздо более четкой манере, чем невоспитанные Булстроуд-Трелони. — Я выложила для вас одежду на вечер, и говорю себе, наверно вы захотите опять надеть ту подвеску, и осмелилась открыть футляр, а подвески в нем нет. Ее украли.

Миссис Спотсворт заволновалась. Вещица, о которой шла речь, вообще-то была не особенно дорогой, рыночная цена ей, как объяснила миссис Спотсворт капитану Биггару, всего каких-нибудь тысяч десять, не больше, но, об этом она также говорила капитану Биггару, эта вещица была ей дорога как память. Мадам уже собралась было высказать все это вслух, но вмешался Билл.

— Что значит, украли? — возмутился он. — Вы наверно плохо искали.

— Нету ее, милорд, — возразила Эллен почтительно, но твердо.

— Вы могли ее обронить где-нибудь, миссис Спотсворт, — предположила Джил. — Замочек был не слабый?

— Ах да, действительно, — подтвердила миссис Спотсворт. — Замочек у нее был слабый. Но я точно помню, что вечером положила ее в футляр.

— Сейчас ее там нет, мадам, — повторила Эллен в который раз.

— Пойдемте все и поищем хорошенько, — предложила Моника.

— Пойти, конечно, можно, — сказала миссис Спотсворт.

— Но боюсь... Я очень боюсь, что...

Она вышла вслед за Эллен. Моника, задержавшись на пороге, бросила разъяренный взгляд на мужа.

— Значит, Билл, — с досадой проговорила она, — продать дом не удастся. Если бы не этот болтун со своими остроумными замечаниями насчет воды и ведер, чек сейчас был бы уже у тебя в кармане.

И в сердцах удалилась. Рори вопросительно посмотрел на Билла.

— Слушай, я, кажется, опять что-то сморозил? Билл рассмеялся лающим смехом.

— Если ходить за тобой след в след в течение месяца, можно заморозить всю Африку.

— А насчет подвески? Может, я могу чем-нибудь помочь?

— Только тем, что не будешь больше вмешиваться.

— Давай я съезжу потихоньку на машине и привезу кого-нибудь из местной полиции.

— Сказано тебе, только не вмешивайся. — Билл взглянул на часы. — Через несколько минут начинается Дерби. Ступай в библиотеку и включи телевизор.

— Слушаюсь. Но если понадобится, свистни мне.

Он скрылся за дверью библиотеки, а Билл разыскал глазами Дживса, скромно делавшего вид, будто его здесь нет. У Дживса, как у всех первоклассных слуг, был дар в минуты домашнего кризиса становиться как бы невидимым. Сейчас он стоял в дальнем конце гостиной и изображал из себя чучело дворецкого.

— Дживс!

— Милорд? — откликнулся Дживс, оживая, словно Галатея ^[56] мужского пола.

— Какие будут предложения?

— Полезных пока никаких, милорд. Но только что мне пришла в голову одна мысль, которая позволяет взглянуть на положение с более светлой стороны. Несколько ранее мы говорили о капитане Биггаре как о джентльмене, навеки исчезнувшем с нашего горизонта. Но, может быть, в случае победы Баллимора капитан, оказавшись при изрядных деньгах, осуществит свой первоначальный план и возвратит подвеску, сделав вид, будто нашел ее где-нибудь в саду?

Билл прикусил губу.

— Вы думаете, это возможно?

— Это был бы разумный поступок, милорд. Подозрение, как я уже говорил, неизбежно падет на него, и не возвратив драгоценность хозяйке, он попадет в малоприятное положение лица, разыскиваемого полицией, которого в любую минуту могут арестовать и привлечь к суду. Я убежден, что если Баллимор придет первым, мы еще увидим капитана Биггара.

— Это только если он придет первым.

— Именно, милорд.

— Надо же, чтобы все будущее человека зависело от лошади.

— Таково положение вещей, милорд.

— Я сейчас начну молиться за победу Баллимора! — горячо воскликнула Джил.

— Да, пойдя помолись, чтобы Баллимор бежал так резво, как никогда, — подхватил Билл. — Молись что есть мочи. Молись во всех углах. Молись...

Возвратились Моника и миссис Спотсворт.

— Да, — сказала Моника. — Подвески нет. Это точно. Я позвонила в полицию.

Билл пошатнулся.

— Что?

— Да. Розалинда не хотела, чтобы я звонила, но я настояла. Я сказала, что ты ни за что не допустишь, чтобы не было сделано все возможное для поимки вора.

— А ты... уверена, что подвеска украдена?

— Это единственное объяснение. Миссис Спотсворт вздохнула.

— Ах, как обидно! Из-за меня такие неприятности.

— Вздор, Розалинда. Билл вовсе не против. Он хочет только одного: чтобы преступника изловили и засадили за решетку. Верно ведь, Билл?

— Еще бы! — отозвался Билл.

— И чтоб ему дали солидный долгий срок. Будем надеяться.

— Не надо быть такими жестокими.

— Вы совершенно правы, — согласилась миссис Спотсворт. — Не месть, но правосудие.

— Одно во всяком случае ясно, — сказала Моника. — Это работа кого-то из своих.

Билл переступил с ноги на ногу.

— Ты так думаешь?

— Да. И я даже более или менее представляю себе, кто именно мог это сделать.

— Кто?

— Один человек, который сегодня с утра ужасно нервничал.

— Было такое?

— У которого чашка и блюдце дребезжали, как кастаньеты.

— Когда же это?

— За завтраком. Хотите, чтобы я назвала имя?

— Назови.

— Капитан Биггар!

Миссис Спотсворт встрепелась.

— Что-о?

— Вы не приходили завтракать, Розалинда, иначе, я не сомневаюсь, вы бы тоже заметили. Он так нервничал, что видно было с закрытыми глазами.

— Ах, нет-нет! Капитан Биггар? В это я не могу поверить и не поверю. Если бы виноват был капитан Биггар, я бы потеряла веру в человека, а это

удар пострашнее, чем потеря подвески.

— Подвеска пропала, и капитан Биггар пропал. Одно с другим сходится, вам не кажется? Ну, да ладно, — сказала Моника, — мы скоро все узнаем.

— Почему ты в этом так уверена?

— Из-за футляра, естественно. Полицейские заберут его и исследуют отпечатки пальцев. Господи, что с тобой, Билл?

— Ничего, — ответил Билл, который подпрыгнул при этих словах на добрых восемнадцать дюймов, но не считал нужным объяснять, что за ужасная мысль посетила его, вдохновив на такое антраша. — Э-э, Дживс!

— Милорд?

— Леди Кармойл говорила о футляре для драгоценностей, имеющемся у миссис Спотсворт.

— Да, милорд?

— Леди Кармойл высказала интересное предположение, что подлый негодяй мог по забывчивости произвести кражу без перчаток, а в этом случае вся коробка будет покрыта отпечатками его пальцев. Удачно было бы, верно?

— Чрезвычайно удачно, милорд.

— То-то он теперь наверно проклиняет себя за такую глупость.

— Да, милорд.

— И за то, что не сообразил обтереть коробочку.

— Да, милорд.

— Сходите, пожалуй, и принесите ее сюда, чтобы была наготове, когда прибудет полиция.

— Очень хорошо, милорд.

— Только держите аккуратно, за края, не повредите отпечатки.

— Буду очень осторожен, милорд, — пообещал Дживс и вышел, и почти одновременно с террасы через стеклянную дверь вошел полковник Уайверн.

В ту минуту, когда он входил, Джил, понимая, что в состоянии крайнего волнения мужчина особенно нуждается в женском участии, нежно поцеловала Билла, обвив руками его шею, при виде чего полковник в недоумении остановился как вкопанный. Положение осложнилось. В данных обстоятельствах непонятно, как навести разговор на тему о хлысте.

— Гхм-ха, — произнес он.

Моника с изумлением обернулась к нему.

— Вот это да! Какая быстрота! — восхитилась она. — Я позвонила всего пять минут назад.

— Как вы сказали?

— Вот и ты, папа, — проговорила Джил. — Мы как раз тебя ждем. Ты привез собак-ищеек и увеличительные стекла?

— Что ты такое говоришь, не понимаю? Моника растерялась.

— Разве вы прибыли не по моему телефонному звонку, полковник?

— Все говорят про какой-то телефонный звонок. Какой такой телефонный звонок? Я пришел к лорду Рочестеру по личному делу. При чем тут телефонный звонок?

— У миссис Спотсворт украдена бриллиантовая подвеска, папа.

— Что-что?

— Позвольте вас познакомить, — спохватилась Моника. — Вот это миссис Спотсворт. Полковник Уайверн, Розалинда, наш начальник полиции.

— Очень приятно, — произнес полковник Уайверн с галантным поклоном и тут же вновь превратился в проникательного и беспощадного начальника полиции. — Так, значит, у вас украдена бриллиантовая подвеска? Нехорошо, ай-яй-яй, как плохо. — Он вытащил из кармана блокнот и карандаш. — Кем-то из домашних, насколько я понимаю?

— Да, мы тоже так думаем.

— В таком случае мне понадобится список всех находящихся в этом доме.

Вперед выступила Джил и протянула ему обе руки.

— Уайверн, Джил, — объявила она. — Надевайте наручники, шеф. Я не окажу сопротивления.

— Не валяй дурака, — отмахнулся полковник Уайверн. Что-то толкнулось в нижнюю филенку двери. Возможно, что нога. Билл распахнул дверь — на пороге стоял Дживс. Бережно, за уголки, он держал обернутый носовым платком футлярчик.

— Благодарю вас, милорд, — произнес он.

И, подойдя к столику, аккуратно поставил на него свою ношу.

— Вот в этом футляре лежала подвеска, — пояснила миссис Спотсворт.

— Прекрасно, — кивнул полковник Уайверн и одобрительно взглянул на Дживса. — Рад, что вы так ответственно обходитесь с этим предметом, приятель.

— Ну, на Дживса-то можно положиться, — сказал Билл.

— А теперь, — распорядился полковник, — займемся присутствующими.

Он еще не договорил, когда распахнулась дверь библиотеки, и оттуда

выбежал Рори с выражением крайнего ужаса на лице.

Глава XXI

- Знаете, что случилось? — провозгласил Рори. — Беда!
- Еще одна? — простонала Моника, хватаясь за голову.
- Совершеннейшее, полнейшее несчастье. Забег уже начинается, а...
- Рори, у нас начальник полиции.
- ...а телевизор отключился! Похоже, я сам виноват, хотел его получше настроить и, по-видимому, покрутил не ту штуковину.
- Рори, познакомься, это полковник Уайверн, начальник полиции.
- Очень приятно, начальник. Вы разбираетесь в телевидении?
- Полковник гневно вытянулся.
- Отнюдь!
- Не сможете починить телевизор? Хотя все равно уже поздно. Забег кончится. Может быть, радио?
- Приемник в углу, сэр Родерик, — сообщил Дживс.
- О, слава Богу! — воскликнул Рори, со всех ног бросаясь в угол. — Дживс, идите сюда. Вы мне можете.
- Кто этот джентльмен? — холодно осведомился полковник Уайверн.
- Какой ни на есть, — извиняющимся тоном ответила Моника, — мой муж сэр Родерик Кармойл.
- Со всей величавостью, какую позволял его маловнушительный рост, полковник Уайверн двинулся на Рори и обратился к тому со стороны сиденья, единственной видимой части его организма, поскольку Рори стоял, пригнувшись к радиоприемнику:
- Сэр Родерик, я провожу здесь расследование.
- Но вы ведь сделаете перерыв на время трансляции?
- Будучи при исполнении обязанностей, сэр Родерик, я не допускаю никаких вмешательств со стороны. Мне нужен список...
- Его требование выполнил радиоприемник:
- ...Тадж-Махал, Милый Вильям, Шиповник, Гарнитур, Мук-Второй, Летун... Список впечатляющий, не правда ли? — внезапно раздалось по радио. — Вот идет Гордон Ричарде. Многие на ипподроме полагают, что сегодня для него будет счастливый день. Не вижу Бельведера... Да, вон он, поворачивает и шагом направляется к воротам... А ведь через мгновение уже должны дать старт... Жаль, но... Повернули назад еще двое. Один из них ведет себя довольно, я бы сказал, темпераментно. Похоже, что это Глупый Саймон. Ах, нет, это Баллимор, приезжий из Ирландии.

Начальник полиции нахмурил брови.

— Право же, я настаиваю...

— Хорошо, хорошо, я сейчас приглушу, — отозвался Рори, протянул руку и, как и следовало ожидать, звук прибавился.

— Они уже заняли позицию на старте, — заорало радио во всю глотку, точно разносчик на пляже, рекламирующий апельсины-корольки. — Все двадцать шесть участников... Старт! Они срываются с места... Баллимор остался у столба.

Джил пронзительно вскрикнула:

— Нет!

— Первым, — продолжало радио, теперь, послушное стараниям Рори, перейдя на еле слышный шепот и точно бормоча последнее слово на смертном одре, — идет Френч. — Тут голос приемника немного окреп: — Прямо за ним Мисс Тадж-Махал. Вижу Эскалатора. Хорошо идет Эскалатор. Вижу Милого Вильяма. Вон Мук-Второй. Вижу... — На этом месте он снова обезголосел, и конец репортажа затерялся в каком-то мышинном писке.

Начальник полиции облегченно вздохнул.

— Уфф! Наконец-то. Итак, лорд Рочестер, перечислите, какие слуги имеются в вашем доме.

Билл не ответил. Как заводной, он двинулся к радиоприемнику, словно притягиваемый невидимой силой.

— Например, кухарка, — сказала Моника.

— Вдова, сэр, — вставил Дживс. — Мэри Джейн Пиггот.

Рори обернулся.

— Пиггот? Кто сказал: Пиггот?

— Потом горничная, — продолжала перечислять Моника, поскольку Джил тоже, как в трансе, пошла вслед за Биллом к радиоприемнику. — Зовут Эллен. Как ее фамилия, Дживс?

— Френч, миледи. Эллен Талула Френч.

— Френч, — вдруг взвыло радио, снова обретя голос, — по-прежнему возглавляет забег, за ним Мук-Второй, Эскалатор, Тадж-Махал...

— А садовник? — спросил начальник полиции.

— Да нет, не Садовник, а Шиповник, — поправил его Рори.

— ...Милый Вильям, Гарнитур... Френч начинает отставать, а Мук-Второй и Шиповник...

— Вот видите? — заметил Рори.

— ...набирают ход.

— Мук — это мой, — произнесла Моника и тоже двинулась к

приемнику.

— Похоже, что на этот раз Гордон Ричарде действительно станет, наконец, победителем Дерби. Они уже спускаются под гору и обходят Тоттенхем-Корнер, впереди Мук-Второй, следом за ним Гордон. Осталось три с половиной круга...

— Да, сэр, — невозмутимо подтвердил Дживс, — садовник тоже есть, пожилой человек по имени Перси Вэллбелавед.

Радио вдруг пришло в страшное волнение:

— Ах, ах! Какая-то лошадь идет на обгон по внешней дорожке. Набирает скорость, точно поезд-экспресс. Не разберу, кто это...

— В самом деле, как увлекательно, а? — проговорила миссис Спотсворт и тоже перешла к той группе, что столпилась у радиоприемника. Возле начальника полиции остался один Дживс. Полковник старательно записывал в блокнот то, что слышал.

— Это Баллимор. Лошадь на внешней дорожке — Баллимор. Он настигает Мука. Послушайте, как зрители кричат: «Давай, давай, Гордон!»

«Мук... — написал полковник Уайверн. — Мук... Гордон».

— Давай, давай, Гордон! — крикнула Моника. Радио бормотало невразумительно:

— Это Баллимор... Нет, Мук... Нет, Баллимор... Нет, Мук... Нет...

— Остановитесь на чем-то одном, — посоветовал Рори. Полковник Уайверн замер с блокнотом в руке. Потом

вдруг весь с головы до ног содрогнулся, выпучил глаза. И, размахивая карандашом, побежал через комнату к радиоприемнику, крича, как безумный:

— Жми, Гордон! ДАВАЙ, ДАВАЙ, ГОРДОН!

— Нажимай, Баллимор, — степенно произнес верный Дживс.

А радио совсем махнуло рукой на джентльменскую сдержанность. Словно оно «нектаром вскормлено и пьяно райским млеком».^[57]

— Фотофиниш! — голосило оно. — Фотофиниш! Первый раз за всю историю Дерби! Фотофиниш! На третьем месте Эскалатор.

Начальник полиции опомнился и пристыженный, отошел обратно к Дживсу.

— Как, вы сказали, зовут садовника? Кларенс Уилберфорс?

— Перси Вэллбелавед, сэр.

— Странная фамилия.

— Шропширская, насколько я знаю, сэр.

— Да? Перси Вэллбелавед. И этим реестр домашних служащих исчерпывается?

— Да, сэр. Не считая меня.

От приемника отошел Рори, отирая пот со лба.

— Уф! Эта Тадж-Махал меня основательно подвела, — с горечью констатировал он. — Почему, черт возьми, в скачках никогда не удастся угадать победителя, а?

— А тебе не пришло в голову поставить на Мука? — спросила Моника.

— Что? Нет. С чего бы?

— Дай Бог тебе здоровья, Родерик Кармойл. Полковник Уайверн уже снова обрел ответственный вид.

— Я бы хотел теперь, — заявил он официальным тоном, — осмотреть место преступления.

— Я отведу вас, — вызвалась миссис Спотсворт. — Вы пойдете с нами, Моника?

— Да-да, конечно, — сказала Моника. — А вы тут кто-нибудь послушайте радио, ладно? Интересно, что покажет фотофиниш.

— А вот эту вещь я отошлю в участок, — полковник Уайверн осторожно поднял за угол футлярчик, — и мы посмотрим, что покажет она.

Он вышел, сопровождаемый дамами, а Рори решил возвратиться в библиотеку.

— Посмотрим, вправду ли я сломал этот чертов телевизор, — рассудил он. — Я только покрутил на нем ту штуковину. — Он потянулся, зевнул. — Скучные вышли скачки. Даже если Мук-Второй выигрывает, моей старушке достанется всего каких-то десять фунтов.

Рори закрыл за собой дверь в библиотеку.

— Дживс, — проговорил Билл. — Мне необходимо выпить.

— Сейчас принесу, милорд.

— Нет, не надо приносить. Я найду к вам в буфетную.

— И я тоже с тобой, — сказала Джил. — Но только надо сначала дождаться результатов. Будем надеяться, что у Баллимора хватило ума в последнее мгновение хотя бы высунуть язык.

— Вот оно! — оглянулся Билл. Радиоприемник ожил.

— Показание фотофиниша будет стоить несколько сотен тысяч фунтов, — негромко, как после похмелья, сказал радиоприемник, словно устыдившись прежней несдержанности. — Номер победителя появится на табло с минуты на минуту. Да, вот он...

— Давай, давай! Баллимор — чемпион! — пискнула Джил.

— Жми, Баллимор!! — заорал Билл. — Баллимор — чем-пио-о-он!!

— Баллимор — чемпион, — сдержанно произнес Дживс.

— Победил Мук-Второй, — сообщило радио. — Не повезло Баллимору. Он великолепно прошел дистанцию. Если бы не заминка на старте, он бы обошел всех легкой рысцой. Его поражение спасло букмекеров от разорения. За десять минут до старта на ирландскую лошадь была поставлена солидная сумма, очевидно, одна из тех стартовых ставок, которые...

Понуро, как кладут цветы на могилу старого друга, Билл протянул руку и выключил приемник.

— Пошли отсюда, — сказал он. — По крайней мере, пока еще есть шампанское.

Глава XXII

Миссис Спотсворт одна медленно спускалась по лестнице. Моника и полковник Уайверн еще не окончили осмотр места преступления, но они так бесцеремонно говорили при этом про капитана Биггара и откровенно клонили дело в такую сторону, что у нее возникло ощущение, будто в сердце ей вонзают дюжину ножей. Когда женщина любит всеми фибрами своей щедрой души, ей не очень-то приятно слышать, как предмет ее любви называют «краснорожим разбойником» (Моника) и «негодяем, который все равно от нас не уйдет, очень скоро его поймают и упрячут за решетку» (полковник Уайверн). Миссис Спотсворт решила посидеть на скамейке в саду и поразмышлять о том, как могло бы все быть чудесно...

Скамейка стояла в том месте, где сходились две замшелые тропинки, на самом берегу реки, которая, как известно, протекала в саду. Сзади и с боков скамейку ограждали кусты в цвету, прячущие ее от взгляда, откуда бы к ней ни приближались, так что, лишь обогнув последний куст, миссис Спотсворт смогла увидеть, что ее скамейка занята. При виде же того, кто на ней сидит, она на мгновение остановилась и замерла. А затем с губ ее сорвался возглас, до такой степени похожий на крик самки зебу, призывающей самца, что капитану Биггару, погруженному в глубокое раздумье и рассеянному глядящему на улитку, показалось на минуту, будто он снова в Африке. Он вскочил, и долгое мгновение они стояли, застыв и глядя друг на друга расширенными глазами, а различные пташки, а также пчелы, осы, комары и прочие насекомые, хлопчущие по соседству, продолжали преспокойно заниматься каждый своим делом, словно ничего особенного не происходит. В особенности спокойно вела себя улитка.

Но миссис Спотсворт ее бесстрастности не разделяла. Душа в ней всколыхнулась до самой глубины.

— Вы! — воскликнула миссис Спотсворт. — О, я знала, что вы придете. Они говорили, что нет, но я знала.

Капитан Биггар опустил голову. Он был раздавлен, уничтожен. Любой носорог, попадись капитан Биггар ему сейчас на глаза, наверняка ощутил бы прилив отваги и, не дрогнув, бросился бы на него, уверенный, что тут его ждет легкая победа.

— Я не смог, — тихо произнес капитан Биггар. — Я подумал о вас и о ребятах в клубе — и не смог.

— В клубе?

— В Англо-Малайском клубе, что в Куала-Лумпуре, где народ порядочный и честность разумеется сама собой. Да, я о них подумал. Подумал о Толстом Фробишере. Смогу ли я после этого смотреть ему в его единственный зрячий глаз? И еще я подумал, ведь вы мне доверились, потому что... потому что я англичанин. И я сказал самому себе: Катберт Биггарт, ты не только Англо-Малайский клуб, Фробишера с Субадаром, и Доктора, и Скиффи, ты предал всю Британскую Империю.

У миссис Спотсворт перехватило дыхание.

— Значит, это вы взяли?

Капитан вздернул подбородок и расправил плечи. Теперь, когда он выговорил эти мужественные слова, он снова стал почти совсем самим собой, так что теперь носорог, взглянув на него, сразу бы раздумал с ним связываться и вспомнил бы, что у него срочное свидание в другом месте.

— Я взял, но привез обратно, — ответил он твердым, звучным голосом. — Я думал позаимствовать эту вещь только на один день, в качестве залога. Но я не смог. Возможно, она принесла бы мне богатство, но я не смог.

Миссис Спотсворт склонила голову.

— Наденьте ее мне на шею, Катберт, — прошептала она. Капитан Биггар в недоумении смотрел на ее затылок.

— Вы... не против? Вам не противно мое прикосновение?

— Наденьте ее мне на шею, — повторила миссис Спотсворт.

Капитан Биггар благоговейно надел подвеску ей на шею. После чего воцарилось молчание.

— Да, — повторил капитан Биггар спустя минуту или две, — я мог бы разбогатеть на этом, а хотите знать, зачем мне было нужно богатство? Я не такой человек, который ценит деньги, не думайте обо мне так плохо. Спросите любого на Востоке, и вам всякий скажет: «Дайте бване Биггару его охотничье ружье и бифштекс из антилопины после дня трудов праведных и предоставьте ему свободу дышать чистым Божьим воздухом и обращаться лицом навстречу солнцу Господню, а больше ему ничего не надо». Но у меня возникла острая необходимость обзавестись капиталом, чтобы я почувствовал себя вправе признаться в любви. Розы... Я слышал, что вас так называют, и тоже хочу так вас называть... Розы, я люблю вас. Я полюбил вас при первом же знакомстве в Кении, когда вы вышли из автомобиля, а я сказал: «Добро пожаловать, мемсагиб!». Все прошедшие годы я мечтал о вас, и вчера на этой самой скамейке я едва удержался, чтобы не излить вам душу. Но теперь это уже неважно. Теперь я не обязан хранить молчание, так как мы расстаемся навсегда. Скоро я уйду закату

навстречу... один, как перст.

Он смолк. Но тут заговорила миссис Спотсворт.

— Никакому закату навстречу вы не пойдете один, как перст, — твердо возразила она. — Что за глупости! С чего это вы вздумали уходить один, как перст, навстречу каким-то закатам?

Капитан Биггар улыбнулся печальной полуулыбкой.

— Это не я вздумал уходить закату навстречу один, как перст, милая леди. Таков кодекс. Кодекс гласит, что бедный мужчина не вправе просить руки богатой женщины, ибо, поступив так, он бы утратил самоуважение и уже не играл бы прямой клюшкой.

— В жизни не слышала подобной глупости. Кто, интересно, первый затеял всю эту ерунду?

Капитан Биггар чуть-чуть приосанился.

— Кто первый затеял, не знаю, но это закон, который управляет жизнью настоящих мужчин, как Скиффи, и Док, и Субадар, и Огастус Фробишер.

Миссис Спотсворт издала удивленный возглас.

— *Огастус* Фробишер? Господи Боже мой! То-то мне все время казалось, что знакомая какая-то фамилия — Фробишер. Теперь, когда вы назвали его Огастус... Этот ваш приятель Фробишер, он какой из себя? Такой красноречивый?

— У нас на Востоке у всех лица довольно красные.

— И с маленькими такими усиками, как щеточка?

— И усики щеточкой у нас носят все.

— Слегка заикается? На левой щеке родинка? Один глаз зеленый, а второй стеклянный?

Капитан Биггар был поражен.

— Вот так так! Это Толстый Фробишер! Вы с ним знакомы?

— Знакомы? Еще бы незнакомы. Да я всего за неделю до отъезда из Штатов пела «О, несравненная любовь!» у него на свадьбе.

У капитана Биггара глаза полезли на лоб.

— *Хоуки ва хоо!* — воскликнул он. — Фробишер женат?

— А то нет! И знаете ли вы, на ком? На Коре Рите Рокметтеллер, вдове покойного Сигсби Меттеллера, сардинного короля. У этой женщины денег навалом, куда больше, чем у меня. Вот вам ваш кодекс. Когда Огастус Фробишер встретил Кору и услышал, что у нее в кирпичной кладке за камином запрятаны пятьдесят миллионов зелененьких, он что, ушел закату навстречу, один, как перст? Нет уж, сэр! Он приобрел чистый белый воротничок, вставил в петлицу гардению, и — вперед.

Капитан Биггар, шумно дыша, опустился рядом с нею на скамейку.

— Ну и потрясли же вы меня, Роза!

— Вас и надо было растряссти хорошенько. Плетете невесть что с этим своим дурацким кодексом!

— Просто не могу себе представить.

— Немного успокойтесь, подумайте, и все прекрасно представите. Посидите здесь и свыкнетесь с мыслью о том, чтобы пойти со мной к алтарю, а я побегу передам по телефону в газеты о предстоящем в ближайшем будущем бракосочетании между Катбертом... у тебя есть еще имена, мой козленочек?

— Джервез, — тихо ответил капитан. — И фамилия Брабазон-Биггар, через дефис.

...между Катбертом Джервезом Брабазон-Биггаром и Розалиндой Бессемер-Спотсворт. Жаль, ты не сэр Катберт. Постой-ка, — миссис Спотсворт вдруг осенило. — Почему бы нам не купить тебе рыцарское звание? Интересно, почему они сейчас? Надо будет спросить сэра Родерика. Может быть, в «Харридже» продаются. До скорого свидания, удивительный ты мой человек. Смотри, не уйди куда-нибудь закату навстречу один, как перст!

Радостно напевая, ибо на сердце у нее было легко и светло, миссис Спотсворт, оскользаясь, побежала по замшелой тропинке, пересекала лужайку перед домом и влетела в гостиную через стеклянную дверь с террасы. В гостиной оказался Дживс. Он оставил Билла и Джил горестно утешать друг дружку в буфетной, а сам возвратился собрать чашки из-под кофе. От вида бриллиантовой подвески на шее миссис Спотсворт у него шевельнулись по меньшей мере три волоска в левой брови — свидетельство того, как близко к сердцу он принял то, что ему открылось.

— Вы, я вижу, заметили подвеску? — сказала миссис Спотсворт, сияя. — Ничего удивительного, что вы удивлены. Ее только что нашел капитан Биггар возле той скамейки в саду, где мы сидели накануне.

Было бы преувеличением утверждать, что Дживс вытаращил глаза, однако самую малость они у него все же округлились, что случалось только в исключительных случаях.

— Разве капитан Биггар вернулся, мэм?

— Вернулся несколько минут назад. Да, Дживс, вы знаете телефон редакции «Таймса»?

— Нет, мэм, но могу выяснить.

— Я хочу объявить о моей помолвке с капитаном Биггаром.

Тут у Дживса шевельнулись четыре волоска в правой брови, словно их

ветром растрепало.

— Вот как, мэм? Позвольте пожелать вам счастья.

— Спасибо, Дживс.

— Хотите, чтобы я позвонил в «Тайме», мэм?

— Если вам нетрудно. И в «Телеграф», и в «Мейл», и в «Экспресс».

Может, еще куда-нибудь?

— Я полагаю, что не надо, мэм. Тех, что вы назвали, вполне достаточно для объявления такого рода.

— Пожалуй, вы правы. Ну, тогда только в эти.

— Очень хорошо, мэм. Осмелюсь спросить, мэм, предполагаете ли вы с капитаном Биггаром поселиться в Рочестер-Эбби?

Миссис Спотсворт вздохнула.

— Нет, Дживс. Мне так хотелось его купить... Этот дом мне ужасно нравится... Но тут сыро. Этот кошмарный английский климат!

— Да, наши английские лета довольно суровы.

— А зимы еще суровее. Дживс кашлянул.

— Может быть, мне позволительно будет внести предложение, которое удовлетворило бы все заинтересованные стороны?

— Что вы мне предлагаете?

— Купить этот дом, мэм, разобрать его по камешку и отправить пароходом в Калифорнию.

— А там снова собрать? Блестящая мысль!

— Благодарю вас, мэм.

— Вильям Рэндольф Херст уже так делал, верно ведь? Помню, я один раз приехала в гости в Сан-Симеон, и там у ворот на траве лежало сгруженное целое французское аббатство. Так я и поступлю, Дживс. Вы разрешили все сомнения. О, лорд Рочестер! Как раз с вами я и хотела поговорить.

Билл вошел в гостиную вместе с Джил медленными, печальными шагами. Но при виде бриллиантовой подвески печаль упала с него, словно плащ с плеч. Не в силах вымолвить ни слова, он остановился, вытянув дрожащий указательный палец.

— Эта вещь, милорд, была найдена в траве вблизи садовой скамьи женихом миссис Спотсворт капитаном Биггаром, — пояснил Дживс.

К Биллу, наконец, хотя и с трудом, но возвратился дар речи.

— Биггар приехал?

— Да, милорд.

— И он нашел подвеску?

— Да, милорд.

— И он помолвлен с миссис Спотсворт?

— Да, милорд. И миссис Спотсворт приняла решение купить Рочестер-Эбби.

— Что-о?

— Да, милорд.

— Я верю в фей!^[58] — воскликнул Билл, и Джил сказала, что она тоже верит.

— Да, Билликен, — подтвердила миссис Спотсворт, — я покупаю Рочестер-Эбби. Сколько вы за него запросите, неважно. Он будет мой, я так решила и сейчас же выпишу вам чек, только сначала схожу извинюсь перед этим милым начальником полиции. Я его бросила на полслове у меня в комнате и боюсь, он обиделся. Он все еще там, Дживс?

— Полагаю, что да, мэм. Он недавно позвонил и попросил меня раздобыть ему увеличительное стекло.

— Пойду поговорю с ним. Знаете, Билликен, я увожу Рочестер-Эбби с собой в Америку. Это Дживс придумал.

Миссис Спотсворт вышла, а Джил повисла у Билла на шее.

— О, Билл! — восторженно произнесла она. — О, Билл! Хотя на самом деле я не знаю, почему я целую тебя. Это Дживса надо целовать. Можно мне вас поцеловать, Дживс?

— Нет, мисс.

— Подумайте только, Дживс! Вам все-таки придется купить ножик для жарки рыбы, в качестве свадебного подарка.

— С большим удовольствием и почту за честь, мисс.

— Дживс! — сказал Билл. — Оставайтесь всегда с нами, куда бы мы ни поехали и чем бы ни занялись.

Но тут Дживс сокрушенно вздохнул.

— Весьма сожалею, милорд, но боюсь, я не смогу воспользоваться вашим любезным приглашением. Более того, мне, по-видимому, надо предупредить вас о своем уходе.

— Ой, Дживс! Но как же так?

— Само собой, при всем моем глубоким уважении, мисс. Но я нужен мистеру Вустеру. Я получил сегодня утром от него письмо.

— Так он уже окончил ту школу? Дживс снова вздохнул.

— Его исключили, милорд.

— Ну, надо же!

— Все сложилось крайне неудачно, милорд. Мистер Вустер удостоился приза по номинации «штопанье носков». Две пары с его работой даже были выставлены на витрине в Родительский день. Но потом

обнаружилось, что он пользовался шпаргалкой: перед сном тайно провел к себе в комнату одну старушку...

— Бедный старина Берти!

— Да, милорд. По тону его письма я понял, что все это его очень расстроило. И мне стало ясно, что мое место — рядом с ним.

Из библиотеки вышел огорченный Рори.

— Безнадежное дело, — сказал он.

— Рори, а ты знаешь, что произошло? — бросился к нему Билл.

— Знаю, старина. Я окончательно сломал телевизор.

— Миссис Спотсворт выходит за капитана Биггара и покупает Рочестер-Эбби!

— Да? — равнодушно отозвался Рори. — Ну, так вот. Мне никак не удастся его наладить, и никому из здешних деревенских умельцев это, видно, тоже не по силам. Так что остается только обратиться к первоисточнику. — Он прошел к телефону и снял трубку. — Дайте, пожалуйста, «С-кая площадь, один— два три— четыре».

С террасы в гостиную со звоном ворвался капитан Биггар, напевая центральноафриканский свадебный марш.

— Где моя Роза? — громко спросил он.

— Наверху, — ответил Билл. — Сейчас придет. Она сообщила нам вашу новость. Поздравляем, капитан!

— Спасибо, спасибо.

— Да, — обернулся Рори, не опуская трубку, — вот вам еще каламбур: замужество Розалинды — это награда капитану за мужество. Как, ничего? Ха-ха-ха! А я пока пытаюсь...

Тут его соединили.

— Алло! Это магазин «Харридж»?

Посоветуйтесь с Дживсом

Перевод с английского И. Шевченко

Редактор Ю. Жукова

ДЖИВС И ГРОЗНАЯ ПОСТУПЬ РОКА

Стояло утро того дня, когда мне было предписано мчаться сломя голову к моей тетке Агате в Вуллем Черси, графство Хартфордшир, чтобы провести там целые три недели, и, сидя за завтраком, я чувствовал — не побоюсь признаться, — что сердце мне придавил увесистый бульжник. Мы, Вустеры, славимся отвагой и мужеством, но в ту минуту под внешней твердостью во мне гнезился безотчетный страх.

— Дживс, — сказал я, — нет больше прежнего веселого Бертрама.

— В самом деле, сэр?

— Да, Дживс. Он испарился, улетучился.

— Весьма огорчен, сэр.

Он снял крышку с блюда, на котором благоухала яичница с беконом, и я уныло ковырнул ее вилкой.

— Зачем?! Зачем, спрашиваю я себя, зачем тетка Агата приглашает меня в свое поместье?

— Не могу сказать, сэр.

— Она же меня терпеть не может.

— Это верно, сэр.

— Я ей как кость в горле, это общеизвестный факт. Ума не приложу, в чем тут дело, но всякий раз, как наши с тетушкой Агатой дорожки сходятся, я рано или поздно попадаю, мягко говоря, впросак, и она заносит над моей головой карающий топор. Кто я в ее глазах, как не жалкий червь и отброс общества! Дживс, я прав или нет, как вы полагаете?

— Совершенно правы, сэр.

— И тем не менее тетушка требует, чтобы я отменил все ранее назначенные встречи и летел на всех парах в Вуллем Черси. У нее наверняка какие-то гнусные расчеты, о которых нам с вами ничего не известно. У меня на сердце камень, но ответьте, Дживс, поднимется ли у вас рука осуждать за это своего господина?

— Никогда, сэр. Прошу прощения, сэр, но, кажется, звонят в дверь.

Дживс растворился в воздухе, а я еще раз вяло ткнул вилкой в яичницу с беконом.

— Телеграмма, сэр, — сказал Дживс, возникая в пространстве.

— Вскройте ее, Дживс, и прочтите. От кого она?

— Она без подписи, сэр.

- Вы хотите сказать, в конце нет имени?
- Как раз это я и стремился выразить, сэр.
- Дайте взглянуть.

Я внимательно вчитался в текст. Телеграмма была странная. Очень странная. Другого слова не подберешь. Вот что там значилось:

Запомни когда здесь появишься жизненно необходимо прикинуться незнакомыми.

Мы, Вустеры, не отличаемся быстрой сообразительностью, особенно поутру, и я ощутил тупую боль между бровями.

- Дживс, что это значит?
- Понятия не имею, сэр.
- Тут написано «когда здесь появишься». Где это «здесь»?
- Обратите внимание, сэр, телеграмма отправлена из Вуллем Черси, сэр.
- Совершенно верно. Из Вуллем, как вы тонко подметили, Черси. Это нам о чем-то говорит, Дживс.
- О чем именно, сэр?
- Не знаю. Может быть, телеграмма от тетушки Агаты, как вы думаете?
- Вряд ли, сэр.
- Верно, вы опять правы. В таком случае с полным основанием можно утверждать только то, что некто неизвестный, проживающий в Вуллем Черси, считает жизненно необходимым, чтобы я прикинулся незнакомым с ним. Дживс, но почему я должен прикинуться, что мы незнакомы?
- Понятия не имею, сэр.
- Однако, если посмотреть с другой стороны, то почему бы и не прикинуться?
- Совершенно справедливо, сэр.
- В таком случае из этого следует, что имеет место некая тайна, и только время поможет ее раскрыть. А нам, Дживс, остается лишь ждать.
- Именно это я и хотел сказать, сэр.

Я прибыл в Вуллем Черси около четырех и застал тетю Агату в ее кабинете за сочинением писем. Насколько я свою тетушку знаю, она всегда писала людям гадости, с ядовитыми постскриптами. Взгляд, которым она меня наградила, не сиял от радости.

— А, это ты, Берти.

— Да, я.

— У тебя нос в саже.

Я усердно поработал носовым платком.

— Хорошо, что ты приехал пораньше. Хочу перемолвиться с тобой словом до того, как ты встретишься с мистером Филмером.

— С кем?

— С мистером Филмером, это член Кабинета министров. Он у нас сейчас гостит. Неужели ты не слышал о мистере Филмере? Быть такого не может!

— Конечно, слышал! — сказал я, хотя понятия не имею, что это за тип. Я плохо разбираюсь в наших политических деятелях.

— Желательно, чтобы ты произвел на мистера Филмера хорошее впечатление.

— Нет проблем.

— Оставь этот развязный тон. И не думай, будто тебе ничего не стоит произвести на мистера Филмера хорошее впечатление. Он известный политический деятель, выдающаяся личность, и его ждет великое будущее. А ты легкомысленный, никчемный и пустой оболтус. Скорее всего мистер Филмер отнесется к тебе настороженно.

Неприятно слышать такое поношение из уст кровной родственницы, впрочем, мне не привыкать.

— Поэтому здесь ты должен постараться не выглядеть легкомысленным, никчемным и пустым оболтусом. Прежде всего, ты бросишь курить.

— Ну, знаете!

— Мистер Филмер — президент Лиги противников курения. Второе: ты откажешься от употребления алкогольных напитков.

— Пропади все пропадом!

— И сделай одолжение, не вздумай заводить речь о барах, бильярдных и актрисах. Мистер Филмер будет составлять о тебе мнение главным образом из бесед с тобой.

Тут я затронул принципиальный вопрос.

— Хорошо, но зачем я должен производить впечатление на этого... на мистера Филмера?

— Затем, что таково мое желание, — отрезала тетка, бросив на меня суровый взгляд.

Не самый находчивый ответ, можно бы придумать и получше, но другого объяснения мне не дождался, и потому я поспешно ретировался с

ощущением сердечной тоски.

Я побрел в парк, и первый, на кого я наткнулся, был Бинго Литтл, провалиться мне на месте.

Мы с ним дружим, можно сказать, с пеленок. Родились в одном городке, чуть не в один день, вместе пошли в детский сад, потом в Итон и в Оксфорд, а достигнув зрелых лет, на славу покутили в добром старом Лондоне. Если кто и может облегчить крестные муки моего пребывания в этом вредоносном месте, так это Бинго Литтл.

Но как он здесь оказался, было выше моего разума. Не так давно он женился на известной писательнице Розе М. Бэнкс, и когда я видел его в последний раз, он готовился ехать с женой в Америку, куда ее пригласили читать лекции. Отлично помню, как он проклинал все на свете, потому что из-за этого путешествия придется пропустить скачки в Аскоте.

И как ни странно, он сейчас находился здесь. Мне не терпелось увидеть лицо друга, и я завопил, как на охоте:

— Бинго!

Он обернулся, и, поверьте, то, что я увидел, не было лицом друга. Лицо было все перекошено. Он замахал руками, будто сигнальщик на вахте.

— Шш, — зашипел он. — Хочешь меня погубить?

— А?

— Не получил мою телеграмму?

— Значит, это была твоя телеграмма?

— Разумеется, моя.

— Тогда почему ты не подписался?

— Я подписался.

— В том-то и дело, что нет. Я ничего не понял.

— Но ты ведь получил мое письмо.

— Какое письмо?

— Мое письмо.

— Не получал я никакого письма.

— Значит, я забыл его отправить. Я тебе сообщал, что нахожусь здесь как репетитор твоего двоюродного брата Томаса и что когда мы встретимся, ты должен сделать вид, будто мы незнакомы. Это для меня очень важно.

— Но почему?

— Если твоя тетка догадается, что я твой друг, она тут же откажет мне от места.

— Почему?

Бинго поднял брови.

— Почему? Берти, ну ты сам подумай. Если бы ты был твоей теткой и знал, что ты за тип, допустил бы ты, чтобы твой ближайший друг был наставником твоего сына?

Моя бедная голова пошла кругом, но скоро я все-таки сообразил, что в его словах кроется много суровой правды и здравого смысла. Однако Бинго не объяснил мне, в чем суть, или, если хотите, смысл этой таинственной истории.

— Я думал, ты в Америке, — сказал я.

— Нет, я не в Америке.

— Почему?

— Неважно. Не в Америке, и все.

— Зачем ты нанялся в репетиторы?

— Неважно. Есть причины. Берти, я хочу, чтобы ты хорошенько вбил себе в голову, намертво вбил: никто не должен заподозрить, что мы с тобой друзья. Позавчера этого мерзкого мальчишку, твоего кузена, застукали с сигаретой, он курил, забравшись в кусты, и из-за этого мое положение здесь сильно пошатнулось. Твоя тетка сказала, что если бы я надлежащим образом следил за ребенком, ничего подобного бы не произошло. И теперь, стоит ей обнаружить, что мы с тобой друзья, она тут же вышвырнет меня вон, спасения нет. А я должен остаться здесь, это вопрос жизни и смерти.

— Почему?

— Неважно, почему.

В этот миг Бинго, видимо, слышались чьи-то шаги, и он проворно нырнул за лавровый куст. А я поплелся к Дживсу, дабы обсудить с ним эти странные события.

— Дживс, — сказал я, входя в спальню, где он распаковывал мои чемоданы, — вы помните ту телеграмму?

— Да, сэр.

— Ее отправил мистер Литтл. Он живет здесь в качестве воспитателя моего кузена Томаса.

— В самом деле, сэр?

— Ничего не понимаю. Ведь он вольная птица. Может ли вольная птица без всякой на то причины поселиться в доме, где живет моя тетя Агата?

— Весьма эксцентричный поступок, сэр.

— Более того, станет ли кто-нибудь по доброй воле, просто ради удовольствия, заниматься обучением моего кузена Томаса, известного тупицы и изверга рода человеческого?

- Крайне проблематично, сэр.
- Тайна за семью печатями, Дживс.
- Совершенно верно, сэр.

— И что самое ужасное в этой истории: чтобы сохранить за собой место, мистер Литтл шарахается от меня, как от прокаженного. И, значит, умирает моя единственная надежда сколь-нибудь пристойно провести время среди этой мерзости запустения. Дживс, известно ли вам, что тетка запретила мне курить, пока я здесь нахожусь?

- Возможно ли это, сэр?
- И пить тоже.
- Но почему, сэр?

— Потому что она желает из каких-то неведомых мне побуждений, которых не хочет раскрывать, — чтобы я произвел хорошее впечатление на некоего Филмера.

— Весьма неприятно, сэр. Однако многие врачи, как мне известно, приветствуют подобное воздержание как путь к оздоровлению организма. Они утверждают, что при этом улучшается кровообращение и обеспечивается защита кровеносных сосудов от преждевременного затвердения.

— В самом деле? В следующий раз передайте этим вашим врачам, что они ослы.

- Слушаюсь, сэр.

Окидывая взором свое богатое событиями прошлое, могу с уверенностью сказать, что с этой минуты потянулась череда самых тоскливых дней, какие мне выпали на долю. Ни тебе выпить животворящий коктейль перед обедом, ни выкурить с наслаждением сигарету, ибо каждый раз приходилось распластываться в спальне на полу и выпускать сигаретный дым в камин. А каково постоянно натекать на тетю Агату в самых неожиданных местах? А нравственные мучения из-за необходимости якшаться с почтенным А.Б. Филмером? Так недолго и умом тронуться.

Каждый день я играл с почтенным Ф. в гольф. Чего только не вынес Бертрам, влача это непосильное бремя: в кровь кусал губы, до боли сжимал кулаки. Играл почтенный Ф. из рук вон плохо, при этом болтал, не закрывая рта, так что у меня в глазах темнело. Словом, я стал отчаянно жалеть себя. И вот однажды вечером, когда я одевался к обеду, ко мне в комнату проскользнул Бинго и отвлек от моих собственных забот.

Если друг попал в переделку, мы, Вустеры, мгновенно забываем о себе. А старина Бинго влип по уши, это было видно невооруженным

глазом. Он напоминал кошку, которую только что пнули и уже занесли ногу, чтобы пнуть еще раз.

— Берти, — сказал Бинго, уселся на кровать и помолчал минутую-другую, насыщая пространство тоской и унынием, — в каком состоянии сейчас Дживсовы мозги?

— По-моему, крутятся на полных оборотах. Дживс, как насчет серого вещества? Оно у вас хорошо функционирует?

— Да, сэр.

— Слава Богу, — сказал Бинго, — потому что мне требуется наисерьезнейший совет. Если здравомыслящие люди не предпримут решительных шагов, чтобы мне помочь, мое имя будет втоптанно в грязь.

— Что у тебя стряслось, старина? — сочувственно спросил я. Бинго тербил покрывало.

— Сейчас расскажу, — сказал он. — И объясню, почему я торчу в этом треклятом доме и вожусь с мальчишкой, которого следует хорошенько отходить розгой, а не обучать латыни и греческому. Берти, я здесь потому, что для меня это единственный выход. В последнюю минуту перед тем, как отплыть в Америку, Роза решила, что мне лучше остаться и присматривать за нашим китайским мопсом. Она оставила мне две сотни фунтов стерлингов продержаться до ее возвращения. Этой суммы, распредели я ее рачительно на весь срок, вполне хватило бы нам с мопсом на жизнь в умеренном благополучии. Ах, Берти, Берти, ты и сам все понимаешь.

— Что понимаю?

— Кто-то подкатывается к тебе в клубе и начинает убеждать, что, мол, есть одна кляча, которая непременно выиграет скачки, даже если подхватит люмбаго и гельминтоз в десяти ярдах от старта. Я был уверен, Берти, что выгодно вложил капитал в надежное дело.

— То есть ты поставил все деньги на эту лошадь? Бинго горько засмеялся.

— Если ее можно назвать лошадью. Не рвани она перед финишем, стала бы участницей следующего заезда. Словом, она пришла последней, и я оказался в ужасном положении. Любым путем надо было изыскать средства к существованию до возвращения Розы, чтобы она ничего не узнала. Ро-зи прекрасная женщина, но будь ты женат, Берти, ты бы знал — даже лучшая из жен придет в негодование, обнаружив, что муж просадил все деньги на скачках. Вы со мной согласны, Дживс?

— Да, сэр. В этом отношении женщины ведут себя странно.

— Решать надо было немедленно. Того, что осталось после

катастрофы, хватило, чтобы поместить мопса на шесть недель в «Комфортабельный собачий питомник» в Кингсбридже, это в графстве Кент. А сам я без гроша в кармане бросился искать место преподавателя. Подвернулся этот сорванец Томас. И вот я здесь.

Слов нет, печальная повесть, но как ни ужасно постоянное общение с тетей Агатой и юным Тосом, по-моему, Бинго успешно выкрутился из труднейшего положения.

— Тебе осталось потерпеть несколько недель, и все устроится в наилучшем виде.

Бинго мрачно хмыкнул.

— Всего несколько недель! Буду счастлив, если продержусь тут еще несколько дней. Помнишь, я тебе говорил, что вера твоей тетки в меня как в наставника ее тупицы-сыночка пошатнулась, когда его застукали с сигаретой? Оказывается, застукал Тоса этот самый Филмер. Десять минут назад Томас мне объявил, что готовит страшную месть Филмеру за то, что тот наядбедничал твоей тетке. Не знаю, что паршивец задумал, но если он осуществит свою месть, мне конец. У твоей тетки на Филмере свет клином сошелся, она выставит меня в два счета. А Розы вернется только через три недели! Я все понял.

— Дживс, — сказал я.

— Сэр?

— Я все понял. А вы поняли?

— Да, сэр.

— В таком случае сплотим ряды.

— Боюсь, сэр... Бинго тихо застонал.

— Дживс, только не говорите, что вам ничего не приходит в голову, — проговорил он срывающимся голосом.

— В данный момент ничего не приходит. Весьма огорчен, сэр.

Бинго жалобно заскулил, как бульдог, которому не дали печенья.

— Ладно, в таком случае мне остается только одно, — мрачно сказал он, — ни на минуту не спускать глаз с этого кретина.

— Совершенно верно, — сказал я. — Неустанная бдительность, да, Дживс?

— Несомненно, сэр.

— И все-таки, Дживс, — сказал Бинго тихим, проникновенным голосом, — вы ведь обдумаете мое положение, правда?

— Несомненно, сэр.

— Благодарю вас, Дживс.

— Не за что, сэр.

Надо сказать, что, когда наставала пора решительных действий, Бинго проявлял энергию и упорство, вызывающие невольное уважение. Думаю, в последующие два дня не было минуты, когда Тос мог бы себе сказать: «Наконец-то я один!». Но к концу второго дня тетя Агата объявила, что утром приедут гости поиграть в теннис, и на меня напал страх, что катастрофа разразится.

Понимаете, Бинго из тех ненормальных, которые, схватившись за теннисную ракетку, впадают в состояние транса, и все, что выходит за пределы корта, перестает для них существовать. Если в разгар сета вы сообщите Бинго, что пантеры пожирают в огороде его лучшего друга, он рассеяно глянет на вас и проронит: «А? Что?». Я знал, что Бинго теперь и не вспомнит о юном Томасе и достопочтенном Филмере, пока на корте не стукнет последний мяч. Поэтому вечером, переодеваясь к обеду, я услышал грозную поступь рока.

— Дживс, — сказал я, — вы когда-нибудь задумывались о жизни?

— Время от времени, сэр, на досуге.

— Жестокая штука, верно?

— Жестокая, сэр?

— Понимаете, нам кажется одно, а выходит совсем другое.

— Позволю заметить, сэр, брюки следует на полдюйма поднять. Чуть-чуть подтяните подтяжки, и мы добьемся желаемого эффекта. Вы говорили, сэр...

— Вот, например, Вуллем Черси. Может показаться, здесь собралось веселое, беззаботное общество и приятно проводит время в загородном доме. Но под сверкающей поверхностью мчатся губительные потоки. Посмотришь, как достопочтенный Филмер уплетает за завтраком лосося под майонезом, и подумаешь: вот самый беззаботный человек на свете. А тем временем неумолимая судьба подкрадывается к нему все ближе. Как вы думаете, Дживс, что именно собирается выкинуть это исчадие ада?

— В ходе непринужденной беседы, которая сегодня состоялась у меня с юным джентльменом, сэр, он сообщил мне, что читает книгу под названием «Остров сокровищ» и что на него произвел сильное впечатление один из персонажей, а именно капитан Флинт. Насколько я понимаю, юный джентльмен обдумывает, не следует ли ему в своих поступках подражать упомянутому капитану.

— Боже милостивый, Дживс! Если я не путаю, этот Флинт крушил всех подряд своей саблей. Дживс, как вы считаете, может Томас наброситься с саблей на мистера Филмера?

— Возможно, у юного джентльмена не имеется сабли, сэр.

— Ну, не с саблей, так еще с чем-нибудь.

— Нам остается только ждать, сэр. Галстук, если позволите заметить, сэр, следует затянуть чуть-чуть туже. Наша цель — добиться максимально приближенного к совершенству эффекта бабочки. Если позволите, сэр...

— Дживс, какое значение имеет галстук в данное время? Неужели вы не понимаете, что семейное счастье мистера Литтла висит на волоске?

— Не бывает такого времени, сэр, чтобы галстук не имел значения.

Я видел, как страдает бедный мальчик, но даже не попытался пролить бальзам на его рану. Какое слово вертится у меня на языке? Вспомнил — озабочен. Я был слишком озабочен, знаете ли. И в смятении. Чтоб не сказать, истерзан тревогой. Тревога продолжала терзать меня и на следующий день, когда в половине третьего на теннисном корте началось веселье. День стоял душный, жаркий, временами раздавались раскаты грома; казалось, даже воздух пропитан угрозой.

— Бинго, — сказал я, когда мы с ним вышли на корт в первой парной игре, — как ты думаешь, что сегодня выкинет юный Тос, ведь за ним не следит твое недремлющее око.

— А? — рассеяно отозвался Бинго. Лицо его уже обрело особое выражение теннисного маньяка, глаза остекленели. Он взмахнул ракеткой и негромко фыркнул.

— Я его нигде не вижу, — сказал я.

— Кого не видишь?

— Его не вижу.

— Кого — его?

— Тоса.

— Зачем он тебе?

Я понял, что говорить с ним бесполезно.

Единственное, что меня утешало, так это присутствие среди зрителей distinguished Филмера, зажатого между двумя дамами под зонтиками. Здравый смысл мне подсказывал, что даже такой поднаторевший в каверзах мальчишка, как Тос, вряд ли решится на дерзкую выходку, если объект занимает столь стратегически сильную позицию. Успокоившись, я с азартом отдался игре и как раз обставлял местного викария, когда над головой послышался раскат грома и хлынул дождь.

Все в панике бросились в дом и вскоре собрались в гостиной к чаю. Вдруг тетя Агата, оглядев стол поверх сэндвича с огурцом, сказала:

— А где мистер Филмер?

Такого потрясения я давно не испытывал. Только что я жил совсем в

другом мире: вот моя стремительная подача, мяч со свистом летит над сеткой; служитель церкви не успел опомниться, а я, гибко изогнувшись, уже вывожу мяч на центральную линию... Я с грохотом свалился с небес на землю. Пирожное выскользнуло из моих дрогнувших пальцев, шмякнулось на пол, и теткин спаниель Роберт немедленно его сожрал. Я снова услышал грозную поступь рока.

Филмер был не из тех, кто способен легкомысленно пренебречь чаем, вы, я думаю, и сами понимаете. Большой любитель поест, питающий особо нежную привязанность к вечернему чаю с горячей сдобой, он до сегодняшнего дня возглавлял наш общий забег к кормушке. Несомненно, только вражеские козни могли помешать достопочтенному, нагулявшему отменный аппетит, вовремя явиться в гостиную.

— Должно быть, он попал под дождь и укрылся где-нибудь в парке, — сказала тетя Агата. — Берти, ступай поищи мистера Филмера. И захвати для него плащ.

— Будет сделано! — сказал я. В эту минуту моим заветным желанием было отыскать достопочтенного. И я надеялся найти его не в виде холодного трупа.

Надев плащ и взяв второй под мышку, я дал полный вперед, но в холле наткнулся на Дживса.

— Дживс, — сказал я, — боюсь, что случилось худшее. Нет мистера Филмера.

— Да, сэр.

— Я должен обшарить весь парк и найти его.

— Вероятно, я смогу упростить вам задачу, сэр. Мистер Филмер находится на острове посреди озера.

— В такой дождь! Вот болван! Почему он не вернулся?

— У него нет лодки, сэр.

— А как он очутился на острове?

— Приплыл на лодке, сэр. Но мастер Томас отправился вслед за мистером Филмером и отвязал его лодку. Минуту назад мастер Томас посвятил меня в обстоятельства дела. Оказывается, капитан Флинт имел обыкновение высаживать своих врагов на необитаемые острова. Мастер Томас счел, что самое мудрое — последовать примеру капитана Флинта.

— Но, Боже мой, Дживс! Должно быть, мистер Филмер промок до нитки.

— Да, сэр. От мастера Томаса не укрылась эта сторона дела. Пришло время действовать.

— Дживс, пойдемте со мной!

— Слушаюсь, сэр.

Я ринулся к сараю, где стояли лодки.

Муж моей тетки Агаты, Спенсер Грегсон, не пренебрегающий игрой на фондовой бирже, недавно неплохо нажился на акциях компании «Каучук Суматры», и тетя Агата, выбирая себе поместье, за ценой не постояла и развернулась вовсю. Огромный холмистый парк простирается на несколько миль, пышные купы деревьев в изобилии снабжены воркующими голубями и прочей разноголосой птицей, сад утопает в розах; конюшни, надворные строения, флигели составляют довольно разухабистый ансамбль. Но главная примечательность поместья — озеро.

Оно раскинулось к востоку от дома, за розарием, и занимает несколько акров. Посреди озера остров. Посреди острова строение, именуемое Октагоном. На крыше этого самого Октагона, как раз посередине, точно фигура, украшающая фонтан, восседал достопочтенный А.Б. Филмер, и с него ручьями стекала вода. Мы поплыли к острову, я изо всех сил греб, а Дживс управлял штурвальным тросом, и вскоре услышали крики, которые по мере приближения становились все громче. Минуту спустя я увидел и самого достопочтенного Филмера, причем в этом ракурсе казалось, что он гнездится поверх кустов. По-моему, даже если ты член Кабинета министров, у тебя должно хватить мозгов спрятаться под деревом, а не торчать, как пень, на открытом месте.

— Дживс, возьмите чуть правее.

— Слушаюсь, сэр.

Я проворно причалил.

— Подождите меня здесь, Дживс.

— Хорошо, сэр. Старший садовник сегодня утром мне сообщил, сэр, что недавно на этом острове лебедь свил гнездо.

— Дживс, сейчас не время совершать экскурсии в естественную историю, — с легким неодобрением сказал я, ибо дождь все усиливался, и брюки у меня сильно намокли.

— Как вам будет угодно, сэр.

Я стал продираться сквозь кусты. Путь оказался нелегкий, и на первых же ярдах я понял, что обеднел ровно на восемь фунтов и одиннадцать пенсов — столько стоили мои теннисные туфли на рифленой подошве, но я не сдался и вскоре выбрался на расчищенную площадку перед Октагоном.

Упомянутое сооружение было воздвигнуто в конце прошлого века и предназначалось, как мне говорили, для дедушки прежнего владельца поместья, дабы старичок мог предаваться игре на скрипке в тихом и удаленном от дома месте. Я достаточно знаю о скрипачах и могу себе

представить, сколь душераздирающие звуки производил здесь в свое время старый джентльмен, но, уверен, они показались бы райской музыкой в сравнении с теми воплями, которые доносились сейчас с крыши Октагона. Достопочтенный Филмер не заметил прибытия спасательной экспедиции и надрывался изо всех сил, стараясь, чтобы его услышали в доме, отделенном от острова водными просторами; могу вас заверить, что у достопочтенного был реальный шанс добиться успеха. Он обладал дискантом редкой пронзительности, мне казалось, что над головой с визгом проносятся пули.

Самое время, подумал я, послать ему добрую весть, что помощь подоспела, а то сорвет голос.

— Эй! — крикнул я, дождавшись короткой паузы. Достопочтенный высунул голову из-за карниза.

— Эй! — взвыл он, и завертел головой во все стороны, упорно не желая увидеть меня.

— Эй!

— Эй!

— Эй!

— Эй!

— Ах! — сказал он, наконец заметив меня.

— Порядок! — откликнулся я, чтобы заверить достопочтенного Филмера в моих добрых намерениях.

Честно говоря, нашу беседу трудно было назвать содержательной; возможно, вскоре она сделалась бы более плодотворной, но в тот самый миг, когда я готовился произнести нечто важное, послышался шипящий звук, будто рядом разворошили змеиное гнездо, и слева от меня из кустов внезапно вырвалось что-то огромное, белое и разъяренное. Я нутром понял — надо спасаться, и взмыл, как фазан; плохо соображая, что я делаю, я отчаянно карабкался по стене. В дюйме от моей левой лодыжки что-то сильно захлопало по стене, и тут все сомнения у меня исчезли — внизу мне делать нечего, остается только рваться «сквозь льды и снега во весь опор, знамя держа в руках с девизом загадочным "Эксцельсиор"». [\[59\]](#)

— Будьте осторожны! — заблеял сверху достопочтенный.

Мог бы и помолчать.

Тот, кто строил Октагон, вероятно, предвидел подобный ход событий. По всей высоте стены через правильные промежутки шли пазы, будто специально предназначенные для рук и ног, и вскоре я, припарковавшись на крыше рядом с достопочтенным, стал глядеть на гигантского лебедя в припадке злобы. Он топтался внизу, вытягивая шлангоподобную шею.

Меня так и подмывало схватить кусок кирпича и, хорошенько прицелившись, запустить в подлую птицу.

Я не стал противиться порыву, швырнул кирпич и не промахнулся.

Достопочтенный, как мне показалось, остался недоволен.

— Не дразните его! — сказал он.

— Он сам меня дразнит, — ответил я.

Лебедь вытянул еще футов восемь своей шлангообразной шеи и издал звук, с каким вырывается пар из лопнувшей трубы. Дождь продолжал лить с неослабевающей яростью, и я пожалел, что в смятении, которым сопровождалось мое карабканье по стене, я сразу же выронил плащ, предназначенный для достопочтенного узника. Хотел было предложить ему свой, но здравый смысл возобладал.

— И как это он вас не цапнул? — удивился я.

— Еще чуть-чуть, и цапнул бы, — отвечал он, бросая вниз взгляд, полный отвращения. — Пришлось удирать со всех ног.

Достопочтенный, надо отметить, был низенький, бочкообразный человечек. Казалось, его, будто какую-то жидкую субстанцию, все лили и лили в одежду, забыв сказать: «Хватит!». Забавно было бы посмотреть, как он тут демонстрировал чудеса ловкости, подумал я и невольно улыбнулся.

— Не вижу ничего смешного, — сказал достопочтенный, переводя взгляд, полный отвращения, с разъяренной птицы на меня.

— Прошу прощения.

— Птица могла меня изувечить.

— Хотите, я еще раз съезжу по ней кирпичом?

— И не вздумайте. Вы только ее разозлите.

— Ну и что? Ведь она, по-моему, с нашими чувствами не слишком считается.

Тут достопочтенный Филмер решил обсудить со мной другую сторону дела.

— Не могу понять, как могла уплыть моя лодка, я ведь накрепко ее привязал к ивовому пню.

— Совершенно загадочный случай.

— Подозреваю, что какой-то озорник нарочно ее отвязал.

— Ну что вы, вряд ли! Вы бы увидели.

— Дело в том, мистер Вустер, что за кустами ничего не видно. Кроме того, меня сегодня из-за жары одолевала сонливость и, сойдя на остров, я немного вздремнул.

Мне не хотелось, чтобы достопочтенный развивал эту тему, и я поспешил перевести разговор в другое русло.

— Довольно мокро, как вы считаете? — сказал я.

— Представьте, я успел это заметить, — отозвался почтенный противным ядовитым тоном. — Тем не менее благодарю за то, что привлекли мое внимание к этому обстоятельству.

Насколько я понял, тема погоды не слишком вдохновляла почтенного. Тогда я сделал попытку поговорить о птицах, населяющих близлежащие графства.

— Замечали ли вы, — начал я, — что брови у лебедя сходятся на переносице?

— Да уж, я на них вдоволь нагляделся. Представилась такая возможность.

— Из-за этого у них такой недружелюбный вид, верно?

— И нрав тоже. Знаю, на себе испытал.

— Странно, — сказал я, с воодушевлением развивая птичью тему, — что у лебедей семейная жизнь так дурно влияет на расположение духа.

— Послушайте, нельзя ли выбрать иной предмет для разговора? Дались вам эти лебеди!

— Да, но все-таки это очень интересно. В том смысле, что этот наш приятель там, внизу, наверняка в обычной жизни отличный парень, всеобщий любимец, знаете ли. Просто из-за того, что его драгоценная половина свила здесь гнездо...

Я запнулся. Вы вряд ли мне поверите, но до этой минуты я в суматохе и не вспомнил, что, пока мы сидим, загнанные на крышу, где-то на заднем плане бродит обладатель могучего разума, и если ему сообщить о нашей беде и призвать его сплотить ряды, он в пять минут найдет десяток способов нас выручить.

— Дживс! — заорал я.

— Сэр? — донесся издали почтительный голос.

— Мой слуга, — объяснил я почтенному. — У него феноменальные способности и невероятная находчивость. Он в минуту вызовет нас отсюда. Дживс!

— Сэр?

— Я сию минуту на крыше.

— Очень хорошо, сэр.

— Что же тут хорошего? Помогите нам. Мы с мистером Филмером в безвыходном положении.

— Очень хорошо, сэр.

— Хватит твердить «Очень хорошо, сэр». Не вижу ничего хорошего. Все вокруг кишит лебедями.

— Я немедленно приступлю к выполнению ваших указаний, сэр.

Я посмотрел на достопочтенного. Даже рискнул похлопать его по спине — будто по мокрой губке шлепнул.

— Порядок, — сказал я. — Сейчас придет Дживс.

— Какой от него толк?

Я слегка нахмурился. Достопочтенный говорил брюзгливым тоном, и это мне не понравилось.

— Поймете, когда увидите его в действии, — ответил я довольно холодно. — Он может выбрать любую стратегию. Но в одном вы должны быть совершенно уверены — Дживс найдет выход. Вот он уже идет, крадется сквозь подлесок, лицо его светится умом. Нет предела его интеллектуальным возможностям. Он питается одной рыбой.

Я наклонился и заглянул вниз.

— Дживс, следите за лебедем.

— Я держу птицу под неусыпным наблюдением, сэр. Лебедь снова отмотал изрядный отрезок шеи и вытянул ее в нашу сторону, но тотчас же обернулся. Голос с тыла привел его в замешательство. Он подверг Дживса быстрому внимательному осмотру, потом вдохнул воздух, угрожающе зашипел, подпрыгнул и ринулся вперед.

— Берегитесь, Дживс!

— Слушаюсь, сэр.

Я заранее мог бы сказать этому лебедю, что ничего у него не выйдет. Среди своих братьев он, возможно, числился интеллектуалом, но тягаться с Дживсом — куда там! Лучше бы ему сразу убраться подобра-поздорову.

Каждому молодому человеку, начинающему самостоятельную жизнь, следует знать, как справиться с разъяренным лебедем, поэтому я вкратце изложу соответствующую процедуру. Сначала надо подобрать оброненный кем-то плащ, потом, точно рассчитав расстояние, набросить плащ птице на голову; после этого вы подсовываете под птицу багор, который предусмотрительно захватили с собой, и поднимаете. Лебедь оказывается в кустах и изо всех сил старается освободиться, а вы не спеша возвращаетесь к лодке, прихватив ваших друзей, которые в эту минуту, возможно, сидели на крышах где-то поблизости. Именно такой метод применил Дживс, и, по-моему, усовершенствованию он не подлежит.

Достопочтенный развил невероятную скорость, никогда бы не подумал, что он на такое способен. Не прошло и минуты, как мы сидели в лодке.

— Вы действовали весьма толково, любезный, — обратился

достопочтенный к Дживсу, когда мы отошли от берега.

— Я стараюсь быть полезным, сэр.

Видимо, достопочтенный сказал все, что имел сказать на данную минуту. Он съежился и погрузился в размышления. Казалось, совсем ушел в себя. Даже когда у меня сорвалось весло и я вылил, наверное, пинту воды ему за ворот, он и ухом не повел.

И только когда мы причалили к берегу, он снова вернулся к жизни.

— Мистер Вустер.

— Да?

— Я обдумывал обстоятельство, о котором уже вам сообщал ранее — каким образом могла отвязаться лодка, на которой я приплыл на остров.

Мне это не понравилось.

— Загадка да и только, — сказал я. — Не стоит ломать голову. Все равно не разгадать.

— Ничего подобного. Я пришел к выводу, который мне кажется единственно правдоподобным. Я убежден, что лодку угнал Томас, сын хозяйки дома.

— Нет-нет, не думаю. Да и зачем?

— У него на меня зуб. И вообще совершить подобный поступок может или ребенок, или слабоумный.

Достопочтенный направился к дому, а я в ужасе уставился на Дживса. Да, именно в ужасе.

— Дживс, вы слышали?

— Да, сэр.

— Что делать?

— Возможно, мистер Филмер, еще раз хорошенько подумав, придет к выводу, что его подозрения не имеют под собой почвы.

— Но ведь они имеют под собой почву.

— Да, сэр.

— Что же делать?

— Не знаю, сэр.

Я проворно направился к дому и доложил тете Агате, что с достопочтенным Филмером полный порядок, потом пошел наверх принять горячую ванну, так как в ходе спасательной экспедиции промок насквозь от носа до кия. Я наслаждался благодатным теплом, как вдруг раздался стук в дверь.

Вошел Пурвис, дворецкий тети Агаты.

— Миссис Грегсон приказала передать вам, сэр, что она желает вас видеть как можно скорее.

— Но она только что меня видела.

— Насколько я понял, она снова желает вас видеть, сэр.

— Ладно.

Я еще немного полежал в воде, потом вытерся и направился к себе в комнату, где застал Дживса, раскладывающего нижнее белье.

— Дживс, я тут подумал, надо бы дать мистеру Филмеру хинина или еще чего-нибудь. Проявить милосердие, как вы думаете?

— Я уже все сделал, сэр.

— Отлично. Не могу сказать, что испытываю к нему большую симпатию, но не хочу, чтоб он схватил простуду. — Я натянул носок. — Дживс, вы, наверное, понимаете, что нам с вами следует немедленно кое-что обдумать. В смысле, обдумать наше положение. Мистер Филмер подозревает юного Тоса в том, что тот на самом деле и совершил, и если достопочтенный сообщит о своих подозрениях тете Агате, она наверняка уволит мистера Литтла, и миссис Литтл все узнает. Какова будет развязка? Сейчас я вам объясню. Миссис Литтл получит веские улики против мистера Литтла, и хоть я и холостяк, но могу утверждать, что ради сохранения тактики взаимных уступок и компромиссов или того равновесия, на котором зиждется семейная жизнь, ни одна женщина не должна иметь улик против мужа. Женщины пускают в ход такие улики. Они ничего не забывают и не прощают.

— Совершенно справедливо, сэр.

— Ну так как нам быть?

— Я уже уладил это дело, сэр.

— Уладили?

— Да, сэр. Едва мы с вами расстались, как решение созрело у меня в уме. Случайное замечание, брошенное мистером Филмером, натолкнуло меня на мысль.

— Дживс, вы необыкновенный человек.

— Благодарю вас, сэр.

— Какое же решение вы нашли?

— Мне пришла мысль пойти к мистеру Филмеру и сказать, что это вы угнали лодку, сэр.

У меня в глазах помутилось, я лихорадочно вцепился в носок, который в этот момент натягивал на ногу.

— Что-что?

— Вначале мистер Филмер не был склонен верить моим словам. Но я указал ему на одно существенное обстоятельство: вы несомненно знали, что он находится на острове. Этот факт весьма многозначителен, с чем

мистер Филмер не мог не согласиться. Далее я ему напомнил, что вы легкомысленный молодой человек, сэр, который вполне мог сыграть с ним такую шутку. Мне удалось до конца убедить мистера Филмера в моей правоте, и теперь нет ни малейшей опасности, что он обвинит в содеянном мастера Томаса.

Я ошеломленно уставился на злодея.

— И вы считаете, что ловко все устроили? — сказал я.

— Да, сэр. Мистер Литтл не будет уволен, как вы того желали.

— А как же я?

— Вы тоже выиграете, сэр.

— Каким же это образом?

— Сейчас объясню, сэр. Я выяснил, с какой целью миссис Грегсон вас сюда пригласила. Она желала познакомить вас с мистером Филмером в надежде, что он предложит вам стать его личным секретарем.

— Что?!

— Да, сэр. Дворецкий Пурвис случайно слышал, как миссис Грегсон обсуждала этот вопрос с мистером Филмером.

— Стать секретарем этой жирной зануды! Дживс, я бы этого не пережил.

— Да, сэр. Я понимаю, что вы никогда бы на это не согласились. Вряд ли вы с мистером Филмером подходите друг другу. Однако, если бы миссис Грегсон добилась для вас этого места, вам было бы неловко отказаться.

— Попробовал бы я отказаться!

— Именно, сэр.

— Но, Дживс, по-моему, кое-что вы упустили из виду. Как мне слинять отсюда?

— Сэр?

— Тетя Агата только что передала через Пурвиса, что желает меня видеть. Скорее всего, в эту минуту она точит топор войны.

— Вероятно, самое благоразумное — не встречаться с ней, сэр.

— Но как избежать встречи?

— Непосредственно рядом с этим окном, сэр, имеется отличная, прочная водосточная труба. Через двадцать минут я мог бы подать к воротам ваш спортивный автомобиль, сэр.

Я поднял на Дживса благоговейный взгляд.

— Дживс, — сказал я, — вы, как всегда, правы. А не могли бы вы подать автомобиль через пять минут?

— Скажем, через десять, сэр.

— Идет. Приготовьте дорожный костюм, в остальном положитесь на меня. Где та водосточная труба, о которой вы так благосклонно отзывались?

СТАРИНА СИППИ И ЕГО КОМПЛЕКС НЕПОЛНОЦЕННОСТИ

Я смерил его холодным взглядом. Недоумение и досада владели мною.

— Дживс, ни слова больше, — проговорил я. — Вы зашли слишком далеко. Шляпы — да. Носки — да. Пальто, брюки, рубашки, галстуки, гетры — безусловно. Что касается этих предметов, я целиком полагаюсь на ваше суждение. Но когда речь идет о вазах — никогда!

— Очень хорошо, сэр.

— Вы заявляете, что эта ваза не гармонирует с обстановкой комнаты. Я решительно отвергаю *in toto*^[60] ваше утверждение, что бы оно, по-вашему, ни означало. Мне ваза нравится. Я нахожу, что она живописная, броская да и стоит всего пятнадцать шиллингов.

— Очень хорошо, сэр.

— То-то же. Если кто-нибудь позвонит, то в ближайший час я буду у мистера Сипперли в редакции «Мейферского бюллетеня».

Я удалился, храня на лице выражение сдержанного высокомерия, ибо был недоволен своим дворецким. Прогуливаясь по Стрэнду вчера после обеда, я забрел в одну из тех лавчонок, где продавцы, завывая, как сирены в тумане, продают с аукциона всякую всячину. До сих пор не представляю толком, как это произошло, но я стал обладателем большой китайской вазы, украшенной малиновыми драконами. Наряду с драконами присутствовали птицы, собаки, змеи и зверь, похожий на леопарда. Этот зверинец теперь обосновался на консоли над дверью моей гостиной.

Ваза мне нравилась. Она была такая яркая и веселая. Она привлекала взгляд. Вот почему, когда Дживс, слегка поморщившись, начал выступать, хоть никто его об этом не просил, как заправский искусствовед, я дал ему отпор. Подумай я хорошенько, я бы ему сказал: *Ne sutor ultra*.^[61] В том смысле, что чего ждать от камердинера, подвергающего вазы искусствоведческому анализу? Разве в его компетенции критиковать фарфор, который приобретает хозяин? Нет, нет и еще раз нет, так я ему и сказал.

В редакцию «Мейферского бюллетеня» я пришел, так и не избавившись от дурного настроения. Для меня было бы большим

облегчением излить душу старине Сиппи, ведь друг безусловно все поймет и посочувствует мне. Рассыльный провел меня во внутреннюю комнатенку, где мой друг справлял свои редакторские обязанности. Бедняга Сиппи был по уши завален работой, и у меня просто духу не хватило плакаться ему в жилетку.

Насколько я понимаю, человек, поработав какое-то время в редакции, сгибается под бременем забот. Полгода назад Сиппи был весел и жизнерадостен, палец покажи, и он от хохота покатится. Он тогда служил, что называется, внештатно — здесь тиснет рассказик, там стишки, и жил себе припеваючи. А с тех пор, как он стал редактором этой газетенки, я его просто не узнаю.

Сегодня он, видно, совсем заредактировался, так что временно отложив свои заботы, я постарался его ободрить и принялся расписывать, как мне понравился их последний выпуск. На самом-то деле я его, конечно, не читал, но мы, Вустеры, готовы идти на любые ухищрения, если надо поддержать друга.

Лекарство подействовало. Сиппи оживился.

— Тебе правда понравилось?

— Экстра-класс, старина.

— Каков материален, а?

— Блеск!

— Как тебе это стихотворение — «Одиночество»?

— Потрясающе.

— Настоящий шедевр.

— Не то слово! Кто автор?

— Там же указано, — сдержанно проговорил Сиппи.

— У меня плохая память на имена.

— Его написала мисс Гвендолен Мун. Берти, ты знаком с мисс Мун?

— По-моему, нет. Приятная девушка?

— Боже мой! — вскричал Сиппи.

Я внимательно в него взгляделся. Если вы спросите мою тетушку Агату, она вам скажет — она, впрочем, скажет, даже если вы ее и не спросите, — что я тупой и бесчувственный, как пень. Примитивный, как амеба, — так тетя Агата однажды обо мне отозвалась, и не могу сказать, что в общем, широком смысле она так уж неправа. Однако существует одна область, в которой я детектив, не уступающий Хокшоу.^[62] Могу распознать любовное томление быстрее, чем кто-либо другой в Лондоне. За последние годы так много моих друзей подхватили эту болезнь, что я ее в туманный день за милю различу. Сиппи сидел, откинувшись на спинку

стула, и с отсутствующим видом жевал ластик. Я мгновенно поставил диагноз.

— Ну, дружище, выкладывай.

— Берти, я ее люблю.

— Ты ей признался?

— Что ты! Как можно?

— А почему бы нет? Вверни в разговор, как бы между прочим.

Сиппи глухо застонал.

— Берти, приходилось ли тебе чувствовать, что ты — жалкий червь?

— А как же! С Дживсом — сплошь и рядом. Но сегодня он зашел слишком далеко. Веришь ли, дерзнул подвергнуть критике вазу, которую...

— Она настолько выше меня.

— Высокая девица?

— Духовно выше. Возвышенная душа. А кто я? Заурядное, приземленное существо.

— Ты на этом настаиваешь?

— Конечно. Разве ты забыл, как год назад в ночь после Гребных гонок я схлопотал тридцать суток без права замены штрафом за то, что заехал кулаком поддых полисмену?

— Но ты же был в стельку пьян.

— Вот именно. Какое право имеет пьяница и закоренелый преступник домогаться благосклонности богини!

Сердце у меня кровью обливалось от жалости к старине Сиппи.

— По-моему, ты немного преувеличиваешь, дружище, — сказал я. — В ночь после регаты каждый человек, получивший благородное воспитание, непременно бывает вдрызг пьян, и лучшие из нас почти всегда не ладят с полицией.

Он помотал головой.

— Бесполезно, Берти. У тебя добрые намерения, но тут слова бессильны. Нет, я могу только издали ей поклоняться. В ее присутствии я немею. Язык прилипает к гортани. Я не мог бы даже собраться с духом и предложить ей... Войдите! — крикнул Сиппи.

Как раз когда он начал свою проникновенную речь, кто-то постучал в дверь. Не столько, впрочем, постучал, сколько ударил или даже пнул. В комнату вошел высокий, внушительного вида субъект, с пронзительным взглядом и римским носом. Властный тип — пожалуй, такая характеристика больше всего к нему подходила. Мне не понравился его воротничок, а Дживс наверняка нашел бы что сказать по поводу его брюк, и все-таки вид у него был властный. От него веяло неодолимой силой. Он

был похож на регулировщика уличного движения.

— А-а, Сипперли! — сказал он.

Старина Сиппи пришел в страшное волнение. Вскочил со стула и стал навтыяжку с выпученными глазами.

— Садитесь, Сипперли, — сказал субъект. Меня он вниманием не удостоил. Всего лишь бросил острый взгляд, чуть повел носом в мою сторону и навсегда вычеркнул Бертрама из своей жизни. — Принес вам еще один — ха! — небольшой подарок. Посмотрите на досуге, мой друг.

— Да, сэр, — сказал Сиппи.

— Думаю, вам понравится. И вот еще что, Сипперли, — буду рад, если подберете шрифт покрупнее и разместите на более видном месте, чем мой предыдущий опус «Старинные архитектурные памятники Тосканы». Я понимаю, что в еженедельной газете всегда не хватает места, но кому понравится, что его произведение засовывают в дальний угол, среди реклам увеселительных заведений и портных. — Он замолк, и глаза у него угрожающе сверкнули. — Вы учтете мою просьбу, Сипперли?

— Да, сэр, — сказал Сиппи.

— Весьма обязан, мой друг, — сказал субъект. Тон у него снова стал добродушный. — Надеюсь, вы меня извините. Меньше всего мне хотелось бы вмешиваться в — ха! — редакторские дела, но... Впрочем, прощайте, Сипперли. Завтра в три зайду узнать о вашем решении.

Он ретировался, оставив в пространстве зияющую брешь размером десять на шесть футов. Когда пространство сомкнулось, я откинулся на спинку стула и спросил:

— Что это было?

Я испугался: мне показалось, что старина Сиппи потерял рассудок. Он воздел руки, вцепился себе в волосы и начал их рвать, потом злобно пнул стол и упал в кресло.

— Будь он проклят! — сказал Сиппи. — Чтобы ему поскользнуться на банановой кожуре по дороге в церковь и порвать связки на обеих лодыжках!

— Кто он?

— Пусть его поразит хрипота, чтобы он не смог произнести напутственную речь по случаю окончания семестра!

— Да, но кто же он?

— Директор школы, — сказал Сиппи.

— Но, дружище...

— Директор школы, в которой я учился. — Сиппи уставился на меня безумным взглядом. — Боже мой! Берти, ты понимаешь, в какой я западне?

— Честно говоря, нет.

Сиппи вскочил со стула и забегал по комнате.

— Что ты чувствуешь, когда встречаешься с директором твоей школы? — спросил он.

— Я с ним не встречаюсь. Он умер.

— Ладно, тогда скажу, что чувствую я. Мне кажется, будто я снова в Лоуэр Форт и классный руководитель за какую-то провинность отправил меня к директору. Берти, так однажды и было, и я помню все, как сейчас. Вот я стучу в дверь кабинета и слышу рык старика Уотербери: «Входите!». Подобный рык, наверное, слышали ранние христиане, когда их бросали в клетку льва. «Входите!». И я вхожу, еле волоча ноги. Он смотрит на меня и что-то говорит, проходит целая вечность... А потом я наклоняюсь и получаю шесть смачных ударов тростью, которая жалит, как гадюка. И теперь, когда он приходит в редакцию, во мне оживают прежние чувства, и я, будто четырнадцатилетний мальчишка, лепечу: «Да, сэр», «Нет, сэр».

Теперь мне стало более или менее ясно, в чем дело. Такие артистические натуры, как Сиппи, которые ударились в сочинительство, отличаются особой чувствительностью и ни с того, ни с сего впадают в истерику.

— Он все время сюда таскается, и карманы у него набиты статейками вроде «Школы при старых монастырях», «Некоторые малоизученные взгляды Тацита» и прочей дрянью. И у меня не хватает духу ему отказать. А ведь считается, что наш еженедельник призван развлекать светскую публику.

— Сиппи, ты должен проявить твердость. Да, дружище, именно твердость.

— Не могу! При виде его я чувствую себя изжеванной промокашкой. Когда он буравит меня взглядом, я совершенно теряю присутствие духа и снова становлюсь школьником. Берти, я не могу избавиться от этого комплекса. Знаешь, чем в конце концов все кончится? Владелец еженедельника заметит какой-нибудь шедевр Уотербери, решит — кстати, совершенно справедливо, — что я рехнулся, и выставит меня вон.

Я задумался. Положение было не из легких.

— А что если?.. — начал я.

— Бесполезно, — сказал Сиппи.

— Есть у меня одна мыслишка...

— Дживс, — сказал я, вернувшись домой, — пораскиньте мозгами!

— Сэр?

— Отточите свой интеллект. Трудный случай, вам придется показать

все, на что вы способны. Приходилось ли вам слышать о мисс Гвендолен Мун?

— Да, сэр. Перу мисс Мун принадлежат «Осенние листья», «Это было в июне» и другие произведения.

— С ума сойти, Дживс, вы знаете все на свете.

— Благодарю вас, сэр.

— Так вот, мистер Сипперли влюбился в мисс Мун.

— Да, сэр.

— Но не смеет ей признаться.

— Довольно распространенный случай, сэр.

— Считает, что недостойн ее.

— Именно, сэр.

— Да, но это еще не все. Возьмите на заметку то, о чем я вам рассказал, Дживс, и слушайте остальное. Мистер Сипперли, как вам известно, редактор еженедельной газеты, призванной развлекать светскую публику. А директор школы, где обучался мистер Сипперли, повадился приходить в редакцию и заваливать ее всяким вздором, совершенно не подходящим для развлечения светской публики. Вам все ясно?

— Совершенно ясно, сэр.

— И этот вздор мистер Сипперли вынужден публиковать вопреки собственному желанию только потому, что у него не хватает духу послать этого типа ко всем чертям. Беда в том, Дживс, что у него это самое... чем часто страдают люди такого склада, как мистер Сипперли... вертится на языке...

— Комплекс неполноценности, сэр?

— Вот-вот. Комплекс неполноценности. У меня у самого он тоже разыгрывается, когда я общаюсь с тетушкой Агатой. Вы меня знаете, Дживс. Знаете, что если потребуются добровольцы, чтобы укомплектовать спасательную шлюпку, я первый туда брошусь. Скажи мне: «Берти, не спускайся в угольную шахту», я и ухом не поведу...

— Вне всяких сомнений, сэр.

— Однако... Дживс, я хочу, чтобы вы очень внимательно следили за ходом моей мысли, — когда я узнаю, что тетя Агата вырыла топор войны и идет на меня, я убегаю, как заяц. Почему? А потому, что она будит во мне комплекс неполноценности. То же самое происходит и с мистером Сипперли. Если надо, он, не дрогнув, примет на себя смертоносный удар; но он не в состоянии сделать мисс Мун предложение, он не может дать кулаком поддых мистеру Уотербери и послать его подальше вместе с его опусами, ему мешает комплекс неполноценности. Итак, Дживс, что вы на

это скажете?

— Боюсь, я не сумею экспромтом предложить надежный план действий, сэр.

— Нужно подумать?

— Да, сэр.

— Думайте, Дживс, думайте. Утро вечера мудренее. Как там у Шекспира сказано о сне?

— «Целитель сладостный природы утомленной»,^[63] сэр.

— Вот-вот. Именно то, что вам нужно.

Нет ничего лучше, знаете ли, как отложить решение трудной задачи до утра. Едва пробудившись, я обнаружил, что пока спал, у меня в голове воцарился полный порядок и сам собой созрел план, который не посрамил бы самого Фоша.^[64] Я позвонил, чтобы Дживс принес мне чаю. Еще раз позвонил, но прошло не меньше пяти минут, прежде чем он вплыл в спальню с подносом.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он в ответ на мой упрек. — Я не слышал звонка. Я был в гостиной, сэр.

— Да? — сказал я, отхлебывая глоток чаю. — Наводили порядок?

— Я стирал пыль с новой вазы, сэр.

У меня на душе потеплело. К кому я привязан всем сердцем, так к этому доброму малому, у которого всегда достаёт смирения признать свои ошибки. Разумеется, никаких патетических слов не сорвется с его губ, но мы, Вустеры, умеем читать между строк, и я понял, что ваза начинает ему нравиться.

— Как она смотрится?

— Да, сэр.

Немного загадочный ответ, но я не стал углубляться.

— Дживс, — сказал я.

— Сэр?

— Я о том деле, которое мы вчера обсуждали.

— О деле, касающемся мистера Сипперли, сэр?

— Именно. Можете больше о нем не тревожиться. Приостановите работу интеллекта. Ваша помощь в этом деле не потребуется. Я нашел решение. Меня как будто озарило.

— В самом деле, сэр?

— Именно озарило. В делах такого рода, Дживс, всегда следует начинать с изучения... э-э... что я хотел сказать?

— Затрудняюсь ответить, сэр.

— Это самое... э-э... такое в общем-то банальное слово, хоть и латинское, на языке вертится...

— Может быть, с изучения психологии личности, сэр?

— Вот именно. Психология — это ведь имя существительное, да?

— Да, сэр.

— А звучит, как имя собственное. Итак, Дживс, вникнем в психологию старины Сиппи. Мистер Сипперли находится в положении человека, у которого пелена еще не спала с глаз. Передо мной стояла задача разработать некий план, чтобы заставить эту пелену пасть. Вы меня понимаете?

— Не совсем, сэр.

— Послушайте, я вот о чем. В настоящее время этот бывший директор Уотербери совершенно подавляет мистера Сипперли тем, что держится с необыкновенным достоинством, надеюсь, вы представляете. Но теперь мистер Сипперли уже не тот мальчик, каким он был несколько лет назад. Теперь он каждый день бреется, в редакции он важная птица, но он не может забыть, как когда-то Уотербери влепил ему по мягкому месту шесть смачных ударов. И вот результат — комплекс неполноценности. Единственный способ избавиться от этого комплекса — устроить так, чтобы мистер Сипперли увидел Уотербери в самом унижительном положении. Тогда пелена спадет у него с глаз. Вы должны это понять, Дживс. Возьмем, например, вас. У вас есть, конечно, друзья и родственники, которые с восхищением на вас смотрят и испытывают к вам большое уважение. Но, допустим, в один прекрасный вечер они видят, как вы, скажем, на Пиккадилли, в состоянии сильного подпития отплясываете чарльстон в нижнем белье.

— Вероятность подобного развития событий ничтожно мала, сэр.

— Неважно, допустим, нечто подобное произошло. Тогда пелена спадет с их глаз, так ведь?

— Возможно, сэр.

— Возьмем другой случай. Помните, как примерно год назад тетушка Агата обвинила горничную французского отеля в краже жемчуга, а потом обнаружила его у себя в комодке?

— Да, сэр.

— Помните, как глупо она выглядела? Вы не можете этого отрицать.

— Разумеется, сэр, я привык видеть миссис Спенсер Грегсон в более выгодном свете, чем в тот момент.

— Именно. Следите за ходом моей мысли, как хищник за своей

жертвой. Я видел тетю Агату в минуту ее падения, видел, как она побагровела, как усатый хозяин отеля отчитывал ее на мелодичном французском языке, а ей возразить было нечего, она только и могла что глазами хлопать. Тут я почувствовал, что у меня пелена спала с глаз. Впервые в жизни, Дживс, благоговейный страх, который эта женщина с детства мне внушала, бесследно исчез. Правда, потом он вернулся. Но в тот момент я увидел тетю Агату такой, какая она есть на самом деле. Я-то всегда считал, что она людоедка и при одном упоминании ее имени самый храбрый мужчина начинает дрожать, как осиновый лист, а тут вижу глупую гусыню, которая допустила ужасную бестактность. Тогда, Дживс, я бы мог ей высказать все, что о ней думаю. И только рыцарское отношение к дамскому полу удержало меня от этого шага. Я ведь не погрешил против истины?

— Нет, сэр.

— Ну так вот, мое твердое убеждение — пелена спадет с глаз мистера Сипперли, если он увидит, как этот Уотербери притащится в редакцию, обсыпанный с головы до ног мукой.

— Мукой, сэр?

— Мукой, Дживс.

— Но почему он должен следовать столь необычной манере поведения, сэр?

— А у него не будет выбора. Сверху над дверью я поставлю пакет с мукой, дальнейшее произойдет под действием закона тяготения. Я собираюсь устроить этому Уотербери ловушку.

— Право, сэр, я не могу поддержать... Я поднял руку.

— Помолчите, Дживс. Это еще не все. Вы помните, что мистер Сипперли влюблен в мисс Гвендолен Мун, но робеет признаться. Спорю, вы об этом забыли.

— Нет, сэр.

— Прекрасно. Так вот, я уверен, как только мистер Сипперли избавится от благоговейного трепета перед Уотербери, он так взбодрится духом, что ему будет море по колено. Он со всех ног помчится прямо к мисс Мун и бросит свое сердце к ее ногам.

— Да, сэр, но...

— Дживс, — сказал я строго, — стоит мне предложить план, или схему, или программу действий, вы тотчас же произносите противным голосом: «Да, сэр, но...» Мне это не нравится, и вам следует избавиться от этой привычки. План, или схема, или программа действий, которую я начертал, не имеет изъянов. А если они есть, буду рад услышать, какие

именно.

— Да, сэр, но...

— Дживс!

— Прошу прощения, сэр. Я только хотел заметить, что, как мне представляется, вы подходите к решению проблем мистера Сипперли не в том порядке.

— Как это «не в том порядке»?

— Видите ли, мне кажется, сэр, нужный результат скорее может быть достигнут, если вначале побудить мистера Сипперли сделать предложение мисс Мун. В случае, если молодая леди ответит согласием, мистер Сипперли, думаю, придет в такое приподнятое состояние, что ему не составит труда отстоять свои права в отношениях с мистером Уотербери.

— А, вот вы и загнали себя в угол! Каким образом вам удастся побудить мистера Сипперли объясниться с мисс Мун?

— Мне пришло в голову, сэр, что поскольку мисс Мун поэтесса, натура романтическая, вероятно, на нее произведет впечатление известие о том, что мистер Сипперли получил тяжелую травму и в беспамятстве все время повторяет ее имя.

— Срывающимся голосом?

— Именно, сэр, как вы тонко заметили, срывающимся голосом.

Я сел в постели и с укоризненным видом помахал перед Дживсом чайной ложечкой.

— Дживс, — сказал я, — я последний, кто обвинил бы вас в том, что вы изменили себе, но все это на вас так не похоже. Дживс, вы потеряли форму. Вы утратили прежнюю хватку. Возможно, пройдут годы, прежде чем мистера Сипперли угораздит получить тяжелую травму.

— Это обстоятельство следует принять во внимание, сэр.

— Не верю своим ушам! И это вы, Дживс, вы предлагаете смиренно приостановить всякую деятельность, может быть, на годы в расчете на то, что когда-нибудь мистер Сипперли попадет под грузовик. Нет! Мы будем следовать той программе, которую наметил я. Прошу вас сразу после завтрака пойти и купить полтора фунта муки самого лучшего качества. Остальное я беру на себя.

— Слушаюсь, сэр.

Каждый полководец знает, что, приступая к боевым действиям, прежде всего следует детально изучить топографию местности, где будут разворачиваться события. Что ожидает вас в противном случае? Вспомните Наполеона, вспомните дорогу на Ватерлоо. Какая ослиная тупость!

Топографию Сиппиной редакции я знал назубок. Однако ее план рисовать не буду, ибо опыт мне подсказывает, что как только вы доходите до того места в детективном романе, где автор приводит план поместья с комнатой, в которой найден труп, с лестницами, ведущими в коридор, и со всякими прочими подробностями, вы эту страницу пропускаете. Лучше я все объясню в нескольких словах.

Редакция «Мейферского бюллетеня» находилась во втором этаже старого замшелого здания неподалеку от Ковент Гарден. Если войти в парадную дверь, прямо перед вами окажется коридор, ведущий в помещение компании «Братья Беллами», торгующей семенами, овощами и фруктами. Идите мимо «Братьев Беллами», поднимитесь по лестнице и перед вами окажутся две двери. Одна из них, с табличкой «Посторонним вход воспрещен», ведет в святая святых, где обитает Сиппи. Другая, с табличкой «Справочная», открывается в комнатенку, где сидит мальчишка-рассыльный и, посасывая мятные лепешки, читает приключения Тарзана. В этой комнатке есть еще одна дверь, ведущая в кабинет Сиппи. Все предельно просто.

Именно над дверью с табличкой «Справочная» я предполагал пристроить пакет с мукой.

Заметьте, устройство ловушки для такой уважаемой персоны, как директор школы (пусть даже не столь престижной, как ваша) — дело, к которому ни в коем случае не следует подходить легкомысленно, напротив, оно требует самой тщательной подготовки. Никогда еще я не уделял столько внимания выбору блюд за обедом, как в тот день. Роскошной трапезе предшествовали два сухих мартини, в заключение заказано полбутылки прекрасного легкого шампанского, за ним последовала рюмка коньяку. Теперь подайте мне хоть самого епископа, я в два счета устрою ему ловушку.

Отделаться от мальчишки-рассыльного — вот единственная трудность в разработанном мною плане. Естественно, кому нужен свидетель, когда вы устанавливаете над дверью пакет с мукой. К счастью, к любому человеку можно найти подход, и я, наврав мальчишке, что кто-то из его родных заболел, отправил его домой, в Криклвуд. А сам влез на стул и принялся за дело.

Хоть я много лет не брался за такую работу, но, как выяснилось, прежней сноровки не утратил. Уравновесив пакет с мукой, так что легкое прикосновение к двери приводило в действие всю систему, я спрыгнул со стула, прошмыгнул через кабинет Сиппи и вышел на улицу. Сиппи пока еще не появился, что было мне на руку, но насколько я знал, обычно без

пяти три он уже на месте. Я расхаживал по улице около здания редакции; вскоре из-за угла показался Уотербери. Он вошел в парадную дверь, а я отправился на прогулку. В мои планы не входило быть поблизости от того места, где вскоре начнут развиваться события.

По моим расчетам, с поправкой на погоду, ветер и прочее, пелена должна была спастись с глаз Сиппи примерно в четверть четвертого по Гринвичу. Итак, побродив минут двадцать по Ковент Гарден среди прилавков с картошкой и капустой, я вернулся к дому, поднялся наверх и вошел в дверь с табличкой «Посторонним вход воспрещен», ожидая увидеть старину Сиппи. Представляете себе мое изумление и разочарование? За столом Сиппи сидел Уотербери и читал газету с таким видом, будто это был его личный кабинет.

Более того, на нем не было и намека на муку.

— Вот черт! — сказал я.

Да, это был мой Ватерлоо. Но, пропади все пропадом, мог ли я ожидать, что этот нахал, хоть он и директор школы, не моргнув глазом ввалится прямо в личный кабинет Сиппи, вместо того, чтобы, как принято у порядочных людей, войти через дверь, предназначенную для посетителей?

Он нацелил на меня свой нос.

— Да?

— Я зашел к старине Сиппи.

— Мистер Сипперли еще не прибыл.

Он говорил раздраженно, как человек, который не привык ждать.

— Как жизнь? — спросил я, желая разрядить обстановку. Он снова уткнулся в газету. Потом вопросительно взглянул на меня, будто давая понять, что я здесь лишний.

— Извините?

— Нет-нет, ничего.

— Вы что-то сказали?

— Только спросил «Как жизнь?», знаете ли.

— При чем тут жизнь?

— Так, вообще.

— Я вас не понимаю.

— Не берите в голову, — сказал я.

Какой тяжелый труд поддерживать светский разговор с этим типом, подумал я. На редкость необщительный субъект.

— Хорошая погода, — сказал я.

— Хорошая.

— Но, говорят, посевам необходим дождь.

Он снова уткнулся в газету и был ужасно недоволен, что приходится отвлекаться на разговор со мной.

— Кому?

— Посевам.

— Посевам?

— Посевам.

— Каким посевам?

— Ну просто посевам. Он отложил газету.

— Кажется, вы желаете сообщить мне какие-то сведения о посевах. Я вас слушаю.

— Говорят, им необходим дождь.

— В самом деле?

На этом наша беседа закончилась. Он снова погрузился в чтение, а я сел и принялся сосать набалдашник трости. Время тянулось медленно.

Может, часа через два, а может, через пять минут, в коридоре послышались странные звуки, будто там воет собака. Уотербери встрепнулся. Я тоже встрепнулся.

Вой приближался. Дверь распахнулась, и в кабинет ввалился Сиппи. Он пел.

— «Я вас люблю, вот все, что я могу сказать. Я вас люблю, лю-у-ублю ва-а-ас...»

Наконец, он смолк. По-моему, давно бы пора.

— А, привет! — сказал он.

Я был поражен. Когда я в последний раз видел старину Сиппи, он выглядел, если вы помните, просто ужасно. Лицо осунувшееся, измученное. Под глазами круги. Все признаки крайнего истощения. А сейчас, спустя каких-нибудь двадцать четыре часа, он весь сиял. Глаза сверкали. На губах счастливая улыбка. Как будто он каждое утро перед завтраком пропускает рюмочку горячительного.

— Привет, Бerti! — сказал он. — Привет, Уотербери, старина! Простите, что опоздал.

По-моему, Уотербери остался крайне недоволен такой непринужденной формой обращения. Он напустил на себя неприступный вид.

— Вы сильно опоздали. Позвольте заметить, что я прождал вас более получаса, а мое время ценится дорого.

— Простите, простите, простите, — радостно пропел Сиппи. — Вы пришли поговорить насчет статьи о драматургах Елизаветинской эпохи,

которую вы мне вчера оставили, верно? Ну, так я ее прочел, и мне очень жаль, Уотербери, старина, но она Н.Г.

— Простите, не понял.

— Не годится для нас. Совершенно неподходящий материал. Наша газета призвана развлекать светскую публику. Во что будет одета дебютантка в «Гудвуде»^[65] — вот что нас интересует. Или что-нибудь вроде: «Вчера в парке видели леди Бетти Бутл, вы, конечно, знаете, она золовка герцогини Пибл, или Куку — для близких друзей...» и подобный вздор. Наши читатели не желают знать о драматургах Елизаветинской эпохи.

— Сипперли!..

Старина Сиппи протянул руку и отечески похлопал Уотербери по спине.

— Послушайте, Уотербери, — добродушно сказал он. — Поверьте, мне неприятно отказывать старинному приятелю. Но я должен выполнять свой долг перед читателями. Однако, не унывайте. Старайтесь, и вы добьетесь успеха. Вы подаете надежды, но вам следует хорошенько изучить рынок спроса. Оглянитесь внимательно, поймите, что нужно издателям. Вот, например, такое предложение: почему бы вам не взяться за живую и веселую статейку о комнатных собачках. Вы, вероятно, знаете, что мопсы теперь не в моде, их вытеснили пекинесы, грифоны^[66] и маленькие белые терьеры. Поработайте в этом направлении и... Уотербери двинулся к двери.

— У меня нет никакого желания работать в этом направлении, — злобно произнес он. — Если вас не устраивает мое исследование о драматургах Елизаветинской поры, я, без сомнения, найду другого издателя, которого моя работа заинтересует.

— Уотербери, вы стоите на правильном пути! — от души обрадовался Сиппи. — Никогда не сдавайтесь. Упорство и труд все перетрут. Если у вас приняли одну статью, тут же посылайте этому издателю следующую. Если вам откажут, несите свой труд другому издателю. Так держать, Уотербери! Буду следить за вашими успехами с большим интересом.

— Благодарю, — язвительно сказал Уотербери. — Совет профессионала для меня просто неоценим.

Он вылетел, изо всех сил хлопнув дверью. А я посмотрел на Сиппи, который кружил по комнате, как откормленный бекас.

— Сиппи...

— А? Что? Не могу остановиться, Берти. Забежал рассказать тебе

новости. Я пригласил Гвендолен на чай в «Карл-тон». Я счастливейший человек на свете. Помолвлен. Обручен. Все прошло как по маслу. Свадьба первого июня, ровно в одиннадцать в соборе Святого Петра, на Итон-сквер. Подарки можно посылать до конца мая.

— Но, Сиппи! Угомонись на минуту. Что произошло? Я думал...

— Ах, это длинная история. Долго рассказывать. Лучше спроси у Дживса. Он пришел со мной и ждет на улице. Когда я увидел, как она рыдая склонилась надо мной, я понял, что пришло время сказать ей все. Я взял ее ручку в свои ладони и...

— В каком это смысле склонилась над тобой? Где?

— У тебя в гостиной.

— Почему?

— Что «почему»?

— Почему она склонилась на гобой в моей гостиной?

— Осел! Потому что я лежал на полу. По-моему, вполне естественно, что девушка должна склониться, если мужчина лежит на полу. Прощай, Берти, я должен бежать.

Он вылетел из комнаты, я и опомниться не успел. Я стремглав бросился за ним, но он уже скатился с лестницы. Когда я выскочил на улицу, там уже никого не было.

Впрочем, нельзя сказать «никого». На тротуаре стоял Дживс и задумчиво поглядывал на разложенную на прилавке брюссельскую капусту,

— Мистер Сипперли только что ушел, сэр, — сказал он. Я остановился и вытер пот со лба,

— Дживе, — сказал я, — что происходит?

— Что касается романа мистера Сипперли, сэр, то счастлив сообщить — все в полном порядке Они с мисс Мун пришли к полному согласию.

— Знаю, Они обручились. Но как это произошло?

— Я взял на себя смелость телефонировать от вашего имени мистеру Сииперли и попросил его немедленно прийти к вам, сэр.

— Так вот как он оказался у меня в квартире! А потом?

— Потом я взял на себя смелость телефонировать мисс Мун и сообщил ей, что с мистером Сипперли произошел несчастный случай, Как я и предвидел, молодая леди чрезвычайно разволновалась и выразила желание немедленно навестить мистера Сипперли, Когда она приехала, потребовалось всего несколько минут, чтобы уладить дело. Выяснилось, что мисс Мун давно любит мистера Сипперли, сэр, и...

— Мне казалось, когда мисс Мун приехала и обнаружила, что с мистером Сипперли не произошло несчастного случая, она должна была рассердиться, что ее обманули.

— Но несчастный случай с мистером Сипперли произошел, сэр.

— Произошел?

— Да, сэр.

— Странное совпадение. В свете того, о чем вы говорили сегодня утром.

— Не совсем совпадение, сэр. Прежде чем телефонировать мисс Мун, я снова взял на себя смелость и нанес мистеру Сипперли сильный удар по голове, воспользовавшись для этой цели одной из ваших клюшек для гольфа, которая случайно стояла в углу. По-моему, это оказалась короткая клюшка. Вы, конечно, помните, что сегодня утром перед уходом вы отрабатывали удар.

Я, разинув рот, глядел на злодея. Дживс умен и проницателен сверх всякой меры, это я знал всегда. Он невероятно эрудирован во всем, что касается галстуков, краг и прочего. Но я не мог даже представить, что он способен пустить в ход грубую физическую силу. Теперь мой дворецкий открылся мне совсем с другой стороны. По-моему, в эту минуту с моих глаз тоже спала пелена.

— Боже правый, Дживс!

— Мне было чрезвычайно трудно решиться на это, сэр. Иного выхода, как мне представляется, не было.

— Но, послушайте, Дживс. Не могу понять одного. Почему мистер Сипперли не пришел в ярость, когда понял, что вы огрели его клюшкой?

— Он этого не понял, сэр. Я принял меры предосторожности — дождался, когда он повернется ко мне спиной.

— А как вы ему объяснили, откуда у него на голове шишка?

— Я объяснил мистеру Сипперли, что ему на голову упала ваша новая ваза, сэр.

— Но как он мог этому поверить? Ведь ваза разбилась бы.

— Она разбилась, сэр.

— Что?!

— Чтобы достичь эффекта правдоподобия, мне пришлось, вопреки моему желанию, ее разбить, сэр. К моему большому сожалению, сэр, должен вам сообщить, что, находясь в сильном волнении, я ее разбил на мелкие кусочки, поэтому она не подлежит восстановлению.

Я выпрямился во весь рост.

— Дживс! — сказал я.

— Прошу прощения, сэр, но не находите ли вы, что было бы гораздо благоразумнее надеть шляпу? Ветер довольно холодный.

Я поморгал.

— Разве я не в шляпе?

— Нет, сэр.

Я потрогал свою черепушку. Дживс оказался прав.

— И правда, нет! Должно быть, я забыл ее в редакции. Подождите меня здесь, Дживс. Я за ней схожу.

— Хорошо, сэр.

— Мне надо много чего вам сказать.

— Благодарю вас, сэр.

Я взбежал по лестнице, толкнул дверь, и что-то мягко плюхнулось мне на голову. В следующую минуту все вокруг стало белым от муки. В волнении я вбежал не в ту дверь. Так что, если кто-нибудь еще из моих друзей обзаведется комплексом неполноценности, пусть избавляется от него сам. С меня довольно.

ДЖИВС И СВЯТОЧНЫЕ РОЗЫГРЫШИ

Письмо пришло шестнадцатого утром. Я как раз заправлялся завтраком и, чувствуя, что изрядно подкрепил себя кофе и копченой рыбой, решил, не откладывая в долгий ящик, выложить новости Дживсу. Как сказано у Шекспира, если собрался что-то сделать, то не медли. Дживс, разумеется, будет разочарован и даже раздосадован, но, черт побери, толика разочарования время от времени идет человеку на пользу. Дает почувствовать, что жизнь штука серьезная, даже суровая.

— Дживс!

— Сэр?

— Тут вот пришло письмо от леди Уикем. Приглашает на святки в Скелдингс. Упакуйте, пожалуйста, все что нужно. Мы отправляемся туда двадцать третьего. Побольше белых галстуков, Дживс, а также несколько добротных повседневных костюмов. Мы там пробудем достаточно долго.

В ответ последовало молчание. Я чувствовал направленный на меня укоризненный взгляд, но сделал вид, что ничего не замечаю и целиком поглощен намазыванием на тост мармелада.

— Насколько я понял, сэр, вы предполагали сразу после Рождества посетить Монте-Карло.

— Знаю. Но Монте-Карло отменяется. Планы изменились.

— Очень хорошо, сэр.

Зазвонил телефон, очень кстати прервав назревающее щекотливое объяснение. Дживс поднял трубку.

— Да?.. Да, мадам... Очень хорошо, мадам. Мистер Вустер дома. — Он протянул трубку мне. — Миссис Спенсер Грегсон, сэр.

Знаете, время от времени не могу отделаться от чувства, что Дживс теряет былую хватку. Прежде, бывало, он, глазом не моргнув, отвечал тетушке Агате, что меня нет дома. С упреком посмотрев на своего камердинера, я взял трубку.

— Алло? — сказал я. — Да? Алло? Алло? Берти у телефона. Алло?

— Хватит твердить «Алло», — приказала старушенция в своей обычной сварливой манере. — Ты же не попугай. А жаль, у попугаев есть хоть сколько-то разума.

По-моему, тетушка взяла совсем не тот тон, которым надлежит беседовать по утрам с молодым человеком, но что с ней поделаешь?

— Берти, леди Уикем сказала, что она тебя пригласила на Рождество в Скелдингс. Ты поедешь?

— Еще бы!

— Ладно, но помни, что надо вести себя прилично. Леди Уикем моя старинная приятельница.

Я был не в настроении обсуждать подобные темы по телефону. С глазу на глаз еще куда ни шло, но по телефону — нет.

— Естественно, я приложу все усилия, тетя Агата, — холодно сказал я, — к тому, чтобы вести себя в манере, приличествующей английскому джентльмену, который наносит визит...

— Что ты сказал? Повтори. Я не слышу.

— Я сказал: «Хорошо».

— Да? Ну смотри. Есть еще одна причина, почему мне особенно не хочется, чтобы ты выглядел в Скелдингсе полным идиотом. Там будет гостить сэр Родерик Глоссоп.

— Что?!

— Почему ты так орешь? Совсем меня оглушил.

— Вы сказали «сэр Родерик Глоссоп»?

— Да.

— Может, вы хотели сказать «Таппи Глоссоп»?

— Я хотела сказать «сэр Родерик Глоссоп» и поэтому сказала. А теперь, Берти, слушай меня внимательно. Слушаешь?

— Да, слушаю.

— Вот и слушай. Мне, наконец, удалось с невероятными трудностями и вопреки очевидному почти убедить сэра Родерика, что ты не помешанный. Он готов воздержаться от вынесения тебе окончательного приговора, пока еще раз с тобой не повидается. Поэтому в Скелдингсе веди себя...

Тут я повесил трубку. Я был потрясен. Потрясен до глубины души.

Остановите меня, если я уже об этом рассказывал, но на тот случай, если вы не в курсе, позвольте мне только упомянуть несколько фактов, касающихся этого самого Глоссопа. Это был старик с устрашающей внешностью, лысый, с неправдоподобно густыми бровями, по профессии — врач-психиатр. По сей день не знаю, как это случилось, но когда-то я обручился с его дочерью Гонорией, жутко энергичной особой, которая читала Ницше, а раскаты ее хохота наводили на мысль о волнах, бьющих в суровые скалистые берега. Помолвка расстроилась по причине событий, убедивших старика Глоссопа, что я не в своем уме, и с тех пор мое имя возглавляет у него список сумасшедших, с которыми ему приходилось

обедать.

На мой взгляд, присутствие такого типа, как сэр Родерик Глоссоп, способно омрачить даже Рождественские дни, когда на всей земле воцаряется мир и в человеках благоволение.^[67] Если бы не особые причины, побуждающие меня стремиться в Скелдингс, я бы отклонил приглашение леди Уикем.

— Дживс, — сказал я в волнении. — Знаете что? Сэр Родерик Глоссоп тоже собирается в гости к леди Уикем.

— Очень хорошо, сэр. Если вы окончили завтрак, позвольте унести поднос.

Холодный, надменный тон. Ни сочувствия, ни духа сплочения и единения, столь радующего душу. Как я и предвидел, известие о том, что мы не едем в Монте-Карло, нанесло Дживсу удар в самое сердце. Дело в том, что он питает сильную склонность к азартным играм, и, конечно же, заранее предвкушал минуты приятного волнения за карточным столом.

Мы, Вустеры, умеем носить маску, и я сделал вид, что не замечаю его нелюбезности.

— Уносите, Дживс, — с достоинством сказал я, — и как можно скорее.

Натянутые отношения продолжались до конца недели. Чай по утрам обидчивый слуга подавал с холодно-отчужденной миной. Когда же двадцать третьего мы ехали в автомобиле в Скелдингс, вид у него был замкнутый и равнодушный. А посмотрели бы вы, как он вдевал запонки мне в рубашку перед ужином в первый день визита! Я ужасно страдал, и, лежа в постели утром двадцать четвертого, решил, наконец, выложить Дживсу все начистоту в надежде, что он меня поймет, недаром же он от природы наделен здравым смыслом.

В то утро я чувствовал себя превосходно, мне все удавалось. Правда, с хозяйкой дома, леди Уикем, носатой дамой, созданной по образу и подобию тетушки Агаты, мне было немного не по себе, но приняла она меня вполне радушно. Ее дочь, Роберта, отнеслась ко мне с такой сердечностью, что, не скрою, струны моего сердца затрепетали. И даже сэр Родерик во время нашей короткой встречи, казалось, был весь пропитан святочной благостью. Когда он меня увидел, рот у него перекосило на сторону, что я воспринял как улыбку. «Ха, молодой человек!» — сказал сэр Родерик. Сказал не слишком дружелюбно, но все-таки сказал, и в моем представлении это было равнозначно тому, что лев возлег подле агнца.

Итак, пока все шло без сучка, без задоринки; и я решил посвятить Дживса в свои дела.

— Дживс, — сказал я, когда он явился с дымящимся подносом в руках.

— Сэр?

— Речь идет о нашем здесь пребывании. Я хотел бы вам кое-что объяснить. Считаю, что вы имеете на это право.

— Сэр?

— Боюсь, Дживс, отказавшись поехать в Монте-Карло, я вас огорчил.

— Ничуть, сэр.

— Да бросьте, Дживс! Знаю, вы настроились на зимовку в этом старом добром рассаднике зла. Видел, как заблестели у вас глаза, когда я сказал, что мы туда едем. Вы чуть-чуть потянули носом, и пальцы у вас дрогнули. Видел, видел. А теперь, когда планы изменились, вы надели на себя броню.

— Ничуть, сэр.

— Бросьте, Дживс. Я же вижу. Ну так вот, хочу, чтобы вы поняли, что изменить планы меня побудил не пустой каприз. Не по легкомыслию и минутной прихоти я принял предложение леди Уикем. Я не одну неделю обдумывал этот шаг, принимая во внимание много разных соображений. Во-первых, можно ли в таком месте, как Монте-Карло, проникнуться святочным духом?

— Прошу прощения, сэр, вы непременно желаете проникнуться святочным духом?

— Желаю. От всей души. Это во-первых, затем — во-вторых. Я просто обязан был приехать на Рождество в Скелдингс, так как знал, что здесь будет Таппи Глоссоп.

— Сэр Родерик Глоссоп, сэр?

— Нет, его племянник. Вы, вероятно, заметили, что по дому слоняется малый со светлыми волосами и улыбкой Чеширского кота. Это и есть Таппи, а я с некоторых пор хочу задать ему хорошую трепку, у меня на него зуб. Дживс, выслушайте все и скажите, прав ли я, вынашивая мысль об ужасной мести. — Я глотнул чаю, чтобы немного успокоиться, так как, вспомнив свои злоключения, я изрядно разволновался. — Хоть Таппи и приходится племянником сэру Родерику Глоссопу, от рук которого, как вам известно, я здорово пострадал, мы с Таппи, как хорошие друзья, веселились и в «Трутнях», и в других местах. Парень не виноват, что у него такие родственники, говорил я себе. Мне бы, например, очень не хотелось, чтобы мои приятели ставили мне в вину тетушку Агату. По-моему, с моей стороны это было великодушно. Правда?

— Вне всяких сомнений, сэр.

— Ну, так вот, я пригреб этого самого Таппи, водил с ним дружбу, и

как вы думаете, что он сделал?

— Не могу сказать, сэр.

— Сейчас расскажу. Однажды вечером после ужина в «Трутнях» он предложил мне пари, что я не смогу перебраться через плавательный бассейн на руках, держась за кольца, подвешенные на веревках к потолку. Я принял вызов; легко и быстро перебирая руками, я достиг последнего кольца и вдруг обнаружил, что этот изверг привязал веревку к поручню, так что я повис в пустоте, вдали от родных берегов и любимых лиц. Мне ничего не оставалось, как прыгнуть в воду. Этот злодей признался, что часто проделывает с приятелями эту шутку. Клянусь, я буду не я, если не отыграюсь на нем, тем более что здесь, в поместье, представляется масса возможностей. Вам ясно, Дживс?

— Вне всяких сомнений, сэр.

Однако я не находил в нем прежнего сочувствия и понимания, его манера ясно об этом свидетельствовала. Тогда я решился выложить на стол все карты, как ни деликатен был предмет предстоящего разговора.

— А теперь, Дживс, мы подошли к самой главной причине, побудившей меня приехать в Скелдингс. Дживс, — сказал я, уткнувшись в чашку и чувствуя, что лицо у меня заливается краской, — дело в том, что я влюбился.

— Вот как, сэр?

— Вы видели мисс Роберту Уикем?

— Да, сэр.

— Ну, так вот.

Я помолчал, давая ему время вникнуть в суть.

— Дживс, находясь здесь, вы, без сомнения, будете общаться с горничной мисс Уикем. Не упускайте случая напเลсть ей с три короба и берите быка за рога.

— Сэр?

— Вы знаете, о чем я говорю. Распишите ей, какой я славный малый. Глубокая, мол, натура. Стоит только начать. Расскажите, какое доброе у меня сердце, не забудьте упомянуть, что в нынешнем году у нас в «Трутнях» я занял второе место в соревнованиях по сквошу.^[68] Реклама никогда не повредит.

— Очень хорошо, сэр. Но...

— Что «но»?

— Видите ли, сэр...

— Перестаньте повторять «Видите ли, сэр...» таким нудным тоном. Я ведь вас просил. Вам все труднее отделаться от этой привычки. Следите за

собой. Что вы хотели сказать?

— Вряд ли я могу взять на себя смелость...

— Давайте, Дживс. Мы всегда рады вас выслушать, говорите.

— Прошу прощения, сэр, но я хотел бы заметить, что, как мне кажется, мисс Уикем вряд ли подходит...

— Дживс, — холодно прервал его я, — если вы собираетесь сказать что-то нелестное об этой леди, то в моем присутствии лучше этого не делать.

— Очень хорошо, сэр.

— В присутствии других — тоже. И вообще, чем вам не угодила мисс Уикем?

— Право же, сэр, увольте.

— Дживс, я настаиваю. Говорите начистоту. Вы что-то имеете против мисс Уикем? Я хочу знать, что именно.

— Мне просто пришло в голову, сэр, что для джентльмена вашего склада мисс Уикем не совсем подходящая партия.

— Что значит «моего склада»?

— Видите ли, сэр...

— Дживс!

— Прошу прощения, сэр. Это выражение вырвалось у меня нечаянно. Я хотел только заметить, что мог бы с уверенностью утверждать...

— Что-что?

— Я хочу сказать, сэр, что поскольку вы пожелали узнать мое мнение...

— Я не пожелал.

— Мне показалось, сэр, вас интересует моя точка зрения на этот счет.

— Да? Ну, что ж, выкладывайте.

— Хорошо, сэр. Если позволите, сэр, то очень коротко; конечно, мисс Уикем очаровательная молодая леди...

— Вот, Дживс, вы на правильном пути. Какие глаза!

— Да, сэр.

— А волосы!

— Совершенно справедливо, сэр.

— А как *espiègle*, ^[69] если я ничего не путаю.

— Вы абсолютно правильно употребили это прилагательное, сэр.

— Ну, хорошо. Продолжайте.

— Я допускаю, что мисс Уикем обладает всеми перечисленными достоинствами, сэр. Тем не менее с матримониальной точки зрения данная юная леди совсем не подходит джентльмену вашего склада. Как мне

представляется, мисс Уикем недостает серьезности, сэр. Она слишком непостоянна, слишком легкомысленна. Джентльмен, претендующий на право стать мужем мисс Уикем, должен быть властной натурой и иметь твердый характер.

— Это уж несомненно!

— Я бы никогда не взял на себя ответственность рекомендовать в спутницы жизни юную леди с ярко-рыжими волосами. На мой взгляд, сэр, рыжие волосы таят в себе большую опасность.

Я посмотрел нахалу прямо в глаза.

— Дживс, — сказал я, — вы несете вздор.

— Да, сэр.

— Совершенную чушь.

— Да, сэр.

— Чистой воды ахинею.

— Да, сэр.

— Да, сэр, то есть да, Дживс. Вы свободны, — проговорил я и с надменным видом пригубил чай.

Признаться, нечасто мне удается убедить Дживса, что он ошибается, но на этот раз уже к ужину у меня были все основания доказать упряму, как он не прав, и я не стал медлить.

— Кстати, о нашем разговоре, — сказал я, выйдя из ванной и обращаясь к Дживсу, который придирчиво разглядывал мою рубашку, — буду рад, если вы уделите мне минуту вашего драгоценного внимания. Предупреждаю, когда я вам все изложу, вы почувствуете себя глупцом.

— В самом деле, сэр?

— Да, Дживс, последним глупцом. Надеюсь, это вас заставит в будущем более осторожно высказываться в отношении людей. Если я не ошибаюсь, утром вы заявляли, что мисс Уикем легкомысленна, непостоянна и что ей не хватает серьезности. Я прав?

— Совершенно правы, сэр.

— Ну, так вот, сейчас вы в корне измените свое мнение, я уверен. Сегодня после обеда мы с мисс Уикем ходили гулять и я ей рассказал, какую штуку выкинул со мной Таппи Глоссоп в плавательном бассейне в «Трутнях». Так вот, Дживс, она ловила каждое мое слово и преисполнилась сочувствия ко мне.

— Неужели, сэр?

— Да, сочувствие ее так и распирало. И это еще не все. Не успел я закончить рассказ, как она предложила такой умный, пикантный и до

тонкостей продуманный способ мести, что вам и не снилось. Уверен, старина Таппи по гроб жизни меня не забудет.

— Весьма отрадно, сэр.

— Вот именно, отрадно. Оказывается, в школе, где училась мисс Уикем, девицы время от времени откалывали этот номер с какой-нибудь паршивой овцой. Знаете, Дживс, что они проделывали?

— Нет, сэр.

— Брали длинную палку — теперь слушайте очень внимательно, — и привязывали к ее концу огромную штопальную иглу. Затем, в глухую полночь тихо прокрадывались в спальню жертвы, подсовывали палку под одеяло и протыкали иглой грелку. Девицы в таких делах гораздо изощреннее мальчиков. Мы в школе, бывало, в бессонные ночные часы выливали кувшин воды на какого-нибудь бедолагу, но нам и в голову не приходило, что можно добиться того же результата с помощью изящного научного метода. Вот видите, Дживс, какую шутку мисс Уикем предложила сыграть с Таппи. И как у вас язык повернулся назвать ее легкомысленной и беспечной. Из девушки, способной придумать такой блестящий ход, получится идеальная жена. Дживс, буду признателен, если сегодня вечером вы припасете прочную палку с острой штопальной иглой на конце.

— Видите ли, сэр... Я поднял руку.

— Дживс, — сказал я. — Ни слова больше. Прочная палка и хорошая, длинная, острая штопальная игла. Без всяких отговорок, в моей спальне сегодня, ровно к одиннадцати тридцати.

— Очень хорошо, сэр.

— Вы знаете, где комната Таппи?

— Могу уточнить, сэр.

— Действуйте, Дживс.

Через несколько минут он вернулся с необходимыми сведениями.

— Мистер Глоссоп помещается в Замковой комнате, сэр.

— Где она находится?

— Этажом ниже, сэр, вторая дверь.

— Порядок, Дживс. Запонки вдели?

— Да, сэр.

— А воротнички пристегнули?

— Да, сэр.

— Тогда помогите мне надеть рубашку.

Чем больше я думал о предстоящем свершении, к которому меня

подталкивало чувство долга и поправленной гражданственной чести, тем больше оно мне нравилось. Я человек не мстительный, но я понимал, как понял бы любой на моем месте, что спускать таким злодеям, как Таппи, их козни значит подрывать устои не только общества, но и всей цивилизации. Я предвидел, что мне придется столкнуться с трудностями и неудобствами: во-первых, предстояло бодрствовать до глубокой ночи, во-вторых, брести по холодному коридору, однако я не дрогнул. Семейная честь ко многому обязывает. Еще во времена Крестовых походов мы. Бустеры, показали, на что мы способны.

В тот вечер был сочельник, поэтому, как и предполагал, все веселились напропалую. Сначала сельский хор толпился у парадного входа и распевал Рождественские гимны, потом кто-то затеял танцы, потом мы долго болтали, и я добрался до своей спальни во втором часу. С поправкой на всевозможные случайности выходило, что в экспедицию можно пуститься не раньше половины третьего. Честно признаюсь, только твердая решимость покончить с Таппи помешала мне махнуть рукой на всю эту затею и нырнуть под одеяло. Теперь я уже не тот, а раньше мог не спать ночи напролет.

Итак, к половине третьего все утомонились. Я стряхнул с себя сонный дурман, взял палку со штопальной иглой на конце и вышел в коридор. Подойдя к Замковой комнате, повернул ручку и, убедившись, что дверь не заперта, переступил порог.

Наверное, грабителю, в смысле, настоящему профессионалу, который работает круглый год по шесть дней в неделю, оказаться поздней ночью в чьей-то спальне — это раз плюнуть. Но такого человека, как я, у которого нет никакого опыта в таких делах, вряд ли бы кто-нибудь осудил, если бы он, то есть я, послал все к черту и, тихонько закрыв дверь с другой стороны, рванул к себе в комнату и завалился спать. Только призвав на помощь знаменитую отвагу Вустеров и напомнив себе, что если я упущу этот случай, то другого, возможно, никогда не представится, мне удалось преодолеть замешательство. Минутная слабость прошла, и Бертрам снова стал самим собой.

Сразу, как только я вошел, мне показалось, что в комнате темно, как в подвале, где хранят уголь, но немного погодя начали проступать очертания предметов. Шторы на окнах были задернуты неплотно, и местами я мог кое-что разглядеть. Кровать стояла напротив окна, изголовьем к стене, а изножьем к двери, возле которой я находился, что позволяло мне, свершив, так сказать, задуманное, мгновенно покинуть место действия. Теперь передо мной встала довольно деликатная задача — определить, где

находится грелка. Запомните, если вы захотите выполнить подобную миссию тихо и быстро, вы ни в коем случае не должны тыкать наугад штопальной иглой в одеяло стоя в ногах кровати. Прежде чем вы перейдете к радикальным действиям, настоятельно вам рекомендую точно рассчитать местоположение грелки.

В этот момент, должен заметить, я испытал нечаянную радость, потому что услышал смачный храп, исходивший от того места, где лежали подушки. Здравый смысл мне говорил, что субъекта, способного издавать такой храп, вряд ли разбудит какая-то мелочь. Я бочком продвинулся к кровати, протянул руку и стал осторожно ощупывать одеяло. Почти сразу же рука наткнулась на бугорок. Я хорошенько нацелился и, крепко сжав палку, вонзил штопальную иглу в этот бугорок. Затем, вытащив оружие, попятился к двери. Еще миг, и я на свободе, припущу на всех парах в свою комнату, чтобы предаться, наконец, сладостному сну, но вдруг раздался жуткий треск, и мне показалось, что мой спинной хребет вылетел вон, пробив в голове дырку. Содержимое кровати село, будто выскочил черт из табакерки, и сказало:

— Кто здесь?

Тут я понял цену самых тонко продуманных стратегических построений и могу вас заверить — они-то и губят все предприятие. В соответствии с тщательно разработанным планом, чтобы облегчить себе отступление, я оставил дверь открытой, и сейчас она, черт бы ее побрал, захлопнулась с таким грохотом, будто бомба разорвалась.

Однако мысли мои были заняты не взрывом, а совсем иным предметом. Меня крайне встревожило только что сделанное открытие: на кровати спал вовсе не Таппи. У Таппи голос высокий и визгливый, как будто провинциальный тенор пустил петуха. А я услышал нечто среднее между трубным гласом в Судный день и рыком тигра, просидевшего несколько дней на голодной диете и требующего завтрак. Противный, режущий ухо голос, так и слышишь «Пошевеливайтесь!», будто ты никудышный игрок в гольф и задерживаешь на поле пару отставных полковников. В этом голосе не было и намека на добродушие, учтивость, голубиное воркование, которые дают вам почувствовать, что вы обрели друга.

Я не стал мешкать. Рванул с места, хлопнул за собой дверью и был таков. Может, я и дубина стоеросовая, как тетя Агата меня аттестует, но я безошибочно чувствую, когда мое присутствие уместно, а когда нет.

Сейчас я помчусь по коридору к лестнице с такой скоростью, что поставлю рекорд, но кто-то резко дернул меня назад. Только что я был весь

порыв и пламя, буря и натиск, но вот какая-то неодолимая сила осадила меня и держит, не давая вырваться.

Знаете, порой мне кажется, что если судьба решила сыграть с вами такую злую шутку, спросите себя, стоит ли ей противиться. Так как ночь выдалась чертовски холодная, я надел халат. Именно пола этой проклятой хламиды, защемленная дверью в последнюю минуту, меня доконала.

Дверь распахнулась, в коридор хлынул свет, и обладатель мерзкого голоса схватил меня за руку.

Это был сэр Родерик Глоссоп.

За сим последовало временное затишье. Секунды три-четыре, а может быть и больше, мы стояли, впившись друг в друга взглядом, причем старик все еще держал меня за локоть мертвой хваткой. Не будь на мне халата, а на нем розовой пижамы в голубую полосочку и не гляди он на меня с такой злобой, будто сейчас убьет, мы смотрелись бы, наверное, как рекламная картинка, где умудренный опытом старец, отечески похлопывая молодого человека по руке, говорит ему: «Мой мальчик, если бы вы подписались на издания заочных курсов Матт-Джефф в Освего, штат Канзас, как это сделал я, то смогли бы, подобно мне, стать третьим помощником вице-президента Объединенной Шенектейдской корпорации, выпускающей пилочки для ногтей и щипчики для бровей».

— Вы! — наконец вырвалось у сэра Родерика. И в этой связи хочу констатировать: тот, кто утверждает, что нельзя прошипеть слово, в котором отсутствует буква «ш», мелет вздор. Сэр Родерик произнес это «Вы!», как разъяренная кобра, и я не открою секрета, если скажу, что мне стало здорово не по себе.

Вообще-то мне, наверное, следовало что-нибудь произнести. Однако, единственное, что я с трудом из себя выдавил, был едва слышный блеющий звук. Даже в обычной обстановке, когда моя совесть блистала чистотой, я чувствовал себя не в своей тарелке, встречаясь с этим типом, а уж теперь и подавно, тем более что смотрел он из-под своих ужасных бровей так, будто готов пырнуть меня ножом.

— Войдите, — проскрипел он, втаскивая меня за собой в комнату. — Не стоит будить весь дом. А теперь, — он отпустил мой локоть и закрыл дверь, причем брови у него так и ходили ходуном, — а теперь, сделайте милость, объясните мне, что означают эти ваши безумные действия?

Мне показалось, что легкий, беззаботный смех сейчас как нельзя более кстати. Я и хохотнул.

— Перестаньте гоготать! — рявкнул радушный хозяин. Вынужден

признаться, что легкость и беззаботность не произвели того эффекта, на который я рассчитывал.

Я с большим трудом взял себя в руки.

— Крайне сожалею, что так вышло, — сказал я как можно более сердечным тоном. — Видите ли, я думал, что вы — Таппи.

— Будьте любезны, обращаясь ко мне, воздержитесь от употребления ваших идиотских жаргонных выражений. Что означает на вашем языке «таппи»?

— Видите ли, это вовсе не жаргонное выражение... Если подойти к вопросу с научной точки зрения, это имя собственное. Понимаете, я думал, что вы — ваш племянник.

— Думали, что я — мой племянник? Почему я должен быть моим племянником?

— Я считал, что это его комната.

— Мы с племянником поменялись комнатами. Терпеть не могу спать на последнем этаже. Боюсь пожара.

Впервые с начала нашей беседы я немного взбодрился. Подлость старого хрыча возмутила меня до такой степени, что на миг я даже перестал ощущать себя лягушкой, которую переехала борона. До последней минуты это ощущение буквально сковывало меня по рукам и ногам. Зато теперь я осмелел настолько, что стал смотреть на этого облаченного в розовую пижаму труса с презрением и ненавистью. Мой тщательно продуманный план так бездарно провалился только из-за того, что старый хрыч одержим малодушным страхом и предпочел, чтобы Таппи вместо него поджарился на огне, случись такая крайность, как пожар. Я бросил на старикашку презрительный взгляд и, кажется, даже хмыкнул.

— Уверен, ваш камердинер должен был сообщить вам, — сказал сэр Родерик, — что мы намереваемся поменяться комнатами. Я его встретил перед обедом и просил уведомить вас о наших планах.

Голова у меня пошла кругом. Нет, мало сказать «пошла кругом». Это неожиданное известие сразило меня наповал. Выходит, все это время Дживс знал, что старый хрыч будет спать в постели, которую я собираюсь протыкать штопальной иглой! Знал и допустил, чтобы я шел на погибель, ни словом не предупредил. Это было выше моего понимания. Я стоял, как громом пораженный. Пораженный насмерть.

— Вы сказали Дживсу, что собираетесь ночевать в этой комнате? — прошептал я.

— Да. Будучи осведомлен о том, что вы с моим племянником состоите в дружеских отношениях, я желал избавить себя от вашего возможного

визита. Признаться, мне и в голову не приходило, что упомянутый визит ожидается в три часа ночи. Какого черта, — рявкнул он, внезапно распалаясь, — вы рыщете по дому в этот час? И что это у вас за штука?

Я вдруг понял, что все еще сжимаю в руке палку. Честное слово, в шквале эмоций, вызванных предательством Дживса, это открытие явилось для меня полной неожиданностью.

— Штука? — сказал я. — Ах, да.

— Что означает ваше «ах, да»? Что это такое?

— Видите ли, это длинная история...

— Ничего, у нас впереди вся ночь.

— Вот, собственно, как было дело. Прошу вас представить себе, как пару месяцев назад я мирно сидел после обеда в «Трутнях», никого не трогал и задумчиво покуривал сигарету... — Я умолк. Старый хрыч меня не слушал. Он изумленно таращил глаза на кровать. Оттуда на ковер что-то капало.

— Господи!

— ...покуривал сигарету и болтал о том, о сем...

Я снова умолк. Старикашка приподнял одеяла и уставился на труп грелки.

— Ваших рук дело? — спросил он тихим задушенным голосом.

— Э-э-м... да. По существу, да. Я как раз собирался вам объяснить...

— А ваша тетушка еще старалась меня убедить, что вы не сумасшедший!

— Я и вправду не сумасшедший. Совершенно не сумасшедший. Если вы позволите объяснить...

— Не позволю.

— Все началось...

— Молчать!

— Хорошо. Молчу.

Он сделал носом несколько глубоких вдохов и выдохов.

— Моя постель насквозь промокла!

— Началось с того...

— Замолчите! — Он еще посопел. — Вы, жалкий несчастный идиот, — снова заговорил он, потрудитесь объяснить мне, где находится комната, которая предназначалась для вас?

— Этажом выше. Часовая комната.

— Благодарю. Думаю, я ее найду.

— А?

Он грозно пошевелил бровями.

— Я намерен провести остаток ночи в вашей комнате, — сказал он, — полагаю, постель там находится в пригодном для сна состоянии. А вы можете со всеми удобствами расположиться здесь. Желаю покойной ночи.

Он усвистал, а я остался стоять дурак дураком.

Мы, Вустеры, старые служаки. Мы стойко переносим превратности судьбы. Однако сказать, что меня обрадовала перспектива провести здесь ночь, значило бы покривить душой. Один-единственный взгляд на постель убедил меня, что спать в ней и думать нечего. Золотая рыбка была бы довольна, но Бертрам — нет. Оглядевшись вокруг и решив, что самое подходящее место для сна — это кресло, я похитил с кровати пару подушек, уселся поудобнее, набросил на ноги коврик, лежавший перед камином, и принялся считать овец.

Однако толку от этого было мало. Мой бедный котелок кипел, до сна ли тут. Открывшееся мне черное предательство Дживса вспоминалось вновь и вновь всякий раз, когда я готов был погрузиться в сон; ночь тянулась нескончаемо долго, становилось все холоднее. Я как раз размышлял, удастся ли мне вообще когда-нибудь заснуть, как вдруг голос у самого моего уха сказал: «Доброе утро, сэр». Я вздрогнул и открыл глаза.

Мне казалось, что я ни на минуту не задремал, но, видимо, все-таки задремал. Ибо шторы были подняты, в окна лился дневной свет, и Дживс стоял передо мной с чашкой чая на подносе.

— Веселого Рождества, сэр!

Я слабой рукой потянулся к живительному напитку. После двух-трех глотков мне стало лучше. Правда, я испытывал боль во всем теле, а черепушка была налита свинцом, но теперь хоть мысль работала более или менее четко. Я остановил на предателе ледяной взгляд и приготовился задать ему жару.

— Говорите, «веселого»? Значит, по-вашему, «веселого», да? — начал я. — Позвольте вам сказать, все зависит оттого, что вы вкладываете в прилагательное «веселый». Если вы, кроме того, полагаете, что будет весело вам, то вы ошибаетесь. — Я сделал еще один глоток чая и продолжал холодным тоном, отчеканивая каждое слово: — Хотелось бы задать вам один вопрос. Вы знали, что сэр Родерик Глоссоп будет спать в этой комнате, или нет?

— Знал, сэр.

— Вы в этом признаетесь!

— Да, сэр.

— И вы ничего мне не сказали!

— Не сказал, сэр. Я подумал, что более благоразумно этого не делать.

— Дживс...

— Если позволите, я объясню, сэр.

— Попробуйте!

— Я догадывался, что умолчание с моей стороны, возможно, вовлечет вас в несколько затруднительное положение, сэр...

— Стало быть, догадывались?

— Да, сэр.

— В таком случае я вас поздравляю — ваша догадка блестяще оправдалась, — сказал я, делая очередной глоток черного китайского чая.

— Но мне казалось, сэр, будь что будет, все к лучшему.

Я хотел вернуть пару теплых слов, но он лишил меня этой возможности.

— Я предположил, учитывая ваши взгляды, сэр, что, обстоятельно все обдумав, вы предпочтете, чтобы ваши отношения с сэром Родериком Глоссопом и его семейством оставались скорее сдержанными, нежели сердечными.

— Мои взгляды? На что?

— На матримониальный союз с мисс Гонорией Глоссоп, сэр.

Меня словно током ударило. Дживс открыл мне глаза на обратную сторону дела. Я вдруг понял, к чему он клонит, понял в мгновенном озарении, как несправедлив был к этому достойному человеку. Я-то считал, что он посадил меня в лужу, а на самом деле он всячески старался вытащить своего господина из этой самой лужи. Прямо как в одном рассказе для детей: однажды ночью некий странник идет куда-то, а его собака вцепилась ему в штанину и не пускает. «Отпусти! Ты чего, Пират?» — говорит он собаке, но она держит его, и ни в какую; он пришел в ярость, кричит на собаку, ругает ее последними словами, но собака будто не слышит; вдруг луна выглянула из-за облаков, и странник видит, что стоит на краю пропасти, еще шаг и... в общем, вы поняли мою мысль: я о том, что точно такая же история произошла сейчас со мной.

Удивительно, как молодой человек теряет бдительность и начинает пренебрегать опасностями, которые повсюду его окружают. Даю честное слово, до этой минуты мне и в голову не приходило, что моя тетя Агата задумала наладить наши отношения с сэром Родериком, чтобы со временем вернуть меня в лоно семьи Глоссопов, а затем сбыть Гонории.

— Боже мой, Дживс! — сказал я бледнея.

— Совершенно верно, сэр.

— Думаете, я подвергался риску?

— Да, сэр. Огромному риску.

Вдруг мною овладела одна тревожная мысль.

— Послушайте, Дживс, когда сэр Родерик спокойно все обдумает, он поймет, что я хотел разыграть Таппи и что протыкание грелки всего лишь одна из тех шуток, какие все откалывают в сочельник, на них надо смотреть сквозь пальцы и принимать со снисходительной улыбкой и отеческим покачиванием головы, так ведь? Дескать, молодость, святочное веселье и все такое прочее. Я хочу сказать, если он сообразит, что я не замышлял против него ничего дурного, то все старания пойдут насмарку.

— Нет, сэр. Вряд ли. Возможно, реакция сэра Родерика была бы именно такой, если бы не второй инцидент.

— Какой такой второй инцидент?

— Сегодня ночью, сэр, когда сэр Родерик занял вашу комнату, кто-то туда проник, проколол грелку острым предметом и скрылся под покровом темноты.

Признаться, я ничего не понял.

— Как! Вы думаете, я хожу во сне?

— Нет, сэр. Это сделал мистер Таппи Глоссоп. Сегодня утром я его встретил, сэр, до того, как пришел сюда к вам. Он был в очень веселом настроении и поинтересовался у меня, как вы отнеслись к этому инциденту. Мистер Глоссоп не знал, что его жертвой стал сэр Родерик.

— Дживс, какое удивительное совпадение!

— Сэр?

— Ну как же, Таппи пришла в голову та же мысль, что и мне. Вернее, не мне, а мисс Уикем. Очень странно, думаю, вы не станете отрицать. Чудеса да и только.

— Не совсем, сэр. Оказывается, эту мысль подала мистеру Глоссопу юная леди.

— Мисс Уикем?

— Да, сэр.

— Вы хотите сказать, что после того, как мисс Уикем предложила мне проткнуть грелку Таппи, она подговорила Таппи проткнуть мою?

— Совершенно верно, сэр. Юная леди щедро одарена чувством юмора, сэр.

Я был ошеломлен. Когда я вспомнил, что чуть было не предложил руку и сердце девушке, которая способна надуть человека, питающего к ней сильное и благородное чувство, то задрожал всем телом.

— Вам холодно, сэр?

— Нет, Дживс. Просто дрожь пробрала.

— То, что произошло, если я могу взять на себя смелость высказать свое мнение, сэр, подтверждает точку зрения, которую я изложил вчера и которая состоит в том, что хотя мисс Уикем очаровательная юная леди...

Я поднял руку.

— Ни слова, Дживс, — сказал я. — Любовь умерла.

— Понимаю, сэр.

Я сидел в грустном раздумье.

— Значит, утром вы видели сэра Родерика?

— Да, сэр.

— Ну и как он?

— Немного взвинчен, сэр.

— Взвинчен?

— Да, сэр. Возбужден. Он выразил настоятельное пожелание увидаться с вами, сэр.

— Что вы мне посоветуете?

— Если вы выйдете через черный ход сразу, как только оденетесь, сэр, вам не составит труда пересечь поле, так чтобы вас никто не видел, и дойти до деревни, где вы сможете нанять автомобиль и доехать до Лондона. Позже я мог бы привезти вещи в вашем автомобиле.

— Дживс, но разве в Лондоне я буду в безопасности? Там сейчас тетя Агата.

— Да, сэр.

— Так что же?

Он посмотрел на меня своим непостижимым взглядом.

— Я думаю, самое лучшее, сэр, ненадолго покинуть Англию, где зимой погода не слишком нас радует. Я бы не взял на себя смелость давать вам советы, сэр, но ввиду того, что вы уже имеете заказанные заранее на послезавтра места в «Голубом экспрессе», следующем в Монте-Карло...

— Но вы же аннулировали заказ?

— Нет, сэр.

— Я думал, вы аннулировали.

— Нет, сэр.

— Я же вас об этом просил.

— Да, сэр. Нерадивость с моей стороны, но я забыл об этом поручении.

— Вот как?

— Да, сэр.

— Ладно, Дживс. Едем в Монте-Карло.

— Очень хорошо, сэр.

— Как удачно, что вы забыли аннулировать заказ.

— В самом деле, сэр, очень удачно. Если вы немного подождете, сэр, я схожу в вашу комнату и доставлю вам костюм.

ДЖИВС И ПЕСНЯ ПЕСНЕЙ

Стояло утро еще одного жаркого и ветреного дня. Следуя своей неизменной привычке, я распевал в ванной комнате «Эй, сынок!», когда за дверью послышались шаги и голос Дживса произнес:

— Прошу прощения, сэр.

Я как раз дошел до того места, где поется об одиноких ангелах и где требуется крайняя степень сосредоточенности, чтобы выдать эффектный финал, но тем не менее я прервал процесс и вежливо отозвался:

— Да, Дживс? Что такое?

— Мистер Глоссоп, сэр.

— Что с ним?

— Он в гостиной, сэр.

— Таппи Глоссоп?

— Да, сэр.

— В гостиной?

— Да, сэр.

— Хочет со мной поговорить?

— Да, сэр.

— Хм!

— Сэр?

— Я сказал «Хм!»

Сейчас объясню, почему я сказал «Хм!» Видите ли, в появлении Таппи я усмотрел нечто странное. Ведь он должен знать, что в этот час я принимаю ванну и, следовательно, занимаю выгодную стратегическую позицию — могу, например, запустить в него мокрой губкой. Поэтому я был здорово удивлен его приходом.

Я проворно выскочил из ванной и, промокнув торс и конечности парой полотенец, прошествовал в гостиную. Таппи сидел у пианино и одним пальцем наигрывал «Эй, сынок».

— Привет! — бросил я не без надменности.

— А-а, Берти, привет! — отвечал Таппи. — Послушай, Берти, я пришел по важному делу.

Мне показалось, что приятель держится скованно. Подойдя к камину, он неловким движением опрокинул на пол вазу, и она разлетелась на мелкие осколки.

— Берти, дело в том, что я обручился.

— Обручился?

— Обручился, — смущенно подтвердил Таппи, смахивая фотографию в рамке на каминную решетку. — Почти обручился.

— Почти?

— Да. Берти, она тебе понравится. Ее зовут Кора Беллинджер. Она обучается классическому вокалу. У нее изумительный голос, черные блестящие глаза и возвышенная душа.

— В каком смысле «почти»?

— Понимаешь, в чем дело. Прежде чем заказывать приданое, она хочет кое-что выяснить. Видишь ли, из-за того, что у нее возвышенная душа, она смотрит на жизнь очень серьезно. Чего она совершенно не выносит, так это грубый юмор, всякие шуточки, розыгрыши и все такое прочее. Говорит, если она узнает, что я на них способен, то между нами все кончено. И, к несчастью, она от кого-то слышала про эту шутку в «Трутнях»... Думаю, ты давно о ней забыл, правда, Берти?

— И не мечтай!

— Да-да, конечно. Я хочу сказать, ты же первый смеешься от души, когда вспоминаешь про бассейн в «Трутнях». Я тебя прошу, старик, при первой же возможности отведи Кору в сторонку и заверь ее, что в этой истории нет ни слова правды. Берти, мое счастье в твоих руках, надеюсь, ты меня понимаешь.

Разумеется, если он ставит вопрос таким образом, что мне остается? У нас, Вустеров, свой кодекс чести.

— Ладно уж, — сказал я, впрочем, без особого восторга.

— Берти, ты молодчага!

— Когда я познакомлюсь с этой занудой?

— Пожалуйста, Берти, не называй ее «занудой». Я уже все предусмотрел. Я сегодня приведу ее к тебе на обед.

— Как?!

— К половине второго. Чудно. Славно. Отлично. Благодарю. Я всегда знал, что могу на тебя положиться.

Он умотал, а я обратился к Дживсу, который возник передо мною с завтраком на подносе.

— Дживс, обед на троих, — сказал я.

— Очень хорошо, сэр.

— Знаете, Дживс, это уж слишком. Помните, какую свинью подложил мне мистер Глоссоп тогда, в бассейне «Трутней»?

— Да, сэр.

— С тех пор я мечтаю отомстить. А теперь, вместо того чтобы стереть его в порошок, я должен кормить его с невестой изысканным обедом, всячески обхаживать, словом, быть добрым ангелом.

— Такова жизнь, сэр.

— Вот именно, Дживс. Что у нас на завтрак? — спросил я, оглядывая поднос.

— Копченая селедка, сэр.

— Не удивлюсь, — сказал я, все еще пребывая в задумчивости, — если узнаю, что жизнь селедок полна волнений и тревог!

— Вполне возможно, сэр,

— Это помимо того, что ее коптят.

— Да, сэр.

— И все идет своей чередой, Дживс...

Не могу сказать, что эта барышня Беллинджер вызвала у меня такой же восторг, как у Таппи. Она предстала перед моим взором ровно в час двадцать пять и оказалась упитанной особой лет тридцати с комплекцией борца среднего веса, властным взглядом и квадратным подбородком, которого лично я всячески бы сторонился. Наверное, такой бы стала Клеопатра, если ее посадить на углеводную диету. Не знаю почему, но все женщины, имеющие касательство к оперному пению, даже если они еще только ему обучаются, склонны к излишней полноте.

Таппи тем не менее был явно от нее без ума. Все его поведение и до обеда и во время одного свидетельствовало о том, как сильно он старается соответствовать ее благородной душе. Когда Дживс предложил ему коктейль, он отпрянул, будто ему сунули под нос змею. Я ужаснулся, увидев, как любовь изменила этого несчастного. У меня даже аппетит пропал.

В половине третьего Беллинджер отбыла на урок пения. Таппи рысцой потрусил за ней до двери, нежно подвывая и слегка подпрыгивая. Вернувшись, он уставился на меня затуманенным взглядом и сказал:

— Ну, Берти?

— Что «ну»?

— В смысле, как она? Хороша?

— А то! — сказал я, чтобы убажить несчастного придурка.

— Удивительные глаза, правда?

— Слов нет.

— А фигура — правда потрясающая?

— Шикарная!

— А какой упоительный голос!

На этот вопрос я имел все основания ответить довольно искренне. Девица Беллинджер по просьбе Таппи спела несколько песен, прежде чем зарыться в кормушку. Что правда, то правда, глотка у нее была луженая. С потолка все еще сыпалась штукатурка.

— Голос — потрясающий, — сказал я.

Таппи вздохнул и, налив в стакан примерно на четыре дюйма виски и на один — содовой, с наслаждением сделал большой глоток.

— Ах! — сказал он, — как хорошо!

— Почему ты не пил за обедом?

— Понимаешь, в чем дело, — сказал Таппи. — Я еще не выяснил, как Кора относится к умеренному употреблению спиртных напитков время от времени, поэтому счел благоразумным пока воздержаться. Думаю, такое воздержание будет свидетельствовать в ее глазах о моем глубоком уме. Сейчас все висит на волоске, и каждая мелочь может поколебать чашу весов.

— Чего я не могу постичь, так это как, черт побери, убедить ее, что у тебя вообще есть ум, о глубоком я уж не говорю.

— Пусть тебя это не волнует — у меня свои методы.

— Готов поспорить, они никудышные.

— Да? Готов? — горячо заговорил Таппи. — Ну так позволь сказать тебе, мой дорогой, что эти мои способы отнюдь не никудышные. Я искусно и тонко руковожу всем процессом. Помнишь Бифи Бингема, он учился с нами в Оксфорде?

— Видел его на днях. Он стал пастором.

— Да. В Ист-Энде. Ну, так вот, он организовал клуб для местных подростков с дурными наклонностями, они там в читальном зале играют в триктрак, пьют какао, изредка ходят в клуб «Чудаки» на нравоучительные представления и концерты. Я помогаю Бифи в этом начинании. Последние месяцы по вечерам только и делаю, что играю в триктрак. Кора все это чрезвычайно одобряет. Она обещала петь в концерте, который Бифи устраивает во вторник.

— Неужели?

— Честное слово. А теперь, Берти, оцени мою дьявольскую изобретательность — я тоже буду там петь.

— С чего ты взял, что это пойдет тебе на пользу?

— Понимаешь, я хочу петь так, чтобы Кора поняла, какая я глубокая натура, о чем теперь она, наверное, и не подозревает. Она увидит, как этот простой, необразованный народ будет утирать слезы, и скажет себе: «Да, у

этого человека возвышенная душа!» Ибо это будут не какие-нибудь водевильные куплеты, я дешевых шансонеток не признаю. Песнь об одиноких ангелах — вот что мне по душе и...

Я даже вскрикнул от удивления.

— Уж не собираешься ли ты спеть «Эй, сынок!»?

— Непременно.

Я был поражен. Да, черт побери, поражен. Понимаете, у меня своя точка зрения на «Эй, сынок!». Я считаю, что на нее могут покуситься только избранные и только в уединении ванной комнаты. И при мысли о том, что в клубе «Чудаки» эта песня будет опошлена типом, который может обойтись с ближним так, как обошелся со мной в тот вечер в «Трутнях», я почувствовал отвращение. Да, меня чуть не стошнило.

Однако мне не удалось выразить свое возмущение, потому что в гостиную вошел Дживс.

— Только что по телефону звонила миссис Траверс, сэр. Она пожелала передать, что зайдет к вам через несколько минут.

— Понял, Дживс, — сказал я. — Послушай, Таппи... Я оторопел. Таппи исчез.

— Дживс, что вы с ним сделали? — спросил я.

— Мистер Глоссоп ушел, сэр.

— Ушел? Как ушел? Он только что здесь сидел...

— Хлопнула парадная дверь, сэр.

— Но почему он дал деру?

— Возможно, мистер Глоссоп не пожелал встретиться с миссис Траверс, сэр.

— Почему?

— Не могу сказать, сэр. Но несомненно, что при упоминании о миссис Траверс мистер Глоссоп поспешно вскочил с кресла.

— Странно.

— Да, сэр.

Я перевел разговор на животрепещущую тему.

— Дживс, — начал я. — Во вторник мистер Глоссоп собирается петь «Эй, сынок!» на концерте в Ист-Энде.

— В самом деле, сэр?

— Перед аудиторией, состоящей в основном из уличных торговцев, слегка разбавленных ларечниками, поставщиками апельсинов и третьеразрядными боксерами.

— Вот как, сэр?

— Не забудьте мне напомнить, чтобы я туда пошел. Мистера Глоссоба

непременно освищут, и я не хочу упустить это зрелище.

— Очень хорошо, сэр.

— Когда приедет миссис Траверс, проводите ее в гостиную.

Тем, кто близко знаком с Бертрамом Вустером, хорошо известно, что на его жизненном пути толчется целый взвод надменных и спесивых теток, постоянно ставящих ему палки в колеса. Однако среди этого устрашающего сонма есть одно приятное исключение, а именно, тетушка Далия. Она вышла замуж за старину Тома Траверса в тот год, когда Колокольчик выиграл Кембриджширские скачки, и честно скажу, дядюшке можно только позавидовать. Мне всегда приятно поболтать с тетей Далией, и я с искренним радушием поднялся ей навстречу, когда около трех часов она на всех парусах вплыла в гостиную.

Вид у нее был крайне взволнованный, и она без предисловий перешла к делу. Надо вам сказать, что моя тетушка Далия — дама крупная и энергичная. Много лет увлекалась охотой и обычно не говорит, а кричит, будто в полумиле отсюда, на склоне холма, только что заметила лисицу.

— Берти! — гаркнула она голосом, рассчитанным на то, чтобы взбодрить свору гончих, — мне нужна твоя помощь.

— Тетя Далия, можете на меня рассчитывать, — учтиво отвечал я. — Честно признаюсь, никому на свете я не окажу услугу с большей готовностью, чем вам; никому на свете мне не было бы так приятно угодить...

— Довольно, угомонись, — взмолилась она. — Слушай, ты видишься с этим твоим другом Глоссом?

— Он только что разделил со мной обед.

— Правда? Жаль, что ты не подсыпал яду ему в суп.

— Мы не ели супа. И вообще, тетя Далия, вот вы называете его моим другом, а я не стал бы с чистой совестью утверждать, что вы правы. Не так давно, когда мы с ним ужинали в «Трутнях»...

Тут тетя Далия довольно бесцеремонно, как мне показалось, заявила, что предпочтет ознакомиться с моими воспоминаниями после того, как я облеку их в форму книги. До меня, наконец, дошло, что сегодня она совершенно утратила свойственную ей жизнерадостность. Я отложил в сторону свои собственные заботы и спросил, чем она так огорчена.

— Всею виной этот злодей Глосс, — сказала она.

— Что он натворил?

— Разбил сердце Анджелы (Анджела — это дочь тети Далии и моя кузина. Девица — что надо).

— Разбил сердце Анджелы?

— Да... разбил... ей... сердце!

— Вы хотите сказать, он разбил ей сердце?!

Тетушка довольно нервно попросила меня не втягивать ее в дурацкий водевильный диалог.

— Как это он ухитрился? — спросил я.

— Просто пренебрег ею, вот и все. Низкий, бессердечный, коварный лицемер.

— Вот именно коварный, тетушка Далия, — сказал я. — Когда говоришь о Таппи Глоссопе, это определение напрашивается само собой. Позвольте, я вам расскажу, что он однажды со мной сотворил в «Трутнях». Мы только что отужинали...

— С начала сезона и вплоть до недавнего времени — недели три с тех пор прошло — он увивался вокруг Анджелы. В мое время сказали бы, что он добивается ее расположения...

— То есть, волочится за нею?

— Волочится, ухаживает, какая разница!

— Как скажете, тетя Далия, — вежливо согласился я.

— Ладно, как бы то ни было, он торчал у нас в доме с уіра до вечера, обедал, танцевал с ней до полуночи и прочее. Бедное дитя, он вскружил ей голову. Она была уверена, что они теперь навеки свяжут свои жизни, это только вопрос времени. И вдруг три недели назад он исчезает, бросает ее без всяких объяснений. До меня дошел слух, что он увлечен какой-то девицей, с которой он познакомился на чаепитии в Чел-си. Ее зовут... как бишь ее?..

— Кора Беллинджер.

— Откуда ты знаешь?

— Она сегодня приходила ко мне обедать.

— Это он ее привел?

— Да.

— Какая она?

— Очень корпулентна. По форме что-то вроде Алберт-Холла.

— По-твоему, он в нее влюблен?

— Он просто глаз с нее не спускал.

— Современный юнец, — сказала тетя Далия, — недоносок и идиот от рождения, ему нужна нянька, чтобы водила его за ручку и каждые полчаса отвешивала ему тумака.

Я попробовал напомнить тете Далии, что у тучки есть светлая изнанка.

— Тетя Далия, если вы спросите меня, — начал я, — то, по-моему,

Анджеле просто повезло. Глоссоп — тот еще тип, редкостная скотина, Я все пытаюсь вам рассказать, как гнусно он поступил со мной однажды в «Трутнях». Раззадорил меня, подпоив как следует, и предложил пари, что я не переберусь через плавательный бассейн, держась руками за веревки и кольца. Я знал, что для меня это сущий пустяк, и охотно согласился, заранее радуясь, что оставлю его, как говорится, с носом. Я уже проделал полпути и чувствовал, что сам черт мне не брат, и вдруг вижу, что этот подонок привязал последнюю веревку к поручню. Мне ничего не оставалось, как прямо во фраке нырнуть в воду и добираться вплавь.

— Что ты говоришь?!

— Да, представьте себе. Это случилось несколько месяцев назад, а я все никак не могу смириться. Тетя Далия, надеюсь, вы не хотите, чтобы ваша дочь вышла замуж за негодяя, который способен на такую низость?

— Напротив, ты заставил меня поверить в этого щенка. Я вижу, в нем все же что-то есть. Берти, я хочу, чтобы у них с этой Беллинджер все расстроилось.

— Каким образом?

— Это меня не волнует. Можешь делать все, что тебе нравится.

— Но что я могу?

— Что? Обрисуй положение своему камердинеру Дживсу. Уж он найдет способ. Один из самых толковых людей, каких я когда-либо знала. Изложи ему дело во всех подробностях, и пусть он пораскинет умом.

— А в этом что-то есть, тетушка Далия, — задумчиво сказал я.

— Конечно, есть, — согласилась она. — Для Дживса это дело — детская забава. Пусть подумает, а я загляну к вам завтра узнать результат.

С этими словами тетушка удалилась, а я призвал к себе Дживса.

— Дживс, — сказал я, — вы все слышали?

— Да, сэр.

— Я так и знал. У моей тети Далии на редкость зычный голос. Я думаю, Дживс, она могла бы в случае нужды зарабатывать на жизнь, сзывая домой крупный рогатый скот, разбредшийся по всему графству.

— Я не задумывался над этим, сэр, но у меня нет сомнений в том, что вы правы.

— Ну, хорошо, что будем делать? Каково ваше впечатление? По-моему, мы должны приложить все усилия, чтобы помочь миссис Траверс.

— Да, сэр.

— Я люблю тетю Далию и люблю Анджелу. Люблю их обеих, понимаете? Что эта сбитая с толку девочка нашла в Тап-пи, понятия не имею, да и вы, наверное, тоже. Но она явно в него влюблена, хотя сам я

никогда бы в это не поверил, и томится, подобно...

— Олицетворенному томлению, сэр.

— Подобно олицетворенному, как вы проникательно подметили, томлению. Поэтому мы должны сплотиться. Дживс, сосредоточьтесь на решении этой задачи. От вас потребуется все, на что вы способны.

На следующий день, когда ко мне ворвалась тетя Даля, я сразу же вызвал Дживса. Вы даже представить себе не можете, какой умный вид у него был — он весь так и светился интеллектом, и я сразу понял, что он нашел решение.

— Говорите, Дживс, — сказал я.

— Очень хорошо, сэр.

— Вы ведь все обдумали?

— Да, сэр.

— И успешно?

— У меня есть план, сэр, который, по моим представлениям, поможет достичь желаемого результата.

— Выкладывайте, — распорядилась тетя Даля.

— В делах подобного рода, мадам, самое основное — исследовать психосоматический статус личности.

— Что-что?

— Психосоматический статус, мадам.

— Он имеет в виду психосоматический статус, — сказал я. — А под психосоматическим статусом, Дживс, вы подразумеваете...

— Естество и характер главных действующих лиц данной коллизии, сэр.

— В смысле, что они собой представляют?

— Совершенно верно, сэр.

— Бerti, он всегда так изъясняется? Даже когда вы одни? — озадаченно спросила тетя Даля.

— Иногда. Временами. А временами — нет. Продолжайте, Дживс.

— Если позволите, сэр, первое, что меня довольно сильно поразило в мисс Беллинджер, когда у меня появилась возможность понаблюдать за нею, так это ее жесткость и нетерпимость. Я могу себе представить, что мисс Беллинджер приветствует успех. Но не вижу ее в роли женщины, сострадающей неудачнику. Вероятно, вы помните, сэр, ее реакцию, когда мистер Глоссоп старался дать ей прикурить от своей автоматической зажигалки? На ее лице выразилась досада из-за того, что зажигалка мистера Глоссоба не сразу сработала.

— Вы правы, Дживс. По-моему, она даже отчитала его за это.

— Совершенно верно, сэр.

— Постойте, я хочу разобраться, — растерянно сказала тетя Даля. — Значит, вы считаете, что если он все время станет подносить ей свою автоматическую зажигалку, ей в конце концов это надоест, и она даст ему отставку? Смысл в этом?

— Я просто упомянул об этом случае, мадам, чтобы проиллюстрировать крутой нрав мисс Беллинджер.

— Крутой нрав, — сказал я, — вот именно. Мисс Беллинджер — крепкий орешек. Эти ее глаза... А подбородок? Они говорят сами за себя. Если бывают на свете железные женщины, то мисс Беллинджер — одна из них.

— Совершенно справедливо, сэр. Следовательно, я полагаю, что если мисс Беллинджер окажется свидетельницей того, что мистер Глоссоп публично поставит себя в невыгодное положение, она утратит к нему интерес. Например, если во вторник на концерте мистер Глоссоп не доставит своим пением никакого удовольствия зрителям...

Я, наконец, врубился.

— Господи, Дживс! Значит, если он провалится, все будет кончено?

— Я буду очень удивлен, если этого не случится, сэр. Я покачал головой.

— Мы не можем полагаться на волю случая, Дживс. На мой взгляд, «Эй, сынок!» в исполнении Таппи — это верный провал, но мало ли что бывает... Поймите, мы не должны сидеть сложа руки и ждать, что нам повезет.

— Мы не будем ждать, что нам повезет, сэр. Я бы посоветовал, чтобы вы обратились к вашему другу, мистеру Бингему и предложили свои услуги в качестве участника предстоящего концерта. Мы бы легко смогли устроить так, чтобы вы выступили непосредственно перед мистером Глоссопом и спели «Эй, сынок!». Полагаю, сэр, если мистер Глоссоп споет «Эй, сынок!» сразу после вас, аудитория будет реагировать нужным нам образом. К тому времени, когда мистер Глоссоп начнет петь, зрители потеряют интерес к этой песне и выразят свои чувства достаточно бурно.

— Дживс, — сказала тетя Даля, — вы гений!

— Благодарю вас, мадам.

— Дживс, — сказал я, — вы осел!

— С чего ты взял, что он осел?! — возмутилась тетя Даля. — Он предложил гениальный план, лучше ничего не придумаешь.

— Чтобы я пел «Эй, сынок!» в концерте, который устраивает Бифи

Бингем?! Воображаю эту картину!

— Вы каждый день поете эту песню в ванной комнате, сэр. У мистера Вустера, — сказал Дживс, обращаясь к тете Далии, — приятный мягкий баритон...

— Не сомневаюсь, — сказала тетя Далия. Я обдал Дживса ледяным взглядом.

— Одно дело петь «Эй, сынок!» в ванной, Дживс, и совсем другое — перед залом, набитым торговцами дешевыми апельсинами и молодежью.

— Берти, — сказала тетя Далия, — споешь как миленький.

— Не буду!

— Берти!

— Ничто меня не заставит...

— Берти, — твердо проговорила тетя Далия, — ты будешь петь «Эй, сынок!» во вторник, третьего ргох,^[70] будешь петь, как жаворонок на рассвете, в противном случае проклятие тетки...

— Не буду!

— Подумай об Анджеле!

— Не хочу!

— Берти!

— Нет! И пропади все пропадом!

— Не будешь?

— Не буду!

— Это твое последнее слово?

— Да, последнее. Раз и навсегда, тетя Далия, ничто меня не заставит пропеть ни одной ноты!

И поэтому в тот же день я послал Бифи Бингему телеграмму с оплаченным ответом, предложил свои услуги, и к вечеру все было решено. Я выступал вторым после антракта. Следующим шел Таппи, сразу за ним — мисс Кора Беллинджер, известное меццо-сопрано.

— Дживс, буду вам чрезвычайно обязан, — проговорил я ледяным тоном вечером того же дня, — если вы сгоняете в ближайший нотный магазин и доставите мне экземпляр «Эй, сынок!». В теперешнем положении мне необходимо хорошенько заучить и текст, и припев. Не говорю уж о том, сколько хлопот и нервной энергии от меня потребуется.

— Хорошо, сэр.

— Однако, хочу заметить...

— Я должен идти немедленно, сэр, ибо нотный магазин может закрыться.

— Ха! — сказал я довольно ядовито.

Хотя я закалил себя перед предстоящим суровым испытанием и со стороны, наверное, казалось, что Бертрам исполнен спокойного, холодного мужества, позволяющего с беспечной улыбкой совершать отчаянные поступки, тем не менее, когда я вошел в клуб «Чудаки» на Бермондси-Ист и окинул взглядом собрание любителей поразвлечься, мне понадобилось призвать всю бульдожью отвагу Вустеров, чтобы не послать к черту эту дурацкую затею, нырнуть в такси и вернуться в лоно цивилизации. Когда я приехал, возвышающее душу представление было в полном разгаре, и некто, по виду похожий на местного гробовщика, читал про Гангу Дина.^[71] Аудитория хоть и не улюлюкала в строгом смысле этого слова, вид имела весьма мрачный, что мне совсем не понравилось. От одного взгляда на эту публику я почувствовал себя, как Седрах, Мисах и Авденаго, когда им предстояло войти в пещь огненную.

Внимательно приглядевшись к толпе, я понял, что они временно отложили вынесение приговора. Случалось ли вам стучаться в двери одного из тех нью-йоркских баров, где незаконно торгуют горячительным и где перед вашим носом захлопывается решетка, а потом появляется *лицо*. Долгую минуту оно молча глядит на вас, и вся ваша прошлая жизнь проносится перед вами. Потом вы сообщаете, что вы друг мистера Зинзинхаймера, который вас предупредил, что если вы на него сошлетесь, вас примут должным образом. И только тогда обстановка разряжается. Ну, так вот, эти уличные торговцы и лавочники заставили меня вспомнить это лицо. «Ну-ка, попробуй, отколи коленце, — казалось, говорили они, — мы тебе покажем, где раки зимуют». Признаться, меня не оставляло чувство, что стоит мне выйти на сцену со своим «Эй, сынок!», как они тут же сочтут, что я «попробовал отколоть коленце».

— Полный зал, сэр, — произнес голос у меня над ухом. Рядом со мной стоял Дживс и благосклонно наблюдал за представлением.

— И вы здесь? — холодно сказал я.

— Да, сэр. Я здесь присутствую с самого начала.

— Вот как? Ну и что, есть потери?

— Сэр?

— Дживс, вы меня отлично понимаете, — сурово проговорил я, — пожалуйста не притворяйтесь. Кто-нибудь уже провалился?

— Нет, сэр.

— Думаете, я буду первый?

— Нет, сэр. Я не вижу оснований предполагать, что вы потерпите неудачу, сэр. Я не сомневаюсь, что вас примут хорошо.

Внезапно меня поразила одна мысль.

— Вы уверены, что все пойдет так, как было намечено?

— Да, сэр.

— А я не уверен. И скажу вам, почему. В вашем дурацком плане есть слабое место.

— Слабое место, сэр?

— Именно. Неужели вам не пришло в голову, что мистер Глоссоп, услышав, как я пою эту проклятую песню, откажется выйти на сцену после меня? Дживс, пошевелите извилинами. Мистер Глоссоп поймет, что перед ним разверзлась бездна и вовремя остановится. Он вообще не станет выступать.

— Мистер Глоссоп не услышит, как вы поете, сэр. По моему совету он посетил «Кувшин и бутылку» — заведение, которое находится как раз напротив концертного зала. Мистер Глоссоп не намерен его покидать, пока не придет его очередь выйти на подмостки.

— Да? — сказал я.

— Если позволите, сэр, здесь неподалеку имеется еще одно заведение, которое называется «Коза и виноград». Мне кажется, было бы весьма целесообразно...

— Чтобы я навел на эту самую «Козу с виноградом»?

— Это помогло бы вам снять нервное напряжение, сэр, в ожидании выступления.

Я все еще сердился на Дживса за то, что он втянул меня в эту гнусную историю, но, должен признаться, последние его слова немного меня смягчили. Спору нет, он был прав. Он изучал психологию личности, и это не давало ему сбиться с верного пути. Спокойные десять минут в «Козе и винограде» — именно то, чего требовала нервная система моей личности. Рвануть в упомянутое заведение и пропустить пару стаканчиков виски с содовой было для Бертрама Вустера минутным делом.

Лечение оказало на меня прямо-таки магическое действие. Что еще они лили в напиток, кроме медного купороса, не знаю, но он в корне изменил мои взгляды на жизнь. Исчезло мучившее меня странное удушье. Я больше не чувствовал слабости в коленках. Конечности не дрожали, язык развязался, спина распрямилась. Помедлив ровно столько, чтобы заказать еще стаканчик и осушить его, я радостно пожелал официантке покойной ночи, приветливо кивнул парням, сидевшим в баре, — мне очень понравились их лица, — и гоголем направился в зал, готовый ко всему.

Вскоре я уже стоял на сцене, и миллион выпученных глаз таращился на Бертрама. В ушах у меня странно жужжало. Потом сквозь это

жужжание я услышал, как затренькало пианино. И вручив свою душу Господу, я набрал полную грудь воздуха и запел.

И как все только не сорвалось. Свое выступление я помню как в тумане. Кажется, когда я затянул припев, по залу пошел ропот, я подумал, что, наверное, зрители хотят мне подпевать, и эта мысль очень меня воодушевила. Тут уж я расстарался и выжал из своей глотки все, на что способен, с ходу взял самую высокую ноту и элегантно удалился в кулисы. Кланяться я не выходил, просто убрался подобру-поздорову и направился к Дживсу, который меня ждал, стоя в задних рядах.

— Ну, Дживс, — сказал я, бросая якорь рядом с ним и отирая со лба праведный пот, — по крайней мере, подмостки не снесли.

— Да, сэр.

— Но теперь вы можете всех оповестить, что я в последний раз пел за стенами своей ванной комнаты. Это была моя лебединая песнь, Дживс. Всякого, кто захочет меня послушать, прошу пожаловать к двери моей ванной и приложить ухо к замочной скважине. Может, я и ошибаюсь, но мне показалось, что к концу моего выступления зрители как-то заволновались. По-моему, тень провала витала в воздухе, я слышал, как она бьет крылами.

— Я тоже подметил, сэр, что аудитория несколько возбуждена. Видимо, она утратила интерес к этой мелодии.

— А?

— Мне бы следовало заранее вас информировать, сэр, что перед вами эту песню уже исполняли дважды.

— Что?!

— Да, сэр. Одна дама и один джентльмен. Это очень популярное произведение, сэр.

У меня отвисла челюсть. Как он мог, зная это, спокойно отправить своего господина на верную гибель?! Я был потрясен. Видимо, прославленная верность слуги своему господину навсегда утрачена. Я хотел решительно, не стесняясь в выражениях, изложить Дживсу свою точку зрения на его поступок, но меня остановило поразительное зрелище — на сцену, пошатываясь, шел Таппи.

По его виду можно было безошибочно сказать — вот человек, который недавно свел близкое знакомство с «Кувшином и бутылкой». Раздалось несколько радостных возгласов — вероятно, Таппи приветствовали партнеры по игре в триктрак, признавшие в нем своего. Услышав одобрительные крики, Таппи расплылся в широченной — от уха

до уха — улыбке. Видно, он был в стельку пьян, хотя все еще держался на ногах, и очень доволен собой. Благодушно помахав рукой своим сторонникам, он отвесил публике царственный поклон, — ну прямо восточный монарх перед восторженной толпой.

Девушка за фортепиано ударила по клавишам и заиграла вступление к «Эй, сынок!», Таппи раздулся, как шар, сцепил пальцы, возвел глаза к потолку для большей убедительности и запел. По-моему, в первую минуту народ был слишком ошеломлен и поэтому не предпринял немедленных шагов. Удивительно, но даю слово, Таппи пел, а в зале стояла мертвая тишина. Но вскоре народные массы опомнились.

Разъяренный уличный торговец поистине ужасен. Прежде мне никогда не приходилось видеть по-настоящему распаленный пролетариат, и, должен сказать, это зрелище нагнало на меня страху. В том смысле, что сразу стало понятно, как было дело во время Французской революции. Со всех сторон из зала слышался рев, такой услышишь, как мне говорили, только на рингах Ист-Энда, когда рефери дисквалифицирует народного любимца, а потом удирает без оглядки, спасая свою жизнь. Затем народ перешел от слов к делу, и в ход пошли овощи.

Не знаю почему, но я ожидал, что в первую очередь в Таппи бросят картофелину. У каждого на этот счет свое мнение. Однако в него полетел банан, и я сразу уразумел, насколько правильно был сделан выбор: видно, действовали умные головы, не чета мне. Эти парни с детства знают, как надо поступать с теми, кто им не по нраву, у них на это особое чутье. Увидев, как банан размазался по рубашке Таппи, я понял, насколько он эффективнее и живописней, чем картофелина.

Правда, приверженцы картофельной школы тоже не оплошали. В разгар побоища я заметил нескольких парней довольно интеллигентного вида, которые швырялись исключительно картофелинами.

Реакция Таппи была поистине удивительной. Глаза у него выпучились, волосы стали дыбом, но рот исправно открывался и закрывался, и было понятно, что он в шоке автоматически продолжает петь «Эй, сынок!». Потом, выйдя из транса, он на хорошей скорости припустил за кулисы. Последнее, что я видел — летящий помидор, который непременно шмякнулся бы Таппи в спину, не скройся он за кулисой.

Вскоре суматоха улеглась, крики смолкли. Я обернулся к Дживсу.

— Тягостная картина, — сказал я. — Но что поделаешь?

— Да, сэр.

— Хирургические меры, так это называется?

— Совершенно верно, сэр.

— Думаю, после этого зрелища мы, несомненно, можем считать, что роману Глоссоп — Беллинджер пришел конец.

— Да, сэр.

В эту минуту на сцене появился старина Бифи Бингем.

— Леди и джентльмены, — проговорил Бифи.

Я ожидал, что он упрекнет своих подопечных за столь неподобающий способ выражать свои чувства. Однако я ошибся. Безусловно, он уже был приучен к взаимным компромиссам, неизбежным на этих возвышающих душу представлениях, и давно понял, что не стоит обращать внимания, если зал несколько оживился.

— Леди и джентльмены, — сказал старина Бифи, — следующим номером нашей программы должны были быть песни в исполнении мисс Кору Беллинджер, прославленного меццо-сопрано. Мисс Кора Беллинджер только что мне звонила. У нее сломался автомобиль. Однако она взяла такси и вскоре сюда прибудет. А тем временем наш друг мистер Инок Симпсон прочтет поэму «Кровожадный Дэн Макгру».

Я уцепился за Дживса.

— Дживс! Вы слышите?

— Да, сэр.

— Ее здесь не было!

— Да, сэр.

— Она не видела Ватерлоо своего возлюбленного.

— Не видела, сэр.

— Весь ваш идиотский план сорвался.

— Да, сэр.

— Пойдемте, Дживс, — сказал я, и те, кто стоял рядом со мной, наверное, удивились, почему выразительное лицо Бертрама так побледнело и взгляд застыл. — Я подвергся такому нервному потрясению, какое выпадало на долю разве что первым христианам-мученикам. Я потерял несколько фунтов веса, и мой организм надолго вышел из строя. Я прошел через тяжкие испытания, воспоминания о которых заставят меня из месяца в месяц пробуждаться ночью с пронзительным криком. И все это впустую. Идемте.

— Если вы не возражаете, сэр, я бы хотел остаться и досмотреть представление.

— Дело ваше, Дживс, — сказал я уныло. — Лично мне уже ничего не хочется. Загляну, пожалуй, в «Козу и виноград», пропущу еще стаканчик цианистого калия и отправлюсь домой.

Должно быть, было около половины одиннадцатого. Я сидел в своей столь дорогой моему сердцу гостиной, мрачно потягивая укрепляющее средство, более или менее последний стакан за сегодняшний день, когда в парадную дверь позвонили, и передо мной возник Таппи. У него был такой вид, будто он пережил великий опыт общения с собственной душой. Под глазом наливался смачный синяк.

— А-а, Берти, привет, — сказал он и принялся расхаживать вокруг камина, будто прикидывая, что бы такое повертеть в руках или, может, разбить.

— Я только что пел в концерте у Бифи Бингема, — сказал он после непродолжительного молчания.

— Да? Ну и как?

— Очень лихо, — сказал Таппи. — Зрители в диком восторге.

— Сразил их?

— Наповал, — сказал Таппи. — Плакали, как дети. Заметьте, это говорил человек, получивший прекрасное воспитание, человек, который с молоком матери впитал, что ложь — смертный грех.

— Наверное, мисс Беллинджер довольна?

— Да, в полном восторге.

— Значит, теперь полный порядок?

— Да, конечно. Таппи помолчал.

— Но, с другой стороны, Берти...

— Да?

— Знаешь, я все хорошенько обдумал. Как-то я сомневаюсь... по моему, мисс Беллинджер мне все-таки не пара.

— Сомневаешься?

— Да.

— Но почему вдруг?

— Даже не знаю. На тебя находит вроде как озарение. Берти, я очень уважаю мисс Беллинджер. Восхищаюсь ею. Но... э-э... Берти, я ничего не могу с собой поделать... Чувствую, что добрая, милая девушка... э-э... как твоя кузина Андже́ла, например... была бы... э-э... на самом деле... Словом, я хочу попросить тебя, может, ты позвонишь Андже́ле и узнаешь, как она отнесется к предложению пойти сегодня вечером к Беркли поужинать и потанцевать.

— Тогда вперед! Вот телефон.

— Нет, Берти, я бы все-таки попросил тебя. Так или иначе, если ты проложишь дорогу... Видишь ли, может случиться, что она... в смысле, ты ведь знаешь, случаются всякие недоразумения... Берти, дружище, ты

понимаешь, к чему я клоню? Пожалуйста, похлопочи за меня, проложи дорожку, если ты не против.

Я подошел к телефону и позвонил тете Далии.

— Она говорит, что ты можешь прийти, — сказал я.

— Передай ей, — благоговейно проговорил Таппи, — она и глазом не успеет моргнуть, а я уже буду у нее.

Едва он умчался, как я услышал щелчок замка и мягкие шаги по коридору.

— Дживс, — позвал я.

— Сэр? — сказал Дживс, появляясь в гостиной,

— Дживс, удивительные вещи творятся на свете. Здесь только что был мистер Глоссоп. Сказал, что у них с мисс Беллинджер все кончено.

— Да, сэр.

— Кажется, вы совсем не удивлены.

— Нет, сэр. Признаться, я предвидел подобную возможность.

— Да? Но почему?

— Эта мысль мне пришла, когда я увидел, как мисс Беллинджер ударила мистера Глоссоба в глаз.

— Ударила?!

— Да, сэр.

— В глаз?!

— В правый глаз, сэр. Я схватился за голову.

— Что, черт подери, на нее нашло?

— Мне показалось, сэр, мисс Беллинджер была немного расстроена приемом, который ей устроила аудитория.

— Господи Боже мой! Неужели она тоже провалилась?

— Да, сэр.

— Но почему? У нее прекрасный голос.

— Да, сэр. Но, я думаю, публику возмутил ее репертуар.

— Дживс! — Мысли у меня в голове пустились вскачь. — Неужели мисс Беллинджер тоже им спела «Эй, сынок!»?

— Да, сэр. К тому же она вынесла на сиену — на мой взгляд, весьма необдуманно — большую куклу и пела, обращаясь к ней. Аудитория впала в заблуждение и приняла ее за марионетку чревовещателя. Вследствие этого случился небольшой беспорядок.

— Но какое странное совпадение, Дживс!

— Не совсем, сэр. Я рискнул взять на себя смелость подойти к мисс Беллинджер, когда она приехала на концерт, и напомнить ей о себе. Затем я сказал, что мистер Глоссоп просил меня передать ей его горячее пожелание

исполнить в знак особого к нему расположения его любимую песню «Эй, сынок!». Когда мисс Беллинджер узнала, что и вы, и мистер Глоссоп тоже пели эту песню непосредственно перед ней, мне кажется, она сочла, что стала жертвой глупой шутки мистера Глоссопа. Будут ли какие-нибудь приказания, сэр?

— Нет, спасибо.

— Покойной ночи, сэр.

— Покойной ночи, Дживс, — благоговейно сказал я.

СЛУЧАЙ С СОБАКОЙ МАКИНТОШЕМ

Мой крепкий сон был прерван звуком, напоминающим отдаленные раскаты грома, и когда сонный туман немного рассеялся, я смог определить, что это за звук и откуда он исходит. Источником его был теткин скотч-терьер Макинтош, который царапался в дверь. Дело в том, что моя тетушка Агата отбыла лечиться в Aix-les Bains, а на мое попечение оставила это скудоумное животное, с которым у нас резко расходятся взгляды на предмет раннего вставания. Хотя часы не показывали и десяти, глупый пес был тут как тут.

Я позвонил, и вскоре из ниоткуда возник Дживс с подносом. Впереди Дживса бежало животное, оно вскочило на кровать, проворно лизнуло меня в правый глаз, свернулось клубочком и немедленно погрузилось в глубокий сон. Объясните мне, какой смысл подниматься ни свет ни заря и ломиться в дверь, если вы намерены при первой же возможности снова завалиться спать. Тем не менее каждый день на протяжении последних пяти недель малахольный пес упрямо придерживался одной и той же стратегии, и, признаться, мне это уже здорово надоело.

На подносе лежало два-три письма и, залив в утробу с полчашки живительного напитка, я почувствовал, что теперь в силах за них приняться. Сверху лежало письмо от тетушки Агаты.

— Ха! — сказал я.

— Сэр?

— Я сказал «Ха!», Дживс. И это «Ха!» выражает облегчение. Тетушка Агата возвращается сегодня вечером. От шести до семи она будет в своей городской резиденции и надеется, что ее там встретит Макинтош.

— Вот как, сэр? Мне будет не хватать песика.

— Мне тоже, Дживс. Несмотря на его привычку подниматься чуть свет и до завтрака врываться ко мне с изъятиями любви, он славный малый. Тем не менее я чувствую большое облегчение при мысли, что он скоро отправится восвояси. Пока пес находился под моей опекой, я не знал ни минуты покоя. Вам известно, что за дама тетушка Агата. Она расточает любовь своей собаке вместо того, чтобы окружить этой любовью родного племянника. И если, не дай Бог, с псом что-нибудь случится, пока я выступаю *in loco parentis*,^[72] если он подцепит бешенство, вертячку или

гельминтоз, тетя Агата обвинит меня.

— Совершенно верно, сэр.

— А вы хорошо знаете, Дживс, для тети Агаты и того, кого она сочтет виновным, Лондон становится слишком тесен.

Я вскрыл второе письмо и пробежал его глазами.

— Ха! — сказал я.

— Сэр?

— Еще одно «Ха!», Дживс, однако на этот раз оно означает умеренное удивление. Это письмо от мисс Уикем.

— Вот как, сэр?

В голосе Дживса я почувствовал озабоченность, и для меня не было секретом, какой вопрос он сейчас себе задает: «Неужели мой молодой господин близок к тому, чтобы снова поскользнуться?» Видите ли, в свое время сердце Берти Вустера было до некоторой степени пленено этой самой Робертой Уикем, которая никогда не устаивалась одобрения со стороны Дживса. Он считал ее ветреной, своевольной и опасной для людей и животных. И я обязан сказать, что события в известной мере подтвердили его точку зрения.

— Она хочет, чтобы я сегодня пригласил ее на обед.

— Вот как, сэр?

— А также двух ее друзей.

— Вот как, сэр?

— Сюда. К половине второго.

— Вот как, сэр?

Я почувствовал раздражение.

— Дживс, бросьте подражать попугаю, — сказал я, решительно взмахнув куском хлеба с маслом. — Какой смысл стоять тут и твердить «Вот как, сэр?». Я знаю, что у вас на уме, и прямо заявляю — вы ошибаетесь. По отношению к мисс Уикем Бертрам Вустер холоден, как сталь. Но не вижу, черт побери, причины отказывать ей в такой малости, как обед. Вустер может разлюбить, но он всегда сохраняет учтивость.

— Очень хорошо, сэр.

— В таком случае посвятите утро хлопотам и запасите снедь. В традициях старого короля Венцеслава. Помните? «Принеси мне мясо и принеси мне птицу...»

— «Принеси мне мясо и принеси мне вина», сэр.

— Может, и так. Вам лучше знать. Да, Дживс, и еще фруктовый рулет.

— Сэр?

— Да, фруктовый рулет, и в нем как можно больше варенья. Мисс

Уикем особо об этом упоминает. Загадочная история, верно?

— Чрезвычайно загадочная, сэр.

— Кроме того, устрицы, мороженое, горы шоколадных конфет с такой вязкой, скользкой начинкой. От одной мысли о них тошнит.

— Да, сэр.

— Вот и меня тоже. Но она этого хочет. Должно быть, сидит на особой диете. Ладно, что поделаешь! Позаботьтесь обо всем, Дживс, хорошо?

— Да, сэр.

— К половине второго.

— Хорошо, сэр.

— Благодарю вас, Дживс.

В половине первого я вывел Макинтоша в парк на утреннюю прогулку и, вернувшись минут через сорок, обнаружил, что в гостиной сидит Бобби Уикем, курит и болтает с Дживсом, который отвечает ей, по-моему, довольно сухо.

Думаю, я вам уже рассказывал о Бобби Уикем. Это та самая рыжеволосая девица, которая безжалостно опозорила меня в истории с Таппи Глоссом и грелкой. Я тогда приехал к ним на Рождество в Скелдингс-Холл, это их имение в Хартфордшире. Мать Бобби, леди Уикем, пишет романы, которые, по-моему, хорошо раскупаются теми, кто любит сентиментальный вздор. Леди Уикем — внушительная особа, похожая на мою тетушку Агату. Бобби совсем другая, фигурка у нее, как у кинозвезды Клары Бау. Когда я вошел в гостиную, Бобби так сердечно со мной поздоровалась, что Дживс, который направлялся в буфетную, чтобы смешать коктейли, замер у двери и послал мне печальный, полный тревоги взгляд, каким мудрый старый отец предостерегает легкомысленного сына, увлеченного местной красоткой. Я кивнул Дживсу с таким видом, будто хотел сказать: «Холоден, как сталь!», и он выскользнул, предоставив мне играть роль радушного хозяина.

— Берти, ужасно мило с твоей стороны, что ты согласился угостить нас обедом, — сказала Бобби.

— Не бери в голову, старушка. Всегда тебе рад.

— Ты приготовил все, о чем я просила?

— Вся перечисленная тобой гадость лежит в буфетной. Послушай, с каких пор ты пристрастилась к фруктовому рулету?

— Берти, это не для меня. Должен прийти маленький мальчик.

— Что?!

— Берти, прости, пожалуйста, — сказала она, заметив мое

волнение. — Мне понятны твои чувства, и я не собираюсь притворяться, будто не знаю, что этот мальчишка совсем не подарок. Даже не верится, что бывают такие дети. Но мне позарез надо к нему подлизаться, всячески его ублажить и вообще принять его, как важного гостя, потому что все зависит только от него.

— В каком смысле?

— Сейчас объясню. Ты ведь знаешь маму?

— Чью маму?

— Мою.

— Ну конечно. Я думал, ты говоришь о матери этого ребенка.

— У него нет мамы. У него только папа, крупный театральный деятель из Америки. Я с ним познакомилась на днях на одной вечеринке.

— С папой?

— Ну да.

— Или с ребенком?

— Нет, с папой.

— Понятно. Пока все понятно. Валяй дальше.

— Ну вот, мама — моя мама — написала пьесу по одному из своих романов, и когда я познакомилась с этим папой — с театральным папой — и, между нами, он положил на меня глаз, я себе сказала: «А почему бы нет?»

— Что «почему бы нет»?

— Почему бы не подсунуть ему мамину пьесу.

— Ты говоришь о своей маме?

— Ну конечно, о своей. Не о его же. У него, как и у ребенка, тоже нет мамы.

— Наверное, это у них наследственное.

— Понимаешь, Берти, так уж получилось, что мама сейчас на меня ужасно сердится. Во-первых, я разбила автомобиль... ну и еще кое-что было. Вот я и подумала, что мне выпал шанс наладить отношения. Я поворковала с этим Блуменфелдом...

— Знакомая фамилия.

— Да, он крупный деятель у себя, в Америке. Сейчас приехал в Лондон узнать, нельзя ли тут купить стоящую пьесу. Ну вот, я с ним поворковала, а потом спрашиваю, не хочет ли он прослушать мамину пьесу. Он согласился, и я пригласила его на обед, чтобы прочитать ему эту пьесу.

— Ты собираешься читать ее здесь? — спросил я, бледнея.

— Да.

— О Господи!

— Я тебя понимаю, — сказала Бобби. — Конечно, это тоска зеленая. Но, надеюсь, мне повезет. Все зависит от мальчишки. Видишь ли, этот Блуменфелд, непонятно почему, всегда полагается на его мнение. Наверное, считает, что интеллект среднего зрителя не выше, чем у этого ребенка, и...

Я издал слабый стон, и Дживс, который появился в дверях с коктейлями, бросил на меня страдальческий взгляд. Я вспомнил все.

— Дживс!

— Сэр?

— Помните, когда мы были в Нью-Йорке, отвратительный мальчишка по имени Блуменфелд буквально с грязью смешал Сирила Бассингтон-Бассингтона, который хотел поступить на сцену?

— Весьма живо, сэр.

— Ну так приготовьтесь. Он будет у нас обедать.

— Вот как, сэр?

— Рад, что вы отнеслись к моему сообщению с таким спокойствием. Я видел это исчадие ада всего несколько минут, и перспектива снова оказаться в его обществе вызывает у меня дрожь.

— Вот как, сэр?

— Хватит твердить «Вот как, сэр?». Вы видели этого монстра в действии и знаете, чего он стоит. Он сказал Сирилу Бассингтон-Бассингтону, человеку, которому даже не был представлен, что у него физиономия, как у рыбыны. Сразу же, едва только его увидел. Даю честное слово, что если паршивец скажет мне, что у меня физиономия, как у рыбыны, я разmozжу ему голову.

— Берти! — в волнении вскричала Бобби.

— Да, разmozжу.

— Но ты погубишь все дело!

— И пусть. У нас, у Вустеров, есть гордость.

— Возможно, юный джентльмен не заметит, что у вас лицо, как у рыбыны, сэр, — сказал Дживс.

— М-м, это, конечно, меняет дело.

— Но мы не можем полагаться на счастливый случай, — сказала Бобби. — Скорее всего, это будет первое, что он заметит.

— В таком случае, мисс, — сказал Дживс, — было бы разумнее, если бы мистер Вустер не присутствовал на обеде.

Я так и просиял. Как всегда, Дживс нашел выход.

— Но мистеру Блуменфелду это может показаться странным.

— Хорошо, можешь сказать ему, что я чужак. Скажи, что иногда на меня внезапно что-то находит, и тогда я не выношу общества людей. Придумай, что хочешь.

— Но его это может оскорбить.

— Он еще больше оскорбится, если я двину его сыночку по зубам.

— Мне кажется, мисс, было бы целесообразно принять план, предложенный мной.

— Ладно уж, — сказала Бобби. — Тогда дуй побыстрее отсюда. Правда, мне хотелось, чтобы ты тоже слушал мамину пьесу и хохотал в нужных местах.

— Не думаю, что в пьесе будут такие места, — сказал я. И с этими словами в два прыжка выскочил в холл, схватил шляпу и рванул на улицу. В этот миг у подъезда остановился автомобиль, в котором сидели папаша Блуменфелд и его мерзкий отпрыск. Я понял, что мальчишка меня узнал, и сердце у меня ушло в пятки.

— Привет! — сказал он.

— Привет, — выдавил я.

— Куда это ты шпаришь? — спросило дитя.

— Хм-м, — буркнул я и припустил в открытые просторы.

Я пообедал в «Трутнях» в свое полное удовольствие, потом довольно долго сидел за кофе, покуривал сигареты. В четыре часа я решил, что можно, пожалуй, подумать о том, чтобы вернуться домой, но, не желая рисковать, я сначала позвонил Дживсу.

— Путь свободен, Дживс?

— Да, сэр.

— Младшего Блуменфелда поблизости не наблюдается?

— Нет, сэр.

— Может, забился куда-нибудь в укромный уголок?

— Нет, сэр.

— Как все прошло?

— Мне кажется, вполне удовлетворительно, сэр.

— Не спрашивали, почему меня нет?

— Я думаю, мистер Блуменфелд и юный мастер Блуменфелд были несколько удивлены вашим отсутствием, сэр. Судя по всему, они вас встретили, когда вы выходили из дома.

— В том-то и дело. Ужасно неловко, Дживс. Ребенок, видно, хотел со мной поговорить, а я что-то буркнул и промчался мимо. Они это как-нибудь обсуждали?

— Да, сэр. Юный мастер Блуменфелд высказался по этому поводу.
— Интересно, что он сказал?
— Не могу точно его процитировать, сэр, но он провел аналогию между вами и кукушкой.
— Кукушкой?
— Да, сэр. Он сказал, что у кукушки интеллект выше.
— Так и сказал? Вот видите, как я был прав, что ушел из дома. Одна такая шуточка с его стороны, и я врезал бы ему по зубам. Дживс, вы, как всегда, дали мне мудрый совет.
— Благодарю вас, сэр.
— Итак, поскольку путь свободен, я возвращаюсь домой.
— Может быть, сэр, вы сначала позвоните мисс Уикем? Она пожелала, чтобы я передал вам эту ее просьбу.
— В смысле, чтобы я ей позвонил?
— Совершенно верно, сэр.
— Хорошо. Ее номер?
— Слоан, 8090. Я думаю, это резиденция тетушки мисс Уикем на Итон-Сквер.

Я набрал номер, и до меня немедленно донесся голосок юной Бобби. По его звучанию я догадался, что она чрезвычайно довольна.

— Алло? Берти, это ты?
— Собственной персоной. Какие новости?
— Блеск! Все прошло просто на «ура». Обед был что надо. Ребенок наелся по самые брови, и с каждой минутой становился все дружелюбнее. А когда прикончил третью порцию мороженого, то был готов расхвалить любую пьесу, даже мамину. Я шпарила изо всех сил, чтобы не дать ему опомниться, и он проглотил пьесу, как миленький. Когда я дошла до конца, старый Блуменфелд говорит: «Ну, сынок, как, по-твоему?». Ребенок мечтательно улыбнулся, наверное, вспомнил о фруктовом рулете, и говорит: «Порядок, папуля». Сейчас старик Блуменфелд повел его в кино, а в половине шестого я пойду к ним в «Савой» подписывать контракт. Только что говорила по телефону с мамой, она вся в нетерпении.

— Потрясающе!
— Я знала, что ты обрадуешься. Ой, Берти, чуть не забыла. Помнишь, ты как-то говорил, что готов для меня на все?

Я настороженно замолчал. Честно признаться, я действительно однажды именно так и высказался, но это высказывание предшествовало истории с Таппи и грелкой. В более трезвом настроении, рожденном упомянутым эпизодом, я бы не был так щедр на обещания. Вы знаете, как

это бывает. Любовь вспыхивает и умирает, разум возвращается на свой трон, и вы уже не ощущаете в себе готовности плясать под дудку вашего кумира, как в раннем чистом пылу божественной страсти.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Мне не надо, чтобы ты что-то делал. Это я кое-что сделала и, надеюсь, ты не рассердишься. Видишь ли, только я начала читать пьесу, как в комнату вбежал твой пес, скотч-терьер. Ребенок пришел от него в восторг и, многозначительно глядя на меня, сказал, что мечтает как раз о такой собаке. Естественно, мне ничего не оставалось, как ответить: «Я тебе ее дарю».

Я покачнулся.

— Ты... Ты... Что ты наделала?!

— Подарила ему твою собаку. Я знала, что ты не будешь возражать. Понимаешь, мне важно было задобрить мальчишку. Если бы я ему отказала, он бы охаял пьесу, и тогда все эти рулетки и прочие сласти пошли бы кошке под хвост. Видишь ли...

Я бросил трубку. Челюсть у меня отвисла, глаза вытаращились. Я шатаясь вышел из телефонной кабины, неверной походкой добрал до выхода и окликнул такси. Ворвавшись в квартиру, я завопил, призывая Дживса.

— Дживс!

— Сэр?

— Знаете, что случилось?

— Нет, сэр.

— Собака... пес тети Агаты... Макинтош...

— Я что-то его не вижу, сэр. Когда обед закончился, он куда-то делся. Может быть, он у вас в спальне.

— Да, как бы не так! В спальне! Я вам скажу, где он — в «Савойе»!

— Сэр?

— Мисс Уикем сказала, что отдала его Блуменфелду-младшему.

— Сэр?

— Отдала его этому гнусному мальчишке, говорю вам. Подарила. Отдала в качестве подарка. С наилучшими пожеланиями.

— Каковы мотивы данного поступка, сэр?

Когда я объяснил все обстоятельства дела, Дживс почтительно поцокал языком.

— Я всегда придерживался мнения, если вы припомните, СЭР' — сказал он, — что мисс Уикем, хотя и очаровательная юная леди...

— Да-да, сейчас это неважно. Что мы можем предпринять? Вот в чем

вопрос. От шести до семи вернется тетя Агата и не досчитается скотч-терьера. А так как она, вероятно, всю дорогу страдала морской болезнью, легко представить себе, Дживс, что меня ожидает. Когда я выложу ей всю правду о том, что ее пес отдан совершенно постороннему человеку, думаю, мне не следует рассчитывать на милосердие с ее стороны.

— Положение очень тревожное, сэр.

— Как вы сказали?

— Очень тревожное, сэр. Я фыркнул.

— Да? По-моему, Дживс, окажись вы в Сан-Франциско в эпицентре землетрясения, вы бы и бровью не повели. Английский язык, как мне твердили в школе, самый выразительный в мире, он весь напичкан миллионом разных прилагательных. А вы? Неужели не могли найти что-нибудь более подходящее, чтобы описать мое ужасное положение? Нет, Дживс, оно не просто тревожное, оно... оно... как это называется?

— Катастрофическое, сэр.

— Именно. Ну, так что же делать?

— Я принесу вам виски с содовой, сэр.

— Какой от него толк?

— Напиток вас освежит, сэр. А тем временем, если желаете, я подумаю, что можно предпринять.

— Идет.

— Очень хорошо, сэр. Я полагаю, вы не пожелали бы совершить какой-либо шаг, который мог бы подвергнуть опасности добрые отношения, установившиеся между мисс Уикем и мистером и мастером Блуменфелдами?

— А?

— Вы ведь не намерены, например, отправиться в отель «Савой», и потребовать, чтобы вам вернули собаку?

Соблазнительная мысль, конечно, но я отрицательно покачал головой. Есть поступки, которые Вустеры могут совершать, и есть поступки, которых Вустеры совершать не могут. Путь, указанный Дживсом, без сомнения, привел бы к успеху, однако несносный мальчишка разозлится и разбранит пьесу. Я уверен, какую бы пьесу ни накропала мамаша Бобби, театральная публика в восторг не придет, но я не мог, выражаясь языком поэзии, отвести чашу счастья от губ треклятой девчонки. Короче говоря, *noblesse oblige*.^[73]

— Нет, Дживс, — сказал я. — Но если вы придумаете, как мне тайно проникнуть в апартаменты Блуменфелда и похитить животное, не причиняя никому неприятностей, будет то, что надо.

— Я приложу все усилия, сэр.

— Тогда немедленно принимайтесь думать. Говорят, для мозга очень хороша рыба. Попробуйте поесть сардин, возвращайтесь и посмотрим, каков будет результат.

— Очень хорошо, сэр.

Не прошло и десяти минут, как Дживс снова возник передо мною.

— Мне кажется, сэр...

— Да, Дживс?

— Мне кажется, сэр, я придумал план действий.

— Или схему.

— Или схему, сэр. План действий, или схему, которая применима к данной ситуации. Если я правильно вас понял, сэр, мистер и мастер Блуменфелды находятся в кинематографе?

— Верно.

— В таком случае они вряд ли вернутся раньше четверти шестого.

— Тоже верно. Мисс Уикем назначено прийти в половине шестого, чтобы подписать контракт.

— Следовательно, в апартаментах никого нет.

— Кроме Макинтоша.

— Кроме Макинтоша, сэр. Таким образом, все зависит от того, распорядился ли мистер Блуменфелд провести мисс Уикем в апартаменты, чтобы она дожидалась его возвращения там.

— Почему от этого все зависит?

— Если мистер Блуменфелд отдал такое распоряжение, дело очень упрощается. Необходимо только, чтобы мисс Уикем прибыла в отель к пяти часам. Она поднимется в апартаменты. Вы тоже должны приехать в отель к пяти часам, сэр, и пройти по коридору мимо апартаментов. Если мистер и мастер Блуменфелды еще не вернулись, мисс Уикем откроет Дверь, выйдет, а вы войдете, завладеете животным и уедете.

Я уставился на Дживса.

— Сколько банок сардин вы съели, Дживс?

— Ни одной, сэр. Я не люблю сардины.

— Стало быть, вы придумали этот поразительный, грандиозный, гениальный план, совсем не стимулируя свой мозг путем поедания рыбы?

— Да, сэр.

— Вам нет равных, Дживс.

— Благодарю вас, сэр.

— Стойте!

— Сэр?

— А если пес откажется идти ко мне? Вы же знаете, какой он малахольный. За это время, особенно если он уже привык к новому месту, он наверняка меня забыл и теперь обойдется со мной, как с чужаком.

— Я предусмотрел такую возможность, сэр. Самое разумное в данных обстоятельствах, сэр, обрызгать ваши брюки анисовыми каплями.

— Анисовыми каплями?

— Да, сэр. Это средство широко используется в таком промысле, как похищение собак.

— Но, Дживс... как же... эти чертовы... анисовые капли?

— Я полагаю, в данном деле анисовые капли — самое главное, сэр.

— Но где достать эту дрянь?

— В любой аптеке, сэр. Мне кажется, сэр, вам стоит сразу же пойти и купить пузырек анисовых капель, а я тем временем телефонирую мисс Уикем, чтобы известить ее о предполагаемом мероприятии и удостовериться в том, что она будет допущена в апартаменты мистера и мастера Блуменфелдов.

Не знаю, каков мировой рекорд по молниеносному беганию в аптеку и приобретению анисовых капель, но склонен думать, что я его побил. Этот феноменальный скоростной бросок был вызван к жизни мыслью о том, что тетя Агата с каждой минутой все ближе и ближе подкатывает к Лондону. Я шпарил домой с такой скоростью, что чуть не столкнулся с самим собой, на всех парах летевшем в аптеку.

Дживс сообщил мне хорошие новости.

— Все складывается в высшей степени благоприятно, сэр. Мистер Блуменфелд действительно распорядился, чтобы мисс Уикем была допущена в апартаменты. В данную минуту юная леди уже в пути. К тому времени, когда вы приедете в отель, она уже будет там.

Что ни говори о старине Дживсе — вот я, к слову сказать, первый готов утверждать, что его взгляды на вечерние рубашки крайне ограничены и консервативны, — но надо признать: этот человек умеет составить план кампании. Наполеону не помешало бы брать у него уроки. Если уж Дживс разработал для вас план, вы должны всего лишь неуклонно следовать ему, не упуская ни одной мелочи, и тогда, считайте, дело в шляпе.

В данном случае все шло в идеальном соответствии с планом. Прежде я и не подозревал, что воровать собак так просто, мне казалось, это ремесло требует холодного ума и стальных нервов. Теперь же я понимаю, что с таким делом справится и младенец, если, конечно, им будет

руководить Дживс. Я вошел в отель, прокрался по лестнице и стал околачиваться в коридоре, прикидываясь пальмой в горшке, если кто-нибудь проходил мимо. Вскоре дверь блуменфелдовских апартаментов отворилась, на пороге появилась Бобби, за ней пулей вылетел Макинтош, страстно приняхался, немедленно уткнулся носом в благоуханную ткань моих брюк и принялся с восторгом упиваться запахом. Будь я птичкой, подошедшей дней пять назад, он бы, наверное, обнюхивал меня с меньшим вожделением. Признаться, анис — не тот аромат, который предпочел бы я для себя, но он, очевидно, обладает способностью растрогать собаку до глубины души.

Таким образом, связь была установлена, остальное оказалось проще простого. Животное следовало за мной по пятам. Мы благополучно спустились по лестнице, я источал невыносимый запах, а Макинтош блаженно его вдыхал. Еще несколько нервных минут, и мы, укрывшись в такси, мчались к дому. Операция прошла блестяще.

Как только мы вошли в квартиру, я поручил Макинтоша заботам Дживса и попросил его запереть животное в ванной комнате или где-нибудь еще, куда не проникал бы исходящий от меня запах. И тут я снова отдал Дживсу дань восхищения.

— Дживс, — сказал я, — пользуясь случаем, хочу еще раз скупой, мужски сказать то, что не раз говаривал прежде: вам нет равных.

— Благодарю вас, сэр. Я рад, что мероприятие прошло удачно.

— Не мероприятие, а развлечение. Скажите, Дживс, вы всегда в такой форме или вас внезапно осеняет?

— Сэр?

— Я говорю об уме. О сером веществе. Наверное, вы были феноменально умным ребенком?

— Моя матушка считала, что я умен, сэр.

— Ну, это не довод. Даже меня моя мама считала умным. Впрочем, не стоит сейчас об этом... Скажите, Дживс, вам бы пригодилась пятерка?

— Очень вам благодарен, сэр.

— Да что там пятерка! Вообразите, Дживс, — постарайтесь воочию представить себе такую картину, — что стало бы с тетей Агатой, если бы я явился к ней между шестью и семью и сообщил, что Макинтоша больше нет с нами. Мне бы пришлось бежать из Лондона и отпустить бороду.

— Я очень живо представляю себе, сэр, что миссис Спенсер Грегсон была бы весьма огорчена.

— Еще бы. А в тех случаях, когда тетя Агата бывает огорчена, даже отчаянные смельчаки готовы забиться в щель, только бы не попасться ей

на глаза. Однако, к счастью, все закончилось благополучно... О Господи!

— Сэр?

Я замялся. Совестно обескураживать человека, который так замечательно показал себя в деле, но смолчать было нельзя.

— Вы кое-что упустили из виду, Дживс.

— Вы уверены, сэр?

— Да, Дживс, к сожалению, должен сказать, что ваша схема, или план действий, превосходный во всем, что касается меня, ставит мисс Уикем в затруднительное положение.

— В каком смысле, сэр?

— Ну как, разве вы не понимаете? Если Блуменфелды узнают, что она была в апартаментах, когда произошла кража, и папочка, и сыночек сразу же догадаются, что она замешана в исчезновении Макинтоша, разобидятся, разозлятся, и контракт не будет подписан. Я удивлен, что вы этого не предусмотрели. Все-таки вам тогда стоило поесть сардин.

Я огорченно покачал головой, и тут в парадную дверь позвонили. Заметьте, когда раздается не просто звонок, а непрерывный громкий трезвон, вы тотчас понимаете, что вас посетил некто с явными признаками высокого кровяного давления и явным поводом для недовольства вами. Я подскочил, как ужаленный. Мои сегодняшние подвиги совершенно вывели меня из равновесия.

— Господи, Боже мой, Дживс!

— Кто-то пришел, сэр.

— Да.

— По-видимому, это мистер Блуменфелд-старший, сэр.

— Что?!

— Он телефонировал незадолго до вашего возвращения, предупредил, что собирается нанести вам визит.

— Только этого мне не хватало!

— Весьма сожалею, сэр.

— Что делать, Дживс?

— Мне представляется, сэр, наиболее разумным шагом было бы спрятаться за диван.

Я сразу оценил совет. Я не встречался с этим Блуменфелдом в обществе, но издали мне его видеть приходилось. Это было, когда они ссорились с Сирилом Бассингтон-Бассингтоном. Тогда Блуменфелд не произвел на меня впечатление человека, с которым приятно находиться в замкнутом ограниченном пространстве, особенно если этот тип чем-то взволнован. Крупный, тучный, грубый, настоящий хам, если что-то не по

нему, он тут же набросится на вас и ударом в челюсть собьет с ног.

Поэтому я угнездился за диваном. Через минуту по комнате будто ураган пронесся, и в гостиную ввалилось нечто сверхъестественно громоздкое.

— Это чучело Вустер, — проревел голос, в котором чувствовались многие годы тренировки в оголтелом разносе актеров на генеральных репетициях. — Где он?

— Не могу сказать, сэр, — учтиво ответил Дживс.

— Он спер пса у моего сына.

— В самом деле, сэр?

— Нахально ворвался в мой номер и унес животное.

— Чрезвычайно огорчительно, сэр.

— И вы не знаете, где он?

— Мистер Вустер может находиться где угодно, сэр. Его поступки непредсказуемы.

Блуменфелд громко потянул носом.

— Странное зловоние!

— В самом деле, сэр?

— Чем здесь разит?

— Анисовыми каплями, сэр.

— Анисовыми каплями?

— Да, сэр. Мистер Вустер имеет обыкновение опрыскивать ими свои брюки.

— Опрыскивать брюки?

— Да, сэр.

— Какого черта?

— Не могу сказать, сэр. Поступки мистера Вустера, как правило, трудно объяснить. Он экстравагантный джентльмен.

— Экстравагантный? Может, он с заскоками?

— Вы не ошиблись, сэр.

— В смысле, с приветом?

— Именно, сэр.

Последовало молчание. Я бы сказал, довольно продолжительное.

— М-м? — произнес старина Блуменфелд. Мне показалось, в его голосе появились нотки сомнения.

Он снова помолчал.

— И он опасен?

— Да, сэр, если бывает раздражен.

— Гм... отчего же он раздражается?

— Одна из странностей мистера Вустера состоит в том, что ему не нравятся джентльмены дородного телосложения. Они приводят его в бешенство.

— В смысле, толстые?

— Да, сэр.

— Почему?

— Этого никто не знает, сэр. Снова воцарилось молчание.

— Я толстый, — задумчиво произнес старикашка.

— Я бы не взял на себя смелость это утверждать, сэр, но поскольку вы так считаете... Вероятно, вы припоминаете, сэр, что когда мистера Вустера уведомили, что вы приглашены на обед, он, не будучи уверен, что сможет сдержать себя, покинул дом.

— Да, это правда. Он, как ошпаренный, выскочил из подъезда в тот момент, когда мы подъехали. Я уже тогда подумал, что это очень странно. И мой сын тоже подумал, что это очень странно. Мы с ним оба подумали, что это очень странно.

— Да, сэр. Мистер Вустер, как мне кажется, желал избежать возможных неприятностей, какие уже имели место прежде... Что касается запаха анисовых капель, сэр, по-моему, я определил, откуда он исходит. Если не ошибаюсь, он распространяется из-за дивана. Скорее всего, мистер Вустер там спит.

— Что?!

— Спит, сэр.

— И часто он спит на полу?

— Почти всегда после полудня, сэр. Может быть, вы желаете, чтобы я его разбудил?

— Не надо!

— Мне казалось, вы хотели что-то сказать мистеру Вустеру, сэр.

Старик Блуменфелд перевел дух.

— Хотел, но теперь передумал, — пробормотал он. — Только бы выйти отсюда живым — большего я не прошу.

Я слышал, как дверь гостиной отворилась и затворилась. Немного погодя хлопнула парадная дверь. Я выполз из-под дивана. Там было не слишком уютно, и меня обрадовало, что можно, наконец, оказаться в более приятном месте.

— Ушел?

— Да, сэр.

Я одобрительно посмотрел на Дживса.

— Дживс, вы достигли небывалых высот.

— Благодарю вас, сэр.

— Что меня поражает, так это, почему он вообще сюда явился. С какой стати он решил, что похитил Макинтоша я?

— Видите ли, сэр, вопрос, который вы подняли в связи с тем, что мисс Уикем могут заподозрить в соучастии в деле похищения животного, не остался вне сферы моего внимания. Поэтому я взял на себя смелость посоветовать мисс Уикем сказать мистеру Блуменфелду, что она видела, как вы забрали животное. Мне показалось, что в результате такого заявления репутация мисс Уикем весьма возрастет в глазах мистера Блуменфелда.

— Понял. Риск, конечно, есть, но, вероятно, он оправдан. Да, в целом, конечно, оправдан. Что у вас в руках, Дживс?

— Банкнота в пять фунтов, сэр.

— А-а, та, что я вам дал?

— Нет, сэр. Эту я получил от мистера Блуменфелда.

— В самом деле? Что это на него наехало?

— Мистер Блуменфелд столь щедро наградил меня за то, что я вручил ему собаку, сэр.

Я разинул рот.

— Вы хотите сказать?..

— Нет, сэр, не Макинтоша. Макинтош находится в моей спальне. Мистеру Блуменфелду я отдал другое животное такой же породы, я его приобрел в магазине на Бонд-стрит во время вашего отсутствия. Все скотч-терьеры похожи друг на друга, как близнецы, сэр, и только любящий глаз может увидеть различие между ними. Я счастлив сообщить вам, сэр, что мистер Блуменфелд не заметил этой невинной подтасовки.

— Дживс, — сказал я прерывающимся — не стыжусь в этом признаться — голосом, — вам нет равных!

— Очень вам благодарен, сэр.

— Исключительно потому, что у вас череп изобилует выпуклостями в самых неожиданных местах и вы соображаете в два раза лучше, чем двое любых вместе взятых умников, благодать, можно сказать, воцарилась вокруг нас. Тетя Агата в выигрыше, я в выигрыше, Уикемы, и мамаша и дочка, в выигрыше, Блуменфелды, и отец, и сын, в выигрыше. Куда ни кинь взгляд, куча людей благодаря вам в выигрыше. Дживс, тут пятеркой не обойдешься. Если бы я знал, что кому-то может прийти в голову, что Бертрам Вустер вздумал ограничиться какой-то жалкой пятеркой в качестве вознаграждения таких свершений, как ваши, мне было бы стыдно смотреть людям в глаза. По-моему, еще одна будет не лишней?

— Благодарю вас, сэр.

— И еще одна.

— Очень вам благодарен, сэр.

— И третья, Бог троицу любит.

— Большое спасибо, сэр, я чрезвычайно признателен. Прошу прощения, сэр, кажется, звонит телефон.

Он вышел в коридор, и я услышал, как он то и дело повторяет: «Да, мадам», «Разумеется, мадам».

— Миссис Спенсер Грегсон у телефона, сэр, — сказал он, возвращаясь в гостиную.

— Тетя Агата?

— Да, сэр. Ее сиятельство звонит с вокзала «Виктория» и желает поговорить с вами относительно скотч-терьера Макинтоша. Мне кажется, она желает услышать из ваших собственных уст, что с песиком все в порядке, сэр.

Я поправил галстук. Я одернул жилет. Я слегка выдвинул манжеты из рукавов. Я чувствовал себя на высоте в самом полном значении этого слова.

— Передайте ей, что я сейчас возьму трубку.

Я сидел за обедом у моей тетушки Далии, и хотя Анатолий, несравненный тетушкин повар, на этот раз превзошел себя по части кулинарных изысков, должен вам сказать, пища богов превращалась у меня во рту в нечто, более или менее напоминающее мочалку. Понимаете, мне предстояло сообщить тетушке дурные вести, а подобная перспектива всегда начисто лишает меня аппетита. Тетя Далия будет недовольна, я это предвидел, а когда тетя Далия недовольна, она в выражениях не стесняется, недаром всю юность посвятила охотничьим забавам.

Однако, подумал я, лучше не тянуть кота за хвост и сразу покончить с неприятным делом.

— Тетя Далия, — сказал я, беря быка за рога.

— Да?

— Вы не забыли о круизе?

— Нет.

— В смысле, о путешествии на яхте, в которое вы собирались?

— Нет, не забыла.

— Об этом чудном круизе на вашей яхте по Средиземному морю, в который вы так любезно меня пригласили и который я с таким нетерпением предвкушал?

— К чему ты клонишь, олух Царя небесного?

Я с трудом проглотил кусок cotelette-supreme-aux-choux-fleurs^[74] и пролепетал:

— Мне очень жаль, тетя Далия, но я не смогу составить вам компанию.

Как я и ожидал, она вытаращила глаза.

— Что?!

— Очень жаль, но, боюсь, не смогу.

— Ты, чучело гороховое, хочешь сказать, что не едешь с нами?

— Да, никак не смогу.

— Это еще почему?

— Дела чрезвычайной важности требуют, чтобы я непременно остался в Лондоне.

Тетушка фыркнула.

— Знаю я твои дела! Верно, какая-нибудь девчонка снова вскружила тебе голову?

Мне очень не понравилось, как тетушка выражается, но, признаюсь, я был поражен ее проницательностью — или пронзительностью? — право, не знаю, как называется качество, которым наделены детективы.

— Да, тетенька, — сказал я, — вы угадали. Я и в самом деле влюблен.

— Кто она?

— Некая мисс Пендлбери. Ее имя Глэдис, но пишется Гвлэдис.

— В смысле, с буквой «г».

— Да, с «г» и «в».

— Неужели Гвлэдис?

— Да, именно так.

Тетушка издала воинственный клич.

— Неужели у тебя не хватает ума бежать, как от чумы, от девицы, которая называет себя Гвлэдис? Послушай, Берти, — заговорила тетя Далия, взяв серьезный тон, — я гораздо более опытная женщина, чем ты, и могу дать тебе несколько полезных советов. Во-первых, если ты свяжешься с девицей, которая заявляет, что ее зовут Гвлэдис или Зои, или Безэйта, или Мабелль, жди беды. Причем самые опасные из них — Гвлэдис. Какова же твоя пассия?

— Она божественна.

— Не та ли это особа, которую я на днях видела в Гайд-парке? Она мчала тебя в красном спортивном автомобиле со скоростью шестьдесят миль в час?

— Да, на днях она меня катала в Гайд-парке. По-моему, это обнадеживающий знак. И у нее красный «Видженсевен».

Тетя Далия вздохнула с облегчением.

— Ну тогда ты наверняка с ее помощью свернешь себе шею, прежде чем она потащит тебя к алтарю. Это немного утешает. Где ты с ней познакомился?

— На вечеринке в Челси. Она художница.

— Боже правый!

— Уверяю вас, тетенька, она достигла больших высот. Она написала мой портрет. Мы с Дживсом его сегодня повесили у нас в квартире. По-моему, Дживсу он не нравится.

— С какой стати он должен ему нравиться, если он на тебя хоть сколько-нибудь похож. Художница! Называет себя Гвлэдис! Гоняет на автомобиле, как заправский шофер. — Тетушка задумалась. — Что ж, все это весьма прискорбно, но не понимаю, почему ты с нами не едешь.

Я объяснил:

— Надо быть ненормальным, чтобы в такой ситуации уехать из Лондона. Вы же знаете, каковы эти девицы. С глаз долой — из сердца вон. К тому же у меня из головы нейдет некий тип по имени Люций Пим. Мало того, что он тоже художник, и их с Глэдис это связывает, так он еще и кудрявый. Никогда не следует сбрасывать со счетов кудрявые волосы, тетя Далия. И вообще этот Люций Пим крутой парень. Глэдис в грош не ставит. Охаивает ее шляпки, поносит ее светотень. Я часто замечал, что по непонятным причинам такое обхождение пленяет девиц, а так как я по натуре настоящий крем-брюле, да еще и рыцарь в придачу, то, сами видите, положение у меня невыгодное. Учитывая все эти соображения, я не могу пуститься в Средиземное море, оставив без присмотра этого самого Пима. Вы же понимаете, тетя Далия.

Тетушка расхохоталась. Хохот был довольно противный. Этаким, знаете, презрительный.

— Стоит ли волноваться, — сказала тетка. — Неужели ты хоть на минуту допускаешь мысль, что Дживс одобрит твой выбор?

Я был уязвлен.

— Стало быть, вы считаете, тетя Далия, — сказал я и, помнится, стукнул черенком вилки по столу... или не стукнул? Нет, кажется, все-таки стукнул, — что я допущу, чтобы Дживс руководил мною, чтобы он помешал мне жениться, на ком я хочу?

— Но он же не позволил тебе отрастить усы, правда? А вспомни фиолетовые носки? А мягкие рубашки с фракком?

— Ну, это совсем другое дело.

— Готова заключить с тобой пари, Берти. Дживс не допустит этого брака.

— Какая чепуха!

— И от портрета отделается, если он ему не по вкусу.

— Чепуха! Не бывать этому никогда.

— И к назначенному часу доставит тебя, бестолочь ты несчастная, на борт нашей яхты. Не ведаю, как он это сделает, но ты будешь на месте, экипированный всем, от яхтменской кепки до трех дюжин запасных носков.

— Тетя Далия, давайте переменяем тему, — холодно сказал я. Расстроенный до глубины души таким отношением со стороны ближайшей родственницы, я вынужден был немного погулять по Гайд-парку, чтобы успокоиться. Около половины пятого, когда мои нервы перестали вибрировать, я вернулся домой. Дживс стоял в гостиной и рассматривал

портрет.

Я чувствовал себя несколько неловко, так как перед уходом объявил Дживсу, что намерен отменить морское путешествие, и хотя он сделал вид, что ему все равно, я знал, что он огорчен. Видите ли, он заранее предвкушал это плавание. С той минуты, как я принял приглашение тетушки, его глаза загорелись мечтой о море. Мне даже показалось, что он напевает на кухне хоровые матросские песни. Должно быть, кто-то из предков Дживса был моряком, может, даже служил под началом Нельсона, потому что любовь к морю у него в крови. Когда мы с ним плыли в Америку, я не раз замечал, как он расхаживает по палубе вразвалочку, будто истый моряк, и казалось, вот-вот бросится поднимать мейн-брас или сплескивать нактоуз.

И хотя я выложил Дживсу все резоны, поверил ему свои сердечные тайны, ничего не скрывая, мне было совершенно ясно, что он раздосадован, поэтому, войдя в гостиную, я сразу постарался внести немного сердечности в наши отношения.

— Ну как, Дживс, по-моему, неплохо смотрится, а?

— Да, сэр.

— Произведение искусства украшает дом, как ничто другое.

— Да, сэр.

— Придает комнате некий... как бы сказать...

— Да, сэр.

Соглашаться-то он соглашался, но тон у него был начисто лишен сердечности, и я твердо решил вправить ему мозги. В конце концов, черт побери! Не знаю, имеется ли у вас дома ваш портрет, но если имеется, вы поймете мои чувства. Созерцание собственного портрета, висящего на стене, рождает в вас по отношению к нему нечто вроде отеческой нежности, и от окружающих вы ждете похвал и восторгов. А вместо этого они кривят губы, морщат носы, про взгляд и говорить нечего — стеклянный, надменный, точно у дохлой скумбрии. Представьте себе, каково вам приходится, если этот портрет написала девушка, к которой вы питаете чувства, куда более глубокие и теплые, чем просто дружба.

— Дживс, — сказал я, — это произведение вам не по душе.

— О, нет, сэр, отчего же.

— Дживс, увертки бесполезны. Вы для меня — открытая книга. По какой-то причине этот портрет вам не нравится. Что вы имеете против него?

— Мне кажется, цветовая гамма немного ярковата, сэр.

— А мне не кажется, Дживс. Что еще?

— Прошу прощения, сэр, но мисс Пендлбери придала вашему лицу несколько голодное выражение.

— Голодное?

— Возникают некоторые ассоциации с собакой, взирающей на косточку, сэр.

Тут я его оборвал.

— Ничего подобного, никакого сходства с собакой, взирающей на косточку, я не вижу. По-моему, лицо на портрете имеет задумчивое и одухотворенное выражение.

— Понимаю, сэр.

Я перевел разговор на другую тему.

— Мисс Пендлбери сказала, что, может быть, навестит нас сегодня, чтобы осмотреть портрет. Она приходила?

— Да, сэр.

— И ушла?

— Да, сэр.

— То есть, совсем ушла?

— Совершенно верно, сэр.

— Может быть, она сказала, что вернется?

— Нет, сэр. У меня сложилось впечатление, что у мисс Пендлбери не было намерения возвращаться, сэр. Она была немного огорчена, сэр, и выразила желание вернуться в студию отдохнуть.

— Говорите, огорчена? Чем же?

— Несчастливым случаем, сэр.

Я не то чтобы нахмурился, вернее, нахмурился, но мысленно.

— Неужели с ней произошел несчастный случай?

— Да, сэр.

— Какой именно?

— Мисс Пендлбери попала в аварию, сэр.

— И получила увечья?

— Нет, сэр. Увечья получил джентльмен.

— Какой джентльмен?

— Мисс Пендлбери имела несчастье сбить джентльмена почти напротив нашего дома. У него перелом ноги, правда, не слишком тяжелый.

— Ничего себе! А с мисс Пендлбери все в порядке?

— Мне кажется, сэр, ее физическое состояние вполне удовлетворительно. Она испытывает нравственные страдания.

— Ну, разумеется, ведь она тонкая, чувствительная натура. Это вполне естественно. Как невыносимо жесток для юной девушки этот мир, где все

так и норовят броситься под колеса ее автомобиля. Должно быть, бедняжка испытала страшное потрясение. А что с оболтусом?

— Вы имеете в виду джентльмена, сэр?

— Да.

— Он находится здесь, сэр, в спальне для гостей.

— Что?!

— Да, сэр.

— Он здесь, в спальне?

— Да, сэр. Мисс Пендлбери пожелала, чтобы его принесли сюда. Она распорядилась, чтобы я телеграфировал в Париж сестре этого джентльмена, сэр, и уведомил ее о несчастном случае. Кроме того, я вызвал доктора, который сказал, что, по его мнению, пациент некоторое время должен сохранять status quo.

— В том смысле, что тело Бог знает сколько времени нельзя вынести из дома?

— Да, сэр.

— Дживс, по-моему, это слишком!

— Да, сэр.

Да, черт подери, слишком! Я хочу сказать, будь барышня трижды божественной, будь ваше сердце без остатка пленено ею и все такое прочее, никто не дает ей права превращать вашу квартиру в морг. Должен сказать, в эту минуту моя страсть чуть-чуть пошла на убыль.

— Ладно, полагаю, мне следует представиться этому идиоту. В конце концов, я же хозяин дома. Как его зовут?

— Мистер Пим, сэр.

— Пим?!

— Да, сэр. Юная леди, адресуясь к нему, называет его Люций. Он как раз шел сюда, чтобы посмотреть портрет, который написала мисс Пендлбери, поэтому и оказался на проезжей части вблизи вашего дома в тот момент, когда мисс Пендлбери выехала из-за угла.

Я направился в гостевую спальню. Надо сказать, мне было здорово не по себе. Не знаю, были ли вы когда-нибудь влюблены и попадался ли вам в качестве соперника кудрявый субъект, но, уверяю вас, в подобных обстоятельствах крайне нежелательно, чтобы этот самый соперник обосновался у вас в гостевой спальне, да еще со сломанной ногой. Кроме всего прочего, преимущества, которые он при этом, само собой, обретает, просто безграничны. Вот он, полулежа, с интересной бледностью в лице, пощипывает виноград, девица исполнена жалости и сочувствия к нему, а вы — где же вам добиться успеха, когда вы расхаживаете по квартире в

визитке и гетрах и на физиономии у вас играет здоровый румянец? По-моему, обстоятельства складывались для меня довольно мрачно.

Войдя в спальню, я увидел, что Люций Пим лежит на кровати, одетый в мою пижаму, курит мои сигареты и читает детективный роман. Он помахал в мою сторону сигаретой с таким покровительственным, черт его подери, видом,

— А-а, Вустер, — сказал он.

— Давайте обойдемся без этих ваших «А-а, Вустер», — бесцеремонно оборвал его я. — Когда вы отсюда уберетесь?

— Думаю, примерно через неделю.

— Через неделю!

— Или полторы. Пока доктор настаивает на полном покое и отдыхе. Так что, извините, старина, но прошу вас не повышать голос. «Лишь тихий шепот войску был угоден». А теперь, Вустер, что касается аварии. Нам с вами надо прийти к взаимопониманию.

— Вы уверены, что не можете убраться отсюда?

— Уверен. Так сказал доктор.

— По-моему, необходимо посоветоваться с другим доктором.

— Нет смысла, мой друг. Доктор категорически запретил куда-либо меня перевозить, а он производит впечатление человека, знающего свое дело. Я понимаю, вас тревожит, что мне здесь недостаточно удобно. Уверяю, все будет хорошо. Кровать мне нравится. Итак, вернемся к теме аварии. Завтра приедет моя сестра. Она будет просто убита. Я ее любимый брат.

— Вы?

— Да.

— А сколько вас всего?

— Шестеро.

— И вы самый любимый?

— Да.

Наверное, остальные пятеро — полные придурки, подумал я, но ничего не сказал. Мы, Вустеры, умеем держать язык за зубами, когда это необходимо.

— Она замужем за неким Слингсби. Должно быть, слышали «Непревзойденные супы Слингсби». Он купается в деньгах. Наверное, считаете, что я могу время от времени взять у него в долг какую-нибудь мелочишку? — с горечью спросил Люций Пим. — Как бы не так! Впрочем, это к делу не относится. Штука в том, что сестра меня любит без памяти, поэтому может начать судебное преследование, и вообще от

бедняжки Глэдис останется мокрое место, если сестра узнает, что это она меня сбила. Поэтому, Вустер, моя сестра не должна ни о чем догадываться. Прошу вас как порядочного человека хранить молчание.

— Естественно.

— Приятно, Вустер, что вы с ходу все уловили. Вы совсем не так тупы, как о вас говорят.

— Кто говорит, что я туп? Пим поднял брови.

— А разве не говорят? Ну ладно. Как-никак, этот вопрос мы решили. Если не придумаю что-нибудь получше, скажу сестре, что автомобиль, который меня сбил, не остановился, а номера я не заметил. А теперь, пожалуй, будет лучше, если вы меня покинете. Доктор особо настаивал на покое и отдыхе. К тому же хочу дочитать роман. Негодяй запустил кобру в дымоход, ведущий в комнату героини, и я за нее волнуюсь. Когда читаешь Эдгара Уоллеса, прямо поджилки трясутся. Я позвоню, если мне что-нибудь понадобится.

Я побрел в гостиную. Там я застал Дживса. Он стоял и пристально глядел на мой портрет с таким выражением, будто картина причиняла ему нестерпимые страдания.

— Дживс, — сказал я, — кажется, мистер Пим прочно у нас обосновался.

— Да, сэр.

— Во всяком случае, в данное время. А завтра сюда явится его сестра, миссис Слингсби — «Непревзойденные супы Слингсби» — собственной персоной.

— Да, сэр. Я телеграфировал миссис Слингсби в Париж около четырех. Если предположить, что, когда доставили телеграмму, она находилась в отеле, то, без сомнения, завтра утром она сядет на пароход и прибудет в Дувр. Если же она предпочтет другой маршрут и отправится в Фолкстон, то как раз успеет на поезд, который прибывает в Лондон около семи. Вероятно, вначале она направится в свою резиденцию...

— Да-да, Дживс, — сказал я. — Захватывающая история, сколько экспрессии, сколько чувства. Вам следует в свободную минуту положить ее на музыку, получится шикарный вокальный вариант. А между тем, запомните, пожалуйста, что я вам скажу. Миссис Слингсби ни в коем случае не должна узнать, что ноги ее брату переломала мисс Пендлбери. Поэтому прошу вас навестить мистера Пима до приезда его сестры, уточнить, что он собирается ей наплести, и придерживаться этой версии во всех подробностях.

— Слушаюсь, сэр.

— А теперь, Дживс, как быть с мисс Пендлбери?
— Сэр?
— Она, конечно, придет справиться о здоровье мистера Пима.
— Вероятно, сэр.
— Так вот, она не должна меня здесь видеть. Дживс, вы ведь все знаете о женщинах, верно?

— Да, сэр.
— Тогда скажите, вправе ли я предполагать, что если мисс Пендлбери придет навестить больного, увидит его, такого привлекательного своей бледностью, и храня в памяти его трогательный образ, выйдет из спальни и наткнется на меня, слоняющегося тут в своих полосатых брюках, сравнение будет не в мою пользу. Вы понимаете? Взгляните на одну картину и на другую, первая — романтическая, а вторая... Что скажете?

— Совершенно верно, сэр. Это именно тот вопрос, к которому я собирался привлечь ваше внимание. Любой беспомощный, прикованный к постели человек, вне всякого сомнения, пробуждает материнский инстинкт, свойственный каждой женщине, сэр, и вызывает в ее душе глубочайшие чувства. Писатель В. Скотт весьма точно подметил эту особенность женского сердца: «О женщины, коль в жизни гладь да тишь, капризны, вздорны вы, на вас не угодишь... Когда же час страдания пробьет... [\[75\]](#)

Я покачал головой.

— Дживс, как-нибудь в другой раз, — сказал я, — я с большим удовольствием послушаю, как вы читаете В. Скотта, но сейчас я не в настроении. В том положении, которое я вам описал, мне лучше отсюда слить с утра пораньше и до самого вечера. Возьму автомобиль и махну на денек в Брайтон.

— Очень хорошо, сэр.
— Так ведь будет лучше, правда?
— Вне всякого сомнения, сэр.
— Да, я тоже так думаю. Морской ветерок меня взбодрит, а я очень в этом нуждаюсь. Вы же останетесь приглядывать за домом.

— Хорошо, сэр.
— Передайте мисс Пендлбери поклон, скажите, что я весьма сожалею о случившемся. Скажите, что меня вызвали по делу.

— Да, сэр.
— Если эта самая Слингсби потребует чего-нибудь освежающего, снабдите ее чем Бог послал.
— Очень хорошо, сэр.

— И когда будете подсыпать яд в суп мистеру Пиму, избегайте мышьяка, его легко обнаружить. Пойдите к аптекарю и купите чего-нибудь такого, что не оставит следов.

Я вздохнул и поднял взгляд на портрет.

— Как все в мире шатко, Дживс.

— Да, сэр.

— Когда писался этот портрет, я был счастлив.

— Да, сэр.

— Такова жизнь, Дживс!

— Совершенно справедливо, сэр. На том мы с ним и сошлись.

На другой день я несколько припозднился с возвращением. Напоенный озоном воздух, вкусный обед и упоительная поездка при лунном свете в моем добром старом автомобиле, который катился весело, как мячик, снова привели меня в хорошее настроение. В самом деле, проезжая Перли, я даже принялся напевать. Вообще Вустерам свойственен бодрый дух, и мое сердце вновь наполнилось ликованием.

Взглянув на все другими глазами, я понял свою ошибку. С какой стати девица непременно должна влюбиться в молодого человека только потому, что у него сломана нога. Вначале, конечно, Глэдис Пендлбери почувствует симпатию к этому Пиму, потому что он такой беспомощный и нуждается в заботе. Но пройдет немного времени, и в голову начнут закрадываться совсем иные мысли. Она спросит себя, разумно ли доверять свое благополучие человеку, который настолько лишен здравого смысла, что может выскочить на мостовую прямо под колеса автомобиля. Она скажет себе, что, однажды совершив такую оплошность, он наверняка будет продолжать в том же духе. Ее скорее всего не прельстит семейная жизнь, состоящая из сплошного хождения по больницам и ношения фруктов своему мужу. Она, бесспорно, поймет, что более счастливое будущее ожидает ее с таким человеком, как Бертрам Вустер, который, несмотря на все свои недостатки, ходит, по крайней мере, по тротуарам и, прежде чем перейти улицу, смотрит по сторонам.

Итак, в прекрасном расположении духа я поставил автомобиль в гараж и, весело напевая, направился домой. Когда я вошел в квартиру, Биг Бен как раз бил одиннадцать. Я позвонил Дживса, и он, будто угадав мое желание, тотчас же возник с сифоном и графином.

— Ну вот я и дома, Дживс, — сказал я, помешивая виски с содовой.

— Да, сэр.

— Что тут происходило в мое отсутствие? Мисс Пендлбери нас

навещала?

— Да, сэр. Молодая леди пришла около двух часов.

— А ушла?

— Около шести, сэр.

Мне это совсем не понравилось. Четырехчасовой визит я воспринял как весьма дурной знак. Однако ничего не поделаешь.

— А миссис Слингсби?

— Миссис Слингсби прибыла в начале девятого и уехала в десять, сэр.

— Кипятилась?

— Да, сэр. Особенно когда уходила. Она выразила настоятельное желание видеть вас, сэр.

— Меня?

— Да, сэр.

— Вероятно, хочет от души поблагодарить за то, что я любезно позволил ее любимому брату лечить здесь искалеченную ногу, как вам кажется?

— Возможно, сэр. С другой стороны, она отзывалась о вас в крайне неодобрительной форме, сэр.

— Как так?

— «Безответственный балбес» — одно из выражений, которые употребила эта леди, сэр.

— Безответственный балбес?

— Да, сэр.

Я не мог взять этого в толк. Просто не понимал, на чем эта особа основывает свои суждения. Тетя Агата довольно часто высказывается обо мне подобным образом, но ведь она меня знает с детства.

— Надо в этом разобраться, Дживс. Мистер Пим еще не спит?

— Нет, сэр. Минуту назад он звонил и интересовался, нет ли в доме сигарет получше.

— Неужели?

— Да, сэр.

— Кажется, после этого несчастного случая он не стал менее нахальным.

— Не стал, сэр.

Войдя в гостевую спальню, я увидел, что Люций Пим сидит в подушках и читает детектив.

— А-а, Вустер, — сказал он. — С приездом. Знаете, с коброй все обошлось. Оказывается, вовремя подоспел главный герой и в тайне от убийцы выдернул у змеи ядовитые зубы. И когда змея выползла из

дымохода и попыталась покусать героиню, у нее ничего не вышло. Наверное, чувствовала себя дура дурой.

— Мне нет никакого дела до кобр.

— Хорошо вам говорить «нет дела до кобр», — укоризненно сказал Люций Пим. — Вам бы еще как было дело до них, если бы им не удалили ядовитые зубы. Любой вам скажет. Между прочим, приходила моя сестра. Она хочет поговорить с вами.

— Мне тоже есть что ей сказать.

— «Два разума, но мысль одна владеет ими». Она хочет поговорить с вами о несчастном случае, который приключился со мной. Помните версию, которую я хотел ей изложить? О том, что машина скрылась? Мы с вами договорились, что я все это ей наплету, если не придумаю чего-нибудь получше. К счастью, мне пришла в голову очень удачная мысль. Я лежал и смотрел в потолок, и тут меня озарило. Понимаете, эта история про автомобиль, который не остановился, довольно хилая. Так не бывает, чтобы сбить человека, переломать ему ноги и не остановиться. Никто в такое не поверит. Поэтому я ей сказал, что это ваших рук дело.

— Что?!

— Сказал, что меня сбили вы своим автомобилем. Гораздо более убедительно. В этой версии все логично и строго. Концы с концами сходятся. Я знал, что вы ее одобрите. Любой ценой мы должны скрыть от сестры, что на меня наехала Глэдис. Я как мог облегчил вам жизнь, сказав сестре, что вы были под банкой и вас трудно обвинять в том, что произошло. Не все бы до такого додумались. Тем не менее, — сказал Люций Пим со вздохом, — боюсь, что сестра испытывает к вам некоторую неприязнь.

— Вот как?

— Да, именно так. И я настоятельно вам советую, если хотите, чтобы ваш завтрашний разговор прошел мирно, как можно скорее ее умаслить.

— В каком смысле «умаслить»?

— Я бы предложил послать ей цветы. Это был бы изысканный жест. Ее любимые цветы — розы. Пошлите ей букет роз, ее адрес — Хилл-стрит, номер три, и, может быть, все сразу уладится. Я чувствую своим долгом предупредить вас, старина, что у моей сестрицы Беатрис крутой нрав, особенно если ее вывести из себя. Мой зять может с минуты на минуту вернуться из Нью-Йорка. Опасность, с моей точки зрения, состоит в том, что если не умаслить Беатрис, она не отстанет от мужа, пока он не возбудит против вас уголовное дело за гражданское правонарушение, совершение неправомерного действия и еще Бог знает за что и не

предъявит громадный иск в качестве компенсации за убытки. Ко мне-то он особой любви не питает и, будь по его, он одобрил бы парня, который переломал мне ноги, но он обожает Беатрис и сделает все, как она захочет. Поэтому мой вам совет: «Собери ты розовых бутонов, сколь возможно, и осыпь ты ими»^[76] номер три по Хилл-стрит. В противном случае, не успеете глазом моргнуть, как в списке дел, назначенных к слушанию, появится еще одно — Слингсби versus^[77] Вустер.

Я смерил нахала презрительным взглядом. Но он, разумеется, и ухом не повел.

— Жаль, что вы не подумали обо всем этом раньше, — сказал я. Надеюсь, вы понимаете, что не столько была выразительна лексика, сколько тон, каким я произнес эти слова.

— Пустяки. Я все хорошо обдумал, — сказал Люций Пим. — Вы же помните, как мы уговорились, любой ценой...

— Ладно, — сказал я, — ладно, черт с вами.

— Кажется, вы чем-то раздосадованы? — спросил Люций Пим, удивленно глядя на меня.

— Ну, что вы!

— Вот и славно, — с облегчением сказал он. — Я знал, вы поймете, что я ничего иного сделать не мог. Было бы ужасно, если бы Беатрис узнала правду о Глэдис. Наверное, вы замечали, Вустер, что любая женщина при случае гораздо более жестоко расправится с представительницей своего пола, чем с мужчиной. Поэтому вы, будучи особой мужского пола, легко выйдете сухим из воды. Килограмм-другой роз, несколько улыбок, два-три комплимента, и не успеете оглянуться, как она растает. Ловко раскиньте сети, и через пять минут вы с Беатрис будете весело болтать, как лучшие друзья. Только смотрите, чтобы при этом Слингсби-Суп не свалился вам как снег на голову. Он страшно ревнив, когда дело касается Беатрис. А теперь, извините, старина, но я попрошу вас удалиться. Доктор считает, что еще денек-другой мне не следует слишком много разговаривать. Кроме того, уже время баиньки.

Чем больше я размышлял, тем привлекательнее мне казалась мысль послать эти чертовы розы. Люций Пим мне здорово не нравился. В самом деле, если бы пришлось выбирать, кого взять в попутчики на прогулку — его или таракана-прусака, я бы наверняка предпочел таракана. Однако линия поведения, которую указал мне этот нахальный малый, была, безусловно, правильной. Его совет насчет роз показался мне разумным, и я решил последовать ему. Встав утром в десять пятнадцать, я наскоро

проглотил питательный завтрак и чесанул прямо в цветочный магазин на Пиккадилли. В данном случае я не мог положиться на Дживса. Это дело требовало особого подхода. Выложив пару фунтов за необъятный букет, я сунул внутрь свою визитную карточку и отправил его на Хилл-стрит, а потом заглянул в «Трутни», чтобы немного освежиться. Так рано я нечасто позволяю себе пропустить стаканчик, но сегодняшнее утро, похоже, обещает быть не совсем обычным.

Около двенадцати я вернулся домой, прошел в гостиную, сел и стал настраиваться на предстоящую встречу. Конечно, я иду на нее с открытым забралом, но внутренний голос мне говорил, что вряд ли это будет такое свидание, о котором приятно вспоминать в старости, сидя у камина. Мою судьбу решат розы. Если они умилостривят эту особу Слингсби, все обойдется, если же нет, Бертраму несдобровать.

Время шло, а она все не появлялась. Наверное, миссис Суп-Слингсби не из тех, кто вскакивает чуть свет, решил я и даже немного приободрился. Мой опыт общения с дамами. свидетельствовал о том, что чем раньше они поднимаются с постели, тем более крутой у них нрав. Посмотрите, например, на мою тетю Агату, она всегда встает с петухами.

Однако не стоит думать, что это правило не имеет исключений, и спустя некоторое время мною стало овладевать беспокойство. Чтобы немного отвлечься, я достал из мешка клюшку для гольфа и начал загонять мяч в стакан. В конце концов, пусть эта Слингсби окажется такой, какой рисовалась мне в самые мрачные минуты ожидания, я по крайней мере усовершенствую свое умение загонять мяч в лунку.

Как раз когда я отрабатывал особенно изощренный удар, в парадную дверь позвонили.

Я убрал стакан и сунул клюшку за диван. Подумал, не дай Бог, эта дама застанет меня за таким легкомысленным занятием и сочтет Бертрама черствым, не способным к состраданию и раскаянию. Я поправил воротничок, одернул жилет и ухитрился изобразить на лице печальную полуулыбку, любезную, но лишенную всякого налета веселости. Выражение лица — что надо, так держать, Бертрам, подумал я, взглянув на себя в зеркало, и в это время дверь отворилась.

— Мистер Слингсби, — провозгласил Дживс, затворил за собой дверь, и мы остались один на один.

Молчание продолжалось довольно долго, о непринужденной беседе, насколько я понял, мечтать было нечего. Потрясенный тем, что вместо миссис Слингсби я увидел нечто иное, можно сказать, прямо противоположное, пагубно повлияло на мои голосовые связки. Вновь

прибывший тоже, кажется, не был расположен начать легкий светский разговор. Он стоял, дерзко на меня пялился и молчал. Вероятно, каждый, кто берется "производить что-нибудь вроде непревзойденных супов, должен выглядеть именно так.

Суперсуп Слингсби был похож на римского императора — острый, пронизательный взгляд, выдвинутый вперед подбородок. Он уставил на меня свой злобный взгляд и, если не ошибаюсь, заскрежетал зубами. Как мне показалось, мой вид почему-то вызывает у него сильное отвращение, чем, признаться, я был изрядно озадачен. Не скажу, что я сногшибательный красавец из модного журнала, но еще не было случая, чтобы один беглый взгляд на вашего покорного слугу приводил кого-нибудь в состояние бешенства. Обычно когда человек видит меня в первый раз, он тут же обо мне забывает.

Однако я сделал над собой усилие и принялся играть роль хозяина дома.

— Мистер Слингсби?

— Вот именно.

— Только что вернулись из Америки?

— Сегодня утром.

— Раньше, чем ожидали?

— Именно.

— Весьма рад вас видеть.

— Сейчас перестанете радоваться.

Я не знал, что сказать, и только судорожно сглотнул. Кажется, теперь я понял, что произошло. Этот тип успел повидаться с женой, она ему рассказала об аварии, и он примчался сюда, чтобы объясниться со мной. Очевидно, розы не ублаготворили даму. Единственное, что мне оставалось, попытаться ублаготворить этого типа.

— Хотите выпить?

— Нет!

— Сигареты?

— Нет!

— Присаживайтесь, пожалуйста.

— Нет!

Я снова онемел. Выпить не хочет, от сигарет отказывается, сесть не желает, право, я уж и не знал, как его ублажить.

— Перестаньте ухмыляться, сэр!

Я покосился на свое отражение в зеркале и понял, о чем он говорит. Печальная полуулыбка все еще гуляла у меня на лице. Я поспешно сделал

скорбную мину, и снова наступило молчание.

— А теперь, сэр, — заговорил наконец Суперсуп, — к делу. Думаю, излишне вам объяснять, зачем я здесь.

— Да. Конечно. Совершенно излишне. Речь идет о небольшом инциденте...

Он фыркнул, так что ваза, которая стояла на каминной полке, покачнулась.

— Небольшой инцидент? Значит, для вас это всего лишь небольшой инцидент?

— Понимаете...

— Позвольте заметить, сэр, когда в мое отсутствие нахальный субъект надоедает моей жене, я отнюдь не считаю это небольшим инцидентом. И я приложу все усилия, — сказал Суперсуп — при этом глаза у него сделались еще более колючими — и с угрожающим видом принялся потирать руки, — чтобы заставить вас разделить мои взгляды на подобные поступки.

Честно говоря, я никак не мог понять, чего он хочет. Голова у меня пошла кругом.

— Что-что? — сказал я. — Вашей жене?

— Вы слышали, что я сказал.

— Здесь, должно быть, какая-то ошибка.

— Именно. И ее совершили вы.

— Но я не знаком с вашей женой.

— Ха!

— Я никогда ее не видел.

— Ха!

— Честное слово!

— Ха!

Он впился в меня взглядом.

— Вы отрицаете, что послали ей цветы?

Тут сердце у меня совершило двойное сальто. Кажется, передо мной забрезжил свет

— Цветы! — продолжал он. — Розы, сэр. Крупные, мясистые, отвратительные розы. Мерзкий букет в три обхвата. С вашей визитной карточкой...

Он вдруг осекся, как-то странно булькнул и уставился на что-то за моей спиной. Я обернулся и увидел в дверях гостиной женщину. Как она вошла, я видеть не мог, потому что во время заключительной стадии разговора, принимающего все более угрожающий оборот, я потихоньку

пятился к двери. Одного взгляда на вошедшую особу было достаточно, чтобы догадаться, кто она. Только женщина, имевшая несчастье приходится сестрой Люцию Пиму, могла быть так на него похожа. Да, это была Беатрис, обладательница крутого нрава. Теперь я все понял. Она вышла из дома прежде, чем были доставлены розы. Она, неублагодотворенная, явилась сюда, когда я в «Трутнях» подкреплял свой организм.

— Э-э... — сказал я.

— Александр! — воскликнула дама.

— Ага! — сказал Суперсуп. Впрочем, возможно, он сказал «Ого!» Во всяком случае это прозвучало, как боевой клич. Очевидно, самые худшие подозрения Суперсупа подтвердились. Глаза у него сверкнули диким огнем. Подбородок выдвинулся вперед на полметра. Кулаки сжимались и разжимались, будто он хотел увериться, что пальцы достаточно сильны и не подведут, когда настанет минута ловко и быстро придушить Бертрама. Издав еще раз свой воинственный клич «Ага!» или «Ого!», он прыгнул вперед, наступил на мяч для гольфа, с которым я отрабатывал удар, и тут развернулась такая потрясающая сцена падения, какой я в жизни не видывал. Можно сказать, аттракцион века. Сначала в воздухе замелькало невероятное количество рук и ног, потом с грохотом, от которого чуть пол не провалился, Суперсуп совершил вынужденную посадку у стены.

С меня довольно, подумал я, выскользнул из гостиной и только собрался схватить с вешалки шляпу, как в прихожей возник Дживс.

— Мне показалось, я слышал шум, сэр, — сказал Дживс.

— Вполне возможно, — сказал я. — Это мистер Слингсби.

— Сэр?

— Мистер Слингсби исполнял русские пляски, — объяснил я. — Думаю, он сломал себе массу конечностей. Сходите посмотрите.

— Иду, сэр.

— Если он покалечен, разместите его в моей спальне и пошлите за доктором. По-моему, квартира успешно пополняется представителями семейства Пима и его родственниками, как считаете, Дживс?

— Согласен, сэр.

— Мне кажется, их запас близок к исчерпанию, но если явятся дядюшки с тетушками и тоже наломают тут изрядное количество своих конечностей, отправьте их в Честерфилдский госпиталь.

— Очень хорошо, сэр.

— Лично я, Дживс, — сказал я, открывая парадную дверь и медля на пороге, — отбываю в Париж. Адрес вам телеграфирую. Сообщите мне,

когда квартира освободится от Пимов и полностью очистится от Слингсби, тогда я вернусь. И вот еще что, Дживс...

— Сэр?

— Старайтесь всячески ублажать этих полоумных, не жалейте сил. Они считают, во всяком случае, Слингсби женского рода считает, что мистера Пима сбил я, а так как Слингсби мужского рода у нее на поводу, то и он завтра будет того же мнения. Постарайтесь за время моего отсутствия умаслить их всех.

— Непременно, сэр.

— Сейчас, думаю, вам самое время пойти взглянуть на тело. А я иду в «Трутни», пообедаю там и постараюсь успеть на двухчасовой поезд с Чаринг-Кросс. Ждите меня там с чемоданом, укомплектованным всеми необходимыми вещами.

Прошло недели три, прежде чем Дживс послал мне сигнал «Путь свободен». В ожидании вестей из Лондона я убивал время, колеся по Парижу и егб окрестностям. Этот город я обожаю, но, не скрою, меня обрадовала возможность вернуться домой. Тут как раз подвернулся аэроплан, спустя два часа я оказался в Кройдоне и устремился напрямик туда, где заварилась вся эта каша. Неподалеку от Слоан-сквер я впервые обратил внимание на огромные рекламные щиты.

Автомобиль попал в пробку, и я, бесцельно блуждая взглядом по сторонам, неожиданно узрел что-то очень знакомое. И тут до меня дошло, в чем дело. На белой стене красовался огромный, квадратный, со стороной не менее ста футов рекламный плакат, намалеванный в красно-синих тонах. Наверху были выведены слова:

СУПЕРСУПЫ СЛИНГСБИ

Внизу стояло:

НАВАРИСТЫЕ И ПИТАТЕЛЬНЫЕ

А посередине — мой портрет. Да, черт побери, Бертрам Вустер собственной персоной. Репродукция с портрета кисти мисс Пендлбери, воспроизведенная во всех подробностях.

От такого зрелища любой захлопает глазами, во всяком случае я захлопал. Казалось, взгляд мне застил туман. Когда он рассеялся, я смог вдоволь налюбоваться на свою физиономию, благо автомобиль стоял у светофора.

Из всех самых омерзительных зрелищ, которые мне когда-либо приходилось видеть, это с завидной легкостью побивало все рекорды. Физиономия на плакате представляла собой гнусную карикатуру на меня, но была так узнаваема, будто под ней стояло мое имя. Теперь я понял, что Дживс подразумевал, когда говорил про голодный взгляд. На плакате он приобрел выражение скотской жадности. Я плотоядно пялился сквозь монокль шести дюймов в окружности на тарелку супа. Похоже было, что перед этим меня месяц морили голодом. Эта картина будто переносила вас в иную, жуткую реальность.

Я вышел из транса или, может быть, из комы и обнаружил, что автомобиль уже стоит у моего парадного. Взбежать по лестнице и ворваться в квартиру было делом двух-трех секунд.

При моем появлении в прихожей тотчас же материализовался Дживс с почтительным сиянием на лице.

— Рад вашему возвращению, сэр.

— Сейчас мне не до того, — гаркнул я. — Что это?..

— Рекламные щиты, сэр? Я собирался спросить, заметили ли вы их?

— Заметил ли!!

— Поразительное зрелище, правда, сэр?

— Вот именно поразительное. А теперь, будьте любезны, объясните мне...

— Вы мне приказали, если изволите припомнить, сэр, не жалеть усилий, чтобы ублажить мистера Слингсби.

— Да, но...

— Задача оказалась чрезвычайно трудной, сэр. Мистер Слингсби, следуя настоятельным советам миссис Слингсби, совсем было решился вчинить вам судебный иск, что, насколько мне известно, вы считали крайне неприятным оборотом дела.

— Да, но...

— Когда мистер Слингсби оправился настолько, что смог встать с постели, он увидел ваш портрет, и тут я подумал, что было бы разумно обратить его внимание на те возможности, которые таит в себе данное произведение искусства, если его использовать в рекламных целях. Мистер Слингсби горячо одобрил эту мысль и, заручившись моим обещанием, что в случае его отказа от возбуждения судебного иска вы охотно разрешите использовать портрет в рекламных целях, он начал переговоры с мисс Пендлбери о покупке авторских прав.

— Вот как? Ну, надеюсь, она, по крайней мере, не осталась внакладе?

— Нет, сэр. Мистер Пим, выступавший в качестве доверенного лица

мисс Пендлбери, совершил, как мне представляется, чрезвычайно выгодную сделку.

— Он выступал в качестве ее доверенного лица?

— Да, сэр. Это входило в его компетенцию как жениха юной леди, сэр.

— Жениха?

— Да, сэр.

Представляете, какой удар поддых нанесло мне созерцание проклятого рекламного щита, если я при этом известии не пал, хладный и бездыханный, а только издал «Ха!» или «Хо!», а может быть, просто «Хм». После шока, вызванного рекламным шедевром, мне море было по колено.

— После этого рекламного шедевра, Дживс, — сказал я, — мне море по колено.

— Вот как, сэр?

— Да, Дживс. Девушка поиграла на моих чувствах, ну и что?

— Совершенно справедливо, сэр.

— Мне показалось, я услышал голос любви, но он звал не меня. Помоему, я выдержу этот удар, верно, Дживс?

— Разумеется, сэр.

— Да, Дживс. Выдержу. Но чего я не выдержу, так эту ужасную рекламу. Ведь моя физиономия с тарелкой Суперсупа Слингсби красуется по всему Лондону. Я должен бежать отсюда. В «Трутнях» меня на смех поднимут, проходу не дадут.

— Да, сэр. И миссис Спенсер Грегсон...

Я, наверное, заметно побледнел. Я совсем забыл про тетю Агату, представляю, что мне предстоит услышать по поводу урона, который нанесен фамильной чести по моей милости.

— Вы хотите сказать, что она звонила?

— По несколько раз в день, сэр.

— Дживс, единственный выход — слиться отсюда.

— Да, сэр.

— Обратно в Париж, что ли?

— Я бы не взял на себя смелость советовать вам вернуться в Париж, сэр. Насколько я понимаю, там тоже вскоре появятся рекламные щиты Bouillon Supreme. Продукция мистера Слингсби имеет широкое хождение во Франции, где на его непревзойденные супы большой спрос. Вид рекламных щитов будет вам неприятен, сэр.

— Куда же мне бежать?

— Если позволите, сэр, я мог бы дать вам совет: почему не вернуться к

вашему первоначальному плану отправиться в круиз по Средиземному морю на яхте миссис Траверс? В морских просторах вам не будут докучать эти рекламные щиты.

Дживс, как мне показалось, бредит.

— Но ведь яхта вышла в плавание месяц назад. Сейчас она уже Бог знает где.

— Нет, сэр. Круиз был отложен на месяц из-за болезни шеф-повара миссис Траверс месье Анатоля, которого сразила инфлюэнца. Пуститься в плавание без него миссис Траверс отказалась.

— Значит, они еще не отбыли?

— Нет, сэр. Яхта отплывает из Саутгемптона во вторник.

— В таком случае, черт побери, лучшего и желать нечего.

— Да, сэр.

— Позвоните тете Далии и скажите, что мы к ним присоединимся.

— Я взял на себя смелость позвонить миссис Траверс еще до вашего возвращения, сэр.

— Неужели?

— Да, сэр. Я предположил, что, возможно, вы одобрите этот план.

— Еще бы! Всю жизнь мечтал отправиться в круиз.

— Я тоже, сэр. Это путешествие, без сомнения, будет чрезвычайно приятным.

— А запах соленого морского бриза, Дживс!

— Да, сэр.

— А лунная дорожка на море!

— Совершенно верно, сэр.

— А убаюкивающий плеск волн!

— Безусловно, сэр.

Я был на седьмом небе. Гвлэдис, рекламные щиты — да плевать мне на все это!

— Йо-хо-хо, Дживс! — сказал я, слегка поддернув брюки.

— Да, сэр.

— На самом деле, Дживс, я пойду дальше. Йо-хо-хо и бутылка рому!

— Очень хорошо, сэр. Доставлю немедленно.

ДЖИВС И МАЛЕНЬКАЯ КЛЕМЕНТИНА

Тот, кто близко знаком с Бертрамом Вустером, заверит вас, что хоть он порой уклоняется от участия в спортивных соревнованиях, но за шестнадцать лет не пропустил ни одного из ежегодных турниров, которые проводит гольф-клуб «Трутней». Тем не менее, когда я узнал, что в нынешнем году турнир состоится в Бингли-он-си, я, признаться, некоторое время пребывал в сомнениях. Вот и сейчас, стоя у окна моего номера в отеле «Сплэндид» и глядя на утренний пейзаж, я не то чтобы трясся, как овечий хвост, но не мог одолеть чувства, что, кажется, совершил опрометчивый шаг.

— Дживс, — сказал я, — теперь, когда мы уже здесь, я задаюсь вопросом, разумно ли мы поступили.

— Бингли очень приятное место, сэр.

— Да, куда ни кинь взгляд, везде чертовски красиво, — согласился я. — Но хотя Бингли нежно овеивается свежими морскими ветрами, мы не должны забывать, что именно здесь мисс Маплтон, старинная приятельница тети Агаты, держит школу для девочек. Если тетка узнает, что я в Бингли, она непременно потребует, чтобы я навестил мисс Маплтон.

— Весьма вероятно, сэр. Меня пробрала дрожь.

— Дживс, я видел ее всего один раз, «летним вечером у меня в палатке, после моей победы над нервиями», ^[78] то есть за обедом у тети Агаты в прошлом году на празднике урожая. И, уверяю вас, одного раза мне за глаза хватит.

— В самом деле, сэр?

— А кроме того, надеюсь, вы не забыли, что произошло, когда я однажды попал в школу для девочек?

— Не забыл, сэр.

— В таком случае храним тайну и даем обет молчания. Будем считать, что я здесь инкогнито. Если тетя Агата спросит вас, где я был на этой неделе, скажите, что ездил лечиться в Харроугейт.

— Хорошо, сэр. Прошу прощения, сэр, вы предполагаете появиться в обществе, имея на себе данный предмет одежды?

До этого момента наша беседа протекала в дружественной и

сердечной обстановке, но сейчас я почувствовал, что между нами пробежала кошка. Я все ждал, когда мои новые брюки-гольф подвергнутся обсуждению, и был готов биться за них, как тигрица за своего детеныша.

— Непременно, Дживс, — сказал я. — Почему бы нет? Они вам не нравятся?

— Нет, сэр.

— Думаете, слишком блестят?

— Да, сэр.

— Режут вам глаз?

— Да, сэр.

— Ну а по мне они великолепны, — твердо заявил я. Так как в атмосфере все равно наметилось некоторое похолодание, я счел уместным подбросить Дживсу информацию, которую до этого времени скрывал от него.

— Гм... Дживс, — сказал я.

— Сэр?

— На днях я случайно встретил мисс Уикем. Мы поболтали о том о сем, и она пригласила меня в свою компанию, которая собирается этим летом посетить Антиб.

— Вот как, сэр?

Дживс скосил глаза в сторону. Дело в том, что, как я уже раньше упоминал, он крайне не одобряет Бобби Уикем.

Наступило, что называется, напряженное молчание. Я решил продемонстрировать знаменитую непреклонность Вустеров. В том смысле, что время от времени необходимо занять твердую позицию. Беда Дживса в том, что он иногда слишком себя переоценивает. Только от того, что он постоянно толпится вокруг меня и, охотно в этом признаюсь, несколько раз помог своему господину выбраться из передрыги, он приобрел отвратительную манеру держаться так, будто он опекает Бертрама, как слабоумного ребенка, который, без него, Дживса, давно бы пропал. Меня это возмущает.

— Я принял ее приглашение, Дживс, — сказал я спокойным, ровным голосом и с элегантно небрежностью закурил сигарету.

— Вот как, сэр?

— Вам понравится Антиб.

— Да, сэр?

— Мне тоже.

— Да, сэр?

— Значит, дело решенное.

— Да, сэр.

Я был доволен. Твердая позиция, как я убедился, сделала свое дело. Дживс был раздавлен железной пятой. Если хотите, усмирен.

— Вперед и прямо, Дживс.

— Слушаюсь, сэр.

Я предполагал, что вернусь с турнира только вечером, но обстоятельства сложились таким образом, что я покинул, так сказать, арену, когда еще не пробило и трех. Я уныло слонялся по пирсу, как вдруг передо мной материализовался Дживс.

— Добрый день, сэр, — сказал он. — Я не знал, что вы так скоро вернетесь, иначе непременно ожидал бы вас в отеле.

— Я и сам не думал, что освобожусь так рано, Дживс, — отвечал я со вздохом. — К сожалению, вылетел из игры в первом же раунде.

— В самом деле, сэр? Очень огорчительно это слышать.

— Особенно обидно, Дживс, что меня обыграл болван, который до отвала наелся за завтраком и к тому же был под мухой. Сегодня мне явно не везло.

— Возможно, вы забывали неотрывно смотреть на мяч, сэр?

— Возможно. Как бы то ни было, я бесславно проиграл и... — Я умолк и стал с любопытством вглядываться вдаль. — Ах ты черт! Дживс, посмотрите-ка на барышню, которая идет нам навстречу. Она чрезвычайно похожа на мисс Уикем. Как вы объясните такое невероятное сходство?

— В данном случае, сэр, оно объясняется тем, что эта юная леди — мисс Уикем.

— Да ну?

— Да, сэр. Если изволили заметить, она вам машет.

— Но какого черта она здесь делает?

— Не могу сказать, сэр.

В голосе Дживса послышались ледяные нотки. Наверняка он был уверен: каким бы ветром ни занесло сюда мисс Уикем, хорошего не жди. Он отстал на шаг, всем своим видом выражая тревожную озабоченность, а я снял шляпу и радостно ею помахал.

— Привет! — сказал я.

Бобби стала на якорь рядом со мной.

— Привет, Берти, — сказала она. — Я не знала, что ты здесь.

— А я вот он, — заверил я.

— Ты в трауре? — спросила она, глядя на мои брюки-гольф.

— Отлично сидят, правда? — сказал я, проследив ее взгляд. — А Дживсу не нравятся, но он отъявленный реакционер во всем, что касается

брюк. Что поделываешь в Бингли?

— Моя кузина Клементина учится в здешней школе. Сегодня у нее день рождения, и я приехала ее навестить. Сейчас иду к ней. А ты здесь останешься на ночь?

— Да. У меня номер в «Сплениде».

— Если хочешь, можешь угостить меня там ужином. Дживс стоял позади меня, и я его не видел, но при этих словах почувствовал, как его взгляд предостерегающе вонзился мне в затылок. Я понимал, он хочет мне сообщить, что я искушаю Судьбу, соглашаясь общаться с Бобби Уикем даже в такой безобидной форме, как совместное поедание ужина. Совершенная чушь, решил я. Впутаться с Бобби в головоломную интригу в загородном доме, где может случиться что угодно, — да, тут я молчу. Но рок или несчастье просто не могут подстеречь меня за таким невинным занятием, как сидение с Бобби за одним столом в ресторане. Поэтому я пренебрег сигналами, которые посылал мне Дживс.

— Конечно. Непременно. С удовольствием, — сказал я.

— Вот и славно. Я сегодня обязательно должна вернуться в Лондон, у нас пирушка в Беркли, но я могу немного опоздать, это не страшно. Мы придем около половины восьмого, а после ужина можешь сводить нас в кино.

— Вас?

— Ну да, Клементину и меня.

— Ты хочешь сказать, что приведешь с собой это чудовище — свою кузину?

— Конечно. Неужели ты не хочешь доставить ребенку удовольствие в день его рождения? И она вовсе не чудовище. Напротив, очень милая девчушка. Она совсем не будет нам в тягость. Тебе только придется потом отвести ее в школу. Тебя это, конечно, не затруднит?

Я насторожился.

— В чем заключается процедура отведения ее в школу?

— То есть как — в чем?

— Как-то раз, когда меня залучили в школу для девочек, директриса, знаешь, такая строгая дама с глазами-буравчиками, настояла на том, чтобы я обратился к этим юным озорницам с речью о нравственном совершенствовании и будущем, которое их ждет. Надеюсь, сегодня этого не случится?

— Конечно, нет. Вы подойдете к парадной двери, ты позвонишь, и ее впустят.

Я задумался.

— Кажется, это не выходит за пределы наших возможностей, да, Дживс?

— Я хотел бы надеяться, что вы правы, сэр, — процедил Дживс сквозь зубы. Тон у него был холодный, на лице я прочел выражение: «Если бы вы ко мне прислушались...», которое меня ужасно раздражает. Иногда Дживс становится похож на одну из моих тетушек.

— Хорошо, — сказал я, снова, и на этот раз подчеркнуто, пренебрегая сигналами, которые подавал мне Дживс. — Итак, жду вас в половине восьмого. Не опаздывайте. И проследи, — добавил я, чтобы показать, что под улыбчивой внешностью скрывается твердый характер, — чтобы ребенок помыл руки и чтобы он не шмыгал носом.

Признаюсь честно, я не горел желанием общаться с кузиной Бобби Уикем, Клементиной, но обязан сказать, что она оказалась не такой кошмарной, как можно было ожидать. Я давно заметил, что, знакомясь со мной, маленькие девочки обычно начинают хихикать. Хихикают и таращат глаза. Поднимаю взгляд, а девчушка уставилась на меня с таким видом, будто не верит, что такие люди бывают на свете. Мне кажется, они стараются хорошенько запомнить каждую особенность моих манер, чтобы потом передразнивать меня и смешить подружек.

К Клементине все вышесказанное не имело никакого отношения. Она была спокойным, ангелоподобным ребенком лет тринадцати — вернее, учитывая, что это был как раз день ее рождения, — ровно тринадцати лет. Ее взгляд выражал молчаливое восхищение. Руки были безукоризненно чисты, и носом она не хлюпала. За ужином, во время которого ее поведение оказалось просто безупречным, она сочувственно слушала, глядя мне в рот, когда я с помощью вилки и двух горошин объяснял ей, как сегодня мой соперник загнал меня в угол.

В кино она тоже вела себя выше всяких похвал и в конце вечера мило и искренне поблагодарила меня. Я остался очень доволен ребенком, о чем и сообщил Бобби, помогая ей усесться в ее спортивный автомобиль.

— Я же говорила тебе, что она прелесть, — сказала Бобби, нажимая на стартер и готовясь сломя голову мчаться в Лондон. — Я уверена, что в этой школе ее недооценивают. Там всегда всех недооценивают. Когда я там училась, меня тоже недооценивали.

— Недооценивают? Каким образом?

— Ой, да разные способы существуют. Но чего еще ожидать от такой дыры, как школа Святой Моники?

Я вздрогнул.

— Святой Моники?

— Ну да, так она называется.

— Значит, ребенок из школы Святой Моники?

— А что здесь такого?

— А то, что мисс Маплтон — старинная приятельница моей тетки Агаты.

— Знаю. Именно твоя тетя Агата убедила мою маму отправить меня в эту дыру, когда я была маленькая.

— Послушай, — озабоченно сказал я, — когда ты сегодня днем заходила в школу, ты никому не проговорила, что встретила меня в Бингли?

— Нет.

— Слава Богу! — облегченно вздохнул я. — Понимаешь, если бы мисс Маплтон узнала, что я здесь, то, конечно, сочла бы, что я должен ее навестить. А так я уеду завтра, и кончено. Да, но, вот проклятье, — сказал я, хлопнув себя по лбу, — как мне быть сегодня?

— А что сегодня?

— Разве я не должен ее повидать? Не могу же я позвонить, втолкнуть ребенка в дверь и смыться. Тетя Агата никогда мне этого не простит.

Бобби посмотрела на меня как-то странно, задумчиво, что ли.

— Кстати, Бerti, — сказала она, — я как раз хотела обсудить с тобой этот вопрос. На твоём месте я бы не стала звонить в парадную дверь.

— Да? Почему?

— Ну, понимаешь, тут вот в чем дело. Считается, что Клементина уже спит. Они отправили ее спать как раз перед тем, как я пришла. Подумать только! В день рождения, можно сказать, в самый разгар дня рождения! И за что! Только за то, что девочка кинула кусочек шербета в чернила, чтобы послушать, как они зашипят!

У меня в глазах потемнело.

— Ты хочешь сказать, что паршивая девчонка сбежала без разрешения?

— Да. Вот именно. Улизнула, когда никто не видел. Ей так хотелось вдоволь поесть. Вообще-то я должна была сказать тебе об этом с самого начала, но мне не хотелось портить вечер.

В обхождении с прекрасным полом я, как правило, истинный рыцарь — учтив, добродушен, изыскан. Но бывают обстоятельства, когда я способен произнести язвительные, резкие слова, и сейчас я их произнес:

— Ах так! — сказал я.

— Не волнуйся, все будет хорошо.

— Да уж, лучше некуда, — процедил я сквозь зубы. — Какие тут волнения и тревоги? Я возвращаюсь с ребенком, эта Маплтон буравит меня взглядом сквозь очки в стальной оправе, минут пять приятного общения, я удаляюсь, а эта самая Маплтон бежит к секретеру и строчит подробный отчет тетке Агате. Представить, что за этим последует, мое воображение отказывается. Уверен, что на этот раз тетка Агата побьет все свои прежние рекорды.

Бобби укоризненно поцокала языком.

— Берти, не гони волну. Тебе надо научиться не нервничать по пустякам.

— По пустякам?!

— Все прекрасно устроится, вот увидишь. Правда, тебе придется прибегнуть к небольшой уловке, чтобы впустить Клементину в школу, но это совсем просто, только внимательно выслушай, что я тебе скажу. Первое — ты должен запастись прочной, длинной веревкой.

— Веревкой?

— Да, веревкой. Надеюсь, ты знаешь, что такое веревка. Я надменно фыркнул.

— Естественно, — сказал я. — Ты имеешь в виду веревку.

— Верно. Веревку. Ты берешь ее с собой...

— И, надо полагать, выделяю с ней всякие фокусы, чтобы умиловить эту Маплтон?

Знаю, мой ответ прозвучал с убийственной язвительностью, но я был возмущен до глубины души.

— Ты берешь веревку с собой, — терпеливо повторила Бобби, — и, войдя в школьный сад, идешь, пока не упрушься в оранжерею около здания школы. Входишь в оранжерею и видишь множество цветочных горшков. Берти, ты сможешь опознать цветочный горшок, если увидишь его?

— Я прекрасно знаю, что такое цветочный горшок. Если ты подразумеваешь горшок, в который сажают цветы.

— Именно о таком горшке я тебе и толкую. Хорошо, идем дальше. Набираешь этих горшков, сколько сможешь унести, выходишь из оранжереи и идешь, пока не упрушься в дерево. Лезешь на него, обвязываешь веревкой один из горшков и устанавливаешь его на подходящей ветке, нависающей над оранжереей. Затем оставляешь Клем у парадной двери, возвращаешься в сад и дергаешь за веревку. Горшок падает, стекло разбивается, в школе слышат этот звон и кто-нибудь выходит посмотреть, что случилось. Итак, дверь открыта, поблизости никого нет, Клементина проскальзывает внутрь и ложится спать.

— А если никто не выйдет?

— Тогда берешь еще один горшок и снова все повторяешь. «Звучит довольно здорово», — подумал я.

— Ты уверена, что все получится?

— Осечки не было ни разу. Когда я училась в Святой Монике, я всегда проникала в школу таким путем. Берти, ты все понял? Давай быстренько повторим все сначала, а то мне уже пора мчаться. Итак, веревка.

— Вербка.

— Оранжевая.

— Или теплица.

— Цветочный горшок.

— Цветочный горшок.

— Дерево. Лезешь на дерево. Ветка. Спускаешься с дерева. Дергаешь. Звон стекла. И вот ты уже идешь баиньки. Запомнил?

— Запомнил. Но, — начал я сурово, — позволь тебе сказать...

— Нет времени. Надо мчаться. Лучше напиши мне, что ты хотел сказать. Желательно на одной странице. Пока.

Она умчалась, а я, проводив ее горящим взглядом, повернулся к Дживсу, который стоял неподалеку и показывал Клементине, как делать кролика из носового платка. Я отвел его в сторонку. По правде сказать, я воспрял духом, ибо осознал, что мне представляется потрясающая возможность поставить Дживса на место и доказать ему, что не он один может похвастаться умом и способностями.

— Дживс, — сказал я, — вы, конечно, будете удивлены, узнав, что существует некоторая загвоздка.

— Нисколько, сэр.

— Нисколько?

— Нисколько, сэр. Когда дело касается мисс Уикем, я, если мне будет позволено сказать, всегда жду недоразумений. Я не раз говорил, сэр, что хоть мисс Уикем очаровательная молодая леди, она склонна к...

— Да-да, Дживс. Я помню.

— Могу я спросить, что случилось на этот раз, сэр? Я объяснил положение вещей.

— Ребенок ушел в самоволку. Ее отправили спать за то, что она кинула кусочек шербета в чернила. В школе думают, что она весь вечер провела у себя в спальне. А она провела время с нами, стрескала в «Сплэндиде» обед из восьми блюд, потом отправилась на Марин Плаза и наслаждалась представлением на серебряном экране. Наша задача — вернуть ее в школу так, чтобы никто этого не заметил. Должен упомянуть,

Дживс, что школой, где юная пленница отбывает свой срок наказания, руководит мисс Маплтон, старинная приятельница моей тетки Агаты.

— Вот как, сэр?

— Ничего себе проблема, а?

— Да, сэр.

— На самом деле, можно сказать, проблема из проблем, верно?

— Вне всякого сомнения, сэр. Если бы я мог предложить...

Я этого ожидал, и поднял руку.

— Не нуждаюсь ни в каких предложениях, Дживс. Я сам намерен уладить это дело.

— Я только хотел высказаться... Я снова поднял руку.

— Спокойно, Дживс, я владею ситуацией. Хочу реализовать одну свою идею. Возможно, вам интересно знать ход моих мыслей. Пораскинув мозгами, я пришел к выводу, что в таком заведении, как школа Святой Моники, обязательно должна быть оранжерея, набитая цветочными горшками. И тут, подобно озарению, весь план действий предстал перед моим мысленным взором. Надо обзавестись веревкой, обвязать ею цветочный горшок, установить его на ветке — поблизости от оранжереи, безусловно, имеется дерево с веткой, нависающей над оранжереей, — немного отойти и дернуть за веревку. Вы с ребенком будете ждать у парадной двери, но так, чтобы вас никто не видел. Итак, я дергаю за веревку, горшок падает, стекло разбивается, на шум из дома кто-то выходит, дверь открыта, ребенок проскальзывает в школу и действует там по своему разумению. Ваша задача в данном процессе, заметьте, проще простого и не потребует от вас чрезмерного напряжения. Что вы на это скажете?

— Видите ли, сэр...

— Дживс, я уже высказывался по поводу вашей привычки говорить: «Видите ли, сэр...» всякий раз, как я предлагаю какой-нибудь тонкий стратегический план. Меня все больше и больше раздражает эта ваша привычка. Однако буду рад услышать ваши критические замечания, если таковые имеются.

— Я только хотел высказать мнение, сэр, что план представляется мне немного усложненным.

— В таком сложном деле и план должен быть сложным.

— Не обязательно, сэр. Альтернативная схема, которую я собирался предложить...

Но я не стал его слушать.

— Дживс, в альтернативных схемах нет необходимости. Мы будем

следовать намеченному мной направлению. Даю вам десять минут. Вы успеете занять позицию около парадной двери, а я тем временем раздобуду веревку. Затем я приступаю к выполнению самой трудной части плана. Итак, никаких дискуссий. Вперед, Дживс.

— Хорошо, сэр.

Я испытывал довольно сильное и приятное возбуждение, когда взбирался на холм, где стояла школа Святой Моники, когда распахнул калитку и вошел в темный сад. Но стоило мне сделать несколько шагов по газону, как у меня внезапно появилось странное ощущение, будто все кости из моего тела вынули и заменили их макаронами. Я остановился.

Не знаю, случалось ли вам в начале пирушки испытывать нечто вроде лихорадочной веселости, которая потом без всякого перехода вдруг исчезает, будто кто-то щелкнул выключателем. Нечто подобное произошло со мной и сейчас. У меня возникло противное ощущение, сродни тому, которое испытываешь в скоростных лифтах Нью-Йорка, когда, достигнув двадцать седьмого этажа, обнаруживаешь, что легкомысленно оставил все свои внутренности где-то на тридцать втором, и уже поздно — ты не можешь остановиться и водворить их на место.

Истина явилась мне, как льдинка, попавшая за воротник. До меня вдруг дошло, что я очень сильно погорячился. Только для того, чтобы одержать верх над Дживсом, я впутался в историю, которая наверняка обернется для меня самой страшной катастрофой в моей жизни. Чем ближе я подходил к зданию школы, тем сильнее осознавал, что мне не следовало с тупым высокомерием отвергать альтернативную схему Дживса. Единственное, в чем я сейчас нуждался, это — альтернативная схема, причем чем альтернативнее она будет, тем лучше для меня.

Тут я обнаружил, что стою у двери оранжереи. Не прошло и минуты, как я нагреб несколько горшков. Теперь вперед, к дереву «сквозь льды и снега, во весь опор, под знаменем странным — "Эксцельсиор!"».^[79]

Дерево было как будто специально посажено для нужной мне цели. Правда, здесь, в саду, принадлежащем близкой подруге тетки Агаты, мои взгляды на главные правила прыгания с ветки на ветку существенных изменений не претерпели; однако должен признаться, что если уж возникла подобная надобность, то, вне всякого сомнения, лезть на данное дерево стоило. Кажется, это был кедр, и не успел я оглянуться, как оказался на самой его верхушке, высоко над миром. Далеко внизу поблескивала стеклянная крыша оранжереи. Я поставил цветочный горшок

на колено и принялся обвязывать его веревкой. А сам погрузился в безрадостные размышления о женщинах.

Конечно, в ту минуту я жестоко страдал, оттого что мои бедные нервы подвергались чрезмерному напряжению и, оглядываясь назад, я убеждаюсь, что был в своих суждениях слишком уж суров. Однако меня отчасти может оправдать то, что выносил я их, сидя на ветке в ночной тьме. Конечно, вы вправе думать обо мне, что угодно, но чем чаще мыслящему человеку приходится общаться с женщинами, тем более невероятным ему кажется, что этому полу вообще позволено существовать на свете.

Женщины, намой взгляд, никчемные создания. Возьмем, например, тех, кто замешан в данной истории. Начать с моей тети Агаты, более известной как бич Понт-стрит и черепаха, кусающая людей. Ближайшую подругу тети Агаты, мисс Маплтон, я видел всего один раз, но могу с уверенностью сказать, что она и тетя Агата — два сапога пара. Бобби Уикем коварно встраивает простодушных людей в истории, вроде той, в которую сейчас влип я. А кузина Бобби Уикем, Клементина? Вместо того чтобы прилежно готовить уроки и учиться быть примерной женой и матерью, она проводит свои юные годы, набивая чернильницы шербетом...

Хорошенькая компания! Вернее будет сказать, шайка разбойников!

Только я вогнал себя в состояние крайнего возмущения женской безнравственностью и приготовился продолжать обличительный монолог, как внезапно яркий свет брызнул откуда-то снизу мне в лицо и чей-то голос произнес:

— Хо!

Это был полисмен. Во-первых, потому что при нем был фонарь, во-вторых, потому что он сказал «Хо!». Не знаю, помните ли вы мой рассказ о том, как я вломился в дом Бинго Литтла, чтобы похитить диктофонную запись невыносимо слащавой статьи, которую о нем написала его жена, и нырнул из окна кабинета прямо в лапы полицейских сил? При этом слугитель закона произнес «Хо!», и пока мы с ним общались, неустанно повторял это междометие. Очевидно, полисменов специально на это натаскивают в процессе их профессиональной подготовки. В конце концов, в тех обстоятельствах, в которых они обычно общаются с людьми, не так уж и плохо сказать «Хо!», чтобы завязать беседу.

— Эй, вы! Давайте слезайте! — сказал он.

Я слез. Цветочный горшок остался наверху. Я как раз успел установить его на ветке и теперь чувствовал себя так, будто смонтировал дистанционный взрыватель. Теперь все зависело от устойчивости горшка и

от того, хорошо ли он уравновешен. Если он не рухнет, то я, разыграв легкую небрежность, может быть, как-то выкручусь из этого деликатного положения. Если рухнет, объясняться будет значительно труднее, это мне было ясно. Но я даже не представлял себе, какое мало-мальски убедительное объяснение можно придумать.

Тем не менее я решил попытаться.

— А, сержант! — сказал я.

Это прозвучало неубедительно. Тогда я повторил то же самое, сделав ударение на «А!», что прозвучало еще неубедительнее. Это было недостойно Бертрама.

— Все в порядке, сержант, — сказал я.

— В порядке?

— О да. В полном порядке.

— Что вы там делали?

— Я?

— Да, вы.

— Ничего, сержант.

— Хо!

Мы оба замолчали, но наше молчание было не спокойным и благостным, которое случается, когда беседуют старые друзья, а тягостным и неловким.

— Пройдемте, — сказал сержант.

Последний раз я слышал подобные слова из уст полицейского на Лестер-сквер в вечер Гребных гонок, когда, по моему совету, мой старый приятель Оливер Рандолф Сипперли пытался стащить полицейскую каску, внутри которой находился полицейский. В тот раз эти слова адресовались Сип-пи, но все равно звучали отнюдь не привлекательно. А сейчас, когда они были обращены непосредственно ко мне, мороз пробрал меня до мозга костей.

— Но послушайте, черт побери! — сказал я.

В эту критическую минуту, когда Бертрам, исчерпав до дна все свои ресурсы, окончательно зашел в тупик, послышались мягкие шаги, и тихий голос нарушил молчание.

— Вы их задержали, сержант? Нет, я вижу. Это мистер Вустер. Полисмен обернулся и посветил фонариком.

— Кто вы такой?

— Я личный камердинер мистера Вустера.

— Чей-чей?

— Мистера Вустера.

— Этого человека зовут Вустер?

— Имя этого джентльмена — мистер Вустер. Я у него служу камердинером.

Думаю, полицейский испытывал благоговейный трепет перед величественной манерой Дживса, но продолжал стоять на своем.

— Хо! — сказал он. — Значит, у мисс Маплтон вы не служите?

— Мисс Маплтон не нуждается в услугах камердинера.

— Тогда что вы делаете у нее в саду?

— Я разговаривал с мисс Маплтон в здании школы, и она пожелала, чтобы я вышел и удостоверился, что мистер Вустер задержал незваных гостей.

— Какие еще незваные гости?

— Подозрительные личности, которые пробирались по саду. Мы с мистером Вустером их заметили, когда вошли в сад.

— А что вы делали в саду?

— Мистер Вустер пришел навестить мисс Маплтон, которая является близким другом семьи мистера Вустера. Мы заметили, что по газону крадутся подозрительные личности. Увидев это, мистер Вустер отправил меня предупредить и успокоить мисс Маплтон, а сам остался, чтобы все разузнать.

— Но он сидел на дереве.

— Если мистер Вустер поднялся на дерево, то я не сомневаюсь, что он руководствовался лучшими побуждениями и действовал исключительно в интересах мисс Маплтон.

Полисмен тяжело задумался.

— Хо! — сказал он. — Значит так. Если хотите знать, я не верю ни слову. Нам в участок позвонили по телефону и сообщили, что кто-то влез в сад к мисс Маплтон, а я обнаружил этого парня на дереве. По мне, так вы оба и влезли в сад, и я намерен отвести вас к леди Маплтон для опознания.

Дживс благосклонно кивнул.

— Я с удовольствием готов вас сопровождать, сержант, если вы этого пожелаете. И я совершенно уверен, что то же самое могу заявить от лица мистера Вустера. Он также, я в этом убежден, не станет чинить препятствий на пути реализации ваших планов. Если вы полагаете, что по вине обстоятельств мистер Вустер оказался в положении, которое может быть названо двусмысленным или даже компрометирующим, то, естественно, его желанием будет реабилитировать себя по возможности...

— Все! — нервно сказал полисмен.

— Сержант?

- Хватит!
- Как скажете, сержант.
- Заткнитесь и пройдемте со мной.
- С удовольствием, сержант.

Должен сказать, я получил удовольствие от этой сцены, но, когда мы шли к парадной двери, на сердце было тяжело. Мне казалось, надо мной навис злой рок, и я с сожалением думал о том, что доблестные усилия Дживса, его отлично аргументированные и логично построенные доводы пропали втуне. Версия, придуманная им, даже мне местами казалась почти правдоподобной. Какая досада, что этот идиот с фонариком не попался на удочку. Вне всяких сомнений, служба в полиции калечит мозги и убивает доверие к ближнему, поэтому у всех у них дурной характер. Тут уж ничего не попишешь.

Признаться, в сложившейся ситуации я не видел ни проблеска надежды. Безусловно, эта самая Маплтон подтвердит, что я племянник ее старой подруги, и значит, не придется идти в полицейский участок и проводить ночь на нарах, однако, если вдуматься, пользы от этого кот наплакал. Ребенок Клементина, по-видимому, все еще прячется где-то в темноте, и когда девушку приведут и все раскроется, меня ожидает испепеляющий взгляд, пара «теплых» слов и подробное письмо тетке Агате. Пожалуй, отбыть в тюрьме положенный срок — не самый худший вариант для меня.

Когда я, размышляя таким образом о своей участи, переступил нетвердым шагом порог парадной двери, мне показалось, что сердце у меня под тяжестью скорбных дум переместилось куда-то в район пяток. Пройдя коридор, мы вступили в кабинет, где за письменным столом стояла директриса собственной персоной, экипированная очками в стальной оправе, которые сверкали столь же отвратительно, как на обеде у тетки Агаты. Я бросил на нее робкий взгляд и зажмурился.

— Ах! — сказала мисс Маплтон.

Междометие «Ах!», произнесенное определенным образом — сначала помедлить на гласном, затем издать высокую ноту, а потом опуститься в нижний регистр, — может звучать даже более зловеще, чем междометие «Хо!». На самом деле, какое из них эффектнее — вопрос спорный. Но меня потрясло, что мисс Маплтон произнесла свое «Ах!» вовсе не убийственно и не зловеще. Если слух меня не обманул, это было сердечное дружеское «Ах!». Такое «Ах!» услышишь только когда встречаются два близких друга. Совершенно ошарашенный, я, забыв об осторожности, осмелился бросить на нее еще один взгляд. И с губ Бертрама сорвался сдавленный

писк.

Этот наводящий ужас экспонат, стоявший передо мной, на самом деле был довольно мал ростом. В том смысле, что почтенная дама не возвышалась над каждым встречным. Но как бы для компенсации недостатка в дюймах, она была наделена тем величественным спокойствием, которое свидетельствовало о категорической нерасположенности терпеть всякие глупости и которым всегда отличаются дамы, руководящие школами. Те же качества я замечал, когда находился *in statu pupillari*, у директора своей школы. Одного его взгляда всегда было достаточно, чтобы я признался во всех своих прегрешениях. Вышесказанное относится в равной степени и к старшим сержантам, полисменам — регулировщикам уличного движения, а также к некоторым девицам, служащим в почтовых ведомствах. Видимо, все они обучены каким-то особенным образом поджимать губы и смотреть сквозь вас.

Короче говоря, долгие годы, посвященные воспитанию молодых девиц — отчитать Изабель, сделать суровое внушение Гертруде и так далее, — придали мисс Маплтон сходство с укротительницей львов. Именно поэтому я, кинув на нее первый робкий взгляд, зажмурился и прочел про себя короткую молитву. Но сейчас, хоть она и не утратила сходства с укротительницей львов, ее манера удивительным образом преобразилась: сейчас это была доброжелательная укротительница. Укротительница, которая, уложив львов спать, может отдохнуть в обществе друзей.

— Стало быть, вам не удалось их обнаружить, мистер Вустер? — сказала она. — Жаль. Тем не менее я благодарна вам за хлопоты, которые вы на себя взяли. Поверьте, я ценю проявленную вами храбрость. Считаю, что ваше поведение выше всяких похвал.

Я почувствовал, что рот у меня потихоньку открывается и голосовые связки слегка подергиваются, но мне не удалось выдавить из себя ни слова. Я не мог понять, куда она клонит. Я был изумлен. Поражен. Словом, ошарашен.

Полицейский цербер издал звук, напоминающий вой. Как волк, который видит, что русский поселянин от него удрал.

— Вы можете опознать этого человека, мэм?

— Опознать? Что означает «опознать»?

В разговор вступил Дживс:

— Я предполагаю, мадам, что сержант находится под впечатлением, будто мистер Вустер проник в ваш сад с противозаконными целями. Я информировал сержанта о том, что мистер Вустер является племянником вашей подруги миссис Спенсер Грегсон, но сержант отказался мне

поверить.

Тут наступила пауза. Мисс Маплтон минуту-другую сверлила констебля взглядом, будто застукала его за сосанием пастилок во время урока закона Божия.

— Вы хотите сказать, сержант, — проговорила она голосом, который пронзил беднягу навывлет в районе третьей пуговицы кителя и вышел из спины, — что имели глупость принять мистера Вустера за грабителя и таким образом совершили служебную ошибку, провалив все расследование?

— Он сидел на дереве, мэм.

— Ну и что из этого? Мистер Вустер, вы ведь влезли на дерево, чтобы лучше видеть?

Теперь я мог ответить. Первый шок прошел, и ко мне вернулось самообладание.

— Да. Именно. Так и есть. Конечно. Определенно. Совершенно верно, — сказал я. — Чтобы лучше видеть. И ежу ясно.

— Я взял на себя смелость объяснить это сержанту, но он отказался принять мое объяснение как не соответствующее здравому смыслу.

— Сержант — болван, — изрекла мисс Маплтон. На миг мне показалось, что она ударит его линейкой по пальцам. — Из-за его тупости преступники успели убежать, теперь их и след простыл. Подумать только, за такую работу мы платим местные и государственные налоги.

— Ужасно! — сказал я.

— Чудовищно!

— Позорно!

— Вопиющее безобразие! — сказала мисс Маплтон.

— Страшное дело! — поддакнул я.

Мы все больше и больше напоминали собой пару попугаев-неразлучников, и вдруг в открытое окно ворвался грохот. Как бы я ни старался, писателя из меня не выйдет. В школе, когда приходилось писать очерки или сочинения, в моем табеле успеваемости обычно стояло: «Способности посредственные» или «Способности отсутствуют, но очень прилежен», или что-нибудь в этом роде. Правда, с годами я нахватался от Дживса кое-каких слов, но и теперь мне недостает бойкости пера, чтобы достаточно выразительно описать этот неимоверной силы грохот. Попробуйте представить, что машина Алберт-Холла рухнула на Хрустальный дворец,^[80] и вы получите приблизительное представление о том, что произошло.

Мы все четверо, даже Дживс, подскочили на несколько дюймов.

Полисмен издал потрясенное «Хо!»

Мисс Маплтон тотчас же вновь обрела свое властное спокойствие.

— Вероятно, кто-то из преступников упал в оранжерею, проломив крышу, — сказала она. — Сержант, может быть, вы хоть сейчас попытаетесь оправдать свое существование, проследуете туда и узнаете, что случилось?

— Да, мэм.

— И постарайтесь на этот раз не провалить все дело.

— Да, мэм.

— В таком случае, пожалуйста, поторопитесь. Или вы собираетесь всю ночь стоять здесь, разинув рот?

— Да, мэм. Нет, мэм. Да, мэм.

До чего приятно было слушать его!

— Странное совпадение, мистер Вустер, — сказала мисс Маплтон, снова становясь общительной, едва отверженный покинул кабинет. — Я только что написала письмо вашей тетушке, а тут вдруг и вы появились. Разумеется, я вскрыю конверт, чтобы сообщить ей, какую доблесть вы проявили. Вообще я не слишком высокого мнения о нынешних молодых людях, но вы заставили меня изменить мои взгляды. Преследовать преступников ночью, в саду, без оружия, для этого требуется отчаянная храбрость. И с вашей стороны было необыкновенно любезно навестить меня. Я очень ценю ваше внимание. Надолго ли вы в Бингли?

На этот вопрос я тоже готов был ответить.

— Нет. Боюсь, что нет. Завтра я должен уехать в Лондон.

— Может быть, вы не откажетесь прийти ко мне на обед перед отъездом?

— Боюсь, не смогу. Чрезвычайно вам благодарен. У меня очень важная встреча, которую я не могу отменить. Не правда ли, Дживс?

— Да, сэр.

— Должны успеть на поезд в десять тридцать.

— Непременно, сэр.

— Весьма сожалею, — сказала мисс Маплтон. — Я надеялась, что вы будете столь любезны и скажете несколько слов моим девочкам. Может быть, в следующий раз?

— Вне всяких сомнений.

— Пожалуйста, дайте мне знать, когда снова соберетесь в Бингли.

— Как только соберусь, — сказал я, — непременно дам вам знать.

— Насколько я помню, сэр, в ваши планы не входило посещение Бингли в ближайшее время, сэр.

— Не только в ближайшее время, Дживс.

Парадная дверь за нами затворилась. Я провел ладонью по лбу.

— Дживс, расскажите мне все, — сказал я.

— Сэр?

— Говорю, расскажите мне все. Я ничего не понимаю.

— Все проще простого, сэр. Я взял на себя смелость и под свою ответственность ввел в действие альтернативный план, который, если вы помните, я пытался вам изложить.

— И что же?

— Мне пришло в голову, сэр, что самое разумное — постучать с черного хода и сказать, что я хотел бы поговорить с мисс Маплтон. Как мне казалось, пока служанка пойдет обо мне докладывать, юная леди сумеет проникнуть в здание незамеченной.

— И получилось?

— Да, сэр. Она поднялась по черной лестнице и беспрепятственно прошла в свою спальню.

Я нахмурился. Мысль о Клементине меня покорила.

— Беспрепятственно! — сказал я. — Чтоб ей пусто было, Дживс, и пусть в воскресенье ее в угол поставят за незнание молитвы. Итак, вы повидались с мисс Маплтон?

— Да, сэр.

— И сказали ей, что я остался в саду один, без оружия и преследую преступников?

— Да, сэр.

— И что собираюсь ее навестить?

— Да, сэр.

— И теперь она занимается тем, что сочиняет постскрипtum тете Агате и расписывает мои подвиги, не жалея похвал.

— Да, сэр.

Я глубоко вздохнул. Было слишком темно, и я не мог видеть этого носителя сверхчеловеческого интеллекта, которым, должно быть, светилась каждая черточка его лица. Как я ни пытался в крошечной тьме разглядеть своего спасителя, мне не удалось.

— Дживс, — сказал я, — мне с самого начала надо было руководствоваться вашими советами.

— Это, возможно, избавило бы вас от временных неприятностей, сэр.

— Да еще каких неприятностей! Представляете, едва я в полном мраке установил на ветке цветочный горшок, как вдруг свет фонаря ударил мне в лицо! Я подумал, что мне конец. Дживс!

— Сэр?

— Поездка в Антиб отменяется.

— Я рад это слышать, сэр.

— Если Бобби Уикем ухитрилась втравить меня в историю в таком тихом городке, как Бингли, что она натворит в Антибе, на этом модном курорте, где всегда царит веселье, даже подумать страшно.

— Совершенно верно, сэр. Мисс Уикем, как я уже упоминал, хоть и очаровательная...

— Да-да, Дживс. Не сыпьте соль на раны. С глаз Берти Вустера спала пелена.

Тут я немного замялся.

— Дживс!

— Сэр?

— Эти брюки для гольфа...

— Да, сэр?

— Можете отдать их для бедных.

— Очень вам благодарен, сэр. Я вздохнул.

— Дживс, у меня сердце кровью обливается.

— Я очень ценю вашу жертву, сэр. Но когда минует первая боль, вы почувствуете большое облегчение от того, что расстались с этим предметом верхней одежды, сэр.

— Вы так думаете?

— Я в этом убежден, сэр.

— Будь по-вашему, Дживс, — сказал я. — Вам виднее.

ВОЗВЫШАЮЩАЯ ДУШУ ЛЮБОВЬ

Каждый год наступает ужасное время, обычно оно приходится на начало августа, когда Дживс принимается настойчиво поговаривать об отпуске — вот лодырь! — и уматывает недели на две куда-нибудь на морской курорт, а я остаюсь один. Сейчас наступило такое время, и мы стали обсуждать, что делать с Бертрамом.

— У меня сложилось впечатление, сэр, — сказал Дживс, — что вы намеревались принять приглашение мистера Сипперли погостить в его Гэмпширском поместье.

Я засмеялся. Горьким, безнадежным смехом.

— Верно, Дживс, намеревался. Но Провидение сжалилось надо мной, и я вовремя проник в коварные замыслы Сиппи. Знаете, что он задумал?

— Нет, сэр.

— Как донесли мои шпионы, там будет невеста Сиппи, мисс Мун. А также мамаша невесты, миссис Мун, и маленький брат невесты, мастер Мун. Понимаете, какое дьявольское вероломство скрывается за этим приглашением? Понимаете, какие коварные замыслы у этого человека? Совершенно очевидно, что мне уготована роль развлекать миссис Мун и маленького Себастьяна Муна, пока Сиппи со своей малахольной девицей целыми днями будут бродить по живописным окрестностям и щебетать о том о сем. К счастью, мне удалось выскользнуть из западни. Вы помните маленького Себастьяна?

— Да, сэр.

— Помните, какие у него глазищи? И золотые кудри?

— Да, сэр.

— Не знаю, почему, но я не выношу златокудрых детишек. При виде такого ребенка меня подмывает его поколотить или уронить что-нибудь ему на голову.

— Многие сильные личности подвержены подобным состояниям, сэр.

— Итак, никаких Сиппи. Кажется, звонят в дверь?

— Да, сэр.

— Наверное, кто-то пришел.

— Да, сэр.

— Надо пойти посмотреть.

— Да, сэр.

Дживс исчез и через мгновение явился, держа в руках поднос с телеграммой. Я ее вскрыл, и легкая улыбка заиграла у меня на губах.

— Поразительно, иногда не успеешь чего-нибудь пожелать, а желание уже исполнилось. Телеграмма от тети Далии. Она меня приглашает в свое поместье, в Вустершир.

— Чрезвычайно удачно, сэр.

— Да. Как это я, подыскивая приют, упустил из вида тетю Далию, не понимаю. Это же райский уголок. Кругом пейзажи один другого живописнее, купание и лучший повар во всей Англии. Вы ведь не забыли Анатоля?

— Нет, сэр.

— И главное, в доме тети Далии почти не бывает этих кошмарных детишек. Правда, ее сын Бонзо приехал туда на каникулы, но против него я не возражаю. Дживс, шпартуйте на почту и отправьте телеграмму, что я принимаю приглашение.

— Да, сэр.

— Потом уложите вещи, не забудьте клюшки для гольфа и теннисную ракетку.

— Очень хорошо, сэр. Я рад, что все так удачно устроилось.

Кажется, я уже раньше упоминал, что в зловещем полку моих тетушек имеется одно приятное исключение — тетя Далия. Таких, как она, поискать, к тому же не лишена веселого спортивного духа. Она, если вы помните, вышла замуж за старину Тома Траверса. И она же с помощью Дживса переманила у миссис Бинго Литтл ее повара-француза Анатоля. Гостить у тети Далии — сплошное удовольствие. В ее доме собирается шумное, оживленное общество, и если обычно загородные дома печально славятся тем, что вас ни свет, ни заря поднимают к завтраку, то здесь такая нелепость никому не придет в голову.

И вот с ничем не омраченной радостью в душе я втиснул свой спортивный автомобиль в гараж Бринкли-Корта, графство Вустершир, и неспешно направился к дому по обсаженной кустарником аллее, мимо теннисного корта, чтобы оповестить хозяйку о своем прибытии. Когда я шел по газону, из окна курительной комнаты высунулась голова и дружелюбно мне засияла.

— А-а, мистер Вустер, — сказала голова. — Ха-ха!

— Хо-хо! — ответил я, не позволяя голове превзойти меня в вежливости.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы опознать голову. Я понял, что она принадлежит побитому молью семидесятилетнему джентльмену по

имени Анструтер, старинному другу покойного отца тети Далии. Я его раза два видел в теткинском лондонском доме. Довольно приятный старикашка, но временами страдает нервным расстройством.

— Только что прибыли? — спросил он, продолжая сиять.

— Сию минуту, — сказал я, сияя в ответ.

— Полагаю, вы найдете нашу милую хозяйку в гостиной.

— Спасибо, — сказал я и, посияв еще немного на всякий случай, пошел к дому.

Тетя Далия, которая действительно оказалась в гостиной, очень мне обрадовалась, чем доставила мне большое удовольствие. Она тоже сияла. Наверное, день такой выдался, когда все сияют.

— А-а, это ты, — сказала она, — привет, урод. Слава Богу, явился.

Такой прием меня вполне устраивал, вот если бы и остальные члены нашего семейного клана так меня встречали, особенно тетя Агата.

— Я всегда получаю необыкновенное удовольствие от вашего гостеприимства, тетя Далия, — сказал я с искренней теплотой. — Уверен, что прекрасно проведу время в вашем доме. Вижу, у вас гостит мистер Анструтер. Кто-нибудь еще?

— Ты знаком с лордом Снеттишэмом?

— Встречал на скачках.

— Он здесь вместе с леди Снеттишэм.

— И Бонзо, конечно?

— Да. И Томас.

— Дядя Томас?

— Нет, он в Шотландии. Твой кузен Томас.

— Вы говорите об этом изверге Тосе, сыне тети Агаты?

— Конечно! Сколько, по-твоему, у тебя кузенов Томасов, олух Царя небесного? Агата уехала в Гамбург и подкинула ребенка мне.

Я встревожился.

— На как же так, тетя Далия! Вы понимаете, что вы наделали? Вы хоть отдаленно представляете, какие бедствия навлекли на свой дом? В обществе Тоса может дрогнуть даже самый бесстрашный мужчина. Это же сущий дьявол в человеческом облике. Он способен на любую пакость.

— Я и сама всегда так считала, — сказала тетя Далия. — Но сейчас, черт его возьми, он ведет себя, как герой святочного рассказа. Видишь ли, бедный мистер Анструтер в последнее время сильно сдал, и когда ему стало известно, что в доме гостят два мальчугана, он немедленно принял меры. Предложил награду в пять фунтов тому, кто будет лучше себя вести. И как ты думаешь, что из этого последовало? У Томаса за плечами

выросли большие белые крылья. — На лицо тетушки легла тень, будто что-то ее огорчило. — Маленький расчетливый негодник, — сказала она. — В жизни своей не видела такого тошнотворно благонаправного ребенка. Одного этого достаточно, чтобы разочароваться в людях.

Я не совсем ее понимал.

— Но разве такие перемены в нем не во благо?

— Нет.

— Почему, не понимаю? Ведь благонаправный Тос лучше, чем Тос, который носится по всему дому и чинит безобразия. По-моему, это очевидно.

— Совсем не очевидно. Понимаешь, Берти, эта награда за хорошее поведение все запутала. Создалась сложная ситуация. Вмешалась Джейн Снеттишэм, ее охватил спортивный азарт, и она настояла на том, чтобы заключить пари.

Наконец-то я врубился. Теперь мне стало ясно, к чему клонит тетушка Далия.

— А! — воскликнул я. — Понял! Догадался. Уразумел. Она поставила на Тоса, правда?

— Да. И, естественно, зная Тоса, я решила, что мое дело в шляпе.

— Конечно.

— Мне и в голову не пришло, что я могу проиграть. Видит Бог, я не питаю иллюзий по поводу моего дорогого Бонзо. Он с колыбели был отчаянный проказник. Но когда я поставила на него в соревновании с Тосом, я считала, что выиграш у меня в кармане.

— Естественно.

— Бонзо просто шалун, заурядный озорник, а Томас — отпетый хулиган.

— Само собой. Не понимаю, тетя Далия, какие у вас основания тревожиться. Тос долго не выдержит. Обязательно сорвется.

— Да. Но несчастье может произойти раньше.

— Несчастье?

— Да. Берти, здесь затевается нечестная игра, — серьезным тоном сказала тетя Далия. — Когда я заключала пари, у меня и в мыслях не было, что Снеттишэм могут строить такие козни. А вчера мне стало известно, что Джек Снеттишэм подбивает Бонзо влезть на крышу и выть в каминную трубу мистера Анструтера.

— Не может быть!

— Еще как может. Бедный больной старик до смерти бы перепугался. А придя в себя, первым делом исключил бы Бонзо из состязания и объявил

Томаса победителем.

— Но Бонзо ведь не стал выть в трубу?

— Не стал, — сказала тетя Далия голосом, в котором звучала материнская гордость. — Он наотрез отказался. К счастью, мальчик сейчас влюблен, и это чувство так его изменило, что он с презрением отверг соблазн.

— Влюблен? В кого?

— В Лилиан Гиш. Неделю назад у нас в деревне, в кинотеатре «Сверкающая мечта», крутили старый фильм с ее участием, и Бонзо впервые ее увидел. После сеанса он вышел бледный, на нем лица не было, и с тех пор ведет себя все лучше и лучше. Так что опасность миновала.

— Слава Богу.

— Да. Но теперь моя очередь. Ты думаешь, я спокойно все это проглочу? Если со мной поступают честно, я оплачу сторицей; но если они пускаются на обман, я принимаю вызов. Раз уж пошла такая грубая игра, я тоже внесу в нее свою лепту. Слишком велика моя ставка в этой игре. И я не собираюсь руководствоваться уроками нравственности, преподнесенными мне в нежном возрасте.

— Вы поставили крупную сумму?

— Если бы просто деньги! Я поставила Анатоля против судомойки Снеттишэм.

— Боже правый! Что скажет дядюшка Томас, когда узнает, что Анатоля больше нет?

— И не говори!

— Не слишком ли большое преимущество оказывается на стороне миссис Снеттишэм? Ведь известно, что Анатолий несравненный, прославленный повар.

— Ты прав, но судомойка Джейн Снеттишэм тоже не лыком шита. Такой, как она, днем с огнем не сыщешь, Снеттишэмы сами говорили. В наши дни хорошая судомойка — такая же редкость, как подлинник Гольбейна. Кроме того, мне пришлось дать фору этой Снеттишэм. Она меня вынудила. Однако вернемся к тому, с чего я начала. Если конкуренты не брезгуют такими приемами, как искушение Бонзо, мы тоже прибегнем к подобным методам и расставим не одно искушение на пути Томаса. Так что пошли за Дживсом, и пусть он пораскинет мозгами.

— Но я не взял с собой Дживса.

— Не взял?

— Да. Он в это время года всегда ездит в отпуск, в Богнор, ловить креветок.

Лицо тети Далии выразило сильную озабоченность.

— Немедленно пошли за ним! Какая от тебя польза без Дживса, нескладеха несчастный?

Я расправил плечи и выпрямился во весь рост. Я как никто другой уважаю Дживса, но гордость Вустеров была уязвлена.

— Голова на плечах есть не только у Дживса, — холодно проговорил я. — Тетя Далия, положитесь в этом деле на меня. Сегодня к вечеру я представлю на ваше усмотрение полностью продуманный план действий. Если мне не удастся перехитрить Тоса, я съем свою шляпу.

— Чем тебе и придется удовольствоваться, если я проиграю Анатоля, — мрачно заключила тетушка.

Надо вам сказать, ее настроение очень мне не понравилось.

Расставшись с тетей Далией, я принялся изо всех сил размышлять. Вообще-то я всегда подозревал, что тетушка, хоть и выражает мне расположение и неизменно радуется моему обществу, имеет о моих умственных способностях мнение не столь высокое, как мне бы хотелось. Уж очень часто она меня называет олухом, и если я в ее присутствии высказываю какое-то соображение, или предположение, или идею, тетушка ее встречает ласковым смехом, который меня почему-то обижает. Вот и сейчас, когда мы с ней говорили, она прозрачно намекнула, что в нынешней сложной обстановке, требующей находчивости и сообразительности, Бертрам — существо совершенно никчемное. А я намерен был ей доказать, что она сильно меня недооценивает.

Вы поймете, чего на самом деле стоит Бертрам, если я вам скажу, что не успел я пройти нескольких шагов по коридору, как в голове у меня уже созрел блестящий план. Я придирчиво его рассматривал некоторое время, за которое успел выкурить полторы сигареты, и не нашел в нем ни единого изъяна, при условии — я подчеркиваю, при условии, — что мы с мистером Анструтером полностью сходимся во взглядах на хорошее и дурное поведение.

Самое главное в подобных случаях, как говорит Дживс, — это опереться на психологию индивидуума. Изучи индивидуума, и ты добьешься успеха. Юного Тоса я изучаю уже много лет, и его психология для меня — открытая книга. Он относится к тем детям, про которых никак нельзя сказать: «Солнце да не зайдет во гневе вашем», ^[81] надеюсь, вы понимаете, что я хочу сказать. Я имею в виду вот что: попробуйте раздражить, обидеть или разозлить этого юного головореза, и он при первой же возможности жестоко вам отомстит. Например, прошлым летом он угнал лодку, на которой некий член Кабинета министров, гостивший в

поместье моей тетки Агаты в графстве Хартфордшир, заплыл на остров, стоящий посреди озера. Заметьте, шел проливной дождь, и на острове не было никого, кроме разъяренных лебедей. Так этот маленький негодяй отомстил члену Кабинета министров. За что, вы спросите? А за то, что упомянутый член Кабинета застукал Тоса за курением и сообщил об этом тетушке Агате. Как вам это понравится?

Поэтому я подумал, что несколько метких выпадов или колкостей, задевающих за живое, подействуют на Тоса безотказно и спровоцируют на жуткую месть. Не удивляйтесь, что я был готов пожертвовать собой ради блага тетушки Далии, скажу вам только одно: да, мы, Вустеры, таковы.

Теперь мне важно было выяснить, сочтет ли мистер Анструтер оскорбление, нанесенное Бертраму Вустеру, достаточно веским поводом, чтобы исключить Тоса из игры. Или он, посмеиваясь по-стариковски, промямлит, что, мол, мальчишки, они и есть мальчишки, что с них возьмешь? В последнем случае, само собой, мой блестящий план срывается. Я решил немедленно поговорить со стариканом.

Он все еще сидел в курительной комнате и читал утренний «Тайме». Вид у него был болезненный.

— А-а, мистер Анструтер, — сказал я. — Как дела?

— Мне совсем не нравится, как складывается ситуация на американском рынке, — ответил он. — Не понимаю этой явной тенденции к понижению.

— Да? Неужели? А как насчет вашего приза за примерное поведение?

— А, стало быть, вы об этом уже знаете?

— Да, наслышан, но не совсем понимаю вашу систему оценок.

— Ну как же, все очень просто. Я оцениваю поведение за день. Утром даю каждому из них по двадцать баллов. Из этой суммы вычитаю то или иное число, зависящее от тяжести проступка. Например, за громкий крик у моей спальни рано утром я вычитаю три балла, за свист — два балла. Наказание за более серьезные прегрешения, соответственно, увеличивается. Вечером, перед сном, я подвожу итоги и заношу их в записную книжку. По-моему, гениально просто, вы согласны, мистер Вустер?

— Вне всякого сомнения.

— До сих пор результаты были чрезвычайно благоприятные. Ни один из мальчиков не потерял ни одного балла, а моя нервная система находится в таком хорошем состоянии, на которое, признаться, я не смел и надеяться, когда узнал, что в доме одновременно со мной будут жить двое подростков.

— Понимаю, — сказал я. — Ваш расчет блестяще оправдывается. Скажите, а как вы расценили бы подлый поступок вообще?

— Простите?

— Я хочу сказать, если он не направлен лично против вас. Допустим, один из мальчуганов сделает пакость мне, например? Скажем, подставит подножку или подкинет жабу в постель?

Бедный старикан пришел в ужас.

— Всенепременно лишу виновного десяти баллов.

— Всего лишь?

— Ну, пятнадцати.

— Лучше бы двадцати. Хорошее круглое число.

— Хорошо, пусть будет двадцать. От таких шуточек меня в холодный пот бросает.

— Меня тоже.

— Мистер Вустер, вы ведь не забудете сообщить мне, если произойдет такой безобразный случай?

— Вы первым об этом узнаете, — заверил его я.

Ну, а теперь в сад, подумал я, на поиски юного Тоса. Бертрам выяснил все, что нужно, и таким образом обрел твердую почву под ногами.

Мне не пришлось долго бродить по саду, я нашел Тоса в беседке, погруженного в чтение какой-то нравоучительной книги.

— Добрый день, — сказал он, приветствуя меня ангельской улыбкой.

Этот враг рода человеческого был коренастый, плотный подросток, которому наше слишком терпимое общество вот уже четырнадцать лет позволяло отравлять себе жизнь. Нос у него курносый, глаза зеленые, на вид настоящий сорви-голова. Мне он никогда не нравился, а уж с этой ангельской улыбкой выглядел прямо-таки отталкивающе.

Я перебрал в уме несколько подходящих колкостей.

— А-а, Тос, — сказал я, — привет. Да ты, я смотрю, разжирел, как свинья.

По-моему, для начала неплохо. По опыту я знал, что Тос терпеть не может даже самых безобидных, добродушных шуток насчет его явственно выпирающего брюшка. В последний раз, когда я отпустил замечание по этому поводу, дитя так меня отбрил, что я был бы горд иметь в своем лексиконе несколько подобных выражений. Но сейчас Тос молча одарил меня еще более ангельской улыбкой, чем прежде, хотя я успел приметить, как в его взгляде мелькнуло тоскливое выражение.

— Да, по-моему, я немного прибавил в весе, — добродушно согласился он. — Придется поделаться физические упражнения, пока я живу

здесь. Берти, может, ты хочешь сесть, — предложил он, вставая. — Ты ведь, наверное, устал с дороги. Хочешь, я положу тебе на кресло диванную подушку? А сигареты у тебя есть? А спички? Не то я мигом бы все тебе доставил из курительной комнаты. Если хочешь, сбегая принесу что-нибудь прохладительное.

Сказать, что я был ошеломлен, значит ничего не сказать. Хоть тетя Далия меня предупредила, я в сущности не верил, что этот юный бандюга способен столь разительно изменить свое отношение к ближним. Но сейчас, когда он явился передо мной помесью бойскаута и сервировочного столика на колесах, я почувствовал, что окончательно сбит с толку, однако со свойственной мне бульдожьей хваткой продолжал начатое дело.

— Послушай, Тос, ты все еще прозябаешь в этой своей школе для придурков? — спросил я.

Пусть он устоял, когда я издевался над его пухлостью, но неужели он настолько продажен, чтобы за какие-то пять фунтов стерпеть насмешки над своей родной школой? Невероятно! Однако я ошибся. Видно, страсть к деньгам победила. Он только покачал головой.

— Я оттуда уйду. Со следующего семестра поступаю в Певенхерст.

— Там носят плоские квадратные шапочки, да?

— Да.

— С розовыми кисточками?

— Да.

— Ну и вид у тебя будет! Осел с кисточкой, — сказал я, правда, без особой надежды, и от души расхохотался.

— Что правда, то правда, — сказал он, хохоча еще искренней, чем я.

— Квадратная шапочка!

— Ха-ха!

— Розовая кисточка!

— Ха-ха! Тут я сдался.

— Ну, ладно, пока, — уныло сказал я и поплелся прочь.

Через два дня мне стало ясно, что вирус стяжательства проник глубже, чем я думал. Этот ребенок был безнадежно одержим жадной наживой.

Дурные новости сообщил мне старикан Анструтер.

— А-а, мистер Вустер, — сказал он, встретившись со мной на лестнице, когда я спускался в холл, подкрепив себя завтраком. — Вы были столь любезны, что выразили интерес к учрежденному мною состязанию на приз за примерное поведение.

— И что же?

— Я ведь вам объяснил мою систему оценок. Ну так вот, сегодня

утром мне пришлось внести в нее некоторые изменения. Как мне представляется, обстоятельства этого требуют. Дело в том, что я случайно встретил племянника нашей милой хозяйки, юного Томаса. Он возвращался домой и, как я заметил, вид у него был утомленный, ботинки в пыли. Естественно, я поинтересовался, что его заставило подняться в столь ранний час, а, надо вам сказать, дело было еще до завтрака. Тогда он мне все объяснил: оказывается, он слышал, как вы вчера посетовали, что, уезжая из Лондона, забыли распорядиться, чтобы вам сюда доставляли «Спортивные новости», и он ходил на железнодорожную станцию, — а это больше трех миль, — чтобы купить вам газету.

Все поплыло у меня перед глазами. Мне явились сразу два мистера Анструтера, оба с размытыми контурами.

— Что?!

— Я могу понять ваши чувства, мистер Вустер. И, поверьте, я их ценю. Поистине, такая самоотверженная доброта в ребенке его возраста — большая редкость. Растроганный до глубины души благородством его поступка, я немного отступил от своей системы и наградил мальчика премией — пятнадцатью баллами.

— Пятнадцатью баллами!

— Действительно, почему пятнадцатью? Пусть будет двадцать. Как вы совершенно справедливо заметили, двадцать — прекрасная круглая цифра, — сказал старикан и заковылял прочь, а я бросился искать тетушку.

— Тетя Далия, — вскричал я, — дело принимает дурной оборот.

— Послушай, да они просто на ходу подметки режут! — с горячностью подхватила тетя Далия. — Знаешь, что сейчас случилось? Этот плут Снеттишэм, которого за такие проделки надо в шею гнать из его клуба, а к скачкам и близко не подпускать, подговаривал Бонзо хлопнуть во время завтрака бумажным пакетом над ухом мистера Анструтера и обещал за это десять шиллингов. Слава Богу, любовь к Лилиан Гиш и на этот раз победила. Мой дорогой Бонзо просто смерил жулика Снеттишэма взглядом и гордо удалился. Теперь ты понимаешь, с чем мы столкнулись?

— Тетя Далия, мы столкнулись с еще более страшным злом, — сказал я и поведал ей о разговоре с мистером Анструтером.

Она была ошеломлена. Можно сказать, сражена ужасом.

— Неужели Томас это сделал?

— Представьте себе.

— Протопал шесть миль, чтобы достать для тебя газету?

— Шесть с лишним.

— Маленький негодяй! Боже милостивый! Берти, представляешь, ведь

он может начать творить добрые дела каждый день! Или даже дважды в день! Неужели нет никакого средства его остановить?

— По-моему, нет. Его теперь не остановишь, тетя Далия. Должен признаться, я в полной растерянности. Есть только один выход. Надо послать за Дживсом.

— Давно пора! — отрезала тетушка. — Надо было его вызвать с самого начала. Телеграфируй ему сейчас же.

Все-таки Дживсу нет равных. И сердце у него золотое. Причем из золота высшей пробы. Любой на его месте, вызови я его телеграммой в разгар отпуска, наверняка послал бы меня подальше. Но Дживс не таков. Он примчался на следующий же день, загорелый, в прекрасной форме, и я немедленно изложил ему суть дела.

— Ну вот, Дживс, теперь вы все знаете, — сказал я, пересказав известные вам факты. — Ваша задача — хорошенько пораскинуть умом. Отдохните с дороги, а вечером, перекусив, удалитесь в уединенное место и поломайте голову. Может быть, хотите к ужину какие-нибудь особенные блюда или бодрящие напитки, чтобы подстегнуть мозги? Только скажите.

— Очень вам благодарен, сэр, но у меня уже есть план, который, я думаю, себя оправдает.

Я уставился на него чуть ли не с благоговейным страхом.

— Как?! Уже?

— Да, сэр.

— Не может быть!

— Может, сэр.

— Наверное, ваш план основан на изучении психологии индивидуума?

— Совершенно верно, сэр.

Я с недоверием покачал головой. В душу закрались сомнения.

— Хорошо, Дживс, выкладывайте. Но, честно говоря, особых надежд я не питаю. Вы ведь только что здесь появились и не знаете, какие пугающие перемены произошли в Тосе. Вы, наверное, думаете, что он такой же, как прежде. Ничего похожего, уверяю вас. Одержимый желанием сцапать эту пятерку, проклятый мальчишка стал просто шелковый, и в броне, так сказать, его добродетели нет ни малейшего изъяна. Я издевался над его толстым пузом, последними словами поносил его школу, а он знай себе улыбается, как умирающий лебедь. Впрочем, вы сами все увидите. Однако, послушаем, что вы предлагаете.

— Мне пришло в голову, сэр, что самый разумный шаг в данных обстоятельствах состоит в том, чтобы вы обратились к миссис Траверс с

просьбой пригласить сюда в гости мастера Себастьяна Муна.

Я снова покачал черепушкой. По-моему, на этот раз славный малый бредил, причем бред был клинический.

— Черт побери, Дживс, какой от этого толк? — спросил я не без некоторой досады. — Почему Себастьяна Муна?

— Потому что у него золотые кудри, сэр.

— Ну и что из этого?

— Сильные личности порой не могут устоять при виде золотых кудрей, сэр.

Конечно, это была мысль. Однако я не сказал бы, что пришел в восторг. Возможно, вид Себастьяна Муна пробьет броню Тосовой добродетели настолько, что скверный мальчишка пустит в ход кулаки, но я не слишком на это надеялся.

— Может, вы и правы, Дживс.

— Вероятно, вы находите, что я настроен слишком оптимистично, сэр. Однако, если вы помните, мастер Мун, кроме золотых кудрей, обладает некоторыми особенностями характера, которые не всем могут показаться приятными. Мастер Себастьян склонен, например, слишком живо и непосредственно выражать свои чувства, к чему, как мне представляется, мастер Томас, скорее всего, отнесется крайне неодобрительно, тем более что мастер Себастьян несколькими годами моложе мастера Томаса.

У меня все время было чувство, что в плане Дживса есть изъян, и вот теперь я, кажется, понял, в чем он состоит.

— Но, Дживс, если этот малявка Себастьян, по вашим словам, действует на всех мальчишек, как красная тряпка на быка, почему вы считаете, что его поколотит именно Тое, а не Бонзо? Если Себастьяном займется наш фаворит, мы окажемся в дураках. Не забывайте, Бонзо и так уже отстает от Тоса на двадцать очков.

— Такой оборот дела мне представляется весьма маловероятным, сэр. Мастер Траверс влюблен, а в тринадцать лет любовь оказывает на молодого человека мощное сдерживающее влияние.

— Гм, — задумчиво произнес я. — Ну что ж, Дживс, давайте попробуем.

— Да, сэр.

— Попрошу тетю Далию сегодня же написать Сиппи.

Должен вам сказать, что когда спустя два дня в доме появился маленький Себастьян, во мне воскресла надежда. При виде этого златокудрого ангелочка у каждого порядочного мальчишки просто руки

чесались затащить его куда-нибудь в укромное местечко и как следует поколотить. Мне Себастьян Мун сильно напоминал Маленького лорда Фаунтлероя.^[82] Я пристально наблюдал за лицом Тоса в момент их встречи и, если не ошибаюсь, взгляду него был, как у индейского вождя — скажем, у Чингачгука или у Сидящего Буйвола, — когда тот тянется к своему ножу для снятия скальпа. И вид у Тоса был такой, будто он готов немедленно приступить к делу.

Правда, пожимая Себастьяну руку, он, видно, сдержал себя. Только проницательный наблюдатель мог бы заметить, что Тос задет за живое. Но я-то заметил и немедленно послал за Дживсом.

— Дживс, если вам показалось, что я недооценил ваш план, то хочу вас разуверить. Вы попали в точку. Я наблюдал за Тосом, когда они с Себастьяном встретились. У Тоса в глазах появился подозрительный блеск.

— Вот как, сэр?

— Да. Он переминался с ноги на ногу и двигал ушами. В общем, похоже, сдерживался из последних сил.

— Да, сэр?

— Да. Меня не покидало явственное ощущение, что он вот-вот взорвется. Завтра же попрошу тетю Далию взять обоих недоносков на прогулку и оставить их одних где-нибудь в уединенном месте. Остальное предоставим природе.

— Хорошая мысль, сэр.

— Это больше, чем хорошая мысль, Дживс. Считайте, дело в шляпе.

Знаете, чем старше я становлюсь, тем больше крепнет во мне убежденность, что на самом деле никогда нельзя считать, что твое дело в шляпе. Не один раз мне приходилось видеть, как самые надежные построения рушились, и теперь уж я вряд ли избавлюсь от своего холодного скептицизма. Бертрам Вустер только качает головой, когда в «Трутнях» или еще где-нибудь ему, например, советуют поставить на лошадь, которая должна прийти первой, даже если на старте в нее ударит молния. Бертрам слишком хорошо знает жизнь, чтобы быть в чем-то уверенным.

Если бы кто-нибудь сказал мне, что мой кузен Тос, оставшись наедине с таким в высшей степени противным существом, как Себастьян Мун, не обкорнает ему кудряшки перочинным ножом, не вывозит его в грязи с головы до ног, а, напротив того, вернется домой, неся на спине этого злосчастного ребенка, который, как оказалось, стер ногу, я бы пренебрежительно рассмеялся ему в лицо. Я хорошо знаю Тоса, знаю, на что он способен. Я видел его в деле, и был убежден, что даже угроза

лишиться пяти фунтов его не остановит.

И что же произошло? Стоял тихий предвечерний час, сладостно пели птички, сама Природа будто нашептывала вам слова надежды и утешения, и вот тут-то и случилась беда. Я болтал со стариком Анструтером на террасе, когда вдруг из-за поворота на дорожке показались двое детей. Себастьян без шляпы, со своими золотистыми кудряшками, развевающимися на ветру, сидел на спине у Тоса и горланил какую-то песенку. А Тос, сгибаясь под тяжестью ноши, хоть и устало, но упорно тащился вперед, и на губах его играла эта проклятая ангельская улыбка. Он сгрузил Себастьяна на ступени и подошел к нам.

— У Себастьяна в туфле гвоздь, — сказал он тихим, благонаправным голосом. — Ему было больно идти, поэтому я его принес.

Я услышал, как мистер Анструтер шумно вздохнул.

— Ты нес его всю дорогу?

— Да, сэр.

— По такому солнцепеку?

— Да, сэр.

— Но ведь тебе было тяжело?

— Немного, сэр, — сказал Тос, снова ангельски улыбаясь. — Но ему было страшно больно идти.

Я смотал удочки. С меня довольно. Невооруженным глазом видно, что почтенный старец сейчас начнет метать премиальные баллы. Глаз у него заблестел особым наградометательным блеском. И я отчалил в направлении своей спальни, где застал Дживса, перебирающего мои галстуки и прочие вещи.

Выслушав новости, он поджал губы.

— Плохи дела, сэр.

— Очень плохи, Дживс.

— Я этого боялся, сэр.

— Да? А я нет. Я был уверен. Тос должен был отлупить Себастьяна. Я на это рассчитывал. Вот что делает с человеком страсть к деньгам. Какой меркантильный век, Дживс. Будь я мальчишкой, я бы с радостью пожертвовал пятью фунтами, чтобы всласть отлупить такого ангелочка, как Себастьян. И ни секунды не считал бы, что пустил деньги по ветру.

— Вы ошибаетесь, сэр, трактуя таким образом побуждения мастера Томаса. Подавляя свои естественные порывы, он руководствовался отнюдь не желанием выиграть пять фунтов.

— Как это?

— Я установил истинную причину тех перемен, которые произошли в

характере мастера Томаса, сэр.

Честно скажу, я опешил.

— Что же это за причина, Дживс? Религия?

— Нет, сэр. Любовь.

— Любовь?

— Да, сэр. Мастер Томас мне в этом признался, когда мы с ним беседовали в холле сразу после обеда. Сначала разговор зашел о всякой всячине, потом мастер Томас вдруг сильно покраснел и, немного поколебавшись, спросил, считаю ли я, что мисс Грета Гарбо самая прекрасная девушка на свете.

Я схватился за голову.

— Дживс! Только не говорите, что Тос влюбился в Грету Гарбо.

— Именно, сэр. К несчастью, так и есть. Мастер Томас дал мне понять, что это чувство постепенно в нем разгоралось, а последний фильм с ее участием решил дело. Голос у мастера Томаса дрожал от избытка чувства, которое нельзя истолковать иначе, как любовь. Из высказываний мастера Томаса я понял, что он намерен теперь до конца жизни стараться вести себя так, чтобы быть достойным мисс Греты Гарбо. Это был нокаут. Это был конец.

— Дживс, это конец, — сказал я. — Бонзо теперь отстает на добрых сорок баллов. Только какая-нибудь исключительно безобразная выходка может помешать Томасу получить приз. Но сейчас ничего такого от него, похоже, не дождешься.

— Да, подобная возможность представляется весьма маловероятной, сэр.

Я задумался.

— Дядюшку Томаса хватит удар, когда он вернется и узнает, что Анатоля больше нет.

— Да, сэр.

— Тете Далии придется испить горькую чашу до дна.

— Да, сэр.

— А если посмотреть с чисто эгоистической точки зрения, то мне уже никогда не придется есть самые вкусные на свете блюда, если, конечно, Снеттишэмы не пригласят меня как-нибудь вечером на ужин. Но подобная возможность также представляется весьма маловероятной.

— Да, сэр.

— Остается только одно — мужественно смириться с неизбежным.

— Да, сэр.

— Как аристократ времен Французской революции, которого везут на

казнь. Надменная улыбка. Гордо поднятая голова.

— Да, сэр.

— Тогда вперед, Дживс. Запонки вдеты?

— Да, сэр.

— Галстук выбран?

— Да, сэр.

— Воротничок и нижнее белье приготовлены?

— Да, сэр.

— Тогда иду принимать ванну, вы и глазом не успеете моргнуть, как я вернусь.

Легко сказать, «надменная улыбка», «гордо поднятая голова», но по опыту знаю и, смею предположить, все со мной согласятся, что одно дело говорить о гордости и надменности, черт их подери, и совсем другое — изобразить. Должен честно признаться, следующие несколько дней, несмотря на все мои усилия, я пребывал в меланхолии. Ибо, по закону подлости, на Анатоля как раз в это время снизошло особое кулинарное вдохновение, и он бил свои прежние рекорды.

Вечер за вечером мы сидели за обеденным столом, пища таяла у нас во рту, и тетушка посылала мне взгляд, а я посылал взгляд тетушке, и Снеттишэм мужского рода противным, злорадным тоном вопрошал Снеттишэм женского рода, едала ли она когда-нибудь подобные кушанья, и Снеттишэм женского пола с самодовольной' улыбкой отвечала, что от роду не пробовала таких яств, и я посылал взгляд тетушке, а тетушка посылала взгляд мне, и наши глаза наполнялись невыплаканными слезами. Такие вот дела.

Тем временем отъезд мистера Анструтера приближался.

Как говорится, время бежало неумолимо. И как раз накануне его отъезда долгожданное событие произошло.

Стоял теплый, тихий, навевающий дремоту день. Я у себя в комнате строчил письмо, которое давно следовало бы написать. С того места, где я сидел, мне была видна затененная лужайка, обрамленная веселенькими клумбами. Птички прыгали, бабочки порхали туда-сюда, компания пчел жужжала тут и там. Старый мистер Анструтер, сидя в шезлонге, клевал носом. Не будь я так озабочен, эта мирная картина, безусловно, согрела бы мне душу. Одно только портило пейзаж — леди Снеттишэм слонялась среди клумб и, вероятно, составляла в уме меню своих грядущих трапез, чтоб ей ни дна, ни покрывки.

Итак, время будто остановилось. Птички прыгали, бабочки порхали,

пчелы жужжали, старый мистер Анструтер похрапывал — каждый, как по нотам, разыгрывал свою партию. А я в письме своему портному уже добрался до того места, где надлежало строго выговорить ему по поводу того, как ведет себя правый рукав моего пиджака.

В дверь постучали, и в комнату вплыл Дживс с дневной почтой в руках. Я вяло взял письма и положил на стол.

— Вот так-то, Дживс, — мрачно сказал я.

— Сэр?

— Мистер Анструтер завтра уезжает.

— Да, сэр.

Я взглянул из окна на спящего старца.

— В мои юные годы, Дживс, будь я даже по уши влюблен, я бы не устоял при виде дремлющего в шезлонге старичка. Я бы отколол какой-нибудь номер, чего бы мне это ни стоило.

— Вот как, сэр?

— Да. Вероятнее всего, пульнул бы у него над ухом из игрушечного духового ружья. Нынешние мальчишки просто выродились. Начисто утратили спортивный дух. Наверное, даже в такой прекрасный день Тос сидит дома и показывает Себастьяну свой альбом с марками или что-нибудь вроде того. Ха! — с отвращением воскликнул я.

— Полагаю, мастер Томас и мастер Себастьян играют на конном дворе, сэр. Я недавно встретил мастера Себастьяна, и он мне сообщил, что идет на конный двор.

— А все кинематограф, Дживс, — сказал я, — проклятие нашего века. Когда бы не кинематограф, останься Тос на конном дворе вдвоем с таким ангелочком, как Себастьян...

Я осекся. Откуда-то с юго-запада, откуда именно, мне из окна не было видно, раздался душераздирающий вопль.

Он ножом рассек тишину, и старый мистер Анструтер подскочил так, будто ему в мягкое место воткнули шило. В следующий миг появился Себастьян. Он мчался со всех ног, а за ним гнался Тос. Тосу сильно мешало большое ведро с водой, которое он тащил в правой руке, но он явно выигрывал забег. Он почти настиг Себастьяна, но тот, проявив редкую находчивость, спрятался за мистера Анструтера, и на какой-то миг развитие событий прекратилось.

Но лишь на миг. Тос, очевидно находившийся в неменяемом состоянии, рванулся в сторону, поднял ведро обеими руками и опрокинул его. Мистер Анструтер, который рванулся в ту же сторону, что и Тос, получил сполна. Насколько я мог видеть, мало ему не показалось. В одну

секунду он превратился в самое мокрое существо во всем Вустершире.

— Дживс! — вскричал я.

— Да, безусловно, сэр, — сказал Дживс, выразив этими словами смысл и значение всего, что произошло.

Тем временем внизу страсти накалялись. Мистер Анструтер, хоть и немощный старик, маху не дал. Редко увидишь, чтобы человек его возраста действовал с таким проворством. Схватив трость, лежавшую рядом с шезлонгом, он ринулся в бой. Минуту спустя они с Тосом скрылись за углом дома и исчезли из поля моего зрения. Судя по доносившимся до меня воплям Тоса, ему, несмотря на всю его прыть, не удалось сбежать с поля боя.

Наконец суматоха и крики прекратились, и я, бросив злорадный взгляд на Снеттишэм женского пола, которая стояла с таким видом, будто ей по физиономии заехали тортом, и смотрела, как ее ставленник проигрывает состязание, обернулся к Дживсу. Я чувствовал себя победителем. Нечасто мне удастся обставить Дживса, но сейчас, бесспорно, выигрыш был мой.

— Вот видите, Дживс, я был прав, а вы ошибались. Тос есть Тос. Кровь в нем заговорила. Разве может леопард избавиться от пятен на шкуре или эфиоп от чего-то там еще? Как это учили нас в школе?

— Можно изгонять природу вилами, сэр, но она все равно возвращается. В латинском оригинале это звучит...

— Бог с ним, с латинским оригиналом. Главное в том, что я вам говорил — Тос не сможет вынести этих золотых кудряшек, так и вышло. А вы со мной не соглашались.

— Как мне кажется, дело не в кудряшках, сэр.

— Именно в них, Дживс.

— Нет, сэр. Полагаю, дело в том, что мастер Себастьян с пренебрежением отозвался о мисс Гарбо.

— Да? С чего бы это?

— Я сам ему предложил, чтобы он это сделал, когда встретил его недавно. Мастер Себастьян очень охотно со мной согласился, так как, по его мнению, мисс Гарбо безусловно проигрывает в красоте и таланте по сравнению с мисс Кларой Бау, к которой мастер Себастьян давно питает глубокую симпатию. То, чему мы только что были свидетелями, сэр, наводит меня на мысль, что мастер Себастьян затронул упомянутую тему в самом начале их беседы с мастером Томасом.

Я рухнул на стул. Такое даже Вустерам не под силу.

— Дживс!

— Сэр?

— Вы хотите сказать, что Себастьян Мун, совсем еще ребенок, который расхаживает с длинными локонами, не вызывая отвращения в окружающих, влюблен в Клару Бау?

— Да, сэр, и, как он дал мне понять, довольно давно.

— Дживс, это новое поколение нам сто очков вперед даст.

— Да, сэр.

— Разве вы были таким?

— Нет, сэр.

— Я тоже не был таким, Дживс. В четырнадцать лет я написал Мэри Ллойд и попросил у нее автограф, но, если не считать этого эпизода, моя личная жизнь безупречна. Но дело не в этом. Дело в том, Дживс, что я снова должен отдать вам дань восхищения.

— Очень вам благодарен, сэр.

— Вы еще раз доказали, что вы великий человек, Дживс, от вас исходит свет разума.

— Рад, что мог оказаться полезен, сэр. Нуждаетесь ли вы еще в моих услугах?

— В смысле, вы хотите вернуться в Богнор к своим креветкам? Поезжайте, Дживс, и проведите там еще две недели, если захочется. И пусть вам сопутствует успех в ловле креветок.

— Большое спасибо, сэр.

Я восхищенно глядел на него. В его глазах светился ум высшего порядка, затылок выступал далеко назад.

— Жаль мне ту креветку, которая попытается своими жалкими уловками противостоять вам, Дживс, — сказал я.

И это была чистая правда.

ДЖИВС И СТАРАЯ ШКОЛЬНАЯ ПОДРУГА

Осенью того года, когда ноябрьские скачки в Манчестере выиграл Йоркширский Пудинг, благополучие моего старого друга Ричарда (Бинго) Литтла достигло своего... забыл, как это называется. В общем, он стал, судя по всему, совершенным баловнем судьбы. Ел с аппетитом, спал крепко и наслаждался счастливой семейной жизнью. Когда же его всеми уважаемый дядя лорд Уилберфорс откинул, наконец, коньки, Бинго унаследовал значительное состояние и прекрасное старинное поместье, расположенное милях в тридцати от Нориджа. Сгоняв туда ненадолго, я убедился, что если есть на свете человек, который пребывает на вершине блаженства, так это Бинго.

Мне пришлось покинуть райский уголок, потому что по настоянию моих родственников я должен был мчаться в Харроугейт, чтобы опекать моего дядюшку Джорджа, у которого снова стала пошаливать печень. Но когда в день отъезда мы с Бинго уплетали завтрак, я охотно принял его приглашение вернуться сразу, как только снова вырвусь в мир цивилизации.

— Постарайся успеть к Лейкенхэмским скачкам, — твердил мне Бинго. Он вторично загрузил в свою тарелку сосиски с беконом. Бинго всегда был большой обжора, а на деревенском воздухе его аппетит разыгрался вовсю. — Махнем туда на автомобиле, возьмем корзину с едой и повеселимся на славу.

Я хотел было ответить, что непременно последую его совету, но миссис Бинго, которая как раз в это время вскрывала письмо, вдруг издала восторженный вопль.

— О, какая радость, мой любименький ягненок!

Миссис Бинго, если вы помните, до замужества была известной писательницей Розы М. Бэнкс, и теперь она, обращаясь к мужу, имеет обыкновение придумывать для него эти кошмарные прозвища. Вероятно, причина в том, что она всю жизнь писала душещипательные романы для широких масс. Бинго особо против этого не бунтует. Понимая, что его женушка — автор такой из ряда вон выходящей ахинеи, как «Светский лев Мервин Кин» и «Фабричная девчонка», он, видимо, ожидал чего-то похлеще.

— О, какая радость, мой любименький ягненок! Правда?

— Что?

— К нам хочет приехать Лаура Пайк.

— Кто?

— Ты, конечно, слышал о ней от меня. Она моя самая любимая школьная подруга. Я перед ней преклоняюсь. Она необыкновенно умна. Лаура хочет погостить у нас неделю-другую.

— Нет вопросов. Пусть подваливает.

— Ты правда не возражаешь?

— Конечно, нет. Любая твоя подруга...

— Мой любименький! — сказала миссис Бинго, посылая мужу воздушный поцелуй из-за кофейника.

— Мой ангел! — сказал Бинго, прожевывая сосиску.

В самом деле, очень трогательно. Очаровательная домашняя сценка. Взаимное сердец лобызанье и все такое прочее. Когда мы с Дживсом возвращались домой на автомобиле, я ему сказал:

— В наше беспокойное время, Дживс, когда жены только и думают о том, как бы полнее себя выразить, когда мужья поглядывают на сторону и делают то, чего делать не положено, когда дом превращается в психушку, так приятно встретить пару, живущую в любви и согласии.

— Безусловно, сэр.

— Я имею в виду мистера и миссис Бинго.

— Понимаю, сэр.

— Один поэт очень хорошо сказал о таких парах. Не помню, что именно.

— «Два сердца бьются, как одно, одна и та же дума их умы тревожит», сэр.

— Чертовски хорошо сказано, Дживс.

— Сказано, как мне кажется, весьма убедительно, сэр.

Если бы я знал, что идиллическая сцена, свидетелем которой я был в то утро, уже таит в себе первый слабый ропот грядущего шторма! Рок неслышными шагами приближался к счастливым супругам, тайно засовывая кусок свинца в боксерскую перчатку.

Мне удалось довольно скоро отделаться от дядюшки Джорджа и, оставив его барахтаться в целебных водах, я телеграфировал чете Бинго о своем возвращении. Путь был неблизкий, и когда я прибыл к месту назначения, мне едва хватило времени переодеться к ужину. Я стремительно облачился в смокинг и уже радостно предвкушал коктейли и изысканные блюда, когда дверь отворилась и вошел Бинго.

— Привет, Берти, — сказал он. — А-а, Дживс.

Говорил он каким-то безжизненным голосом. Поправляя галстук, я поймал на себе взгляд Дживса и в ответ вопросительно на него посмотрел. По выражению его лица я понял, что нас обоих поразило одно и то же обстоятельство: наш хозяин не в себе. Лоб нахмурен, в глазах нет привычного веселого блеска, прямо утопленник какой-то.

— Бинго, что-нибудь случилось? — спросил я, встревоженный состоянием друга. — Ты скверно выглядишь. Уж не подхватил ли что-нибудь вроде чумы?

— Подхватил.

— Что?

— Чуму.

— В каком смысле?

— Она обитает у нас в доме, — сказал Бинго и засмеялся неприятным, кашляющим смехом, будто ему недавно миндалина удалили.

Я ничего не понимал. Старина Бинго говорил загадками.

— Старина, мне кажется, ты говоришь загадками. Дживс, вам не кажется, что он говорит загадками?

— Да, сэр.

— Я говорю о Пайк, — сказал Бинго.

— Что такое пайк?

— Лаура Пайк. Помнишь...

— А... да, конечно. Школьная подруга. Закадычная. Она все еще здесь?

— Да. Похоже, она поселилась у нас навеки. Розы от нее без ума. Ловит каждое ее слово.

— Все еще действует обаяние прошлого, да?

— Видимо, да, — сказал Бинго. — Я уже этой девичьей дружбой сыт по горло. По-моему, Пайк загипнотизировала Розы. Ничего не понимаю. У мужчин все по-другому. Вот мы с тобой, Берти, тоже вместе учились в школе, но я же не считаю, что ты должен мной руководить.

— Правда?

— И не ловлю каждое твое слово.

— Может, зря?

— А Розы именно так держится с этой самой Пайк. В ее руках она как воск. Посмотри вокруг, и ты увидишь, что райский уголок, который здесь был прежде, превратился в руины. А все козни змеи, поселившейся в нашем доме.

— Да что же случилось?

— Лаура Пайк, чтобы ей пусто было, свихнулась на рациональном питании, — с раздражением сказал Бинго. — Она считает, что все мы едим слишком много, слишком поспешно и не то, что следует. По ее мнению, питаться надо пастернаком и прочей гадостью. А Роза, нет чтобы прямо сказать этой Пайк, что она дуреха, каких мало, смотрит на нее с обожанием и верит каждому ее слову. В результате наша кухня пришла в упадок, и я хожу голодный. Если я тебе скажу, что вот уже несколько недель, как мясной пудинг не появляется у нас на столе, ты все поймешь.

В это время зазвучал гонг. Бинго слушал его с мрачным видом.

— Не понимаю, зачем бить в этот чертов гонг, — сказал он, — когда все равно нечего есть. Кстати, Берти, ведь ты наверняка хочешь коктейль?

— Неплохо бы.

— Ну так ты его не получишь. У нас больше не подают коктейли. Школьная подруга считает, что они разъедают стенки желудка.

Я обомлел. Мне и в голову не приходило, что дело зашло так далеко.

— Не подают коктейли!

— Да. И тебе здорово повезет, если сегодня ужин будет невегетарианский.

— Бинго! — вскричал я, потрясенный до глубины души. — Ты должен бороться. Ты должен отстаивать свои права. В конце концов, топни ногой. Стой на своем. Ты должен быть хозяином в доме.

Бинго устремил на меня долгий, загадочный взгляд.

— Берти, ты женат?

— Нет, ты же знаешь.

— Если бы не знал, то сразу бы догадался. Пойдем.

Действительно, ужин нельзя было назвать стопроцентно вегетарианским, и больше мне нечего добавить в его защиту. Скудный, постный, он совсем не радовал желудок, который после долгой дороги требовал обильной и плотной еды. К тому же от разговоров, которые вела мисс Лаура Пайк, та малость, что попала мне в рот, потеряла всякий вкус.

Встреть я эту девицу при других обстоятельствах и не будь предупрежден о ее извращенных вкусах, она, наверное, произвела бы на меня приятное впечатление: довольно красива и привлекательна, несмотря на то, что черты лица явно выдавали ее излишнюю властность. Но будь она Еленой Прекрасной, у Бертрама Вустера она бы не имела успеха, ибо своими дурацкими высказываниями все время ставила себя в неловкое положение.

Во время ужина она не закрывала рта, и я скоро понял, отчего сердце

Бинго так ожесточилось. Все, о чем она говорила, касалось пищи и склонности Бинго к ожорству, а следовательно, причинению страшного вреда своему желудку. При этом ее почему-то ничуть не пугало состояние моего желудка. Казалось, лопни Бертрам у нее на глазах, она и не взглянет. Все свое внимание она сосредоточила на Бинго, будто собиралась спасти его от неминуемой гибели. Уставясь на него, точно настоятельница храма на любимую, хотя и заблудшую послушницу, она рассказывала, что происходит с его внутренностями, когда он упорно употребляет продукты, лишенные витаминов, способных растворяться в жирах. Она со знанием дела толковала о протеинах, углеводах и физиологических потребностях человеческого организма. Она не утруждала себя тем, чтобы подбирать более деликатные выражения, и рассказанный ею весьма пикантный анекдот про одного типа, не желавшего есть чернослив, привел к тому, что я даже не притронулся к двум последним блюдам.

— Дживс, — сказал я, вернувшись вечером к себе в спальню, — мне не нравится то, что здесь творится.

— Не нравится, сэр?

— Нет, Дживс, не нравится. Меня все это сильно тревожит. Дело обстоит куда хуже, чем я ожидал. Из того, что говорил мистер Литтл перед обедом, у вас, наверное, сложилось впечатление, что эта Пайк просто-напросто разглагольствует о разных диетах. Не тут-то было. Она все время в качестве примера приводит мистера Литтла. Дживс, она буквально поедом его ест.

— Вот как, сэр?

— Да. Открыто. Без конца твердит, что он слишком много пьет и слишком жадно поглощает пищу. Слышали бы вы, как она рассуждает о переваривании пищи, сравнивая при этом мистера Литтла с покойным мистером Гладстоном. Бинго сидел, как в воду опущенный. И что самое страшное, миссис Бинго одобряет все это безобразие. Неужели все жены таковы? Радуются, когда их мужей втаптывают в грязь?

— Если речь заходит о совершенствовании собственного мужа, любая женщина готова прислушаться к тому, что советуют посторонние, сэр.

— Вот почему у всех женатых мужчин такой затравленный вид, верно?

— Да, сэр.

Надо сказать, я проявил предусмотрительность и послал Дживса принести мне тарелку печенья. Задумчиво отправляя в рот крекер, я сказал:

— Дживс, знаете, что меня тревожит?

— Нет, сэр.

— Мне кажется, мистер Литтл не совсем осознает, какая беда угрожает его семейному счастью. Теперь я начинаю понимать, что за штука брак и как она устроена. Дживс, хотите послушать, как я это себе представляю?

— Охотно, сэр.

— Ну, так вот. Возьмем, например, молодую пару. Они только что поженились, и первое время у них сплошной восторг и ликование. Она уверена, что он лучше всех на свете. Он — ее божество, она смотрит на него с восхищением. В доме царят радость и веселье. Понимаете?

— Да, сэр.

— Но постепенно, шаг за шагом, мало-помалу, наступает разочарование. Она видит, как он ест яйцо-пашот, и романтический ореол начинает понемногу рассеиваться. Она смотрит, как он кромсает отбивную, и ореол рассеивается еще больше. Ну, и так далее и тому подобное, надеюсь, вы следите за ходом моей мысли?

— Я с большим вниманием слежу за ходом вашей мысли, сэр.

— Заметьте, Дживс, теперь мы переходим к главному. К самой сути вопроса. Обычно процесс разочарования происходит постепенно, и женщина успевает к нему привыкнуть. Но в нашем случае вследствие непристойных высказываний этой самой Пайк разочарование наступает слишком стремительно. В мгновение ока, без всякой подготовки Бинго предстает перед женой, как какой-то удав, напичканный всякими отвратительными внутренностями. По милости этой Пайк перед мысленным взором миссис Бинго рисуется образ такого, знаете ли, завсегдатая ресторанов с тройным подбородком, выпученными глазами и набухшими венами на лбу. Еще немного, и любовь совсем увянет.

— Вы так думаете, сэр?

— Уверен. Никакая любовь не выдержит подобного испытания. Сегодня за обедом Пайк дважды такое сказала о кишечнике Бинго! Я не рискнул бы повторить при дамах даже в наше послевоенное время с его распущенными нравами. Надеюсь, вы все поняли. Нельзя без конца на глазах у жены придирааться к кишечнику Бинго. От этого миссис Бинго непременно начнет задумываться. Главная опасность, как мне представляется, состоит вот в чем: вскоре миссис Литтл решит, что чем стараться кое-как подправить Бинго, лучше его выбросить за негодностью и приобрести более совершенный экземпляр.

— Положение весьма тревожное, сэр.

— Дживс, надо действовать. Вы должны что-нибудь придумать. Если не найдете способ выкурить из дома эту Пайк, причем как можно скорее,

семейному счастью конец. Понимаете, дело осложняется тем, что миссис Бинго — натура романтическая. Женщины, подобные ей, считают, что день прошел впустую, если они не намарают несколько страниц какого-нибудь несусветного вздора. Даже при полном благополучии их мучит жажда чего-то непонятного. По-моему, им чернила в голову ударяют. Миссис Бинго, как я подозреваю, с самого начала втайне сожалела, что Бинго не из числа тех волевых, мужественных смельчаков, которым Британская империя обязана своей славой и которыми напичканы ее собственные романы. Знаете, бывают такие красавцы с печальным, неизъяснимым взором, с тонкими, выразительными пальцами и в сапогах для верховой езды. Понимаете?

— Вне всяких сомнений, сэр. Вы полагаете, критические высказывания мисс Пайк будут способствовать переходу четко не сформулированного разочарования, крившегося до сего времени в подсознании миссис Бинго, в сферу ее сознания.

— Дживс, вы не могли бы повторить все это еще раз? — сказал я, пытаюсь с ходу поймать смысл и промахиваясь на несколько ярдов.

Он живо отбарабанил мне все сначала.

— Думаю, вы правы, Дживс. Как бы то ни было, главное — это объявить Пайк *persona non grata* и выдворить из дома. Что вы можете предложить?

— Боюсь, в данный момент я ничего не могу предложить, сэр.

— Ну что вы, Дживс!

— Весьма сожалею, сэр. Возможно, когда я увижу леди...

— В смысле, вам надо изучить психологию индивидуума и прочее?

— Совершенно верно, сэр.

— Я плохо себе представляю, как вы собираетесь это сделать. Едва ли вам удобно будет толпиться возле обеденного стола и внимать рассуждениям этой особы.

— Довольно затруднительное положение, сэр.

— Знаете, по-моему, представится хороший случай, когда во вторник мы поедем на скачки в Лейкенхэм. Завтракать будем на свежем воздухе — мы берем с собой корзину с едой, — и ничто вам не мешает все время находиться рядом, разносить сэндвичи и прочее. И вот тут-то, Дживс, держите ушки на макушке и смотрите в оба, мой вам совет.

— Очень хорошо, сэр.

— Договорились, Дживс. Никуда не отлучайтесь и не спускайте с нее глаз. А сейчас сгоняйте, пожалуйста, вниз и посмотрите, нельзя ли достать еще печенья. Ужасно хочется есть.

Утро того дня, когда мы собирались ехать на скачки в Лейкенхэм, выдалось яркое и солнечное. Сторонний наблюдатель сказал бы, что «улыбается Бог в небесах, в этом мире все так хорошо!»^[83] Такие дни порой выдаются поздней осенью, когда солнце сияет, птички насвистывают, а воздух пронизан бодрящей свежестью, от которой кровь начинает играть в жилах.

Однако меня эта самая бодрящая свежесть не слишком радовала. От нее я чувствовал себя таким чудовищно здоровым и голодным, что сразу после завтрака принялся размышлять, что у нас будет на обед. А мысль о том, что именно у нас будет на обед, если не удастся нейтрализовать влияние мисс Пайк, повергала меня в уныние.

— Дживс, я опасаюсь худшего, — сказал я. — Вчера за обедом мисс Пайк мимоходом заметила, что морковь — самый лучший овощ, потому что оказывает изумительное воздействие на кровь и очень улучшает цвет лица. Я руками и ногами за то, что оживляет кровь Вустеров. И охотно готов доставить удовольствие местным жителям, позволив им любоваться видом моих розовых щек. Но не такой же ценой! Я отказываюсь есть на обед сырую морковь! Поэтому во избежание неприятных сюрпризов, наверное, будет разумно, если вы прихватите с собой несколько лишних сэндвичей для вашего господина. Не хочу рисковать.

— Очень хорошо, сэр.

Тут к нам подошел Бинго. Я давно не видел его таким веселым и довольным.

— Берти, я сейчас смотрел, как укладывают корзину с едой, — сказал он. — Стоял над душой у дворецкого и следил, чтобы он не наделал глупостей.

— Порядок? — спросил я с облегчением.

— Полный порядок.

— Морковки не будет?

— Никакой морковки, — сказал Бинго. — Сэндвичи с ветчиной, — продолжал он, и глаза у него подозрительно заблестели, — сэндвичи с языком, сэндвичи с запеченым мясом, сэндвичи с дичью, крутые яйца, омары, холодный цыпленок, сардины, пирог, пара бутылок «Боллинджера», бутылка выдержанного коньяку...

— Звучит, как музыка, — сказал я. — А если мы потом еще раз захотим перекусить, зайдем в кабак.

— В какой кабак?

— Разве там нет кабака?

— Ни одного в радиусе нескольких миль. Поэтому я глаз не спускал, когда укладывали корзину. Чтобы там никаких штучек, ни-ни! Этот выгон, где происходят скачки, настоящая пустыня без оазиса. Гиблое место. Один знакомый мне рассказывал, приезжает он туда в прошлом году, распаковывает корзину, а из бутылки с шампанским вылетела пробка, и оно залило салат, пропитало все сандвичи, которые смешались с овечьим сыром, в общем, все превратилось в кашу. Дороги здесь довольно ухабистые.

— Ну и что же он сделал?

— Съел всю эту кашу. У него не было выбора. Он говорит, что до сих пор ощущает во рту этот вкус.

В обычных обстоятельствах я бы, наверное, не обрадовался, узнав, как мы собираемся разделить для поездки: Бинго и миссис Бинго в своем автомобиле, Пайк — в моем, а Дживс сзади на откидном сиденье. Но в данных обстоятельствах такое разделение имело свой смысл. Дживс сможет изучать затылок этой особы и делать соответствующие выводы. А я между тем вовлеку ее в разговор, чтобы Дживс понял, что она собой представляет.

Я начал действовать, как только мы отъехали, и она всю дорогу до самого ипподрома просто из кожи вон лезла. Весьма довольный поездкой, я припарковался у дерева и вышел из автомобиля.

— Дживс, вы все слышали? — озабоченно спросил я.

— Да, сэр.

— Крепкий орешек?

— Безусловно, сэр.

К нам подошла чета Бинго.

— Первый заезд начнется не раньше чем через полчаса, — сказал Бинго. — Успеем перекусить. Дживс, тащите корзину.

— Сэр?

— Корзину с едой, — благоговейным голосом сказал Бинго и облизнул губы.

— Но в автомобиле мистера Вустера корзины нет, сэр.

— Что?!

— Я полагал, корзина в вашем автомобиле, сэр. У Бинго кровь мгновенно отхлынула от лица.

— Роза! — завопил он страшным голосом.

— Да, мой сладенький пончик?

— Борзина! Кутерброды!

- Дорогой мой, в чем дело?
- Корзина с бутербродами!
- Что с ней, мой сладенький?
- Ее забыли!

— Неужели? — сказала миссис Бинго. Признаться, она еще никогда так низко не падала в моих глазах. Я знал, что она, как и все в нашем кругу, придает еде большое значение. Несколько лет назад, когда моя тетушка Далия переманила ее повара-француза Анатоля, она в моем присутствии отпустила по адресу тетушки несколько эпитетов, которые произвели на меня глубокое впечатление. Но сейчас, узнав, что оказалась почти на необитаемом острове без хлеба и воды, она лишь равнодушно проронила «Неужели?» Только теперь я вполне осознал, до какой степени она подпала под тлетворное влияние своей подруги.

Сама Пайк пала в моих глазах еще ниже, — если это возможно, — чем прежде.

— Вот и отлично, — сказала она, как ножом резанув беднягу Бинго. — Обед как таковой следует вообще отменить. В крайнем случае ограничиться несколькими виноградинами, бананом и тертой морковью. Общеизвестный факт, что...

И пошла писать о желудочном соке, причем с такими подробностями, о которых не следует даже упоминать в присутствии джентльменов.

— Вот видишь, дорогой, — сказала миссис Бинго, — ты почувствуешь себя гораздо лучше, если не съешь плохо перевариваемую пищу. Поэтому радуйся — что ни делается, все к лучшему.

Бинго посмотрел на нее долгим, жалобным взглядом.

— Понятно, — сказал он. — Извините меня, но я лучше отойду куда-нибудь, чтобы прийти в себя, не слушая ваших замечательно интересных откровений.

Дживс многозначительным взглядом отозвал меня в сторонку, и я с надеждой последовал за ним. Ожидания меня не обманули. Дживс прихватил с собой сандвичей на двоих. На самом деле, на троих, и я свистнул Бинго, он незаметно подался к нам. Расстелив салфетку, мы накрыли за кустами импровизированный стол. Потом Бинго направился к букмекерам навести справки о первом заезде. Дживс тихонько кашлянул.

— В дыхательное горло крошка попала? — спросил я.

— Нет, сэр, благодарю вас. Просто я хотел бы выразить надежду, что вы не осудите меня за излишнюю смелость, сэр.

— Какую?

— Это я перед отъездом вынул корзинку с сандвичами из вашего

автомобиля, сэр.

Я задрожал, как осиновый лист. Я выпучил глаза. Я был поражен ужасом. Потрясен до основания.

— Вы, Дживс? — сказал я, как Цезарь, когда тот обнаружил, что Брут проткнул его чем-то острым. — Вы хотите сказать, что преднамеренно...

— Да, сэр. Мне показалось, что это самый разумный шаг для достижения поставленной цели. Было бы крайне неосмотрительно, на мой взгляд, допустить, чтобы миссис Литтл в ее нынешнем настроении наблюдала, как мистер Литтл поедает пищу в том масштабе, о котором он упомянул сегодня утром.

Точка зрения Дживса была мне ясна.

— Вы правы, Дживс, — задумчиво сказал я. — Понимаю, что вы имели в виду. Водится за Бинго такой грешок — в обществе сандвичей он склонен вести себя несколько грубовато. Мне не раз приходилось бывать с ним на пикниках. Он набрасывается на сандвич с языком или ветчиной, как лев, царь зверей, на антилопу. Сказанное распространяется также на омаров и холодного цыпленка. Согласен, подобное зрелище, наверное, потрясло бы его супругу... И все-таки... тем не менее... однако...

— На этот вопрос можно взглянуть и с другой стороны, сэр.

— С какой стороны?

— День, проведенный без пищи на свежем осеннем воздухе, может заставить миссис Литтл изменить настроение, и она уже не станет столь горячо сочувствовать взглядам мисс Пайк.

— В том смысле, что голод не тетка, и миссис Литтл пошлет эту самую Пайк к черту, когда та заведет свою песню о том, как полезно для желудка посидеть денек без еды?

— Совершенно верно, сэр.

Я покачал головой. Терпеть не могу осаживать человека, но приходится.

— И не надейтесь, Дживс, — сказал я. — Боюсь, вы не столь хорошо знаете женщин, как я. Для них не пообедать — пустяк. Дамы вообще относятся к обеду с нескрываемым пренебрежением. Ваша беда, Дживс, в том, что вы перепутали обед с чаем. Черт в преисподней не так страшен, как дама, которая хочет выпить чаю, а ей не дают. Тут уж самая добродушная особа на свете уподобляется бомбе, которая в любую минуту может взорваться. Но обед для нее — ничто. Я был уверен, что вы, с вашим умом, знаете такие азбучные истины.

— Безусловно, вы правы, сэр.

— Вот если бы вы устроили, чтобы миссис Литтл пропустила чай...

Но это несбыточная мечта, Дживс. К пяти часам она уже будет дома, где есть все, что душа пожелает. Дорога займет не больше часа. Последний заезд окончится около четырех. К пяти миссис Литтл уже удобно устроится за столом и будет наслаждаться, намазывая гренки маслом. Мне очень жаль, Дживс, но ваш план обречен. Ни малейшей надежды. Полный крах.

— Я весьма высоко ценю ваши замечания, сэр. Все, что вы сказали, совершенная правда.

— К несчастью. Но что делать? Нам остается только пойти на скачки, постараться обчистить пару букмекеров и на время забыть наши тревоги.

Этот день тянулся, как год. Не могу сказать, что я получил большое удовольствие. Я был расстроен. Озабочен. Время от времени небольшими группами выезжали фермеры верхом на хромоногих доморощенных клячах, тяжело трусивших по скаковому кругу, и я изредка кидал на них безразличный взгляд. Чтобы человек надлежащим образом воспринимал подобные сельские затеи, у него в желудке должен лежать хороший, плотный обед. Лиши его обеда, и что получится? Скука смертная. Не раз за эти часы я помянул Дживса недобрым словом. Мне стало казаться, что он потерял свою былую хватку. Даже ребенку ясно, что его дурацкий план обречен на неудачу.

Если вспомнить, что среднестатистическая женщина считает обед, состоящий из двух макаронин, половинки шоколадного эклера и рюмки кислого, как укус, вина пределом обжорства, то вы поймете, что она не станет раздражаться, если ее лишат несчастного сэндвича. Это и ежу ясно. Просто смешно. Не стоит и говорить. Чего добился Дживс своим умничанием? Только того, что мне казалось, будто лисицы грызут мои внутренности, и я хотел лишь одного — скорее вернуться домой.

Когда начало вечереть и миссис Бинго объявила, что с этими играми пора кончать и она хочет уехать, я почувствовал большое облегчение.

— Вас ведь не очень интересует последний заезд, мистер Вустер? — спросила она.

— Нет, ничуть, — совершенно искренне ответил я. В гробу я видел этот последний заезд. К тому же я выиграл шиллинг и шесть пенсов, а уходить надо тогда, когда ты в выигрыше.

— Мы с Лаурой подумали, что пора домой. Хочу поскорее выпить чаю. Бинго говорит, что остается. Вот я и подумала, что вы могли бы отвезти нас на нашем автомобиле, а Бинго с Дживсом приедут потом на вашем.

— Заметано.

— Вы знаете дорогу?

— Да, знаю. По шоссе до пруда, а там по проселочной дороге.

— Дальше я вам покажу, как ехать.

Я попросил Дживса подогнать автомобиль, и вскоре мы уже мчались с ветерком. Короткие сумерки быстро перешли в холодный, промозглый вечер. В такое время мысли обычно устремляются в направлении стакана согревающего шотландского виски с содовой и долькой лимона. Я жал на газ, и мы быстро отмахали по шоссе пять-шесть миль.

Свернув у пруда к востоку, я вынужден был сбавить скорость, потому что мы вдруг оказались на таком бездорожье, где о хорошей езде пришлось забыть. Не знаю, есть ли еще в Англии место, где вы чувствуете себя таким потерянными, как на проселочных дорогах Норфолка. Если бы изредка нам не попадались две-три коровы, можно было бы подумать, что здесь все вымерли.

Я снова подумал о шотландском виски, и чем больше я о нем думал, тем желаннее он мне представлялся. Удивительно, до чего по-разному люди подходят к выбору напитков. Вот тут-то и выявляется, как сказал бы Дживс, психология индивидуума. Некоторые на моем месте мечтали бы о кружке пива, а по представлениям этой Пайк, как она сама мне сказала, когда мы ехали в Лейкенхэм, живительный напиток — это чуть теплый отвар каких-то там ягод или на худой конец фруктовая вода. Готовится она так: опускаете изюм в холодную воду и добавляете туда немного лимонного сока. После этого, полагаю, вы можете приглашать к себе старых друзей, устраивать оргию, а наутро хоронить тела.

Лично я сомнениями не мучился. Не колебался ни минуты. Согревающий шотландский виски с содовой — это именно то, что мне надо, причем акцент на виски, надеюсь, вы понимаете, но отнюдь не на H₂O. Казалось, возжеленная рюмка подмигивает мне сквозь туман и говорит: «Держись, Бертрам! Теперь уже скоро!» И я с новой силой нажал на педаль, пытаюсь подогнать стрелку спидометра к шестидесяти.

Но эта злодейка подползла к тридцати пяти, секунду поколебалась, а потом сдалась по причине полной безнадежности. Внезапно, к моему крайнему изумлению, автомобиль издал слабое бульканье, как чахоточный лось, и стал, как вкопанный. Итак, мы затерялись где-то в Норфолке. Темнота вокруг нас сгущалась, холодный ветер, доносивший запахи гуано и вялой кормовой свеклы, пронизывал до костей.

Мои пассажирки на заднем сиденье подали голос:

— В чем дело? Что случилось? Почему вы не едете? Зачем вы

остановились?

Я объяснил:

— Остановился не я. Остановился автомобиль.

— Почему?

— А черт его знает, — сказал я с грубой мужской откровенностью, которая так мне идет.

Видите ли, я один из тех водителей, которые ездят на автомобиле, но представления не имеют, как он устроен. Подход у меня простой — сажусь, включаю автоматический стартер и отдаю себя в руки судьбы. Если что-нибудь ломается, я взываю о помощи к Автомобильной ассоциации. Такой метод, как правило, себя оправдывает, но в данном случае вышла осечка, так как на много миль вокруг не было ни намека на службу Автомобильной ассоциации. Все это я изложил своему прелестному грузу и в ответ получил от Пайк такое мощное «Тьфу!», от которого у меня чуть не снесло макушку. Имея целый выводок родственников, которые с детства привыкли считать меня придурком, я стал, что называется, знатоком этого междометия и могу смело утверждать, что «Тьфу!», произнесенное Пайк, тянуло на экстра-класс и могло сравниться по тембру и выразительности только с «Тьфу» моей тетушки Агаты.

— Может быть, я смогу понять, в чем дело, — сказала она немного спокойней. — Я разбираюсь в машинах.

Она вышла и, подняв капот, принялась внимательно разглядывать внутренности автомобиля. Я хотел было заметить, что, видимо, желудок у него испортился из-за нехватки растворимых в жирах витаминов, но промолчал. Я человек наблюдательный, и мне показалось, что сейчас мисс Пайк не в духе.

На самом деле, что касается растворимых в жирах витаминов, я не ошибся. Покопавшись с недовольным видом в двигателе, Пайк решительно захлопнула капот, будто ее вдруг осенила догадка. Проверив ее, девица убедилась, что была права. В баке не оказалось ни капли бензина. Горючее кончилось. Другими словами, автомобилю катастрофически не хватало растворимых в жирах витаминов. Это означало, что у нас был единственный выход — доставить колымагу домой с помощью одной силы воли.

Сообразив, что вряд ли меня можно в чем-нибудь обвинить, как ни взгляни на это печальное происшествие, я прибодрился до такой степени, что добродушно произнес: «Ну и ну! Хорошенькое дело!»

— Нет бензина, — сказал я. — Подумать только!

— Но Бинго говорил сегодня утром, что собирается залить полный

бак, — сказала миссис Бинго.

— Думаю, он забыл, — сказала Пайк. — С него станется!

— Что ты хочешь этим сказать? — процедила миссис Бинго, и я уловил в ее тоне намек на... забыл, как это называется.

— Я хочу этим сказать, что он именно такой человек, который вполне может забыть наполнить бак, — отчеканила Пайк, которая тоже, кажется, была задета.

— Я была бы чрезвычайно тебе обязана, Лаура, — сказала миссис Бинго тоном, в котором звучала глубокая супружеская преданность, — если бы ты воздержалась от критики моего мужа.

— Тьфу! — сказала Пайк.

— И не говори мне «Тьфу!» — сказала миссис Бинго.

— Я буду говорить все, что хочу.

— Дамы, дамы! — сказал я. — Милые дамы, пожалуйста!

Оглядываясь назад, я понимаю, что поступил безрассудно. Один из главных жизненных уроков состоит в том, что в случае пикировки представительниц прекрасного пола мужчине следует по возможности удалиться и свернуться клубочком, имитируя тактику рассудительного опоссума, который в случае опасности прикидывается мертвым, а иногда, не ограничиваясь этим, надевает траурную повязку и подговаривает друзей, чтобы они причитали над его телом. Моя опрометчивая попытка сгладить конфликт привела к тому, что Пайк накинулась на меня, как раненая леопардиха.

— Ну! — крикнула она. — Мистер Вустер, вы собираетесь что-нибудь предпринять?

— Что я могу предпринять?

— Посмотрите, вон стоит дом. Думаю, даже вы способны пойти туда и позаимствовать канистру бензина.

Я, действительно, увидел дом, и в одном из окон первого этажа горел свет. Мне с моим тренированным умом нетрудно было догадаться, что в доме обитают налогоплательщики.

— Очень здоровое и умное предложение, — сказал я чарующим голосом. — Для начала я немного посигналю, чтобы сообщить им о нашем присутствии, а потом сбегаяю.

Я посигналил, и результат превзошел все ожидания. В окне немедленно возникла человеческая фигура. Она приветливо замахала руками. Чрезвычайно ободренный этими дружескими жестами, я поспешил к парадной двери и громко ударил в нее дверным молотком. Я надеялся, что выход из положения найден.

Однако на мой стук никто не откликнулся. Я поднял молоток, чтобы еще раз попытать счастья. Но тут дверь распахнулась, и на пороге вырос верзила в очках. Лицо его выражало страдание. Видно, он испытывал тайные муки.

Разумеется, я ему сочувствовал, но у меня у самого было полно забот, поэтому я, минуя предисловия, сразу перешел к делу.

— Послушайте, — начал я.

Спутанные волосы парня стояли дыбом, и в этот момент он, как бы опасаясь, что они долго не продержатся в таком положении без посторонней помощи, запустил в них пятерню и для пущей надежности хорошенько их взъерошил. Только теперь я заметил в его очках угрожающий блеск.

— Это вы подняли тут адский шум?

— Э... да, — сказал я. — Я дал три гудка.

— Еще один гудок... только один, — парень говорил тихим, сдавленным голосом, — и я голыми руками разорву вас на куски. Жена ушла в гости, и я потратил несколько часов упорного труда, чтобы ребенок уснул. А тут являетесь вы и поднимаете шум. Какого черта вы сигналили?

— Э-э...

— Имейте в виду, — прошипел верзила. — Еще один гудок, единственный звук, отдаленно наводящий на мысль о гудке, и можете распрощаться с жизнью.

— Я только хотел попросить у вас бензина.

— А в ухо не хотите?

И закрыл дверь с деликатной осторожностью раба, отгоняющего мух от спящей Венеры.

Прекрасный пол почему-то всегда ополчается против потерпевшего поражение воина. Вернувшись к автомобилю, я не встретил теплого приема. Видимо, Бертрам оказался недостоин своих благородных предков-крестоносцев. Я пустил в ход свое обаяние, чтобы уладить дело миром, но вы догадываетесь, что из этого вышло. Если в холодный осенний вечер судьба забросила вас в пустыню, к тому же вы остались без обеда и того гляди останетесь без чая, то никакое обаяние не заменит вам чашки бодрящего напитка.

В общем, вскоре мне стало ужасно противно, и я, пробормотав, что иду искать помощь, вышел из автомобиля и пошел по направлению к Лейкенхэму. И вот, хотите верьте, хотите нет, не успел я пройти и полмили по этой забытой Богом пустыне, как увидел свет фар.

Я остановился и закричал так, как никогда в жизни не кричал:

— Эй! Послушайте! Эй! Минутку! Эй! Секундочку! Автомобиль подъехал и остановился.

— Берти, это ты? — сказал голос.

— Какое счастье! Бинго! Знаешь, у нас авария. Бинго вышел из автомобиля.

— Дживс, — сказал он. — Минут через пять трогайтесь потихоньку.

— Слушаюсь, сэр.

— Зачем нам идти пешком? — спросил я. — Какой смысл?

— Идем, старина, — сказал Бинго. — Только осторожно. Берти, я хочу кое в чем убедиться. Скажи, какая была обстановка, когда ты ушел? Накаленная?

— Немного.

— Ты заметил признаки начинающейся ссоры? Не собирается ли Роза расплеваться с этой Пайк?

— Да, в этом смысле наблюдается некоторое оживление.

— Давай подробности.

Я ему рассказал, что произошло. Он внимательно выслушал.

— Берти, — начал он, идя рядом со мной, — в жизни твоего старого друга наступил кризис, и ты тому свидетель. Может быть, это сидение в сломанном автомобиле поможет Розе понять то, что следовало понять уже давно, а именно: эта Пайк совершенно не пригодна к человеческому общению, ее следует бросить во тьму внешнюю, где плач и скрежет зубов.

[\[84\]](#) Держать пари не стану, но чего в жизни не бывает. Лучше Розе нет на свете, но, как и все женщины, она раздражается, если что-то ей мешает выпить чаю в пять часов. А сегодня, оставшись без обеда... Тихо!

Он схватил меня за руку, и мы остановились. Мы боялись шелохнуться, сгорая от любопытства. До нас доносились голоса, и мы сразу поняли, что удам идет разговор начистоту.

Прежде мне никогда не приходилось слышать, как женщины ссорятся, и, должен вам сказать, эта сцена произвела на меня неизгладимое впечатление. Видимо, пока меня не было, боевые действия обрели широкомасштабный характер. Они достигли той стадии, когда противные стороны начинают ворошить прошлое и выставлять старые счета. Миссис Бинго говорила, что Пайк никогда не взяли бы в хоккейную команду школы Святой Адели, если бы она не подлизывалась к капитану команды и не лебезила перед ней так, что ее, миссис Бинго, до сих пор тошнит, когда она об этом вспоминает. А Пайк отвечала, что хоть она до сих пор воздерживалась об этом упоминать, ибо что прошло, то былем поросло, но если миссис Бинго полагает, что ей, мисс Пайк, не известно, как миссис

Бинго получила приз за хорошее знание Библии, пронеся в экзаменационный класс листок со списком царей иудейских у себя под корсажем, она, миссис Бинго, глубоко ошибается.

Более того, продолжала Пайк, миссис Бинго заблуждается, если воображает, что она, мисс Пайк, согласится провести еще хотя бы одну ночь под крышей ее, миссис Бинго, дома. И вообще она, мисс Пайк, решила нанести визит миссис Бинго в минуту слабости и по доброте душевной, не сомневаясь, что она, миссис Бинго, страдает от одиночества и нуждается в обществе умной собеседницы. А теперь, если только Провидение пошлет им помощь и ей, мисс Пайк, удастся добраться до своих чемоданов, она немедленно их упакует и первым же поездом, пусть даже товарным, который останавливается на каждой станции, отбудет домой. Она, мисс Пайк, предпочтет пешком идти в Лондон, чем провести ночь в доме миссис Бинго.

На это миссис Бинго отвечала длинно, проникновенно и коснулась случая, произошедшего в последнем семестре в школе Святой Адели, когда девочка по фамилии Симпсон сказала ей (миссис Бинго), что девочка по фамилии Уэддсли сказала ей (Симпсон), что Пайк, которая прикидывалась ее (миссис Бинго) подругой, говорила ей (Уэддсли), что она (миссис Бинго) не может есть клубнику со сливками, потому что покрывается прыщами, и кроме того, язвительно отзывалась о форме ее (миссис Бинго) носа. Как я понял, все это можно было резюмировать двумя словами: полный порядок!

Но когда Пайк заявила, что чуть со смеху не умерла, читая в последнем романе миссис Бинго сцену, где маленький сын героини задыхается от крупа, мы решили вмешаться, дабы не допустить кровопролития. Дживс как раз подъехал к нам, и Бинго, достав из-под сиденья канистру с бензином, спрятал ее в кювет у дороги. А потом мы с Бинго подошли к дамам, и представление началось.

— Привет, привет, привет! — радостно воскликнул Бинго. — Берти сказал, что у вас поломка.

— Ой, Бинго! Ты здесь! Слава Богу! — вскричала миссис Бинго, и в каждом произнесенном ею слове звучала любовь.

— Надеюсь, теперь я смогу вернуться в дом и упаковать чемоданы, — процедила Пайк. — Если мистер Вустер позволит мне воспользоваться его автомобилем, Дживс меня отвезет, и я успею к поезду в шесть пятнадцать.

— Как! Неужели вы нас покидаете? — сказал Бинго.

— Да, — сухо проговорила Пайк.

— Жаль, жаль! — сказал Бинго.

Пайк уселась рядом с Дживсом, и они укатили. Наступило молчание. Было темно, и я не видел лица миссис Бинго, но чувствовал, как в ней борются любовь к мужу и естественное желание упрекнуть его за то, что он забыл заправить автомобиль. В конечном счете победило естественное желание.

— Знаешь, мой сладенький пончик, — сказала она, — ты совершил небольшую оплошность — забыл залить бензин в бак. А ведь обещал, помнишь?

— Но я залил бензин, дорогая.

— Но бак пуст, дорогой.

— Не может быть, дорогая.

— Лаура сказала, что в нем нет ни капли бензина, дорогой.

— Твоя Лаура — ослица, — сказал Бинго. — Бензина полон бак. Просто наверняка цепные колеса не цепляют за шестерню дифференциала. Уже не в первый раз. Я мигом все исправлю. Но мне не хочется, чтобы ты мерзла, пока я буду заниматься ремонтом. Думаю, можно пойти вон в тот дом и попросить, чтобы тебя пустили минут на десять. Они наверняка предложат тебе чашку чая.

У миссис Бинго вырвался слабый стон.

— Чай! — прошептала она.

Мне пришлось развеять сладкие грезы Бинго.

— И не мечтай, старина. Боюсь, там ты не встретишь знаменитого английского гостеприимства. В этом доме живет самый настоящий бандит. Никогда не встречал столь не приветливого субъекта. Его жена ушла в гости, и он только что с большим трудом укачал ребенка. Ему сейчас свет не мил. Постучи легонько к нему в дверь, и он свернет тебе шею.

— Чепуха, — сказал Бинго. — Идем.

Едва он успел ударить дверным молотком, как дверь распахнулась.

— Проклятие! — прошипел Бандит.

— Послушайте, — сказал Бинго, — я тут чиню автомобиль. Вы не возражаете, если моя жена посидит у вас минут пять, она замерзла.

— Возражаю, — сказал Бандит.

— И вы могли бы предложить ей чашку чая.

— Мог бы, — отвечал Бандит. — Но не предложу.

— Не предложите?

— Нет. И, ради Бога, говорите тише. Это такой ребенок. Малейший шум, и он просыпается.

— Давайте внесем ясность, — сказал Бинго. — Вы отказываетесь дать моей жене чашку чая?

— Да.

— Будете спокойно смотреть, как женщина умирает от жажды?

— Да.

— Не выйдет! Если вы немедленно не пойдете в кухню, не поставите чайник и не начнете резать хлеб для гренок с маслом, я начну кричать и разбужу ребенка.

Бандит побледнел до синевы.

— Вы не посмеете!

— Еще как посмею.

— Неужели у вас нет сердца?

— Нет.

— Бесчувственный чурбан!

— Да.

Бандит посмотрел на миссис Бинго. Его дух был сломлен.

— Туфли у вас не скрипят? — покорно спросил он.

— Нет.

— Тогда заходите.

— Спасибо, — сказала миссис Бинго.

Она обернулась к Бинго и одарила его таким взглядом, каким, наверное, похищенная драконом девица взидала на своего спасителя-рыцаря, когда он, отвернувшись от поверженного дракона, отряхивал брабантские кружева своих манжет. Взгляд миссис Бинго выражал восхищение, преданность, почти благоговейную почтительность. Как правило, мужьям нравится, когда жены на них так смотрят.

— Дорогой! — вскричала миссис Бинго.

— Дорогая! — воскликнул Бинго.

— Ангел мой! — сказала миссис Бинго.

— Сокровище мое! — сказал Бинго. — Идем, Берти, примемся за дело.

Он молча принес канистру с бензином, наполнил бак и закрутил крышку. Потом глубоко вздохнул.

— Берти, — начал он. — Стыдно признаться, но за время нашего знакомства бывали минуты, когда я ненадолго позволял себе усомниться в Дживсе.

— Что ты говоришь! — изумленно сказал я.

— Да, Берти, такое случалось. Иногда я чувствовал, что моя вера в него пошатнулась. Я спрашивал себя: «Не растерял ли он свою силу, свою энергию?» Теперь я уже никогда не задам себе подобного вопроса. С этой минуты я буду в него верить безраздельно. Берти, ведь это он подстроил

так, чтобы дамы, жаждущие чаю, внезапно обнаружили, что чашки с вожденным напитком им недоступны. Дживс не сомневался, что они рассорятся. И результат налицо.

— Да, но Дживс не мог знать, что автомобиль сломается.

— Как бы не так. Когда ты послал его за автомобилем, он слил из бака почти весь бензин, оставив ровно столько, чтобы вы заехали в глушь и застряли. Он предвидел все, что должно произойти. Берти, поверь мне, таких, как он, больше нет на свете.

— Разумеется.

— Он просто волшебник.

— Маг.

— Чародей.

— Таких поискать, — согласился я. — В нем полно растворенных в жирах витаминов.

— Точно, — сказал Бинго. — Пойдем скажем Розе, что автомобиль отремонтирован. А потом — домой и по кружке пива.

— Не пива, старина, — твердо сказал я. — Согревающий шотландский виски с содовой и долькой лимона.

— Ты совершенно прав, — сказал Бинго. — Ты знаешь толк в этих делах, Берти. Согревающий шотландский виски с содовой — то, что надо.

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ ДЯДЮШКИ ДЖОРДЖА

Бертрам Вустер не из тех, кого можно обвести вокруг пальца, спросите у кого угодно в «Трутнях». Глаз у меня наметанный. Я наблюдаю и делаю заключение. Взвешиваю свидетельские показания и делаю выводы. Поэтому не прошло и двух минут, как я, так сказать, раскусил дядюшку Джорджа. Я такие вещи за версту вижу.

И то, что я увидел, показалось мне чудовищной нелепостью. Впрочем, судите сами.

Помнится, еще в то время, когда я начал ходить в школу, толстяк дядя Джордж по праву считался одной из самых гротескных личностей в Лондоне. Тогда он был просто тучный, но с тех пор, день ото дня набирая вес, достиг таких размеров, что его портной снимает с него мерку вместо гимнастики. Дядюшка Джордж — известный завсегдатай лондонских клубов, один из тех страдающих одышкой джентльменов, которые в облегающих визитках и серых цилиндрах, слегка задыхаясь на подъеме, прогуливаются в хорошую погоду по Сент-Джеймс-стрит. Пустите ищейку в любой фешенебельный клуб от Пиккадилли до Пелл Мелл, и вы вспугнете сразу с полдюжины дядей Джорджей.

Обычно он проводит время в «Собаках» и между обедом и ужином, потягивая виски с содовой, дремлет в курительной. Если находит благодарного слушателя, то начинает ему жаловаться на пищеварение. Примерно дважды в год печень дядюшки Джорджа заявляет ему официальный протест, и он отбывает на воды в Харроугейт или Карлсбад. Потом возвращается, и все идет по-старому. Короче говоря, никому и в голову бы не пришло, что дядюшка Джордж может пасть жертвой нежной страсти. Однако, уверяю вас, все ее признаки были налицо.

В тот день старый греховодник ворвался ко мне ни свет, ни заря, я еще даже не успел после завтрака сигарету выкурить.

— О, Берти! — сказал он.

— Что?

— Послушай, эти твои галстуки... Скажи, где ты их покупаешь?

— У Блачера, в Берлингтонском пассаже.

— Благодарю.

Он подошел к зеркалу и стал себя разглядывать с самым серьезным видом.

— Соринка в глаз попала? — вежливо поинтересовался я.

Тут я вдруг заметил, что у него на лице играет ужасно глупая самодовольная улыбка. Признаться, у меня даже мороз по коже пошел. Надо сказать, физиономия дядюшки Джорджа и так-то глаз не радует, а уж с этой ухмылкой она производила прямо-таки удручающее впечатление.

— Ха! — сказал он.

Потом издал протяжный вздох и повернулся ко мне. Как раз вовремя, не то бы зеркало не выдержало и пошло трещинами.

— А я не так стар, — задумчиво проговорил он.

— Не стар для чего? — сказал я.

— Собственно говоря, я в расцвете лет. Кроме того, молодой и неопытной девушке нужен мужчина солидный и в годах, на которого можно положиться. Крепкий дуб, а не молодое деревце.

Как я уже сказал, тут-то до меня и дошло.

— Господи, Боже мой, дядя Джордж! Уж не собираетесь ли вы жениться?

— Кто не собирается? — сказал он.

— Вы.

— Собираюсь. Почему бы мне не жениться?

— Но, послушайте...

— Статус женатого человека весьма почетен.

— Да, конечно.

— В браке человек становится лучше, Берти.

— Кто вам сказал?

— Это я говорю. Брак превращает человека из легкомысленного шалопая в... э-э... нелегкомысленного шалопая. Да, Берти, я намерен жениться, черт побери, и если Агата начнет совать нос не в свое дело, я... я... в общем, уж я знаю, как мне поступить.

Он удалился с надменным видом, а я позвонил Дживса. На мой взгляд, положение требовало обстоятельного разговора.

— Дживс, — сказал я.

— Сэр?

— Вы ведь знаете моего дядюшку Джорджа?

— Да, сэр. Вот уже несколько лет, как его светлость мне знаком.

— Я не то хотел спросить. Я хотел спросить, знаете ли вы, что дядя Джордж надумал?

— Его светлость собирается заключить брачный союз, сэр.

— Боже мой! Он сам вам об этом сказал?

— Нет, сэр. По чистой случайности я имею удовольствие знать

невесту его светлости.

— Вы знакомы с этой девушкой?

— Да, я знаком с этой юной особой, сэр. От ее тетки, с которой она вместе проживает, я и узнал о том, что его светлость предполагает вступить в брак.

— Кто эта юная особа?

— Некая мисс Платт, сэр. Мисс Рода Платт. Проживает в небольшом доме под названием «Глициния», Китченер-роуд, Восточный Далвич.

— Молоденькая?

— Да, сэр.

— Вот старый дурень!

— Да, сэр. Конечно, я бы никогда не позволил себе употребить подобное выражение, но, должен признаться, его светлость поступает опрометчиво. Однако следует помнить, что нередко джентльмены, достигшие определенных лет, поддаются сентиментальным порывам. Вероятно, они впадают в состояние, которое я бы назвал чем-то вроде бабьего лета или золотой осени, когда у них временно наступает вторая молодость. Насколько мне известно, подобный феномен чаще всего наблюдается в Соединенных Штатах Америки, в частности, среди наиболее богатых граждан города Питтсбурга. Общеизвестно, как мне говорили, они, если их не остановить, рано или поздно порываются жениться на хористках. Отчего это происходит, я затрудняюсь объяснить, но...

Я понял, что Дживс сел на своего конька, и перевел разговор в другую плоскость.

— По тому, как дядюшка себя вел, когда заговорил о том, как тетя Агата примет эту новость, я догадался, что мисс Платт — особа невысокого звания.

— Да, сэр. Она официантка, служит в клубе его светлости.

— Боже мой! Пролетарка!

— Буржуазка, сэр.

— Да, возможно, с некоторой натяжкой. Но вы меня понимаете.

— Да, сэр.

— Удивительно, Дживс, — задумчиво сказал я, — почему сейчас так модно жениться на официантках? Если помните, мистер Литтл, пока не остепенился, несколько раз порывался отколоть этот номер.

— Да, сэр.

— Странно!

— Да, сэр.

— Что ж, мода есть мода. Вопрос, который надо немедленно обсудить, состоит вот в чем — как тетя Агата посмотрит на это дело? Вы ее знаете, Дживс. Она совсем на меня не похожа. Я человек широких взглядов. Если дядюшка желает жениться на официантке — пусть женится. В конце концов, место не красит человека... как там дальше?

— Не место красит человека, а человек место, сэр.

— Ладно, пусть так. Хотя не понимаю, какая разница. Несмотря на все это, как говорится, девушка есть девушка.

— Как говорится, девица есть девица, сэр. Так написал поэт Бернс в одном из своих...

— Хорошо, пусть девица, если вам так больше нравится.

— Я не отдаю предпочтение какому-либо из этих двух вариантов, сэр. Дело в том, что поэт Бернс...

— Довольно о поэте Вернее.

— Хорошо, сэр.

— Забудьте о поэте Вернее.

— Хорошо, сэр.

— Выбросьте поэта Бернса из головы.

— Немедленно выкину, сэр.

— Нам необходимо поговорить не о поэте Вернее, а о тетушке Агате. Она устроит скандал.

— Весьма вероятно, сэр.

— И хуже всего, что она непременно втянет меня в эту историю. Нам остается единственный выход. Упакуйте мою зубную щетку, и давайте, пока не поздно, смоемся, не оставив адреса.

— Слушаюсь, сэр.

В этот момент в парадную дверь позвонили.

— Ха! — сказал я. — Кто-то пожаловал.

— Да, сэр.

— Может, дядюшка Джордж вернулся. Я открою, а вы идите укладывать вещи.

— Хорошо, сэр.

Я, беззаботно насвистывая, отворил дверь и узрел тетю Агату. Собственной персоной. Да, сюрприз не из приятных.

— А-а, здравствуйте, — выдавил я. Говорить ей, что я уезжаю и вернусь не раньше чем через два месяца, не было никакого смысла.

— Берти, я хочу поговорить с тобой, — выпалило проклятие семьи. — Я чрезвычайно встревожена.

Она влетела в гостиную и спланировала в кресло. Я плелся следом за

ней и с грустью думал, что Дживс уже, наверное, пакует вещи. Теперь нам чемоданы вряд ли понадобятся. Я знал, зачем ко мне пожаловала тетя Агата.

— Я только что говорил с дядей Джорджем, — начал я, сразу переходя к делу, раз уж этого все равно не избежать.

— Я тоже, — сказала тетя Агата, театрально передернув плечами. — Представляешь, я еще не успела встать с постели, а он звонит и сообщает, что намерен жениться на какой-то невозможной девице из Южного Норвуда.

— Из Восточного Далвича, по сведениям весьма информированного лица.

— Хорошо, пусть из Восточного Далвича, такая же дыра. А кто тебе сказал?

— Дживс.

— Скажите на милость! Откуда он знает?

— Тетя Агата, на свете мало такого, чего Дживс не знает, — убежденно проговорил я. — Он знаком с этой девицей.

— Кто она?

— Официантка из клуба «Собаки».

Мое сообщение, как я и ожидал, возымело действие. Тетка пронзительно взревела, как Корнуэльский экспресс, мчащийся через железнодорожный переезд.

— Насколько я понял, тетя Агата, вы хотите помешать этому браку.

— Само собой разумеется!

— В таком случае есть только один способ. Позвольте мне позвать Дживса и спросить его совета.

Тетка немедленно приняла чопорный вид, вылитая *grande dame* старого *regime*.

— Неужели ты всерьез предлагаешь обсуждать наши семейные дела с твоим слугой?

— Разумеется. Дживс найдет выход из положения.

— Берти, я всегда знала, что ты глуп, — заявила родственница ледяным, — думаю, не выше трех градусов по Фаренгейту, — тоном. — Но надеялась, что у тебя сохранился хоть намек на чувство собственного достоинства и уважения к обществу, к которому ты принадлежишь.

— Тетя Агата, знаете ли вы, что сказал по этому поводу поэт Бернс?

Она бросила на меня уничтожающий взгляд.

— Совершенно ясно, что у нас только один выход, — сказала она, — предложить девице деньги.

— Деньги?

— Разумеется. Уже не в первый раз твой дядя вынуждает нас действовать подобным образом.

Мы умолкли и предались тягостным размышлениям. При воспоминании о юношеской влюбленности дяди Джорджа у нас в семье всегда предаются тягостным размышлениям. Я тогда был еще слишком юн и не вникал в подробности, но потом я много раз слышал эту историю от всех, включая самого дядю Джорджа. Стоит ему подвыпить, и он готов без конца об этом рассказывать. Она служила официанткой в баре, в «Крайтерионе», а он еще не был титулованной особой. Ее звали Моды, и он страстно в нее влюбился, но семья и слышать о ней не желала. В конце концов родственники раскошелились и дали ей отступного. Весьма банальная история.

Я далеко не был уверен, что план тети Агаты удастся.

— Как хотите, конечно, — сказал я, — но вы очень рискуете. Судя по романам и пьесам, тот, кто становится на этот путь, всегда садится в лужу. Девушка, гордо выпрямившись во весь рост, смотрит на него своим чистым неподкупным взором, а он чувствует себя последним подонком. И каждый раз симпатии зрителей оказываются на стороне девушки. На вашем месте я бы просто стоял на своем, а остальное предоставил Природе.

— Я тебя не понимаю.

— Ну, сами подумайте, на что похож дядя Джордж. Прямо скажем, не Грета Гарбо. Я бы дал девице возможность хорошенько к нему присмотреться. Тетя Агата, я знаю человеческую натуру, поверьте, и убежден, что нет на свете женщины, которая, постоянно видя перед собой дядю Джорджа в этих его ужасных жилетах, сама не даст ему от ворот поворот. К тому же учтите, что девице придется смотреть, как дядя Джордж ест, а когда он чуть не с головой зарывается в пищу, зрелище не для...

— Берти, если тебя не затруднит, перестань нести околесицу, я буду тебе очень обязана.

— Как скажете, тетенька. И все же, по-моему, вы попадете в крайне неловкое положение, если станете предлагать девушке деньги.

— А я и не собираюсь. Переговоры с ней будешь вести ты.

— Я?

— Разумеется. Думаю, сотни фунтов будет достаточно. На всякий случай я дам тебе незаполненный чек, и если возникнет необходимость, тыставишь большую сумму. Главное — вызволить твоего дядю, сколько бы это ни стоило.

- Значит, вы хотите спихнуть это дело на мои плечи?
- В кои-то веки и ты можешь что-нибудь сделать для семьи.
- А когда она, гордо выпрямившись, посмотрит на меня чистым неподкупным взором, что я скажу на «бис»?
- Хватит рассуждать на эту тему. Через полчаса ты будешь в Восточном Далвиче. Поезда идут один за другим. Я останусь здесь, дождусь тебя, и ты обо всем отчитаешься.
- Но послушайте!
- Берти, ты немедленно отправишься к этой женщине.
- Пропади все пропадом!
- Берти! Я сдался.
- Ох, ну ладно, если вы так настаиваете.
- Настаиваю.
- Ладно, будь по-вашему.

Не знаю, приходилось ли вам когда-нибудь ездить в Восточный Далвич и предлагать незнакомке презренный металл, чтобы она отступилась от вашего дяди Джорджа. Если не приходилось, могу вас уверить, что на свете полно занятий куда более приятных. Я чувствовал себя скверно, когда ехал на вокзал. Я чувствовал себя скверно, трясаясь в поезде. Мне было скверно, когда я шел по Китченер-роуд. Но совсем скверно я себя почувствовал, когда нажал на кнопку звонка у парадного крыльца и неопрятная горничная, открыв дверь, провела меня по коридору в комнату с розовыми обоями, фортепиано в углу и множеством фотографий на каминной полке. Ничто так не подавляет дух, как такая вот убогая гостиная где-нибудь в захолустном пригороде, за исключением разве что приемной дантиста, на которую эта комната была похожа. Обычно хозяева страстно порываются загромоздить ее столиками, на которых стоят чучела птиц в стеклянных ящиках. Чувствительный человек, поймав на себе холодный, укоризненный взгляд куропатки или еще какой-нибудь птицы, из которой вынули внутренности и набили ее опилками, способен потерять сознание.

В гостиной «Глицинии» стояло три таких стеклянных ящика, и, куда ни кинь взгляд, непременно упруешься в чучело. В двух ящиках сидело по одной птице, а в третьем — целая семья: снегирь-папа, снегирь-мама и маленький мастер Снегирь. Причем выражение лица у него было, как у малолетнего преступника, и он отравил мне настроение больше, чем все остальные чучела, вместе взятые.

Чтобы не встречаться взглядом с этим чудовищем, я подошел к окну и

принялся рассматривать герань. В этот момент дверь отворилась и, обернувшись, я узрел особу, которую ни при каких обстоятельствах нельзя было принять за девушку. Наверное, ее тетка, мелькнула у меня мысль.

— О! Гм... Доброе утро, — с трудом выдавил я, потому что чувствовал себя так, будто меня оглушили. Комната вдруг показалась мне маленькой-маленькой, а тетюшка такой огромной, что мне стало нечем дышать. Бывают люди, от которых нормальному человеку сразу становится тесно, и тетка явно принадлежала к их числу. Вся она состояла из огромных, вздымающихся округлостей. Должно быть, в свое время она была очень недурна, хотя и весьма упитанна. Но к тому времени, когда она появилась в моей жизни, вес у нее далеко выходил за все мыслимые пределы. Она была похожа на оперную певицу восьмидесятых годов прошлого века. Оранжевые волосы и платье пурпурного цвета усиливали сходство.

Тетюшка показалась мне необыкновенно добродушной. Похоже, она обрадовалась Бертраму и расплылась в улыбке. — Наконец-то! — сказала она. Я ничего не понял.

— А?

— Но к племяннице, я думаю, лучше зайти попозже. Она только что уснула.

— О, в таком случае...

— Жалко ее будить, правда?

— Да, конечно, — с облегчением сказал я.

— Если подхватишь инфлюэнцу, то всю ночь не спишь, только утром задремлешь, ну и, конечно, жалко будить, правда?

— У мисс Платт инфлюэнца?

— Мы с ней думаем, что да. Но точно сказать можете только вы. Не будем терять времени. Раз уж вы пришли, посмотрите мое колено.

— Ваше колено?

Я ничего не имею против колен, но все в свое время и, можно сказать, в соответствующем месте. Сейчас, на мой взгляд, момент был неподходящий. Однако дама стояла на своем.

— Ну, что вы думаете о колене? — спросила она, поднимая завесу над святой святых.

Хочешь не хочешь, но вежливость — прежде всего.

— Ужас! — сказал я.

— Не поверите, какую боль оно мне причиняет.

— В самом деле?

— Так и стреляет, так и стреляет. Потом вроде проходит. И знаете, что

самое смешное?

— Что? — сказал я, радуясь возможности посмеяться.

— В последнее время точно так же у меня болит вот здесь, в низу позвоночника.

— Не может быть!

— Честно. Будто раскаленной иглой колет. Хочу, чтобы вы там тоже посмотрели.

— Что? Позвоночник?

— Да.

Я покачал головой. Вообще-то я большой любитель всяких забав, обожаю божественные шуточки и все такое прочее. Но всему есть предел, и мы, Вустеры, его не переходим.

— Это невозможно, — строго сказал я. — Никаких позвоночников. Колени — да. Позвоночники — нет.

Она удивилась.

— Ну и ну, — проговорила она. — Станный вы доктор, вот что я вам скажу.

Как вам уже известно, я очень быстро соображаю, и тут до меня начало доходить, что, должно быть, произошло какое-то недоразумение.

— Доктор?

— Вы ведь доктор?

— Вы приняли меня за доктора?

— А разве вы не доктор?

— Нет. Совсем не доктор.

Наконец все объяснилось. Пелена спала у нас с глаз. Мы поняли, что к чему. Я с самого начала подумал, что она веселая и добродушная. Сейчас моя догадка подтвердилась. Никогда не слышал, чтобы женщина так искренне смеялась.

— Хорошенькое дельце! — проговорила она, заливаясь хохотом и вытирая глаза носовым платком, который я ей одолжил. — Он не доктор! А кто же вы такой?

— Мое имя Вустер. Я пришел повидать мисс Платт.

— Зачем?

В этот момент я, безусловно, должен был достать чек и взять быка за рога. Но почему-то не смог. Понимаете, каково мне было? Предлагать деньги за то, что от твоего дядюшки отступятся, дело, мягко говоря, довольно скверное, а при сложившихся обстоятельствах и вовсе невозможное.

— Да так, знаете ли, просто хотел навестить. — Внезапно меня

осенило. — Мой дядюшка слышал, что она нездорова, и просил меня повидаться с ней и узнать, как она себя чувствует, — сказал я.

— Ваш дядюшка?

— Лорд Яксли.

— Ой, значит, вы племянник лорда Яксли?

— Вот именно. Наверное, он у вас частый гость.

— Нет. Я его здесь ни разу не видела.

— Не видели?

— Нет. Признаться, у Роди он с языка не сходит, это верно, но почему-то она никак не решится пригласить его на чашку чая.

Я начал догадываться, что эта Роди, видно, блюдет свой интерес. Будь я девицей, имеющей жениха, и знай, что дома у меня существует экспонат, подобный этой тетушке, я бы тоже призадумался, стоит ли приглашать упомянутого жениха до того, как совершится церемония бракосочетания и он поставит в указанном месте свою подпись. Несомненно, эта тетушка — добрая душа и золотое сердце, но она особа совсем не того разбора, чтобы явить ее до времени своему Ромео.

— Вот, наверное, вы удивились, когда про все узнали? — сказала она.

— Еще бы.

— Хотя ничего окончательно не решено.

— Вы так считаете? Я полагал...

— Ой, нет. Роди пока думает.

— Понимаю.

— Она, конечно, дело, понимает, что это большая честь. Но порой сомневается, не староват ли он для нее.

— Моя тетушка Агата того же мнения.

— Но, как ни крути, титул есть титул.

— Да, верно. А что вы сами об этом думаете?

— Ой, кому интересно, что я думаю. С нынешними девушками сладу нет.

— Да уж.

— Вот и я говорю, ничего путного у них не выйдет. Вот так-то.

— Вы совершенно правы.

Мне показалось, что нет особого смысла вести эту бесконечную беседу. У тетушки был такой вид, будто она готова болтать весь день. Но тут как раз вошла горничная и доложила, что приехал доктор.

Я поднялся.

— Ну что ж, мне пора.

— Уже уходите?

- Да, пойду, пожалуй.
- Ну пока.
- Счастливого оставаться, — сказал я и вышел на свежий воздух.

Зная, что меня ожидает дома, я бы, конечно, предпочел пойти в клуб и провести там остаток дня. Однако, чему быть, того не миновать.

— Ну? — сказала тетя Агата, когда я с опаской просочился в гостиную.

- В общем, и да, и нет, — отвечал я.
- Что это значит? Она отказалась от денег?
- Не совсем.
- Взяла?
- Ну не то чтобы взяла...

Мне пришлось объяснить ей, что произошло. Я не ждал аплодисментов и правильно делал, потому что их не было. По мере того, как я рассказывал, тетнины замечания становились все более смачными, а когда я закончил, она презрительно фыркнула с такой силой, что стекла задребезжали. Мне послышалось что-то вроде «Чтоб!» Наверное, она собиралась сказать: «Чтоб тебе лопнуть!», но вовремя затормозила, вспомнив о своем аристократическом происхождении.

— Очень досадно, — пробормотал я. — Что сказать в свое оправдание? Мужество мне изменило. Я дрогнул, потому что не мог пренебречь нравственными правилами, внушенными мне с детства. От этого никто не застрахован.

— В жизни не встречала такого беспозвоночного ничтожества.

Я вздрогнул, как воин, которому напомнила о себе старая рана.

— Тетя Агата, я был бы вам чрезвычайно благодарен, если бы вы не упоминали слово «позвоночник». Оно пробуждает во мне воспоминания.

Дверь отворилась, и вошел Дживс.

— Сэр?

— Да, Дживс?

— Мне показалось, вы звонили, сэр.

— Нет, я не звонил.

— Прошу прощения, сэр.

Бывают минуты, когда даже под оком тети Агаты я могу проявить твердость. Увидев светящиеся умом глаза Дживса, я вдруг понял, что свалял дурака. Из-за глупых предрассудков тети Агаты, не желающей обсуждать семейные дела с прислугой, я не приник к этому благородному источнику, изливающему на меня целительный бальзам и покой. Пусть

тетушка снова швыряет мне в лицо свое «Чтоб!», но я решил сделать то, что мы обязаны были сделать с самого начала — поручить дело Дживсу.

— Дживс, — сказал я, — речь идет о дядюшке Джордже.

— Да, сэр.

— Вам известны обстоятельства этого дела?

— Да, сэр.

— Вы знаете, чего мы хотим.

— Да, сэр.

— В таком случае дайте нам совет. Причем быстро. С ходу.

Я слышал, что тетя Агата глухо урчит, как вулкан перед извержением, но остался тверд. В глазах Дживса уже вспыхнул свет, означающий, что решение вот-вот будет найдено.

— Насколько я понял, вы уже навестили юную особу у нее дома, сэр?

— Да, я только что оттуда.

— В таком случае вы, несомненно, видели ее тетушку?

— Кроме нее, я никого не видел.

— Тогда, вероятно, план, который я собираюсь предложить, вам понравится, сэр. Я бы посоветовал вам устроить встречу его светлости с этой тетушкой. Она всегда выражала желание остаться жить с племянницей, когда та выйдет замуж. Встретившись с тетушкой и узнав о ее планах, его светлость призадумается. Вы, вероятно, заметили, сэр, что тетушка весьма добродушная особа, но крайне вульгарная.

— Дживс, вы совершенно правы! Кроме всего прочего, эти оранжевые волосы!

— Совершенно верно, сэр.

— Не говоря уж о пурпурном платье.

— Безусловно, сэр.

— Я приглашу ее на обед завтра и познакомлю с дядей Джорджем. Видите, — сказал я, обращаясь к тете Агате, которая все еще продолжала бурлить где-то на заднем плане, — мы сразу получили готовое решение. Я ведь вам говорил...

— Вы свободны, Дживс.

— Благодарю вас, мадам.

Несколько минут после его ухода тетя Агата, явно пренебрегая существом вопроса, разглагольствовала по поводу того, что Вустер роняет престиж семьи, позволяя лакеям задирать нос. Потом она все-таки изволила вернуться к главной теме.

— Берти, — сказала она, — завтра же ты снова пойдешь к этой девице и на этот раз сделаешь то, что я тебе велела.

— Да пропади все пропадом! У нас есть блестящий альтернативный план, основанный на тонком понимании психологии индивидуума...

— Довольно! Ты слышал, что я сказала? Мне пора. До свидания.

Она умчалась, не подозревая, что Бертрамом Вустером нельзя помыкать. Едва дверь за ней закрылась, я призвал Дживса.

— Дживс, — сказал я, — эта моя тетка и слышать не хочет о вашем прекрасном альтернативном плане, но я собираюсь неукоснительно ему следовать. По-моему, это гениальный план. Вы можете завтра привести эту женщину сюда обедать?

— Да, сэр.

— Отлично. А я тем временем телефонирую дяде Джорджу. Мы сделаем для тети Агаты доброе дело вопреки ее желанию. Дживс, что сказал по этому поводу поэт?

— Поэт Бернс, сэр?

— Нет, не Бернс. Кто-то другой. О добрых делах, которые совершаются втайне.

— «Деяния благие, что вершатся втайне... Кто их помнит!», [\[85\]](#) сэр?

— Вот именно, Дживс.

Я-то думал, свершение благих деяний украдкой должно приносить человеку радость, однако не могу сказать, что предстоящая пирушка очень меня радовала. Дядюшка Джордж и сам по себе довольно неприятный сотрапезник. Обычно он завладевает застольной беседой и принимается описывать свои патологические симптомы; он и мысли не допускает, что окружающие совсем не жаждут выслушивать разные подробности, касающиеся несварения желудка. Присоедините к дядюшке Джорджу тетюшку мисс Платт, и у вас получится такая компания, которая способна привести в уныние самого стойкого. Когда я проснулся на следующий день, у меня возникло предчувствие надвигающейся беды, и все утро это ощущение, постепенно усиливаясь, черной тучей нависало надо мной. К тому времени, когда Дживс принес коктейли, я совсем пал духом.

— Пропадаю ни за грош, Дживс, — сказал я. — Послать бы эту затею к черту и податься в «Трутни».

— Я могу себе представить, какое тяжелое испытание вам предстоит, сэр.

— Откуда вы знаете этих людей, Дживс?

— Я с ними познакомился через моего приятеля, камердинера полковника Мейнуоринга-Смита, сэр. Когда у моего приятеля возникло взаимопонимание с юной особой, он пожелал, чтобы я поехал с ним в

«Глицинию» и познакомился с его избранницей.

— Они обручились?

— Не совсем, сэр. Просто у них возникло взаимопонимание.

— А почему они поссорились?

— Они не поссорились, сэр. Когда его светлость начал ухаживать за юной особой, она, естественно, была польщена и теперь не может сделать выбор между любовью и честолюбием. Она до сих пор официально не отказалась от взаимопонимания.

— В таком случае, если наш план удастся осуществить и дядя Джордж самоустранится, дела вашего приятеля пойдут на лад?

— Да, сэр. Сметерст — его зовут Сметерст — готов будет воскликнуть: «Это ли не цель желанная!».

— Хорошо сказано, Дживс. Сами придумали?

— Нет, сэр. Это эвонский лебедь, сэр, Шекспир.

В эту минуту чья-то невидимая рука робко позвонила в дверь и я, скрепя сердце, приготовился играть роль хозяина. Застольное испытание приближалось.

— Миссис Уилберфорс, сэр, — доложил Дживс.

— Ну как мне удержаться от смеха, когда ты, стоя у меня за спиной, будешь говорить: «Мадам, не желаете ли картофеля?», — говорила тетушка мисс Платт, вплывая в гостиную.

Мне она показалась еще неохватней, еще розовее и добродушней, чем в прошлый раз.

— Понимаете, мы с ним знакомы, — пояснила она мне, тыча в Дживса пальцем. — Он к нам заходил на чашку чая.

— Да, он мне об этом говорил.

Тетушка окинула гостиную быстрым внимательным взглядом.

— А у вас здесь шикарно, — сказала она. — Хотя по мне так лучше всего розовые обои. Они такие веселенькие. Что тут у вас? Коктейли?

— Мартини и чуть-чуть абсента, — сказал я, наполняя стакан.

Она громко вскрикнула, совсем как девочка.

— Ой! Не вздумайте поить меня этой гадостью! Знаете, что со мной творится, если я только пригублю что-то подобное? Умираю от боли. Все эти коктейли — настоящий яд для желудка.

— Я, право, не знаю...

— А я знаю. Если бы вы прослужили официанткой в баре столько лет, как я, вы бы тоже знали.

— О! Э-э... вы служили официанткой?

— Да, в «Крайтерионе». Я тогда была молоденькая. Я уронил шейкер

на пол.

— Вот! А все потому, что пьете эту гадость, — нравоучительным тоном сказала тетушка мисс Платт. — У вас руки дрожат. Я всегда говорила мальчикам: «Только портвейн! Он полезный. Я и сама люблю выпить немного портвейна. Но эта новомодная американская гадость — нет и нет!» Но они никогда меня не слушали.

Я с тревогой уставился на нее. Конечно, в «Крайтерионе» в свое время служили десятки официанток, и тем не менее меня пробрала легкая дрожь. Много лет прошло с тех пор, как дядя Джордж отколол это коленце с попыткой мезальянса — он тогда еще не носил титула, — но до сих пор при упоминании о «Крайтерионе» все Вустеры содрогаются.

— Э-э... когда вы служили в «Крайтерионе», — начал я, — не встречался ли вам молодой человек с такой же фамилией, как у меня?

— Да разве я упомяну фамилии? Я ужасно тупа на имена.

— Вустер.

— Вустер! А когда вы давеча заходили, мне послышалось Фостер. Вустер! Встречался ли мне молодой человек по имени Вустер! Ну и дела! Ведь Джордж Вустер — Поросеночек, как я его называла, — и я, мы собирались пожениться, только его семья про это прослышала и вмешалась. Они мне предложили кучу денег, только бы я от него отказалась, и я, как последняя дура, пошла у них на поводу. Сколько раз я о нем вспоминала! Интересно, что теперь с ним случилось? Он вам родственник?

— Пожалуйста, извините меня, — сказал я. — Хочу дать кое-какие распоряжения Дживсу.

Я пошел в буфетную.

— Дживс!

— Сэр?

— Знаете, что случилось?

— Нет, сэр.

— Эта женщина...

— Сэр?

— Это же официантка дядюшки Джорджа.

— Сэр?

— Черт побери, вы должны были слышать о дядюшкиной официантке. Вы же знаете нашу семейную историю. Это та самая официантка, на которой дядюшка хотел жениться много лет назад.

— Ах, да, сэр.

— Она единственная женщина, которую он любил. Он сам сто раз мне

об этом рассказывал. После четвертой порции виски с содовой он впадает в сентиментальность и со слезами вспоминает об этой особе. Какое невезение, пропади все пропадом! Напоминание о прошлом найдет живой отзвук у него в сердце. Я это чувствую, Дживс. И она как раз в его вкусе. Едва войдя в гостиную, принялась рассказывать про свой желудок. Дживс, вы понимаете, что за этим кроется? Страшная вещь! Ведь у дяди Джорджа любимая тема — его желудок. Это означает, что они родственные души. Эта женщина и дядя Джордж просто...

— Созданы друг для друга, сэр?

— Совершенно верно.

— Весьма тревожное положение, сэр.

— Что делать?

— Не могу сказать, сэр.

— Ну тогда я скажу, что я намерен делать — телефонирую дяде Джорджу и скажу, что обед отменяется.

— Едва ли это возможно, сэр. Кажется, его светлость уже звонит в дверь.

Так и было. Дживс его впустил, и он поплелся по коридору в гостиную. Я направился за ним следом. Когда он вошел, наступило ошеломленное молчание, потом раздались удивленные восклицания, как бывает, когда старые друзья встречаются после долгой разлуки.

— Поросенок!

— Моди!

— Вот это да!

— Моди! Будь я проклят!

— Неужто это ты!

— Господи, помилуй!

— Ты теперь лорд Яксли, подумать только!

— Стал носить титул вскоре после того, как мы расстались.

— Подумать только!

— Слушай, я просто глазам не верю!

Я отошел в сторонку и стоял, переминаясь с ноги на ногу. Они, я бы сказал, в упор меня не видели, будто Бертрам Вустер уже отошел в мир иной и лишился своей телесной оболочки.

— Моди, черт побери, ты совсем не изменилась!

— Ты тоже, поросенок.

— Как ты жила все эти годы?

— Очень хорошо. Вот только желудок дает о себе знать.

— Господи, Боже мой! Что ты говоришь? У меня тоже нелады с

желудком.

— Как поем, так сразу чувствую тяжесть.

— И я, как поем, тоже чувствую тяжесть. Что ты принимаешь?

— Пищеварительный бальзам Перкинса.

— Дорогая моя девочка, он не помогает! Совершенно бесполезная вещь! Я сам его принимал много лет, и никакого толку. Знаешь, единственное, что помогает...

Когда дядюшка Джордж, усевшись рядом с тетюшкой мисс Платт на диван, принялся что-то назойливо гудеть ей в ухо, я выскользнул из комнаты.

— Дживс, — сказал я, нетвердым шагом входя в буфетную.

— Сэр?

— Подавайте обед на двоих. Я не в счет. Если они заметят, что меня нет, скажите, что мне телефонировали и я ушел по срочному делу. Бертрам больше не контролирует ситуацию, Дживс. Если во мне возникнет надобность, я в «Трутнях».

— Хорошо, сэр.

Вечером, уже довольно поздно, когда я рассеянно разыгрывал снукер, [86] в бильярдную вошел один из официантов и сообщил, что тетя Агата желает говорить со мной по телефону.

— Берти!

— Да?

Признаться, я был поражен — она говорила таким тоном, будто наше дело устроилось как нельзя лучше. Она щебетала, как птичка.

— Берти, чек, который я тебе дала, все еще у тебя?

— Да.

— Порви его. Он больше не нужен.

— А?

— Я говорю, он не нужен. Твой дядюшка мне телефонировал. Он не женится на этой особе.

— Да?

— Да. Очевидно, он еще раз все обдумал и понял, что она ему не пара. Но — самое удивительное — он все-таки женится!

— Женится?

— Да, на своей давнишней знакомой, некой миссис Уилберфорс, женщине, вполне подходящей, по его словам, по возрасту. Интересно, из каких она Уилберфорсов? Есть две основные ветви этой фамилии — эссекские Уилберфорсы и кумберлендские Уилберфорсы. Помнится, существует еще младшая ветвь где-то в Шропшире.

— И еще одна в Восточном Далвиче.

— Что ты сказал? Я не расслышала.

— Ничего, — ответил я и повесил трубку.

У меня было такое чувство, будто меня пыльным мешком из-за угла стукнули.

— Дживс, — сказал я, вернувшись домой, — итак, вы полагаете, все прекрасно уладилось?

Я бросил на него осуждающий взгляд.

— Да, сэр. Между десертом и сыром его светлость официально объявил о помолвке.

— Так и объявил?

— Да, сэр.

Я сурово взглянул ему прямо в глаза.

— Дживс, по-моему, вы ничего не поняли, — сказал я спокойным холодным тоном. — После того, что здесь произошло, ваши акции значительно упали в цене. Я привык смотреть на вас, как на советника, которому нет равных. Я ловил каждое ваше слово. И посмотрите, что вы натворили. А все ваш хваленый план, основанный на психологии индивидуума. Я думаю, Дживс, бывая в обществе этой женщины, сидя с ней за чашкой чая, вы должны были догадаться, что она официантка дяди Джорджа.

— Я догадался, сэр.

— Что!?

— Я был об этом осведомлен, сэр.

— В таком случае вы должны были знать, что произойдет, когда они встретятся.

— Да, я знал это, сэр.

— Черт возьми, это уж слишком!

— Если позволите, я объясню, сэр. Молодой человек по имени Сметерст, который чрезвычайно привязан к известной вам молодой особе, — мой близкий друг. Недавно он обратился ко мне в надежде, что я смогу сделать так, чтобы указанная молодая особа следовала тому, что говорит ей сердце, и не позволила соблазнить себя богатством и знатностью его светлости. Теперь ничто не мешает союзу этих молодых людей.

— Понимаю. «Деяния благие, что вершатся в тайне», так?

— Совершенно верно, сэр.

— А как же дядя Джордж? По вашей милости он угодил из огня да в полымя.

— Нет, сэр, если я могу взять на себя смелость возразить вам. Как мне представляется, миссис Уилберфорс будет идеальной женой для его светлости. Если в образе жизни его светлости имеется некий изъян, то он связан с несколько чрезмерной приверженностью к застольным удовольствиям...

— В том смысле, что он обжирается, как свинья?

— Я бы никогда не позволил себе употребить подобное выражение, сэр, но оно передает существо дела. Его светлость также имеет склонность употреблять спиртные напитки в количествах, которые доктор его светлости вряд ли одобрит. Холостяки почтенных лет, весьма состоятельные и не знающие, чем себя занять, довольно часто предаются подобным излишествам. В этом смысле будущая леди Яксли сможет благотворно повлиять на его светлость. Подавая рыбу, я слышал, как ее светлость сама об этом говорила. Она заметила некоторую одутловатость лица его светлости, которой не было в прежние годы, и сказала, что за его светлостью нужен уход. Как мне представляется, сэр, этот союз окажется весьма благодетельным для его светлости.

Все это звучало... как бы это сказать?.., вполне убедительно, но я все же покачал своей черепушкой.

— Однако, Дживс!

— Сэр?

— Она ведь, как вы сами недавно сказали, принадлежит к низшему сословию.

Он посмотрел на меня с упреком.

— Скорее к крепкому среднему сословию, сэр, к мелкой буржуазии со средним достатком.

— Гм!

— Сэр?

— Я сказал «Гм!», Дживс.

— Кроме того, сэр, поэт Теннисон сказал: «Сердце доброе дороже всех регалий».

— Кто из нас сообщит новость тете Агате?

— Если бы я мог внести предложение, сэр, я бы посоветовал пока не вступать в общение с миссис Спенсер Грегсон. Я уже почти кончил паковать чемоданы. Пригнать автомобиль из гаража — дело нескольких минут и...

— Умчаться прочь, туда, где счастлив человек?

— Вот именно, сэр.

— Дживс, — сказал я, — не уверен, что полностью разделяю вашу

точку зрения на последние события. Вы считаете, что всех осчастливили. Не уверен. Однако с вашим последним предложением могу вас поздравить. Внимательно его рассмотрев, я не нашел в нем изъяна. Что хорошо, то хорошо. Немедленно иду за автомобилем.

— Очень хорошо, сэр.

— Помните, что сказал поэт Шекспир?

— Что, сэр?

— «Поспешно уходит, преследуемый медведем». Найдете это в одной из его пьес. Помню, когда учился в школе, я изобразил эту картинку на полях книги.

ТЯЖКОЕ ИСПЫТАНИЕ, ВЫПАВШЕЕ НА ДОЛЮ ТАППИ ГЛОССОПА

— Ну-ну, Дживс! — сказал я, входя в комнату, где он бродил по колено в чемоданах, рубашках, зимних костюмах, как морской котик в прибрежных скалах. — Пакуете вещи?

— Да, сэр, — отвечал достойный малый, ибо у нас с ним нет секретов друг от друга.

— Пакуйте, пакуйте, — одобрительно сказал я. — Тщательно пакуйте. Помните, что приближается Рождество. — Кажется, я добавил что-то вроде «Тра-ля-ля!», потому что у меня было превосходное настроение.

Каждый год, начиная с середины ноября, владельцы аристократических поместий Англии охватывают тревога и дурные предчувствия по поводу того, кому придется на Рождество оказать гостеприимство Бертраму Вустеру. Жертвой может стать любой из них. Как говорит моя тетушка Далия, знал бы, где упадешь, подостлал бы соломки.

Однако в этом году я принял решение рано. К десятому ноября десятка полтора достойных английских аристократов вздохнули с облегчением, узнав, что несчастливый жребий вытянул сэр Реджиналд Уитерспун, баронет, Бличинг-корт, Верхний Бличинг, графство Гемпшир.

Принимая решение отдать предпочтение этому самому Уитерспуну, я руководствовался несколькими соображениями, не считая того, что, женившись на Кэтрин, младшей сестре мужа тетушки Далии, он доводился мне чем-то вроде дядюшки. Во-первых, баронет живет на широкую ногу, и кухня и винные погреба у него отменные. Затем, что тоже немаловажно, в его конюшнях держат превосходных лошадей для верховой езды. И в-третьих, в Бличинг-корте вы избавлены от опасности быть втянутым в компанию любителей-христославов, которые бродят по окрестностям под дождем, распевая «Когда пастухи стерегли стадо в ночи...» или просто «Рождество! Рождество!»

Все перечисленные мной соображения сыграли свою роль, но главная причина, которая, как магнит, влекла меня в Бличинг-корт, была уверенность, что там будет гостить Таппи Глоссоп.

Я наверняка уже рассказывал вам об этом злокозненном типе, но для

достоверности позволю себе повториться. Именно Таппи, если помните, пренебрег нашей многолетней дружбой, а ведь он не единожды ел мои хлеб-соль. Однажды вечером в «Трутнях» он поспорил со мной, что я не смогу перебраться через плавательный бассейн с помощью колец и веревок, и выказал самое низкое вероломство, закинув последнее кольцо за поручень. В результате я вынужден был прыгнуть в бассейн, испортив таким образом один из самых изящных фраков в Лондоне.

С тех пор мною владеет страстное желание должным образом отомстить Таппи.

— Дживс, вы не упустили из виду, — сказал я, — что в Бличинг приедет мистер Глоссоп?

— Нет, сэр.

— И, следовательно, не забыли упаковать большой водяной пистолет.

— Нет, сэр.

— А фосфоресцирующего кролика?

— Нет, сэр.

— Отлично! Я очень верю в фосфоресцирующего кролика. Мне его расхваливали на все лады. Его нужно завести и сунуть ночью в чью-нибудь спальню. Он будет светиться в темноте и подпрыгивать, издавая при этом дикие вопли. Если хорошо все рассчитать, фосфоресцирующий кролик до полусмерти напугает мистера Глоссопа.

— Весьма вероятно, сэр.

— Если же кролик подведет, пустим в ход водяной пистолет. Надо сделать все, чтобы подложить Таппи хорошую свинью, — сказал я. — На карту поставлена честь Вустеров.

Я бы продолжал развивать эту тему, но в парадную дверь позвонили.

— Я отворю, — сказал я. — Наверное, это тетя Даля. Она телефонировала, что приедет сегодня утром.

Однако оказалось, что это не тетя Даля, а мальчик-посыльный с телеграммой. Я ее вскрыл, прочитал и, нахмутив брови, вернулся в спальню.

— Дживс, — сказал я, — тут какая-то странная телеграмма. От мистера Глоссопа.

— Вот как, сэр?

— Я вам прочту. Отправлена из Верхнего Бличинга. Послушайте, что здесь написано: *«Когда приедешь завтра, привези мои футбольные бутсы. Кроме того, приложи все силы и достань ирландского спаниеля. Срочно. Привет. Таппи»*. Что вы об этом думаете, Дживс?

— Насколько я могу понять из данного документа, сэр, мистер

Глоссоп просит вас привезти его футбольные бутсы, когда вы завтра приедете. Кроме того, приложить все силы и достать ирландского спаниеля. Мистер Глоссоп намекает на то, что дело срочное, и передает вам привет.

— Да, мне тоже так показалось. Но зачем ему футбольные бутсы?

— Возможно, мистер Глоссоп желает играть в футбол, сэр. Я поразмыслил над тем, что сказал Дживс.

— Да, — сказал я. — Возможно, это ответ на вопрос. Но почему человек, спокойно отдыхающий в загородном имении, вдруг возжаждал играть в футбол?

— Не могу сказать, сэр.

— И при чем здесь ирландский спаниель?

— Боюсь, я и тут не могу взять на себя смелость высказать какое-либо предположение, сэр.

— Интересно, что представляет собой этот ирландский спаниель?

— Вероятно, разновидность спаниеля, выведенная в Ирландии, сэр.

— Вы так думаете?

— Да, сэр.

— Что ж, возможно, вы правы. Но с какой стати я по прихоти Таппи должен гонять по всему Лондону и выискивать собаку, какой бы национальности она ни была? Наверное, он считает, что я Санта-Клаус? Или думает, что после того случая в «Трутнях» я горю желанием его облагодетельствовать? Ирландский спаниель, подумать только. Тьфу!

— Сэр?

— Тьфу, Дживс.

— Очень хорошо, сэр.

Вновь зазвонили у парадной двери.

— Сумасшедшее утро, Дживс.

— Да, сэр.

— Ладно, я открою.

На этот раз пришла тетя Далия. Она ввалилась с озабоченным видом и с порога загудела своим набатным голосом, от которого дребезжат оконные стекла и падают вазочки:

— Берти, я хочу поговорить с тобой об этом оболтусе Глоссопе.

— Все в порядке, тетя Далия, — успокоил я тетушку. — Я ситуацию контролирую. Водяной пистолет и фосфоресцирующий кролик уже упакованы.

— Не понимаю, о чем ты толкуешь, думаю, ты и сам не понимаешь, — довольно бесцеремонно заявила родственница, — но, если ты прекратишь

нести чепуху, я объясню, в чем дело. Я получила от Кэтрин очень тревожное письмо. Об этом мерзком мальчишке. Само собой, Анджеле я ни словом не обмолвилась. Она бы к потолку подлетела.

Анджела — дочь тети Далии. Вообще-то считается, что она и Таппи более или менее помолвлены, хотя «Морнинг Пост» пока об этом умалчивает.

— Почему? — спросил я.

— Что «почему»?

— Почему Анджела должна подлететь к потолку?

— Интересно, а ты бы не подлетел к потолку, если бы был почти помолвлен с этим монстром, а тебе бы сказали, что он уехал погостить в загородное имение и там флиртует с какой-то девицей, помешанной на собаках?

— С кем с кем?

— С девицей, свихнувшейся на собаках. Одна из этих чертовых эмансипе, этакая модная спортивная штучка, ходит в грубых башмаках и сшитых на заказ твидовых костюмах. Таких теперь полно развелось в сельской местности, обычно они разгуливают в сопровождении своры собак разных пород. Я в молодости и сама такая была, поэтому знаю, как опасны подобные девицы. Ее имя — Далглиш. Она дочь полковника Далглиша. Живут неподалеку от Бличинга.

Я увидел проблеск света.

— Так, вот, значит, в чем дело. Я только что получил телеграмму от Таппи, он просит привезти ему ирландского спаниеля. Тут и думать нечего — хочет сделать рождественский подарок этой девице.

— Возможно. Кэтрин пишет, она совсем вскружила ему голову. Он за ней ходит, как собака, не разговаривает, а блеет овцой, а уж ласков — прямо ручной котенок.

— Целый домашний зоопарк.

— Берти! — сказала тетя Далия, и я сразу понял, что добрая старушенция до крайности раздражена, — еще одна такая шуточка, и я забуду, что я твоя тетка, и всыплю тебе по первое число.

Я сразу угомонился и начал ее успокаивать.

— Послушайте, тетенька, я бы не стал так огорчаться, — сказал я. — Думаю, слухи о безумствах Таппи сильно преувеличены. Все это и яйца выеденного не стоит.

— Ты так считаешь? Знаешь ведь, на что он способен. Помнишь, как мы переволновались, когда он вздумал волочиться за певичкой.

Да, я все помнил. Вы можете об этом прочитать в моих записках.

Певичку звали Кора Беллинджер. Она обучалась с тем, чтобы потом петь в опере, и Таппи ее боготворил. Однако, к счастью, во время концерта, организованного Бифи Бингемом в клубе на Бермондси-ист и призванного возвышать души простых тружеников, она засветила Таппи в глаз, и любовь умерла.

— Кроме того, я еще не все тебе сказала, — продолжала тетя Далия. — Перед самым его отъездом в Бличинг они с Анджелой поссорились.

— Что вы говорите?

— Да. Сегодня утром Анджела мне об этом рассказала. Бедная девочка все глаза выплакала. Ссора началась из-за ее новой шляпки. Насколько я поняла, он сказал, что Анджела в ней похожа на китайского мопса, тогда она заявила, что не желает его больше видеть ни в этом мире, ни в ином. Он сказал: «Вот и прекрасно!» и усвистал в Бличинг. Ясно, что за этим последовало. Собачница воспользовалась моментом и прибрала его к рукам, и если не принять самых срочных мер, может случиться что угодно. Так что изложи все это Дживсу, и пусть он примет меры, как только вы окажетесь в Бличинге.

Меня всегда немного задевает, когда тетушка высказывается в таком духе, что без Дживса, видите ли, в важных случаях не обойтись. Поэтому мой ответ прозвучал довольно решительно.

— Услуги Дживса не потребуются. Я сам улажу это дело. После того, что я устрою Таппи, ему будет не до амуров. При первом же удобном случае я намерен подсунуть к нему в комнату фосфоресцирующего кролика, который светится в темноте, подпрыгивает и издает дикие вопли. Для Таппи они прозвучат, как голос его совести. Уверен, одного сеанса будет достаточно, чтобы на пару недель упечь Таппи в частную психиатрическую клинику. К концу лечения он и не вспомнит об этой проклятой собачнице.

— Берти, — сказала тетя Далия ледяным тоном, — ты законченный болван. Послушай меня. Только потому, что я тебя люблю и у меня большие связи среди членов Комиссии по делам душевнобольных, тебя еще несколько лет назад не упрятали в обитую войлоком палату. Попробуй только загуби мне это дело, и я мигом лишу тебя своего покровительства. Неужели ты не понимаешь, что положение слишком серьезно, и твои дурацкие шуточки тут неуместны? На карту поставлено счастье Анджелы. Делай, что тебе говорят. Изложи дело Дживсу, и пусть он действует.

— Как скажете, тетя Далия, — сухо проговорил я.

— Уже сказала. Иди. Я вернулся в спальню.

— Дживс, — сказал я, не скрывая своей досады, — мы не возьмем с собой фосфоресцирующего кролика.

— Хорошо, сэр.

— И водяной пистолет тоже.

— Хорошо, сэр.

— И тот и другой подверглись уничтожающей критике, и мой пыл сошел на нет. И вот что еще, Дживс.

— Сэр?

— Миссис Траверс желает, чтобы вы по приезде в Бличинг-корт вызволили мистера Глоссопа из лап этой собачницы.

— Слушаюсь, сэр. Я непременно уделю этому вопросу самое пристальное внимание и приложу все усилия, чтобы быть вам полезным.

На следующий день я понял, что тетя Далия отнюдь не преувеличивала опасность. Мы с Дживсом отправились в Бличинг в моем спортивном двухместном автомобиле. На полпути между деревней и Бличинг-кортом мы неожиданно заметили впереди целое море собак, среди которых резвился Таппи, увиваясь вокруг статной, возвращенной на деревенских хлебах девицы. Он благоговейно склонялся к ней, и даже на расстоянии было видно, как горят у него уши. Короче, все безошибочно указывало, что болван из кожи вон лезет, чтобы ей понравиться. Когда мы подъехали ближе и я увидел на девице сшитый на заказ твидовый костюм и грубые башмаки, у меня не осталось сомнений.

— Видели, Дживс? — многозначительно сказал я.

— Да, сэр.

— Та самая девица.

— Да, сэр.

Я слегка посигналил и издал дружелюбный клич. Они обернулись, и я понял, что Таппи не в восторге от нашей встречи.

— А-а, Берти, привет, — сказал он.

— Привет, — отвечал я.

— Мой друг, Берти Вустер, — сказал Таппи, обращаясь к девице, как мне показалось, извиняющимся тоном.

— Привет, — сказала девица.

— Здравствуйте, — сказал я.

— Привет, Дживс, — сказал Таппи.

— Добрый день, сэр, — сказал Дживс.

После этого наступило напряженное молчание.

— Ну, Берти, до свидания, — сказал Таппи. — Должно быть, тебе

пора.

Мы, Вустеры, понимаем намеки не хуже всякого другого.

— Увидимся, — сказал я.

— Да, конечно, — сказал Таппи. Я тронулся, и мы укатили.

— Зловещий признак, Дживс, — сказал я. — Вы заметили, этот тип похож на надутую лягушку.

— Да, сэр.

— Не выразил никакого желания, чтобы мы остановились и поболтали с ними.

— Да, сэр.

— По-моему, опасения тети Далии не напрасны. Дело очень серьезное.

— Да, сэр.

— В таком случае, шевелите мозгами, Дживс.

— Очень хорошо, сэр.

С Таппи мы увиделись только вечером, когда я переодевался к ужину. Он просочился ко мне в комнату.

— Привет, — сказал я, поправляя галстук.

— Привет, — ответил Таппи.

— Кто эта девушка? — как бы случайно бросил я, маскируя коварство вопроса нарочито небрежным тоном.

— Некая мисс Далглиш, — ответил Таппи и заметно покраснел.

— Она здесь гостит?

— Нет. Она живет как раз в том доме, который стоит перед въездом в поместье. Ты мне привез футбольные бутсы?

— Да. Дживс их куда-то сунул.

— А ирландского спаниеля?

— А спаниеля — нет. Прости великодушно.

— Черт! Какая досада. Она спит и во сне видит ирландского спаниеля.

— А тебе-то какое дело?

— Хотел ей подарить.

— С какой стати?

Таппи надулся. Кинул на меня холодный, укоризненный взгляд.

— Полковник и миссис Далглиш, — сказал он, — все это время были чрезвычайно ко мне добры. Они не раз принимали меня у себя дома. Естественно, мне было бы приятно отблагодарить их за гостеприимство. Я совсем не хочу, чтобы они сочли меня одним из современных дурно воспитанных молодчиков, про которых пишут в газетах и которые только все берут и ничего не дают взамен. Если тебя приглашают то на обед, то на

чай, то еще на что-нибудь, как не сделать им маленький подарок в знак благодарности.

— Ладно, подари им футбольные бутсы. Между прочим, зачем тебе понадобились эти проклятые бутсы?

— Собираюсь участвовать в матче в четверг.

— Где? Здесь?

— Да. Верхний Бличинг против Хокли-на-Местоне. Здесь это важное событие.

— Как тебя втянули в это дело?

— Да вот, на днях в разговоре я обмолвился, что в Лондоне по субботам играю за «Старых Августинцев». Мисс Далглиш живо этим заинтересовалась и сказала, что я мог бы помочь их команде.

— Какой команде?

— Ну, разумеется, Верхнему Бличингу.

— Ага, стало быть, будешь играть за Хокли?

— Не издевайся, Берти. Может, ты этого не знаешь, но на футбольном поле мне сам черт не брат. А-а, Дживс!

— Сэр? — сказал Дживс, заходя справа по центру.

— Мистер Вустер сказал, что мои бутсы у вас.

— Да, сэр. Я отнес их вам в комнату.

— Благодарю. Дживс, хотите заработать немного денег?

— Да, сэр.

— Тогда в следующий четверг, когда состоится футбольный матч, поставьте на Верхний Бличинг, — сказал Таппи, важно выпятил грудь и удалился.

— Мистер Глоссоп в четверг собирается участвовать в матче, — объяснил я, когда дверь за Таппи закрылась.

— Мне об этом сообщили в людской, сэр.

— Да? И как там настроены?

— Насколько я мог понять, сэр, все считают, что мистер Глоссоп поступает опрометчиво.

— Почему?

— Мистер Малреди, дворецкий сэра Реджиналда, информировал меня, сэр, что данное состязание в некотором отношении отличается от обычной игры в футбол. Вследствие того обстоятельства, что уже много лет между этими двумя деревнями наблюдается весьма ощутимая враждебность, состязания проводятся в соответствии с более свободными и примитивными правилами, чем это обычно принято в тех случаях, когда встречаются дружелюбно настроенные противники. Как мне объяснили,

главная цель игроков заключается не в том, чтобы увеличить счет, а в том, чтобы нанести противнику оскорбление действием.

— Господи, Боже мой, Дживс!

— Дело обстоит именно так, сэр. Подобная игра может представлять интерес разве что для собирателя древних обычаев. Впервые игра здесь проводилась при короле Генрихе Восьмом на поле размером в несколько квадратных миль и продолжалась от полудня до захода солнца. При этом погибли семь человек.

— Семь человек!

— Не считая двух зрителей, сэр. Однако в последние годы потери ограничиваются переломами конечностей и прочими незначительными травмами. По мнению прислуги, со стороны мистера Глоссопа было бы более разумным воздержаться от участия в этом мероприятии.

Признаться, я был ошеломлен. В том смысле, что хоть и считал делом всей своей жизни отомстить Таппи за его подлый поступок, у меня все еще оставались некоторые слабые рудименты — по-моему, это слово тут подходит — да, рудименты старой дружбы и детской привязанности. Кроме того, месть мстью, но всему есть предел. Как ни глубоко сидит во мне чувство обиды на Таппи за нанесенное мне оскорбление, я не хочу видеть, как он, не подозревая ничего дурного, выйдет на поле, а дикие аборигены растерзают его в клочья. Напугать его до полусмерти фосфоресцирующим кроликом — да. Самое милое дело, можно сказать, и счастливый конец. Но быть свидетелем того, как останки Таппи по частям уносят на носилках — нет и еще раз нет. Не приведи, Господи. Такого и в дурном сне не увидишь.

Само собой, надо пока не поздно предупредить Таппи. Я бросился к нему в комнату. Этот дурень с мечтательным выражением на лице любовался своими футбольными бутсами.

Я объяснил ему положение вещей.

— Самое разумное, что ты можешь сделать, — кстати, и вся прислуга так считает, — накануне матча прикинуться, что подвернул ногу.

Он как-то дико на меня посмотрел.

— Послушай, Берти, что ты мне предлагаешь? Мисс Далглиш в меня верит, полагается на меня, с надеждой и детским воодушевлением ждет, что я помогу ее деревне выиграть, а я вместо этого подло ее предам?

Я был очень доволен, что он так быстро сообразил, что к чему.

— Вот именно, старина.

— Тьфу! — сказал Таппи. По-моему, я еще никогда не слышал, чтобы он говорил «Тьфу!».

— Что значит «Тьфу!»? — спросил я.

— Берти, то, что ты рассказал, еще больше раззадоривает меня. Чем отчаяннее будет игра, тем лучше. Мне по душе спортивный азарт соперников. Грубые приемы меня радуют. Я смогу показать, на что способен. Как ты не понимаешь, ведь на меня будет смотреть Она! — Лицо его лихорадочно пылало. — Знаешь, что я испытываю, когда об этом думаю? Я чувствую себя рыцарем, сражающимся в поединке на глазах у своей возлюбленной. Неужели ты допускаешь, что сэр Ланселот или сэр Галахад, зная, что в ближайший четверг состоится турнир, стали бы притворяться, будто подвернули ногу, потому что испугались грубой игры?

— Не забывай, что в царствование короля Генриха Восьмого...

— Послушай, мне сейчас не до короля Генриха Восьмого. Меня больше занимает вот что: в этом году Верхний Бличинг играет в цветной форме, значит, я смогу надеть футболку «Старых Августинцев», светло-голубую с широкими оранжевыми полосами. Представляешь, какой у меня будет вид!

— Ну и что?

— Берти, — начал Таппи, который, похоже, окончательно свихнулся, — я хочу тебе сказать, что наконец-то я влюбился. Это настоящее чувство. Я нашел свою пару, свою половину. Всю жизнь я мечтал встретить прелестную девушку, вобравшую в себя красоту и гармонию природы, и вот я ее нашел. Берти, как непохожа она на этих оранжерейных, неестественных лондонских девиц! Разве они пойдут зимой, в слякоть и грязь, на футбольный матч? Разве они знают, что делать, если заболит восточноевропейская овчарка? Могут ли они прошагать десять миль по полям и при этом выглядеть, как благоуханный цветок?

— А зачем им шагать десять миль?

— Берти, на эту игру в четверг я ставлю все. Сейчас она, по-моему, смотрит на меня как на слабосильного неженку, потому что на днях я натер ноги, и мне пришлось возвращаться из Хокли автобусом. Но когда она увидит, что я, как ветер, мчусь сквозь ряды этих грубых деревенских парней, разве она не задумается? Разве у нее не откроются глаза? Что?

— Что?

— Я говорю «Что»?

— А я говорю, что «что?».

— В смысле, откроются или нет?

— Еще бы!

Тут очень кстати прозвучал гонг к ужину.

Справки, которые я предусмотрительно навел в следующие два дня, убедили меня в том, что прислуга Бличинг-корта слов на ветер не бросает. Таппи, родившемуся и воспитанному в тепличной лондонской атмосфере, действительно следовало держаться подальше как от местных распрей, так и от футбольного поля, на которое они будут перенесены. Взаимная неприязнь двух деревень достигла, так сказать, наивысшей точки.

Всем известно, что такое случается в сельской глуши. Жизнь течет медленно и спокойно. Что делать долгими зимними вечерами? Слушать радио да размышлять о том, какой обжора ваш сосед. Или вспоминать, как бессовестно вас надул фермер Джайлс, когда вы продавали свинью. А фермер Джайлс, сидя у камина, в свою очередь, без конца перебирает нанесенные ему обиды. Он еще не забыл, как ваш сын Эрнест перед Великим постом, в воскресенье, запустил кирпичом в его кобылу. Ну и пошло, и поехало. Мне неизвестно, с чего именно началась вражда Хокли и Верхнего Бличинга, но сейчас, перед Рождеством, когда всюду должны царить мир и благоволение, она была в полном разгаре. В Верхнем Бличинге только и разговору было, что о предстоящей в четверг игре, вся деревня, казалось, кровожадно предвкушает это событие. В Хокли-на-Местоне царило такое же злобное оживление.

В среду я прогулялся в Хокли, чтобы посмотреть, что за люди там живут и насколько они опасные противники. Надо сказать, я пришел в ужас, потому что каждый второй из них мог бы сойти за кузнеца. Мускулы на ручищах стальные, а от разговорчиков о предстоящем соревновании, которые они вели в «Зеленой свинье», куда я инкогнито заглянул пропустить кружку пива, кровь у меня в жилах заледенела, как у всякого, чей друг собирается ввязаться в эту драку. Парни в пивной навели меня на мысль об Аттиле и гуннах, которые обсуждают подробности предстоящего набега.

Я вернулся домой и направился к Дживсу в самом решительном настроении.

— Дживс, — начал я, — вы без конца чистите и утюжите мою одежду и потому лучше, чем кто-либо, понимаете, как я пострадал от рук Таппи Глоссопа. Думаю, я вправе радоваться тому, что небесный гнев вскоре разразится над ним, так что мало не покажется. Но, по-моему, в данном случае Небеса слегка перестарались. Я не согласен с ними насчет наказания для Таппи. Даже в минуту самого страшного гнева я не желал, чтобы его прикончили. А в Хокли-на-Местоне, насколько я понял, намерены позаботиться о том, чтобы завалить работой местного

гробовщика. Один парень, этакий рыжий громила, которого я сегодня видел в «Зеленой свинье», по-моему, просто состоит в компаньонах у этого гробовщика. Дживс, мы должны действовать, действовать немедленно и энергично. Мы должны спасти Таппи вопреки его воле.

— Какой план вы предлагаете, сэр?

— Сейчас скажу. Он не желает внять голосу рассудка и отказаться от участия в этой дурацкой затее, потому что на матч собирается прийти его пассия, и этот несчастный ловелас вообразил, что блеснет своей игрой и произведет на нее неизгладимое впечатление. Поэтому мы должны пойти на хитрость. Дживс, вы сегодня же поедете в Лондон и завтра отправите телеграмму, подписанную «Анджела». Текст будет такой. Записывайте. Готовы?

— Да, сэр.

— «Прости...», — я задумался. — Как вы думаете, Дживс, что может написать девушка, желающая помириться со своим возлюбленным после того, как устроила ему скандал, когда он сказал, что в новой шляпке она похожа на китайского мопса?

— Я полагаю, сэр, она могла бы написать: «Прости, я была не права».

— Думаете, это сильно сказано?

— Возможно, если добавить обращение «дорогой», оно придаст тексту необходимую правдоподобность, сэр.

— Вы правы. Итак, записывайте. «Прости, я была не права, дорогой...» Нет, Дживс, подождите. Вычеркните. Мы взяли за дело не с того конца. У нас есть шанс попасть прямо в яблочко. В конце должно стоять не «Анджела», а «Траверс».

— Хорошо, сэр.

— Лучше даже «Далия Траверс». А текст следующий: «Пожалуйста, возвращайтесь как можно скорее».

— «Немедленно» было бы более экономно, сэр. Всего одно слово. И звучит убедительно.

— Точно. Пишите. «Пожалуйста, возвращайтесь немедленно. Анджела в ужасном состоянии».

— Я бы предложил: «Тяжело больна», сэр.

— Правильно. «Тяжело больна». «Анджела тяжело больна. Все время зовет вас и говорит, что насчет шляпки вы были совершенно правы».

— Если позволите предложить, сэр...

— Валяйте.

— Как мне представляется, было бы уместно написать следующим образом. «Пожалуйста, возвращайтесь немедленно. Анджела тяжело

больна. Высокая температура. Бред. Жалобно повторяет ваше имя и твердит о какой-то шляпке. Говорит, что вы были совершенно правы. Пожалуйста, приезжайте первым же поездом. Далия Траверс».

— Звучит убедительно.

— Да, сэр.

— Вы считаете, что «жалобно»? Может, лучше «беспрестанно»?

— Нет, сэр. «Жалобно» — *not juste*.^[87]

— Хорошо. Вам лучше знать. Отправьте телеграмму с таким расчетом, чтобы она пришла сюда в два тридцать.

— Слушаюсь, сэр.

— В два тридцать, Дживс. Здесь чертовски тонкий расчет, понимаете?

— Нет, сэр.

— Сейчас объясню. Если телеграмма придет раньше, Тап-пи ее получит до начала игры. А к двум тридцати он уже выйдет на поле. Я вручу ему телеграмму, когда в игре наступит перерыв. К этому времени, надеюсь, до него дойдет, что такое футбольный матч между Верхним Бличингом и Хокли-на-Местоне, и телеграмма сделает свое дело. Уверен, тот, кто немного поиграет в футбол с этими головорезами, которых я видел вчера в Хокли, будет рад любому предлогу, чтобы удрать с поля. Вы понимаете?

— Да, сэр.

— Вперед, Дживс.

— Слушаюсь, сэр.

На Дживса можно положиться. Я сказал «в два тридцать», и телеграмма пришла минута в минуту. Сунув ее в карман, я пошел к себе в комнату, чтобы переодеться в теплый твидовый костюм. Потом сел в автомобиль и покатил к игровому полю. Я приехал как раз в тот момент, когда команды построились на поле. Минуту спустя раздался свисток, и битва началась.

По разным причинам — начать с того, что ни в школе, ни в колледже мы в футбол, регби не играли — я совсем не разбираюсь в тонкостях этой игры. Основные принципы мне, конечно, понятны. Я знаю, например, что главная задача — как-нибудь загнать мяч за линию в конце поля, и чтобы достичь этой цели, игрокам позволено наносить друг другу оскорбления действием и выкидывать такие фортели, за которые, соверши вы их в любом другом месте, судья не только отчитает вас самым суровым образом, но и упечет на две недели в каталажку без права замены наказания штрафом. Все, больше я об этой игре ничего не знаю.

Теоретическая, если можно так сказать, ее сторона для Бертрама Вустера — тайна за семью печатями. Впрочем, как объясняли мне знатоки, в этой игре ни о каких теоретических положениях и правилах говорить не приходится.

Последние несколько дней шел проливной дождь, и дороги совсем развезло, а о поле и говорить нечего — по-моему, даже обычное болото, и то суше. Рыжий громила, которого я заметил в «Зеленой свинье», подгреб к центру поля и начал игру под одобрительные вопли народных масс. Мяч устремился прямехонько к Таппи, который в своем оранжево-голубом одеянии ярко выделялся на фоне прочих игроков. Таппи ловко его поймал и отбил обратно. В следующую минуту я понял, что матч Верхний Бличинг — Хокли-на-Местоне таит в себе некоторые особенности, которых обычно не увидишь на футбольном поле.

Таппи, внеся в игру свою лепту, стоял со скромным видом, как вдруг раздался тяжелый топот огромных бутсов, и рыжий верзила налетел на него, схватил за шею, повалил наземь и упал на него сверху. Я мельком увидел физиономию Таппи, на которой были написаны растерянность, ужас и недоумение — несчастный, видно, никак не предполагал подобного развития событий, — потом он исчез из виду под грудой тел. Когда Таппи вынырнул на поверхность, дерущаяся толпа переместилась на другой конец поля. Две группы ражих детей природы, нагнув головы, усердно толкались вокруг мяча.

Таппи сгреб с лица жирные комья гэмпширской грязи, изумленно оглянулся и, узрев на другом конце поля беспорядочную толпу, ринулся к ней. Он подоспел как раз вовремя: пара тяжеловесов подхватила его, и Таппи схлопотал еще один сеанс грязелечения. Третий тяжеловес, конечно, не мог упустить восхитительной возможности и пнул Таппи под ребра бутсой размером с футляр для скрипки. Рыжий снова рухнул на Таппи. Должен вам сказать, что если смотреть на игру по сю сторону барьера, она впечатляла темпом, размахом и красочностью.

Теперь я понял, в чем была беда Таппи: зря он так разоделся. В подобных ситуациях куда безопаснее выглядеть незаметным, а его оранжево-полосатая футболка была, что называется, вырви глаз. Спокойный бежевый тон, сливающийся с цветом земли, — вот что посоветовали бы Таппи его лучшие друзья. Кроме того, я думаю, парни из Хокли-на-Местоне восприняли сам факт присутствия чужака на поле как грубое оскорбление. Они, бесспорно, сочли, что эта столичная штучка вмешивается в их личные дела и вообще сует нос куда не следует.

Во всяком случае, мне было совершенно ясно, что Таппи привлекает к

себе особенное внимание. После каждого топтания вокруг мяча, о котором я уже упоминал, куча человеческих тел беспорядочно валилась в жидкую грязь, и Таппи всегда поднимался последним. В редких случаях, когда ему удавалось ненадолго встать во весь рост, кто-нибудь — как правило, рыжий, — неизменно набрасывался на него все с той же целью — сбить несчастного с ног.

Мне уже стало казаться, что трюк с телеграммой сорвется и мне не удастся спасти жизнь Таппи, но тут в игре неожиданно наступил перерыв. Борьба разворачивалась рядом с тем местом, где я стоял. Вскоре все, как обычно, повалились в кучу, и Таппи, конечно, снова оказался в самом низу. Но на этот раз, когда все поднялись на ноги и начали подсчитывать потери, выяснилось, что один здоровенный парень в футболке, которая когда-то была белой, остался лежать на земле. Из сотни глоток вырвался ликующий вопль — Верхний Бличинг пустил первую кровь.

Жертву унесли с поля боя двое соратников, а остальные игроки сели, стали подтягивать гольфы и размышлять о смысле жизни. Я подумал, что настал момент вытащить Таппи из этой abattoir,^[88] перепрыгнул через канат и прошлепал к тому месту, где сидел мой незадачливый друг. Вид у него был такой, будто его пропустили через соковыжималку, а в глазах, едва видных сквозь слой гэмпширской земли, покрывавшей лицо, светился странный затаенный огонь. Грязь, как короста, покрывала его с ног до головы, и было понятно, что обычной ванной тут не обойдешься. Чтобы Таппи снова мог занять свое место в цивилизованном обществе, его следовало отдать в химическую чистку, хотя на самом деле, вопрос спорный — может, проще было бы выкинуть его на свалку.

— Таппи, старина, — сказал я.

— А?

— Тебе телеграмма.

— А?

— У меня телеграмма, которую принесли после того, как ты ушел из дома.

— А?

Я потыкал в него наконечником трости, и он, кажется, вернулся к жизни.

— Осторожней, осел. Что ты делаешь? — сказал он, едва ворочая языком. — На мне живого места нет. Что за чушь ты несешь?

— Тебе телеграмма. Наверное, что-то важное. Он пренебрежительно фыркнул.

— Думаешь, у меня есть время читать телеграммы?

— А если это что-то срочное? Вот, прочти.

Я сунул руку в карман, но телеграммы там не оказалось. Не понимаю, как я мог так опростоволоситься. Скорее всего, переодеваясь, я оставил ее в другом пиджаке.

— О Господи! Забыл ее дома!

— Неважно.

— А по-моему, очень важно. Думаю, тебе непременно надо ее прочитать. И немедленно. Я бы на твоём месте распрощался с этой командой головорезов и помчался домой.

Таппи нахмурился. Во всяком случае, короста у него на лбу пришла в движение, будто под ней что-то пошевелилось.

— Ты, кажется, вообразил, — сказал он, — что я могу улизнуть с поля на глазах у Нее? Господи, Боже мой! А кроме того, — продолжал он спокойным, размеренным тоном,

— нет на земле силы, которая заставила бы меня уйти, пока я не вышибу дух из этого рыжего громилы. Ты заметил, что он все время на меня набрасывается, даже если мяч у кого-то другого?

— Разве это не по правилам?

— Конечно, нет. Ну ничего, Берти, сейчас я на нем отыграюсь. С меня довольно. Пришло время показать, на что я способен.

— Послушай, Таппи, я довольно плохо представляю себе правила этой игры, — сказал я. — Например, ты имеешь право его укусить?

— Попробую. Посмотрим, что получится. Вообще-то мысль неплохая, — сказал Таппи, заметно приободрившись.

В это время вернулись парни, уносившие тело, и война вновь разгорелась по всему фронту.

Немного отдохнуть или, если хотите, посидеть, сложа руки — лучшее средство, чтобы освежить потерявшего товарный вид спортсмена. И после короткой передышки безобразная бойня на поле возобновилась с удвоенной силой, так что было на что посмотреть. И душой команды теперь стал Таппи.

Понимаете, если встречаешься с человеком за обедом, на скачках, гостишь с ним вместе у друзей в загородных домах, невозможно себе представить, какие глубины в нем кроются. Спроси меня кто-нибудь до сегодняшнего дня, я бы сказал, что Таппи Глоссоп, в общем, человек мирный, с тигром, обитающем в джунглях, у него нет ничего общего. И вот сейчас, на моих глазах он, как дикий зверь, метался туда-сюда, извергая из ноздрей пламя и наводя ужас на окружающих.

Да, можете мне поверить, именно так. Вдохновленный тем, что судья то ли исповедовал принцип «живи и дай жить другим», то ли не прочистил свисток, забитый грязью, и поэтому взирал на игру с отрешенным спокойствием, Таппи пустился во все тяжкие. Даже мне, не имеющему понятия о тонкостях этой игры, было ясно, что если парни из Хокли-на-Местоне хотят выиграть, они должны как можно скорее устранить Таппи. И я скажу, они старались изо всех сил, причем особенно усердствовал рыжий. Но Таппи оказался крепким орешком. Каждый раз, когда отчаянный соперник валил его в грязь и усаживался ему на голову, он, поднимаясь с земли, обретал удесятёренные силы. Дошло до того, что падать начал рыжий верзила.

Не могу точно описать, как это случилось, потому что стало смеркаться и лег довольно густой туман, только вижу, мчится со всех ног рыжий и в ус не дует, как вдруг откуда ни возьмись Таппи. Он будто несется по воздуху и вцепляется рыжему в шею. Они сшибаются, так что искры летят, и несколько минут спустя рыжего, прыгающего на одной ноге, — видно, вывихнул лодыжку, — уводят его друзья.

Что к этому добавить? Футболисты Верхнего Бличинга чрезвычайно оживились и заиграли еще напористей. Они лавиной обрушились на противника и оттеснили его к краю поля, а затем, подобно приливной волне, хлынули за линию ворот. Когда толпа рассыпалась, шум и крики стихли, все увидели Таппи, лежащего на мяче. На этом все кончилось, если не считать еще нескольких изувеченных в последние пять минут.

Домой я вернулся в меланхолическом настроении. Что случилось, то случилось, но, как мне казалось, все это следовало хорошенько обдумать. В холле я встретил кого-то из слуг и попросил принести мне в комнату виски с содовой, да покрепче. Следовало взбодрить мозги. Минут через десять в дверь постучали, и явился Дживс с подносом в руках.

— Привет, Дживс, — удивленно сказал я. — Вы уже вернулись?

— Да, сэр.

— Когда?

— Совсем недавно, сэр. Интересная была игра, сэр?

— В некотором смысле, да, Дживс, — сказал я. — Зрелище, конечно, весьма захватывающее. Однако, боюсь, из-за моей рассеянности случилось такое, что хуже не придумаешь. Я оставил телеграмму в другом пиджаке, и поэтому Таппи играл до конца матча.

— Его покалечили, сэр?

— Хуже, Дживс. В этой игре он был звездой. Думаю, сейчас во всех деревенских пивнушках поднимают в честь него тосты. Он так

великолепно играл, так блестяще дрался с соперниками, что, по-моему, девица не сможет остаться равнодушной. Уверен, когда они встретятся, она воскликнет: «О мой герой!» — и бросится этому балбесу на шею.

— Вы так считаете, сэр?

Мне совсем не понравилось, как Дживс это сказал. Слишком спокойно. Без всякого выражения. Я ожидал, что он сильно огорчится, то есть у него, например, чуть дрогнет левая бровь, а он как каменный. Я собрался было отчитать Дживса за такую бесчувственность, но тут дверь отворилась, и в комнату, тяжело хромя, ввалился Таппи.

Поверх футбольной формы на нем было накинуто широкое длинное пальто. Признаться, я немного удивился, по-моему, Таппи сначала следовало напрямик отправиться в ванную, а потом уже наносить визиты. Он жадно уставился на мой стакан.

— Виски? — хрипло сказал он.

— С содовой.

— Дживс, принесите и мне стакан, — сказал Таппи. — Большой.

— Хорошо, сэр.

Таппи побрел к окну и стал смотреть, как сгущаются сумерки. И тут я понял, что ему худо. Если с вами что-то неладно, это всегда видно по вашей спине. Она у вас сгорблена, согбенна под тяжестью печалей и разочарований.

— Старина, что с тобой? — спросил я.

Таппи горестно усмехнулся.

— Ах, право, ничего особенного, — сказал он. — Просто моя вера в женщин умерла, вот и все.

— Умерла?

— Окончательно. Можешь быть уверен, Берти. Они для меня больше не существуют. Отныне и навсегда. Все они ничтожества.

— А эта твоя, как бишь ее, Доглиш, что ли, тоже?

— Ее имя Далглиш, — сухо сказал Таппи, — если, конечно, тебя интересует. И позволь довести до твоего сведения, что она — хуже всех остальных.

— Что ты говоришь?!

Таппи отвернулся от окна. Даже под коркой грязи было видно, как побледнело и осунулось у него лицо.

— Берти, ты знаешь, что произошло?

— Что?

— Она не пришла.

— Куда?

— Вот осел! На стадион, конечно!
— Не пришла на стадион?
— Не пришла.
— В смысле, ее не было среди этого скопища одержимых?
— Ну, разумеется. Или ты думаешь, я ожидал увидеть ее среди игроков?

— Но я считал, что ты все это затеял для...

— Я тоже так считал. Боже мой! — сказал Таппи и снова горько рассмеялся. — Я для нее готов был расстаться с жизнью. Ради нее я допустил, чтобы толпа головорезов и маньяков пинала меня под ребра и шваркала бутсами мне по физиономии. И вот, когда я претерпел такие мучения, которым предпочел бы смерть, и все только для того, чтобы доставить ей удовольствие, я узнаю, что она не потрудилась прийти на стадион. Ей кто-то телефонировал из Лондона, что отыскал для нее ирландского спаниеля. Она тут же вскочила в свой автомобиль и умчалась в Лондон, а я остался в дураках. Мы с ней только что виделись возле ее дома, и она мне все рассказала. Больше всего она досадует на то, что съездила в Лондон впустую. Ей, видишь ли, подсунули самого заурядного английского спаниеля. Подумать только! И я воображал, что люблю эту особу. Хорошая же из нее подруга жизни! «Когда же боль моя и муки непомерны, являешься ты мне, как ангел милосердный...» — вот уж это не про нее. Если тебя поразит смертельный недуг, разве подобная девица станет поправлять тебе подушку и подносить стакан воды? И не мечтай. Она помчится покупать какую-нибудь сибирскую гончую бельдюгу. Все, с женщинами покончено.^[89]

Я понял, что настала минута вытащить на свет Божий побитую молью добрую старую любовь.

— Моя кузина Анджела совсем не дурна, — сказал я тоном умудренного жизнью старшего брата. — Если честно, она вполне достойная девица. Я надеялся, что вы с ней... И знаю, тетя Далия тоже надеялась.

Таппи презрительно усмехнулся, от чего короста у него на лице пошла трещинами.

— Анджела! — рявкнул он. — Не напоминай мне о ней. Если хочешь знать, твоя Анджела — это «тряпки, кость и пучок волос»^[90] и вдобавок Божья кара, какую во всей Англии не сыщешь. Она меня выставила. Да-да, выставила. Только за то, что я посмел чистосердечно высказаться насчет кошмарной кастрюли, которую она имела глупость выдавать за шляпку.

Она в ней была вылитый китайский мопс, и я ей сказал, что она похожа на мопса. Думал, она придет в восторг от моей искренности, а она выставила меня вон. Тьфу!

— Неужели выставила?

— Как миленького, — сказал Таппи. — В четыре часа шестнадцать минут пополудни, во вторник, семнадцатого.

— Кстати, старик, — сказал я. — Я нашел телеграмму.

— Какую телеграмму?

— О которой я тебе говорил.

— А, ты о той телеграмме?

— Ну да.

— Ладно, давай сюда эту чертову телеграмму.

Я протянул ему листок и стал внимательно за ним наблюдать. Внезапно лицо его выразило крайнее замешательство. Я понял, что он потрясен. Потрясен до глубины души.

— Что-то важное? — спросил я.

— Берти, — начал Таппи голосом, дрожащим от волнения, — забудь все, что я говорил о твоей кузине Анджеле. Вычеркни из памяти. Выброси из головы. Считай, что я тебе ничего не говорил. Берти, Анджела — само совершенство. Ангел в человеческом облике, торжественно тебе заявляю. Берти, я должен вернуться в Лондон. Анджела больна.

— Больна?

— Высокая температура, бред. Телеграмма от твоей тетушки. Она хочет, чтобы я немедленно вернулся. Можно я возьму твой автомобиль?

— Конечно.

— Спасибо, — бросил Таппи и умчался.

Не прошло и минуты, как в комнату вошел Дживс, держа в руках поднос с тонизирующей жидкостью.

— Дживс, мистер Глоссоп уехал.

— Вот как, сэр?

— В Лондон.

— Да, сэр?

— На моем автомобиле. Чтобы навестить кузину Анджелу. В небесах снова сияет солнце, Дживс.

— Чрезвычайно отрадная новость, сэр.

Я бросил на него многозначительный взгляд.

— Послушайте, Дживс, это вы телефонировали мисс Как-ее-там, что якобы нашли для нее ирландского спаниеля?

— Да, сэр.

— Я так и думал.

— Да, сэр?

— Да, Дживс. Едва мистер Глоссоп сказал мне, что этой собакоманке, — чтобы ей пусто было! — телефонировали по поводу ирландского спаниеля, я сразу все понял. Узнал вашу руку, Дживс. Вы для меня — открытая книга. Признайтесь, ведь вы были уверены, что малахольная девица тут же рванет в Лондон?

— Да, сэр.

— И вы предвидели, как себя поведет Таппи. Его дама сердца не является на матч! Такого не потерпит ни один рыцарь.

— Да, сэр.

— Однако, Дживс.

— Сэр?

— Тут есть одна загвоздка. Что скажет мистер Глоссоп, когда увидит кузину Анджелу, живую и здоровую?

— Эта сторона дела не ускользнула от моего внимания, сэр. Я взял на себя смелость телефонировать миссис Траверс и все ей объяснить. Миссис Траверс должным образом подготовится к приезду мистера Глоссопа.

— Дживс, — сказал я, — вы ничего не упустили из виду.

— Благодарю вас, сэр. Поскольку мистер Глоссоп отбыл, не пожелаете ли вы осушить этот стакан виски с содовой?

Я покачал головой.

— Нет, Дживс, только один человек этого достоин. Я говорю о вас. Вы честно заслужили глоток бодрящего напитка. Осушите стакан и шваркните им об пол на счастье.

— Очень вам благодарен, сэр.

— Ваше здоровье, Дживс!

— Ваше здоровье, сэр, если позволите.

Рассказы

КОМАНДУЕТ ПАРАДОМ ДЖИВС

Перевод И. Бернштейн.

Да, так насчет Дживса — знаете его? Мой камердинер. Многие считают, что я чересчур на него полагаюсь, тетя Агата — та даже вообще называет его «твоя няня». А по-моему, ну и что? Если он гений. Если он от воротничка до макушки на голову выше всех. Через неделю после того, как он ко мне поступил, я полностью передоверил ему ведение всех моих дел. Это было лет пять назад, тогда у меня как раз произошла довольно удивительная история с Флоренс Крэй, рукописью дяди Уиллоуби и бойскаутом Эдвином.

Началось все, когда я возвратился в «Уютное», дядину шропширскую усадьбу. Я имел обыкновение гостить там недельку-другую каждое лето, но в тот год мне понадобилось срочно прервать свое пребывание в Шропшире и съездить в Лондон — нанять нового камердинера. Медоуз, человек, который у меня был, попался на краже моих шелковых носков, чего ни один мужчина и спортсмен не потерпит ни за какие коврижки. К тому же выяснилось, что он еще прибрал к рукам кое-какие вещи в доме. Словом, пришлось за носки бросить злодею перчатку и обратиться в лондонскую контору по найму, дабы мне представили на рассмотрение другой экземпляр. И мне прислали Дживса.

В жизни не забуду то утро, когда он явился. Случилось так, что накануне я принимал участие в довольно бойком застолье и с утра был немного не вполне. Да вдобавок я еще держал перед глазами и старался читать книгу, которую получил "от Флоренс Крэй. Она тоже гостила тогда в «Уютном», и дня за два до моего отбытия в Лондон мы с ней обручились. В конце недели я должен был вернуться, и она, конечно, ожидала, что к этому сроку книга будет мною проштудирована. Дело в том, что Флоренс Крэй решила во что бы то ни стало подтянуть мой интеллект поближе к своему уровню. Она была девушка с чудесным профилем, но по жабры погружена в высшие материи. А чтобы вам было понятно, о чем речь, скажу, что книга, которую она мне дала, называлась «Типы этических категорий», и, в первый раз открыв ее наобум, я прочитал вверху страницы следующее:

«Постулаты, или исходные предпосылки речи, безусловно,

коэкстенсивны по задачам социальному организму, инструментом которого является язык, служа тем же целям».

Это все, несомненно, истинная правда, но не слишком полезная для приема внутрь и с утра пораньше на больную голову.

Сижу я и прилагаю титанические усилия к тому, чтобы ознакомиться с этой занятой книжицей, и тут звонок. Сползаю с дивана, отпираю дверь — на пороге какой-то субъект, волосы черные, вид почтительный.

— Меня прислала контора по найму, сэр, — говорит он. — Мне дали понять, что вам нужен камердинер.

Скорее гробовщик, я бы сказал. Но я пригласил его войти, и он, бесшумно вея, проник в комнату, подобно целительному зефиру. Такое впечатление создалось у меня в первую же минуту. Медоуз страдал плоскостопием и бил оземь копытом. А у этого ног как бы вообще не было. Он просто просочился в квартиру, и лицо его выражало заботу и сострадание, словно ему тоже известно по собственному опыту состояние человека после дружеской попойки.

— Прошу прощения, сэр, — произнес он ласково. И будто испарился. Только что стоял передо мной, миг — и нет его. Послышалась возня в кухне, и вот он уже опять появился со стаканом на подносе.

— Окажите любезность, сэр, — проговорил он, склоняясь ко мне, как врач к больному, как придворный лекарь, подающий стаканчик живительного эликсира занемогшему принцу крови. — Это состав моего личного изобретения. Цвет ему придает соус «Пикан», питательность — сырое яйцо, а остроту — красный перец. Чрезвычайно бодрит, если засиделся накануне, так мне говорили многие.

В то утро я готов был уцепиться за любой спасательный кончик. Стакан этот осушил сразу. В первую минуту ощущение было такое, будто в башке кто-то взорвал мину и полез вниз по пищеводу с горящим факелом в руке, но затем все встало на свои места. Сквозь окно засияло солнце, в древесных кронах зачирикали птички, и вообще заря надежды вновь разрумянила небеса.

— Я вас беру, — выговорил я, как только смог. Я ясно понял, что этот миляга принадлежит к племени неутомимых заботников, столь незаменимых в каждом доме.

— Благодарю вас, сэр. Моя фамилия — Дживс.

— Вы можете приступить сразу?

— Незамедлительно, сэр.

— Послезавтра нам надо быть в Шропшире в усадьбе «Уютное».

— Очень хорошо, сэр. — Его взгляд соскользнул на каминную полку у

меня за спиной. — Прекрасный портрет леди Флоренс Крэй, сэр. Я видел ее сиятельство последний раз два года назад. Я некоторое время состоял в услужении у лорда Уорплсдона, но вынужден был отказаться от места ввиду желания его сиятельства обедать в вечерних брюках, фланелевой рубашке и охотничьей куртке.

Он мог не трудиться мне объяснять: чудачества старика были известны повсеместно вдоль и поперек. Этот лорд Уорплсдон — не кто иной, как папаша Флоренс. Тот самый бузотер преклонных годов, который через пару лет сошел в одно прекрасное утро к завтраку, поднял первую попавшуюся крышку и с воплем «Яичница! Яичница и яичница! Чтоб ей пусто было!» рванул во Францию, откуда так никогда больше и не возвратился в лоно семьи. Для лона семьи, впрочем, это была большая удача, ибо хуже норова, чем у старика Уорплсдона, не найдется во всем графстве.

С их семейством я знаком, можно сказать, с пеленок и перед старым Уорплсдоном испытываю животный ужас, который сохранил с тех еще пор, когда был мальчишкой. Время, великий целитель, так и не смогло изгладить у меня из памяти тот случай, когда старый лорд застиг меня, пятнадцатилетнего недоросля, в конюшне за курением сигары из его спецзапаса и бросился на меня с охотничьим хлыстом, в то время как мне было совсем не до того, душа жаждала одиночества и покоя, а он гнал меня добрую милю по пересеченной местности! Если в высшем блаженстве быть обрученным женихом Флоренс мыслим какой-то изъяз, этим изъязом можно счесть разве лишь то обстоятельство, что она пошла до некоторой степени в папеньку, и нельзя предугадать, в какой миг она взорвется. Но профиль у нее чудесный.

— Мы с леди Флоренс обручены, Дживс, — сообщил я.

— В самом деле, сэр?

И знаете, в его тоне просквозило что-то такое слегка настораживающее. Все вроде бы как надо, корректно и чин чинарем, но восторга определенно не слышно. Впечатление такое, будто Флоренс не совсем в его вкусе. Ну, мне-то что за дело. Наверно, когда он служил у старика Уорплсдона, она как-то успела наступить ему на мозоль. Флоренс — обаятельная девушка и в профиль потрясающе хороша собой; но если у нее можно найти недостаток, то это несколько темпераментное обращение с прислугой.

Между тем в дверь снова позвонили. Дживс исчез в прихожей и вернулся с телеграммой в руке. Я вскрыл ее. Там значилось:

«Возвращайтесь немедленно первым поездом. Неотложное дело. Флоренс».

— Чудно, — сказал я.

— Сэр?

— Да нет, ничего.

Я не стал дальше обсуждать с Дживсом ситуацию, что показывает, как плохо я еще тогда его знал. Теперь-то мне и в голову бы не пришло прочитать непонятную телеграмму и не поинтересоваться, что о ней думает Дживс. А эта телеграмма была дьявольски загадочна. То есть: Флоренс прекрасно знала, что послезавтра я так и так приеду обратно в «Уютное», к чему в таком случае этот экстренный вызов? Очевидно, что-то случилось. Но что могло случиться, я просто представить себе не мог.

— Дживс, — говорю я, — сегодня после обеда мы едем в «Уютное». Вы управитесь?

— Безусловно, сэр.

— Успеете уложить чемоданы и все такое?

— Без труда, сэр. Какой костюм вы наденете в дорогу?

— Вот этот.

На мне в то утро был костюм в довольно веселенькую молодежную клетку, я к нему питал некоторую слабость; вернее даже сказать, он мне просто очень нравился. Цвета, может быть, на первый взгляд довольно неожиданные, но в целом костюмчик более чем недурен, в клубе и в других местах многие не таясь восхищались.

— Очень хорошо, сэр.

И снова нечто такое эдакое в голосе. Как-то он по-особенному это сказал. Ну, вы понимаете. Костюм ему явно не нравился. Тут я собрался с силами и решил твердо постоять на своем. Что-то подсказывало мне, что, если я не проявлю осторожность и не задушу его в колыбели, он еще, пожалуй, начнет мною командовать. Судя по внешности, он парень из решительных.

Ну а я ничего подобного допускать был не намерен, черт подери. Мне известно много случаев, когда хозяин становился рабом своего слуги. Помню, Обри Фодергилл как-то вечером в клубе прямо-таки со слезами на глазах жаловался, что вынужден был отказаться от любимых рыжих ботинок просто потому, что они не нравились Микину, его камердинеру. Надо, чтобы эта публика все-таки помнила свое место, знаете ли. Для чего незаменим старый добрый прием «железная рука в бархатной перчатке». Им только дай, та-рам, та-рам, что-то там такое, они отхватят... как там

говорится?.. отхватят всю десницу.

— Вам этот костюм не нравится, Дживс? — холодно осведомился я.

— Отнюдь, сэр.

— Чем же он вас не устраивает?

— Превосходный костюм, сэр.

— Тогда в чем дело? Выкладывайте, черт возьми!

— Если позволительно предложить, сэр, гладкий коричневый или синий, может быть, в самый умеренный рубчик...

— Какая полнейшая чушь!

— Очень хорошо, сэр.

— Совершеннейший идиотизм, дорогой мой!

— Как скажете, сэр.

У меня возникло такое чувство, будто сделал шаг вверх по лестнице, а ступеньки уже кончились. Я был полон, так сказать, воинственного задора, но воевать, получается, не с чем.

— Ну, тогда ладно, — сказал я.

— Да, сэр.

И он отправился складывать свое хозяйство, а я вновь обратился к «Типам этических категорий» и решил попробовать силы на главе «Идиопсихологическая этика».

Почти всю дорогу в поезде я ломал голову над тем, что могло случиться. Совершенно непонятно! «Уютное» вовсе не тот одинокий загородный дом из дамских романов, куда заманивают юных дев якобы для игры в баккара, а вместо этого обдирают с них догола все драгоценности и так далее. Когда я уезжал, там собралась теплая компания мирных граждан вроде меня. Да дядя никогда бы и не допустил у себя в доме ничего другого. Он довольно чопорный старый педант и любит, чтобы жизнь шла тихо. В то лето он как раз кончал писать не то свою родословную, не то еще что-то в том же духе и почти безвылазно сидел в библиотеке. Его примером наглядно подтверждается то мудрое житейское правило, что всегда лучше перебеситься смолоду. Я слышал, что в молодые годы дядя Уиллоуби был греховодник, каких мало. А теперь на него посмотреть — нипочем не скажешь.

Когда я вошел в дом, Оукшотт, дворецкий, сообщил мне, что Флоренс у себя в комнате — надзирает за тем, как горничная складывает вещи. Оказывается, вечером должен был состояться бал в одной усадьбе милях в двадцати по соседству, и Флоренс в компании еще кое с кем из гостей отправляется туда с несколькими ночевками. Оукшотту она велела, по его словам, уведомить ее, как только я вернусь. По этому случаю я пока что

забрался в курительную комнату и стал ждать. Вскоре она является. С одного взгляда мне стало ясно, что она вся в волнении, даже, может быть, в сердцах. Глаза на лбу, и вообще весь вид выражает крайнее раздражение.

— Дорогая, — говорю и готов уже, как заведено, заключить ее в объятия. Но она увернулась с ловкостью боксера легкого веса.

— Оставьте.

— Что случилось?

— Все случилось! Берти, помните, вы перед отъездом просили, чтобы я постаралась завоевать расположение вашего дяди?

— Да.

Это я в том смысле, что, поскольку я в общем и целом пока еще нахожусь от него в некоторой материальной зависимости, не может быть и речи о том, чтобы жениться без его согласия. И хотя ожидать от дяди Уиллоуби возражений против Флоренс у меня не было причин: они с ее отцом еще в Оксфорде вместе учились, — однако в таком деле все-таки лучше не рисковать. Вот я и сказал, чтобы она постаралась обаять старика.

— Вы сказали, что он особенно обрадуется, если попросить, чтобы он почитал мне кусок из своей родословной.

— А он что, не обрадовался?

— Пришел в восторг. Он как раз вчера после обеда дописал последнюю фразу и весь вечер читал вслух, с начала и чуть не до самого конца. Возмутительное сочинение, Скандальное. Ужас какой-то!

— Но, черт подери, наше семейство не такое уж и плохое, мне кажется.

— Это вовсе не родословная. А всего лишь мемуары. И называются «Воспоминания долгой жизни».

Тут я начал понимать, в чем дело. Дядя Уиллоуби, как я уже говорил, вел в молодости жизнь довольно разгульную, так что, предавшись воспоминаниям, он вполне мог выволочь на свет Божий немало разных пикантных подробностей.

— Если хоть половина из того, что там написано, — правда, — продолжала Флоренс, — значит, юность вашего дяди была... ну просто нет слов. Вчера он только раскрыл рукопись и сразу же попал на скандальную историю про то, как в тысяча восемьсот восемьдесят седьмом году его и моего папочку вышвырнули из мюзик-холла!

— За что?

— Я решительно отказываюсь вам объяснить.

И вправду, должно быть, что-то из рук вон. В 1887 году так просто из мюзик-холлов не вышвыривали.

— Ваш дядя черным по белому пишет, что мой папочка начал вечер с того, что выпил полторы кварты шампанского, — продолжала возмущаться Флоренс. — И таких историй в его сочинении множество. Там рассказывается один безобразный случай с лордом Эмсвортом...

— С лордом Эмсвортом? Тем самым, что сейчас гнездится в Бландинге?

Это один такой всем хорошо известный старый гриб, сама добродетель, с утра до ночи ковыряет цапкой у себя в саду.

— Именно. Вот почему сочинение вашего дяди — такая гадость. В нем рассказывается обо всех людях, которых хорошо знаешь, которые сегодня являются воплощением корректности. Выходит, что все они в Лондоне восьмидесятых годов имели такие манеры, каких не потерпели бы и в кубрике самого грязного китобойца. Ваш дядя помнит все постыдные поступки всех знакомых в двадцать лет. Например, он описывает один случай с сэром Стэнли Джервас-Джервасом в «Рошер-вил-Гарденс», с такими ужасными подробностями, оказывается, сэр Стэнли... нет, не могу вам этого пересказать.

— А вы попробуйте.

— Ни за что!

— Да ладно, что вы волнуетесь? Если в этой книге столько смака, ее ни один издатель не напечатает.

— Ошибаетесь. Ваш дядя сказал, что обо всем договорился с издательством «Риггз и Баллинджер» и завтра с утра отсылает им рукопись для немедленной публикации. Они специализируются на таких книгах. Выпустили мемуары леди Карнаби «Восемьдесят интересных лет».

— О, это я читал.

— Тогда, если я скажу, что мемуары леди Карнаби — просто детский лепет в сравнении с воспоминаниями вашего дяди, вы меня поймете. И что ни страница, упоминается имя папочки. Его поведение в молодые годы приводит меня в отчаяние!

— Ну и что же делать?

— Надо перехватить рукопись, прежде чем она уйдет к «Риггзу и Баллинджеру». И уничтожить.

Я чуть не вскочил. Вот это да! Учинить такую шутку — это по-нашему.

— И как вы думаете это проделать?

— При чем тут я? Ведь пакет уйдет завтра утром. А я сегодня вечером уезжаю на бал к Мергатройдам и буду обратно только в понедельник. Это должны сделать вы. Я потому вам и телеграфировала.

— Что-о?

Она холодно посмотрела на меня.

— Вы что, отказываетесь мне помочь, Берти?

— Н-нет, но... Послушайте!

— Это ведь совсем просто.

— Но даже если я... То есть, я хочу сказать... Разумеется, все, что в моих силах... Вы меня понимаете...

— Берти! Вы утверждали, что хотите на мне жениться.

— Конечно, но все-таки...

На минуту она превратилась в совершенное подобие своего папаша.

— Я никогда не выйду за вас, если эти воспоминания увидят свет.

— Но, Флоренс, старушка...

— И не спорьте. Считайте, что это вам испытание, Берти. Если у вас достанет отваги и находчивости осуществить этот замысел, я получу доказательство того, что вы вовсе не такой лоботряс и тупица, каким вас считают многие. А если вы этого не сделаете, я буду знать, что ваша тетя Агата была совершенно права, когда называла вас бесхребетным беспозвоночным и решительно не советовала выходить за вас замуж. Перехватить рукопись, Берти, для вас не составит труда. Нужно только немного решительности.

— А вдруг дядя Уиллоуби меня застукать? Он же не даст мне больше ни шиллинга.

— Ну, если вам дядины деньги дороже, чем я...

— Да нет же! Что вы!

— Вот и прекрасно. Пакет с рукописью будет положен завтра утром на стол в холле, чтобы Оукшотт отвез его в деревню на почту вместе со всеми письмами. От вас требуется только взять его со стола, унести и уничтожить. А дядя будет считать, что пакет затерялся при пересылке.

Мне это показалось довольно малоубедительным.

— А разве у него нет копии?

— Нет. Рукопись на машинке не перепечатана. Он шлет то, что написал от руки.

— Но ведь он может написать все заново.

— Это чересчур большая работа.

— Но...

— Берти, если вы намерены ничего не делать, а будете только выдвигать свои дурацкие возражения...

— Просто я хочу вам заметить, что...

— Не надо, пожалуйста. Отвечайте: да или нет. Вы согласны

выполнить эту небольшую просьбу? Сделать для меня одно доброе дело?

То, как она это выразила, сразу натолкнуло меня на ценную мысль.

— Почему бы не поручить это Эдвину? Ограничиться, так сказать, семейным кругом. И к тому же порадовать дитя.

Мысль, на мой взгляд, была просто блестящая. Эдвин — ее младший брат, проводивший каникулы в «Уютном». Эдакий малец с хорьковатой мордочкой, которого я терпеть не мог с самого его рождения. Кстати о мемуарах, это он? чертов малютка Эдвин, девять лет назад привел своего папашу туда, где я курил сигару, и навлек на меня тогда кучу неприятностей. Теперь ему сровнялось четырнадцать, и он недавно вступил в бойскауты. Это был необыкновенно серьезный ребенок, к своим новым обязанностям относившийся очень ответственно. Он постоянно пребывал в нервной лихорадке, так как отставал от расписания ежедневных добрых дел: прямо из кожи вон лез и все-таки не управлялся. Он часами рыскал по дому, носился наперегонки с самим собой, превращая усадьбу в истинный ад для людей и животных.

На Флоренс моя блестящая мысль должного впечатления не произвела.

— Ничего подобного я не сделаю, Берти. Неужели вы не способны оценить доверие, которое вам оказывают? Кажется, должны бы гордиться.

— Ясное дело, я горжусь. Просто я хочу сказать, у Эдвина это получилось бы в тысячу раз лучше, чем у меня. Бойскауты, они знают столько разных хитростей, и след умеют взять, и залечь где надо, и подкрасться незаметно, в таком роде.

— Берти, вы выполните мое совершенно элементарное поручение или нет? Если нет, скажите прямо, и положим конец этому дурацкому фарсу. К чему тогда притворяться, будто я для вас что-то значу?

— Дорогая старушка, я люблю вас всей душой!

— Так сделаете или не сделаете?

— Ну ладно, ладно, — сдался я. — Ладно! Уговорили!

И я побрел куда глаза глядят, чтобы тщательно все обдумать. Но только ступил за порог, как чуть не налетел в коридоре на Дживса.

— Прошу прощения, сэр. Я как раз вас разыскивал.

— Что случилось?

— Вынужден поставить вас в известность, сэр, что кто-то измазал ваши коричневые уличные ботинки черной ваксой.

— Что?! Кто? Зачем?

— Не могу сказать, сэр.

— И это уже непоправимо?

— Непоправимо, сэр.

— Проклятье!

— Да, сэр.

После того случая я часто задумывался, как это убийцы умеют сохранять форму, пока вынашивают свои преступные замыслы? Передо мной стояла задача попроще, но и то, обмозговывая ее в ночные часы, я так извелся, что утром встал совершенно больной, под глазами — самые настоящие черные круги, честное слово! Пришлось призвать на помощь Дживса с его живительным снадобьем.

Когда кончился завтрак, я стал чувствовать себя как чемоданный воришка на вокзале. Ошивался в холле, дожидаясь, пока на стол положат пакет. А его все не клали. Должно быть, думал я, дядя Уиллоуби все еще сидит у себя в библиотеке, добавляет последние, завершающие штрихи к великому труду своей жизни; и чем дольше я думал, тем меньше мне все это нравилось. Шансов на успех у меня было на глазок примерно два к трем, и когда я пытался представить себе, что будет в случае провала, по спине у меня бежали холодные мурашки. Дядя Уиллоуби был вообще-то нрава довольно мягкого, но мне приходилось наблюдать его и в гневе, и, клянусь Юпитером, если он застанет меня за кражей своего драгоценного манускрипта, его ярости не будет предела.

Время уже приближалось к четверем, когда он наконец пришкандыбал из библиотеки с пакетом под мышкой, положил его на стол и прошкандыбал прочь. Я в это время держался к юго-востоку, притаившись позади пустых лат на постаменте. Только он скрылся, я шасть к столу. Схватил пакет и вприпрыжку наверх, прятать добычу. Влетаю к себе, как молодой мустанг-иноходец, и натыкаюсь прямо на бойскаута Эдвина. Чертов мальчишка стоял у комода и копался в моих галстуках.

— Привет, — говорит он мне.

— Ты что здесь делаешь?

— Навожу порядок в вашей комнате. Это будет мое доброе дело за прошлую субботу.

— За прошлую субботу?

— Да, я отстал на пять суток. До вчерашнего вечера было на шесть, но я почистил ваши ботинки.

— Так это ты?..

— Да. Вы уже видели? Как это я раньше не подумал? А сюда вот зашел посмотреть — здесь, пока вас не было, жил мистер Беркли, сегодня только уехал, и я подумал, может, он что-нибудь забыл, а я найду и пошлю ему вдогонку. Я таким способом уже сделал не одно доброе дело.

— Благодетель ты наш.

Мне становилось все более и более ясно, что этого inferнального ребенка надо отсюда удалить, и как можно скорее. Я держал пакет за спиной, и можно было надеяться, что он его пока не заметил; но теперь надо было прорваться к комоду и быстренько спрятать украденное в ящик, пока никто не вошел.

— Бог с ней, с уборкой, можешь идти, — сказал я ему.

— А я люблю наводить порядок. Правда-правда. Мне это нисколько не трудно.

— Тут уже все в полном порядке.

— Погодите, увидите, как будет, когда я кончу свою работу.

Дело принимало совсем паршивый оборот. У меня не было желания прикончить парнишку, однако я просто не видел иного способа от него избавиться. Я нажал на умственный акселератор. Черепушка лихорадочно зачухала и родила ценную мысль.

— Могу тебе предложить другое дело, еще гораздо более доброе, — сказал я. — Видишь эту коробку с сигарами? Возьми ее, спустись в курительную и обстриги все кончики, хорошо? Избавишь меня от уймы хлопот. Ну давай топай отсюда, парень.

Он посмотрел на меня с сомнением во взоре, но все-таки потопал. А я упихал пакет в ящик, запер, ключ сунул в карман брюк, и мне сразу полегчало. Я, конечно, может, и обормот, но одержать в тактической борьбе верх над мальчишкой, повсюду сующим нос, это я уж как-нибудь да сумею. Потом я снова сошел вниз. Прохожу мимо двери в курительную, а Эдвин выкатывается кубарем прямо мне под ноги. И я подумал, что самое доброе дело, какое он мог бы сделать, это самоубийство.

— Стригу! — доложил он мне.

— Стриги, стриги.

— А как стричь, сильно или слегка?

— Средне.

— Ага, ладно. Тогда я пойду.

— И правильно сделаешь.

Люди, которые смыслят в таких делах, — сыщики там разные и тому подобное, — скажут вам, что самое трудное — это избавиться от мертвого тела. Помню, ребенком я учил стихотворение про одного типа по имени Юджин Арам, так вот он в этом отношении особенно натерпелся. От самого стихотворения у меня в памяти сохранились только две строки:

Та-ра, та-ра, та-рарара,

И я его убил!

Но я хорошо запомнил, сколько драгоценного времени бедняга потратил на возню с трупом, и в землю его закапывал, и в воде топил, и так далее, глядь, а труп опять перед ним! Не прошло и часа, как я запер пакет в ящик комода, когда я понял, что вляпался в точно такую же историю.

Хорошо было Флоренс болтать про то, что рукопись надо уничтожить. Однако если подойти к вопросу с практической стороны, то как, скажите на милость, как можно уничтожить такую основательную пачку бумаги в чужом доме и в разгар лета? Не попросишь же растопить в твоей комнате камин, когда на термометре под тридцать градусов. А если не сжечь, то как еще от нее избавиться? На театре военных действий, бывает, гонцу приходится съесть депешу, чтобы она не попала в руки врага. Но мне, чтобы съесть мемуары дяди Уиллоуби, потребовалось бы не меньше года.

Признаюсь, я был в полной растерянности. Единственное, что я мог сделать, это оставить пакет у себя в ящике, и будь что будет.

Не знаю, знакомо ли вам такое переживание, но поверьте мне, иметь на совести преступление крайне неприятно. К вечеру уже один вид проклятого ящика стал давить мне на психику. Я сделался нервным; когда дядя Уиллоуби бесшумно вошел в курительную, где я в одиночестве предавался мыслям, и нежданно-негаданно заговорил со мною, я поставил рекорд по прыжкам в высоту из положения «сидя».

Я все время гадал: когда дядя Уиллоуби спохватится и учует, что дело неладно? По моим подсчетам, это должно было произойти не раньше чем утром в субботу, когда не прибудет ожидаемая издательская расписка в получении бандероли. Но уже вечером в пятницу он выглянул из библиотеки, когда я проходил мимо, и пригласил меня зайти на минутку. Вид у него был растерянный.

— Берти, — произнес он (он всегда изъяснялся с исключительной торжественностью), — случилась крайне тревожная неприятность. Как ты знаешь, вчера днем я отправил господам Риггзу и Баллинджеру, издателям, бандероль с рукописью моей книги. Они должны были получить ее с первой почтой сегодня утром. Затрудняюсь сказать, откуда возникло у меня недоброе предчувствие, но судьба бандероли меня беспокоила. И несколько минут назад я позвонил господам Риггзу и Баллинджеру, чтобы справиться о ее сохранности. К моему глубочайшему ужасу, они меня уведомили, что рукопись моя ими до сих пор не получена.

— Странно.

— Я отчетливо помню, что лично заблаговременно положил пакет на стол в холле, чтобы его отвезли в деревню на почту. Но вот что поразительно. Я говорил с Оукшоттом, отвозившим на почту всю корреспонденцию, и он не припоминает, чтобы среди писем был этот пакет. Вернее, он даже совершенно определенно утверждает, что, когда пришел в холл брать корреспонденцию, никакого пакета там не было.

— Удивительно.

— Берти, сказать тебе, что я подозреваю?

— Что?

— Тебе это подозрение, конечно, покажется невероятным, но только так можно увязать воедино все известные нам факты. Я склонен к мысли, что пакет украли.

— Да что вы? Не может быть!

— Нет, ты погоди. Сначала выслушай. Я не говорил об этом ни тебе, ни кому другому, но не подлежит сомнению, что в последние несколько недель из дома исчезли отдельные предметы, одни ценные, другие нет. Напрашивается неизбежный вывод: среди нас находится клептоман! Для клептомании, как тебе, по-видимому, известно, именно характерно, что больной не различает цены вещей. Он с одинаковой готовностью украдет и старое пальто, и перстень с бриллиантами, для него равно соблазнительны и курительная трубка стоимостью в два-три шиллинга, и полный кошелек золотых монет. То обстоятельство, что моя рукопись ни для кого из посторонних не может представлять интереса, как раз и убеждает меня в том, что...

— Но, дядя, одну минуточку! Об этих пропавших вещах мне все известно. Их присвоил Медоуз, мой человек. Я его изловил за воровством моих шелковых носков. Схватил, можно сказать, за руку в самый момент кражи.

Дядя весь всполошился:

— Ты меня поражаешь, Берти. Немедленно пошли за ним, и мы его спросим.

— Но его здесь нет. Как только я обнаружил, что он — носочный вор, я тут же его прогнал. Я затем и в Лондон ездил: нанять нового камердинера.

— В таком случае, раз этого человека, Медоуза, здесь нет, стало быть, он не мог присвоить мою рукопись. Необъяснимо!

И дядя задумался. Он расхаживал взад-вперед по комнате, всем своим видом выражая недоумение, а я сидел и непринужденно посасывал сигарету, как тот тип, про которого я где-то читал: он прикончил там

одного и сунул труп под стол, а потом ему пришлось целый вечер, сидя за этим самым столом, развлекать и потчевать гостей. Моя преступная тайна так давила мне на психику, что в конце концов я не выдержал, закурил свежую сигарету и вышел прогуляться, немного спустить пары.

Был один из тех тихих вечеров, когда стоит кашлянуть улитке в саду, и слышно на милю вокруг. Солнце плавно спускалось за холмы, в воздухе, куда ни глянь, плясали мошки, и все благоухало по-сумасшедшему — как раз роса выпала, ну, и все такое прочее, — я уже даже начал ощущать приятное умиротворение, но вдруг услышал в тиши свое имя:

— Я насчет Берти.

Сказано мерзким голосом юного мучителя людей Эдвина. Откуда он доносится, я сначала не понял. Но потом сообразил, что из библиотеки. Прогуливаясь, я сам не заметил, как очутился в двух шагах от распахнутого окна.

Я часто задумывался над тем, как это получается у героев книг, которые — знаете? — в мгновение ока успевают столько всего проделать, с чем другой бы и в десять минут не управился. Но тут, представьте себе, я тоже в мгновение ока отшвырнул окурок, выругался шепотом и, пролетев одним прыжком десять ярдов, приземлился в середине куста, росшего у окна библиотеки. И тут затаился, прижав уши. Мне было ясно, как никогда в жизни, что назревает куча неприятностей.

— Насчет Берти? — переспросил голос дяди Уиллоуби.

— Насчет Берти и вашего пакета. Я слышал, вы сейчас с ним говорили. По-моему, он у него.

Если я вам скажу, что в ту самую минуту, как моего слуха коснулись эти убийственные слова, за шиворот мне упало с ветки какое-то насекомое довольно ощутимых размеров, а я не мог даже шевельнуться, чтобы его как-то придавить, — вы легко поймете, что на душе у меня было невесело. Я чувствовал, что против меня ополчился весь мир.

— О чем ты говоришь, мальчик? Минуту назад я обсуждал с Берти загадочную пропажу моей рукописи, и он выразил по этому поводу точно такое же глубокое недоумение, как и я.

— А я вчера вечером был у него в комнате, делал одно доброе дело, и вдруг он входит с каким-то пакетом, я заметил, хотя он прятал его за спиной. Он послал меня в курительную обрезать сигары, а через две минуты спускается следом, и в руках уже ничего. Так что пакет должен быть у него в комнате.

Этих чертовых бойскаутов, насколько мне известно, специально учат наблюдательности, методам дедукции и всему такому прочему. Но думают

ли их руководители о последствиях, хотелось бы мне знать. Вы только взгляните, к чему это приводит.

— Крайне маловероятно, — произнес дядя Уиллоуби, и у меня немного отлегло от сердца.

— Я могу сходить поискать у него в комнате, — предложил юный аспид. — Вот увидите, пакет окажется там.

— Но зачем ему могло понадобиться совершать такую противоестественную кражу?

— А может, у него вот та самая болезнь, про которую вы говорили.

— Клептомания? Вздор.

— Может, и все пропавшие вещи украл на самом деле Берти, — с надеждой в голосе развил свою мысль малолетний мерзавец. — Может быть, он как Рэффлс.

— Как Рэффлс?

— Это из книжки один парень, который норовил прикарманить все, что плохо лежит.

— Не допускаю мысли, чтобы Берти... э-э-э... норовил прикарманить все, что плохо лежит.

— Но пакет у него, я уверен. Вот что вы можете сделать: скажите ему, будто мистер Беркли прислал телеграмму, что забыл здесь какую-нибудь вещь. Он ведь жил в комнате Берти. И вы скажете, что хотите ее там поискать.

— Это, пожалуй, можно. Я бы...

Дальше я слушать не стал. Земля начала дымиться у меня под ногами. Нельзя было медлить ни минуты. Осторожно выбравшись из куста, я со всех ног бросился к парадному входу, взбежал по лестнице в свою комнату и подлетел к комоду. Сунул руку в карман — нет ключа! Потеряв уйму времени, я наконец вспомнил, что положил его вчера вечером в свои вечерние брюки, и там он, по-видимому, и остался.

Где, черт возьми, мой вечерний костюм? Я обыскал всю комнату, пока не сообразил, что, должно быть, Дживс унес его чистить. Подскочить к звонку и позвонить было для меня делом одной секунды. Только отзвонил, как за дверью раздались шаги и входит дядя Уиллоуби.

— Берти... — говорит он и не краснеет, — м-м-м... я получил телеграмму от Беркли, он жил в этой комнате, пока ты отсутствовал, и он просит отослать ему... э-э-э... портсигар, который он, по-видимому, забыл захватить, уезжая. Внизу его не оказалось, и я подумал, что он мог оставить свой портсигар в этой комнате. Сейчас я его... м-м-м... тут поищу.

Весьма омерзительная картина: старый, убеленный сединами человек, ему бы пора о душе подумать, а он лжет, как актер на подмостках.

— Я никакого портсигара не видел, — говорю.

— Но я все-таки поищу. Не пожалею... э-э-э... усилий.

— Если бы он был здесь, я бы его наверняка заметил, нет разве?

— Он мог ускользнуть от твоего внимания. Возможно, он... м-м-м... лежит в одном из ящиков комода.

Дядя Уиллоуби принялся вытягивать ящик за ящиком и рыться в них, как старая ищейка, не переставая бормотать при этом про Беркли и его портсигар. Я стоял рядом и терял в весе фунт за фунтом.

Подошла очередь того ящика, где находился пакет.

— Этот, кажется, заперт, — заметил он, подергав ручку.

— Д-да. Я бы на вашем месте не стал беспокоиться. Он... Он... это... заперт, и вообще.

— А ключа у тебя нет, что ли?

Тихий, почтительный голос у меня за спиной произнес:

— Не этот ли ключ вам нужен, сэр? Он лежал в кармане ваших вечерних брюк.

Дживс, собственной персоной. Он просочился в комнату с моим костюмом и теперь протягивал мне ключ. Я готов был растерзать его за такую заботу.

— Благодарю вас, — говорит дядя.

— Не стоит, сэр.

Пролетела минута. Дядя Уиллоуби выдвинул ящик. Я закрыл глаза.

— Нет, — произнес дядя. — Тут ничего нет. Пусто. Спасибо, Берти. Надеюсь, я не очень тебя побеспокоил. По-видимому, Беркли все-таки не оставлял у нас портсигара.

Он ушел, и я старательно запер за ним дверь. А потом обернулся к Дживсу. Он раскладывал на кресле предметы моего вечернего туалета.

— Э-э-э... Дживс.

— Да, сэр?

— Н-нет, ничего.

Дьявольски трудно было подыскать вступительные слова.

— М-м-м... Дживс!

— Да, сэр?

— Это не вы?.. То есть вы не?.. Не было ли там?..

— Я вынул пакет еще утром, сэр.

— Да? А по... почему?

— Нашел, что так оно будет вернее, сэр. Я напряг мозги.

— Вам это все, должно быть, представляется необъяснимым, а?
— Вовсе нет, сэр. Я случайно слышал, как вы с леди Флоренс обсуждали положение, сэр.
— Ах, вот оно что!
— Да, сэр.
— Вот что, Дживс. Я думаю... в общем и целом... будет неплохо, если вы его придержите пока что у себя, до возвращения в Лондон.
— Совершенно с вами согласен, сэр.
— А там мы его, как говорится, куда-нибудь сплавим.
— Именно так, сэр.
— Оставляю его на ваше попечение.
— Можете не беспокоиться, сэр.
— А знаете, Дживс, вы, как бы это вернее сказать, отличный малый.
— Стараюсь, сэр.
— Один на миллион, я думаю.
— Вы очень добры, сэр.
— Что ж, пожалуй, тем самым — все.
— Очень хорошо, сэр.

Флоренс возвратилась в понедельник. Я увиделся с нею только в пять часов, когда все сошлись пить чай в холле. Но пока народ не разошелся из-за стола, мы не могли и словечком обменяться с глазу на глаз.

— Ну, Берти? — проговорила она, когда мы наконец остались одни.
— Все в порядке, — ответил я.
— Вы уничтожили рукопись?
— Не то чтобы уничтожил, но...
— В каком смысле это надо понимать?
— В том смысле, что не буквально...
— Берти, вы что-то крутите.
— Я же сказал: все в порядке. Дело в том, что...

И я уже было собрался ей все толком объяснить, но тут из библиотеки выкатился дядя Уиллоуби, весь сияя, как новорожденный. Старика просто узнать было нельзя.

— Поразительная вещь, Берти! Я только что говорил по телефону с мистером Риггзом, и он сказал, что они получили мою бандероль сегодня утренней почтой. Не представляю себе, что могло послужить причиной такой задержки? Почтовая служба в загородной местности работает из рук вон плохо. Я напишу жалобу в министерство. Мыслимое ли дело, чтобы так задерживать ценные отправления?

Я в это время рассматривал профиль Флоренс, но тут вдруг она

оборачивается и устремляет прямо на меня взор, пронзительный, как острый нож. Дядя Уиллоуби пропетлял обратно к себе в библиотеку, и в холле воцарилась тишина, такая мертвая, хоть читай отходную.

— Не понимаю, — выговорил я наконец. — Клянусь Богом, я совершенно ничего не могу понять.

— А я могу. Я все отлично поняла, Берти. Вы смалодушничали. Боясь навлечь гнев своего дяди, вы предпочли...

— Нет-нет! Ничего подобного!

— Вы предпочли потерять меня, лишь бы не рисковать потерей денег. Может быть, вы думали, что я говорила не всерьез. Напрасно. Мое условие было вполне серьезно. Наша помолвка расторгнута.

— Но... послушайте!

— Ни слова больше.

— Но, Флоренс, старушка...

— Ничего не желаю слушать. Ваша тетя Агата была права, как я теперь вижу. Я еще легко отделалась. Было время, когда я думала, что при должном усердии из вас еще можно вылепить нечто достойное. Но оказывается, вы совершенно безнадежны. Она выскочила вон, оставив меня подбирать черепки. Наведя порядок, я поднялся к себе и позвонил Дживсу. Он явился как ни в чем не бывало, будто ничего не случилось и не может случиться. Не человек, а само спокойствие.

— Дживс! — возопил я. — Пакет доставлен лондонскому адресату!

— Вот как, сэр?

— Это вы его отправили?

— Да, сэр. Я сделал как лучше, сэр. По моему мнению, вы с леди Флоренс переоценили опасность того, что кто-то может обидеться, прочитав о себе в мемуарах сэра Уиллоуби. Нормальный человек, сэр, как подсказывает мне мой личный опыт, радуется, если видит свое имя в печати, вне зависимости от того, что именно о нем написано. У меня есть тетка, сэр, которая несколько лет мучилась от отечности ног. Потом стала пользоваться «Превосходной мазью Уокиншоу», и это ей сильно помогло, настолько, что тетка направила письмо в газету. И когда там описали ее случай, с фотографиями ее нижних конечностей «до» и «после», первые — совершенно отталкивающего вида, гордости ее не было предела, вследствие чего я и понял, что людям желанна известность, а какая — все равно. Более того, если вам случалось изучать психологию, сэр, вы, конечно, слышали, что самые почтенные пожилые джентльмены отнюдь не против, чтобы люди знали, какими лихими молодцами они были в молодости. У меня есть дядя...

Я сказал, что пусть провалятся его дядя, и его тетя, и он сам, и все прочие члены их семьи.

— Вам известно, черт побери, что леди Флоренс расторгла нашу помолвку?

— В самом деле, сэр?

Ни малейшего сочувствия в голосе, будто с ним говорят о погоде.

— Я вас увольняю!

— Очень хорошо, сэр. Он вежливо кашлянул.

— Поскольку я уже не состою больше у вас в услужении, сэр, я могу высказаться, не нарушая субординации. По моему мнению, вы и леди Флоренс решительно не подходите друг другу. Ее сиятельство, в противоположность вам, обладает весьма неустойчивым и деспотическим характером. Я без малого год прослужил у лорда Уорплсдона и имел возможность довольно близко наблюдать темперамент ее сиятельства. На людской половине о ней сложилось весьма неблагоприятное мнение. Ее манеры вызывали немало порицаний с нашей стороны. Иногда она переходила всякие границы. Вы не были бы с нею счастливы, сэр!

— Ступайте вон!

— Я также нахожу ее педагогические приемы чересчур для вас обременительными. Я полистал книгу, которую ее сиятельство дала вам для изучения, — она все эти дни лежит у вас на столе — и считаю ее совершенно неподходящей. Вам бы она, безусловно, пришлась не по вкусу. А от личной горничной ее сиятельства, случайно слышавшей разговор между своей хозяйкой и одним из гостей здесь джентльменов — мистером Максвеллом, редактором литературного ежемесячника, — я получил сведения, что она намерена сразу же вслед за этим усадить вас за Ницше. Вам не понравится Ницше, сэр. Это нездоровое чтение.

— Убирайтесь!

— Очень хорошо, сэр.

Удивительно, как бывает: утром видишь предмет в ином свете, чем с вечера. Со мной это случалось неоднократно. Почему-то, когда наутро я проснулся, сердце мое уже совсем не так обильно обливалось кровью. День был преотличный, и что-то в том, как весело заглядывало солнышко в окно и оглушительно галдели птички в кустах, подсказывало мне, что Дживс, возможно, не так уж и не прав. В конце-то концов, профиль профилем, но действительно, такое уж ли это удовольствие — быть помолвленным с Флоренс Крэй, как может показаться на посторонний взгляд? Не исключено, что в словах Дживса насчет ее норова что-то есть. Я начал

сознавать, что для меня идеальная жена, как я ее себе представляю, — это нечто гораздо более томное, льнущее, лепечущее, ну, в общем, в таком духе. Когда я додумал до этого места, взгляд мой упал на книгу «Типы этических категорий». Я открыл ее наобум, и вот что, клянусь, без обмана, бросилось мне в глаза:

«Из двух антитез греческой философии лишь одна жизненна и внутренне непротиворечива, а именно Идеальная Мысль в противопоставлении объекту, который она пронизывает и формирует. Другая адекватна нашему понятию Природы, феноменологична сама по себе, нежизненна и не имеет перманентного основания, будучи лишена сколько-нибудь убедительных предикатов, — или, говоря коротко, сохраняет убедительность лишь посредством внутренних реальностей, обретающих внешнее выражение».

Н-да. Как это на ваш вкус? А Ницше, говорят, еще гораздо хуже!

— Дживс, — сказал я ему, когда он принес мне поднос с утренним чаем, — я тут все хорошенько обдумал. Вы восстановлены на работе.

— Благодарю вас, сэр.

Я сделал большой оптимистический глоток. Меня начало разбирать глубокое уважение к аналитическому уму этого человека.

— Кстати, Дживс, — говорю я ему, — насчет этого клетчатого костюма...

— Да, сэр?

— Он что, действительно плоховат?

— Несколько эксцентричен, я бы сказал.

— Но ведь многие подходят, спрашивают фамилию моего портного.

— Несомненно, с тем чтобы обходить его стороной, сэр.

— Он пользуется в Лондоне превосходной репутацией.

— Я не подвергаю сомнению его моральные качества, сэр.

Я все еще колебался. Мне казалось, что я стою перед угрозой оказаться в когтях у собственного камердинера, и если сейчас уступлю, то стану, как бедняга Обри Фодергилл, сам над собой не властен. Но, с другой стороны, Дживс — явно малый с головой, и было бы очень даже славно передоверить ему обязанность думать, когда понадобится. Наконец я принял решение.

— Хорошо, Дживс, — сказал я. — Вам виднее. Можете его подарить кому-нибудь.

Он посмотрел на меня сверху вниз, снисходительно, как папаша на несмышленного сына.

— Благодарю вас, сэр. Я отдал его вчера вечером младшему

садовнику. Еще чаю, сэр?

ДЖИВС И «ПОРЯДОЧНЫЙ ЖИЛА»

Перевод В.К. Ланчикова.

Сижу я иной раз утром в постели, попиваю чай, а Дживс порхает по комнате, доставая все что нужно для моего сегодняшнего наряда. И приходит мне такая мысль: а ну как этому приятелю вздумается взять расчет? И что я, к дьяволу, буду без него делать? В Нью-Йорке особенно опасаться нечего, но в Лондоне у меня от этой мысли сердце не на месте. Сманить его пытался уже не один пройдоха. Я точно знаю, что юный Регги Фулджером обещал ему платить вдвое больше против того жалованья, которое он получает у меня. А когда ко мне заходил Алистер Бингем-Ривз (его камердинер, как известно, вечно гладит брюки поперек), он посматривал на Дживса такими горящими, такими жадными глазами, что я испугался не на шутку. Ну не шакалы?

Дело, понимаете, в том, что Дживс — большой умница. Это видно уже потому, как он вдевает запонки.

Я обращаюсь к нему за помощью во всякой переделке: Дживс не подведет. Мало того, он готов протянуть руку любому из моих друзей, кого угораздит вляпаться в скверную историю. Взять хотя бы тот довольно-таки каверзный случай с милягой Бикки и его дядюшкой, порядочным жилой.

Как-то раз через несколько месяцев после моего приезда в Америку я вернулся домой поздненько. Дживс подал мне выпить на сон грядущий и доложил:

— Нынче вечером, сэр, в ваше отсутствие заходил мистер Биккерстет.

— Вот как? — переспросил я.

— Дважды, сэр. Он был несколько встревожен.

— Да? Трепыхался, значит?

— Именно такое впечатление у меня и сложилось, сэр.

Я отхлебнул виски. Досадно, конечно, если у Бикки неприятности, но, сказать по правде, я обрадовался, что нам с Дживсом наконец подвернулась безопасная тема: с недавних пор между нами пробежала черная кошка, и теперь едва ли не всякий разговор с ним грозил съехать на личности. И все потому, что я решил отпустить усы. Не знаю, удачно ли я придумал, но только Дживс из-за этого ходил сам не свой. Он просто видеть не мог мои усы и так допекал меня своими косыми взглядами, что в конце концов усы мне осточертели. Слов нет, когда речь идет об одежде, к

замечаниям Дживса и правда стоит прислушиваться: тут его суждения бывают безукоризненными. Но если он собирается подвергать своей цензуре не только мой гардероб, но и физиономию — уж это, по-моему, ни в какие ворота не лезет! Нет, я не какой-то упрямый сумасброд: сколько раз я с голубиной кротостью уступал Дживсу, когда он браковал мой любимый костюм или галстук. Но когда камердинер начинает распоряжаться вашей верхней губой, тут уж сам Бог велит проявить бычье упрямство и поставить нахала на место.

— Мистер Биккерстет обещал навестить позже, сэр.

— Видно, что-то у него стряслось.

— Да, сэр.

Я задумчиво покрутил усы. По лицу Дживса пробежала тень, и я поспешно оставил усы в покое.

— В газетах пишут, сэр, что в Америку пароходом «Кармантик» прибывает дядя мистера Биккерстета.

— Дядя?

— Его сиятельство герцог Чизикский.

Я и понятия не имел, что дядя у Бикки герцог. Ну и ну! Вот так дружишь с человеком и ничего о нем не знаешь. С Бикки я познакомился, когда только-только приехал в Нью-Йорк, на какой-то вечеринке или попойке на Вашингтон-сквер. Я, кажется, немного скучал по Лондону и, обнаружив, что Бикки англичанин, да к тому же мой однокашник по Оксфорду, был не прочь с ним поболтать. Вдобавок он оказался такой шалопай, что просто умора, так что мы с ним моментально подружились. Пристроившись в уголке, где не мельтешили художники и скульпторы, мы принялись тихо-мирно выпивать. А уж когда Бикки совершенно гениально изобразил бультерьера, который загоняет на дерево кота, я в него прямо влюбился. С тех пор мы сделались закадычными друзьями, и все-таки я знал о нем мало — слышал только, что он едва сводит концы с концами и деньги у него водятся лишь в те дни, когда он получает от своего дядюшки ежемесячные почтовые переводы.

— Но раз его дядя герцог Чизикский, — заметил я, — почему Бикки не носит титул? Почему не называет себя «лорд Такой-то» или «лорд Сякой-то»?

— Мистер Биккерстет — сын покойной сестры его сиятельства, сэр, которая состояла в супружестве с капитаном Колдстримского гвардейского полка Роллом Биккерстетом.

Все-то он знает, этот Дживс!

— Отец мистера Биккерстета тоже умер?

— Да, сэр.

— И никаких капиталов ему не оставил?

— Нет, сэр.

Тут я начал догадываться, почему бедолага Бикки все время, можно сказать, на мели. На первый, поверхностный взгляд, раз племянник герцога, то живи себе припеваючи. Но надо знать старого гриба Чизика: он был богат, как черт, ему принадлежало пол-Лондона и пять-шесть графств на севере королевства, но при этом прижимист донельзя. Как выражаются американцы, «порядочный жила». Так что, если родители Бикки действительно ничего ему не оставили и доход его полностью зависел от щедрот старого герцога, ему не позавидуешь. Но ведь не из-за денег же он со мной сдружился. Бикки одалживаться не любит. Он всегда говорил, что дружба — это святое и у него принцип: друзей не общипывать.

В этот момент в дверь позвонили. Дживс выплыл в прихожую.

— Да, сэр, мистер Вустер только что вернулся, — услышал я его голос, и в комнату ввалился Бикки. Вид у него был прежалобный.

— Привет, Бикки, — сказал я. — Дживс говорил, ты меня разыскиваешь. Что случилось?

— Я здорово влип, Берти. Пришел посоветоваться.

— Что там у тебя, старина?

— Завтра приезжает мой дядя.

— Дживс говорил.

— Он, понимаешь, герцог Чизикский.

— Дживс говорил. Бикки удивился:

— Дживс, похоже, знает все на свете.

— Это же надо, я сам только что об этом думал!

— А может, он заодно знает, как мне выкарабкаться? — мрачно поинтересовался Бикки.

— Дживс, мистер Биккерстет здорово влип, — объявил я. — Ему нужна ваша помощь.

— Слушаю, сэр. Бикки замялся.

— Только, видишь ли, Берти, дельце такое, щекотливое... Сам понимаешь.

— Нашел из-за чего беспокоиться! Дживс уже наверняка в курсе дела. Правда, Дживс?

— Да, сэр.

— Ой! — опешил Бикки.

— Не исключено, что я заблуждаюсь, сэр, но не состоит ли ваше затруднение в том, что вы не знаете, как объяснить его сиятельству, отчего

вы в настоящее время находитесь в Нью-Йорке, а не в Колорадо?

Бикки задрожал, как желе от шквального ветра.

— Что за чертовщина! Как вы узнали?

— Накануне вашего отъезда из Англии я случайно встретил дворецкого его светлости. Он сообщил, что, проходя как-то мимо дверей библиотеки, нечаянно услышал беседу касательно этого предмета, которую имел с вами, сэр, его светлость.

Бикки глухо захохотал.

— Ну, раз уж всем все известно, то темнить незачем. Это старик спровадил меня в Америку, потому что я, мол, безмозглый лоботряс. Он обещал посылать мне ежемесячное пособие, а за это я должен был немедленно отправиться в какую-то глухомань под названием Колорадо, на какую-то... как ее... ферму или ранчо и поучиться этому... как его... фермерству или ранчерству. Была охота! Всю жизнь мечтал скакать на лошадях, гоняться за коровами и всякое такое. А с другой стороны, сам посудите, не мог же я отказаться от этого пособия.

— Я тебя прекрасно понимаю, старина.

— Приехал я в Нью-Йорк, огляделся: место вполне приличное. И я решил, что лучше всего тут и осесть. Отбил дяде телеграмму — что затеял, мол, в Нью-Йорке выгодное дело, так что ранчерство можно и побоку. Дядя не возражал. С тех пор я тут и живу. А дядюшка уверен, что мои дела идут в гору. Я и подумать не мог, что он сюда заявится. И как же мне теперь выкручиваться?

— Дживс, — сказал я, — как же мистеру Биккерстету выкручиваться?

— Он, понимаешь, прислал мне телеграмму, — продолжал Бикки. — Пишет, что хочет остановиться у меня — наверно, чтобы сэкономить на гостинице. Я всегда старался ему внушить, что живу здесь на широкую ногу. Так не везти же его к себе в пансион?

— Ну как, Дживс, придумали? — спросил я.

— Если мой вопрос не покажется нескромным, сэр, то позвольте полюбопытствовать, каковы пределы той помощи, которую вы готовы оказать мистеру Биккерстету?

— Да я для тебя, старина, ничего не пожалею!

— В таком случае, сэр, осмелюсь предложить, чтобы вы одолжили мистеру Биккерстету...

— Ну уж нет, — отрезал Бикки. — Я тебя никогда не грабил и грабить не собираюсь. Пусть я и шалопай, но я никому на свете не должен ни гроша — кроме торговцев, конечно, — и этим горжусь.

— Я лишь имел в виду предложить, сэр, чтобы вы одолжили мистеру

Биккерстету эти апартаменты. Тогда мистер Биккерстет сможет создать у его сиятельства впечатление, что они принадлежат ему. Я, с вашего позволения, сделаю вид, будто состою в услужении не у вас, а у мистера Биккерстета. Вы же временно будете проживать здесь на правах гостя мистера Биккерстета. Его светлость можно разместить во второй свободной спальне. Смею надеяться, сэр, что такое решение вопроса будет вполне удовлетворительным.

Бикки и думать забыл о своей передрыге и таращился на Дживса с благоговейным изумлением.

— Мне также представляется желательным отправить его светлости на борт судна телеграфную депешу, уведомляющую его о перемене адреса. Хорошо бы, чтобы мистер Биккерстет встретил его светлость в порту и сразу же препроводил сюда. Можно ли рассматривать такой план как окончательный выход из положения?

— Еще бы!

— Благодарю вас, сэр.

Бикки не отрываясь смотрел на Дживса, пока тот не скрылся за дверью.

— Откуда что берется! — пробормотал он. — Знаешь, Берти, я вот что думаю: это у него, наверно, форма головы такая. Ты не замечал, какой у него затылок? Так и выпирает.

На другое утро я вскочил с постели ни свет ни заря, чтобы встретить старикана вместе со всеми. Я по опыту знал, что эти океанские лайнеры имеют привычку прибывать в чертовски безбожную рань. Было только начало десятого, а я уже оделся, выпил чаю и, свесившись из окна, высматривал на улице Бикки и его дядюшку. Утро выдалось тихое, славное; такими утрами в голову лезут всякие мыслишки о душе и тому подобном. Но только я принялся размышлять о жизни в общем и целом, как вдруг заметил, что на улице разгорелась свара. Какой-то старикашка в цилиндре, только что вылезший из такси, страшно разорядся из-за платы за проезд. Насколько я мог разобрать, он требовал, чтобы водитель позволил ему расплатиться не по нью-йоркским, а по лондонским ценам. Водитель же, как видно, о Лондоне прежде никогда не слышал да и теперь не больно им интересовался. Старикашка твердил, что в Лондоне за то же расстояние с него взяли бы всего один шиллинг, а водитель отвечал, что ему плевать.

— Герцог приехал, Дживс! — крикнул я.

— Да, сэр?

— Это, наверно, он звонит.

Дживс торжественно отворил дверь, и старикашка прополз в комнату.

— Добрый день, сэр, — расшаркался я, сияя, как солнечный зайчик. — А ваш племянник отправился встречать вас в порт. Вы, должно быть, разминулись. В общем, моя фамилия Вустер. Мы с Бикки большие друзья, вот. Я тут у него гощу. Чаю не желаете? Принесите чаю, Дживс.

Старый Чизик плюхнулся в кресло и огляделся по сторонам.

— И эта роскошная квартира принадлежит моему племяннику Френсису?

— Ему самому.

— Она, верно, стоит бешеные деньги.

— Да, порядочно. Здесь вообще такая дороговизна, что ой-ой-ой.

Старик застонал. В комнату неслышно впорхнул Дживс с чаем, и старый Чизик, чтобы оправиться от потрясения, присосался к чашке.

— Ужасная страна, мистер Вустер, — кивнул он. — Просто ужасная. Чуть-чуть проехал в такси — плати восемь фунтов. Возмутительно!

Он еще раз оглядел обстановку и, кажется, остался доволен.

— Не знаете ли вы часом, сколько племянник платит за такую квартиру?

— Что-то около двухсот долларов в месяц.

— Что? Сорок фунтов в месяц?

Я сообразил, что, если сейчас не придумать какое-нибудь правдоподобное объяснение, наша затея полетит к черту. Догадаться, о чем думает старик, не трудно. Он все пытался увязать эту роскошь со своими привычными представлениями о том, что такое Бикки. А их поди увяжи: миляга Бикки, при том что он был малый хоть куда и не имел себе равных по части изображения бультерьеров и кошек, все же оставался одним из самых выдающихся оболтусов среди той половины рода человеческого, которая носит кальсоны.

— Вы себе представить не можете, — начал я, — какие чудеса Нью-Йорк творит с людьми. Попадешь сюда — и откуда только сметка берется. Взрослеешь на глазах. Воздух здесь, что ли, такой. Вы, наверно, помните Бикки каким-то шалопаем, но теперь это совсем другой человек. Чертовски серьезный, предприимчивый. В деловых кругах говорят, что ему палец в рот не клади.

— Уму непостижимо! Скажите, мистер Вустер, а чем он, собственно, занимается?

— Так, ничего особенного. Тем же, что и Рокфеллеры всякие. — Я шмыгнул к двери. — Прошу прощения, но я вынужден вас оставить. У меня там кое с кем встреча.

Когда я выходил из лифта, в дом влетел Бикки.

— Здорово, Берти. Я его проворонил. Ну что, приехал?

— Сидит наверху, пьет чай.

— И как ему все это?

— Так и ахнул.

— Ура! Побегу к нему. До скорого, старина.

— Счастливо, приятель.

Бикки расцвел, повеселел и поскакал к дядюшке, а я отправился в клуб и, расположившись у окна, стал глазеть на снующие туда-сюда автомобили.

Поздно вечером я вернулся домой переодеться к ужину.

— Куда это все подевались, Дживс? — спросил я, заметив, что во всей квартире никто не цокает копытцами. — Пошли погулять?

— Его светлость пожелал осмотреть достопримечательности города, сэр. Мистер Биккерстет отправился с ним в качестве сопровождающего. Насколько я могу судить, их экскурсия имеет целью посещение Могилы Гранта.

— Мистер Биккерстет небось козой скачет от радости?

— Как, сэр?

— Я говорю, мистер Биккерстет, наверно, рад до чертиков, что все сошло так гладко?

— Не совсем, сэр.

— Чем он теперь-то недоволен?

— К сожалению, план, который я предложил мистеру Биккерстету и вам, сэр, оказался не вполне безупречным.

— Но герцог же поверил, что дела у мистера Биккерстета идут лучше некуда?

— Совершенно верно, сэр. Вследствие чего он принял решение лишить мистера Биккерстета ежемесячной финансовой помощи на том основании, что тот уже встал на ноги и больше в денежном вспомоществовании не нуждается.

— Вот те на! Это катастрофа, Дживс!

— Да, сэр, досадное происшествие.

— Вот не думал, что дело так повернется.

— Должен признаться, сэр, что я и сам не предвидел подобного обстоятельства.

— То-то он, наверно, с ума сходит, бедолага.

— Да, сэр, мистер Биккерстет несколько обескуражен. У меня сердце сжалось.

— Надо что-то предпринять, Дживс.

— Да, сэр.

— Вам ничего такого в голову не приходит?

— В настоящий момент нет, сэр.

— Ни за что не поверю, что все так безнадежно.

— Любимой сентенцией одного из моих бывших хозяев — нынешнего лорда Бриджуотера, как я вам, кажется, уже докладывал, — было: «Безвыходных положений не бывает». Мы, без сомнения, изыщем средство помочь мистеру Биккерстету в его затруднении, сэр.

— Вы уж постарайтесь, Дживс.

— Приложу все силы, сэр.

Я прошел к себе и начал одеваться к ужину. На душе у меня кошки скребли. Можете представить, в каких я был растрепанных чувствах, если чуть не надел к смокингу белый галстук. И в ресторан-то я отправился не потому, что проголодался, а чтобы скоротать время. Ох и стыдно же мне было ковыряться в меню, зная, что бедняга Бикки скоро будет пробавляться бесплатным супом для безработных.

Когда я вернулся домой, старый Чизик уже улегся на боковую, а Бикки, нахохлившись, сидел в кресле и горевал вовсю. Из уголка губ свисала сигарета, глаза почти остекленели,

— Не убивайся ты так, старина, — сказал я. Бикки схватил стакан и залпом его опрокинул, совсем упустив из вида, что в стакане ничего нет.

— Пропал я, Берти, — выговорил он и повторил номер со стаканом. Но, видно, легче ему от этого не стало.

— Эх, Берти, случилось бы это неделей позже! В субботу я должен был получить перевод за этот месяц. Получил бы и открыл дело: в журналах все пишут, есть верный способ заработать уйму денег. Накопить несколько долларов и устроить куриную ферму. Разводить кур — чем плохо? — От этой мысли он было оживился, но тут же сник. — Э, что толку? Все равно денег нет.

— Ну-ну, старина. Тебе стоит только заикнуться.

— Огромное тебе спасибо, Берти, но я тебя грабить не стану.

Вот так всегда. Те, кому ты готов помочь деньгами, не берут, а те, кому бы ты и гроша не дал, норовят чуть ли не сесть тебе на голову и обчистить карманы. А так как деньги у меня не переводились, то людишки этой второй категории ко мне так и липли. Сколько раз в Лондоне, пробегая по Пиккадилли, я слышал за спиной возбужденный отрывистый лай жаждущего перехватить в долг и чувствовал на затылке его горячее дыхание. Всю жизнь я осыпал щедротами прощелыг, которых на дух не

переносил. И вот теперь, когда из меня так и сыпятся дублоны и песо и мне не терпится ими поделиться, бедняга Бикки, у которого в карманах ветер гуляет, отказывается наотрез.

— Тогда остается последняя надежда.

— Какая?

— Дживс.

— Что прикажете, сэр?

Я обернулся. Предупредительный Дживс уже был тут как тут. Откуда только у него эта удивительная способность вырастать как из-под земли! Бывает, сидишь себе в старом кресле, задумаешься, а стоит поднять глаза — он уже перед тобой. Бедняга Бикки струхнул не на шутку. Он взвился с кресла, как испуганный фазан. Я-то к Дживсу уже привык, но в прежнее время и я чуть не откусывал себе язык от неожиданности, когда он вот так ко мне подкрадывался.

— Вы меня звали, сэр?

— Ах, вы уже тут, Дживс.

— Разумеется, сэр.

— Что-нибудь придумали, Дживс?

— Придумал, сэр. После нашего последнего разговора я, как мне представляется, нашел способ, который поможет нам выйти из положения. Я бы не хотел показаться дерзким, сэр, но, по-моему, мы недоучли, что источником дохода может послужить его светлость.

Бикки хохотнул таким смешком, который иногда называют «глухим»: этакое язвительное гортанное утуканье, как будто кто-то полощет горло.

— Я вовсе не имел в виду, сэр, что нам удастся убедить его светлость предоставить искомую сумму, — объяснил Дживс. — Я лишь позволил себе взглянуть на его светлость как на собственность, которая в настоящее время лежит, если можно так выразиться, мертвым грузом и все же вполне может быть употреблена с пользой.

Бикки посмотрел на меня с недоумением. Признаться, я и сам мало что понял.

— Нельзя ли пояснее, Дживс?

— Мой план, сэр, сводится к следующему. Его светлость — личность в некотором роде выдающаяся. Жители же этой страны, как вам, сэр, без сомнения, известно, имеют исключительную страсть обмениваться рукопожатиями с выдающимися личностями. Мне подумалось, что в числе ваших знакомых или знакомых мистера Биккерстета наверняка найдутся люди, которые с охотой заплатят небольшую сумму — скажем, два-три доллара — за право быть представленными его светлости, что даст им

возможность пожать ему руку.

Бикки не очень-то поверил.

— По-вашему, есть на свете такие олухи, которые даже раскошелятся, лишь бы поручкаться с моим дядюшкой?

— Моя тетя, сэр, заплатила пять шиллингов молодому человеку, который однажды в воскресенье привел к ней в гости живого киноактера. Это очень подняло ее престиж в глазах соседей.

Бикки начал колебаться.

— Ну если вы думаете, что дело выгорит...

— Я в этом совершенно убежден, сэр.

— А ты, Берти?

— Я — за, старина. Обеими руками — за. Очень стоящая затея.

— Благодарю вас, сэр. Других распоряжений не будет? Спокойной ночи, сэр.

И Дживс выплыл из комнаты, а мы с Бикки принялись обсуждать детали.

Пока мы не начали операцию по превращению старого Чизика в доходное предприятие, я и не представлял, до чего же туго приходится биржевым воротилам, покуда покупатели не раскачаются. Сегодня, встречая в репортажах с биржи обычную фразу «Торги открылись в спокойной обстановке», я сочувствую биржевикам от всей души. Как я их понимаю! Наши торги тоже открывались в спокойной обстановке. Если бы вы только знали, как трудно было подогреть интерес покупателей к нашему старикану! К концу недели у нас в списке значился только один человек — хозяин магазина деликатесов из того квартала, где жил Бикки. Да и от него проку было мало, потому что он вздумал расплатиться не живыми деньгами, а ломтиками ветчины. Потом замаячил проблеск надежды: брат ростовщика, у которого занимал Бикки, пообещал выложить за знакомство с Чизиком десять долларов наличными. Однако сделка не состоялась: этот Фрукт оказался анархистом и, вместо того чтобы жать старикану руку, собирался дать ему пинка. Ну и намучился я, уламывая Бикки отказаться от этого предложения, — а то он уже было нацелился сгрести монету и в дальнейшем не вмешиваться. По-моему, он посчитал брата ростовщика человеком высокой доблести, благодетелем рода человеческого.

Так бы мы, наверно, и махнули рукой на эту затею, если бы не Дживс. Что ни говори, а Дживс в своем роде единственный и неповторимый. Я такого ума и находчивости ни в ком не встречал. Как-то утром он

заскользнул ко мне в комнату с чашкой доброго старого чаю и намекнул, что у него есть новость.

— Сэр, вы позволите вернуться к вопросу о его светлости?

— С этим кончено. Мы решили свернуть дело.

— Как, сэр?

— Все равно ничего не получится. Мы так никого и не уговорили.

— Мне представляется, сэр, что эту сторону дела я могу взять на себя.

— Вам что, удалось кого-то раздобыть?

— Да, сэр. Восемьдесят семь джентльменов из Птицбурга. Я подскочил на кровати, расплескивая чай.

— Из Птицбурга?

— Птицбург, штат Миссури, сэр.

— Где вы их откопали?

— Вчера, сэр, поскольку вы предупредили, что уходите из дома на весь вечер, я позволил себе посетить театральное представление и в антракте разговорился с джентльменом, занимавшим соседнее кресло. Мое внимание, сэр, привлекло несколько аляповатое украшение в его бутоньерке — крупный синий значок с надписью «Птицбург себя покажет!», выведенной большими красными буквами. Не самое удачное дополнение к вечернему костюму джентльмена. К своему удивлению, я заметил в зрительном зале немало лиц с подобными же украшениями. Я осмелился полюбопытствовать, что они означают, и получил ответ, что эти джентльмены, числом восемьдесят семь человек, прибыли из небольшого городка в штате Миссури, именуемого Птицбургом. Их поездка, насколько я понял, имеет целью исключительно увеселительное времяпрепровождение и светское общение. Мой собеседник весьма пространно описал развлечения, которые намечены на время их пребывания в этом городе. В числе прочего он с изрядным удовольствием и гордостью упомянул то обстоятельство, что столь многочисленная депутация была представлена одному знаменитому боксеру и удостоилась его рукопожатия. Это навело меня на мысль сделать им предложение касательно его светлости. Одним словом, я договорился, что завтра вечером, если вы дадите на то свое согласие, вся депутация явится к его светлости на аудиенцию.

— Целых восемьдесят семь человек! Однако! Сколько же они платят с носа?

— Мне пришлось согласиться на оптовую скидку, сэр. По окончательным условиям договора, выручка составит сто пятьдесят долларов за всю партию.

Я задумался.

— Деньги вперед?

— Нет, сэр. Я пытался добиться, чтобы деньги были выплачены заранее, но безуспешно.

— Ладно, получим деньги — я накину из своих, и будет пятьсот. Бикки не догадается. Как по-вашему, Дживс, мистер Биккерстет ничего не заподозрит, если я увеличу выручку до пятисот долларов?

— Не думаю, сэр. Мистер Биккерстет славный джентльмен, однако не слишком сообразителен.

— Ну вот и отлично. Слетайте-ка после завтрака в банк и снимите немного с моего счета.

— Слушаю, сэр.

— А знаете, Дживс, вы просто чудо.

— Благодарю вас, сэр.

— Правда-правда.

— Очень хорошо, сэр.

В то же утро я отвел Бикки в сторонку и рассказал ему о случившемся. Он чуть не зарыдал от счастья, на заплетающихся ногах пошел в гостиную и прицепился к старому Чизику, который с мрачной решимостью во взоре читал страничку юмора в утренней газете.

— Дядя, у вас есть какие-нибудь планы на завтрашний вечер? Я тут, понимаете, пригласил приятелей, хочу вас познакомить.

Старик вскинул на него глаза и задумался.

— А журналистов среди них не будет?

— Журналистов? Ни Боже мой! Но почему вы спрашиваете?

— Терпеть не могу, когда меня осаждают журналисты. Когда наш пароход заходил в порт, на меня напали какие-то прилипчивые молодые люди, которым непременно хотелось выведать, что я думаю об Америке. Больше я этих приставаний не потерплю.

— Что вы, дядя, можете не беспокоиться. Завтра вы ни одного газетчика не увидите.

— В таком случае я буду только рад знакомству с твоими друзьями.

— И руку им подадите и все такое?

— Ну разумеется, я буду держаться так, как того требуют установленные правила цивилизованного общения.

Бикки рассыпался в благодарностях, и мы с ним отправились завтракать в клуб, где он завел шарманку про кур, инкубаторы и тому подобную дребедень.

Взвесив все «за» и «против», мы решили напускать птицбургцев на старикана отрядами по десять человек. Дживс привел к нам своего театрального знакомого, и мы обговорили все детали. Знакомый оказался очень приличным малым, только он все старался подмять разговор под себя и увести его в сторону нового водопровода, который недавно проложили в его родном городе. Мы условились, что, поскольку выдержать больше часа такой аудиенции нам вряд ли по силам, каждая шайка визитеров получит возможность провести в обществе герцога лишь семь минут. Дживс с секундомером в руках будет производить хронометраж и, по истечении положенного времени, заглядывать в гостиную и многозначительно кашлять. В заключение мы, что называется, засвидетельствовали друг другу свое глубочайшее почтение, и гость из Птицбурга откланялся, на прощание от всей души пригласив нас заехать как-нибудь к ним в город и полюбоваться новым водопроводом. Мы поблагодарили за приглашение.

На другой день нахлынула депутация. В первой смене оказался уже знакомый нам малый, а с ним еще девять, похожие на него как две капли воды. Держались они чертовски бойко и деловито, как будто чуть не с детства корпели в конторах, тянулись в струнку перед начальством и все такое прочее. Они по очереди подходили к старикану и с нескрываемым удовольствием жали ему руку — только один из них при этом, как видно, думал о чем-то невеселом. Вслед за тем они становились в сторонку и развязывали языки.

— Что бы вы хотели передать жителям Птицбурга? — спросил наш приятель.

Старик захлопал глазами:

— Но я сроду не бывал в Птицбурге. Гость поморщился.

— Обязательно приезжайте, — сказал он. — Город растет как на дрожжах. Птицбург себя покажет!

— Птицбург себя покажет! — молитвенно возгласили остальные.

И вдруг задумчивый гость — плотный, упитанный малый с волевым подбородком и холодными глазами — наконец подал голос:

— Послушайте-ка.

Все собрание посмотрело на него.

— Надо бы для порядка... — начал он. — Нет, я не к тому, что кто-то там жульничает; но чтобы все было по форме, пусть-ка этот джентльмен официально, при свидетелях подтвердит, что он в самом деле герцог.

— Как прикажете вас понимать, сэр? — побагровел старикан.

— Да вы не обижайтесь, сделка есть сделка. Я ничего такого сказать

не хочу, мне только одно непонятно. Вон тот джентльмен говорит, что его фамилия Биккерстет, так? Но раз вы герцог Чизикский, почему он тогда не лорд Перси Этакий или Разэтакий? Я в этих тонкостях разбираюсь: читал английские романы.

— Это что-то неслыханное!

— Чего вы кипятитесь? Уж и спросить нельзя. Имею право. Должны мы знать, за что деньги платим.

Тут в разговор влез любитель водопроводов:

— Верно, Симмз. И как это я забыл про этот пункт при переговорах? Поймите, джентльмены, мы деловые люди. Мы вправе убедиться, что нас не надуют. И уж если мы платим мистеру Биккерстету полторы сотни долларов за этот прием, то мы, понятное дело, хотим знать...

Старый Чизик и бровью не повел. Он только испытующе посмотрел на Бикки и повернулся к поклоннику водопроводов.

— Честное слово, я об этом первый раз слышу, — светским тоном произнес он. — Будьте любезны, объясните.

— Мы с мистером Биккерстетом заключили сделку: восемьдесят семь граждан города Птицбурга за установленное по взаимной договоренности денежное вознаграждение получают право познакомиться с вами и поздороваться за руку. И теперь вот мой приятель Симмз — и я тоже — хотим удостовериться, что вы настоящий герцог. А то ведь за это ручался только мистер Биккерстет, а мы его толком и не знаем.

Старый Чизик поперхнулся.

— Позвольте заверить вас, сэр, — произнес он не своим голосом, — что я действительно герцог Чизикский.

— Ну вот и порядок, — обрадовался гость. — Это мы и хотели услышать. Значит, можно продолжать.

— Прошу прощения, — возразил старый Чизик, — но дальше это продолжаться не может. Я несколько утомился. Увы, но я вынужден вас покинуть.

— Как же так! Там еще семьдесят семь парней дожидаются.

— К сожалению, я должен их разочаровать.

— Раз так, придется расторгнуть сделку.

— Насчет этого разбирайтесь с моим племянником. Гость встревожился.

— Так вы что, с остальными знакомиться не будете?

— Не буду!

— Тогда мы пошли.

Посетители убралась. Повисло глухое молчание. Потом старый Чизик

повернулся к Бикки:

— Ну-с?

Бикки не нашелся, что ответить.

— Это правда?

— Да, дядя.

— Что это еще за фокусы? Бикки стоял ни жив ни мертв.

— Расскажи-ка ты, старина, все как было, — посоветовал я. У Бикки запрыгал кадык. Наконец он выговорил:

— Понимаете, дядя, вы сказали, что не будете больше посылать переводы, а мне как раз нужны деньги на куриную ферму. Верное дело, ей-богу. Был бы только начальный капитал. Покупаешь курицу, и она тебе каждый день несет по яйцу. За неделю — семь яиц. Семь яиц можно продать, ну, так, за семьдесят пять центов. Расходов на содержание почти что никаких, зато доходы...

— Что ты плетешь, какие еще куры? Ты же уверял меня, что ты состоятельный предприниматель.

— Старина Бикки немного преувеличивал, — пришел я на помощь приятелю. — На самом деле все его доходы — это ваше пособие, и без него бедный парень неминуемо должен был вылететь в трубу. Пришлось придумывать, как бы побыстрее раздобыть денег. Мы и решили заработать на торговле рукопожатиями.

— Стало быть, ты мне лгал? — взревел старый Чизик с пеной у рта. — Намеренно обманывал меня относительно твоего материального положения?

— Просто ему, бедняге, не хотелось на ранчо, — объяснил я. — Не лежит у него душа к лошадям и коровам. А вот по куриной линии, как ему кажется, он далеко пойдет. Только начать не на что. Так, может, вы ему...

— После всего случившегося? После такого... такого обмана, такой каверзы? Ни гроша!

— Но...

— Ни гро-ша!

И тут на заднем плане раздалось деликатное покашливание.

— С вашего позволения, сэр, я имею кое-что предложить. Из глубины сцены выступил Дживс, и вид у него был умный-преумный.

— Мы вас слушаем, Дживс.

— Я лишь хотел заметить, сэр, что если мистеру Биккерстету в самом деле не хватает наличных денег и он не видит возможности их изыскать, то в целях получения требуемой суммы ему достаточно описать нынешнее происшествие для воскресного выпуска какой-нибудь особенно смелой и

предприимчивой газеты.

— Ого! — воскликнул я.

— Ого-го! — воскликнул Бикки.

— Боже правый! — воскликнул старый Чизик.

— Понимаю, сэр, — кивнул Дживс. Бикки бросил на дядю сияющий взгляд.

— Дживс говорит дело! Вот возьму и напишу. «Кроникл» с Руками оторвет: там обожают такие скандальчики.

Старый Чизик жалобно застонал:

— Не смей, Френсис! Я тебе категорически запрещаю!

— Да, «запрещаю», — расхрабрился Бикки. — А если мне больше неоткуда взять денег...

— Постой! Постой... голубчик. Экий ты горячий. Можно все уладить.

— Да не поеду я на ваше дурацкое ранчо!

— Что ты, что ты, голубчик. Разве я предлагаю? У меня и в мыслях не было. Я... я думаю... — Старикан помялся и через силу выдавил: — Я думаю, будет лучше, если ты вернешься со мной в Англию. По-моему... да-да, кажется, это можно устроить... по-моему, я могу найти полезное применение твоим способностям, если определю тебя на место секретаря.

— Что же, работа по мне.

— Правда, жалованья я тебе положить не могу, но ты же знаешь, что в политических кругах Англии секретарь и без жалованья получает такой вес, что...

— Пятьсот фунтов — вот какой вес меня устроит, — отрезал Бикки. — В смысле, фунтов стерлингов. Пятьсот фунтов в год. И чтобы выплата каждые три месяца.

— Друг мой!

— Ни пенса не уступлю.

— Но зато, голубчик, должность моего секретаря даст тебе неоценимую возможность набраться опыта, вникнуть во все тонкости политической жизни и... Словом, у тебя будет в высшей степени выгодная должность.

— Пятьсот фунтов в год, — повторил Бикки, вкусно выговаривая каждое слово. — На курах я бы зарабатывал в сто раз больше — по моим расчетам. Положим, завел бы я дюжину кур. Каждая выведет дюжину цыплят. А те, как подрастут, тоже выведут по дюжине. И как пойдут они все нести яйца! Золотое дно. В Америке яйца — первый товар. Их кладут на лед и хранят годами, пока цены не станут по доллару за штуку. И чтобы я променял такое будущее на должность, где я и пяти сотен в год не

заработаю? Ха!

Старый Чизик страдальчески скривился, но, видимо, решил сдаться.

— Хорошо, дружок, — сказал он.

— То-то, — обрадовался Бикки. — Значит, по рукам.

— Дживс, — сказал я, когда Бикки утащил дядюшку вспрыснуть сделку за ужином. — Дживс, это одна из ваших лучших побед.

— Благодарю вас, сэр.

— Я прямо диву даюсь, как это у вас все ловко выходит.

— Что вы, сэр.

— Жаль только, вам самому ничего не перепало.

— Если я не ошибаюсь, сэр, мистер Биккерстет, как можно заключить из его слов, намеревается отблагодарить меня за помощь, которую я имел счастье ему оказать, несколько позже, когда он будет располагать соответствующими возможностями.

— Этого мало, Дживс.

— Что еще, сэр?

Я уже принял решение. Оно далось мне нелегко, но ничего лучше я придумать не мог.

— Принесите-ка мой бритвенный прибор.

Во взгляде камердинера сомнение боролось с надеждой.

— Вы не шутите, сэр?

— И сбрейте мне усы.

Последовала короткая пауза. Я почувствовал, что Дживс тронут до глубины души.

— Я вам очень, очень признателен, сэр, — тихо сказал он.

ЛОДЫРЬ РОККИ И ЕГО ТЕТУШКА

Перевод И. Шевченко.

Теперь уже дело прошлое, и можно честно признаться: был момент в этой истории с Рокметеллером Тоддом, когда я подумал, что Дживс даст маху. Глупо, конечно, с моей стороны, ведь я его знаю как облупленного, и все же такая мыслишка ко мне закралась. Мне показалось, что у него был довольно-таки обескураженный вид.

Рокки Тодд свалился на меня весенним утром, ни свет ни заря. Я спал, как убитый, восстанавливая силы посредством всегдашнего девятичасового сна, как вдруг дверь распахнулась, и какой-то нахал двинул мне под ребра, а потом принялся стаскивать с меня одеяло. Я поморгал, протер глаза, собрался с духом и узрел перед собой Рокки. В первый миг я подумал, что он мне просто снится.

Дело в том, что Рокки живет где-то на Лонг-Айленде, у черта на куличках. К тому же он не раз мне сам говорил, что спит до полудня и обычно встает не раньше часа. Отъявленный лодырь, второго такого не сыщешь во всей Америке. Рокки и занятие в жизни нашел подходящее, оно позволяло ему свободно предаваться главной своей склонности. Он был поэтом. То есть если что и делал, так это писал стихи. Однако большую часть времени, насколько мне известно, Рокки проводил вроде как в трансе. Он признавался, что может часами созерцать червяка, размышляя на тему о том, для чего эта Божья тварь предназначена.

Образ жизни у него был продуманный и хорошо рассчитанный. Примерно раз в месяц он садился и дня три кропал стихи. Остальные триста двадцать девять дней в году отдыхал. Я и не знал, что сочинительство стихов может доставить средства к существованию, пусть даже такому, какое ведет Рокки. Но оказывается, что если, например, настроить что-нибудь эдакое, не скованное рифмой, и призвать юношество жить на всю катушку, то американские издатели с руками оторвут такие вирши. Рокки как-то показывал мне свое сочинение. Начинается так:

Жить!

Жить!

Прошлое умерло.

Будущее не родилось.
Жить сегодняшним днем!
Жить каждым нервом,
Каждой клеточкой тела,
Каждой каплей алой крови твоей!
Жить!
Жить!

И дальше там было еще три строфы, все вместе напечатано в журнале на развороте титульного листа; вокруг рамочка с завитушками, а посередине здоровенный малый с бугристыми мускулами и чуть ли не нагишом радостно таращится на восходящее солнце. Рокки сказал, что за эти стишки ему отвалили сотню долларов, и он потом целый месяц полеживал себе в постели до четырех часов дня.

О будущем Рокки ничуть не тревожился: дело в том, что где-то в глуши, в Иллинойсе, у него была богатая тетка. Удивительное дело — чуть ли не у всех моих приятелей существует подобный источник благосостояния — у кого тетушка, у кого дядюшка. Вот у Бикки, например, дядя — герцог Чизикский. Корки тоже всегда прибегал к помощи своего дяди, любителя-орнитолога Александра Уорпла; потом они, правда, поссорились. При случае расскажу, что приключилось с моим старинным приятелем Оливером Сипперли; у него тоже есть тетка, она живет в Йоркшире... Нет, таких совпадений не бывает. Тут скрыт глубокий смысл. Я к чему клоню: по-моему, само Провидение печется об этих олухах царя небесного, и лично я — за, обеими руками. Дело в том, что меня с детства мордовали мои тетки, и потому я радуюсь любому проявлению снисходительности и сердечной доброты со стороны родственников.

Однако я несколько отвлекся. Вернемся к Рокки. У него, как я уже сказал, есть тетка, и живет она в Иллинойсе. Согласитесь, если вас в честь тети нарекли Рокметеллером — что само по себе уже, по-моему, требует денежной компенсации — и вы у нее единственный племянник, можно уже ни о чем не беспокоиться. Рокки говорил мне, что когда получит наследство, то вовсе покончит с сочинительством, разве что черкнет иной раз пару-тройку строф, обращенных, скажем, к юноше, перед которым открыт весь мир, и содержащих какой-нибудь весьма ценный совет, как то: неплохо, мол, раскурить трубку и сидеть попыхивать, задрав ноги на каминную решетку.

Вот этот самый Рокки ворвался ко мне на рассвете и ткнул меня

поддых.

— Берти, ты только прочти! — бормочет, а у самого губы трясутся.

И размахивает чем-то у меня под носом, то ли письмом, то ли еще какой-то дрянью.

— Проснись и прочти!

А я не могу читать, пока не выпью чаю и не выкурю сигарету. Я протянул руку и позвонил.

Вошел Дживс, свеженький, как майское утро. Ума не приложу, как это ему удастся.

— Чаю, Дживс!

— Слушаю, сэр.

А Рокки опять суется ко мне со своим дурацким письмом.

— Что это? — спрашиваю его. — В чем дело, черт побери?

— Читай!

— Не могу. Еще чаю не пил.

— Ладно, тогда слушай.

— От кого письмо?

— От тетушки.

В эту минуту я снова задремал. Просыпаюсь, а Рокки как раз спрашивает:

— Что же мне теперь делать?

Тут подобно потоку, тихо струящемуся по мшистому руслу, в комнату вплыл Дживс с подносом в руках, и я сообразил, как мне выкрутиться.

— Рокки, старина, — говорю я, — прочти, пожалуйста, еще раз. Пусть Дживс тоже послушает. Тетушка мистера Тодда прислала ему весьма странное письмо, Дживс, и мы хотим с вами посоветоваться.

— Слушаю, сэр.

Дживс, весь олицетворенная преданность, замер посреди комнаты. Рокки начал читать:

«Дорогой Рокметеллер, я долго все обдумывала и пришла к заключению, что очень безрассудно с моей стороны так долго откладывать то, на что я уже решилась».

— Что скажете, Дживс?

— Мне кажется, пока немного туманно, сэр, но, безусловно, многое прояснится, если мы продолжим чтение документа.

— Читай дальше, дружище, — говорю я Рокки, дожевывая бутерброд.

«Ты знаешь, как я всегда страстно мечтала о том, чтобы поехать в Нью-Йорк и своими глазами увидеть восхитительную жизнь, полную радости и наслаждений, о которой так много читала. Боюсь, теперь уже невозможно осуществить эту мечту. Я слишком стара и слишком слаба. У меня уже нет сил».

— Грустно, Дживс, а?

— В высшей степени, сэр.

— Грустно! Как бы не так! — вставил Рокки. — Да ей просто лень. Я к ней ездил на Рождество, она здорова, как лошадь. Ее доктор говорит, на ней можно воду возить. Но сама она талдычит, что безнадежно больна. Ну и, понятное дело, он вынужден ей поддакивать. Внушила себе, что поездка в Нью-Йорк ее убьет, поэтому она с места не двинется, хотя приехать сюда — ее заветная мечта.

— Как тот малый, у которого сердце где-то там в горах ищет олений след, а сам он внизу, верно, Дживс?

— В некотором отношении случаи весьма сходные, сэр.

— Валяй дальше, старина.

«Вот поэтому я решила, что если сама не могу вкусить удовольствий, которыми изобилует Нью-Йорк, то хотя бы порадуюсь им с твоей помощью. Эта мысль осенила меня вчера, после того как я прочла в воскресной газете прелестные стихи об одном юноше, который всю жизнь чего-то там страстно желал. Потом он этого ло-бился, но был уже слишком стар и не испытал никакой радости. Такие печальные стихи, они меня растрогали до слез».

— Как же, растрогали! — ехидно ввернул Рокки. — Я вот Десять лет стараюсь ее разжалобить, и все тщетно.

«Тебе ведь известно, что, когда меня не станет, все мои деньги унаследуешь ты. До сих пор я все никак не могла назначить тебе содержание. Теперь я решилась, но при одном условии. Я написала в Нью-Йорк своим поверенным и распорядилась ежемесячно выдавать тебе весьма значительную сумму. А мое единственное условие состоит в том, чтобы ты поселился в Нью-Йорке и наслаждался жизнью, чего я всегда желала для себя. Хочу, чтобы ты был как бы моим

представителем и тратил эти деньги так, будто я сама их трачу. Хочу, чтобы ты окунулся в шумную, веселую жизнь. Хочу, чтобы ты стал душой общества, блистал на званых вечерах.

А больше всего я хочу — даже настаиваю на этом, — чтобы ты писал мне по меньшей мере раз в неделю и давал подробный отчет обо всем, что ты делаешь и что происходит в Нью-Йорке. Таким образом и я тоже смогу получить удовольствие — пусть из вторых рук — и порадоваться, раз уж расстроенное здоровье не позволяет мне самой осуществить давнишнюю мечту. Не забудь, что я жду от тебя отчета во всех подробностях; не упускай никакой мелочи, даже такой, которая, на твой взгляд, не представляет интереса.

Твоя любящая тетя *Изабель Рокметеллер*».

— Что делать? — спрашивает Рокки.

— А что? — говорю я.

— Как — что? Что мне теперь делать?

Тут только до меня дошло, как странно Рокки себя ведет — ему, можно сказать, прямо с неба вдруг, нежданно-негаданно сваливается куча денег. Ему бы, кажется, сиять и прыгать от восторга. А этот фрукт, посмотрите на него, вид такой, будто судьба-злодейка нанесла ему удар прямо в солнечное сплетение. Просто поразительно.

— Ты что, не рад? — говорю ему.

— Рад?

— Я бы на твоём месте двумя руками ухватился за такую возможность. По-моему, тебе здорово повезло.

В ответ Рокки что-то пискнул, вытаращился на меня и принялся поносить Нью-Йорк почище Джимми Манди, того самого парня, который ратует за реформы в обществе. Недавно он прибыл в Нью-Йорк, предвыборное турне у него, ну и я пару дней назад прошвырнулся на Мэдисон-Сквер-Гарден, послушал его с полчаса. Ох и досталось от него Нью-Йорку, уж он в выражениях не стеснялся, видно, город ему здорово не понравился. Но, ей-богу, старина Рокки его переплюнул. Джимми по сравнению с ним, можно сказать, просто дифирамбы Нью-Йорку пел.

— Ничего себе повезло! — вопит Рокки. — Переехать в Нью-Йорк! Покинуть загородный дом, променять его на душную, зловонную, раскаленную дыру, именуемую квартирой, жить в этом Богом проклятом городе, в этом гнойнике, в геенне огненной! Смешаться со всей этой публикой, для которой жизнь — это нечто вроде виттовой пляски. Из

вечера в вечер якшаться с теми, для кого самое большое удовольствие — драть глотку и пить за семерых. Нет, Берти, я Нью-Йорк терпеть не могу. Я бы сюда ни ногой, да вот с издателями приходится встречаться. На этом городе порча, у него белая горячка. Нет, это невозможно! Находиться здесь больше чем один день?! Да я при одной мысли об этом просто заболеваю. А ты говоришь, повезло!

Наверное, я испытывал то же, что приятели старикана Лота, которые зашли к нему потрепаться, а радушный хозяин вдруг пустился обличать пороки Содомы и Гоморры. Я и не подозревал в Рокки такого красноречия.

— Жизнь в Нью-Йорке меня убьет, — говорит он. — Дышать одним воздухом с шестью миллионами двуногих! Ходить весь день в пиджаке и в твердых воротничках! Все время... — Он запнулся и выпучил глаза. — Боже правый! Ведь каждый вечер придется переодеваться к обеду. Какой ужас!

Я был шокирован.

— Ну, знаешь, мой милый! — произнес я с укоризной.

— Берти, неужели ты каждый вечер переодеваешься к обеду?

— Дживс, — тон у меня был ледяной, — сколько у нас вечерних костюмов?

— У нас три фрака, сэр, два смокинга.

— Три.

— На самом деле только два, сэр. Третий, если вы помните, мы больше не носим. А также семь белых жилетов.

— А рубашек?

— Четыре дюжины, сэр.

— А белых галстуков?

— Два верхних мелких ящика в комоде заняты белыми галстуками, сэр.

— Вот видишь! — говорю я Рокки.

— А я не буду! Ни за что и никогда! — Рокки затрясся, как электрический вентилятор. — Не буду! Лучше сразу повеситься! Не могу я так одеваться. Неужели тебе непонятно? Да я весь день до пяти из пижамы не вылезаю, а потом просто напяливаю старый свитер.

Дживса при этих словах всего передернуло, беднягу. Подобные откровения оскорбляют его в лучших чувствах.

— Ну и что ты намерен делать? — сказал я.

— Что делать? В том-то и штука — не знаю.

— Можно написать тете и все ей объяснить.

— Можно-то можно... Только она в два счета помчится к своему

поверенному и лишит меня наследства.

Да, пожалуй, он прав.

— Что вы посоветуете, Дживс? — спросил я. Дживс почтительно кашлянул.

— По-видимому, суть дела состоит в следующем: мистеру Тодду в качестве необходимого условия для получения им денег вменяется в обязанность писать мисс Рокметеллер длинные и подробные письма и сообщать обо всех своих действиях, причем если мистер Тодд решительно отказывается, как он уже упомянул, покидать Лонг-Айленд, то единственный способ выполнить требования мисс Рокметеллер заключается в том, чтобы мистер Тодд привлек некое вспомогательное лицо, дабы с его помощью получать в форме обстоятельных отчетов подлинные впечатления, описание которых желает иметь мисс Рокметеллер, а затем на основании упомянутых отчетов сочинять соответствующие письма, оживляя их игрой воображения.

Произнеся все это, Дживс перевел дух и умолк. Рокки беспомощно посмотрел на меня. Конечно, с непривычки трудно угнаться за мыслью Дживса, я-то с ним пуд соли съел.

— Берти, дружище, он может говорить понятнее? — взмолился Рокки. — Сначала я что-то улавливал, но потом потерял нить. В чем тут смысл?

— Рокки, старина, все очень просто. Я знал, что на Дживса можно положиться. Тебе надо только найти кого-то, кто бы слонялся по городу вместо тебя и все записывал, а ты потом переработашь эти заметки в письма. Дживс, я правильно излагаю?

— В высшей степени, сэр.

Глаза Рокки засветились надеждой. Он с изумлением посмотрел на Дживса, видимо, сраженный его необыкновенным умом.

— Да, но кто за это возьмется? — проговорил Рокки. — Тут нужен толковый малый, и к тому же наблюдательный.

— Дживс! — воскликнул я. — Пусть этим займется Дживс.

— А он согласится?

— Дживс, вы согласитесь?

Тут я впервые за все время нашего близкого знакомства заметил на лице Дживса выражение, которое с некоторой натяжкой можно было принять за улыбку. Уголки рта чуть-чуть оттянулись, в глазах промелькнул живой блеск. Обычно-то у него взгляд задумчивый, как у рыбы.

— Буду рад, сэр. На самом деле как-то в свободный вечер я уже посетил несколько любопытных мест и с большим удовольствием ввел бы

такое времяпрепровождение в обиход.

— Прелестно! Рокки, я точно знаю, о чем твоя тетушка хочет услышать. О кабаре! Мели ей всякий вздор на эту тему, она и уши развесит. Поэтому в первую очередь, Дживс, ступайте к Рейгелхаймеру. Это на Сорок второй улице. Любой покажет.

Дживс покачал головой:

— Простите, сэр, но к Рейгелхаймеру никто уже не ходит. Теперь самое модное кабаре «Повеселимся на крыше».

— Видишь? — сказал я Рокки. — На Дживса можно положиться. Он знает все.

Нечасто случается, чтобы и ты сам, и те, кто тебя окружает, были довольны и счастливы, но наша маленькая компания являла собой наглядный пример такой идиллии. Мы не могли нарадоваться. С самого начала все у нас шло как по маслу.

Дживс смотрел именинником: ведь его хлебом не корми, только дай возможность пошевелить своими несравненными мозгами, кроме того, он прекрасно проводил время и развлекался напропалую. Однажды вечером я видел его в «Ночной пирушке». Он посиживал за столиком прямо у танцевальной площадки и с явным удовольствием дымил толстенной сигарой. Лицо его выражало сдержанную благожелательность. Он что-то записывал в маленький блокнот.

Что касается нас двоих, то мне было весьма приятно оказать услугу старине Рокки, которого я искренне любил. А Рокки ликовал потому, что мог сидеть себе в пижаме сколько влезет и созерцать червяков. Тетушка тоже была на седьмом небе. Насмотрелась наконец на свой вождеденный Бродвей, правда, чужими глазами, но это, кажется, ее вполне устраивало. Я читал одно из ее писем, адресованных Рокки. Оно было исполнено восторгов.

Но и Рокки, надо отдать ему должное, сочинял по Дживсовым шпаргалкам такие письма, что и мертвого поднимут. Читать их просто умора. Вот как я, например, — заметьте, я обожаю ту самую жизнь, которая нагоняет на Рокки смертную тоску, — пишу своему приятелю в Лондон:

«Любезный Фредди, вот я и в Нью-Йорке. Недурственное местечко. Время провожу тоже недурственно. И вообще все, вроде, вполне недурственно. Кабаре тут весьма и весьма недурственные. Когда вернусь, не знаю. Как там все наши?

Привет. Твой *Берти*.

Р. S. Давно ли видел старину Теда?»

Честно говоря, Тед нужен мне, как щуке зонтик, просто надо же было хоть строчку черкнуть на второй странице. А вот как пишет старина Рокки:

«Дражайшая тетушка Изабель, не в силах выразить, как я вам признателен за то, что вы дали мне счастливую возможность пожить в этом изумительном городе. Каждый день я открываю в нем новое очарование.

Пятой авеню, конечно, нет равных, особенно в эту пору. Одеваются здесь превосходно».

Далее следует целый трактат о нарядах. Вот уж не думал, что Дживс такой знаток в этой области.

«Как-то вечером прошвырнулись в «Ночную пирушку». Смотрели представление, потом поужинали в одном ресторане на Сорок третьей улице. Повеселились на славу. Среди ночи завалился Джордж Коуэн и отмочил анекдот об Уилли Коллире. Заглянул на минутку Фред Стоун, а Даг Фэрбенкс такие шутки выделявал, что мы просто со смеху умирали. Эд Винн тоже был, а Лоретта Тейлор заявила с целой компанией. Представление в «Пирушке» дают классное. Прикладываю программку.

А вчера завалились в «Повеселимся на крыше»...»

Ну и так далее до бесконечности. Ничего удивительного, художественная натура и все такое. В смысле, тому, кто сочиняет стихи и прочий вздор, настроичить эдакое занимательное письмишко пара пустяков, не то что мне. Как бы то ни было, сочинения Рокки, несомненно, разили не в бровь, а в глаз.

Я позвал Дживса и поздравил его:

— Дживс, вам нет равных!

— Благодарю вас, сэр.

— И как это вы все там подмечаете, я просто потрясен. А мне вот совсем нечего сказать. Ну был, ну повеселился, вот и все.

— Привычка, сэр.

— По-моему, письма мистера Тодда должны произвести на мисс Рокметеллер сильное впечатление. А?

— Вне всякого сомнения, сэр, — подтвердил Дживс.

И они таки, черт их подери, произвели впечатление. Да еще какое! Представляете, сижу я как-то дома после ленча — а прошло уже около месяца с тех пор, как Рокки заварил всю эту кашу, — курю сигарету, бью баклуши, вдруг дверь отворяется и, как гром среди ясного неба, раздается голос Дживса.

Не то чтобы он заорал, нет. У него вообще голос такой тихий, убаюкивающий, будто овца вдалеке блеет.

Но когда я услышал, что он сказал, я подпрыгнул, точно пугливая газель.

— Мисс Рокметеллер!

И вот вваливается высокая, дородная особа женского пола. Я был сражен наповал. Не стану этого отрицать. Вроде Гамлета, когда перед ним замаячил дух его отца. Я же твердо знал, что тетя моего друга Рокки сиднем сидит у себя дома, не может она оказаться здесь, в Нью-Йорке. Исключено!

Таращусь на нее, потом на Дживса. А он стоит себе, и вид у него эдакий величественно-отрешенный. Болван! Нет чтобы сплотить ряды и помочь молодому хозяину!

Тетя моего друга Рокки меньше всего походила на тяжелобольную, поспорить с ней в этом смысле могла бы, пожалуй, только моя тетя Агата. Кстати, я обнаружил между ними много сходства.

С первого взгляда было видно, что мисс Рокметеллер такая особа, которой лучше не вешать лапшу на уши, ибо гнев ее может быть страшен. А внутренний голос говорил мне, что если наша затея выйдет наружу, то мисс Рокметеллер наверняка сочтет, что ей повесили лапшу на уши.

— Добрый день, — выдавил я.

— Добрый, — говорит она. — Мистер Коуэн?

— Э-э... нет.

— Мистер Фред Стоун?

— Не совсем... Вообще-то мое имя — Вустер... Берти Вустер.

По-моему, мисс Рокметеллер была разочарована. Кажется, славная старинная фамилия Вустеров не произвела на нее никакого впечатления.

— Где Рокметеллер? — спрашивает она. — Его нет дома? Убила наповал. Что ей отвечать, ума не приложу. Не скажешь ведь, что он сидит на пленэре, червей разглядывает.

И тут я слышу краем уха легчайший звук, скорее как бы даже намек на звук. Почтительное покашливание, которым Дживс обычно возвещает, что он хотел бы вмешаться в разговор.

— Возможно, вы запомнили, сэр, но мистер Тодд еще утром отправился с друзьями на автомобильную прогулку.

— Ах да, да, конечно, Дживс, конечно, — говорю я и смотрю на часы. — Он не сказал, когда вернется?

— Он дал понять, сэр, что будет довольно поздно. Дживс испарился. Не дожидаясь, когда я опомнюсь и предложу ей сесть, тетя Рокки расположилась в кресле и как-то странно на меня посмотрела. Я бы сказал, с отвращением. Как на замусоленную кость, которую собака притащила в дом, намереваясь на досуге хорошенько тут ее припрятать. Моя английская тетя Агата тоже, бывало, таким взглядом смерит, что у меня мурашки по спине забегают.

— Молодой человек, по-моему, вы чувствуете себя здесь как дома. Вы что, близкий друг Рокметеллера?

— О да, весьма!

Она нахмурилась, будто старина Рокки обманул ее ожидания.

— То-то я смотрю, вы хозяйничаете в его квартире. Честно говоря, не ожидал такого реприманда, прямо дар речи потерял. Мне хотелось предстать в роли гостеприимного хозяина, а со мной обходятся как с незванным гостем. Я был крайне уязвлен. Заметьте, ведь она говорила со мной так, будто ей и в голову не пришло расценить мое присутствие в этом доме как обычный светский визит. Очевидно, она принимает меня то ли за взломщика, то ли за водопроводчика которого вызвали для того, чтобы заменить кран в ванной. Моя персона явно ее раздражала.

В тот момент, когда надежда завязать непринужденную беседу стала выказывать все признаки скорой предсмертной агонии, меня осенило. Чай!

Доброе, старое, испытанное средство!

— Не желаете ли чашечку чаю?

— Чаю? — произнесла она так, будто никогда в жизни о таком напитке и слыхом не слыхивала.

— Чашечка чаю с дороги — самое милое дело, — говорю я. — Бодрит что надо! Встряхивает просто класс! В смысле восстановления сил, ну и все прочее, знаете ли. Пойду скажу Дживсу.

И я бочком-бочком выскользнул из гостиной и устремился в обитель Дживса. А он сидит себе, почитывает вечернюю газету и в ус не дует.

— Дживс, мы хотим чаю.

— Слушаю, сэр.

— Дживс, по-моему, это уж чересчур. А?

Я искал сочувствия, понимаете, сочувствия и сердечной доброты. Моя бедная нервная система подверглась такому кошмарному потрясению.

— Мисс Рокметеллер вообразила, что квартира принадлежит мистеру Тодду. На каком таком основании, спрашивается?

Храня на лице выражение сдержанного достоинства, Дживс наполнил чайник водой.

— Безусловно, на основании писем мистера Тодда, сэр, — произнес он. — По моему предложению, если вы помните, на письмах указывался ваш адрес, чтобы создать впечатление, что мистер Тодд имеет квартиру в центре города.

Я вспомнил. Тогда нам казалось, что мы придумали очень ловкий ход.

— Ну, знаете, Дживс, это ни на что не похоже, черт подери! Она считает, что я нахлебник! Околачиваюсь тут,ставляю мистера Тодда на дармовую еду и клянчу у него рубашки.

— Весьма вероятно, сэр.

— Это же просто отвратительно, знаете ли.

— Крайне огорчен, сэр.

— И вот еще что. Как быть с мистером Тоддом? Необходимо как можно скорее его вызвать. Принесите чай и пойдите дайте ему телеграмму, пусть мчится сюда первым же поездом.

— Я уже это сделал, сэр. Взял на себя смелость написать мистеру Тодду. Письмо отправил с посыльным.

— Черт побери, Дживс, оказывается, у вас все схвачено!

— Благодарю вас, сэр. К чаю подать тосты с маслом? Вот именно, сэр. Благодарю вас.

Я вернулся в гостиную. Мисс Рокметеллер застыла в той позе, в какой я ее оставил. Сидит на краешке стула, выпрямив спину, точно аршин проглотила; зонтик зажат в руке наподобие метательного снаряда. Снова окинула меня этим своим леденящим взглядом. Сомнений быть не могло — она меня почему-то невзлюбила. Наверное, потому, что я не Джордж М. Коуэн. По-моему, это уж чересчур.

— Однако какая приятная неожиданность! Не правда ли? — сказал я, нарушив гробовое молчание, длившееся никак не менее пяти минут, в надежде завязать хоть какой-то разговор.

— Неожиданность?!

— Ну да. Ваш приезд в Нью-Йорк, знаете ли, ну и все такое.

Мисс Рокметеллер подняла брови и сквозь очки кинула на меня цепкий взгляд.

— Что тут неожиданного? Разве я не могу навестить единственного племянника? — сказала она.

— Ну конечно! Конечно! Непременно! Я хотел сказать...

Тут в гостиной возник Дживс с чаем. Я пришел в неописуемый восторг. Когда не знаешь, что сказать, самое лучшее — занять себя каким-нибудь делом. Я принялся суетиться вокруг чайника и почувствовал себя почти счастливым.

— Чай, чай, чай! Вот и чай! Вот он, чай! — приговаривал я. Вообще-то я собирался сказать совсем не то. И держаться намерен был гораздо более сухо и официально, ну и все такое. Тем не менее дело пошло на лад. Я налил ей чаю. Она чуть-чуть отхлебнула и, передернувшись, поставила чашку.

— Молодой человек, неужели вы вообразили, что я буду пить это пойло? — осведомилась она ледяным тоном.

— О да! Встряхивает, знаете ли, просто классно.

— Что значит «классно встряхивать»?

— Это значит, что человек взбодрится и ловит кайф, ну, то есть кайфует.

— Не поняла ни слова из того, что вы тут наговорили. Послушайте, вы англичанин?

Я постарался рассеять ее сомнения. В ответ — ни слова. Уж лучше бы она тараторила без умолку, чем так молчать. В общем, я твердо уяснил, что англичане ей не по душе. И возникни у нее крайняя нужда общаться с англичанином, я последний, кого она выбрала бы для этой цели.

Итак, наша беседа снова иссякла. Но я не оставлял усилий, хотя с каждой минутой убеждался, как трудно поддерживать непринужденный светский разговор, особенно если ваш партнер цедит слова в час по чайной ложке.

— Удобно ли вы устроились в гостинице? — вежливо осведомился я.

— В какой гостинице?

— Ну в той, где вы остановились.

— Не собираюсь останавливаться в гостинице.

— Значит, у друзей?.. Да?

— Естественно, я поселюсь здесь, у племянника.

Я остолбенел, до меня сначала даже не дошло, о чем она говорит.

— Как! Здесь?! — с трудом выдавил я.

— Разумеется. А где же еще?

Меня точно волной окатило — я живо представил себе весь ужас моего положения. Я не знал, как поступить. Сказать, что квартира принадлежит мне, значит с головой выдать Рокки. Ведь тетка начнет расспрашивать, где он живет, и бедолага пропал на корню. Я еще не успел оправиться от потрясения, а она говорит:

— Будьте столь любезны, скажите слуге моего племянника, чтобы он приготовил мне комнату. Я хочу прилечь.

— Слуге вашего племянника?

— Ну да, тому, которого вы называете Дживсом. Раз Рокметеллер отправился на автомобильную прогулку, вам нет нужды его ждать. Уверена, что, когда он вернется, ему захочется побыть со мной без посторонних.

Нет, это выше моих сил! Не помню, как выбрался из гостиной и оказался в прибежище Дживса.

— Дживс! — еле выговорил я.

— Сэр?

— Дживс, приготовьте для меня бренди с содовой. Силы мои на исходе.

— Слушаю, сэр.

— Дживс, чем дальше, тем хуже.

— Сэр?

— Она считает, что вы слуга мистера Тодда. Что и квартира и все вообще тоже принадлежит ему. Вам ничего не остается, как поддерживать ее в этом убеждении. Мы должны молчать, иначе она обо всем догадается. А я не хочу подводить мистера Тодда. Кстати, Дживс, она желает, чтобы вы приготовили ей постель.

Дживс был оскорблен в лучших чувствах.

— Едва ли это уместно, сэр...

— Знаю... знаю. Однако прошу вас сделать это из личного расположения ко мне. Если уж на то пошло, едва ли уместно уезжать из собственной квартиры в гостиницу. Что?

— Вы хотите переехать в гостиницу, сэр? А как же ваш гардероб? Что вы будете надевать?

— Господи Боже мой! Я об этом не подумал. Вы могли бы тайком от мисс Рокметеллер сложить кое-что из одежды в чемодан и привезти его мне в «Святую Аурелию»?

— Приложу все усилия, сэр.

— Ладно. Ну вот, кажется, и все. Когда мистер Тодд появится, скажите ему, где я нахожусь.

— Слушаю, сэр.

Я огляделся. Настала минута прощания. Мне сделалось грустно. Вспомнилась одна душещипательная история — там какого-то бедолагу выгоняют из уютного дома на улицу, на холод и снег.

— Прощайте, Дживс, — сказал я.

— Прощайте, сэр.
И я поплелся прочь.

А знаете, пожалуй, я склонен согласиться с разными там поэтами и философами, которые полагают, что если с человеком стряслась беда, он должен ужасно этому радоваться. Вообще, знаете ли, много всякого понаписано об очищении через страдание. Будто оно делает человека более терпимым и участливым. Ты начинаешь лучше понимать других людей с их горестями, если нечто подобное испытал на собственной шкуре.

Я стоял в своей унылой гостиничной спальне и тщился сам себе повязать белый галстук, как вдруг меня пронзила мысль о том, как много, должно быть, в мире несчастных, о которых некому позаботиться, потому что у них нет камердинера. Я всегда смотрел на Дживса как на нечто само собой разумеющееся. Но, ей-богу, если вдуматься хорошенько, сколько же молодых людей вынуждены сами гладить себе брюки, и никто не принесет им утреннего чаю, ну и все такое. Весьма глубокое суждение, знаете ли. В том смысле, что теперь я понимаю, на какие ужасные лишения обрекает людей бедность.

С горем пополам я оделся. Дживс, упаковывая чемодан, не забыл ни одной мелочи. Предусмотрел все до последней запонки. Тут уж меня, кажется, совсем развезло. Так невыносимо грустно сделалось. Помнится, кто-то здорово про это написал: вот, мол, прощальный привет от того, кого уже нет с нами.

Пообедал я где придется, потом смотрел какое-то представление. Ничто меня не радовало. Идти ужинать не хотелось, и я завалился спать. Не помню, чтобы когда-нибудь мне было так худо. Однажды поймал себя на том, что тихонько брожу по комнате, точно в доме покойник. Если бы было с кем словом перемолвиться, то я, наверное, говорил бы шепотом. И в самом деле, когда зазвонил телефон, я ответил глухим, замогильным голосом. На том конце провода решили, должно быть, что ошиблись номером. Рокки — а это оказался он — раз пять прокричал в трубку: «Алло, алло!» Бедный малый был явно не в себе.

— Берти! Это ты? О Господи, Берти, я пропал!

— Откуда ты говоришь?

— Из «Пирушки». Уже час, как заявились сюда, боюсь, всю ночь здесь проторчим. Тетушке Изабель я сказал, что пойду позвоню приятелю, приглашу его сюда. Она как приклеилась к стулу, так и сидит кайфует, на лице телячий восторг, вот это, мол, жизнь! Прямо сама не своя от счастья, а я вот-вот свихнусь.

— Старина, давай-ка выкладывай все по порядку, — говорю я.

— И выкладывать нечего. Смоюсь отсюда потихоньку, и прямо к реке, головой в воду, и конец. Берти, неужели ты каждый вечер терпишь такую пытку, да еще и радуешься? Уму непостижимо! Я прикрылся меню, хотел было вздремнуть минутку, но какое тут! Откуда ни возьмись целое стадо девиц с воздушными шарами. Вопят, руками машут. И еще два оркестра гремят, стараются друг дружку заглушить. Я разбит и телом и душой! Как хорошо, покойно мне было дома — валялся, покуривал трубку, а тут твоя телеграмма. Пришлось одеваться и целых две мили мчаться как угорелому к поезду. Чуть инфаркт не хватил. А потом ломал себе голову, придумывал, что наплести тетушке. В довершение всего вынужден был втиснуться в этот твой проклятый фрак.

Из моей груди вырвался стон отчаяния. Меня как обухом по головехватило — Рокки распоряжается моим гардеробом!

— От него же рожки да ножки останутся!

— Надеюсь, — злорадно сказал Рокки. Кажется, все эти передраги дурно повлияли на его характер. — Хоть отыграюсь на нем. Я из-за него совсем извелся. Он же мне мал, наверное, размера на три, в любой момент по швам полезет. Молю Бога, чтобы скорее, по крайней мере, хоть вздохну свободно. С половины восьмого не могу толком дух перевести. Спасибо хоть Дживс ухитрился, купил мне подходящие воротнички, а то бы я давно от удушья скончался. Можно сказать, жизнью рисковал, пока пуговица на воротнике не отлетела. Берти, это же сущий ад! Да еще тетя Изабель танцевать заставляет. А как же мне танцевать, если я здесь никого не знаю. Но даже если бы и знал кого из тутошних девиц, все равно не смог бы. В этих брюках, пропади они пропадом, я и хожу-то с трудом. Пришлось сказать тетушке, что подвернул ногу. Она мне покою не дает, все спрашивает, когда явятся Коуэн и Стоун. Боюсь, вот-вот обнаружится, что Стоун сидит через два столика от нас. Берти, надо что-то предпринять! Ты должен придумать, как расхлебать эту кашу. Ведь это ты ее заварил.

— Я? В каком смысле?

— Ну, не ты, так Дживс. Какая разница. Это же ты предложил довериться Дживсу. А всё эти письма, которые я сочинял по его шпаргалкам, это всё они виноваты. Видно, я с ними перестарался. Тетушка сама только что об этом говорила. Она, по ее словам, так и просидела бы до конца дней у себя дома. Но письма до такой степени ее потрясли, что она собралась с силами и прикатила сюда. Она считает, что с ней случилось чудо и она исцелилась. Берти, я больше не выдержу! Это конец!

— А Дживс не может что-нибудь придумать?

— Нет. Он ходит с потерянным видом и приговаривает: «Весьма огорчительно, сэр!». Хороша помощь!

— Послушай, старик, в конце концов мне еще хуже. Ты все-таки живешь в удобной квартире, и Дживс при тебе. А потом, ты же экономишь кучу денег.

— Какие деньги? В каком смысле «экономлю»?

— Ну как же, а содержание, которое тетушка тебе отстегивает? Полагаю, все расходы она берет на себя, разве нет?

— Конечно, берет. Но содержания больше не выдает. Сегодня написала поверенным. Говорит, раз она сама теперь в Нью-Йорке, то в этом нет необходимости, мы же везде будем ходить вместе, и ей проще самой платить по счетам. Послушай, Берти, не будем лукавить, в этой навозной куче — а я ее чуть ли не под микроскопом рассмотрел — нет жемчужного зерна.

— Но, Рокки, дружище, это уж слишком, черт побери! Ты и не представляешь, каково мне приходится в этой мерзкой гостинице, да еще и без Дживса. Я должен вернуться в квартиру.

— Даже не думай!

— Но это же моя квартира!

— Ничего не поделаешь. Тетя Изабель тебя терпеть не может. Она спрашивала, чем ты зарабатываешь на жизнь, и когда я сказал, что ты ничего не делаешь, она заявила, что так и думала и что ты типичный представитель никчемной вырождающейся аристократии. Поэтому если ты думаешь, что имел у нее успех, то глубоко ошибаешься. Ладно, мне пора, не то она пойдет меня искать. Прощай!

На следующее утро ко мне заглянул Дживс. Бесшумно вплыл в комнату, совсем как дома, я чуть слезу не пустил.

— Доброе утро, сэр, — сказал он. — Я тут принес кое-что из ваших вещей.

И он начал расстегивать ремни на чемодане, который принес с собой.

— Наверное, нелегко было все это стянуть?

— Нелегко, сэр. Пришлось ждать удобного случая. Мисс Рокметеллер на редкость бдительная леди.

— Знаете, Дживс, как ни говори, а дело зашло слишком далеко.

— Положение в настоящее время таково, что могу определенно утверждать — ни с чем подобным мне прежде не приходилось сталкиваться, сэр. Я принес твидовый костюм, как того требуют погодные условия. Завтра, если ничего не помешает, постараюсь доставить пиджачную пару, коричневую в блекло-зеленую крапинку.

— Я больше не в состоянии выносить... все это, Дживс.
— Мы должны надеяться на лучшее, сэр.
— Может, все-таки вы что-нибудь придумаете?
— Я чрезвычайно много думал о создавшемся положении, сэр, но пока без особого успеха. Кладу три шелковые рубашки — темно-серую с синим отливом, светло-синюю и светло-лиловую — в нижний ящик, сэр.
— Неужели вы совсем ничего не можете придумать, Дживс?
— На данный момент ничего, сэр. Дюжина носовых платков и носки цвета загара будут лежать в левом верхнем ящике.
Он застегнул ремни на чемодане и поставил его на стул.
— Мисс Рокметеллер весьма занятная леди, сэр.
— Не то слово.
Дживс задумчиво посмотрел в окно.
— Мисс Рокметеллер, сэр, во многих отношениях напоминает мне мою тетку, которая проживает в Лондоне, в юго-восточной его части. Характеры у них в высшей степени сходные. Моя тетка тоже обожает всяческие столичные увеселения. У нее, например, пристрастие к прогулкам в пролетке. Глаз с нее нельзя спустить — тотчас наутек и целый день катается. До того доходит, что, случается, даже запускает руку в детские сбережения, только чтобы доставить себе удовольствие.
— Право, я не прочь поболтать с вами о ваших тетках, Дживс, — сказал я ледяным тоном. Мне казалось, что он меня подвел, да и вообще я был сыт им по горло. — Однако не вижу, какое отношение они имеют к моим неприятностям.
— Прошу прощения, сэр. Оставляю на каминной полке несколько наших галстуков, сэр, с тем чтобы вы могли выбрать по своему вкусу, сэр. Я бы посоветовал синий в красный ромбик, сэр.
С этими словами он поплыл к дверям и бесшумно скользнул прочь.

Часто слышишь, что люди, которые попали в хорошую передрыгу или просто потерпели урон, сначала пребывают как бы в трансе, туго соображая, что к чему, потом вдруг соберут силенки, очухаются и с головой окунутся в новую жизнь. Время — самый лучший лекарь. Природа берет свое, ну и все прочее. Так оно и есть. Знаю, потому что сам день-два спустя после того, что можно назвать состоянием полной прострации, начал приходить в себя. Разумеется, я отнюдь не наслаждался своей теперешней жизнью, смешно даже об этом говорить перед лицом ужасного несчастья — потери Дживса, но тем не менее я вдруг обнаружил, что мало-помалу вновь начинаю вкушать мелкие житейские радости. Иными

словами, я взбодрился до такой степени, что стал навещать в кабаре, где мог хоть ненадолго забыть о своих злоключениях.

Нью-Йорк — тесный городишко, если говорить о той его части, которая только пробуждается, тогда как все остальные отходят ко сну, и вскоре наши со стариной Рокки пути начали пересекаться. Однажды я увидел его у «Пила», потом в «Повеселимся». Всякий раз с ним не было никого, кроме тетки, и хотя Рокки старательно делал вид, что совершенно счастлив, уж кто-кто, а я, зная все обстоятельства дела, понимал, как он, бедолага, мучается. Сердце у меня обливалось кровью. Вообще-то, когда я думал о себе, оно обливалось еще больше, но на долю Рокки тоже хватало. Выглядел несчастный так, что казалось, еще немного, и он отдаст концы. Тетке, по-моему, тоже было слегка не по себе. Видимо, она начала удивляться, почему до сих пор ни разу не нахлынули разные знаменитости, не разыграл дух бесшабашного веселья, которым были проникнуты послания племянника. И я ее понимаю. Сам я прочел всего пару писем, но у меня сложилось впечатление, что вся жизнь ночного Нью-Йорка вращается вокруг Рокки и что если, например, он не появился в кабаре, то представление тут же отменяется.

В следующие два дня я их не встречал, однако, когда вечером третьего дня сидел в «Maison Pierre», кто-то хлопнул меня по плечу. Смотрю — Рокки, во взоре тоска, и вид такой, будто его удар хватил. Удивляюсь, как этот увалень умудряется напяливать мой фрак и при этом не порвать его по швам, загадка, да и только. Позже он признался, что сразу же разрезал жилет на спине, чем весьма облегчил себе жизнь.

Сначала я подумал было, что в этот вечер Рокки удалось улизнуть от тетки, но потом увидел, что она тоже здесь. Сидит за столиком у стены и смотрит в мою сторону так, точно собирается устроить метрдотелю сцену за то, что пускают сюда невесть кого.

— Берти, старина, — говорит Рокки, и голос у него срывается, — мы с тобой всегда были друзьями, правда? В смысле, ты знаешь, я на все готов, если ты попросишь.

— Рокки, старый добрый дружище, — говорю я. Право, он меня растрогал.

— Тогда, ради всего святого, посиди до конца вечера за нашим столиком.

Ну, знаете, дружба, конечно, дело святое, но всему есть предел.

— Послушай, мой дорогой, — говорю ему, — я готов на все в разумных пределах. Однако...

— Берти, ты должен. Ты просто обязан. Надо что-нибудь придумать,

как-то ее развлечь. Понимаешь, она чем-то озабочена. Уже два дня в таком состоянии. По-моему, она что-то заподозрила. Наверное, не может понять, почему я не встречаю никого из своих приятелей. На днях столкнулся с двумя газетчиками, с которыми когда-то был хорошо знаком. Благодаря им удалось какое-то время продержаться. Представил их тете Изабель как Дэвида Беласко и Джима Корбетта, — ничего, сошло. Но теперь — конец, они себя исчерпали, и тетушка снова в недоумении. Что-то надо делать, не то все выйдет наружу. Тогда я ни цента от нее не увижу, готов поспорить на что угодно. Ради Бога, Берти, пойдем к нашему столику, поможешь мне.

И я пошел. Когда друг в беде, надо уметь сплотиться. Тетя Изабель сидела, по своему обыкновению, очень прямо. Мне показалось, что она отчасти утратила тот азарт, с которым пустилась исследовать Бродвей. Вид у нее был такой, будто тягостные мысли не дают ей покоя.

— Тетушка Изабель, вы знакомы с Берти Вустером? — говорит Рокки.

— Знакома.

— Садись, Берти, — говорит Рокки.

Так и началась эта веселенькая вечеринка. Одна из тех радостных, беззаботных вечеринок, когда сидишь, крошишь хлеб и семь раз откашлиешься, прежде чем слово вымолвить, а потом решишь, что лучше вообще рта не открывать. Повеселились мы так с часок, и вдруг тетушка Изабель заявляет, что хочет ехать домой. Я усмотрел в этом зловещий знак, особенно в свете того, что говорил мне Рокки. Ведь ее, бывало, калачом из кабаре не выманишь.

Рокки тоже встревожился и кинул на меня умоляющий взгляд.

— Ты поедешь с нами, Берти, пропустим по рюмочке?

Я чувствовал, что это предложение выходит за рамки договора, но делать нечего. Бросить беднягу одного с этой дамой просто бесчеловечно. Пришлось согласиться.

Как только мы вышли и сели в такси, у меня возникло ощущение стремительно надвигающейся развязки. В углу, где сидела тетушка, царило гробовое молчание, и хотя Рокки, беспокойно ерзавший на маленьком откидном сиденье впереди, из кожи вон лез, стараясь поддержать беседу, компанию нашу трудновато было бы отнести к разряду болтливых.

Когда мы вошли в квартиру, я мельком увидел Дживса, сидевшего в своей келье, и мне захотелось его позвать, дабы сплотить ряды. Что-то мне подсказывало, что он вот-вот нам понадобится.

Горячительное стояло на столе в гостиной. Рокки взял графин.

— Скажи, когда хватит, Берти.

— Стой! — рывкнула тетушка. Рокки выронил графин.

Я поймал его взгляд, когда он нагнулся, чтобы собрать осколки. Это был взгляд человека, который понимает, что все кончено.

— Оставь осколки в покое, Рокметеллер! — скомандовала тетя Изабель.

Рокки повиновался.

— Пришло время поговорить, — сказала она. — Не могу сидеть сложа руки и смотреть, как молодой человек губит себя!

Бедняга Рокки издал какой-то булькающий звук, вроде того, с каким вытекал из графина виски.

— Э-э? — произнес он, хлопая глазами.

— Это моя вина, — продолжала тетя Изабель. — Тогда я еще не обратилась к свету истины. Но теперь у меня глаза открылись. Я поняла, какую ужасную ошибку совершила. Содрогаюсь при мысли, какой вред я нанесла тебе, Рокметеллер, когда требовала, чтобы ты приобщился к безнравственной жизни этого страшного города.

Вижу, Рокки ошупью тянется к столу, касается его пальцами, и на лице у него выражается облегчение. Мне были понятны его чувства.

— Рокметеллер, когда я писала письмо, в котором понукала тебя ехать в Нью-Йорк, я еще не имела чести слышать мистера Манди.

— Джимми Манди! — воскликнул я.

Знаете, как иногда бывает, все, кажется, безнадежно перепуталось, и вдруг вам удастся ухватить ниточку. Когда мисс Рокметеллер упомянула о Джимми Манди, я начал более или менее понимать, что происходит. Мне уже приходилось сталкиваться с чем-то подобным. Помню, в Англии мой камердинер, предшественник Дживса, вернувшись однажды с какого-то собрания, объявил во всеуслышание перед компанией моих друзей, которые собрались у меня на ужин, что я обуза для общества.

Тетушка окинула меня испепеляющим взглядом.

— Вот именно, Джимми Манди, — изрекла она. — Удивлена, что такой человек, как вы, слышал о нем. На лекциях мистера Манди нет ни музыки, ни подвыпивших мужчин, ни танцев, ни бесстыдных женщин, выставляющих себя напоказ. Для вас его лекции интереса не представляют. Они обращены к тем, кто еще не совсем погряз во грехе. Мистер Манди приехал, дабы спасти Нью-Йорк от Нью-Йорка, по собственному выражению этого замечательного человека, «вымести порок вон поганой метлой». Рокметеллер, впервые я услышала мистера Манди три дня назад. На его лекцию меня привела чистая случайность. Как часто в нашей жизни простой случай может предопределить наше будущее!

Тебя вызвали по телефону к мистеру Беласко, и поэтому ты не мог

повезти меня на ипподром, как мы договаривались. Я попросила твоего камердинера Дживса отвезти меня туда. Но он оказался ужасным тупицей. Вероятно, он меня не понял. Теперь я благодарю Бога за это. Как я позже узнала, он привез меня на Мэдисон-Сквер-Гарден, где мистер Манди читал лекцию. Твой камердинер усадил меня и исчез. Я догадалась, что произошла ошибка, но лекция уже началась. Сидела я в середине ряда. Чтобы выйти, мне пришлось бы побеспокоить множество людей. Пришлось остаться.

Она судорожно сглотнула.

— Рокметеллер, я никогда ни к кому не испытывала столь горячей признательности, как к мистеру Манди. Он изумителен! Он подобен библейскому пророку, бичующему людские грехи. В порыве вдохновения он впадал в такое неистовство, что я испугалась за него. Порой он прибегал к несколько необычным выражениям, но в каждом его слове звучало суровое осуждение порока. Он показал мне Нью-Йорк в его истинном свете. Он открыл мне глаза, как, оказывается, суетно и безнравственно сидеть в этих раззолоченных притонах зла и лакомиться крабами и прочими деликатесами, когда порядочным людям давно пора спать.

Он сказал, что танго и фокстрот — это изобретение дьявола, толкающее людей прямо в преисподнюю. Что послушать негритянский джаз хотя бы минут десять — это уже большой грех, это все равно что участвовать в диких оргиях, которыми славились Ниневия и Вавилон. А когда мистер Манди воскликнул: «Это к вам относится!» — и указал прямо на меня, я чуть сквозь землю не провалилась. С его лекции я ушла совсем другим человеком. Рокметеллер, ты, должно быть, заметил, как я переменилась! Я уже не та беззаботная, легкомысленная особа, которая толкала тебя в эти гнездилища зла!

Рокки как вцепился в стол, так и держался за него, как черт за грешную душу.

— Да, я... я думал, вам немного не по себе, — заикаясь проговорил Рокки.

— Не по себе? Как раз напротив. Со мной все в порядке. Послушай, Рокметеллер, ты тоже можешь спастись, еще не поздно. Ты только пригубил чашу зла. Но не испил ее до дна. Поначалу будет трудно, но, поверь мне, ты осилишь, если смело ополчишься против соблазнов и обольщений этого ужасного города. Рокметеллер, ведь ты постараться ради меня, правда? Ты завтра же покинешь этот город и начнешь бороться с собой. Мало-помалу, призвав на помощь всю свою волю...

Не могу избавиться от мысли, что именно слово «воля», подобно

трубному гласу, воодушевило старину Рокки. Должно быть, он допер наконец, что свершилось чудо, что тетушка Изабель вовсе не отторгает его от себя. Во всяком случае, когда она произнесла эти слова, он вострепнулся, отпустил стол и обратился к ней горящий взор.

— Тетушка Изабель, вы хотите, чтобы я уехал в деревню?

— Да.

— И жил там?

— Да, Рокметеллер.

— И никогда не приезжал в Нью-Йорк?

— Да, Рокметеллер. Именно этого я и хочу. Не вижу другого способа. Только там ты будешь свободен от искушений. Рокметеллер, совершишь ли ты этот поступок ради меня?

Рокки снова схватился за стол. Видимо, он черпал в этом предмете большую поддержку.

— Совершу! — возгласил он.

— Дживс, — сказал я. Дело было на следующий день, я уже вернулся в свою старую добрую квартиру и теперь сидел в старом добром кресле, задрал ноги на стол. Только что я проводил старину Рокки, который отбыл в свой загородный дом, проводив, в свою очередь, часом раньше тетушку Изабель, которая вернулась в свой родной городишко, где, наверное, слыла сущим наказанием Господним. Итак, мы наконец-то остались одни. — Дживс, нет на свете ничего лучше, как пребывать у себя дома. Что?

— Истинная правда, сэр.

— Под милой сенью родного крова, ну и все такое. Что?

— Совершенно верно, сэр. Я снова закурил.

— Дживс!

— Сэр?

— Знаете ли, в этой истории был момент, когда я подумал, что вы зашли в тупик.

— В самом деле, сэр?

— Как это вы додумались повести мисс Рокметеллер на лекцию? Мысль просто гениальная!

— Благодарю вас, сэр. Это случилось довольно неожиданно, однажды утром, когда я размышлял о моей тетушке, сэр.

— О вашей тетушке? Помешанной на пролетках?

— Совершенно верно, сэр. Я вспомнил, что, когда у нее разыгрывался очередной приступ этой мании, мы обычно посылали за священником нашего прихода. Мы не раз убеждались, что, как только он заговорит с ней

о высоких материях, она забывает про катание. Вот я и подумал, что подобный метод может оказаться эффективным и в случае с мисс Рокметеллер.

Находчивость этого малого просто ошеломила меня.

— Ума палата! — воскликнул я. — Здорово у вас котелок варит! Как вы этого добиваетесь? Наверное, поедаете пропасть рыбы или еще чего-нибудь. Скажите, Дживс, ведь вы поедаете пропасть рыбы?

— Нет, сэр.

— Ну, тогда это Божий дар, вот что я думаю. А уж коль его не дано, то нечего и суетиться.

— В высшей степени справедливо, сэр, — проговорил Дживс. — Если мне позволено будет высказать свои соображения, сэр, я бы больше не стал надевать этот галстук, сэр. Зеленый цвет придает вашему лицу немного желтушный вид. Если позволите, я бы настоятельно советовал сменить его на синий с красными ромбиками, сэр.

— Хорошо, Дживс, — смиренно сказал я. — Вам лучше знать.

ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ СО СТАРИНОЙ БИФФИ

Перевод И. Бернштейн.

— Дживс, — позвал я, восстав из ванны. — Сплотите ряды.

— Слушаю, сэр.

Я от всей души одарил его благосклонной улыбкой. В ту пору я на недельку-другую закатился в Париж, а там что-то такое разлито в воздухе, эдакая *joie de vivre*,^[91] которая переполняет сердце и настраивает на игривый лад.

— Выложите наш джентльменский костюм средней нарядности, подходящий для богемных пиршеств, — распорядился я. — Сегодня я обедаю с одним знакомым живописцем на том берегу Сены.

— Очень хорошо, сэр.

— Да, и если кто меня будет спрашивать, Дживс, скажите, что я объявлюсь ближе к тому часу, когда нисходит безмятежный сумрак.

— Слушаю, сэр. Пока вы принимали ванну, звонил мистер Биффен.

Удивительно, как за границей то и дело натыкаешься на знакомых, иной раз не видел однокашника тысячу лет и не чаял не гадал встретиться — и вдруг, нате пожалуйста! Где я меньше всего опасался наткнуться на старину Биффи, так это в Париже. Было время, мы с ним на пару предавались светской жизни, обедали, ужинали в одной компании чуть не каждую ночь напролет. Но где-то года полтора назад у него померла крестная и оставила ему в наследство имение в Хертфордшире, он туда переехал, стал носить гетры, якшаться с коровами и вообще являть собой деревенского сквайра и землевладельца. С тех пор мы почти не виделись.

— Старина Биффи в Париже?! Он-то что здесь делает?

— Он со мной не поделился, сэр, — ответил Дживс холодноватым, как мне показалось, тоном, будто бы даже слегка неприязненно, а ведь прежде они были вполне на дружеской ноге.

— Где он остановился?

— Отель «Авенида», рю дю Колизэ, сэр. Он сообщил, что намерен выйти прогуляться и заглянет сюда на исходе дня.

— Ладно, если меня еще не будет, скажете ему, чтобы подождал. А теперь, Дживс, ме ганс, мои шапо, и дорогу хозяину! Пока, пока!

День был бесподобный, времени у меня оставалось еще навалом, и я в конце концов у Сорбонны вылез из такси, решив остаток пути проделать пешком. Но не успел протопать и трех шагов, как вот тебе раз! Прямо передо мной на тротуаре — Биффи собственной персоной. Если бы мой последний шаг не повис в воздухе, я бы с разгона прямо в него уперся.

— Биффи! — воскликнул я. — Вот так так!

Он уставился на меня, мигнув выпученным глазом, — ну вылитая хертфордширская корова, получившая во время завтрака неожиданный тычок под ребро.

— Берти! — наконец взвыл он хриплым голосом. — Слава Богу! — Он вцепился в мой рукав. — Не оставляй меня! Я потерялся.

— Что значит — потерялся?

— Вышел пройтись, но мили через две понял, что не имею понятия, где нахожусь. Так с тех пор и хожу тут кругами, уж и не знаю, сколько часов.

— Почему же ты не спросил дорогу?

— Так я не знаю ни слова по-французски.

— Кликнул бы такси.

— Я обнаружил, что оставил все деньги в гостинице.

— Мог бы доехать до гостиницы, а потом сойти вниз и расплатиться.

— Верно. Но я еще вдруг обнаружил, что забыл, как она называется, будь она неладна.

Вот вам типичный Чарлз Эдвард Биффен во всей своей красе. Второго такого обормота и недотепы на свете не сыщешь. Видит Бог, — и тетя Агата не даст соврать — я и сам не ахти какой мудрец. Но в сравнении с Биффи я просто величайший мыслитель всех времен и народов.

— Я бы дал шиллинг, ей-богу, — говорит Биффи, — если бы мне кто сказал название этой чертовой гостиницы.

— Будешь должен мне. Отель «Авенида», рю дю Колизэ.

— Берти! Это потрясающе! Как ты узнал, разрази меня гром?

— Ты сам сегодня утром продиктовал этот адрес Дживсу.

— Точно! Я и забыл.

— Ладно, пошли. Выпьем по стаканчику, а потом я посажу тебя в такси и отправлю в гостиницу «Авенида». В обед я занят, но еще полно времени.

Мы забрели в одно из одиннадцати кафе, расположенных впритык друг к дружке на той улице, и я заказал две порции восстановительного.

— А что ты делаешь в Париже? — спросил я у Биффи.

— Берти, старина, — ответил он скорбно. — Я приехал сюда искать

забвения.

— По-моему, в этом ты добился успеха.

— Ты не понимаешь! Дело в том, старина, что мое сердце разбито. Сейчас я тебе все расскажу.

— Нет-нет! Не надо! Но было уже поздно.

— В прошлом году, — начал он, — я подался в Канаду на лососиную ловлю.

Я заказал еще по порции. Если уж слушать рыбацкие байки, необходимо взбодриться.

— На лайнере по пути в Нью-Йорк я познакомился с одной девушкой. — Биффи звучно глотнул, точно бульдог, который торопится заглотать одну половину котлеты, чтобы скорее схватить вторую. — Берти, старина. Я не могу тебе ее описать. Нечего даже и пытаться.

И то хоть слава Богу.

— Она была замечательная. Мы с ней прогуливались по палубе после ужина. Она театральный работник. Или вроде того.

— Что значит — вроде того?

— Ну, знаешь, натурщица, манекенщица, — в таком духе. Накопила несколько фунтов и отправилась искать работу в Новом Свете. Она мне все о себе рассказала. У ее отца молочная лавка в Клапеме. А может, в Криклвуде. Одно из двух, либо молочная лавка, либо обувной магазин, это я точно запомнил.

— Да, спутать немудрено.

— Просто я хочу, чтобы ты понял, что у нее хорошие, здоровые буржуазные корни. Ничего легкомысленного. Такой женой всякий мужчина может гордиться.

— И чья же она жена?

— Ничья — пока. Я хотел, чтобы стала моей, но потерял ее.

— Рассорились?

— Да нет же. Говорю тебе: потерял. В прямом смысле. Последний раз я видел ее на нью-йоркской таможне. Мы с ней стояли возле чемоданов, и я только-только успел спросить, не согласится ли она выйти за меня замуж, а она ответила, что да, она согласна, и все складывалось просто замечательно, но тут появился какой-то неприятный тип в форменной фуражке и стал приставать ко мне из-за сигарет, которые он нашел на дне моего чемодана, а я о них совершенно забыл и не внес в декларацию. Было уже довольно поздно, наш пароход пристал в одиннадцатом часу, и я сказал Мэйбл, чтобы она ехала к себе в гостиницу, а я за ней завтра заеду и отвезу ее куда-нибудь позавтракать. Но больше я ее так никогда и не видел.

— Значит, в гостинице ее не было?

— Она, может, и была. Но...

— Ты хочешь сказать, что сам туда не явился?

— Берти, старина, — мученическим тоном произнес Биффи, — Бога ради, не подсказывай мне, что я хочу сказать, а чего не хочу сказать. Дай мне все рассказать самому, иначе я запутаюсь, и придется начинать сначала.

— Ну уж нет. Валяй излагай сам, — согласился я поспешно.

— Так вот. В двух словах, Берти, — я забыл название гостиницы. Добрых полчаса объяснялся с таможенниками насчет сигарет, а когда освободился, в голове — хоть шаром покати. Помнилось мне вроде бы, что я это название на чем-то записал, но, по-видимому, это мне только казалось, ни на одной бумажке у меня в карманах его не было. Нет, безнадежное дело. Я ее потерял.

— Но почему же ты не навел справки?

— Понимаешь, Берти, беда в том, что я забыл, как ее зовут.

— Ну и ну! — Это уже был предел безмозглости, даже для Биффи. — Не может быть, чтобы ты забыл, как ее зовут. Да ты мне сам только что говорил: Мюриел или что-то наподобие того.

— Мэйбл, — холодно поправил Биффи. — А забыл я ее фамилию. И пришлось мне махнуть рукой и двинуть дальше в Канаду.

— Одну минутку, — сказал я. — Но ты-то должен же был назвать ей свою фамилию. А раз так, пусть ты и не мог ее найти, зато она могла найти тебя.

— Вот именно. Поэтому я и впал в отчаяние. Она знает мою фамилию, и адрес, и все остальное, но я не получил от нее ни полслова. Наверное, когда я не объявился в гостинице, она приняла это за тонкий намек, что, мол, я передумал и бью отбой.

— Пожалуй, — согласился я. Действительно, это было единственное подходящее объяснение. — Ну а раз так, остается только завить горе веревочкой и залить сердечные раны. Верно я говорю? Поехали поужинаем сегодня вместе, а потом закатимся в «Аббатство» или еще куда-нибудь.

Но Биффи покачал головой:

— Бесполезно. Я уже пробовал. Кроме того, я уезжаю четырехчасовым поездом. Завтра у меня ужин с одним человеком, который, кажется, вот-вот клюнет на мой хертфордширский дом.

— Вот как? Ты продаешь дом? Я думал, он тебе нравится.

— Нравился. Но теперь, как подумаю, что после всего опять останусь жить один в этом огромном пустом здании, — и меня просто оторопь

берет. Так что когда сэр Родерик Глоссоп выразил интерес...

— Сэр Родерик Глоссоп! Неужели тот самый, что лечит психов?

— Да, знаменитый специалист по нервным болезням. А ты что, знаком с ним?

Солнце жарило вовсю, но у меня похолодела спина.

— Я был пару недель помолвлен с его дочерью, — вполголоса ответил я. Вспоминая, как я тогда еле отделался, я обычно впадаю в состояние, близкое к обмороку.

— А у него есть дочь? — равнодушно переспросил Биффи.

— Есть. Сейчас я тебе все расскажу...

— Но только не в данную минуту, старина, — оборвал меня Биффи, вставая со стула. — Я должен вернуться в гостиницу и позаботиться об укладке чемоданов.

Что было, на мой взгляд, настоящим свинством с его стороны: я-то его вон как внимательно слушал. Чем дольше живу на свете, тем тверже убеждаюсь, что старый добрый дух товарищества «ты — мне, я — тебе» совершенно, можно сказать, вывелся в нашем кругу. Словом, я посадил его в такси и отправился обедать.

Прошло не больше десяти дней, когда я за утренним кофе с тостами испытал довольно малоприятное потрясение. Прибыли английские газеты, и Дживс, выходя из комнаты, оставил возле моей кровати свеженький номер «Тайме».

Я праздно переворачивал газетные листы в поисках спортивного раздела, и вдруг в глаза мне бросилась маленькая заметка под крупным заголовком:

«ПРЕДСТОЯЩИЕ БРАКОСОЧЕТАНИЯ

мистер Ч. Э. Биффен и мисс Глоссоп

Объявлена помолвка между Чарлзом Эдвардом Биффеном, сыном покойного м-ра Э. Ч. Биффена и миссис Биффен, прожив, по адресу: 11, Пенслоу-сквер, Мейфэр, и Гонорией Джейн Луизой, единственной дочерью сэра Родерика и леди Глоссоп, прож. по адресу: 6в, Харли-стрит, W».

— Черт! Вот это да! — вскричал я.

— Сэр? — обернулся с порога Дживс.

— Дживс, вы помните мисс Глоссоп?

— Весьма отчетливо, сэр.

— Она обручилась с мистером Биффеном!

— Вот как, сэр? — произнес Дживс и, не добавив больше ни слова, выскользнул за дверь.

Подобная невозмутимость с его стороны беспокоила и насторожила меня как довольно красноречивое свидетельство вопиющего бессердечия, чего я за ним до сих пор совершенно не замечал. Ведь Гонория Глоссоп как-никак была ему близко знакома.

Я еще раз перечитал записку. Она пробуждала во мне странные чувства. Не знаю, случалось ли вам читать в газете о помолвке вашего школьного друга с девушкой, на которой, еще бы один неосмотрительный шаг, и вы бы оказались бесповоротно женаты сами. Это дает вам ощущение, не знаю даже, как сказать, наверно, нечто в таком роде чувствует человек, который вышел с другом детства прогуляться по джунглям, а навстречу — тигрица, или ягуар, или еще какая-нибудь зверюга, он успел в последнюю секунду вскарабкаться на дерево, глядит вниз, а его друг мелькнул и пропал в чаще, зажатый в плотоядных челюстях хищника. Эдакое как бы молитвенное глубокое облегчение, если вы меня понимаете, смешанное в то же время с некоторой все-таки жалостью. То есть я хочу сказать, при всей радости, что мне удалось избежать женитьбы на Гонории, я искренне сожалел, что такой приличный малый, как Биффи, схлопотал подлянку. Я выпил чаю и задумался.

Конечно, есть на свете, я полагаю, такие парни — крепкие, нестигаемые ребята с каменными подбородками и горящим взором, — которым обручиться с этой язвой Глоссоп — раз плюнуть и даже, может быть, приятно. Но я отлично знал, что Биффи не из их числа. Дело в том, что Гонория — это такая здоровая, энергичная девица, мускулатура у нее, как у борца в полусреднем весе, а смех — будто кавалерийский эскадрон скачет по мосту, сколоченному из пустых жестянок. Встречаться с такой лицом к лицу через стол за завтраком — это же страшно подумать! Да еще башковитая. Эдакое нежное создание, которое измочалит вас в шестнадцати сетах в теннис и в нескольких кругах в гольф, а потом спускается к обеду свеженькая, как огурчик, и ждет, что вы поведете с ней интеллектуальный разговор о Фрейде. Еще бы неделя помолвки с нею, и у ее папаши-психиатра завелся бы новый пациент. А Биффи — личность тихая, безобидная, вроде меня. Словом, говорю вам, я был потрясен и обескуражен.

И особенно, как я уже сказал, меня потрясло гнусное равнодушие Дживса. В эту самую минуту он как раз опять неслышно просочился в спальню, и я дал ему еще один шанс проявить нормальные человеческие

чувства.

— Вы расслышали имена, которые я назвал, Дживс? — спросил я. — Мистер Биффен собирается жениться на Гонории Глоссоп, дочери старого господина с бровями и лысой головой.

— Да, сэр. Какой костюм приготовить вам на сегодня?

И это, заметьте, говорит человек, который в бытность мою помолвленным с означенной Глоссоп напрягал все фибры своего мозга, чтобы меня вызволить. Н*ет, убейте, ничего не понимаю.

— Синий в розовую полоску! — ответил я ему холодно. Пусть видит, как я горько в нем разочарован.

Спустя неделю или около того я возвратился в Лондон, и не успел расположиться на прежней квартире, как вдруг является Биффи. Одного взгляда на него мне было достаточно, чтобы понять: отравленная рана загноилась. Вид у Биффи был не блестящий, нет, далеко не блестящий. На лице застыло знакомое мне выражение, я сам, бывало, бреясь, наблюдал аналогичное в зеркале во времена своей недолгой помолвки с этой чертовой куклой Глоссоп. Однако, не желая нарушать принятые нормы общежития, я, со всей возможной для меня теплотой, пожал ему лапу.

— Ну, старина, — сказал я ему. — Поздравляю!

— Спасибо, — отвечает он уныло. После чего наступило тяжкое молчание, затянувшееся на добрых три минуты.

— Берти, — наконец произнес Биффи.

— Да?

— Это правда, что?..

— Что?

— Да так, ничего.

И беседа наша опять вроде как иссякла. Прошло еще минуты полторы. Биффи снова вынырнул из небытия.

— Берти.

— Я все еще здесь, старина. Ты чего?

— Послушай, Берти, это правда, что ты когда-то был помолвлен с Гонорией?

— Правда. Биффи откашлялся.

— И как же ты спасся... то есть я хочу сказать, какая трагедия помешала вашему браку?

— Это все Дживс. Он нашел выход из положения, все продумал и осуществил.

— Я, пожалуй, перед уходом загляну на кухню, переговорю с Дживсом, — задумчиво произнес Биффи.

Ну, чувствую, тут не до церемоний, надо говорить начистоту.

— Биффи, старичок, — обращаюсь я к нему, — признайся как мужчина мужчине: ты что, хочешь рвать когти?

— Берти, дружище, — отвечает он с мольбой в голосе, — как старый друг старому другу признаюсь: хочу.

— Зачем же ты, черт дери, в это дело ввязался?

— Не знаю. А ты зачем?

— Я... Само как-то получилось.

— Вот и со мной тоже как-то само получилось. Знаешь, когда у человека разбитое сердце... Живешь вроде как во сне, перестаешь соображать, теряешь бдительность. Ну и оглянуться не успел, а ты уже попался. Не могу тебе толком объяснить, как это вышло, но факт таков. И теперь я хочу от тебя услышать, что в таких случаях полагается делать?

— То есть каким образом дать задний ход?

— Ну да. Мне не хотелось бы ранить ничьи чувства, но я решительно больше не могу. Это невозможно. Дня полтора-два мне казалось, что ничего особенного, обойдется. Но теперь... Ты помнишь, как она смеется?

— О да.

— Этот ее смех, и потом, она еще ни на минуту не оставляет человека в покое, ей, видите ли, надо развивать твой интеллект, и так далее.

— Знаю, знаю.

— Ну так вот. Что ты порекомендуешь? Ты сказал, что Дживс нашел выход из положения. Как это понимать? Нельзя ли подробнее?

— Видишь ли, сэр Родерик, на самом деле психический врач, сколько ни величай его специалистом-психоневрологом, получил сведения, что в моем роду есть кое-какие психические отклонения. Так, ничего серьезного, просто один дядя у нас держал в спальне кроликов. И вот папаша Глоссон приехал сюда пообедать со мной и заодно меня освидетельствовать, а Дживс так подстроил, что старик уехал в полном убеждении, что у меня не все дома.

— Понятно, — кивнул Биффи. — Беда только в том, что у нас в роду нет психических отклонений.

— Ни одного?

Просто не верилось, что можно вырасти таким законченным остолопом, как душка Биффи, и притом самопроизвольно, безо всякой посторонней помощи.

— Ни единого психа в родословной, — мрачно подтвердил Биффи. — Надо же, какая незадача. Завтра старикашка как раз приедет ко мне обедать и, конечно, захочет меня тоже проверить на сдвинутость. А я, как на грех,

абсолютно в здравом уме.

Я задумался. От одной только мысли о новой встрече с сэром Родериком у меня по спине побежали холодные мурашки; однако, если представляется случай помочь ближнему, мы Вустеры, забываем о себе.

— Вот что, Биффи, — говорю я ему. — Послушай, что я придумал. Я подъеду к тебе, когда вы сядете обедать. И очень может быть, когда сэр Родерик увидит, кто твой друг, он без всяких разговоров немедленно запретит помолвку.

— В этом что-то есть, — сразу воодушевился Биффи. — Благородно с твоей стороны, Берти.

— Пустяки, — ответил я. — А перед тем я еще посоветуюсь с Дживсом. Изложу ему суть дела и послушаю, что он скажет. Дживс меня никогда не подводил.

Биффи отчалил приободренный. А я отправился на кухню.

— Дживс, — говорю, — мне опять понадобилась ваша помощь. У меня только что состоялся огорчительный разговор с мистером Биффеном.

— Неужели, сэр?

— Дело вот какого рода, — начал я и описал ему положение вещей.

Странно, но я вижу, он слушает будто каменный. Обычно, когда я призываю Дживса обсудить какую-нибудь загвоздку, он бывает само сочувствие и сама изобретательность. И вдруг такое.

— Боюсь, сэр, — произнес он, как только я договорил, — что мне вряд ли подobaет вмешиваться в сугубо личное дело, где затрагиваются...

— Да ладно вам, Дживс!

— Нет, сэр. Это была бы с моей стороны недопустимая вольность.

— Дживс, — говорю я и беру этого упрямого быка прямо за рога. — Что вы имеете против старины Биффи?

— Я, сэр?

— Да, вы.

— Уверяю вас, сэр!

— Что ж, ладно. Если вы не хотите подставить плечо и спасти ближнего, я вас, конечно, неволить не буду. Но позвольте вам сказать, что я сейчас пойду в гостиную, сяду и начну думать. Какой же у вас будет вид, когда я возвращусь и объявлю, что нашел спасение для Биффи? Самый дурацкий вид, уверяю вас.

— Да, сэр. Принести вам виски с содовой?

— Нет. Кофе. Черный и крепкий. И если кто-нибудь пожелает меня видеть, скажите, что я занят и просил не беспокоить.

Через час я позвонил в звонок.

— Дживс, — говорю я свысока.

— Да, сэр?

— Будьте добры, позвоните по телефону мистеру Биффену и передайте, что мистер Вустер кланяется и что выход найден!

На следующее утро я пешком отправился к Биффи, чрезвычайно, надо признаться, довольный собой. Как правило, осенившая тебя накануне блестящая мысль ухитряется утратить почти весь свой блеск, когда разглядываешь ее в лучах наступившего утра. Но эта моя умственная находка выглядела после завтрака не менее привлекательно, чем вчера перед ужином. С какого бока ни рассматривай, это был совершенный верняк.

За несколько дней до того моя тетя Эмили праздновала шестилетний юбилей своего сына Хэролда, и я, оказавшись перед необходимостью приобрести подарок, присмотрел в магазине на Стрэнде одну забавную игрушку, как раз подходящую, на мой взгляд, для развлечения малого дитяти и умиления друзей и домочадцев. Она представляла собой как бы бутоньерку, к которой снизу прикреплена такая резиновая штукovina наподобие клизмы, нажмешь — и полторы пинты холодной родниковой воды мощной струей ударяют в лицо тому, кто вздумал понюхать цветочки. Самое подходящее изобретение для развития детского интеллекта, решил я, сделал покупку и отправился по месту назначения.

Но там я застал Хэролда посреди целой кучи дорогих и великолепных игрушек, так что просто рука не поднялась прибавить к ним мое подношение, которое обошлось мне всего в одиннадцать с половиной пенсов. Я тут же, на диво быстро, нашелся, — бывает, что и мы, Вустеры, умеем, когда надо, соображать молниеносно, — оторвал от игрушечного аэропланчика карточку дяди Джеймса, вставил вместо нее свою, а брызгалку спрятал в карман и впоследствии унес домой. Так она все эти дни и лежала у меня всуе, но теперь наконец настал срок пустить ее в дело.

— Ну? — нетерпеливо спросил Биффи, когда я на полном скаку влетел в его гостиную.

Бедный петушок едва шевелил жабрами со страху. Мне это состояние было знакомо. И я, помнится, испытывал нечто подобное, поджидая к обеду сэра Родерика. Как, интересно, люди с больными нервами могут вести беседу с этим человеком? А ведь у него самая обширная практика во всем Лондоне, и не проходит дня, чтобы он не садился на голову хотя бы одному бедняге и не кричал санитарам, чтобы скорее тащили смирительную рубашку. И на мир он глядит как бы сквозь солому, торчащую в волосах его несчастных пациентов. Словом, я был совершенно

уверен: стоит только Биффи надавить на клизму, а уж об остальном позаботится природа.

Поэтому я потрепал Биффи по плечу и сказа.

— Все в порядке, старик!

— Что предлагает Дживс?

— Дживс? Ничего.

— Но ты же сказал, все в порядке.

— В доме Вустера Дживс не единственный, кто способен думать, друг мой. Я занялся твоим делом сам, и могу тебя заверить, что держу его под контролем.

— Ты? — переспросил Биффи не слишком-то лестным тоном. В нем слышался недостаток веры в мои таланты, а я всегда считаю, лучше показать, чем сто раз объяснять. Я сунул ему бутоньерку.

— Как ты относишься к цветам, Биффи? — спрашиваю.

— Что?

— Понюхай цветочки.

Биффи понуро сунулся хоботом в букетик, и тут я надавил на клизму в строгом соответствии с инструкцией на обороте ярлыка.

Люблю получать по полной стоимости за свои деньги. В одиннадцать с половиной пенсов эта штука мне обошлась, но сработала она так, что и двойную цену было бы не жалко отдать. В рекламе на коробке сообщалось, что эффект получается «неописуемо комичный». И могу вас заверить, что это еще мягко сказано. Бедолага Биффи отскочил на три фута и опрокинул инкрустированный столик.

— Ну вот, — скромно сказал я.

Биффи сначала утратил дар речи, но сравнительно быстро опомнился и смог высказаться довольно пылко.

— Успокойся, приятель, — сказал я, когда он смолк, чтобы перевести дух. — Это была не праздная забава, а наглядная демонстрация. Прими подарок и благословение от старого друга, снова наполни этот баллончик, сунь букетик сэру Родерику в физиономию, надави — и в остальном положишься на него самого. Ручаюсь, не пройдет и трех секунд, как желание породниться с тобой покинет его раз и навсегда. Биффи захлопал глазами.

— Ты что, хочешь, чтобы я обрызгал сэра Родерика?

— Именно. Обрызгай его хорошенько, от всей души.

— Но...

Он еще что-то взволнованно лепетал, когда раздался звонок у входной двери.

— Боже милосердный! — воскликнул Биффи, весь трясаясь, как

желе. — Это он. Займи его разговором, пока я сбегаю сменить рубашку.

Я едва успел набрать воды в клизму и положить бутоньерку рядом с прибором Биффи, как дверь отворилась, и вошел сэр Родерик. Я в этот миг, нагнувшись, поднимал опрокинутый столик, и он приветственно обратился ко мне со спины:

— Добрый день! Надеюсь, я не опоздал... Мистер Вустер! Должен признаться, что мне было немного не по себе.

Есть что-то в этом человеке, что повергает в трепет самые мужественные сердца. Услышишь слова: «Сэр Родерик Глоссоп», — и поджилки у тебя начинают с полным основанием дрожать, как осиновый лист. Здоровенная голова, эдакий голый шар, все волосы, которым положено на ней расти, переползли вниз и скучились в бровях, а глаза из-под бровей убивают наповал, точно «лучи Смерти».

— Как поживаете? — произнес я, поборов некоторое желание выпрыгнуть задом наперед из окна. — Давненько не виделись, а?

— Тем не менее я вас отчетливо помню, мистер Вустер.

— И чудесно, — говорю. — Старина Биффи вот пригласил меня принять тут участие в кое-какой кормежке...

Он угрожающе шевельнул бровями.

— Вы являетесь другом Чарлза Биффена?

— Да, знаете ли. Друзья с детских лет.

Он со свистом набрал в грудь воздуху, и видно было, что акции Биффи сразу заметно упали. Потом он посмотрел вниз, а на полу разбросаны разные предметы, которые были на столике.

— Здесь что-то произошло?

— Ничего серьезного, — отвечаю. — Просто со стариной Биффи случился небольшой припадок, или родимчик, вследствие которого опрокинулся стол.

— Припадок?!

— Или родимчик.

— Он что же, страдает припадками?

Я уже открыл было рот, чтобы ответить, но тут в комнату влетел Биффи. Он забыл пригладить щеткой волосы, из-за чего имел вполне безумный вид, и я приметил, с какой подозрительностью покосился на него сэр Родерик. Похоже было, что почва вполне взрыхлена и удобрена и клубень теперь гарантированно примется и даст росток.

Человек Биффи внес кушанья, и мы уселись за стол.

Поначалу можно было подумать, что обеду суждено пройти в самой

ледяной обстановке, от которой только случалось коченеть и стыть бывалым завсегдатаям званых обедов. Биффи, вообще хозяин на троечку, не внес от себя в пир разума и изливания духа ни малейшего вклада, разве только слегка икал время от времени, а когда я делал попытку поддержать застольную беседу, сэр Родерик всякий раз оборачивался ко мне с таким убийственным выражением на физиономии, что любая счастливая находка немедленно гибла в зародыше. Но, к счастью, на второе было подано куриное фрикассе такого отменного качества, что старик, умяв свою порцию, протянул миску за добавкой и чуть ли не залучился добродушием.

— Я явился сюда, Чарлз, — объявил он почти что, можно сказать, приветливо, — с неким, если можно так выразиться, заданием. Да, с заданием. Превосходное фрикассе.

— Рад, что вам нравится, — промямлил Биффи.

— Исключительное. Тает во рту. — Он загреб себе еще полтарелки. — Да, так я говорю, я прибыл с заданием. Вы, нынешняя молодежь, я знаю, живете в нашей несравненной столице, не удосужившись осмотреть ни одной из ее многочисленных достопримечательностей. Будь я азартным человеком, каковым не являюсь, я бы заключил пари на изрядную сумму, что вы, Чарлз, ни разу в жизни не посетили даже такое историческое место, как Вестминстерское аббатство. Или я не прав?

Биффи нечленораздельно икнул, что, мол, давно собирался, но...

— И Тауэр?

— Да, и Тауэр тоже.

— А между тем не далее как в двадцати минутах езды на такси от Гайд-парка находится в настоящее время величайшая и назидательнейшая коллекция предметов, как одушевленных, так и неодушевленных, когда-либо за всю английскую историю выставлявшаяся на обозрение посетителей. Я имею в виду Британскую имперскую выставку в Уэмбли.

— Мне вчера один анекдот рассказали про Уэмбли, — ввернул я, чтобы немного взбодрить разговор. — Остановите меня, если уже слышали. Один тип подходит к глухому у ворот выставки и спрашивает: «Это Уэмбли?» Глухой говорит: «Чего?» Тип опять: «Это Уэмбли?» А глухой: «Чего?» А тип опять: «Это Уэмбли?» — «Да нет, — это глухой говорит, — не лямблии, а цирроз». Ха-ха-ха, правда?

Но бодрый смех замер у меня на губах. Сэр Родерик слегка повел в мою сторону бровью, и я сразу понял, что мое место — в мусорной корзинке и нечего мне было оттуда высовываться. Не знаю больше никого, кто умел бы так дать ближнему почувствовать себя отбросом человечества, как это получается у сэра Родерика Глоссоба.

— Значит, вы до сих пор не посетили Уэмбли, Чарлз? — вернулся он к прежней теме. — Нет? Я это подозревал. Так вот, задание, мною полученное, состоит в том, чтобы свозить вас на выставку. Так хочет Гонория. Она полагает, что таким образом можно будет расширить ваш кругозор, в чем я с нею вполне согласен. Мы отправимся сразу после обеда.

— Ты ведь тоже с нами поедешь, Берти? — умоляющим голосом спросил Биффи.

Во взгляде его была такая мука, что я колебался не более одной минуты. Кореш есть кореш. К тому же, если моя задумка с клизмой оправдывает ожидания, эта увеселительная поездка вообще, с Божьей помощью, не состоится.

— Что ж, пожалуй, — не стал упираться я.

— Ну зачем же нам злоупотреблять добротой мистера Вустера? — весь напыжился сэр Родерик.

— Ерунда. Я и сам уже давно собирался заглянуть в эту лавочку. Сейчас слетаю домой переодеться и заеду сюда за вами на автомобиле.

Пауза. Биффи, похоже, страшно обрадовался, что не придется остаток дня провести с глазу на глаз с сэром Родериком, даже утратил дар речи. А сэр Родерик, поджав губы, хранил молчание в знак несогласия. Потом вдруг заметил бутоньерку у прибора Биффи и подчеркнуто переменял тему:

— О, цветы! Душистый горошек, если не ошибаюсь. Дивный представитель семейства бобовых, радующий и взор, и обоняние.

Я посмотрел через стол на Биффи. Глаза у него выпучились, в них появился непривычный блеск.

— Вы любите цветы, сэр Родерик? — хрипло спросил он.

— Чрезвычайно.

— Тогда понюхайте.

Сэр Родерик изогнул выю и потянул носом. Пальцы Биффи сомкнулись на клизме. Я зажмурился и вцепился обеими руками в край стола.

— Чудесный аромат, — слышу голос сэра Родерика. —

Очень приятный.

Открываю глаза — Биффи отвалился на спинку стула, на лице трагическая маска, рядом на скатерти цветы. Я сразу понял, что произошло. В этот решающий миг, когда от простого нажатия пальцев зависела его судьба, бедняга Биффи, бесхребетная козявка, смалодушничал и дал задний ход. Весь мой план, взлелеянный и продуманный до

мельчайших деталей, безнадежно лопнул.

Дома я застал Дживса за поливкой гераней под окном гостиной.

— Смотрите, как живописно они цветут, сэр, — сказал он, окидывая растения отеческим взором.

— Ни слова про цветы, Дживс, — откликнулся я. — Теперь я знаю, что чувствует генерал, который научно спланировал военную операцию, а подчиненные сорвали ее осуществление.

— Вот как, сэр?

— Да, — вздохнул я и все ему рассказал. Он выслушал меня очень внимательно.

— Довольно нерешительный и слабохарактерный молодой джентльмен этот мистер Биффен, — таков был комментарий Дживса на окончание моего рассказа. — Я вам сегодня до ночи больше не понадобится, сэр?

— Нет. Мы едем на выставку в Уэмбли. Я только забежал переодеться и взять машину. Выложите мне спецодежду, которой не страшны будут объятия тысячерукой толпы, и позвоните в гараж.

— Очень хорошо, сэр. Серая шевиотовая куртка, я думаю, подойдет. Не будет ли с моей стороны бесцеремонностью, сэр, если я попрошу вас взять и меня в автомобиль? Я тоже намеревался сегодня побывать в Уэмбли.

— Да? Ладно, пожалуйста.

— Весьма благодарен, сэр.

Я переоделся, и мы поехали к Биффи. Они с сэром Родериком забрались на задние сиденья, а Дживс сел впереди рядом со мной. Вид Биффи так вопиюще не соответствовал развлекательной цели нашей поездки, что сердце мое сжалось от сострадания, и я попытался еще раз воззвать к человеколюбию Дживса.

— Должен признаться, Дживс, — говорю я ему, — что вы меня разочаровали.

— Мне весьма печально это слышать, сэр.

— Нет, правда-правда. Совершенно разочаровали. Кажется, могли бы сплотиться и помочь человеку. Видели, какое у мистера Биффена выражение лица?

— Да, сэр.

— Ну и как же?

— Прошу меня простить, сэр, но мистер Биффен, бесспорно, сам виноват, если принял на себя матримониальные обязательства, которые ему в тягость.

— Вы говорите совершенную чушь, Дживс. Вы знаете не хуже меня, что Гонория Глоссоп — это бич Божий. С таким же успехом можно винить человека за то, что его переехал грузовик.

— Да, сэр.

— Именно что да! И к тому же бедный дуралей был в таком состоянии, что вообще не мог оказать сопротивления. Он мне сам рассказывал. Он потерял свою единственную любовь, а вы знаете, каково это, когда с тобой случается такое несчастье?

— Как же это с ним произошло, сэр?

— Он влюбился, когда плыл на пароходе в Нью-Йорк, и расстался со своей избранницей у входа в таможню, условившись о встрече назавтра в ее отеле. Но вы ведь знаете, что за фигура этот Биффи. Он даже собственное имя то и дело забывает. Название отеля он не записал, и оно просто вылетело у него из головы. С тех пор он ходил сам не свой, вроде как в трансе, а очнулся — и оказывается, он обручен с Гонорией Глоссоп!

— Я этого не знал, сэр.

— И никто, я думаю, не знает, кроме меня. Он со мной поделился тогда в Париже.

— Казалось бы, сэр, можно было предпринять поиски.

— Я так ему и сказал. Но он забыл, как ее зовут.

— Это поразительно, сэр.

— Мне тоже так показалось. Но факт таков. Он только помнил имя — Мэйбл, а фамилию нет. Не будешь же искать по всему Нью-Йорку девушку по имени Мэйбл, правда?

— Я согласен, что это было бы довольно затруднительно.

— Ну так вот, сами видите.

— Да, сэр.

Тут мы застряли в толкучке экипажей перед входом на выставку, и, поскольку, чтобы лавировать между ними, понадобилось все мое внимание, я вынужден был временно замолчать. В конце концов мы все-таки произвели парковку и вошли на территорию выставки. Дживс куда-то делся, и нашу экспедицию возглавил сэр Родерик. Он направился в Павильон индустрии, мы с Биффи поплелись следом.

Лично я на выставки вообще-то не ходок. Народные массы в сплоченном состоянии действуют на меня угнетающе; пошаркав подошвами в толпе с четверть часа или около того, я начинаю чувствовать, что земля у меня под ногами накалилась и тлеет. К тому же в данном конкретном случае мне как-то не доставало интереса, если вы меня понимаете. То есть, конечно, есть миллионы людей, которые готовы

визжать и плакать от восторга при виде рыбы-дикобраза или стеклянного короба с зерном из Западной Австралии, — но не Бертрам. Поверьте тому, кто не станет врать: не Бертрам. Когда мы наконец выдрались из селения туземцев Золотого Берега и потащились к Дворцу машинерии, стало уже более или менее ясно, что с минуты на минуту я тихо скроюсь и подамся в заманчивый «Плантаторский бар», находящийся в отделе «Вест-Индия». Сэр Родерик протащил нас мимо него на повышенной скорости, поскольку у него в душе ничего не пробудилось при виде бара; а вот я успел углядеть там бравого молодца за стойкой, который готовил некий напиток, подливая в высокие стаканы — и как будто бы даже со льдом — жидкости из разных бутылок и перемешивая состав специальной палочкой. Мне мучительно захотелось ближе пообщаться с этим малым. Я уже изготовился выпасть из рядов, отстать от родного отряда и затеряться в толпе, как вдруг что-то зацепило меня за рукав. Оглядываюсь — Биффи. И на лице у него написано, что его терпение истощилось.

Бывают в жизни мгновения, когда нет нужды в словах. Я посмотрел на Биффи, Биффи посмотрел на меня. Полнейшее взаимопонимание объединило наши сердца.

— ?

— !

Три минуты спустя мы уже находились среди вест-индских плантаторов. Я никогда не бывал в Вест-Индии, но могу засвидетельствовать, что по части удовлетворения потребностей человека они там на целый круг опередили европейскую цивилизацию. Тип за стойкой, добрейшей души человек, угадал наши потребности, едва мы появились на горизонте. Мы еще и облокотиться перед ним не успели, как он уже прыгал позади стойки, при каждом прыжке снимая с полки новую бутылку. Очевидно, для плантатора выпивка не выпивка, если в ней содержится менее семи составных частей. И я вовсе не говорю, что плантаторы тут не правы. Малый за стойкой сообщил нам, что напиток, им составленный, называется «Зеленый пшик»; если я женюсь и у меня родится сын, он будет зарегистрирован как Бертрам Пшик Вустер в память о чудесном спасении его отца.

Мы приняли по третьей, и Биффи удовлетворенно вздохнул.

— Где, по-твоему, сейчас сэр Родерик? — спросил он задумчиво.

— Биффи, старичок, — честно ответил я, — мне в высшей степени наплевать.

— Берти, душа моя, и мне тоже, — признался он.

Он еще раз вздохнул и прервал воцарившееся между нами молчание

просьбой к бармену дать ему новую соломинку.

— Берти, — сказал Биффи, — я только что вспомнил одну очень странную вещь. Ты Дживса знаешь?

Я ответил, что да, знаю.

— Так вот, когда мы входили сюда, случилось удивительное происшествие. Ко мне подвалил старина Дживс и произнес нечто совершенно загадочное. Нипочем не угадаешь.

— Еще бы.

— Дживс сказал, — весь напрягшись, проговорил Биффи, — цитирую дословно... он сказал: «Мистер Биффен»... это он ко мне обращался, ты понимаешь?..

— Понимаю.

— «Мистер Биффен, — так он сказал, — очень советую вам посетить...»

— Ну? Что же? — спросил я, поскольку он на этом смолк.

— Берти, старина, — ответил Биффи, очень расстроенный, — понимаешь, я напрочь забыл, что именно.

— Потрясающе, — говорю я. — Одного я взять в толк не могу: как это ты умудряешься управляться со своим хертфордширским хозяйством, ей-богу? Не забываешь доить коров, сервировать обед свиньям.

— Ну, это-то пустяки. Там всюду имеются трудящиеся, наемная рабочая сила, они всем этим занимаются.

— А-а, — говорю. — Ну раз так, давай выпьем еще по «Зеленому пшику» и отправимся к аттракционам.

Прошу иметь в виду, что мои вышеприведенные отрицательные высказывания насчет выставок не относятся к их более, так сказать, земным отделам. То есть я не менее всякого другого способен наслаждаться деревянными откосами, с которых за шиллинг съезжаешь на циновке по наклонной плоскости. С удовольствием играю в прыг-скок. И готов против любого сразиться на деньги, почтовые марки или орехи в пружинный бильярд.

Но, при всей моей сердечной склонности к подобного рода забавам, до Биффи мне оказалось далеко, как от земли до неба. Зеленый ли пшик так на него подействовал или просто он вздохнул полной грудью, отделавшись от сэра Родерика, не знаю точно, но он с таким азартом предался пролетарским развлечениям, что меня прямо страх взял. Я никак не мог оттащить его от качелей с переворотом, а на американских горках он, похоже, вообще решил поселиться. Наконец я его оттуда выцарапал. И вот

Биффи бредет рядом со мной в толпе безумной, весь взволнованный, глаза горят, и мучит его выбор между предсказательницей судьбы и чертовым колесом, как вдруг я чувствую, он вцепился в мой локоть, и уста его испустили громкий звериный вопль:

— Берти!

— Ну, что еще?

Он указывает пальцем на вывеску над крышей павильона:

— Смотри! Дворец красоты!

Мне захотелось его немного осадить. В конце концов, сколько можно: мы уже не те юнцы, что в прежние времена.

— Нечего там делать, — говорю. — Мне приятель в клубе рассказывал. Там и нет ничего, одни девицы. Полным-полно девиц. Какой интерес на них глазеть?

— Большой интерес! — возразил Биффи. — Полно девиц — это замечательно, пусть их будут десятки, сотни, и чем меньше походят на Гонорию, тем замечательнее. Кроме того, я вспомнил, что Дживс рекомендовал мне посетить именно этот павильон. Все вдруг всплыло в памяти. «Мистер Биффен, — он мне сказал, — я очень советую вам побывать во Дворце красоты». Я, правда, не знаю, к чему это он и зачем, но скажи мне, Берти, разве правильно, разумно, полезно пренебрегать хоть единым словечком Дживса? Вход вон в ту дверь слева.

Не знаю, приходилось ли вам бывать во Дворце красоты. Это своего рода аквариум, где вместо рыб содержится прекрасный пол. Входишь — перед тобой вроде как прозрачная коробка, и сквозь толстое стекло оттуда на тебя таращится прелестное создание в довольно своеобразном туалете. А сверху надпись: «Прекрасная Елена». Двигаешься дальше — в следующем отделении другая дама ведет поединок джиу-джитсу со змеей; подзаголовок — «Клеопатра». Словом, вы поняли общую идею: знаменитые женщины в мировой истории. В таком духе. Не ахти как увлекательно, на мой взгляд. Я утверждаю, что красивая женщина теряет значительную часть своего очарования, если ее поместить за стеклом. Более того, у меня даже возникло неприятное чувство, будто заглянул по ошибке в окно чужой спальни, и я припустил со всех ног, чтобы поскорее выбраться на волю. Но Биффи неожиданно обезумел.

По крайней мере, у меня сложилось такое впечатление. Он вдруг пронзительно заорал, сдавил мне локоть, будто крокодильими челюстями, и что-то непонятное залопотал.

— Ик! — воскликнул он (за точность не ручаюсь, но смысл приблизительно такой).

Меж тем собралась большая толпа интересующихся. Я сначала подумал, что, наверно, женщин сейчас будут кормить. Но Биффи ни на кого не обращал внимания. Он, как полоумный, махал рукой, указывая на одно из стеклянных ограждений. Не помню сейчас, что в нем изображалось, но девица была в плоеном воротнике, так что, вероятно, королева Елизавета или Боадичея — словом, кто-то из той эпохи. Довольно симпатичная такая девушка. И она так же тарасилась на Биффи, как он на нее.

— Мэйбл! — взревел Биффи, словно бомба разорвалась у меня в ухе.

Надо сказать, что мне в эту минуту было не особенно весело. Драма — она, конечно, вещь замечательная, но угодить в драму в общественном месте — этого я совершенно не выношу. А я даже не подозревал, до чего там место оказалось общественное. За каких-то пять секунд толпа удвоилась в размерах, и притом, что большинство разглядывало Биффи, достаточно нашлось и таких, кто глазел на меня, вероятно, видя во мне важного участника спектакля и ожидая от меня с минуты на минуту какого-нибудь лихого коленца на потеху публике. А Биффи знай себе скачет, как ягненок на майском лугу, и к тому же совершенно безмозглый ягненок.

— Берти! Это она! Она это! — Он дико озирался вокруг. — Где, черт возьми, ход за кулисы? Где директор? Немедленно подайте сюда директора!

Тут он набросился на стеклянную перегородку и стал колошматить по ней тростью.

— Старина, послушай-ка, — пытался я его урезонить. Но он вырвался.

Эти загородные жители вместо тросточки, являющейся неременной принадлежностью экипировки столичного щеголя, носят обычно внушительную дубину, а в Хертфордшире тогда, похоже, в моде были настоящие палицы. Биффи с первого же удара разнес стеклянную перегородку в мелкие дребезги. Еще трех ударов хватило на то, чтобы расчистить путь и войти внутрь, не порезавшись. И не успел столпившийся народ сообразить, какая удача ему выпала за один шиллинг входной платы, как Биффи очутился внутри и завязал с тамошней девицей оживленный разговор. Одновременно в толпе появились два огромных полисмена.

От полисмена нельзя требовать романтического взгляда на вещи. Ни слезинки не утерли на ходу два блюстителя порядка. В мгновение ока они прошествовали внутрь клетки, а затем обратно, уже в обществе Биффи. Я устремился следом, для того чтобы скрасить ему последние минуты, а он обратил ко мне пылающее лицо и возопил голосом, исполненным чувства:

— Чизик шестьсот восемь — семьдесят три! Запиши, Берти, а то я забуду. Чизик шестьсот восемь — семьдесят три! Номер ее телефона!

И он исчез, сопровождаемый не менее чем одиннадцатью тысячами зевак. Тут голос у моего локтя произнес:

— Мистер Вустер! Что... что... что все это значит?

Рядом со мной стоял сэр Родерик и сильнее обычного топорщил брови.

— Ничего особенного, — ответил я. — Просто старина Биффи окончательно спятил.

Сэр Родерик отшатнулся.

— Что-о?

— Понимаете, у него случился припадок. Или родимчик.

— Опять? — Он глубоко вздохнул. — И за этого человека я чуть было не позволил моей дочери выйти замуж! — пробормотал он себе под нос.

Я дружески похлопал его по плечу. Заставил себя, хотя, поверьте, это было нелегко.

— Я бы на вашем месте, — говорю я ему, — отменил это дело. Крест бы поставил. Бесповоротно вымарал бы из расписания. Таков мой вам совет.

Он злобно покосился на меня.

— В ваших советах я не нуждаюсь, мистер Вустер! Я уже сам, независимо от вас, принял такое решение. А вы, будучи другом этого человека, — факт, который сам по себе должен был бы послужить мне предостережением, — вы, в отличие от меня, еще увидите с ним. И сделайте одолжение, поставьте его при встрече в известность, что он может считать свою помолвку расторгнутой!

— Будет сделано! — отозвался я и поспешил вослед зевакам. У меня создалось впечатление, что настало время потолковать о небольшом залоге.

Примерно через час я протолкался на стоянку к своему автомобилю. На переднем сиденье я обнаружил Дживса, погруженного в созерцание миров. При моем появлении он учтиво встал.

— Вы собираетесь уезжать, сэр?

— Да.

— А как же сэр Родерик, сэр?

— Его не будет. Бесполезно скрывать от вас, Дживс, что мы с ним раздружились. И даже не разговариваем.

— В самом деле, сэр? А мистер Биффен? Вы не будете его ждать?

— Нет. Он в тюрьме.

— Вот как, сэр?

— Да. Я хотел внести залог и увезти его, но они передумали и оставили его ночевать в кутузке.

— За что же его задержали, сэр?

— Помните, я вам рассказывал про девушку, которую он полюбил? Он увидел ее за стеклом во Дворце красоты и рванул к ней кратчайшим путем, то есть пробил в стекле окошко. Ну а полицейские чины его зацапали и уволокли закованного в цепи. — Тут я искоса взглянул на Дживса. Трудно сбоку устремить на человека пронзительный взор, но мне это удалось. — Дживс, — сказал я, — тут что-то кроется, на первый взгляд неуловимое. Ведь это вы посоветовали мистеру Биффену сходить во Дворец красоты. Вы что, знали, что он найдет там свою любимую?

— Знал, сэр.

Это было поразительно и даже отчасти загадочно.

— Надо же! Вы, кажется, знаете все на свете.

— Я просто знаком с будущей миссис Биффен, сэр.

— Ах так. Значит, вам было известно, что произошло в Нью-Йорке?

— Да, сэр. И именно по этой причине я не был расположен содействовать мистеру Биффену, когда вы любезно предложили мне оказать ему посильную помощь. Я ошибочно усмотрел в его действиях игру с чувствами девушки, сэр. Но когда вы познакомили меня с истинным положением вещей, мне стало ясно, как я был несправедлив к мистеру Биффену, и я постарался исправить ошибку.

— Н-да. Вы ему оказали огромную услугу. Ведь он совсем помешался от любви.

— Весьма рад это слышать, сэр.

— Да и она тоже вам очень многим обязана. Старина Биффи — обладатель годового дохода в пятнадцать тысяч фунтов, не говоря уж о всяких там коровах, утках и курицах, которых столько, что просто девать некуда. Крайне полезная птица в семейном обиходе, курица.

— Да, сэр.

— Скажите, Дживс, а, собственно, каким образом вы оказались знакомы с этой девушкой?

Дживс задумчиво смотрел вдаль на людские толпы.

— Она моя племянница, сэр. Если мне позволительно сделать замечание, я бы не советовал, сэр, так резко поворачивать руль. Мы едва не столкнулись с автобусом.

БЕЗ ПРАВА ЗАМЕНЫ

Перевод В. Шапенко.

Все показания были собраны. Машина правосудия сработала без сучка без задоринки. Судья поправил пенсне — оно вот-вот собиралось спикировать с носа, — мерзко кашлянул и обрушил на нас скверные новости.

— Подсудимый Вустер, — произнес он, и вряд ли кто сможет описать мои муки и стыд при таком к себе обращении, — обязан заплатить штраф в размере пяти фунтов.

— О, разумеется! — откликнулся я. — Вне всяких сомнений! Я мигом заплачу!

Я несказанно обрадовался, что дело уладилось за столь разумную плату. В море лиц я подметил Дживса, сидящего в задних рядах. Не подвел, старина, пришел-таки посмотреть на молодого хозяина в судный час.

— Послушайте, Дживс, — выкрикнул я, — у вас пятерки не найдется? Я тут немного поиздержался.

— Тишина в зале! — заревел какой-то придирчивый субъект.

— Все в порядке, — успокоил я, — мы просто утрясаем кое-какие финансовые детали. Так найдется, Дживс?

— Да, сэр.

— Молодчина!

— Вы приходитесь другом подсудимому? — спросил судья.

— Я состою на службе у мистера Вустера, ваша честь.

— Тогда заплатите штраф секретарю,

— Хорошо, ваша честь.

Судья холодно кивнул в мою сторону, будто давая понять, что с меня можно снять кандалы, водрузил на место пенсне и продолжил заседание, кинув на беднягу Сиппи самый отвратительный взгляд, который только приходилось видеть стенам полицейского суда на Бошер-стрит.

— Дело подсудимого Леона Троцкого, имя которого, — начал он, снова взглянув на Сиппи, — как я склонен думать, вымышленное и ненастоящее, — куда серьезнее. Он признается виновным в злоумышленном нападении на полицейского с применением насилия. Показания последнего свидетельствуют о том, что подсудимый нанес ему

удар в область живота, причинив острую боль, а также иным образом препятствовал исполнению служебных обязанностей. Я, конечно, понимаю, что в ночь после ежегодных Гребных гонок между Оксфордом и Кембриджем власти делают определенные послабления, но на подобный акт буйного хулиганства, совершенный подсудимым Троцким при отягчающих обстоятельствах, мы не можем смотреть сквозь пальцы, равно как не можем и смягчить наказание. Он приговаривается к тридцати суткам тюремного заключения среднего режима без права замены штрафом.

— Нет, минуточку... это же... эх, черт подери! — запротестовал бедняга Сиппи.

— Тишина в зале! — замычал придиричивый субъект.

— Следующий, — объявил судья. На этом дело и кончилось.

Сложилось все самым злополучным образом. Моя память сохранила лишь смутные обрывки произошедшего, но, кажется, случилось вот что.

Хотя обычно я человек до спиртного мало охочий, есть в году один день, когда, отложив все дела, я позволяю себе немного расслабиться и тряхнуть стариной, как в былые дни. Я имею в виду день ежегодных соревнований по гребле между Оксфордским и Кембриджским университетами, или, скорее, ночь после них. Только тогда вы и сможете меня увидеть «под мухой». По такому случаю, признаюсь вам без утайки, я здорово набрался, и посему, когда я натолкнулся на старину Сиппи напротив «Эмпайра», настроение у меня было куда как добродушным. Поэтому мне будто ножом по сердцу полоснуло, когда я заметил, что обычно жизнерадостный Сиппи, этот отчаяннейший из гуляк, был словно в воду опушенный. Словно в душу его закралась печаль.

— Берти, — обратился он ко мне, когда мы прогуливались по Пиккадилли, — сердце мое под гнетом печали, жаждет слабейшей надежды. — У Сиппи были способности к сочинительству, но нужды насущные он удовлетворял в основном за счет денежного вспомоществования своей старой теткой, живущей в деревне, и речь его частенько принимала литературную направленность. — Но вся беда в том, что надежды нет никакой, даже малейшей. Я попал в передрагу, Берти.

— Что случилось, приятель?

— Завтра мне придется на три недели поехать к совершенно никчемным, скажу более — положительно чешуйчатым друзьям моей тетки Веры. Это она все устроила, и пусть проклятие племянника покроет волдырями каждую луковицу в ее саду.

— Кто же эти дьяволы? — поинтересовался я.

— Некие типы по фамилии Прингл. Последний раз я их видел, когда мне было десять лет от роду, с тех пор я вспоминаю о них как об отвратительных прыщах на теле Англии.

— Плохи твои дела. Тут, пожалуй, упадешь духом.

— Весь мир, — заключил Сиппи, — стал серым. Как же мне стряхнуть проклятую депрессию?

И вот тогда меня осенила блестящая мысль, одна из тех, что посещают человека ближе к полуночи после Гребных гонок.

— Знаешь, старина, — выложил я, — тебе нужна полицейская каска.

— Берти, ты серьезно?

— Я бы на твоём месте перешел улицу и раздобыл вон ту касочку, видишь?

— Да, но в ней полисмен. Ты что, не видишь?

— Какая разница? — возразил я, не в силах следовать его логике.

На мгновение Сиппи погрузился в раздумья.

— Ты абсолютно прав, — согласился он наконец. — Странно, что мне раньше в голову не пришло. Ты и впрямь советуешь раздобыть эту каску?

— Да, чего там.

— Что ж, я пошел, — чрезвычайно приободрился Сиппи.

Вот как было дело, и теперь вы понимаете, почему, покидая скамью подсудимых свободным человеком, я испытывал страшные угрызения совести. В двадцать пять лет, когда вся жизнь еще впереди, и все такое, Оливер Рэндолф Сипперли сел в тюрьму, и все по моей вине. Это я, как говорится, затянул в болото столь утонченную натуру. И вот теперь возник вопрос: как мне загладить вину?

Очевидно, перво-наперво нужно связаться с Сиппи. Может, у него есть последние пожелания или что-нибудь в этом роде. Я немного попоколачивался вокруг, навел справки и наконец оказался в маленькой темной комнатке с побеленными стенами и деревянной скамьей. Сиппи сидел на скамье, обхватив голову руками.

— Как дела, старик? — спросил я тихо, словно боясь потревожить больного.

— Я погиб. — Сиппи походил на сморщенное яйцо.

— Перестань, — успокаивал я, — все не так уж скверно, хорошо, что ты сразу сообразил назвать вымышленное имя. Теперь про тебя в газетах ничего не напишут.

— Плевать на газеты. Меня беспокоит другое. Как я поеду на три недели к Принглам. Выезжать надо сегодня, а я сижу в тюремной камере с

прикованной к ноге гирей.

— Но ты же не хотел ехать.

— Шляпа ты, брат. При чем тут хотел или нет? Надо ехать, и все тут. Если я не поеду, тетка разузнает, где я. И если до ее слуха дойдет, что меня посадили на тридцать дней, да без права замены штрафом, да в самое глухое подземелье обнесенного рвом замка, прощения мне не будет.

Я все понял.

— Дело такого рода нам самим не уладить, — помрачнел я.

— Нужно отдаться в руки высшей воли. Дживс — вот с кем надо посоветоваться.

Собрав кое-какие необходимые сведения, я пожал Сиппи руку, похлопал его по плечу и отправился восвояси, к Дживсу.

— Дживс, — начал я, проглотив живительную влагу, благоразумно приготовленную Дживсом к моему возвращению,

— у меня к вам важное дело; оно касается человека, к которому вы всегда относились с... на которого вы всегда смотрели как на... короче, что-то я сам не свой сегодня, — мистера Сипперли.

— Да, сэр?

— Дживс, мистер Влипперли здорово сип.

— Сэр?

— То есть мистер Сипперли здорово влип.

— В самом деле, сэр?

— И все из-за меня. Это я, в минуту ложного великодушия, желая лишь приободрить его и дать пищу для ума, посоветовал стащить с полицейского каску.

— Это правда, сэр?

— Нельзя ли без интонаций, Дживс? — попросил я. — И вообще, человеку с больной головой и так трудно рассказывать столь сложную историю. А если вы будете меня перебивать, я вообще потеряю нить. Поэтому сделайте одолжение, просто кивайте время от времени, и я буду знать, что вы следуете за мыслью.

Я закрыл глаза и выложил факты.

— Прежде всего, Дживс, знаете вы или нет, но мистер Сипперли практически зависит от своей тетки Веры.

— Не мисс ли это Сипперли из «Пэддока», деревня Беркли-он-де-Мур, графство Йоркшир, сэр?

— Да. Неужели вы ее знаете?

— Лично нет, сэр. Мой кузен живет в этой деревне и немного знает мисс Сипперли. Он описывал ее как властную и вспыльчивую пожилую

особу... Прошу прощения, сэр, я должен был просто кивнуть.

— Совершенно верно, вы должны были кивнуть. Да, Дживс, вы должны были кивнуть. Но теперь слишком поздно.

Я и сам начал кивать носом. Прошлой ночью не выдалось поспать положенных восьми часов, и я то и дело впадал в, что называется, летаргическое состояние.

— Да, сэр? — вступил Дживс.

— Ах, ну да, — встряхнулся я. — Так на чем я остановился?

— Вы говорили, что мистер Сипперли практически зависит от мисс Сипперли, сэр.

— Говорил?

— Говорили, сэр.

— Вы абсолютно правы: так я и сказал. Ну вот, теперь вы понимаете, Дживс, что ему надо из кожи лезть вон, чтобы с ней ладить. Это понятно?

Дживс кивнул.

— А теперь слушайте и запоминайте: на днях она прислала старине Сиппи приглашение спеть на деревенском концерте. Приглашение это равносильно королевскому приказу и как вы понимаете, напрямик отказать ей Сиппи не мог. Он и раньше как-то пел на концерте в ее деревне, после чего был весьма недвусмысленно освистан. Поэтому очередные гастроли в его планы не входили. Пока все ясно, Дживс? Дживс кивнул.

— И что же вы думаете, Дживс? Ему пришла в голову, как в тот момент показалось, удачная выдумка. Он ответил, что был бы польщен исполнить песню на деревенском концерте, но, по несчастливой случайности, редактор посылает его написать ряд статей о колледжах Кембриджа и что он просто обязан съездить туда и поездка займет недели три. Пока все ясно?

Дживс кивнул.

— После чего, Дживс, мисс Сипперли написала ответное письмо, сказав, что все прекрасно понимает: сначала работа, а уж потом удовольствие — удовольствием, в ее свободной интерпретации, являлось исполнение песен на концерте в деревне Беркли-он-де-Мур под гогот местных хулиганов; но тогда, раз уж Сиппи едет в Кембридж, он непременно должен остановиться у ее друзей, Принглов, что живут у самой черты города. И она черкнула им пару строк, сказав, чтоб ждали ее племянника двадцать восьмого числа, а они в ответ черкнули, что не против, и вот дело сделано. А сейчас мистер Сипперли сидит за решеткой, и кто знает, чем это все обернется. Дживс, решение этой проблемы стоит усилий вашего недюжинного интеллекта. Полагаюсь на вас.

— Приложу все силы, чтобы оправдать ваше доверие, сэр.

— Тогда за дело. А пока задвиньте шторы, принесите еще пару подушек, да вот этот стульчик придвиньте так, чтобы я мог положить ноги, а потом идите и поразмышляйте надо всем и раньше чем через, скажем, пару, а то и тройку часов не возвращайтесь. Если кто позвонит или спросит меня, скажите, что я умер.

— Умерли, сэр?

— Да, ненамного ошибетесь.

Проснулся я уже под вечер. Шею ломило, но в остальном чувствовался прилив свежести. Я позвонил в колокольчик.

— Я дважды заглядывал, сэр, — пояснил Дживс, — но каждый раз, увидев, что вы спите, не хотел тревожить.

— Так держать, Дживс... Ну что?

— Я тщательно изучил указанную вами проблемку, сэр, и вижу только один выход.

— Хватит и одного. Что вы предлагаете?

— Вы поедете в Кембридж вместо мистера Сипперли, сэр. Я пристально посмотрел на него. Да, это правда, что мне намного лучше, чем несколько часов назад; но не настолько, чтобы выслушивать подобный вздор.

— Дживс, — сурово сказал я, — соберитесь с мыслями. Это же бред сивой кобылы.

— Боюсь, что другого плана выпутать мистера Сипперли из сложившейся ситуации я предложить не могу, сэр.

— Ну вы подумайте! Пораскиньте мозгами! Почему даже я, несмотря на ночные приключения и крайне тяжелое утро, испорченное слугами закона, и то вижу, что это сумасшедший план. Возьмем одно из самых слабых мест: не меня хотят видеть эти люди, а мистера Сипперли. Они меня знать не знают.

— Тем лучше, сэр. Так как я предлагаю вам поехать в Кембридж и выдать себя за мистера Сипперли.

Это уж слишком.

— Дживс, — возмутился я, чуть ли не со слезами на глазах, — вы и сами прекрасно понимаете, что это чушь собачья. На вас не похоже нести околесицу, да еще в присутствии больного человека.

— Полагаю, что предложенный мною план вполне осуществим, сэр. Пока вы спали, мне удалось перекинуться парой слов с мистером Сипперли, он сообщил мне, что профессор и миссис Прингл последний раз видели его десятилетним мальчиком.

— Так и есть. Он говорил. Так-то оно так, но наверняка они будут спрашивать о моей тетке — вернее, о его тетке. И что тогда?

— Мистер Сипперли любезно снабдил меня некоторыми сведениями о мисс Сипперли, сэр, я все записал. Плюс еще мой кузен поведал о привычках пожилой дамы. Поэтому на обычные вопросы вы ответите без труда.

В Дживсе таилось какое-то чертовское коварство. Со времени нашего знакомства он то и дело ошарашивал меня каким-нибудь явно сумасбродным предложением, схемой, ухищрением или планом и за пять минут убеждал меня в том, что мысль эта не только здравая, но и полезная. На то, чтобы убедить меня в здравости именно этой идеи, ушло почти четверть часа, так как на сегодняшний день она была самой из ряда вон выходящей. Но у Дживса получилось. Я довольно стойко оборонялся, когда он вдруг поставил в споре жирную точку.

— Настоятельно советую вам, сэр, — предложил он, — как можно скорее уехать из Лондона и затаиться в каком-нибудь убежище, где вас вряд ли будут искать.

— Да? Зачем это?

— Пока вы спали, миссис Спенсер успела позвонить трижды, сэр, сгорая от нетерпения связаться с вами.

— Тетушка Агата! — побледнел я, несмотря на загар.

— Да, сэр. Как я понял из сделанных замечаний, она прочитала в вечерней газете о суде, состоявшемся над вами сегодня утром.

Я вскочил со стула словно бешеный заяц. Если уж тетушка Агата вышла на тропу войны, мой следующий шаг был однозначно определен.

— Дживс, — призвал я, — пришло время действовать, нельзя терять ни минуты на разговоры. Собирайте вещи, да поскорее.

— Уже собрал, сэр.

— Узнайте, когда отправляется поезд на Кембридж.

— Через сорок минут, сэр.

— Вызывайте такси.

— Такси ждет у входа, сэр.

— Отлично, — обрадовался я. — Тогда помогите мне дойти.

Особняк Принглов находился достаточно далеко от Кембриджа, с милую или две по Трампингтон-роуд. Когда я прибыл, все переодевались к ужину. Облачившись в вечерний туалет, я вышел в гостиную, где и столкнулся со всей шайкой Принглов.

— Здравствуйте-здравствуйте, — поприветствовал я, набирая

побольше воздуха и шествуя в комнату.

Я старался говорить ясным и звонким голосом, но вся моя бодрость куда-то подевалась. Застенчивый и скромный парень всегда нервничает при первом посещении странного дома; положение отнюдь не улучшается, когда он к тому же выдает себя за другого. Мною прочно овладело дурное предчувствие, которое ничуть не приуменьшилось при появлении Принглов.

Сиппи назвал их прыщами на теле Англии, и мне показалось, что он попал почти в яблочко. Профессор Прингл был худощавым, лысоватым, по-видимому, страдающим несварением, типом с глазами пикши. У миссис же Прингл был такой вид, будто она получила плохие известия году эдак в 1900-м и никак не может оправиться. Я еще не отошел от вида этих двоих, когда меня представили парочке старух, плотно укутанных в шали.

— Вы, конечно же, помните мою матушку? — траурным голосом спросил профессор Прингл, указывая на Экспонат А.

— Ах да! — произнес я, пытаюсь изобразить сияющую улыбку.

— И мою тетушку, — вздохнул профессор, как будто бы дела обстояли все хуже и хуже.

— Да-да-да! — протянул я, выстрелив еще одну сияющую улыбку в сторону Экспоната Б.

— Как раз сегодня утром они вас вспоминали, — простонал профессор, потеряв всяческую надежду.

Наступила пауза. Вся компания пристально разглядывала меня, словно семейка из самого ужасного рассказа Эдгара Аллана По, и я почувствовал, как вкус к жизни погибает во мне на корню.

— Я помню Оливера, — издала тяжелый вздох Экспонат А. — Прелестный был паренек. Какая жалость! Какая жалость!

Такое тактичное замечание, и рассчитано так, чтобы гость почувствовал себя совершенно непринужденно.

— И я помню Оливера, — отозвалась Экспонат Б, посмотрев на меня почти так же, как посмотрел судья с Бошер-стрит на Сиппи перед тем, как надеть свой черный цилиндр. — Несносный мальчишка! Дразнил моего кота.

— У тетушки Джейн прекрасная память, учитывая, что ей в этом году исполняется восемьдесят семь, — прошептала миссис Прингл с траурной гордостью.

— Что вы сказали? — подозрительно осведомилась Экспонат Б.

— Прекрасная, говорю, у вас память.

— А-а! — Пожилое существо еще раз посмотрело на меня. И я понял,

что в этом доме мне не суждено завести хороших друзей. — Он гонял моего Тибби по всему саду, пуская стрелы из лука.

В этот момент из-под дивана вышел кот и направился в мою сторону с задранным вверх хвостом. Кошки меня любят, отчего еще горше было отвечать за преступления Сиппи. Я наклонился почесать кота за ухом, как я всегда и делал, но Экспонат Б издала пронзительный крик:

— Остановите его! Остановите его!

Она прыгнула, проявляя необычную для своего возраста резвость, и, склонившись над котом, смотрела на меня с таким ожесточенным вызовом во взгляде, будто запрещая мне даже пошевелиться. Положение не из приятных.

— Я люблю кошек, — слабо промямлил я.

Маневр не удался. Симпатии окружающих были явно не на моей стороне. И беседа, можно сказать, вот-вот сошла бы на нет, когда дверь открылась, и вошла девушка.

— Моя дочь Элоиза, — угрюмо представил профессор, как будто ему ненавистно было в этом признаться.

Я обернулся, чтобы поздороваться, и так и замер, стоя с протянутой рукой и тяжело дыша. Не припомню, когда еще я испытывал такое страшное потрясение.

Наверное, каждый из нас попадал в ситуацию, когда встречаешь кого-нибудь, ужасно похожего на внушающего тебе страх человека. Например, играл я однажды в гольф в Шотландии и в отеле наткнулся на женщину, которая была ну вылитая тетушка Агата. Возможно, более приличный ее вариант, что я бы выяснил, если только подождал немного. Но мешкать я не стал. В тот же вечер я унес ноги, не в силах выдерживать такое зрелище. А еще как-то раз меня выпроводили из вполне приличного ночного клуба, так как метрдотель напомнил мне моего дядюшку Перси.

Итак, Элоиза Прингл самым омерзительным образом походила на Гонорию Глоссоп.

Возможно, я уже рассказывал об этой чуме Глоссоп. Она была дочерью сэра Родерика Глоссоба, этого доктора из психушки. Я был помолвлен с ней уже три недели, по большей части против своей воли, когда старик, к счастью, вбил себе в голову, что у меня не все дома, и свернул все приготовления. С тех пор мне одной мысли о ней было достаточно, чтобы проснуться среди ночи с громким криком. И эта девушка в точности на нее походила.

— Э-э, здравствуйте, — пересилил себя я.

— Здравствуйте.

Ее голос окончательно меня добил. Как будто говорит сама Гонория. У Гонории Глоссоп был голос укротительницы львов, подающей властную команду одному из своих питомцев, — такой же голос был и у этой девушки. Я судорожно попятился, когда нога моя наткнулась на что-то мягкое. Воздух потряс пронзительный вопль, за которым последовал крик негодования. Я обернулся и увидел тетушку Джейн, стоящую на четвереньках и пытающуюся успокоить кошку, затаившуюся под диваном. Она посмотрела на меня, и я понял, что ее худшие страхи претворялись в жизнь.

В эту минуту позвали ужинать — я был спасен.

— Дживс, — сказал я вечером, когда мы остались одни. — Я не трус, но склоняюсь к мысли, что эта заварушка для меня уж слишком.

— Вам не доставляет удовольствия визит, сэр?

— Нет, Дживс. Вы видели мисс Прингл?

— Да, сэр, издалека.

— Вам повезло. Вы ее внимательно рассмотрели?

— Да, сэр.

— Она вам никого не напоминает?

— Мне показалось, она сильно походит на свою двоюродную сестру, мисс Глоссоп, сэр.

— Сестру! Не хотите ли вы сказать, что она двоюродная сестра Гонории Глоссоп?

— Да, сэр, миссис Прингл, в девичестве мисс Блатервик, — младшая из двух сестер, старшая из которых вышла замуж за Родерика Глоссопа.

— Боже милостивый! Так вот почему они похожи.

— Да, сэр.

— И как похожи, Дживс! Она даже разговаривает, как мисс Глоссоп.

— Неужели, сэр? Я еще не слышал мисс Прингл.

— Вы мало потеряли. Знаете, Дживс, к чему это все ведет; я, конечно, ни за что не стану огорчать старину Сиппи, но пребывание в этом доме выжмет из меня все соки. Если очень нужно, я могу вытерпеть профессора и его женушку. Приложив невероятные усилия, я даже смогу выстоять против тетушки Джейн. Но чтобы человек ежедневно сталкивался с этой девицей Элоизой, да к тому же на одном лимонаде — на ужин других напитков не подавали, — это слишком большая жертва. Что делать, Дживс?

— Держитесь как можно дальше от мисс Прингл.

— Меня посетила та же великолепная мысль, — подтвердил я.

Да, на словах легко вести отвлеченные рассуждения о том, как избегать женского общества; но, когда вы живете с ней в одном доме и она вас избегать не желает, на практике все много сложнее. Странная штука — те люди, от которых ты особенно стараешься отгородиться, прилипают словно банный лист. Я и дня не успел пробыть в злополучном доме, как понял, что от этой чумы мне не скрыться.

Она была одной из тех девушек, с которыми всегда сталкиваешься на лестницах и в коридорах. Я и в комнату не мог зайти без того, чтобы не увидеть, как мгновение спустя мимо проплывает ее силуэт. А если я выходил в сад, она непременно выпрыгивала из-за лаврового куста, клумбы или другого укрытия. Примерно на десятый день у меня сложилось твердое впечатление, что меня преследуют.

— Дживс, — поделился я, — я чувствую, что меня преследуют.

— Сэр?

— Эта девица охотится за мной. Я ни секунды не могу побыть один. Старина Сиппи должен был приехать сюда изучать колледжи Кембриджа, и вот сегодня утром она протащила меня по пятидесяти семи. Днем я отправился посидеть в саду — и снова она откуда ни возьмись. Вечером она загнала меня в угол гостиной. Не удивлюсь, если обнаружу ее в мыльнице, когда буду принимать ванну.

— Тяжкое испытание выпало на вашу долю, сэр.

— Не то слово. У вас есть предложения?

— Пока нет, сэр. Судя по всему, мисс Прингл в вас крайне заинтересована, сэр. Сегодня утром она расспрашивала меня о вашей жизни в Лондоне.

— Что?

— Да, сэр.

Я с ужасом уставился на Дживса. Меня, как по голове, ударила омерзительная догадка. Я задрожал, как осиновый лист.

В тот день за обедом произошел странный случай. Мы только что закончили мусолить котлеты, я откинулся на спинку стула, стараясь передохнуть, прежде чем приступить к пудингу, когда, случайно подняв глаза, я поймал на себе взгляд этой девицы Элоизы, прикованный ко мне неким, как мне показалось, необыкновенным образом. Тогда я не придавал этому значения, потому что пудинг такая вещь, которая требует нераздельного внимания, если вы хотите воздать должное своему желудку; но теперь, когда я вспомнил этот эпизод в свете слов Дживса, до меня дошло все зловещее значение происшедшего.

Даже сейчас что-то в этом взгляде показалось мне до боли знакомым,

и теперь я понял, почему. Точно таким же взглядом смотрела на меня Гонория Глоссоп в те дни, которые непосредственно предшествовали нашей помолвке, — это был взгляд тигрицы, наметившей жертву.

— Дживс, знаете, что мне подумалось?

— Сэр?

Я слегка поперхнулся.

— Дживс, слушайте меня внимательно. Я не причисляю себя к тем роковым личностям, которые покоряют своим очарованием и которым стоит лишь встретить барышню, как в первую же минуту она теряет душевный покой. В моем случае, по правде говоря, как раз наоборот, при встрече со мной у девушек обычно хмурятся брови, а верхняя губа начинает судорожно дергаться. Посему никто не может назвать меня паникером. Вы согласны?

— Да, сэр.

— Тем не менее, Дживс, ученые доказали, что есть определенный вид женских особей, которых странным образом привлекают субъекты типа меня.

— Совершенно верно, сэр.

— То есть я прекрасно понимаю, что у меня, согласно грубым подсчетам, половина мозгов, которые должны быть у обычного парня. И когда рядом оказывается девица, у которой мозгов в два раза выше нормы, частенько такая особа нападает на меня, и в глазах ее загорается любовная страсть. Не могу объяснить, почему, но так все и происходит.

— Наверное, природа стремится к равновесию, сэр.

— Очень может быть. Во всяком случае, я постоянно попадаю в подобные ситуации. Так случилось и с Гонорией Глоссоп. В Гиртоне она прославилась как самая мозговитая девушка на курсе, так что ей ничего не стоило заглотать меня, как бульдогу кусок мяса.

— Мне известно, сэр, что мисс Прингл еще более блестящая ученица, чем мисс Глоссоп.

— Вот те на, приплыли! Дживс, она с меня глаз не сводит.

— Да, сэр?

— То и дело встречаю ее на лестнице и в коридорах.

— Неужели, сэр?

— Она советует мне читать умные книжки.

— Какая бесцеремонность, сэр.

— А сегодня за завтраком, когда я ел сосиску, она меня отговаривала, потому что современная медицина доказала: в четырехдюймовой сосиске содержится столько же микробов, что и в дохлой крысе. Материнской

заботой пахнет, понимаешь, о моем здоровье хлопочет.

— Полагаю, из этого можно сделать вполне определенные выводы, сэр.

Совершенно разбитый, я плюхнулся на стул.

— Что делать, Дживс?

— Нам надо подумать, сэр.

— Вам надо подумать. В моем механизме винтиков не хватает.

— Я непременно уделю этому делу самое пристальное внимание, сэр, и постараюсь найти удовлетворительное решение.

Это уже хоть что-то. Но мне было не по себе. Да, никуда не денешься, мне было не по себе.

На следующее утро мы обошли еще шестьдесят три кембриджских колледжа, и после обеда я изъявил желание пойти к себе прилечь. Подождав у себя в комнате, пока не освободится путь, я сунул в карман книжку и курительные принадлежности, выкарабкался из окна и спустился в сад по архиудобной водосточной трубе. Направлялся я в летний домик, где, как я полагал, человек мог провести часок-другой в уединении.

В саду царила крайне приятная атмосфера. Светило солнышко, повсюду благоухали крокусы, а мисс Прингл и духу не было. Кот бездельничал на лужайке, я позвал его, и он, тихонько поурчав, поковылял ко мне. Только взял я его в руки и принялся чесать за ухом, как сверху раздался истошный крик, и из окна по пояс высунулась тетушка Джейн. Вот незадача!

— Ну хорошо, хорошо, — успокоил я ее.

Я скинул кота на землю, и он исчез в зарослях кустарника, а я, отмечая идею запустить кирпичом в пожилую родственницу, пошел своей дорогой, направляясь к кустам. Оказавшись в безопасном укрытии, я двинулся в обход, пока не добрался до летнего домика. И вы не поверите: не успел я сделать и несколько затяжек, как на книгу упала тень, и предо мною предстала юная паразит-прилипала собственной персоной.

— Ах, вот вы где, — сказала она.

Она присела рядом и с эдакой жуткой игривостью вынула у меня сигарету из мундштука и швырнула за дверь.

— Вы дымите, как паровоз, — упрекнула она, словно заботливая невеста, отчего мне стало не по себе. — Я бы вам не советовала. Это так вредно. И накиньте легкую курточку. Эх, некому за вами приглядывать.

— У меня есть Дживс.

— Не нравится он мне, — нахмурилась она.

— Да? Почему?

— Не знаю. Избавились бы вы от него.

Я содрогнулся от ужаса. Объясню, почему. После того как мы были помолвлены с Гонорией Глоссоп, она первым делом сказала, что Дживс ей не нравится и что надо его выставить. От осознания того, что эта девица имела не только физическое сходство с Гонорией, но и такую же черную душу, я чуть не свалился в обморок.

— А что вы читаете?

Она взяла мою книгу и снова нахмурилась. Я захватил эту книжку со своей старой квартиры в Лондоне, чтобы полистать в поезде, — довольно энергичный детектив под названием «Кровавый след». Она полистала ее с брезгливой усмешкой.

— Никак не возьму в толк, как вам может нравиться чепуха подобного... — Она вдруг осеклась. — Господи ты Боже!

— Что такое?

— Вы знакомы с Берти Вустером?

И тут я увидел свое имя, нацарапанное прямо на титульной странице. Сердце мое заколотилось как бешеное.

— Ну... в общем... это... то есть... ну да, слегка.

— Ужасный тип. Удивлена, что вы с ним водите дружбу. Ко всему прочему, он еще и кретин. Он как-то был помолвлен с моей двоюродной сестрой Гонорией, и помолвку расторгли, потому что у него поехала крыша. Вы бы слышали, как о нем отзывается мой дядя Родерик!

К такому предложению я отнесся без особого энтузиазма.

— А вы с ним часто видите?

— Частенько.

— На днях в газете поместили заметку. Его оштрафовали за непристойное поведение на улице.

— Да, я в курсе.

Она бросила на меня отвратительный, сквозящий заботой взгляд.

— Он на вас плохо влияет, — выдала она. — Я хочу, чтобы вы с ним расстались раз и навсегда. Хорошо?

— Понимаете, — начал я, но как раз в этот момент Катберт, старый кот, которому, судя по всему, одному стало скучно в кустах, вышел из укрытия с таким компанейским видом и запрыгнул мне на колени. Даром что кот, а все же в компании появился третий; и он послужил хорошим поводом сменить тему.

— Милые создания эти кошки. У нее кошек не было.

— Так вы оставите Берти Вустера? — Она полностью проигнорировала мою попытку перевести разговор на кошачью тему.

— Задача не из легких.

— Чушь! Немного силы воли — и дело с концом. Вы посмотрите — ну какой из него товарищ? Дядя Родерик называет его никудышным беспозвоночным субъектом.

Я мог бы высказать пару собственных мыслей о дяде Родерике, но на устах моих, как говорится, лежала печать.

— Вы здорово изменились со дня нашей последней встречи, — упрекнула меня эта напасть Прингл. Она наклонилась и принялась чесать кота за вторым ухом. — Вы помните, когда мы были детьми, вы говорили, что готовы ради меня на все.

— Неужели?

— Вы даже как-то плакали, потому что я рассердилась и не позволяла поцеловать себя.

Тогда я ей не поверил, да и сейчас не очень-то верится. Сиппи можно назвать болваном по многим статьям, но даже в возрасте десяти лет он не мог быть столь неподражаемым ослом. Девица кривила душой, но это ничуть не спасало ситуацию. Я отодвинулся на пару дюймов и уставился прямо перед собой, на натруженном лбу моем начали проступать капли пота.

И вдруг — вы знаете, как это происходит. Наверное, каждый хотя бы раз испытывал такое отвратительное чувство, когда тебя так и подмывает совершить безрассудный поступок. Чувство это то и дело возникает, когда находишься в переполненном театре, и что-то подбивает тебя заорать «Пожар!» и посмотреть, что будет. Или говоришь с кем-нибудь и внезапно подумает: «А ну-ка съезжу я этому субъекту в глаз!»

А клоню я вот к чему. Как раз в тот момент, когда ее плечо прижалось к моему, а черные волосы щекотали нос, на меня нашло сумасшедшее желание поцеловать ее.

— И что, правда не позволяли? — каркнул я.

— Неужто забыли?

Она подняла старую луковицу и посмотрела мне прямо в глаза. И тут меня понесло. Я закрыл глаза. Вдруг за дверью послышался самый прекрасный голос, какой только мне приводилось слышать за всю свою жизнь:

— А ну давай сюда кота!

Я открыл глаза и увидел перед собой старушку Джейн, эту королеву прекрасной половины человечества. Она уставилась на меня так, будто я был живодером и она застала меня во время черного дела. Я не знаю, как эта жемчужина из жемчужин меня выследила, но вот стояла передо мной

как спасательная экспедиция, появившаяся в последних кадрах кинокартины.

Ждать я не стал. Чары перестали на меня действовать, и я стряхнул с себя их остатки. Когда я уходил, снова послышался дорогой моему сердцу голос.

— Он стрелял в моего Тибби из лука, — пожаловалась достойнейшая и превосходнейшая восьмидесятисемилетняя старуха.

Следующие несколько дней прошли мирно. Я сравнительно мало виделся с Элоизой. Стратегическая ценность водосточной трубы за окном была выше всяких похвал, и я редко покидал дом иным способом. Казалось даже, что, если судьба и дальше будет мне улыбаться, я смогу продлить свой визит еще на неделю, чтобы прикрыть Сиппи на весь срок заключения.

Но, как говорят в кино, тем временем...

Когда пару дней спустя я вышел к ужину в гостиную, вся семейка уже собралась. Профессор, профессорша, два экспоната и девица Элоиза были разбросаны по комнате через равные интервалы. Кот спал на коврике, канарейка сидела в клетке — словом, ничто не нарушало привычного ритма заурядного вечера.

— Так-так-так. Здравствуйте-здравствуйте.

Я всегда имел обыкновение произносить что-то наподобие приветственного слова; как мне казалось, это задавало дружеский тон.

Девица Элоиза с упреком посмотрела на меня.

— Где вы были весь день? — потребовала она ответа.

— После обеда я поднялся к себе.

— В пять вас не было.

— Верно. Поработав над старыми добрыми колледжами, я отправился на прогулку. Молодому человеку необходимо гулять, если он не хочет терять форму.

— *Mens sana in corpore sano*, — отметил профессор.

— Очень может быть, — радушно согласился я.

В этот момент, когда все шло как нельзя более прелестно и я чувствовал себя в наилучшей форме, миссис Прингл вдруг огрела меня по голове пыльным мешком. Нет, не на самом деле. Нет. Я говорю в фигуральном смысле — как будто огрела.

— Что-то Родерик сильно запаздывает, — забеспокоилась она.

Может, вам покажется странным, но это имя, как лезвием, полоснуло мне по нервам. Поверьте, для человека, который имел пусть даже

малейшее дело с сэром Родериком Глоссопом, во всем мире существует только один-единственный Родерик — и одного-то хватает с лихвой.

— Родерик? — пробулькал я.

— Мой свояк, сэр Родерик Глоссоп, сегодня вечером приезжает в Кембридж, — пояснил профессор. — Завтра он читает лекции в колледже Святого Луки. А сегодня поужинает с нами.

И когда я стоял, чувствуя себя как герой, который обнаружил, что попал в лабиринт без выхода, дверь отворилась.

— Сэр Родерик Глоссоп, — объявила служанка или еще кто-то вроде нее, и вот он вошел.

Одной из причин, по которой старикашку недолюбливали широкие круги передовой общественности, был тот факт, что его голова походила на купол собора Святого Павла, а брови нуждались в хорошей стрижке и укладке, чтобы хоть немного приблизиться к разумно допустимым размерам. Ситуация — хуже не придумаешь, когда сей лысый, поросший бровями тип прет на тебя, а ты не приготовил стратегических путей к отступлению.

Когда он вошел в комнату, я ретировался за диван и вверил свою судьбу Провидению. Тут даже по руке гадать не надо, и так ясно — несчастье мне принесет темный человек.

Сначала он меня не заметил. Он пожал руки профессору и его женушке, чмокнул Элоизу и кивнул головой экспонатам.

— Боюсь, я слегка задержался, — начал пояснять он. — Небольшое происшествие на дороге, мой шофер сказал, что полетела...

И тут он заметил меня, притаившегося в глубине комнаты, и испуганно хрюкнул, как будто я причинил ему острую брюшную боль.

— Это... — начал было профессор, махнув в мою сторону.

— Мы знакомы с мистером Вустером.

— Это, — продолжал профессор, — Оливер, племянник миссис Сипперли.

— То есть как? — рявкнул сэр Родерик. Ему часто приходилось иметь дело с чокнутыми, и у него выработалась резкая и властная манера. — Это же жалкий молодой человек по имени Бертрам Вустер. Что за чушь вы несете о каких-то Оливерах и Сипперли?

Профессор уставился на меня с неподдельным удивлением. Я изобразил подобие улыбки.

— Ну, на самом деле... — пролепетал я.

Профессор озадаченно хлопал глазами. Было слышно, как напряженно трещат его мозги.

— Он представился Оливером Сипперли, — простонал он.

— Подойди сюда! — проревел сэр Родерик. — Если я правильно понял, ты навязался этим добрым людям, назвавшись племянником их старой приятельницы?

Данное описание как нельзя лучше отвечало действительности.

— Ну... э-э... да, — подтвердил я.

Сэр Родерик стрельнул в меня глазами. Пуля вошла куда-то в верхнюю часть туловища, немного побродила внутри и вышла из спины.

— Безумец! Полный безумец, я это понял с момента нашей первой встречи.

— Что он сказал? — переспросила тетушка Джейн.

— Родерик говорит, что этот молодой человек безумец, — зарычал профессор.

— Ну да, — кивнула тетушка Джейн. — Я так и знала. Он лазит по водосточным трубам.

— Что-что?

— Я сама видела — э, много раз. Сэр Родерик свирепо фыркнул.

— Его надо изолировать от общества. Подумать только, личность с такими мозгами спокойно разгуливают себе на свободе, какая гадость. А скоро, чего доброго, убивать начнут.

Мне показалось, что, выдав старину Сиппи, я стряхну с себя страшное обвинение. Все равно песенка Сиппи спета.

— Позвольте объяснить, — вступил я. — Это Сиппи попросил меня приехать.

— О чем вы говорите?

— Сам он приехать не мог, так как сидит в кутузке за избиение полицейского в ночь после соревнований по гребле.

По правде говоря, нелегко было растолковать, в чем дело, но даже после моего объяснения их чувства ко мне теплее не стали. Я бы сказал, сквозило некоторой холодностью, поэтому, когда объявили ужин, я вычеркнул себя из списка приглашенных и незамедлительно отчалил, поднявшись к себе. Мог я, конечно, и перекусить за ужином, да вот что-то обстановка не совсем располагала.

— Дживс, — влетел я в комнату и зазвенел в колокольчик, — наше дело табак.

— Сэр?

— Разверзлись врата ада, игра окончена. Он внимательно слушал.

— Никогда не стоит исключать непредвиденные обстоятельства, сэр. Осталось предпринять очевидный шаг.

— Это еще какой?

— Навестить мисс Сипперли, сэр.

— С какой радости?

— Рассудительней будет представить ей картину случившегося в ваших собственных красках, сэр, нежели позволить узнать обо всем из письма профессора Прингла. Другими словами, если вы все еще желаете приложить все усилия, чтобы помочь мистеру Сипперли...

— Я не могу подвести Сиппи. Если вы считаете, что так лучше...

— Попытка не пытка, сэр. Мне кажется, что мисс Сипперли снисходительно отнесется к проступку мистера Сипперли.

— Почему вы так думаете?

— Просто у меня такое чувство, сэр.

— Что же, если вы думаете, что стоит попробовать... как к ней добаться?

— Миль сто пятьдесят отсюда, сэр. Лучше всего взять машину.

— Действуйте немедленно, — поторопил я.

Одна мысль о том, что я буду за сто пятьдесят миль от Элоизы Прингл, не говоря уже о тетушке Джейн и сэре Родерике Глоссопе, внушала мне такую радость, которой я, наверное, не испытывал за всю свою жизнь.

Особняк «Пэддок» находился в паре миль от деревни, и я отправился туда на следующее утро, душевно позавтракав в деревенской таверне. Страха я почти не испытывал. Да, когда человек проходит через испытания, которым подвергся я за последние две недели, нервная система его закаляется. К тому же я знал, что, какой бы ни была эта тетка Сиппи, ей не сравниться с сэром Родериком Глоссопом, и поначалу чувствовал себя как у Христа за пазухой.

Особняк «Пэддок» был одним из тех среднего размера домов с крохотным и очень опрятным садиком и аккуратнейшим образом раскатанной гравиевой дорожкой, идущей вдоль кустов, которые будто только что прибыли из химчистки, — домов, на которые взглянешь и скажешь себе: «Здесь живет чья-то тетушка». Я отправился вперед по дорожке и, когда завернул за угол дома, увидел невдалеке женщину, колдующую над клумбой с лопатой в руках. Я мог голову дать на отсечение, что это та женщина, которую я ищу. Так что я остановился, прочистил горло и завел разговор:

— Мисс Сипперли?

Она стояла ко мне спиной и при звуке моего голоса проделала эдакий

прыжок или скачок, словно босоногий танцор, наступивший на луженый гвоздик. Она спустилась на землю и тупо вытаращилась на меня. Эдакая крупная, дородная особа с красноватым лицом.

— Надеюсь, я вас не напугал? — сказал я.

— Кто вы?

— Моя фамилия Вустер. Я товарищ вашего племянника, Оливера.

Она задышала ровнее.

— Да? — успокоилась она. — Когда я услышала ваш голос, то приняла вас за другого.

— Нет, я — это я. А пришел я к вам по поводу Оливера.

— Что с ним?

Я колебался. Вот мы и подошли к самой сути, к самой что ни на есть развязке, к ситуации, в которой от моей беззаботной уверенности почти не осталось и следа.

— Должен вас предупредить, дело достаточно неприятное.

— Оливер болен? С ним произошел несчастный случай?

В ее голосе звучало волнение, и мне было приятно лицезреть проявление человеческих чувств. Я решил сразу выложить карты на стол.

— Да нет, не болен, — заверил я. — Что же до несчастного случая, то все зависит оттого, что вы называете несчастным случаем. Он в катажке.

— Где-где?

— В тюрьме.

— Как — в тюрьме?

— Это моя вина. Мы гуляли в ночь после Гребных гонок, и я посоветовал ему стащить с полицейского каску.

— Не понимаю.

— Ну он был подавлен, знаете ли; и прав я был или нет, но мне подумалось, что ему полегчает, если он стянет каску с полицейского. Ему эта мысль тоже понравилась, он взялся за дело, и когда полицейский поднял шум, Оливер ему врезал.

— Врезал?

— Вмазал — долбанул — в живот.

— Мой племянник ударил полицейского в живот?

— В живот прямой наводкой. А на следующее утро судья отправил его в темницу на тридцать дней без права замены штрафом.

Все это время я с беспокойством ждал, как она воспримет новости, и вдруг лицо ее будто напололам раскололось. На мгновение оно превратилось в сплошную улыбку, затем она заковыляла по траве, сотрясая воздух взрывами хохота и бешено размахивая лопаткой.

Ей крупно повезло, что рядом не было сэра Родерика Глоссопа. Он бы тут же насел на нее и потребовал подать смиренную рубашку.

— Вы не сердитесь? — спросил я.

— Сержусь ли я? — давилась она от смеха. — Да я в жизни ничего более забавного не слышала.

У меня гора с плеч свалилась. Я таил надежду, что не слишком огорчу ее новостями, но что она будет хохотать как ненормальная — думать не думал.

— Я горжусь им, — сообщила она.

— Вот и славно.

— Если каждый молодой человек в Англии будет бить полицейских по животам, в стране будет больше порядка.

Я не смог проследить ее логику, но, однако, все сложилось как нельзя лучше; так что, обменявшись с ней еще парой любезностей, я откланялся и был таков.

— Дживс, — сообщил я, вернувшись в таверну, — все в порядке. Но почему — понять не могу, хоть убей.

— А что именно произошло во время встречи с мисс Сипперли, сэр?

— Я рассказал ей, что Сиппи мотает срок за нападение на полицейского. Услышав это, она от души расхохоталась и сказала, что гордится им.

— Думаю, что смогу объяснить столь эксцентричное поведение. Как мне стало известно, за последние две недели мисс Сипперли просто одолел здешний констебль. Это наверняка и настроило ее против всей полиции в целом.

— Да ну! Как же так вышло?

— Дело в том, что констебль слегка переусердствовал в выполнении должностных обязанностей, сэр. За последние десять дней он не менее трех раз вручал ей судебные повестки — за превышение скорости, за появление ее собаки без ошейника в общественном месте и за то, что она не чинит чересчур дымящую трубу. Будучи в деревне натурой, так сказать, деспотичной, мисс Сипперли привыкла к безнаказанности за такие мелочи, и неожиданное рвение констебля в некотором смысле предрасположило ее против полицейских как класса и, следовательно, склонило ее рассматривать подобные совершенному мистером Сипперли проступки с позиций мягких и либеральных. Теперь мне стало понятно.

— Нам удивительно повезло, Дживс!

— Да, сэр.

— А где вы обо всем разузнали?

— От самого констебля, сэр. Он мой кузен.
Я устался на Дживса. Вот теперь до меня и правда дошло.
— Боже правый, Дживс! Вы его подкупили?
— Ну что вы, сэр. Вот только у него день рождения был на прошлой неделе, и я преподнес ему небольшой подарок. Эгберта я всегда любил, сэр.
— Сколько?
— Пять фунтов — только и всего, сэр. Я пошарил в кармане.
— Держите, — протянул я. — И еще пятерку на счастье.
— Премного благодарен, сэр.
— Дживс, вы творите чудеса самым загадочным образом. Не возражаете, если я спою?
— Вовсе нет, сэр, — ответил Дживс.

СПАСАЕМ ФРЕДДИ

Перевод И. Архангельской.

— Надеюсь, Дживс, я не помешаю вам, — сказал я, вернувшись как-то из клуба.

— Нисколько, сэр.

— Хотелось бы с вами кое-что обсудить.

— Слушаю, сэр.

Дживс укладывал в чемодан мой курортный гардероб — приближался наш отъезд на побережье. Он выпрямился — весь усердие и внимание.

— Дживс, — начал я, — меня беспокоит мой близкий друг — он оказался в затруднительном положении.

— Вот как, сэр?

— Вы ведь знаете мистера Булливанта?

— Да, сэр.

— Так вот, сегодня я зашел пообедать в «Трутни» и встретил его там в курилке — забился в самый темный угол, и вид поникший, точь-в-точь последняя роза ушедшего лета. Разумеется, меня это удивило. Вы ведь знаете, какой это блестящий джентльмен. Душа общества, стоит ему где-то появиться.

— Да, сэр.

— Весельчак, каких мало.

— Совершенно верно, сэр.

— Естественно, я осведомился, в чем дело, и он открыл мне, что поссорился со своей невестой. Знаете ли вы, Дживс, что он помолвлен с мисс Элизабет Викерс?

— Знаю, сэр. Я прочел объявление в «Морнинг пост».

— Оно уже недействительно — он больше не жених. В чем причина ссоры, он мне не сказал, но факт таков, что мисс Викерс расторгла помолвку. Запретила ему даже приближаться к ней, отказывается говорить с ним по телефону, отсылает его письма обратно нераспечатанными.

— Ужасно, сэр.

— Надо что-то предпринять, Дживс. Но что?

— Я бы затруднился, сэр, вот так, сразу, вносить предложения.

— Для начала я, пожалуй, заберу его с собой в Марвис-Бей. Знаю я этих горемык, которым царица их грез дала вдруг от ворот поворот. Что им

необходимо, так это полностью изменить обстановку.

— Думаю, вы правы, сэр.

— Да-да, изменить обстановку — это очень важно. Мне как-то рассказывали об одном таком отвергнутом влюбленном. Девушка отказала ему. Он уехал за границу. Два месяца спустя девушка прислала телеграмму: «Возвращайся. *Мюриел*». Он сел писать ответ и вдруг обнаружил, что не может вспомнить ее фамилию, поэтому вообще не ответил, и в дальнейшем жизнь его протекала вполне счастливо. Очень может быть, что, отдохнув неделю-другую в Марвис-Бее, Фредди Булливант и думать забудет об Элизабет Викерс.

— Вполне возможно, сэр.

— Если же этого не случится, то, может быть, морской воздух и простая здоровая пища благотворно воздействуют на вас, Дживс, вас осенит какая-нибудь блестящая идея и вы придумаете план, как снова свести этих голубков вместе.

— Я постараюсь, сэр.

— Знаю, Дживс, знаю. Не забудьте положить побольше носков.

— Не забуду, сэр.

— А также теннисных рубашек.

— Непременно, сэр.

Я перестал мешать ему, и двумя днями позже мы отправились в Марвис-Бей, где я снял коттедж на июль и август.

Не знаю, бывали ли вы в Марвис-Бее. Это в Дорсетшире, и, хотя шикарным это местечко не назовешь, есть в нем и свои прелести. С утра вы купаетесь и валяетесь на песке, а вечером прогуливаетесь по берегу в компании с комарами. В Девять вечера, смазав маслом раны, ложитесь спать. Простая, здоровая жизнь, и, судя по всему, она вполне устраивала беднягу Фредди. Как только всходила луна и бриз с мягким шелестом овеивал ветки деревьев, его никакими силами невозможно было вытащить с берега. Комары его просто обожали. Они праздно вились в воздухе, оставляя без внимания вполне приличных гуляющих, чтобы быть в форме к моменту появления Фредди.

Пожалуй, только в середине дня Фредди несколько докучал мне. У кого достанет духу попрекнуть в чем бы то ни было друга, сердце которого разбилось в мелкие дребезги, однако, должен признаться, в первые дни нашего пребывания в Марвис-Бее его мрачный вид порядком действовал мне на нервы. Если он не грыз свою трубку, мрачно уставившись на ковер, то садился за пианино и одним пальцем выстукивал «Розы в саду». Кроме

«Роз», он играть ничего не умел, да и эта мелодия ему не давалась. Начинал он твердо и уверенно, но уже на третьем такте давал осечку, и ему приходилось начинать все сначала.

Однажды утром, когда Фредди, по обыкновению, принялся терзать «Розы», а я, искупавшись, вошел в гостиную, мне показалось, что таких мрачных звуков он еще никогда не извлекал. Я не ошибся.

— Берти, — начал Фредди загробным голосом, споткнувшись на третьей закорючке слева после начала второго такта, отчего получился душераздирающий звук, подобный предсмертному хрипу гибнущей песчанки. — Я видел ее!

— Кого — ее? — недоверчиво переспросил я. — Элизабет Викерс? Как ты мог ее видеть? Ее здесь нет.

— Она здесь. Наверно, приехала погостить у родственников или у кого-то там еще. Я пошел на почту справиться, нет ли мне писем... Мы столкнулись в дверях.

— И что произошло?

— Она сделала вид, что не знает меня.

Он снова принялся за «Розы» и запутался в шестнадцатых.

— Берти, тебе не стоило привозить меня сюда. Я должен уехать.

— Уехать? Не говори глупостей. Все просто замечательно! Тебе крупно повезло, что она приехала сюда. Тебе выпала козырная карта.

— Но она сделала вид, что даже не знакома со мной.

— Ну и что с того? Будь мужчиной! Сделай еще один заход, завоюю ее.

— Она смотрела сквозь меня. Как будто меня там и не было.

— Не обращай внимания. Соберись с силами. Теперь тебе нужно сделать что-нибудь такое, чтобы она почувствовала себя обязанной тебе, чтобы кротко поблагодарила тебя. Чтобы она...

— За что ей кротко благодарить меня?

Я слегка задумался. Похоже, он нащупал изъян в моих построениях. Я несколько растерялся, если не сказать больше, но потом сообразил.

— Тебе нужно спасти ее, когда она станет тонуть, — сказал я.

— Но я не умею плавать.

Да, Фредди — это Фредди. Отличный малый во многих отношениях, но проку от него, можно сказать, ноль.

Он снова ткнул пальцем в клавишу, и я почел за благо удалиться, оставив вопрос открытым.

Я прогуливался по берегу и обдумывал ситуацию. Надо было посоветоваться с Дживсом, но он ушел по каким-то делам. Надеяться на то,

что Фредди придумает что-то сам, не приходилось. Я не спорю, старина Фредди был человек не без способностей. Он хорошо играл в поло, и, я слышал, о нем говорили как о многообещающем бильярдисте. Но на том его достижения и кончались, предприимчивостью он не отличался.

Поглощенный раздумьями, я обогнул нагромождение камней, и мой взгляд упал на фигуру в голубом. Это была она! Лично с невестой Фредди я не был знаком, но шестнадцать ее фотографий были развешаны по стенам спальни Фредди, и ошибиться я не мог. Она сидела на песке и помогала маленькому толстому мальчику строить замок. Рядом, с книжкой в руке, сидела в шезлонге пожилая особа. Я услышал, как девушка назвала ее тетей. Голова у меня заработала, и я заключил, что толстый карапуз — ее кузен. Окажись тут Фредди, подумал я, он, в силу этого обстоятельства, наверняка проникся бы нежными чувствами к малышу. Сам же я прилива нежных чувств не испытал. Пожалуй, я еще никогда не встречал ребенка, который был бы мне менее симпатичен. Толстый, круглый увалень.

Достроив замок, карапуз исполнился мировой скорбью и захныкал. Девушка, как видно, просто читала его мысли, она взяла его за руку и повела к лоточнику, который продавал сладости. А я пошел дальше.

Те, кто хорошо меня знает, скажут вам, если вы поинтересуетесь, что я несколько туповат. Моя родная тетя Агата это подтвердит. И дядя Перси, и многие другие мои ближайшие и — если вы не возражаете против такого эпитета — дражайшие родственники. Что ж, я не в обиде. Вполне допускаю, что я не самый сообразительный человек на свете. Однако должен сказать — и хотел бы это подчеркнуть, — что время от времени, как раз в тот момент, когда окружающие теряют последнюю надежду, что я когда-нибудь поумнею, меня вдруг осеняет какая-то бесспорно гениальная идея. Именно так случилось сейчас. Сомневаюсь, чтобы даже умнейшим из умнейших пришла в голову подобная мысль. Ну разве что Наполеону, однако ручаюсь, что ни Дарвин, ни Шекспир, ни Томас Харди вовек бы до такого не додумались.

Осенило меня на обратном пути. Я брел по берегу, тщетно ломая голову над непосильной задачей, когда перед моими глазами вновь возник толстый бутуз — он задумчиво шлепал лопаткой по медузе. Девушки поблизости не было. Тетки тоже. Поблизости не было никого. И тут словно яркая вспышка озарила мой мозг, и я решил задачу воссоединения Фредди и Элизабет полностью и окончательно.

Из той сценки, какую я наблюдал, проходя мимо этого места в первый раз, я заключил, что девушка относится к малышу с большой нежностью. К тому же, скорее всего, он ей близкий родственник. В моей голове сложился

ясный план действий: на какое-то непродолжительное время я похищаю этого юного тяжеловеса, девушка приходит в отчаяние и мечется в поисках его по пляжу, и тут неожиданно появляется старина Фредди, ведя за руку мальчика, и рассказывает историю о том, как увидел его, блуждающего в одиночестве, и практически спас ему жизнь. Признательность девушки не знает границ, она уже не сердится на Фредди, они снова друзья.

Не медля ни секунды, я сграбастал ребенка и пустился наутек.

Поначалу старина Фредди никак не мог взять в толк, что происходит. Когда я появился в нашей гостиной с ребенком на руках и плюхнул его на диван, Фредди не выразил никакой радости. Мальчишка к тому времени опять захныкал, — он, по-видимому, не одобрял мой замысел, — и на Фредди это подействовало удручающе.

— Что все это значит, черт побери? — спросил он, с отвращением разглядывая толстячка.

Негодник испустил такой вопль, что задрожали стекла. Надо было срочно принять стратегическое решение. Я помчался на кухню и схватил горшочек с медом. Догадка была правильной. Мальчишка перестал орать и принялся размазывать мед по своей физиономии.

— Так в чем дело? — спросил Фредди, когда установилась тишина.

Я изложил ему свой план. Постепенно до него начало доходить. Мука и страдание сошли с его лица, и впервые со дня приезда в Марвис-Бей он улыбнулся почти что счастливой улыбкой.

— Знаешь, Берти, в этом что-то есть.

— Именно то, что надо, дружище!

— Думаю, это сработает, — сказал Фредди и, оторвав мальчишку от горшочка с медом, повел его за собой.

— Наверно, Элизабет где-то на пляже, — были его последние слова.

Тихая радость воцарилась в моей душе. Я очень любил старину Фредди, и мне приятно было думать, что не пройдет и получаса, как он снова обретет счастье. Мирно попыхивая сигаретой, я сидел в качалке на веранде, когда увидел на дороге возвращавшегося Фредди. Милостивый Боже, мальчишка был по-прежнему с ним!

— Алло! — сказал я. — Ты что, не нашел ее?

Вид у Фредди был такой, как будто ему съездили ногой в живот.

— Да нет, нашел, — ответил он и, как пишут в книгах, горько усмехнулся.

— И что же?

Он упал в кресло, и из груди его вырвалось некое подобие стона.

— Он ей не кузен, дурак ты несчастный! — сказал Фредди. — Она

вообще не знает, кто он, — просто мальчик, которого она встретила на пляже. До сегодняшнего утра она его в глаза не видела.

— Но она же помогала ему строить песочный замок!

— Ну и что? Все равно это чужой мальчишка. Девушка помогает строить песочный замок ребенку, которого впервые увидела пять минут назад, — тут уж, как говорится, дальше некуда! Правильно пишут о теперешних девицах — бесстыжие, другого эпитета не подберешь.

Именно такое мнение я и высказал Фредди, но он меня даже не слушал.

— Так кто же он тогда — этот кошмарный ребенок? — спросил я.

— Не имею ни малейшего представления. Боже мой, что я пережил! Одно лишь меня утешает — что ближайшие несколько лет своей жизни ты, надеюсь, проведешь в Дартмурской тюрьме. За совершенное похищение. А я буду приезжать в дни свиданий и глумиться над тобой через прутья решетки.

— Расскажи мне, как было дело, старина, — попросил я. Он рассказал. Это заняло немало времени, поскольку чуть ли не на каждой фразе Фредди прерывался, чтобы обозвать меня каким-нибудь бранным словом, но в конце концов у меня сложилась более или менее полная картина происшествия. Барышня по имени Элизабет выслушала сочиненный им рассказ холодно, как айсберг, а затем... нет, прямо лгуном она его не назвала, но косвенно дала понять, что он полное ничтожество и иметь с ним дело она не желает. Поверженный и униженный Фредди вместе с младенцем уполз прочь.

— И помни, — заключил Фредди, — все это придумал ты. Я к этому не имею никакого отношения. Если ты намерен избежать наказания или хотя бы смягчить суровость приговора, тебе лучше немедленно отправиться на поиски родителей ребенка и вернуть его, прежде чем за тобой явится полиция.

— Но кто его родители?

— Понятия не имею.

— Где они живут?

— Ничего не знаю.

Ребенок тоже ничего не знал. На редкость бестолковый и неразвитый мальчик. Единственно, что я из него вытянул, так это то, что у него есть папа. Нет чтобы спросить за вечерней беседой у папаши имя и адрес. Итак, попусту потратив десять минут, мы вышли с ним на вольный простор и побрели неведомо куда.

Честное слово, покуда я не пустился в это изнурительное странствие,

волоча за собой карапуза, я не имел ни малейшего представления, до чего это трудная задача — вернуть сына родителям. А уж каким образом похитители детей попадают в лапы полисменов — для меня и вовсе загадка. Я, точно ищейка, обрыскал весь Марвис-Бей, но никто не востребовал малыша. Можно было подумать, что он поселился здесь совершенно самостоятельно и живет один-одинешенек в отдельном коттедже. Поиски продолжались до тех пор, пока на меня не сошло еще одно озарение — я решил порасспрашивать повстречавшегося нам на пути торговца сладостями. Торговец приветствовал моего толстячка как давнего знакомого и сообщил мне, что родители его, по фамилии Кегуорти, проживают в пансионате «Морской отдых».

Теперь оставалось только отыскать этот «Морской отдых». Посетив «Морской горизонт», «Морскую панораму», «Морской бриз», «Морской коттедж», «Морское бунгало», «Морской приют» и «Морскую усадьбу», я в конце концов нашел и «Морской отдых».

Постучался. Ответа не последовало. Я постучал в дверь еще раз. В доме слышалось какое-то движение, но никто не появился. Я уже приготовился шарахнуть дверным молотком с такой силой, чтобы эти люди поняли, что я сюда не шутки шутить пришел, но тут откуда-то сверху раздался голос:

— Алло!

Я поднял глаза и в верхнем окошке увидел круглое, розовое лицо, обрамленное бакенбардами. Лицо смотрело на меня.

— Добрый день! — крикнул владелец розового лица. — Вам сюда нельзя.

— А я и не собираюсь входить.

— Потому что... Ой! Да это же Пузатик!

— Меня зовут не Пузатик. А вы, я полагаю, мистер Кегуорти? Я привел вашего сына.

— Вижу-вижу. Ку-ку, Пузатик! Папочка тебя видит. Лицо спряталось. Слышались голоса. Затем оно появилось снова.

— Послушайте!

Я мрачно утаптывал гравий. Этот тип действовал мне на нервы.

— Вы живете в Марвис-Бее?

— Снял коттедж на несколько недель.

— Как ваша фамилия?

— Вустер.

— Не может быть! Ну просто чудеса! Скажите же скорее как она пишется: В-у-с-т-е-р или В-у-р-с-т-е-р?

— Вэ-у-эс...

— Я спрашиваю потому, что когда-то знал мисс Вустер, фамилия которой писалась Вэ-у-эс...

Мне уже надоели эти упражнения в правописании.

— Может, вы откроете дверь и заберете ребенка?

— Я не могу открыть дверь. Эта мисс Вустер, которую я знал, вышла замуж за человека по фамилии Спенсер. Она вам не родня?

— Это моя тетя Агата, — ответил я с саркастической ноткой в голосе, тем самым давая ему понять, что именно такие типы, как он, и водят знакомство с моей тетей Агатой.

Он просиял.

— Какая удача! — воскликнул он. — А мы-то ломали голову, что нам делать с Пузатиком! Понимаете ли, какая история — у нас тут свинка. У Босоножки — это моя дочурка — только что обнаружили свинку. Пузатик может заразиться. Мы никак не могли придумать, что нам делать. Как нам повезло, что именно вы его нашли! Он удрал от няни. Я не решился бы доверить его незнакомому человеку, но вы — другое дело. Любой из племянников миссис Спенсер может рассчитывать на полное мое доверие. Вы должны взять Пузатика к себе домой. Как замечательно все устроилось! Я написал моему брату в Лондон, чтобы он приехал и увез мальчика. Он может появиться здесь через несколько дней.

— Господи помилуй! Может?

— Вообще-то мой брат очень занятой человек, но не позже чем через неделю он обязательно приедет. А до тех пор Пузатик сможет пожить у вас. Превосходный план! Я вам премного благодарен! Вашей жене Пузатик очень понравится.

— У меня нет жены! — возопил я, но окошко со стуком захлопнулось, как будто джентльмен с бакенбардами заметил микроба свинки, норовящего вырваться из заточения на волю, и кинулся ему наперерез.

Я вздохнул поглубже и отер платком свой страдальческий лоб.

Окошко снова распахнулось.

— Эй!

Пакет с тонну весом обрушился мне на голову и взорвался подобно бомбе.

— Поймали? — спросило круглое лицо, снова появляясь в окошке. — Ай-яй-яй, вы не поймали. Впрочем, не страшно — купите все у бакалейщика. Спросите «Бейли, гранулированные чипсы для завтрака». Пузатик любит, чтобы молока было совсем чуть-чуть. Не сливок. Молока. Но обязательно фирмы «Бейли».

— Понимаю, но...

Лицо исчезло, окно захлопнулось. Я подождал некоторое время, однако больше ничего не произошло, и, взяв Пузатика за руку, я двинулся прочь.

Мы вышли на дорогу — навстречу нам шла Элизабет.

— Это ты, малыш? — спросила она, вглядываясь в Пузатика. — Значит, папочка нашел тебя? Сегодня утром на пляже мы очень подружились с вашим сыном, — сказала она мне.

Это уж было слишком! Я еще не пришел в себя после диалога с розовощеким психом, и нате вам — новый сюрприз! У меня перехватило дыхание от возмущения, однако, прежде чем я успел отречься от столь нелепого отцовства, девушка, кивнув на прощанье, скрылась за углом.

Я и не ждал, что Фредди, снова увидев мальчишку, запоем от радости, но все же надеялся, что он проявит хотя бы немного мужества и чисто британской стойкости. Он же, когда мы вошли, вскочил, метнул в Пузатика яростный взгляд и схватился за голову. Он долго молчал, не произнося ни слова, но зато потом, заговорив, долго не мог остановиться.

— Ну скажи хоть что-то, — обратился он ко мне, покончив с основными комментариями по поводу последних событий. — Почему ты молчишь?

— Если ты предоставишь мне такую возможность, может быть, и скажу.

И я сообщил ему про новую неприятность.

— Что же ты собираешься делать? — спросил Фредди довольно, я бы сказал, злобным тоном.

— А что мы можем сделать?

— Мы? Что значит — мы? Я не собираюсь тратить время, сменяя тебя на посту няньки. Я немедленно возвращаюсь в Лондон.

— Фредди! — вскричал я. — Фредди, дружище! — Голос мой дрогнул. — Неужели ты покинешь друга в беде?

— Да, покину.

— Фредди, — сказал я, — ты должен быть рядом со мной. Ты просто обязан! Понимаешь ли ты, что этого ребенка надо раздевать, купать и одевать снова? Ты же не хочешь, чтобы все это я делал один?

— Тебе поможет Дживс.

— Нет, сэр! — Как раз в эту минуту Дживс вкатил в гостиную столик с завтраком. — Сожалею, но я должен решительно устраниваться от этих забот. — Дживс говорил почтительно, но твердо. — У меня слишком мало

опыта — вернее, нет никакого опыта в уходе за детьми.

— Самое время начать его приобретать, — настаивал я.

— Нет, сэр. Мне очень жаль, но я не могу взять на себя эти обязанности.

— Тогда останься ты, Фредди!

— Я не останусь.

— Но ты обязан. Вспомни, старина, мы друзья уже столько лет. Твоя матушка любит меня.

— Она тебя не любит.

— Ну хорошо, пусть не любит, но мы вместе учились в школе, ты еще задолжал мне десять фунтов.

— Ну ладно, ладно, — смирившись, сказал он.

— К тому же, старина, я ведь для тебя старался.

Он посмотрел на меня как-то странно и задышал тяжело и прерывисто.

— Я готов вытерпеть многое, Берти, — сказал он, — но не жди от меня благодарности — этого не будет!

Оглядываясь назад, я отдаю себе отчет, что от гибели меня спасла гениальная идея — скупить содержимое близлежащей кондитерской. Бесперебойно поставляя сладости нашему юному подопечному, мы довольно сносно просуществовали до конца того рокового дня. В восемь он заснул прямо в кресле, и, расстегнув все видимые пуговицы, а где не было пуговиц, применяя грубую силу, если что-то не поддавалось, мы уложили милое чадо в постель.

Фредди стоял посередине комнаты и смотрел на горку одежды на полу. На лбу у него пролегли две страдальческие морщины. Я догадывался, о чем он думает. Раздеть ребенка — дело нехитрое, это, так сказать, вопрос мускульных усилий, но как его потом одеть, вот в чем вопрос. Я поворошил горку носком ботинка. Вот что-то длинное полотняное, но что? И какая-то розовая фланелевая штуковина загадочного предназначения. Пренеприятная история.

Однако утром я вспомнил, что через коттедж от нас поселилась семья с детишками, и, сходяв туда еще до завтрака, позаимствовал у них няню. Нет, право же, женщины — это чудо! Буквально за восемь минут няня приладила все разрозненные части одежды в нужные места, и наш герой превратился просто в картинку, хоть ведем на детский прием в саду Бекингемского дворца. Я осыпал ее щедротами, и няня пообещала заглядывать к нам по утрам и вечерам. За завтрак я сел, можно сказать, в прекрасном расположении духа. Наконец-то нам, хоть несколько криво, но улыбнулась удача.

— Вообще-то, — сказал я, — ребенок приносит в дом тепло и уют. Ты не согласен?

В эту минуту Пузатик опрокинул чашку молока прямо на брюки Фредди, и когда Фредди вернулся к столу переодевшись, утвердительно ответить на мой вопрос он был уже не в состоянии.

Вскоре после завтрака Дживс спросил, не уделю ли я ему несколько минут, — он хочет кое-что сообщить мне.

Бурные события последних дней так все запутали, что я уже не очень ясно помнил, зачем я привез Фредди в Марвис-Бей, однако мне еще не окончательно отшибло память. Хочу сказать, что я несколько разочаровался в Дживсе. План, если вы помните, был такой: морской воздух и простая еда, так сказать, освежают его умственные способности, и он придумывает, как помирить Фредди с его невестой Элизабет.

Но что же получилось? Дживс отменно ел и спал, однако не сделал и малого шажка в направлении к счастливой развязке. Шаг сделал я, причем без всякой посторонней помощи, и хотя, должен сказать, ничего хорошего из моего одинокого шага не вышло, факт остается фактом: это я проявил сметливость и находчивость. Так что, когда Дживс ко мне пожаловал, я встретил его высокомерно. Прохладно, я бы сказал. С ледком.

— Слушаю вас, Дживс, — ответил я. — Вы хотели поговорить со мной?

— Да, сэр.

— Валяйте, Дживс.

— Благодарю вас, сэр. Я хотел сказать, что вчера вечером я посетил местный кинотеатр.

Я вздернул брови. Он меня просто изумил. В доме Бог весть что творится, молодой хозяин, можно сказать, доведен до отчаяния, а он не только шляется по кино, но и считает уместным сообщать мне о своем праздном времяпрепровождении!

— Надеюсь, вы получили удовольствие, — сказал я достаточно ядовито.

— Да, сэр, спасибо. Показывали суперфильм в семи частях о бурной жизни нью-йоркского высшего света. С Бертой Блевитч, Орландо Мерфи и Беби Бобби в главных ролях. Очень интересный фильм, сэр.

— Рад слышать, — сказал я. — Ну а если сегодняшнее утро вы проведете на пляже, копаясь в песочке, с лопаткой и ведерком в руках, вы тоже придете доложить мне об этом? У меня ведь нет никаких забот, и ваш рассказ послужит мне приятным развлечением.

Иронически сказал. С сарказмом. Даже горько, если разобраться.

— Фильм называется «Крошечные ручки». Родители малыша — его играет Беби Бобби, — как это ни печально, разошлись.

— Ай-яй-яй! — сказал я.

— Но в глубине души они все еще любят друг друга.

— Неужели? Отрадно слышать.

— Однако так все и продолжалось, сэр, пока однажды...

— Дживс, — сказал я, испепеляя его взглядом, — что за чушь вы городите? В доме черт знает что творится, этот жуткий ребенок буквально сидит у меня на голове, и вы полагаете, что я способен слушать...

— Прошу меня извинить, сэр, но я бы и не упомянул об этом фильме, если бы он не натолкнул меня на одну мысль...

— Мысль?

— Мысль, которая, я думаю, поможет нам в обеспечении матримониального будущего мистера Булливанта. К чему, если вы припомните, сэр, вы и призывали меня.

Мой вздох был полон раскаяния.

— Дживс, — сказал я, — я был к вам несправедлив.

— Что вы, сэр!

— Да нет же, я вас не понял. Мне показалось, что вы настолько увлеклись морскими купаниями и прочими курортными прелестями, что начисто забыли о нашем общем деле. Я не должен был так думать! Расскажите мне все подробно, Дживс.

Он с достоинством поклонился. Я просиял. И хотя мы не бросились друг другу в объятия, ясно было, что отношения наши снова наладились.

— Сэр, в этом суперсуперфильме «Крошечные ручки», — начал Дживс, — родители ребенка, как я уже сказал, разошлись.

— Разошлись, — повторил я, кивая. — Верно. И затем?

— Настал день, сэр, когда их маленький сынишка снова их соединил.

— Каким образом?

— Насколько я помню, сэр, малыш спросил: «Папочка, ты больше не любишь мамочку?»

— И дальше?

— Это всколыхнуло их чувства. На экране появляются «обратные кадры», если я правильно это называю: они жених и невеста, счастливая супружеская жизнь в первые годы, далее идут разные любовные картины в историческом порядке; и конец фильма — крупным планом: он и она нежно обнимаются, на них умиленно смотрит малыш, в отдалении орган тихо играет «Сердца и цветы».

— Продолжайте, Дживс, — сказал я. — Вы меня очень заинтересовали. Я, кажется, начинаю улавливать вашу мысль. Вы полагаете?..

— Я полагаю, сэр, коль скоро в доме находится юный джентльмен, вполне возможно устроить подобную *denouement*^[92] для мистера Булливанта и мисс Викерс.

— Но вы не учли, что этот юный джентльмен не имеет никакого родственного отношения ни к мистеру Булливанту, ни к мисс Викерс.

— Несмотря на эту помеху, сэр, я предвижу положительный результат. Если возможно хотя бы на короткое время свести мистера Булливанта и мисс Викерс в нашей гостиной в присутствии ребенка и если этот ребенок будет произносить какие-то трогательные слова...

— Я вас понял, Дживс! — с энтузиазмом воскликнул я. — Гениально! Вот как я это представляю: сцена разыгрывается здесь, в гостиной. В центре — малыш. Девушка слева. Фредди в глубине сцены играет на пианино. Хотя нет. Он может только одним пальцем и только самое начало «Роз». Так что без тихой музыки придется обойтись. Все остальное получается просто идеально. Вот смотрите, Дживс, — продолжал я. — Чернильница — это мисс Викерс. Кружка с надписью «Сувенир из Марвис-Бей» — мальчишка. Перочистка — мистер Булливант. Начинается разговор, который надо подвести к реплике мальчишки. Реплика... Допустим, она прозвучит так: «Ка-асивая тетя, ты любишь дядю?» Они простирают друг к другу руки. Стоп-кадр. Далее: Фредди пересекает комнату справа налево и берет девушку за руку. От волнения у него комок в горле. Затем он произносит проникновенную речь: «Ах, Элизабет, — говорит он, — не слишком ли затянулась наша размолвка? Видишь, даже малое дитя укоряет нас!» И так далее. Я набрасываю общий план. Фредди предстоит поработать над текстом. А нам необходимо продумать получше реплику для ребенка. «Ка-асивая тетя, ты любишь дядю?» — звучит недостаточно четко. Хотелось бы что-то более...

— Могу я предложить вариант, сэр?

— Слушаю вас.

— Я посоветовал бы всего два слова: «Поцелуй Фредди». Это коротко, хорошо запоминается и, я бы сказал, побуждает к действию.

— Вы гений, Дживс!

— Благодарю вас, сэр.

— «Поцелуй Фредди» — решено. Но как, черт побери, мы заманим ее сюда? Мисс Викерс не здоровается с мистером Булливантом. Она к нему близко не подойдет.

— Это осложняет дело, сэр.

— Но неважно. Устроим встречу на лоне природы. Подстережем ее на пляже, когда все подготовим. Пока что мы должны добиться, чтобы ребенок выучил свою роль назубок.

— Да, сэр.

— Отлично! Завтра в одиннадцать утра первая репетиция.

Бедняга Фредди пребывал в таком мрачном расположении духа, что я решил до поры до времени не посвящать его в наш замысел. Не то у него настроение, чтобы еще волноваться по поводу предстоящего спектакля. Итак, мы начали с Пузатика. И уже на первых репетициях обнаружили, что единственный способ заставить Пузатика сосредоточиться — это, так сказать, воздействовать на него приманкой. Я имею в виду все те же сладости.

— Главная трудность, сэр, — сказал Дживс под конец первой репетиции, — это, как я полагаю, установить в сознании юного джентльмена связь между словами, которые он должен произнести, и последующим угощением.

— Совершенно верно, Дживс, — сказал я. — Как только негодник сообразит, что за этими двумя словами, если он произнесет их громко и отчетливо, автоматически последует шоколадная нуга, успех будет обеспечен.

Я не раз размышлял о том, как это интересно — дрессировать животных, пробуждать в них сознание, заставлять думать. Да, это было увлекательно — дрессировать Пузатика. День на день не приходился. То вдруг казалось, что успех просто поразителен — малыш входил в роль и исполнял ее как настоящий профессионал. А назавтра снова все распадалось. Время, однако, летело...

— Дживс, — сказал я, — нам надо спешить. В любой момент может приехать дядя мальчика и забрать его.

— Вы правы, сэр.

— А дублера у нас нет.

— Совершенно верно, сэр.

— Мы должны работать не покладая рук. Честно сказать, этот ребенок порой приводит меня в отчаяние. Глухонемой, и тот уже выучил бы эти два слова.

Хотя не могу не отдать должное мальчишке: упорства ему было не занимать. Неудачи не расхолаживали его. Стоило ему завидеть шоколадку, как он решительно бросался в бой и вопил что ни попадя, покуда не получал награду. Вот только стабильности ему не хватало. Что до меня, то

я готов был рискнуть и при первой возможности устроить встречу, однако Дживс возражал.

— Я бы не советовал слишком торопиться, сэр, — сказал он. — До тех пор, пока память юного джентльмена действует недостаточно надежно, мы рискуем провалить весь замысел. Вспомните, сэр, сегодня он так разбушевался, что вместо «поцелуй Фредди» сказал «стукни Фредди». Боюсь, подобный призыв не растрогает юную леди.

— Да уж. К тому же она может и выполнить его. Вы правы, Дживс. Отложим представление.

Но, увы, отложить мы не смогли. Занавес поднялся на следующий же день!

Ничьей вины в том не было, и уж тем более моей. Судьба распорядилась, как ей заблагорассудилось. Дживс куда-то ушел, дома были мы с Фредди и Пузатик. Фредди только что уселся за пианино, а я решил вывести малыша на прогулку, но только мы вышли на веранду, как увидели Элизабет — она направлялась на пляж. При виде ее малыш издал приветственный вопль, и она остановилась у крыльца веранды.

— Здравствуй, детка, — сказала она. — Доброе утро! — Это мне. — Можно мне к вам подняться?

И, не дожидаясь ответа, Элизабет вспорхнула на веранду. Такой, видно, у нее был характер. Она занялась малышом. Напоминаю, что в пяти шагах от нас, в гостиной, брэнчал по клавишам Фредди. Положение было отчаянное — поверьте мне, Бертраму! В любую минуту Фредди могло взбрести в голову выйти на веранду, а я ведь еще не провел с ним ни одной репетиции.

Я решил нарушить молчание.

— Мы как раз собрались на пляж, — сказал я.

— Да? — Девушка прислушалась. — Вы настраиваете пианино? — спросила она. — Моя тетушка ищет настройщика. Вы не против, если я загляну в гостиную и попрошу мастера, когда он кончит работать у вас, зайти к нам?

Я отер со лба капельки пота.

— Э-э... не стоит входить сейчас, — сказал я. — Не сию минуту. Настройщики не выносят, когда их беспокоят во время работы. Знаете ли, эти артистические натуры... Но позднее я скажу ему...

— Прекрасно. Попросите его зайти в «Сосновое бунгало», к Викерсам... Ах, по-моему, он уже перестал. Сейчас, наверное, выйдет. Я подожду.

— Вам не кажется... вы не опоздаете на пляж? — сказал я. Но

Элизабет уже болтала с малышом и что-то нащупывала в своей сумке.

— На пляж... — промямлил я.

— Смотри, что я тебе купила, детка, — сказала девушка. — Почему-то я была уверена, что встречу тебя, и вот запаслась твоими любимыми конфетками.

И — о Боже! — она помахала перед вытаращенными глазами Пузатика брикетом ирисок величиной с Мемориал принцу Альберту.

Это все решило. С утра мы с Пузатиком довольно долго репетировали, и, надо сказать, он продемонстрировал определенные успехи. Сейчас он ухватил все с первого раза.

— Поцелуй Фредди! — завопил он.

В этот момент дверь из гостиной отворилась, и на веранду, будто откликнувшись на призыв Пузатика, вышел Фредди.

— Поцелуй Фредди! — вопил малыш.

Фредди уставился на девушку, девушка на него. Я уставился в пол, малыш — на брикет ирисок.

— Поцелуй Фредди! — вне себя орал Пузатик. — Поцелуй Фредди!

— Что все это значит? — спросила девушка, поворачиваясь ко мне.

— Лучше отдайте ему ириску, — сказал я. — Он будет орать, пока ее не получит.

Элизабет отдала Пузатику ирис, и он утих. Фредди, остолоп несчастный, так все и стоял с открытым ртом. Он не вымолвил ни единого слова.

— Что все это значит? — повторила вопрос девушка. Щеки у нее пылали, глаза сверкали, в меня летели стрелы. Я, Бертрам Вустер, превратился в филе без единой косточки, если я понятно выражаюсь. В хорошо отбитую котлету. Случалось ли вам, танцуя, наступить на подол платья своей дамы — я говорю о временах, когда женщины носили платья такой длины, что на них можно было наступить, — и услышать треск, и увидеть ангельскую улыбку на ее лице, когда она говорит вам: «Пожалуйста, не извиняйтесь. Это такой пустяк», — а потом вдруг встретиться с ее холодными, ясными голубыми глазами и совершенно отчетливо ощутить удар, как будто вы наступили на зубья грабель и рукоятка подпрыгнула и стукнула вас по лицу? Именно так смотрела на меня невеста Фредди — Элизабет.

— Я вас слушаю, — сказала она, и зубы ее слегка лязгнули.

Я сглотнул слюну. И сначала сказал, что это ничего не значит. Затем — что это не значит ничего особенного. И, наконец, проговорил: «Видите ли, вот такая вышла история». И рассказал ей все от начала до конца. Все

это время кретин Фредди стоял и молчал, словно его вдруг поразила немота.

Девушка тоже молчала. Она слушала.

И вдруг начала смеяться. Я никогда не слышал, чтобы какая-нибудь девушка так смеялась. Она привалилась к столбику веранды и хохотала во все горло. А Фредди, этот чемпион по идиотизму, так и стоял молча.

Рассказ мой был закончен, и я потихонечку, бочком, стал продвигаться к крыльцу. Я сказал все, что должен был сказать, и, как мне представлялось, на этом месте в моей роли стояла ремарка: «Незаметно уходит». На Фредди я окончательно махнул рукой. Произнеси он хоть слово, и все было бы в порядке. Но он безмолвствовал.

Я отошел довольно далеко от нашего коттеджа, когда встретил Дживса, возвращавшегося с прогулки.

— Все кончено, Дживс, — сказал я. — Ставим точку. Старина Фредди оказался форменным ослом, он все погубил. Спектакль провалился.

— Не может быть, сэр! Но что случилось? Я рассказал ему.

— Он провалил свою роль, — заключил я. — Ему представлялась редкая возможность высказаться, но он не воспользовался ею. Он молчал как рыба. Он... О Боже! Смотрите!

Мы с Дживсом шли обратно, в поле нашего зрения уже появился коттедж. Шестеро ребятишек, няня, двое зевак, еще одна нянька и продавец из кондитерской стояли перед нашей верандой. Они не сводили с нее глаз. По улице поспешали еще пятеро ребятишек, собака, трое мужчин и мальчик — очевидно, чтобы присоединиться к зрителям. А на веранде, словно одни в пустыне Сахаре, слились в объятиях Фредди и его Элизабет.

— Боже праведный! — воскликнул я.

— Похоже, все завершилось наилучшим образом, сэр, — сказал Дживс.

— Кажется, вы правы, — согласился я. — Миляга Фредди явно не справился с текстом, однако успех полный.

— Истинная правда, сэр, — сказал Дживс.

ГОРОЙ ЗА БИНГО

Перевод В. Гусева.

Промокнув последнюю страницу, я бессильно откинулся в кресле. С меня, наверное, все семьдесят семь потов сошло, но статья положительно удалась. Я стал ее перечитывать, прикидывая, не добавить ли в самый конец абзац-другой, когда в дверь постучали и на пороге возник Дживс.

— Вас миссис Траверс, сэр. К телефону.

— Да? — буркнул я. Неужели не видно, что человек занят?

— Именно так, сэр. Передает привет, а также интересуется, как обстоят дела со статьей, которую вы для нее пишете.

— Вот-вот, статья... Как по-вашему, Дживс, можем ли мы в женской газете упоминать полукальсоны?

— Едва ли, сэр.

— Раз так, ступайте и передайте, что статья готова.

— Слушаю, сэр.

— А потом возвращайтесь. Посмотрим статью — на предмет вашего одобрения.

Дело в том, что моя тетя Далия издает женскую газету «Будуар элегантной дамы». Недавно она вытянула из меня обещание написать о том, что следует носить в этом сезоне. Моему опусу предстояло появиться в разделе «Мужья и братья». Услужить тетям я не прочь — но только тем, которые этого заслуживают. Моя же, слава Богу, не зануда — несмотря на постоянное брюзжание относительно современных лондонских порядков. В блаженном неведении я согласился. Клянусь, если бы я только догадывался, на что иду, то отказал бы наотрез — даже своей собственной тете! Этот поистине адский труд высосал из меня все соки. Теперь-то ясно, почему у журналистов лысины и отчего они напоминают мне изможденных птиц.

— Скажите, Дживс, — начал я, когда он вернулся, — вы случайно не читаете газету «Будуар элегантной дамы»?

— Нет, сэр. Это издание пока не привлекало мое внимание.

— Что ж, советую купить, если не жалко шести пенсов. На следующей неделе там выходит моя статья — «Что носит хорошо одетый мужчина: советует Вустер!».

— Неужели, сэр?

— Именно так, Дживс. Безделица, хотя и пришлось попотеть. Там есть кусок о носках, который лично вам будет весьма интересен.

Он взял рукопись и, нахмурившись, стал ее просматривать. Наконец на его лице появилась легкая одобрительная улыбка.

— Что ж, раздел о носках совсем неплох, сэр, — изрек он наконец.

— Недурно изложено, а?

— Чрезвычайно хорошо, сэр.

Я внимательно следил, как Дживс читает статью. Наконец, как и следовало ожидать, любовный, как я бы его назвал, огонек внезапно угас в его глазах. Затаив дыхание, я стал ждать неизбежного.

— Дошли до шелковых сорочек для вечернего выхода? — с деланной небрежностью осведомился я.

— Да, сэр, — отвечал Дживс похолодевшим голосом — словно ему впились зубами в ногу — да не кто-нибудь, а самый лучший друг. — Если позволите, то я бы...

— Что-то смущает?

— Да, сэр. Видите ли, шелковые сорочки с мягким воротником вряд ли могут быть рекомендованы для ношения в сочетании с вечерним костюмом.

— Помяните мое слово, Дживс, — начал я, глядя на него в упор, — их, черт побери, будут носить. Кстати, ставлю вас в известность, что я заказал дюжину в «Пибоди и Симз». По глазам вижу, что вы этого не одобряете, — но тут я буду непреклонен.

— Если позволите, сэр...

— Нет, не позволю, — отрезал я, поднимая руку. — И не спорьте. Да, ваш авторитет непререкаем — особенно в вопросах выбора носков, галстуков — даже гетр. Но когда дело касается вечерних сорочек, вы не выдерживаете никакой критики. Вам не дано видеть перспективу, понимаете? Вы — в плену предрассудков, Дживс. А этот ваш неуместный снобизм? Узость кругозора — вот что напрашивается на язык. Впрочем, вам будет интересно узнать, что как-то в одно казино, где мне случилось быть, неожиданно завалился принц Уэльский, и в чем же? В шелковой рубашке с мягким отложным воротничком!

— Что ж, его королевское высочество может позволить себе незначительную вольность — недопустимую для...

— Все, Дживс, — решительно прервал его я. — Наш спор бесполезен. Благодаря нашей непреклонности мы, Вустеры, славимся... э-э... непреклонностью. В общем, вы меня понимаете.

— Разумеется, сэр.

Было видно, что Дживс не на шутку уязвлен. Что ж, наш разговор был резок и неприятен — и это еще мягко сказано. Но иногда просто приходится расставить точки над «і». Слуга обязан знать свое место, не так ли? Вот в этом-то вся суть. Ознакомив Дживса со своим мнением, я решил переменить тему.

— Вот еще что, Дживс. Нет ли у вас горничной на примете?

— Горничной, сэр?

— Да, Дживс, именно горничной. Вы ведь знаете, что такое «горничная»?

— Вам нужна горничная, сэр?

— Горничная нужна мистеру Литтлу. На днях встретил его в клубе. Его дражайшая интересуется женской прислугой, которая относится с почтением к фарфору. Обещал, что не останется в долгу.

— Понимаю, сэр.

— Как видно, их горничная не очень-то церемонится с дорогим фарфором; послушать его, это ураган, цунами и торнадо в одном лице. В общем, если вы знаете горничную, которая...

— Знаю, и не одну. Одних достаточно близко, других — шапочно, сэр.

— Ну вот вам и карты в руки. А сейчас — котелок, трость и все прочее. Пора отвозить статью.

Редакция «Будуара элегантной дамы» находилась на одной из тех странных улиц, которых немало в районе Ковент-Гардена. Утопая в кучах гнилых капустных листьев и помидоров, я кое-как дочавкал до нужной двери... и кто бы, вы думаете, из нее выходит? Жена Литтла собственной персоной! Увидев меня, она прямо так и расплылась в улыбке — несмотря на то, что в последнее время я, друг семьи с большим стажем, явно не злоупотреблял их гостеприимством.

— Вы-то что тут делаете, Берти? — изумилась миссис Литтл. — Вот уж никогда не думала, что смогу встретить вас восточнее Лестер-сквер.

— Принес статью, которую велела написать тетя. Тут наверху у них редакция. «Будуар элегантной дамы»!

— Вот так совпадение! Я как раз тоже взялась для нее написать.

— Немедленно откажитесь, — честно предупредил я. — Вы даже не представляете, насколько тяжело... Впрочем, о чем это я? Ведь вам не привыкать к мукам творчества, а?

Да уж, сморозил я глупость. Кто же не знает, что жена Бинго — знаменитая писательница Роза М. Бэнкс? Из-под ее пера вышли блестящие образчики макулатуры, именуемой «женским романом». Пользуется бешеной популярностью среди поклонниц этого чтива. Уж для нее-то

накропать какую-то несчастную статейку — раз плюнуть.

— Да нет, труда мне это не составит, — заверила она меня. — К тому же ваша тетя предложила великолепную тему.

— Рад слышать. Да, кстати, говорил со своим камердинером, Дживсом, насчет горничной. Он прекрасно знает всю лондонскую прислугу.

— Как мило. Вы свободны сегодня вечером?

— Абсолютно. ,

— Тогда прошу к нам на ужин. Будет ваша тетя, она даже взялась привести вашего дядю. Ужасно хочу с ним познакомиться.

— Спасибо, с удовольствием буду.

Насчет удовольствия я не кривил душой. Может, Литтлам и не везет с горничными, но уж поварами-то они могут гордиться. Не так давно жена Литтла откопала где-то потрясающего француза. Это просто какой-то фонтан кулинарного искусства. Зовут его Анатоль, и он готовит такое забористое рагу, что Бинго и оглянуться не успел, как растолстел килограммов на пять.

— Значит, в восемь, не забудьте.

— Обязательно буду.

Она упорхнула, а я стал подниматься в редакцию, где должен был «сдать рукопись в срок» (как принято говорить у нашего брата-журналиста). Тетю Далию я обнаружил буквально по самую макушку в бумагах.

Вообще не очень-то я расположен поддерживать родственные связи, но вот с тетушкой Далией мы друзья. Она вышла замуж за моего дядю Томаса — обыкновенного купца, между нами говоря, — в тот год, когда скачки в Кембриджшире выиграл Графин. Они спускались с трибуны и не успели дойти донизу, как я уже сказал себе: «Да, старикан ей явно не пара». У моей тети широкая, веселая натура, таких, как она, нередко видишь на охоте. Кстати, до замужества она увлекалась верховой ездой, но поскольку дядя Томас и слышать не хотел о деревенской жизни, то пришлось направить ее энергию в русло издания собственной газеты.

Завидев меня, она вынырнула из бумаг и даже игриво замахнулась какой-то книжечкой.

— А, это ты, Берти! Надо понимать, статья готова?

— Наконец-то поставил точку.

— Вот и умница. Представляю, какую ахинею ты написал.

— А вот и нет. Статья — великолепна, и, хочу подчеркнуть, ее почти безоговорочно одобрил Дживс. Его немного покорило место, где я пишу

о шелковых сорочках с мягким воротничком. Как можно не понимать, что это — гвоздь сезона, последний вопль моды? Посещая премьеры и рауты в этом году, мы воочию убедимся в самом горячем отклике высшего общества на мягкий воротничок.

— Толку от этого вашего Дживса... — махнула рукой тетя Далия, кидая мою статью в корзину и насаживая какие-то листочки на крюк, напоминающий орудие мясника. — Можешь так ему и передать.

— Ну это вы зря, — возразил я. — Мы можем не соглашаться с его мнением о сорочках...

— При чем тут сорочки! Еще неделю назад попросила подыскать повара, а он и не чешется.

— Да вы словно сговорились! — засмеялся я. — Что он вам — агент по найму? Вон и Роза Литтл тоже — желает, чтобы он подыскал ей горничную. Наткнулся на нее внизу — говорит, тоже пишет для вас.

— О да. Надеюсь, она поможет подстегнуть тираж. Не переносу ее писанину, но читательницам нравится. Ее имя — залог успеха, а он нам совсем не помешает.

— Дела идут неважно?

— Дела идут прекрасно, вот только тираж растет медленно.

— Бывает и так? Впрочем, вам виднее.

— А убедить в этом Тома можно только когда у него хорошее настроение, — пожаловалась тетя Далия, насаживая на крюк очередные листочки. — Но как раз сейчас у него приступ пессимизма. Виновата наша кухарка — ей бы стать варить, а не суп. Еще несколько ужинов в ее исполнении, и Том просто откажется подписывать счета из типографии.

— Какой ужас!

— И не говори. Вчера подает какую-то вареную телятину, говорит, под соусом финансьер, и что же? После ужина он битый час жалуется: деньги, мол, коту под хвост летят.

Я ей сочувствовал. Ее даже было жалко. На Востоке дядя Томас заработал кучу денег и плохое пищеварение. Иметь с ним дело — врагу не пожелаешь. Сколько раз обедал с ним, но так и не привык к тому, что рыба делает его жизнерадостным, а вот задолго до подхода сыра он уже впадает в глубокое уныние.

Как звали того немца, которого меня заставляли читать в Оксфорде? Фортинбрамс? Фейхтвагнер? Ах да, кажется, Шопенгауэр. По слухам, тот еще брюзга. Так вот на фоне дяди Томаса — когда у последнего вскипает желудочный сок — этот самый Шопенгауэр просто отъявленный оптимист. Хуже всего то, жалуется тетя Далия, что в такие минуты ему мерещится,

будто он стремительно летит в финансовую пропасть, и тут-то он начинает жутко экономить — на всем!

— Тяжелый случай, — вздохнул я. — Впрочем, сегодня у Литтлов он отужинает на славу.

— Это точно? — спросила тетя серьезно. — Я не могу пустить его в дом, где на кухне неизвестно что творится, — слишком много поставлено на карту.

— Ну, с кухней-то там полный порядок. Я, правда, не бывал у них целую вечность, но если за два месяца повар не потерял квалификацию, то дядю Томаса ожидает пиршество, которое он запомнит на всю жизнь.

— Вот это-то меня и пугает; представляю, что будет потом — когда он снова отведаст стряпню нашей кухарки, — проворчала тетя Далия голосом Шопенгауэра.

Бинго и его жена свили себе гнездышко в районе Сент-Джонс-Вуда — небольшой веселенький дом с неким подобием сада. На следующий день вечером, явившись к ним, я обнаружил, что гости уже в сборе. Тетя Далия беседовала с Розы в углу гостиной, а у камина стояли Бинго и дядя Томас. Последний с хмурым и подозрительным видом посасывал через соломинку коктейль. При этом он так кривился, словно пришел в гости к Борджиа и сейчас твердил про себя: «Даже если в этом коктейле и нет яда, то уж за ужином-то точно отравят».

Впрочем, трудно было ожидать, что на лице такого субъекта, как дядя Томас, будет играть счастливая улыбка, поэтому я не обратил на него внимания. А вот что меня действительно удивило, так это мрачность весельчака Бинго. Что бы о нем ни говорили, но уж мрачным хозяином его никак не назовешь. В эпоху его холостяцкой жизни он, бывало, шутки ради забрасывал скучающих в ожидании супа гостей хлебным мякишем — сам видел! Но сейчас они с дядей Томасом казались близнецами; несчастное лицо Бинго придавало ему сходство с Борджиа, который, уже пригласив гостей к столу, к своему ужасу, вспомнил, что забыл подсыпать цианистый калий в консоме.

До того как завязался общий разговор, имел место, казалось бы, незначительный случай. Смешивая мне коктейль, Бинго неожиданно приник к моему уху, и я услышал его зловещий, лихорадочный шепот:

— Берти, надо поговорить. Дело жизни и смерти. Завтра утром будь дома.

Вот и все, понимай как хочешь. Тут выстрелил стартовый пистолет, и голодная толпа бросилась к столу. Вынужден признать, я тотчас же

выбросил этот мимолетный эпизод из головы ради, простите за высокопарность, высших интересов происходящего; ибо знаменитый Анатоль — видимо, по случаю прихода гостей — расстарался на славу.

Не в моих правилах говорить о серьезных вопросах поверхностно; я привык скупое взвешивать похвалу. Тем не менее готов повторять и повторять: да, Анатоль превзошел самого себя. Лучшего ужина моему желудку переваривать не приходилось, а уж на дядю Томаса искусство француза подействовало как вода на усыхающий цветок. Когда мы усаживались за стол, он пустил несколько ядовитых стрел в адрес правительства — да таких метких, что им там уж точно икнулось. Но, после бульона с пирожком по-итальянски он уже находил для них некоторые оправдания: а что, мол, в наши времена ожидать прикажете? Над рулетом из фаршированного морского языка а-ля принцес он стал еще более покладист: правительство, дескать, не может отвечать за все — например, за мерзкую погоду. Ну а отведав утку на вертеле по-охотничьи, он уже горой стоял за «наших ребят в министерствах».

Весь обед Бинго просидел с физиономией филина, тщетно скрывающего свою печаль. Чудно!

По дороге домой меня не покидали мысли о его странном поведении. Я надеялся, что у Бинго хватит ума дать мне выспаться — судя по его виду во время ужина, он твердо решил заявиться со своими бедами утром спозаранку.

Оказавшись дома, я обнаружил, что Дживс еще не ложился.

— Надеюсь, ужин удался, сэр?

— Вне всяких сомнений.

— Весьма рад, сэр. Сразу после вашего ухода звонил мистер Джордж Траверс. Он очень надеется, что вы поедете с ним в Хэрроугейт, сэр. Отбывает самым ранним поездом.

Мой дядя Джордж, несмотря на преклонный возраст, — большой весельчак. В свое время он тоже неплохо повеселился, и теперь над ним, словно меч — чей именно, сейчас не помню, — висит необходимость регулярно ездить в Хэрроугейт или Бакстон. А лечиться в одиночку он не любит.

— Это невозможно, — сказал я. Дядю Джорджа и в Лондоне-то выносить трудно, а быть сосланным с ним в скучный курортный городишко? Нет уж, увольте!

— Он весьма настаивал, сэр.

— Нет, Дживс, — твердо сказал я. — Я рад услужить родственнику, но поехать на воды с дядей Джорджем... Не может быть и речи!

— Пожалуй, вы правы, сэр, — отступил Дживс.

Слова эти — да еще из его уст — бальзамом пролились на мою душу. Дживс учился покорности, положительно учился!

Это показывало, что я был абсолютно прав, когда поставил его на место с теми шелковыми рубашками.

Утром следующего дня, когда появился Бинго, я уже отзавтракал и был готов его выслушать. Дживс молниеносно провел его в спальню, и Бинго уселся на мою кровать.

— Доброе утро, Берти, — поздоровался он мрачно.

— Привет, старина, — любезно отвечал я.

— Не уходите, Дживс, — попросил Бинго. — Подождите.

— Простите, сэр? — повернулся к нему Дживс.

— Оставайтесь здесь, хорошо? Присоединяйтесь, вы мне нужны.

— Слушаю, сэр.

Бинго закурил и, нахмурившись, остановился взглядом на обоях.

— Беда, Берти, — начал он наконец. — Случилась беда. Если мы что-то не предпримем, и не предпримем немедленно, на моем общественном положении можно поставить крест. Я перестану себя уважать, а мое доброе имя будет растоптано — я никогда не смогу отмыться, дорога в любой приличный дом мне будет заказана.

— Тетя! — воскликнул я, пораженный догадкой.

— Совершенно верно, — отвечал Бинго, глухо засмеявшись. — Ты попал в самую точку. Все из-за твоей несчастной тети.

— Которой именно «несчастной тети»? Прошу уточнить. У меня далеко не одна тетя.

— Я про миссис Траверс, которая издает эту кошмарную газету.

— Ну это ты зря, старина, — запротестовал я. — Из моих тетей эта самая стоящая. Вот хоть Дживса спроси.

— Должен признать, что это именно так, сэр.

— Заблуждаетесь, — возразил Бинго. — Ваша тетя — угроза обществу, разрушительница семей, да это просто чума какая-то! Вы хоть знаете, что она сделала? Предложила Розе написать статью для этой своей газетенки.

— Знаю, — признался я.

— А что за статья, знаешь?

— Нет, но слышал, что тетя Далия предложила ей великолепную тему.

— Да, и эта тема — я!

— Ты?

— Да, я. Я! И знаешь, как это все должно называться? «Как сохранить любовь моего пусика».

— Кого-кого?

— Пу-си-ка.

— А что такое «пусик»?

— Пусик — это я, — сказал Бинго с горечью. — Из статьи я узнал о себе такие подробности, которые не рискнул бы передать даже старому другу. Эта злосчастная писанина относится к разряду так называемых «статей для широкого круга» — как правило, интимнейшие откровения из самых недр семейной жизни. С каким вожделением их проглатывают так называемые «наши читательницы»! Там все про Розы и меня; например, что нужно делать, когда я заявился домой не в духе, и так далее. Представляешь, Берти, до сих пор краснею, стоит только вспомнить второй абзац.

— Да? И что же там такого интересенького?

— Передать это просто невозможно! Поверь, дальше уж некуда. Трудно описать, как я люблю Розы, но так же трудно поверить, что эта прелестная разумная девушка превращается в сентиментальную дуру, как только включает свой диктовальный аппарат. Берти, эта статья не должна увидеть свет.

— Да, но...

— Иначе мне придется уйти из клуба и отрастить бороду — в общем, стать отшельником; как после этого людям в глаза смотреть?

— Ну-ну, это ты хватил, — сказал я. — Как по-вашему, Дживс? Кажется, наш друг немного переоценивает последствия статьи.

— Ну, я бы...

— Это я еще недооцениваю, — заверил Бинго без тени улыбки. — Вы этого всего не слышали. А я слышал. Вчера перед ужином Розы засунула в фонограф валик со статьей. Послышалось какое-то карканье. Дикие, ужасные звуки! Что мне пришлось выслушать — кошмар! Если статья выйдет, меня же собственные приятели до петли доведут своими остротами да шуточками. Берти, — продолжал он хриплым шепотом, — я знаю, что у тебя воображение не многим богаче, чем у африканского кабана, но даже ты можешь себе представить, что скажут Джимми Боулз или Таппи Роджерс, прочитав статью, в которой я именуюсь «богом и капризулей в одном лице».

— Так и написала? — не поверил я.

— Именно так. Я выбрал именно этот пассаж, потому что никакой другой просто передать невозможно, — в общем, сам понимаешь, чем дело

пахнет.

Я машинально теребил покрывало. Мы с Бинго знали друг друга не один год, а Вустеры друзей в беде не оставляют.

— Дживс, — сказал я наконец, — вы все слышали?

— Да, сэр.

— Дело серьезное.

— Да, сэр.

— За друзей мы должны стоять горой.

— Да, сэр.

— Ничего в голову не приходит?

— Приходит, сэр.

— Нет, серьезно?

— Совершенно серьезно, сэр.

— Бинго, — воскликнул я, — твоя звезда не закатилась! Дживсу что-то пришло в голову.

— Дживс, если вы меня не бросите в тяжелый час, — проговорил Бинго дрожащим голосом, — то требуйте потом что хотите, — полцарства не пожалею.

— Затруднение со статьей, — начал Дживс, — неплохо согласуется с одним делом, которое мне доверили сегодня утром.

— Каким таким делом?

— Вскоре после того, как я подал вам чай, сэр, мне позвонила миссис Траверс. Весьма настойчиво она попросила меня приложить все усилия к тому, чтобы повар мистера Литтла покинул прежнее место службы и перешел к ним. Следует полагать, вчерашний ужин произвел на миссис Траверс неизгладимое впечатление — даже вернувшись домой, она до глубокой ночи не уставала восхищаться талантами француза.

— Что?! Она у нас еще и повара" хочет увести? — закричал Бинго с отчаянием раненого зверя.

— Боюсь, что так, сэр.

— И это после того, как мы, черт побери, преломили хлеб! За одним столом!

— Видите ли, сэр, — со вздохом начал Дживс, — когда дело касается модного повара, от женщин полностью ускользает моральная...

— Поймите-ка, — прервал я Дживса, видя, что того вот-вот захлестнет волна красноречия. — А при чем тут, собственно, повар?

— Дело вот в чем, сэр. Как подсказывает опыт, ни одна женщина не простит другой, если та уведет у нее хорошего повара. Более чем убежден,

что если бы мне удалось выполнить поручение миссис Траверс, то отношения, существующие между ней и миссис Литтл, моментально лишились бы той сердечности, которая отличала их до последнего времени. Миссис Литтл настолько расстроится, что, несомненно, откажется представить статью в газету миссис Траверс. Таким образом, мы не только осчастливим миссис Траверс, но и воспрепятствуем выходу статьи. Иными словами, погнавшись за двумя зайцами, мы, если можно так выразиться, уверенно ловим обоих.

— Можно, Дживс, вам все можно, — сердечно сказал я. — План просто гениален — вы превзошли самого себя!

— Стойте, стойте, — проблеял Бинго. — А как же Анатолий? Что же это, а? Повар от Бога... Да такие Анатолии один на миллион рождаются...

— Дорогой ты мой, да если б он был другим, грош цена была бы нашему плану.

— Так-то оно так, да вот только как же я без него-то?

— Да ты что? — не выдержал я. — Опомнись! Тут беда надвигается, а ты все беспокоишься о своем желудке.

— Что же, чему быть, того не миновать, — произнес наконец Бинго, тяжело вздохнув. — Видно, и правда требуются хирургические меры. Давайте валяйте, Дживс. Режьте по живому, плевать!

Пообещав прийти завтра утром, чтобы узнать результат, понурый Бинго исчез.

На следующее утро Бинго было не узнать. Заявился он спозаранку — словно специально, чтобы не дать мне выспаться, — но дорогу ему преградил Дживс.

Пока я спал, они задушевно беседовали на кухне. Наконец Бинго появился в моей спальне, и я сразу же понял по его виду: что-то не так.

— Все отменяется, — сообщил он, бухнувшись на кровать.

— Как отменяется?

— Вот так. Все остаются на своих местах. Дживс сказал, что разговаривал вчера с Анатолием, и тот уходит отказался.

— Неужели тетя Далия не додумалась посулить ему больше, чем он получает у вас?

— Она предлагала ему столько, сколько он захочет. Но он все равно отказался — похоже, по уши влюбился в горничную.

— Но у вас же нет горничной.

— У нас есть горничная.

— Я ее не видел. Позавчера за столом прислуживал какой-то чудак —

вылитый гробовщик из провинции.

— Местный бакалейщик. Приходит помогать от случая к случаю. А наша горничная уезжала в отпуск, но вчера вернулась. Явилась за десять минут до того, как позвонил Дживс. Как я понял, только увидев ее, Анатолий сразу же взлетел на седьмое небо — его переполняла любовь, радость, ну и все такое прочее. Расстаться с ней его бы не заставили и все сокровища королевской казны.

— Тоже мне проблема, — усмехнулся я. — Даже странно, что наш гениальный Дживс тут же не нашел выход. Тетя Далия должна переманить и горничную — значит, разлучаться им не придется.

— А то я об этом не подумал!

— Бьюсь об заклад, что нет.

— Да уж поверь, подумал.

— И что же ты на это не пошел?

— План неосуществим. Если твоя тетя берет нашу горничную, то тогда ей придется уволить свою собственную.

— Ну и?..

— А тогда уйдет шофер, который в нее влюблен.

— В кого — в тетю?

— Да нет, в горничную. А твой дядя держится за него обеими руками — дескать, это единственный шофер, который умеет трогаться, не дергая.

Тут уж я сдался. Понятия не имел, что людские помещения сотрясают такие страсти. И слуги, оказывается, страдают модными теперь «сексуальными комплексами». И вообще, создается впечатление, что наша прислуга разбивается на пары с усердием персонажей венской оперетты.

— Вот, значит, как, — пробормотал я. — Что ж, получается, мы в тупике и статья все-таки выйдет, а?

— А вот и не выйдет.

— Ага, Дживс все-таки что-то придумал!

— Да нет, не Дживс, а я. — Бинго наклонился и любовно погладил меня по колену. — Знаешь, Берти, я вот что тут подумал — а ведь мы с тобой в одной школе учились. Надеюсь, не забыл?

— Нет, но...

— Ведь твоя верность друзьям тогда в поговорку вошла.

— Это так, и все-таки...

— «Горой за друга» — вот твой девиз. Да разве я в этом хоть раз усомнился? — ударил себя в грудь Бинго. — Разве ты подведешь одноклассника в нелегкий час? Э, нет, не таков наш Берти Вустер!

— А ну-ка постой. Рассказывай, что задумал. Бинго успокаивающе

похлопал меня по плечу.

— Дельце из тех, старина, что всегда были тебе по вкусу. Уж для тебя-то это будет раз плюнуть. Впрочем, нечто подобное тебе уже приходилось проворачивать — помнишь, как ты слямзил мемуары своего дядюшки в «Уютном»? Я тут совершенно случайно вспомнил эту историю, и в голову пришла блестящая идея. Твоя задача...

— Послушай, Бинго...

— Все уже устроено, Берти! Беспокоиться тебе не придется: дело верное! Главной нашей ошибкой было то, что мы положились на Дживса — человека хитроватого, но недалекого. А тут надо идти напрямик, отбросив всякие там хитроумные подходцы и глупые интриги. Итак, сегодня...

— Постой...

— Итак, сегодня днем мы идем с Розы в театр. Я заблаговременно открою окно в ее кабинете. Когда мы отдалимся на достаточное расстояние, ты оказываешься в кабинете, берешь этот чертов валик — и ходу! Все настолько просто, что...

— Просто-то просто, но...

— Знаю, знаю, что ты хочешь спросить, — поморщился Бинго, поднимая руку. — Тебя волнует, как найти валик, не так ли? А очень просто. Ошибиться тут невозможно. Эта чертова штуковина — в верхнем левом ящике стола. Ящик будет не заперт: в четыре должна прийти стенографистка, которая будет печатать статью.

— Послушай, Бинго, — нахмурился я. — Мне очень жаль, что все так получилось, но на кражу со взломом я решительно не пойду.

— Да я же прошу, черт побери, всего-навсего повторить то, что ты уже проделывал в «Уютном».

— Тоже мне сравнил! Там я просто-напросто взял сверток со столика в доме, в котором я, подчеркиваю, тогда гостил. Заметь, мне не пришлось никуда проникать. Прости, конечно, но лезть к тебе в дом я не стану. Ни под каким видом.

Бинго уставился на меня — удивленный и уязвленный.

— Неужели это говорит Берти Вустер? — тихо удивился он.

— Именно он!

— Берти, — начал Бинго проникновенно, — ты только что признал, что мы учились в одной школе.

— Это не имеет значения.

— В школе, Берти. Слышишь? В доброй старой школе.

— Не имеет никакого значения. Я никогда...

— Берти!
— ...не стану...
— Берти!
— Нет!
— Берти!
— Черт с тобой! — сдался я.
— Узнаю голос Бертрама Вустера, — промолвил Бинго, хлопая меня по плечу.

Наблюдательный и вдумчивый человек не может не обратить внимание на весьма любопытный феномен нашего времени. Читая газеты, пестрящие сообщениями о кражах со взломом, истинный патриот просто обязан чувствовать оптимизм. Что я имею в виду? Можно быть совершенно спокойным за дух народа, многочисленные сыны которого самоотверженно, часто и без колебаний лезут в чужое жилище; поверьте, дело это требует поистине чугунных нервов. Наверное, целых полчаса я слонялся перед домом, который мне предстояло обокрасть, не решаясь приступить к делу. Наконец я проскользнул в калитку. и метнулся в сторону от главного входа. И все-таки еще десять минут простоял, вжавшись в стену, с ужасом ожидая услышать трели полицейских свистков.

Наконец, собравшись с духом, я взялся за дело. Кабинет был на втором этаже, в него вело прекрасное, огромное, а главное, открытое окно. Кряхтя, я дотянулся до подоконника, уперся коленом, рванулс я, содрав кожу на лодыжке, ввалился внутрь. Вот мы и на месте.

Я замер и прислушался: вроде все в порядке. И вдруг мне показалось, что в целом мире я остался один.

Ощущение одиночества было жуткое — по коже побежали мурашки. Ну да что там говорить, сами понимаете. На каминной полке стояли часы, которые тикали медленно и как-то возмущенно, что было чертовски неприятно. Над часами висел портрет, с которого на меня с неприязнью и подозрением взирал какой-то старик. Чьим предком он являлся, Ро-зи или Бинго, я не знал, но почему-то подумал, что это именно дедушка, а не кто-либо другой. Хотя, если разобраться, было бы глупо утверждать, что это дед, а, скажем, не прадед. Это был крупный, дородный старикан. Высокий стоячий воротник, видимо, здорово натирал ему шею — набычившись, он уперся в меня глазами, словно говоря: «Это ты, ты заставил меня надеть этот чертов ошейник!»

До стола было рукой подать, оставалось только преодолеть пушистый

коричневый ковер. Набравшись той самой упрямой храбрости, которая прославила Вустеров, я двинулся вперед, пробираясь меж зарослей ворса и старательно избегая взгляда старика на портрете. Однако только я сделал два шага, как юго-восточная оконечность ковра неожиданно отделилась от материка, села на пол и засопела.

Чтобы с честью выйти из такой переделки, нужно быть сильным и немногословным — в общем, хладнокровным героем, готовым ко всему. Такой посмотрел бы, прищурившись, на оживший коврик и эдак спокойно процедил бы: «Э-э, да это же пекинес. Породистый, собака!» Затем он начал бы умело заигрывать с животным, чтобы вызвать к себе симпатию и заручиться поддержкой. Наверное, я и вправду типичный представитель нынешнего поколения невротиков (о коем немало написано в газетах) — в общем, не прошло и секунды, как стало ясно, что до хладнокровных героев мне далеко. Но самое страшное, что я, оказывается, не был и молчаливым; в ужасе завопив, я отскочил метра на полтора в северо-западном направлении... и тут же раздался страшный грохот — словно в комнате разорвалась бомба.

Не понимаю, с какой стати в писательском кабинете держать какой-то чертов столик, уставленный вазой, парой фотографий в рамках, блюдцем, лакированной шкатулкой и банкой с ароматической смесью из сухих лепестков? Но его там все-таки держали, и я буквально снес его! В тот момент мне показалось, что весь мир разлетелся вдребезги, — я не видел ничего, кроме калейдоскопа стеклянных и фарфоровых осколков. Пару лет назад, когда тетя Агата обнажила свой боевой топор, я сбежал в Америку и, помнится, ездил смотреть на Ниагарский водопад. Так вот, даже знаменитая достопримечательность производит меньше шума, чем я наделал сейчас.

И тут пекинес начал лаять.

Это был сравнительно маленький экземпляр, и, глядя на него, трудно было бы предположить, что он может произвести больше шума, чем скрип карандашного грифеля. Тем не менее он лаял — да еще как лаял! Убежав в угол, пекинес выпучил налившиеся кровью глаза, прижался к стене и, как-то по-обиженному откидывая голову назад, стал изрыгать ужасный лай.

Увы, пришлось выкидывать белый флаг. Мне было жаль Бинго, жаль, что обстоятельства вынуждают подвести его, однако настало время делать ноги. «Спасайся кто может!» — крикнул я про себя и, выпрыгнув из окна, вмиг оказался в саду.

Здесь на дорожке, ведущей к калитке, меня как нарочно поджидали полицейский и девушка в платье горничной.

Ситуация, я вам скажу, щекотливая.

— А вот и мы! — расплылся я в улыбке. Ответом мне было молчание, которое следовало бы назвать задумчивым.

— Говорила же, что слышала, как там ходят, — пробурчала наконец горничная.

Полицейский вытаращил на меня глаза, словно рак.

— Это как это понимать прикажете? — спросил он наконец.

Я улыбнулся кроткой улыбкой святого и сказал:

— В двух словах объяснить трудновато.

— Да уж это точно! — согласился полицейский язвительно.

— Понимаете, я просто... просто смотрел, как там... дела обстоят. На правах, так сказать, старого друга.

— А как это вы туда попали?

— Через окно. Я же говорю, будучи старым другом семьи...

— Так это вы, значит, их старый знакомый будете?

— Очень, очень старый, — подхватил я. — Вы даже не представляете, насколько старый.

— Что-то я раньше этого «знакомого» здесь не видела, — отрезала горничная.

Я посмотрел на нее с ненавистью. Вот уж не понимаю, как она может кому-то понравиться, даже повару-французу. Не то чтобы она была страшна. Вовсе нет. В другое время, при более благоприятных обстоятельствах я бы даже нашел ее довольно-таки симпатичной. Но сейчас она казалась просто мегерой.

— Да, — признал я. — Вы действительно прежде меня не видели. Тем не менее я действительно друг семьи, проживающей в этом доме.

— А что же, если друг, в дверь, как положено, не позвонили?

— Не хотел причинять беспокойства.

— Какие ж тут беспокойства? Нам за это деньги платят, чтобы мы двери открывали, — возразила с достоинством горничная и тут же сделала абсолютно необоснованное заявление: — В жизни никогда его не видала.

Вот гадина!

— Послушайте, — озарило меня, — а ведь меня знает гробовщик.

— Это какой такой гробовщик?

— Ну тот, который прислуживал за столом, когда мы позавчера здесь ужинали.

— Ну-ка, быстро, прислуживал гробовщик за столом? — повернулся полицейский к горничной.

— Никакой гробовщик нигде не прислуживал, — ответила та.

— Да нет, он был просто похож на... а, черт, вспомнил! Это был бакалейщик!

— Прислуживал бакалейщик? — снова спросил надутый индюк в полицейском мундире. — Быстро!

— А хоть бы и прислуживал, — сказала горничная. Было видно, что она разочарована и обескуражена — словно тигрица, от которой ускользнула добыча. Вдруг она просветлела. — Да он мог и так узнать. Пошел по окрестностям да и разнюхал. Вот ведь гадина какая!

— Ваша фамилия как будет? — решительно спросил полицейский.

— Видите ли... с вашего разрешения, я бы не стал ее называть.

— Это ради Бога. Все равно в суде скажете.

Я застонал.

— Ну что, пошли, что ли?

— Да подождите же, я действительно друг хозяев. Стойте, я вспомнил! Слава Богу, вспомнил — в гостиной стоит моя фотография. То есть на которой — я.

— Ну если вы...

— Вот уж чего не видели, того не видели, — хмыкнув, сообщила горничная.

Боже, как я ее ненавижу!

— Потому и не видели, что халатно, наверное, убираетесь, — сурово предположил я. Что, съела?

— Еще чего! — фыркнула она высокомерно. — Не пристало горничной в гостиных убираться.

— Еще бы, — сказал я с горечью, — горничной пристало слоняться по саду, сидеть в засаде, любезничать с полицейскими. А в доме, наверное, работы непочатый край.

— Горничной пристало дверь гостям открывать. Которые через окна не лезят.

Я видел, что счет складывается явно не в мою пользу, и решил прибегнуть к тактике умиротворения.

— Уважаемая горничная, — начал я, — зачем нам с вами опускаться до вульгарных пререканий? Я просто сказал, что в гостиной находится мое изображение в виде фотографии, которую, наверное, очищают от пыли — какая разница кто? Каковая фотография и докажет вам, что я действительно являюсь старинным другом хозяев этого дома. Не так ли, констебль?

— Если она там есть, — проворчал полицейский.

— Конечно, есть, уверяю вас, есть!

- Ладно, сейчас пройдем и посмотрим.
- Вот это по-нашему, по-мужски, — просиял я.

Гостиная у них должна быть на втором этаже. Фотография там на столике у камина. Должна была бы там стоять. Но не стояла. Камин был на месте, столик тоже никуда не делся, а вот моей фотографии что-то было не видать. Фотография Бинго стояла. Фотография лорда Битлшема, дяди Бинго, тоже имелась в наличии. Снимок жены Бинго, снятой в три четверти с улыбкой, тонко играющей на губах, стоял там, где и стоял. А вот изображения вашего покорного слуги не было и в помине.

— Йо-хо-хо! — пропел полицейский.

— Да стояла она еще позавчера — вот на этом самом месте.

— Йо-хо-хо! Йо-хо-хо! — опять пропел полицейский —. словно солист в хоре пьяниц.

И тут мне в голову пришла спасительная идея — из тех, что рождаются раз в жизни.

— Кто вытирает здесь пыль? — спросил я горничную.

— Да уж не я, наверное.

— Я же не говорю, что вы. Я спросил, кто вытирает.

— Мэри, конечно. Уборщица.

— Точно! Я так и думал. Я знал это! Вы знаете, констебль, Мэри заслуженно пользуется славой самой халатной уборщицы Лондона — на нее отовсюду поступают жалобы! Вы понимаете, что произошло? Злополучная Мэри разбила на моей фотографии стекло и, не желая честно, по-мужски в этом признаться, спрятала фотографию куда подальше.

— Йо-хо-хо, — снова спел полицейский.

— Давайте спросим ее. Прямо сейчас и спросим.

— Иди спроси ее, — велел полицейский горничной и добавил: — Чтобы успокоился.

Горничная вышла из комнаты, наградив меня смертоносным взглядом. Мне даже показалось, что она пробормотала: «Йо-хо-хо». Наступило хрупкое затишье. Ретировавшись к двери, полицейский припечатал ее своей мощной спиной, я же стал мерить шагами комнату.

— Чего это вы все ходите? — подозрительно поинтересовался полицейский.

— Да вот смотрю — может, ее куда-то передвинули.

— Йо-хо-хо! — успокоился он.

Снова наступило временное затишье. Я очутился у окна, и, черт побери, между рамой и подоконником была щель сантиметров пятнадцать!

А мир за окном был таким ярким, таким солнечным! Не скажу, что отличаюсь особой сообразительностью, но сейчас внутри меня что-то крикнуло: «Спасайся кто может!» Хладнокровно просунув пальцы под раму, я рванул ее вверх. Рама послушно взмыла, и спустя мгновение я уже лежал распластавшись под кустами лавра, чувствуя себя тем самым крестиком, которым помечают место совершения преступления.

В окне возникла большая красная физиономия. Вскочив, я резво припустился к калитке.

— Стой! — крикнул полицейский вслед.

— Йо-хо-хо! — пропел я в ответ, продолжая бежать, и неплохо бежать!

Мимо проезжало такси, и я поднял руку.

— Чтобы я еще раз связался с Бинго, — зарекся я, бессильно откидываясь на подушку сиденья.

Те же чувства я выразил, не очень-то выбирая слова, в разговоре с Дживсом. Я опять находился в своей уютной квартире и, придвинув ноги поближе к камину, искал успокоения в стакане с виски.

— Чтобы я еще раз, Дживс, — повторял я, — чтобы еще раз...

— Видите ли, сэр...

— Все! Слышите, Дживс? Никогда больше я не...

— Видите ли, сэр...

— Да что это вы все заладили: «видите ли, сэр» да «видите ли, сэр»? Говорите толком.

— Видите ли, сэр, мистер Литтл — в высшей степени настойчивый молодой джентльмен, в то время как в вашем характере я бы в первую очередь выделил такие качества, как уступчивость и обязательность...

— Короче, Бинго не успокоится и захочет втянуть меня в новую авантюру?

— Более чем вероятно, сэр.

В возбуждении я убрал ноги от камина и даже вскочил.

— Что вы советуете?

— Ну, я бы сказал, что вам не повредила бы небольшая смена обстановки, сэр.

— То есть надо уносить ноги?

— Вот именно, сэр. Позвольте напомнить, что мистер Джордж Траверс весьма хотел видеть вас в Хэрроугейте.

— Да-да, Дживс, припоминаю...

— Поехав туда, вы бы покинули то, что я бы назвал опасной зоной.

— А что, может быть, вы и правы, — сказал я задумчиво. — Да-да, пожалуй, вы действительно правы. А что, далеко отсюда до Хэрроугейта?

— Двести шесть миль, сэр.

— Вы положительно правы! Нет ли сегодня туда поезда?

— Есть. И вы с легкостью можете на него успеть.

— Прекрасно. Подберите там на ваше усмотрение какие-нибудь...

— Ваш чемодан уже собран, сэр.

— Йо-хо-хо, — только и сказал я.

Если вдуматься, то, как ни странно, Дживс всегда оказывается прав. На вокзале он старался подбодрить меня, уверяя, что в Хэрроугейте не так уж и скучно, и попал, черт побери, в самую точку. Отвергая в свое время приглашение дяди Джорджа, я упустил из виду одно важное обстоятельство. На курорте я оказался в толпе бедолаг, приехавших сюда подлечиться, в то время как мне самому — здоровому — лечиться не надо. Как приятно это сознавать!

Возьмем, к примеру, дядю Джорджа. Только взглянув на него, доктор тут же ввел строжайший запрет на какие бы то ни было спиртные напитки и вдобавок прописал бедняге каждое утро в восемь тридцать взбираться в гору — аж до самого источника, где тот должен был принять внутрь двенадцать унций теплой соленой воды — смеси слабительного и магнезии. По отзывам курортников с опытом, лечиться здешней водой все равно что пить коктейль из морской воды и протухших в прошлом году яиц — и это еще слабо сказано. Дядя Джордж, как мне помнится, в воспитании племянников явно предпочитал кнут прянику, и теперь, когда ему приходилось, вскочив ни свет ни заря, мчаться пить эту гадость, я нежился в постели и злорадствовал от всего сердца.

В четыре дня он снова несся к павильону, потом, ближе к вечеру, мы ужинали. Развалившись в кресле, я потягивал вино, смакуя его рассказ о вкусовых достоинствах местных целебных вод. Вот это я называю счастьем.

Мне в общем-то неплохо удавалось сочетать роль зрителя с родственным долгом; каждый Божий день, сопровождая дядю, я с радостью наблюдал, как он высасывает дневную дозу минеральной воды, — что уж тут скрывать, мы, Вустеры, как никто любим забавное зрелище. И вот как-то, в середине второй недели, когда я в очередной раз наслаждался этим представлением, меня окликнули. Это была тетя Далия.

— Вот так встреча! — обрадовался я. — Вы-то что здесь делаете?

— Приехала вчера с Томом.

— Подлечиться прибыл? — с надеждой спросил дядя Джордж, поднимая голову от своего адского пойла.

— Да.

— А вы сами-то как?

— То же самое.

— Ага! — обрадовался дядя Джордж. Первый раз за все это время я увидел его счастливым. Он высосал свою воду до последней капли и, в соответствии с программой, где следующим пунктом значилась энергичная прогулка в преддверии массажа, ретировался.

— Вот уж не думал, что вы способны бросить свою газету, — улыбнулся я и вдруг, пораженный радостной догадкой, спросил: — А она, случаем, не прогорела?

— Прогорела? Да что ты! Оставила присматривать за ней приятельницу. А газета моя встала на ноги. Том дал пару тысяч и пообещал еще. Удалось ухватить права на сенсационные мемуары «Длиною в жизнь. Чистосердечные воспоминания леди Бэблукхайд». Будем печатать с продолжением. Это настоящая бомба! Тираж поднимется вдвое, а добрые имена половины лондонских знаменитостей разлетятся вдребезги.

— Ого! — воскликнул я. — Так, значит, у вас все в ажуре — принимая в расчет «Чистосердечные воспоминания» и ту статью миссис Литтл?

В этот момент тетя Далия что-то пила. Запах этого пойла можно было сравнить с утечкой газа на кухне, и, признаться, мне подумалось, что именно поэтому ее лицо перекосилось. Но я ошибся.

— Не напоминай мне про эту особу, Берти, — простионала она. — Вот люди бывают!

— А я-то думал, что вы на дружеской ноге.

— Уже нет. Поверишь ли — наотрез отказалась отдать мне статью...

— Как?!

— ...и только потому, что их величество обижаются на меня. Повар, видите ли, перешел к нам.

Я ничего не понимал.

— Анатолий от них ушел? А как же горничная... — спросил я тихо.

— Да что с тобой, Берти? Ты что это там бормочешь? При чем тут горничная?

— Ну как же, я так понял, что...

— Готова поспорить, что ты ничего в своей жизни никогда не понимал, — отрезала она, со стуком поставив пустой стакан. — Ну вот, слава Богу, и выпила. Только благодаря минеральной воде я выдерживаю удары судьбы. Теперь надо проследить, чтобы и Том свою дозу выпил.

Бедняга, до чего же он ненавидит лечение на водах! Я-то, как могу, его подбадриваю, все это, дескать, нужно, чтобы обрести форму, необходимую для употребления блюд Анатоля. А это, поверь, стоит того, чтобы потренироваться. Да, Анатолий — мастер своего дела. Отчасти понимаю, почему эта Литтл так взбесилась, когда он от них ушел. Но в работе эмоциям не место. Она не имеет никакого права отказывать мне в статье из-за личных разногласий. Велика важность, повар ушел! И потом, куда она, спрашивается, ее денет? Идея тут моя, не подкопаешься — на это и свидетели найдутся. Пусть только попробует в другую газету пристроить — хлебнет у меня неприятностей! Кстати, чего это Том не идет пить свою сернистую воду?

— Позвольте, а как же...

— Да, Берти, — вспомнила тетя Далия, — беру назад свои слова, ну насчет этого твоего Дживса. Это парень что надо!

— Это Дживс-то — что надо?

— Ну да. Принимал участие в переговорах. Проявил себя с очень хорошей стороны. И, между прочим, внакладе не останется. Уж будьте покойны, я за этим прослежу. Слов нет, как я ему благодарна. Еще бы! Уже сейчас Том безропотно расстается с парой тысяч, а что будет, когда Анатолий разойдется как следует? Да Том во сне будет портмоне нашаривать — просто дух захватывает! Я встал.

Тетя Далия умоляла меня остаться, чтобы посмотреть, как лечится дядя Том, — такое, дескать, пропускать преступно, — но ждать я уже не мог. Я взбежал наверх, оставил записку дяде Джорджу и следующим же поездом отбыл в Лондон.

— Я вас слушаю, Дживс, — начал я, вернувшись из ванны, где смывал грязь дальних странствий. — Рассказывайте все, как было. Начистоту — как любит говаривать леди Бэблукхайд.

— Вы сказали «леди Бэблукхайд», сэр?

— Да Бог с ней. Лучше расскажите, как разрубили этот узел. В последний раз я слышал, что Анатолий влюблен в эту горничную — тоже нашел в кого! — и отказался с ней разлучаться. И что же?

— Не скрою, первоначально я был обескуражен, сэр. Но затем пришла помощь — неожиданная, но ощутимая.

— Какая такая помощь?

— Совершенно случайно мне пришлось разговаривать с горничной миссис Траверс, сэр. Вспомнив, что миссис Литтл изъявила желание заменить прислугу, я осведомился, не хочет ли горничная перейти на новое

место с повышением жалованья. Она ответила согласием, последовала встреча с миссис Литтл, и все было улажено.

— Так что же это за «ощутимая помощь»?

— Видите ли, сэр, нашей горничной, как выяснилось, не так давно пришлось служить с нашим Анатолом под одной крышей. Однажды Анатолий — в соответствии с широко распространенной среди этой нации практикой — зашел с ней слишком далеко. Дело даже дошло, насколько я понял, до официальной помолвки. И вдруг наш француз в один прекрасный день пропал, не оставив бедняжке даже адреса. Нетрудно увидеть, насколько это открытие облегчило исполнение моего поручения. Девушка уже не питала симпатий к Анатолию, однако тому жить под одной крышей с двумя горничными, с каждой из которых...

— Вот черт! Теперь понимаю! Клин выбиваем клином!

— Именно, сэр, тот же самый принцип. Стало известно, что в дом прибудет новая прислуга, и не прошло и получаса, как Анатолий исчез и вновь всплыл на службе у миссис Траверс. Юркий человек, сэр. Как и большинство этих французов.

— Дживс, — объявил я, — это гениально. Это даже больше чем гениально!

— Весьма польщен такой высокой оценкой, сэр.

— А что говорит Бинго?

— Мне кажется, он в высшей степени доволен, сэр.

— А насчет презренного металла, он...

— Вполне, сэр. Двадцать фунтов. Перед этим, в прошлую субботу, ему несказанно повезло на бегах...

— Тетя сказала, что...

— О да, сэр. Была весьма щедра — двадцать пять фунтов.

— Всесильный Боже! Да вы, Дживс, гребете деньги лопатой.

— Да, сэр, мои сбережения значительно увеличились. Вот и миссис Литтл была настолько добра, что подарила мне десять фунтов — за то, что я нашел ей такую хорошую горничную. Затем мистер Траверс...

— Дядя Томас?

— Именно он, сэр. Повел себя самым благородным образом: еще двадцать пять фунтов. Это не считая денег от миссис Траверс. Ну и наконец мистер Траверс — Джордж Траверс.

— Вот уж ни за что не поверю, что дядя Джордж раскошелился. Ему-то с какой стати платить?!

— Честно говоря, сэр, я и сам не совсем понимаю. Но факт остается фактом — прислал чек на десять фунтов. Видимо, у него сложилось

впечатление, что я каким-то образом повлиял на ваше решение присоединиться к нему в Хэрроугейте.

Я просто рот открыл, услышав это.

— Ну что ж, раз пошло такое дело, — начал я, — видимо, и мне не стоит выделяться. Вот вам пятерка.

— Польщен, сэр, весьма польщен. Благодарю, это в высшей степени...

— Полноте, да разве это деньги — по сравнению с теми суммами, которые вы получили.

— Ну что вы, сэр...

— Впрочем, вообще не понимаю, зачем я вам ее даю.

— Боюсь, что вы правы, сэр.

— Ладно уж, берите.

— Сердечно благодарю, сэр. Я встал.

— Время позднее, а все-таки, наверное, схожу куда-нибудь. Нужно проветриться после двух недель в Хэрроугейте.

— Прекрасно, сэр. Пойду распакую вашу одежду.

— Кстати, Дживс, — вспомнил я. — Прислали шелковые сорочки с отложным воротничком от «Пибоди и Симз»?

— Прислали, сэр. Я уже отослал их обратно.

— Обратно?!

— Да, сэр, обратно.

Я смотрел на него, лишившись дара речи. Но тут же пришел в себя.

— Обратно так обратно. Тогда подайте мне сорочку с накрахмаленной манишкой.

— Слушаю, сэр, — слегка поклонился Дживс.

БЕРТИ МЕНЯЕТ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ

Перевод Э. Новиковой.

За последние несколько лет мне так часто приходилось давать советы молодым людям, желающим овладеть нашей профессией, что всю мою систему, для удобства, я свел к одной короткой формуле. «Изобретательность и такт» — таков мой девиз. Такт у меня, само собой, всегда был на первом месте, что же касается изобретательности, думаю, я могу утверждать, что в большинстве случаев я ухитрялся проявить известную долю того, что называется тонкостью, имея дело с некоторыми затруднениями, которые время от времени неизбежно возникают в повседневной жизни джентльмена, находящегося в услужении. В качестве подтверждения вспоминается эпизод, произошедший неподалеку от Брайтона в Школе молодых леди, — история, которая началась однажды вечером, с того момента, как мистер Вустер, которому я принес виски и сифон с водой, обратился ко мне необыкновенно раздраженным тоном.

Не просто слегка угрюмым, какой был у него вот уже несколько дней и так не вязался с его обычно оптимистичной натурой. Такой тон я объяснял естественной реакцией на легкую форму гриппа, которую перенес мистер Вустер, и, конечно же, не обращая внимания на подобные мелочи, просто исполнял мои обычные обязанности, но в тот вечер мистер Вустер обнаружил из ряда вон выходящее раздражение, когда я принес ему сифон и виски.

— Черт побери, Дживс, — сказал он в явном возбуждении. — Хоть бы раз для разнообразия вы поставили поднос на другой стол.

— Сэр?

— Каждый вечер, черт подери, — мрачно продолжал мистер Вустер, — вы приходите в одно и то же время с одним и тем же подносом и ставите его на один и тот же стол. Я сыт по горло, уверяю вас. От этого идиотского однообразия чувствуешь себя полным идиотом.

Признаюсь, его слова вызвали у меня определенные опасения. Я уже слышал подобные рассуждения от джентльменов, в услужении у которых я находился раньше, и это почти неизменно означало, что они подумывают о женитьбе. Поэтому, честно сказать, я и встревожился, услышав такого рода высказывания из уст мистера Вустера. У меня не было желания прерывать такие приятные во всех отношениях отношения, как у нас с мистером

Вустером, а мой опыт подсказывает, что, как только жена входит в парадную дверь, камердинер бывшего холостяка выходит в заднюю.

— Вы, конечно, ни при чем, — продолжил мистер Вустер, несколько успокаиваясь. — Я вас не виню. Но, разрази меня гром, в смысле, вы должны со мной согласиться, я имею в виду, в последнее время я много размышлял и пришел к заключению, что моя жизнь пуста. Я одинок, Дживс.

— У вас много друзей, сэр.

— От них никакого толка.

— Эмерсон, — напомнил я, — называет дружбу величайшим творением природы, сэр.

— Отлично, когда в следующий раз его увидите, можете передать ему, что он осел.

— Слушаю, сэр.

— Скажите, Дживс, вы видели пьесу под названием «Кто-то там чего-то такое»?

— Нет, сэр.

— Она идет в этом... как же его? Я был там вчера. Главный герой — такой тип, жизнерадостный и веселый, живет себе, в ус не дует, и вдруг, откуда ни возьмись, появляется девочка и говорит, что она его дочка. В первом акте что-то такое было, но он совершенно понятия не имел. Тут, ясное дело, начинается суматоха, а они говорят: «Ну так что?», а он говорит: «Что скажете?», а они говорят: «Это ты что скажешь?», а он говорит: «Ладно, будь по-вашему» — и берет девочку к себе, и они вместе идут по дороге жизни. В общем, к чему я веду, Дживс, я позавидовал этому малому. Ужасно забавная девчушка, понимаете, так доверчиво за него держится, и всякое такое. Нуждается в заботе, если вы понимаете, о чем я. Дживс, я бы хотел иметь дочку. Что для этого нужно сделать?

— Полагаю, предварительной ступенью является женитьба, сэр.

— Нет, я говорю об удочерении. Ребенка же можно удочерить, Дживс. Но я хочу знать, с чего обычно начинают в таких случаях.

— Насколько я себе представляю, это очень утомительный и трудоемкий процесс, он отнимет у вас все свободное время.

— Ладно, тогда сделаем так. На следующей неделе моя сестра с тремя девочками возвращается из Индии. Я съеду отсюда, сниму дом и поселюсь там вместе с ними. Ей-богу, Дживс, мне кажется, это отличный план, что скажете? Детский лепет, а? Топот маленьких ножек там и сям?

Я скрыл беспокойство, хотя, чтобы сохранить хладнокровие, мне потребовалось собрать все силы. План действий, набросанный мистером

Вустером, будучи приведенным в исполнение, означал конец нашего удобного холостяцкого распорядка; без сомнения, кто-нибудь другой на моем месте выразил бы в подобной ситуации свое несогласие. Я избежал этой тактической ошибки.

— Прошу прощения, сэр, — сказал я, — мне кажется, вы еще не вполне оправились от гриппа. Если мне будет позволено высказать свое мнение, вам необходим короткий отдых на море. Брайтон был бы идеальным вариантом, сэр.

— Вам кажется, что у меня сдвиг по фазе?

— Никоим образом, сэр. Я только считаю, что недолгое пребывание в Брайтоне восстановит ваши силы.

Мистер Вустер задумался.

— Что ж, не так уж вы и не правы, — сказал он наконец. — Я действительно словно бы немного не в своей тарелке. Упаковывайте чемодан, и завтра утром отвезете меня.

— Очень хорошо, сэр.

— А когда вернемся, я со свежими силами вернусь к маленьким ножкам.

— Разумеется, сэр.

Таким образом, я получил отсрочку и вздохнул с облегчением. Но я сознавал, что кризис не миновал и требует весьма искусного урегулирования. Не часто видел я, чтобы мистер Вустер был настолько одержим какой-то идеей. Подобной решимости я не наблюдал с того раза, когда он, несмотря на мое откровенное неодобрение, вздумал надеть лиловые носки. Тогда мне удалось пресечь этот беспорядок, и я имел все основания надеяться, что и теперь в конце концов смогу привести историю к счастливому финалу. Хозяева подобны лошадям. Им требуется твердая рука. У каких-то камердинеров хватает мастерства управлять ими, у каких-то — нет. Мне, слава Богу, не на что жаловаться.

Лично я находил наше пребывание в Брайтоне чрезвычайно приятным и склонен был продлить его, но так и не уgomонившемся мистеру Вустеру стало скучно уже к концу второго дня, а к середине третьего он велел мне упаковать вещи и подогнать машину к отелю. Прекрасным летним днем, около пяти, мы выехали в лондонском направлении и проделали мили две, когда я заметил впереди на дороге юную леди, махавшую с большим воодушевлением. Я нажал на тормоз и остановил машину.

— В чем дело, Дживс? — спросил мистер Вустер, очнувшись от грез.

— Чуть дальше на дороге, сэр, я вижу юную леди, пытающуюся знаками привлечь внимание, — объяснил я. — Сейчас она идет сюда.

Мистер Вустер пригляделся.

— Да, вижу. Полагаю, она хочет, чтобы ее подвезли, Дживс.

— Именно этот смысл я усмотрел в ее жестах, сэр.

— Прелестное создание, — сказал мистер Вустер. — Интересно, с какой стати она разгуливает по шоссе?

— Выглядит она так, сэр, как будто прогуливает уроки, сэр.

— Здрасьте-мордасти, — сказал мистер Вустер, когда девочка подошла. — Тебя подбросить?

— Это, а вы можете? — спросила девочка, просияв от удовольствия.

— Куда тебе нужно?

— Через милю будет поворот налево. Если вы меня там высадите, оттуда я уже дойду пешком. Это, большое спасибо. У меня гвоздь в туфле.

Она залезла на заднее сиденье. Рыжеволосая, курносая и с необыкновенно широкой улыбкой. В возрасте, мне кажется, лет двенадцати. Она опустила одно из откидных сидений и встала на него коленями, чтобы было легче общаться.

— Ну и влетит же мне, — сказала она. — Мисс Томлинсон будет в ярости.

— Почему? — спросил мистер Вустер.

— У нас сегодня короткий день, и я улизнула в Брайтон, чтобы сходить на пирс и немного поразвлечься на игровых автоматах. Я думала, что вернусь вовремя и никто не заметит моей отлучки, но в туфле вылез гвоздь, и теперь мне попадет. Что ж, — заключила она философски и этим вызвала, признаюсь, мое уважение, — ничего не поделаешь. Какая у вас машина? «Санбим»? А у нас дома «вулсли».

Мистер Вустер заметно разволновался. Как я уже говорил, в то время мистер Вустер пребывал в таком расположении духа, что его волновало все, касающееся молодых особ женского пола. Опасность, грозившая этой девочке, тронула его до глубины души.

— Это, дело плохо, — заключил он. — Неужели ничем нельзя помочь? Это, Дживс, может быть, можно что-нибудь придумать?

— Я не считаю себя вправе вносить предложения, сэр, — ответил я, — но, раз уж вы сами подняли этот вопрос, я скажу, что задача представляется мне разрешимой. Я думаю, благовидным предлогом могло бы послужить сообщение о том, что вы являетесь старым другом отца молодой леди. В этом случае вы могли бы сказать, что, проезжая мимо школьных ворот, увидели молодую леди и предложили ей прокатиться. Без сомнения, при таких обстоятельствах недовольство мисс Томлинсон заметно уменьшится либо исчезнет вовсе.

— Вы просто прелесть! — заключила молодая леди с восторгом и поцеловала меня. По этому поводу я должен только выразить сожаление, что губы у нее были липкими от только что съеденной конфеты.

— Дживс, вы бьете без промаха! — сказал мистер Вустер. — Отличный план, просто гениальный. Это, думаю, мне нужно заранее узнать твою фамилию и прочее, раз уж теперь я друг твоего отца.

— Огромное спасибо. Меня зовут Пегги Мейнуоринг, — сказала девочка. — Мой отец — профессор Мейнуоринг. Он написал кучу книжек. Это вам, наверное, надо знать.

— Профессор Мейнуоринг — автор известных философских трактатов, сэр, — рискнул я вставить замечание. — Они пользуются огромной популярностью, однако, надеюсь, молодая леди простит меня, некоторые утверждения профессора мне лично представляются узкопрактическими. Мы едем в школу, сэр?

— Да. Вперед, Дживс. Странная штука получается, Дживс. Знаете, я никогда раньше не был в школе для девочек.

— Вот как, сэр?

— Должно быть, это будет интересный опыт, а, Дживс?

— Полагаю, именно так, сэр, — ответил я.

Проехав с полмили, я завернул в ворота указанного молодой особой здания внушительных размеров и остановил машину перед парадным крыльцом. Мистер Вустер с девочкой вошли в дом, и вскоре ко мне вышла горничная.

— Вам велено поставить машину сзади у конюшен, — сказала она.

— Так, значит, все в порядке? — сказал я. — Где мистер Вустер?

— Мисс Пегги повела его знакомиться с подружками. А кухарка приглашает вас на кухню выпить чашку чаю.

— Передайте ей, что я буду счастлив. До того как я поставлю машину у конюшен, могу я переговорить с мисс Томлинсон?

Через минуту служанка препроводила меня в гостиную. Красивая, но с характером — таково было мое первое впечатление от мисс Томлинсон. Чем-то она напомнила мне тетю мистера Вустера, Агату. Тот же пронизывающий взгляд и то же выражение лица, которое не передашь словами, но в целом ясно, что никаких глупостей от вас не потерпят.

— Боюсь, я беру на себя слишком большую смелость, мадам, — начал я, — но, надеюсь, вы позволите сказать несколько слов о моем господине. Думаю, не ошибусь, предположив, что мистер Вустер не слишком много рассказал

вам о себе.

— Он ничего не рассказал о себе, кроме того, что он друг профессора Мейнуоринга.

— То есть он не сказал вам, что он тот самый Вустер?

— Тот самый?

— *Бертрам* Вустер, мадам.

Должен заметить, что мистер Вустер, чьи умственные способности не стоит даже принимать всерьез, обладает именем, открывающим безграничные возможности. Его имя, позволю себе пояснить мою мысль, звучит очень внушительно, особенно если вы только что узнали, что он близкий друг такого знаменитого человека, как профессор Мейнуоринг. Вы, конечно, не могли сразу сообразить, идет ли речь о писателе Бертраме Вустере или о Бертраме Вустере — основателе новой философской школы, но у вас возникало неприятное ощущение, что вас сочтут невеждой, если вы не сделаете вид, что прекрасно знаете, о ком идет речь. Мисс Томлинсон, как я и предполагал, кивнула со значением.

— Ах, *Бертрам* Вустер!

— Он необыкновенно застенчив, мадам, и никогда не предложил бы этого сам, но, зная его, я уверен, он почел бы за честь выступить перед молодыми леди. Он прекрасно говорит экспромтом.

— Замечательная мысль, — решительно произнесла мисс Томлинсон. — Я вам очень признательна за то, что вы мне ее подсказали. Я, конечно, же попрошу его поговорить с девочками.

— А если он сделает вид — конечно, из скромности, — что не хочет?

— Я буду настаивать.

— Большое спасибо, мадам. Очень вам обязан. Надеюсь, вы не будете упоминать о моем участии в этом проекте? Мистер Вустер может решить, что я превысил полномочия.

Я проехал к конюшням и остановил машину во дворе. Я посмотрел на нее пристально. Это была хорошая машина в превосходном состоянии, но мне почему-то показалось, что с ней может что-то случиться, какая-то крупная поломка, на устранение которой потребуются никак не меньше двух часов. У всякого бывают дурные предчувствия.

Примерно через полчаса, когда, прислонившись к машине, я спокойно наслаждался сигаретой, появился мистер Вустер.

— Курите-курите, Дживс, — сказал он, заметив, что я вынул сигарету изо рта. — Кстати, я как раз хотел стрелкнуть у вас сигаретку. Найдется?

— Боюсь, только дешевый сорт, сэр.

— Нормально, — сказал он нетерпеливо. Мне показалось, что он

выглядит слегка усталым, и взгляд у него стал какой-то безумный.

— Странная штука, Дживс, я где-то посеял свой портсигар. Нигде его нет.

— Очень жаль, сэр. В машине его тоже нет.

— Да? Должно быть, вывалился где-нибудь. — Он с наслаждением затаился. — Забавные создания эти девочки, Дживс, — заметил он немного погодя.

— Совершенно верно, сэр.

— Хотя, конечно, я могу себе представить, что кому-нибудь они покажутся немного утомительными в этом...

— В большом количестве, сэр?

— Именно. В большом количестве они немного утомительны.

— Должен признаться, сэр, именно это наблюдение я вынес из общения с ними. В юности, на заре моей карьеры, сэр, я одно время служил рассыльным в школе для девочек.

— Не может быть! Я ничего об этом не знал. Скажите, Дживс, э... а в ваше время эти... э... небесные создания тоже часто хихикали?

— Практически безостановочно, сэр.

— От этого хоть кто почувствует себя ослом, да? Наверное, можно не спрашивать, не палились ли они на вас время от времени, а?

— В той школе, сэр, у барышень была любимая игра, в которую они играли, когда приходил с визитом какой-нибудь мужчина. Они неотрывно смотрели на него и хихикали, и та, которая заставит его покраснеть, получала небольшой приз.

— Ну да, Дживс, не может быть!

— Да, сэр. Это развлечение доставляло им огромное удовольствие.

— Никогда не думал, что девочки такие дьяволята.

— Гораздо хуже мальчиков, сэр. Мистер Вустер вытер лоб платком.

— Через несколько минут мы будем пить чай, Дживс. Надеюсь, что после чая я почувствую себя лучше.

— Будем надеяться, сэр.

Однако я не питал никаких иллюзий.

Чаепитие на кухне прошло в очень приятной обстановке. Тосты с маслом были вкусные, а служанки — молодые и симпатичные, хотя и неразговорчивые. Горничная, присоединившаяся к нам под коней, после того как управилась со своими обязанностями в школьной столовой, сообщила, что мистер Вустер держится молодцом, но выглядит взволнованным. Я вернулся на конный двор и только начал снова осматривать машину, когда появилась представительница рода

Мейнуорингов.

— Вы не могли бы передать вот это мистеру Вустеру? — Она протянула портсигар Вустера. — Он, должно быть, обронил его. Ужасно смешно, — продолжила она, — он будет читать нам лекцию,

— В самом деле, мисс?

— Мы обожаем лекции. Мы сидим и смотрим на беднягу в упор, пока он не собьется. В прошлом семестре один тип стал икать. Как вы думаете, мистер Вустер будет икать?

— Нам остается надеяться на лучшее, мисс.

— Вот будет умора, да?

— Еще бы, мисс.

— Ну, мне пора возвращаться. Я хочу сесть в первом ряду. И она убежала. Обаятельный ребенок. Удивительно жизнерадостный.

Как только она исчезла, послышались беспокойные шаги, и из-за угла появился мистер Вустер. Встревоженный. И очень сильно.

— Дживс!

— Сэр?

— Заводите машину!

— Сэр?

— Я уезжаю.

— Сэр?

Мистер Вустер переступил с ноги на ногу.

— Что вы заладили «сэр»? Говорю вам, я уезжаю. Сматываюсь. Нельзя терять ни минуты. Положение отчаянное. Черт возьми, Дживс, вы знаете, что произошло? Эта Томлинсон только что меня обрадовала, что я должен выступать перед девочками. Стоять там перед всем этим выводком и говорить. Представляю, на кого я буду похож! Заводите машину, Дживс, будь она неладна. Скорее, скорее!

— Боюсь, сэр, это невозможно. Машина неисправна.

Мистер Вустер уставился на меня. Совершенно остекленевшими глазами.

— Неисправна?!

— Да, сэр. Какая-то неполадка. Должно быть, незначительная, но, возможно, потребуется время для ее устранения.

Мистер Вустер принадлежит к категории беспечных молодых людей, которые научатся водить машину, но никогда не поинтересуются, как она устроена, и я счел себя вправе добавить несколько технических терминов.

— Думаю, неисправен дифференциал. Или выхлопная труба.

Я очень привязан к мистеру Вустеру, и, признаюсь, я чуть было не

сжалился над ним, когда посмотрел на его лицо. Его взгляд, полный немого отчаяния, способен был растрогать кого угодно.

— Тогда я погиб. Если только, — слабый луч надежды пробежал по его искаженному страданием лицу, — как вы думаете, Дживс, мне удастся ускользнуть и добраться до шоссе пешком?

— Боюсь, вы опоздали, сэр. — Я украдкой указал на приближающуюся с тыла фигуру мисс Томлинсон, которая наступала со спокойной решимостью.

— Ах, вот вы где, мистер Вустер. Он выдавил жалкую улыбку.

— Да... э... вот и я.

— Все ожидают вас в большой классной комнате.

— Но, послушайте, — сказал мистер Вустер, — я... Я совершенно не знаю, о чем говорить.

— О чем угодно, мистер Вустер. Обо всем, что придет вам в голову. Что-нибудь веселое, — сказала мисс Томлинсон. — Веселое и забавное.

— Веселое и забавное?

— Можете рассказать им несколько смешных историй. Но в то же время не пренебрегайте и серьезными темами. Не забывайте, что мои девочки стоят на пороге взрослой жизни и хотят услышать что-нибудь полезное, ободряющее и напутственное, что могло бы запомниться надолго. Но вы, конечно же, сами все прекрасно знаете, мистер Вустер. Пойдемте. Девочки ждут нас.

Ранее я уже говорил об изобретательности и о том, какую роль она играет в жизни личного слуги джентльмена. Это качество особенно необходимо для участия в сценах, где ваше участие изначально не предполагалось. Так много интересного происходит за закрытыми дверями, что камердинеру, если он не собирается безнадежно отстать от жизни, необходимо пускать в ход всю свою сообразительность, чтобы обеспечить себе возможность стать если не зрителем, то, по крайней мере, слушателем некоторых интересующих его событий. Я резко отвергаю практику подслушивания у замочных скважин, как вульгарное и недостойное занятие, но и не опускаясь до этого, мне, как правило, удается преодолеть подобное затруднение.

В данном случае это было просто. Большая классная комната располагалась на первом этаже, а широкие балконные двери по причине хорошей погоды все время оставались открытыми. Встав за колонной на крыльце, или, лучше сказать, веранде, примыкавшей к комнате, я получил возможность все видеть и слышать. Это было зрелище, которое я не хотел бы пропустить. Мистер Вустер, скажу прямо, бесспорно, превзошел самого

себя.

Мистер Вустер — молодой джентльмен, обладающий практически всеми необходимыми качествами, кроме одного. Я не имею в виду ум, так как умный хозяин вообще нежелателен. Качеству, которое я упомянул, нелегко дать точное определение, но я бы, вероятно, назвал его умением справляться с непредвиденными ситуациями. Случись что-либо непредвиденное, и мистер Вустер сразу начинает жалко улыбаться и таращить глаза. Ему не хватает присутствия духа. Часто мне приходилось сожалеть о том, что не в моей власти наделить его частью той находчивости, которой отличался мой предыдущий хозяин, мистер Монтегю Тодд, известный финансист, в настоящее время отбывающий второй год тюремного заключения. Я знал людей, которые врывались к мистеру Тодду с явным намерением с ним разделаться и через полчаса уходили, добродушно посмеиваясь и попыхивая его сигарой. Для мистера Тодда выступить без подготовки перед залом, полным барышень, было не сложнее, чем сыграть в крестики-нолики; кончилось бы все тем, что он, скорее всего, убедил бы их вложить все карманные деньги в один из его многочисленных проектов; но для мистера Вустера такое выступление было худшим вариантом кары небесной. Он взглянул на молодых леди, которые дружно и не мигая смотрели на него, сморгнул и начал жалко подергивать свой рукав. Он был похож на застенчивого молодого человека, которого уговорили выйти на эстраду, чтобы принять участие в номере фокусника, и у него из головы вдруг стали извлекать кроликов и вареные яйца. Мисс Томлинсон произнесла короткое, но изящное вступительное слово.

— Девочки, — сказала мисс Томлинсон, — некоторые из вас уже познакомились с мистером Вустером — мистером *Бертрамом* Вустером, и всем вам, я надеюсь, знакомо его славное имя.

Тут, к сожалению, мистер Вустер издал ужасный булькающий смешок и, поймав на себе взгляд мисс Томлинсон, покраснел до корней волос. Мисс Томлинсон продолжила:

— Он любезно согласился перед отъездом сказать нам несколько слов, и я не сомневаюсь, что все вы будете слушать его с самым серьезным вниманием. Теперь начнем.

При последних словах она взмахнула правой рукой, и мистер Вустер, по-видимому решивший, что это относится к нему, откашлялся и уже открыл было рот. Но, очевидно, ее фраза адресовалась юным леди и выполняла функцию сигнала, ибо все школьницы, как одна, встали и грянули нечто вроде песни, слова которой я запомнил, но мелодия как-то

не удержалась в памяти. Слова были такие:

Мы приветствуем вас!
Мы приветствуем вас!
Дорогого нам гостя,
Мы приветствуем вас!
Мы приветствуем!
Мы приветствуем!
Мы приветствуем вас!
Мы приветствуем вас!
Вас!

Хористкам была предоставлена большая свобода в выборе тональности, и, я бы сказал, их пению не хватало слаженности. Каждая тянула свое и, допев до конца, поджидала отставших. Очень своеобразное представление, меня оно чрезвычайно развлекло. Однако на мистера Вустера оно подействовало, как удар по голове. Он попятился и поднял руку, защищаясь. Затем шум стих, и в воздухе повисло ожидание. Мисс Томлинсон бросила повелительный взгляд, он моргнул, раз или два сглотнул и нетвердой походкой двинулся вперед.

— Видите ли, — сказал он.

Затем ему, очевидно, показалось, что подобное обращение не отвечает требованиям этикета, и он добавил:

— Леди.

Взрыв серебристого смеха в первом ряду снова заставил его умолкнуть.

— Девочки, — произнесла мисс Томлинсон.

Она сказала это негромко и мягко, но слова ее немедленно возымели действие. В зале мгновенно воцарилась гробовая тишина. Несмотря на столь краткое знакомство с мисс Томлинсон, должен признать, что очень немного женщин вызывало у меня большее восхищение. У нее была хватка.

К тому моменту мисс Томлинсон, вероятно, уже разобралась в ораторских способностях мистера Вустера и поняла, что ждать от него вдохновенных речей бесполезно.

— Может быть, — сказала она, — по причине позднего времени и занятости, мистер Вустер просто даст вам небольшой совет, который мог бы пригодиться во взрослой жизни, а потом мы споем школьный гимн и

приступим к вечерним занятиям.

Она посмотрела на мистера Вустера. Он попытался ослабить на себе воротник.

— Совет? Во взрослой жизни? Ну, да я даже не знаю.

— Какую-нибудь простую рекомендацию, мистер Вустер, — твердо сказала мисс Томлинсон.

— Ну что ж... Так вот... Да... — Больно было видеть, как мистер Вустер пытается мобилизовать свой мозг. — Я расскажу вам одну штуку, которая мне в жизни принесла немало пользы, про нее мало кто знает. Мой старый дядя Генри научил меня этому, когда я в первый раз приехал в Лондон. «Запомни, мой мальчик, — сказал он, — если встать у «Романо» на Стрэнде, можно увидеть часы на Доме правосудия на Флит-стрит. Большинство людей скажет, что это невозможно, потому что решит, что Дома не будет видно из-за пары Церквей, которые стоят там посреди дороги. Но ты-то теперь знаешь, что это не так, и возьми себе на заметку. Ты можешь выиграть кучу денег, заключая пари с теми, кто еще не в курсе». И, ей-богу, он оказался прав на все сто, эту штуку стоило запомнить. Я выиграл не один фунт.

Мисс Томлинсон сухо кашлянула, и он замолчал, не окончив фразы.

— Может быть, лучше, мистер Вустер, — сказала она ровным ледяным тоном, — вы расскажете моим девочкам какую-нибудь небольшую историю. То, что вы рассказываете, безусловно, необычайно интересно, но, может быть, короткая...

— А, да-да, — сказал мистер Вустер. — История? Значит, история? — Вид у бедняги был совершенно безумный. — Скажите, вы слышали анекдот про биржевого маклера и хористку?

— А теперь мы споем школьный гимн, — сказала мисс Томлинсон, всплывая как айсберг.

Я решил не дожидаться исполнения школьного гимна. Мне казалось вполне вероятным, что в самое ближайшее время мистеру Вустеру может потребоваться машина, поэтому я вернулся на конный двор, чтобы быть наготове.

Ждать мне пришлось недолго. Через несколько минут он пришел, пошатываясь. Лицо мистера Вустера нельзя назвать непроницаемым. Напротив, оно прозрачно, как озерцо, в котором отражается все происходящее. Его лицо было для меня раскрытой книгой, и он произнес именно ту фразу, которую я ожидал услышать.

— Дживс, — хрипло сказал он, — вы уже починили эту чертову машину?

— Только что, сэр. Я трудился над ней не покладая рук.

— Тогда, ради всего святого, поехали.

— Но вы, насколько я понял, собирались выступить перед молодыми леди, сэр.

— А я уже выступил, — ответил мистер Вустер, заморгав с необыкновенной быстротой. — Да, уже выступил.

— Полагаю, успешно, сэр?

— Да. Да. Необычайно успешно. Прошло как по маслу. Но... э... я думаю, мне уже можно уезжать. Не стоит злоупотреблять гостеприимством, а?

— Совершенно верно, сэр.

Я сел на водительское место и уже собирался включить зажигание, как вдруг послышались голоса, при первых звуках которых мистер Вустер с невероятным проворством перепрыгнул в заднее отделение автомобиля и, пока я оборачивался, успел спрятаться на полу под ковриком. Последнее, что я увидел, был его умоляющий глаз.

— Друг мой, вы не видели мистера Вустера?

На конном дворе появилась мисс Томлинсон, сопровождаемая дамой, судя по акценту, француженкой.

— Нет, мадам.

Француженка воскликнула что-то на родном языке.

— Что-нибудь случилось, мадам? — осведомился я. Мисс Томлинсон, как я понимаю, не из тех дам, кто в обычном состоянии станет посвящать в свои тревоги чужого слугу, даже самого доброжелательного и сочувствующего. Тот факт, что она поделилась со мной сейчас, показывает, как сильно она была потрясена.

— Да, случилось! Мадемуазель только что обнаружила в кустах девочек, они курили. Когда их спросили, они заявили, что эти отвратительные сигареты им дал мистер Вустер. — Она повернулась к француженке: — Он, должно быть, где-то в саду или в доме. Я думаю, что этот человек сумасшедший. Пойдемте, мадемуазель.

Прошло, должно быть, не меньше минуты, прежде чем мистер Вустер, как черепаха, высунул голову из-под коврика.

— Дживс!

— Сэр?

— Поехали. Заводите мотор. Езжайте и не останавливайтесь.

Я поставил ногу на стартер.

— По территории школы придется ехать очень медленно, так будет безопаснее, сэр, — сказал я. — Мы можем задавить какую-нибудь

молодую леди, сэр.

— А чем плохо? — с горечью спросил мистер Вустер.

— Или даже мисс Томлинсон, сэр.

— Не надо, — мечтательно протянул мистер Вустер. — Не дразните меня.

— Дживс, — сказал мистер Вустер, когда вечером, примерно через неделю, я принес ему сифон и виски, — это просто здорово.

— Сэр?

— Здорово. Понимаете, удобно и приятно. Я имею в виду, только взглянешь на часы и подумаешь, а вдруг сегодня вы запоздаете со старым добрым виски, и тут как раз вы входите с подносом, всегда в одно и то же время, и ни минутой позже; ставите его на стол и испаряетесь, а на следующий вечер снова приходите, ставите и испаряетесь, и на следующий, — я хочу сказать, это дает ощущение надежности и спокойствия. Как-то успокаивает. Точно, успокаивает.

— Да, сэр. Один вопрос, сэр...

— Какой?

— Вы уже подыскали подходящий загородный дом, сэр?

— Дом? В каком смысле «дом»?

— Насколько я понял, сэр, вы намеревались оставить эту квартиру и снять дом подходящего размера, чтобы жить там вместе с вашей сестрой, миссис Сколфилд, и тремя ее дочками.

Мистера Вустера передернуло.

— Отменяется, Дживс, — сказал он.

— Слушаю, сэр, — сказал я.

ДЖИВС И СКОЛЬЗКИЙ ТИП

Перевод И. Бернштейн.

Уже сгущались ночные тени, когда я повернул ключ в замке, и мы вдвоем с чемоданом прибыли в распоряжение вустеровской штаб-квартиры. Дживс в гостиной развешивал по стенам ветки остролиста, так как близилось неумолимое Рождество, а он любил, чтобы все было честь по чести. Я радостно поздравил его с моим прибытием.

— Ну, Дживс, вот я и вернулся!

— Добрый вечер, сэр. Приятно ли погостили?

— Недурно, я бы сказал. Но рад снова очутиться дома. Как это тот тип говорил про дом?

— Если вы имеете в виду американского поэта Джона Говарда Пейна, сэр, то он проводит сравнение родного дома с дворцами и роскошествами, в пользу первого, разумеется, и дальше пишет: «Дом, милый дом, быть дома лучше всего».

— Он был недалек от истины. Толковый малый этот Джон Говард Пейн.

— Читатели, насколько мне известно, им всегда оставались довольны, сэр.

Я возвратился из Чаффнел-Риджиса, где проводил уикэнд в клинике сэра Родерика Глоссопа, выдающегося лекаря психов, или психоневролога, как он сам предпочитает себя называть, — не в качестве пациента, спешу уточнить, а просто в гостях. Кузен моей тети Далии Перси был некоторое время назад поставлен туда на ремонт, и она попросила меня заехать посмотреть, как он. Он забрал себе в голову, уж не знаю почему, что его постоянно преследуют маленькие человечки с черными бородами, и, естественно, ему хотелось как можно скорее от них избавиться.

— Знаете, Дживс, — проговорил я немного позднее, уже потягивая виски с содой, которым он меня снабдил, — все-таки странная штука жизнь, никогда не угадаешь, чего от нее ждать.

— Вы имеете в виду какое-то конкретное осложнение, сэр?

— Вот, например, как у нас с сэром Р. Глоссопом. Кто бы мог подумать, что настанет день, когда мы с ним будем жить душа в душу, точно два матроса, отпущенные на берег? А ведь когда-то, вы, может быть, не забыли, он внушал мне невыразимый ужас и, слыша его имя, я

подскакивал до потолка, как вспугнутый кузнечик. Помните?

— Да, сэр. Я отлично помню, что вы относились к сэру Родерику с опаской.

— А он ко мне.

— Между вами определенно существовала некоторая натянутость. Ваши души не сливались в согласии.

— Зато теперь у нас такие хорошие отношения, лучше не бывает. Преправды, нас разделявшие, рухнули. Я улыбаюсь ему, он — мне. Он зовет меня Берти, я его — Родди. Одним словом, акции голубя мира на подъеме и даже грозят достигнуть номинала. Мы ведь с ним, точно Седрах, Мисах и Авденаго, если я не путаю имена, вместе прошли сквозь пещь огненную, а это как-никак связывает.

Тут я подразумевал тот случай, когда мы оба, — по соображениям, в которые здесь не стоит вдаваться, скажу лишь, что они были вполне основательными, — зачернили себе лица, он жженой пробкой, я ваксой, и вдвоем провели страшную ночь в блужданиях по Чаффнел-Риджис, не имея, как это говорится, где преклонить главу. С кем вместе пережил такое, тот уже никогда не будет тебе чужим.

— Но я расскажу вам одну вещь про Родди Глоссопа, Дживс, — продолжал я после того, как щедро отхлебнул живительной влаги. — У него на сердце тяжесть. Физически-то он, на мой взгляд, в полном порядке, как огурчик, на зависть любому овощу, но он в унынии... подавлен... расстроен... Говоришь с ним, и видно, что его мысли витают где-то далеко, да и мысли эти не из приятных. Слова из него не вытянешь. Я чувствовал себя, как тот заклинатель из Библии, который попытался заклясть глухого аспида, и ни тпру, ни ну. Там еще был один тип, некто Блэр Эглстоун, возможно, он и послужил причиной его угнетенного состояния, потому что этот Эглстоун... Слыхали про такого? Он книжки пишет.

— Да, сэр. Мистер Эглстоун — один из наших сердитых молодых романистов. Критики называют его произведения откровенными, бесстрашными и нелюбимыми.

— Ну да? Не знаю, какие уж там у него литературные достоинства, но субъект он, на мой взгляд, довольно вредный. Сердит-то он на что?

— На жизнь, сэр.

— Не одобряет?

— Похоже, что так, сэр, если судить по его литературной продукции.

— Ну а я не одобряю его, так что все квиты. Но, думаю, все-таки не его присутствие нагоняло на Глоссопа такую тоску. Корни ее гораздо глубже. Тут затронуты дела сердечные.

Должен пояснить, что во время пребывания в Чаффнел-Риджисе папаша Глоссоп, вдовец со взрослой дочерью, обручился с леди Чаффнел, она же тетя Мертл моего школьного приятеля Мармадюка Чаффнела (Чаффи), и когда по приезде к ним более чем через год я застал его все еще не женатым, меня это довольно сильно удивило. Я-то думал, что он давно уже выправил себе брачную лицензию и задействовал епископа с присными. Здоровый, полнокровный психоневролог под влиянием божественной страсти должен был повернуть это дело за какой-нибудь месяц-другой.

— Как вы думаете, Дживс, они рассорились, что ли?

— Сэр?

— Сэр Родерик и леди Чаффнел.

— О нет, сэр. Уверяю вас, что ни малейшего охлаждения чувств не было ни с той, ни с другой стороны.

— Тогда где же заминка?

— Дело в том, сэр, что ее сиятельство отказывается участвовать в бракосочетании, пока не выйдет замуж дочь сэра Родерика, она ясно высказалась в том смысле, что ни за что на свете не согласится жить под одной крышей с мисс Глоссоп. Естественно, сэр Родерик от этого впал в мрак и уныние.

Для меня словно молния сверкнула — я сразу все понял. Как всегда, Дживс нащупал самую суть.

Составляя эти мемуары, я каждый раз сталкиваюсь с одним затруднением: какие меры следует принять, выводя на сцену действующие лица, если они уже фигурировали в предыдущих сериях? Вспомнят ли ее или его мои читатели, спрашиваю я себя, или же они уже совершенно его или ее позабыли? В последнем случае потребуются, конечно, кое-какие подстрочные примечания, чтобы ввести их в курс дела. Например, Гонория Глоссоп, которая появляется, если не ошибаюсь, в главе второй Саги о Вустере. Кое-кто ее, может быть, и вспомнит, но наверняка найдутся и такие, кто заявит, что в жизни о ней не слыхали, так что лучше, пожалуй, все-таки перестраховаться и, рискуя вызвать недовольство внимательных, кое-что уточнить.

Итак, вот мои записи про Гонорию Глоссоп, сделанные в тот период, когда я по причинам, от меня не зависящим, был с нею помолвлен.

«Гонория Глоссоп, — пишу я, — это одна из тех неутомимых атлетических девиц, которые имеют телосложение борца в среднем весе и смеются смехом, похожим на грохот «Шотландского экспресса», проносящегося под мостом. У меня она вызывала острое желание улизнуть

в погреб и затаиться там до тех пор, пока не дадут отбой».

Так что легко понять отказ Мертл, леди Чаффнел вступить в брачный союз с сэром Родериком, покуда вышеозначенная особа остается членом семьи. Ее твердая позиция в этом случае, я так считаю, делает честь ее здравому уму.

Но тут мне пришел в голову один вопрос, которым я часто задаюсь, когда Дживс сообщает мне чужие семейные тайны.

— А вы-то откуда все это знаете, Дживс? Он что, обращался к вам за советом? — спрашиваю. Я ведь знал, какая у него широкая практика консультанта по всем вопросам. «Посоветуйтесь с Дживсом» — самый распространенный лозунг в среде моих знакомых, возможно, что и сэр Родерик Глоссоп, попав в переплет, решил обратиться со своими трудностями к нему. Дживс, он как Шерлок Холмс, к нему приходят за помощью даже члены самого высшего общества. И очень может быть, что уходя, дарят в знак признательности драгоценные табакерки, почем мне знать.

Но оказалось, что догадка моя неверна.

— Нет, сэр. Сэр Родерик не удостоил меня своим доверием.

— Как же вы узнали про его семейные дела? Это что, экс-хра-что-то-там-такое?

— Экстрасенсорное восприятие? Нет, сэр. Я вчера пролистал нашу клубную книгу на букву «Г».

Я понял. У них на Керзон-стрит есть клуб дворецких и камердинеров, называется «Подсобник Ганимед». Дживс состоит его членом, и там ведется книга записей, куда каждый обязан заносить информацию о своем нанимателе. Помню, я был совершенно ошарашен, когда узнал от Дживса, что в ней одиннадцать страниц посвящены лично мне.

— Сведения, касающиеся сэра Родерика Глоссоба и его горестного положения, вписаны мистером Добсоном.

— Это еще кто?

— Дворецкий сэра Родерика, сэр.

— Ах, да, конечно. — Я вспомнил почтенную персону, в чью ладонь я только сегодня вложил, уезжая, пару фунтов. — Неужели сэр Родерик с ним поделился?

— Нет, сэр. Но у мистера Добсона весьма острый слух, который позволил ему разобрать, о чем говорили между собой сэр Родерик и ее сиятельство.

— То есть, он подслушивал у замочной скважины?

— Можно и так сказать, сэр.

Я призадумался. Значит, вот как обстоит дело. Мое сердце сжалось от сочувствия к бедняге, чьи косточки мы тут перемывали. Не надо было обладать цепким умом Бертрама Вустера, чтобы уразуметь, в какое безвыходное положение попал старина Родди. Я знал, как он любит и почитает эту тетку моего друга Чаффи. Даже в ту ночь в Чаффнел-Риджисе, когда его лицо было замазано жженой пробкой, я мог наблюдать, как оно светлело при упоминании ее имени. С другой стороны, на всем свете вряд ли отыщется такой непроходимый осел, который женился бы на его дочери Гонории и тем самым расчистил ему прямую дорогу к счастью. Мне стало его ужасно жалко.

Я так и сказал Дживсу.

— Дживс, — говорю, — у меня сердце кровью обливается от жалости к сэру Р. Глоссопу.

— Да, сэр.

— А ваше сердце тоже обливается кровью от жалости?

— Весьма обильно, сэр.

— Но ничего невозможно поделать. Мы бессильны.

— К сожалению, да, сэр.

— Жизнь бывает так печальна, Дживс.

— Чрезвычайно печальна, сэр.

— Неудивительно, что Блэр Эглстоун ее невлюбил.

— Ваша правда, сэр.

— Пожалуй, принесите-ка мне еще стаканчик виски с содой, чтобы я немного приободрился. А после этого я подамся к «Трутням» перекусить.

На лице у Дживса появилось сокрушенное выражение, то есть он еле заметно вздернул одну бровь.

— Очень сожалею, сэр, но я ненароком упустил сообщить вам, что миссис Траверс собирается сегодня приехать сюда и поужинать с вами.

— Разве она не в Бринкли?

— Нет, сэр, она временно выехала из Бринкли-Корта и расположилась в своем лондонском доме с целью произвести покупки к Рождеству.

— И хочет, чтобы я накормил ее ужином?

— Именно таково было краткое содержание ее речи, которую она произнесла сегодня утром по телефону, сэр.

На душе у меня заметно распогодилось. Миссис Траверс — это моя положительная, добрая тетя Далия, посудачить с нею — всегда честь и удовольствие. Конечно, мы будем видеться, когда я приеду в Бринкли на Рождество, но такой предварительный прогон тоже будет очень приятен. Если кто-то способен отвлечь мои мысли от бед Родди Глоссопа, то только

она. Так что я от души обрадовался предстоящему свиданию. Я и не подозревал, какую бомбу она прячет в рукаве, намереваясь взорвать ее под сиденьем моего стула еще до наступления ночи.

Всякий раз, как тетя Далия приезжает в Лондон и я угощаю ее ужином у себя в квартире, на меня прежде всего обрушивается лавина новостей из Бринкли-Корта и окрестностей, и пока не покончено с этим, она не дает племяннику вставить ни словечка ни на какую другую тему. Так что имя сэра Родерика Глоссопа в первый раз всплыло в разговоре только после того, как Дживс подал кофе. Закурив сигарету и отхлебнув первый глоток, тетя Далия спросила у меня, как поживает сэр Родерик, и я сказал в ответ ей то же самое, что раньше говорил Дживсу:

— Физически вполне здоров. Но мрачен. В унынии. Тоскует. Огорчается.

— Просто из-за твоего присутствия или были другие причины?

— Он со мной не делился, — осмотрительно отозвался я. Я стараюсь не называть источник информации, полученной через Дживса из их клубной книги. У них в «Подсобнике Ганимеде» очень строгие правила насчет нераспространения ее содержания. Не знаю, что за это бывает, если тебя поймают за руку и разоблачат, наверно построят в каре лакеев и дворецких, выволокут провинившегося на середину, срежут пуговицы, а потом по всей форме исключат из рядов. И очень правильно, что принимаются такие меры предосторожности, а то вдруг бы те одиннадцать страниц, которые про меня, стали достоянием широкой общественности? Страшно подумать. Уже одно то, что они вообще где-то существуют, внушает самые серьезные опасения. — Он не открыл мне, что его гнетет. Просто сидит человек, и видно, что подавленный и мрачный.

Престарелая родственница расхохоталась зычным смехом, от которого в те годы, когда она ездила на лисью охоту, многие всадники, я думаю, вздрагивали и вываливались из седла. Она так громогласно реагирует, если ее рассмешить, будто на улицах Лондона опять кто-то что-то взорвал, как об этом пишут в газетах.

— Ничего удивительного. Перси живет у него уже несколько недель. А тут еще ты явился. Мало, что ли, чтобы затмить солнечный свет человеку? А кстати, как Перси?

— Дядя Перси в порядке, снова стал самим собой. Радоваться, по моему, особенно нечему, но он явно доволен.

— Черные человечки его больше не преследуют?

— Если еще показываются, то только бритые. По его словам, он уже

давно не видел ни одной черной бороды.

— Ну и отлично. Перси придет в норму, если выбросит из головы мысль, что можно питаться алкоголем. Ну, а Глоссопа мы скоро приведем в хорошее настроение, когда он приедет на Рождество в Бринкли.

— А он должен приехать?

— Конечно. Будем радоваться и веселиться. Устроим настоящее традиционное Рождество на старинный лад. По всем правилам.

— С омелой и остролистом?

— Увешаем все стены. И организуем детский праздник с Санта-Клаусом.

— Викарий в главной роли?

— Нет, викарий лежит в гриппу.

— Тогда его помощник?

— Помощник подвернул ногу.

— Кто же тогда будет Санта-Клаусом?

— Отыщем кого-нибудь. А кто еще был у Глоссопа?

— Только некто Эглстоун.

— Блэр Эглстоун? Писатель?

— Да, Дживс сказал мне, что он пишет книги.

— И статьи. Он подготавливает для меня серию «Современная девушка».

Тетя Далия уже несколько лет с помощью финансовых вливаний со стороны Тома Траверса, своего благоверного, издавала еженедельный женский журнал «Будуар светской дамы», и я даже дал туда статейку под заголовком «Что носит хорошо одетый мужчина». Теперь-то этот еженедельник уже кому-то перепродан, но тогда он еще кое-как влачил существование, каждую неделю принося убыток, что служило постоянным источником душевных мук для дяди Тома, вынужденного оплачивать счета. У него денег куры не клюют, но он смертельно не любит раскошеляться.

— Мне от души жаль этого юношу, — сказала тетя Далия.

— Блэра Эглстоуна? За что?

— Он влюбился в Гонорию Глоссоп.

— Что?! — вскричал я. Она меня поразила. Я ведь считал, что такого просто не может быть.

— И из робости не может признаться. Обычное дело с этими бесстрашными, откровенными романистами. На бумаге им сам черт не брат, но при виде живой девушки, не соскочившей с кончика их пера, у них от страха холодеют ноги, как нос у таксы. Когда читаешь его книги, то

думаешь, что этот Блэр Эглстоун — гроза женского пола, его надо на цепи держать для защиты невинной женственности. Но так ли это? Отнюдь. Он просто трусливый заяц. Не знаю, случилось ли ему когда-нибудь в действительности очутиться в благоухающем будуаре наедине с томной девой, обладательницей чувственных губ и страстных темных очей, но если и случилось, держу пари, он сел на самый отдаленный стул и спрашивал ее, какие интересные книги она прочитала за последнее время. Что это ты уставился на меня, как безмозглая рыба?

— Пришло в голову кое-что.

— Что?

— Да так, — уклончиво ответил я ей. Пока я слушал ее характеристику Блэра Эглстоуна, у меня мелькнула одна из тех блестящих идей, которые нередко точно молнии вспыхивают в моей голове; но их нельзя выбалтывать до того, как обдумаешь хорошенько и рассмотришь во всех ракурсах. — Откуда вы все это знаете? — спросил я.

— Он сам мне признался в порыве откровенности, когда мы обсуждали с ним план серии статей на тему «Современная девушка». У меня вообще отзывчивый характер, люди делятся со мной. Вспомни, ты ведь тоже мне всегда рассказывал про свои бесконечные романы.

— Это совсем другое дело.

— Чем другое?

— Пошевелите мозговой извилиной, старая родственница. Мне вы — тетя. Перед любимой теткой всякий племянник рад обнажить душу.

— Аа, ну да. Пожалуй, что и так. Ты ведь меня любишь всем сердцем, верно?

— А как же. И всегда любил.

— Эти твои слова меня очень радуют...

— Вы их заслуживаете с лихвой.

— ...потому что у меня есть к тебе одна просьба.

— Считайте, что она уже выполнена.

— Я хочу, чтобы ты был Санта-Клаусом у меня на детском празднике.

Следовало ли мне предвидеть, к чему она ведет? Может быть. Но я ничего не предчувствовал, и сидя в кресле, весь с головы до ног задрожал, как осина, если вы когда-нибудь видели осину — я-то сам, насколько помню, не видел, но знаю, что они как раз тем и знамениты, что дрожат, как сумасшедшие. Я громко взвыл, а тетя выразила пожелание, чтобы я пел где-нибудь в другом месте, если уж мне пришла охота петь, а то у нее барабанные перепонки очень чувствительные.

— Не говорите таких вещей даже в шутку, — попросил я ее.

— Я вовсе не шучу.

Я усталился на нее, не веря собственным глазам.

— Вы всерьез ждете от меня, что я налеплю белую бороду, подложу подушку на живот и стану расхаживать и приговаривать: «Хо-хо-хо-хо!» — среди трудновоспитуемых детей ваших деревенских соседей?

— Они вовсе не трудновоспитуемые.

— Прошу прощения, но я видел их в деле. Если помните, я присутствовал на последнем школьном торжестве.

— По школьным мероприятиям нельзя судить. Разве можно ожидать от них рождественского настроения в разгар лета? Увидишь, на рождественском вечере они будут кроткие, как новорожденные ягнята.

Я коротко, отрывисто засмеялся.

— Я-то не увижу, — уточнил я.

— То есть ты хочешь сказать, что отказываешься?

— Вот именно.

Она выразительно фыркнула и высказалась в том смысле, что я — подлый червь.

— Но червь в своем уме и твердой памяти, — заверил я ее. — Червь, который соображает, когда надо сидеть и не высовываться.

— Так ты в самом деле не согласен?

— Даже за весь урожай риса в Китае.

— Даже чтобы доставить удовольствие любимой тете?

— Даже чтобы доставить удовольствие целой армии тетей.

— Тогда вот что я тебе скажу, юный Берти, чудовище ты неблагодарное...

Когда двадцать минут спустя я закрывал за ней входную дверь, у меня было такое чувство, какое испытывает человек, расстающийся в джунглях со свирепой тигрицей или с одним из таинственных убийц с топориками, которые рыщут повсюду, чтобы зарубить шестерых. В обычном состоянии моя единокровная старушенция — вполне симпатичное существо, таких нечасто встретишь за обеденным столом. Но если ей перечить, она имеет обыкновение приходить в бешенство, а в тот вечер, как мы с вами видели, я поневоле вынужден был пойти против ее желаний, и это ей не понравилось. Так что на лбу у меня еще не просохли капли пота, когда я возвратился в столовую, где Дживс хлопотал, ликвидируя следы разрушения.

— Дживс, — сказал я, промокая лоб батистовым платком, — вы удалились со сцены под конец ужина, но, может быть, все же слышали, о

чем тут шла речь?

— О да, сэр.

— У вас, как у Добсона, острый слух?

— В высшей степени острый, сэр. А у миссис Траверс мощный голос. Мне показалось, что она разгневана.

— Она кипятилась, как чайник на огне. И все почему? Потому что я решительно отказался изображать Санта-Клауса на рождественской оргии, которую она устраивает для отпрысков местной черни.

— Я это понял по ее отдельным метким высказываниям.

— Я полагаю, что эти бранные слова она почерпнула на охоте во времена своей охотничьей молодости.

— Без сомнения, сэр.

— Члены общества «Куорн и Пайчли» не выбирают выражений.

— Как правило, нет, сэр, насколько мне известно.

— Но все равно ее усилия не... Как это говорится, Дживс?

— Не увенчались успехом, сэр?

— Или не завершились триумфом?

— Можно и так, сэр.

— Я остался неумолим. Не поддался никаким уговорам. Я вообще иду навстречу, когда меня просят, Дживс. Попроси меня кто-нибудь сыграть Гамлета, и я приложу все старания. Однако вырядиться в белую бороду и накладное брюхо — это уж слишком. На это я пойти не могу. Она, как вы слышали, рычала и скрежетала зубами, но имела возможность убедиться, что все доводы бесполезны. Как гласит старая мудрая пословица, можно подвести коня к воде, но нельзя заставить его сыграть Санта-Клауса.

— Очень верно, сэр.

— Вы считаете, я был прав, что проявил твердость?

— Совершенно правы, сэр.

— Благодарю вас, Дживс.

Должен сказать, я считал, что это благородно с его стороны — вот так поддержать молодого господина. Я вам не говорил, но всего двое суток назад я был вынужден воспрепятствовать его желаниям с такой же неумолимостью, какую теперь выказал родной тетке. Он хотел, чтобы после Рождества мы поехали во Флориду, и для этого внушал мне, как рады мне будут мои многочисленные американские друзья, которые как раз проводят зимний сезон на побережье, но я видел его уловки насквозь. За этими сладкими речами крылось одно: он любит ездить на рыбалку во Флориду и лелеет мечту как-нибудь однажды поймать на крючок рыбу тарпонга.

Я сочувствовал такой честолюбивой мечте и пошел бы ему навстречу — если бы мог. Но мне необходимо было находиться в Лондоне к началу первенства по игре в летучие стрелы у нас в клубе «Трутни», которое должно было состояться где-то в феврале, а я имел шансы выйти в нем победителем. Так что пришлось мне ему сказать, что Флорида исключается, а он только ответил: «Очень хорошо, сэр», — и вопрос был исчерпан. Я рассказываю это к тому, что он не затаил на меня ни злобы, ни обиды и вообще ничего такого, а ведь мог бы затаить, не являйся он человеком высокого полета, каковым он является.

— И однако же, Дживс, — вернулся я к теме огорченной тетки, — хотя моя решимость и твердость помогли мне выйти победителем из поединка воль, у меня все-таки сжимается сердце.

— Почему, сэр?

— От сострадания. Оно всегда точит душу, когда раздавишь кого-нибудь железной пятой. Начинаешь задумываться, нельзя ли что-нибудь сделать, чтобы подлечить раны и вернуть луч солнца в жизнь пострадавшего? Мне неприятно думать о том, как тетя Далия сегодня ночью, закусив угол подушки, будет едва сдерживать рыдания из-за того, что я не нашел возможности осуществить ее мечты и надежды. Думаю, надо протянуть ей что-нибудь вроде оливковой ветви или руки примирения.

— Это было бы весьма благородно с вашей стороны, сэр.

— В таком случае я не пожалею нескольких фунтов на цветы, поднесу ей. Вас не затруднит завтра утром выйти и купить, скажем, две дюжины роз на длинных стеблях?

— Нисколько, сэр. Само собой разумеется.

— Она их получит, и лицо ее посветлеет, как вы считаете?

— Несомненно, сэр. Я позабочусь об этой покупке сразу же после завтрака.

— Благодарю вас, Дживс.

Он ушел, а я остался сидеть с довольно хитрой улыбкой на губах, так как в разговоре я был с ним не до конца искренен, и меня сместила мысль, что он думает, будто я только того и добиваюсь, чтобы успокоить собственную совесть.

Только не думайте, все, что я говорил про желание сделать приятное престарелой родственнице, зашпаклевать трещину в наших отношениях и тому подобное, было истинной правдой. Но содержалось тут и еще кое-что. Было необходимо, чтобы она перестала на меня сердиться, так как я нуждался в ее сотрудничестве для осуществления одного замысла, или

плана, зревшего в голове Вустера с той самой минуты после ужина, когда она спросила, почему я смотрю на нее, точно безмозглая рыба. Я задумал некую интригу, как привести дела сэра Р. Глоссопа к счастливому концу, и теперь, поразмыслив на досуге, находил, что все должно получиться без сучка и задоринки.

Я был еще в ванне, когда Дживс приволок цветы, и обсушив свою фигуру, натянув облачение, позавтракав и выкурив сигарету для бодрости, я вышел с ними из дому.

Горячего приема я от своей единокровной старушенции не ждал, и слава Богу, потому что горячего приема она мне не оказала. Она встретила меня надменно и окинула таким взглядом, каким в свои охотничьи годы, наверно, оглядывала какого-нибудь всадника из кавалькады, вырвавшегося вперед собак.

— А, это ты, — промолвила она.

Тут, естественно, не могло быть двух мнений, и я подтвердил ее слова, вежливо пожелав ей доброго утра и жизнерадостно улыбнувшись, — может быть, не так уж и жизнерадостно, потому что вид у нее был устрашающий. Она была как раскаленная сковородка.

— Надеюсь, ты понимаешь, — сказала она, — что после твоего вчерашнего подлого поведения я с тобой не разговариваю.

— Вот как? — промямлил я.

— Именно так. Я поливаю тебя немым презрением. Что это ты держишь в руке?

— Длинные розы. Для вас. Она хмыкнула.

— Подумаешь, длинные розы! Длинных роз мало, чтобы я изменила свое мнение о тебе как о жалком трусе и размазне и позоре благородного семейства. Твои предки сражались в Крестовых походах, их имя часто упоминалось в военных донесениях, а ты жмешься, как посоленная устрица, при мысли о том, чтобы выступить в роли Санта-Клауса перед милыми детками, которые и мухи не обидят. Этого довольно, чтобы родная тетя отвернула лицо к стене и махнула на все рукой. Но может быть, — добавила она, на минуту смягчившись, — ты явился сюда сообщить, что передумал?

— Боюсь, что нет, пожилая родственница.

— Тогда убирайся, и по пути домой постарайся, если сумеешь, попасть под колеса автобуса. И хорошо бы мне присутствовать при этом и услышать, как ты лопнешь.

Было ясно, что нечего медлить, пора переходить к делу.

— Тетя Далия, — произнес я, — в ваших руках счастье и радость целой человеческой жизни.

— Если твоей, то и слышать ничего не желаю.

— Нет, не моей. Родди Глоссопа. Примите участие в плане, или заговоре, который у меня в голове, и Родди запрыгает от счастья по своей клинике, точно барашек весенним днем.

Тетя Далия вздохнула и посмотрела на меня с подозрением.

— Который час? — спросила она. Я взглянул на часы.

— Без четверти одиннадцать. А что?

— Просто я подумала, что напиться в такой час слишком рано, даже для тебя.

— Да я и не думал напиться.

— Не знаю. Разговариваешь ты, как пьяный. У тебя есть при себе кусок мела?

Я ответил возмущенно:

— Нет, конечно. По-вашему, я всегда должен носить мел в кармане? Зачем он вам?

— Я хотела провести черту по полу и посмотреть, сможешь ли ты по ней пройти. Потому что я все больше убеждаюсь, что ты с утра залился по самые глаза. Скажи: «Шел Сол по шоссе».

Я сказал.

— Скажи: «На складе Скотта стоят сосуды со сладким соусом».

Я и это испытание выдержал,

— Ну, не знаю, — пожимает она плечами, — похоже, ты не более пьян, чем обычно. Но что ты тут такое плел насчет счастья и радости старины Глоссопа?

— На этот вопрос я могу вам дать исчерпывающий ответ. Начну с того, что вчера я услышал от Дживса одну историю, которая потрясла меня до глубины души. Нет, — поспешил я ее успокоить, — не про юношу из Калькутты. Она касается сердечных дел Родди. Вообще-то это длинная история, но я изложу ее в самом кратком, сжатом виде. И перед тем, как начну рассказывать, хочу предупредить, что в правдивости ее вы можете не сомневаться, любое сообщение Дживса — это верняк, будто получено прямо от кота, проживающего в конюшне. И более того, в данном случае еще имеется подтверждение от мистера Добсона, глоссопского лакея. Вам знакома Мертл, леди Чаффнел?

— Да, я ее знаю.

— Они с Роди помолвлены.

— Слыхала.

— Они нежно любят друг друга.

— Ну и что?

— Сейчас объясню. Она решительно и бесповоротно отказывается пройти с ним об руку по центральному проходу в церкви, до тех пор пока его дочь Гонория не выйдет замуж.

Я ожидал, что при этом известии тетя Далия разинет рот от изумления. Так и произошло. Впервые ее вид показывал, что она не считает мои слова бредом тяжело больного. Она всегда хорошо относилась к Р. Глоссопу и теперь была сражена известием, что он прочно и по самые уши сидит в луже. Не то чтобы она побелела с лица, нет, конечно, после того как она столько лет при любой погоде скакала по полям и лугам за собачьей сворой, это просто невозможно, но она шумно фыркнула и вообще очевидно было, что она очень расстроилась.

— Бог ты мой! Это правда?

— Дживсу известно все досконально.

— Он что, знает вообще все?

— Да, наверно. На самом-то деле мамашу Чаффнел можно понять. Если бы, например, вы были новобрачной, согласились бы вы, чтобы в вашем гнездышке вместе с вами постоянно обитала Гонория?

— Нет, не согласилась бы.

— Вот то-то и оно. Так что, само собой, друзья и доброжелатели Родди должны предпринять шаги для того, чтобы выдать ее замуж. И тут мы подходим к главному. У меня есть план.

— Держу пари, что никуда не годный.

— Наоборот, блестящий. Меня осенило вчера вечером, когда вы рассказывали, что Блэр Эглстоун влюблен в Гонорию. На это обстоятельство я и возлагаю надежды.

— Иначе говоря, ты намерен выдать ее за Эглстоуна и таким образом от нее избавиться?

— Совершенно верно.

— Ничего не выйдет. Я же объяснила тебе, что он слишком робок, чтобы сделать предложение. У него не хватит духу даже рот открыть.

— Его надо на это подтолкнуть.

— И кто же его подтолкнет?

— Я. С вашей помощью.

Она в очередной раз задержала на мне пристальный взгляд, по-видимому, спрашивая себя, не насосался ли ее любимый племянник с утра пораньше соком виноградной лозы. Опасаясь новых скороговорок и проверок, я поспешил с разъяснениями.

— Мысль у меня такая. Я принимаюсь бешено ухаживать за Гонорией. Кормлю ее обедами и ужинами. Вожу в театры и ночные клубы. Преследую повсюду, как фамильное привидение, и липну к ней, точно пористый пластырь.

На этом месте мне послышалось, будто тетка пробормотала: «Бедная девушка!» — но я пренебрег помехой и продолжал:

— А вы между тем... Вы ведь будете иногда видаться с Эглстоуном?

— Я вижусь с ним ежедневно. Он приносит мне последние известия о своих взглядах на современных девушек.

— Значит, дело в шляпе. Он ведь уже открыл вам, вы говорили, душу и сообщил, что испытывает к Гонории более чем теплые и далеко не просто дружественные чувства, поэтому вам будет легче легкого навести разговор на эту тему. Вы по-матерински предостерегаете его, что он будет последним глупцом, если продолжит свою линию непризнания и допустит, чтобы тайна, как червь в бутоне, румянец на щеках его точила — это одно из Дживсовых выражений, по-моему, звучит неплохо, — и подчеркиваете, что ему следует набраться храбрости и немедленно заграбастать девушку, пока не перекрыт доступ, вам известно, что ваш племянник Бертрам обстреливает ее из тяжелых орудий и они могут в любой момент ударить по рукам. Пустите в ход побольше красноречия, и, по-моему, он не сможет не поддаться влиянию. Мы и оглянуться не успеем, как он бросится к ногам своей избранницы, чтобы излить накипевшие чувства.

— А если она не захочет с ним обручиться?

— Вздор. Она даже со мной один раз обручилась.

Тетя Далия задумалась и, как говорится, погрузилась в молчание.

— Н-не знаю, — произнесла она, наконец. — Возможно, тут что-то есть.

— Есть-есть. Самое оно.

— Да, пожалуй, ты прав. Дживс — это великий ум.

— А Дживс-то тут при чем?

— Разве это не он придумал?

Я гордо выпрямился, что не так-то просто сделать, сидя в кресле. Мне решительно не нравится такое положение вещей: стоит мне высказать какую-нибудь ценную мысль, и все, как один, решают, что она принадлежит Дживсу.

— Этот сюжетный ход измыслил лично я.

— Ну что ж, он не так-то плох. Я много раз говорила, что у тебя в мозгу бывают просветления.

— И вы согласны принять участие и сыграть свою роль?

— С удовольствием.

— Отлично. Можно я от вас позвоню? Хочу пригласить Гонорию Глоссоп пообедать.

Про Бертрама Вустера, как известно, многие говорят, что если уж он взялся за гуж, его не так-то легко заставить вложить меч в ножны. Я сказал тете Далии, что принимаюсь бешено ухаживать за Гонорией, и я именно принялся за ней бешено ухаживать. Я таскал ее по обедам и ужинам, я дважды водил ее в ночной клуб. Стало мне в изрядную сумму, но во имя доброго дела можно и потратиться. Даже морщась при взгляде на цифры внизу счета, я утешал себя сознанием, что мои деньги идут на благое дело. Не жалел я и часов, проведенных в обществе девицы, от которой при нормальных обстоятельствах готов был бы бежать сломя голову в тесных ботинках. На кон было поставлено счастье папаши Глоссоба, а когда ставкой является счастье друга, ваш покорный слуга не считается с расходами.

И труды мои не остались бесплодны. Тетя Далия звонила мне и докладывала о том, как температура Блэра Эглстоуна с каждым днем повышается и скоро желанная цель будет достигнута, она считала это только вопросом времени. И вот настал день, когда я смог явиться к ней и сообщить радостную новость, что названная цель действительно у нас в руках.

Я застал ее поглощенной чтением Эрла Стенли Гарднера, которого она при моем появлении приветливо отложила.

— Ну-с, чучело, — проговорила она, — что тебя сюда принесло? Почему ты не закатился опять куда-нибудь с Гонорией Глоссоп, строя из себя южноамериканского кабальеро? Манкируешь?

Я ответил ей мирной улыбкой.

— Престарелая родственница, — объявил я, — я прибыл к вам с известием, что мы достигли конца пути. — И без дальнейшего предисловия стал излагать ей суть дела: — Вы выходили сегодня из дома?

— Да, ходила на прогулку. А что?

— И убедились, что погода просто прекрасная, верно? Ну, прямо весна.

— Ты что, пришел поговорить о погоде?

— Сейчас вы поймете, что она имеет отношение к интересующему нас вопросу. Поскольку день сегодня так хорош, с ума сойти...

— Кое-кто и сошел.

— Как вы сказали?

— Я молчу. Продолжай.

— Так вот. Поскольку сегодня прекрасная погода, я решил выйти прогуляться в парке. И можете себе представить? Первое, что я там увидел, была Гонория. Сидит на скамейке у Серпантина. Я хотел было улизнуть, но — поздно. Она меня заметила, так что пришлось подрулить, сесть рядом и завязать разговор. Вдруг смотрю, подходит Блэр Эглстоун.

Увлеченная моим рассказом тетя Даля охнула.

— Он тебя увидел?

— Совершенно отчетливо.

— Значит, настал решающий миг! Если бы у тебя хватило ума, ты бы ее тут схватил и поцеловал.

Я снова с достоинством улыбнулся.

— Я так и сделал.

— Правда?

— Истинная правда. Заключил ее в объятия и нанес ей жаркий поцелуй.

— Что сказал на это Эглстоун?

— Не знаю, не слышал. Я сразу же рванул оттуда.

— Но он был свидетелем? Ты в этом уверен?

— А как же. Он находился всего в нескольких ярдах, и видимость была хорошая.

Мне нечасто приходится получать похвальные отзывы из уст сестры моего покойного отца, она всегда заботится о моем благе и потому подвергает меня жесточайшей критике. Но на этот раз она восхвалила меня до небес. Одно удовольствие было слушать.

— Ну, я думаю, дело сделано, — сказала она в заключение, отдав щедрую дань восторга моему уму и находчивости. — Я видела вчера Эглстоуна, и когда я рассказала ему, как вы с Гонорией развлекаетесь и всюду бываете вдвоем, он стал похож на белобрысого Отелло. Кулаки сжаты, глаза мечут искры, и если он не скрежетал зубами, значит, я вообще не различаю звуков зубного скрежета. Этот поцелуй послужит ему последним толчком. Вполне возможно, что он тогда же сделал ей предложение, как только избавился от твоего присутствия.

— Я именно на это и рассчитывал.

— Вот дьявольщина, — выругалась моя родоначальница, потому что в эту минуту зазвонил телефон и прервал нас, когда мы намеревались продолжить обсуждение, не прерываясь. Она сняла трубку, последовал продолжительный односторонний разговор. Односторонний в том смысле, что тетя Даля от себя прибавляла только «Ах!» и «Что?» Наконец тот или

та, кто был на другом конце провода, высказал — или высказала — все, и тетя, положив трубку, обратила ко мне крайне озабоченное лицо.

— Это звонила Гонория, — сказала она.

— Вот как?

— Да. И ее рассказ представляет определенный интерес.

— Как там у них все сошло? В соответствии с планом?

— Не совсем.

— Что значит, не совсем?

— Начать с того, что, оказывается, Блэр Эглстоун, распаленный, по-видимому, моими вчерашними речами, о которых я тебе рассказывала, вчера же вечером сделал ей предложение.

— Да?

— И она приняла его.

— Прекрасно.

— Не так-то прекрасно.

— А что?

— А то, что он, увидев, как ты ее целуешь, обозлился и расторг помолвку.

— О, Господи!

— Это еще не все. Худшее сейчас услышишь. Теперь она говорит, что выйдет замуж за тебя. Что она сознает твои многочисленные недостатки, но верит, что ей удастся их исправить и сформировать тебя как личность, и хотя ты не герой ее мечты, такая неотступная, долготерпеливая любовь должна быть вознаграждена. Судя по всему, ты там в парке перестарался. Эту опасность, по-видимому, следовало предвидеть.

Задолго до того, как она договорила, я уже снова дрожал, как осина. Потрясенный, я смотрел на престарелую родственницу, выпучив глаза.

— Это... ужасно!

— Я же тебе сказала, что дела обстоят неважно.

— А вы не разыгрываете меня?

— Да нет, все — чистая правда.

— Тогда что же мне делать? Она сердито пожала плечами.

— Меня не спрашивай, — сказала она. — Посоветуйся с Дживсом. Может быть, он что-нибудь придумает.

Хорошо ей, конечно, было говорить: «Посоветуйся с Дживсом», — но сделать это оказалось не так легко, как она думала. По моим представлениям, посвятить Дживса во все, как говорится, безжалостные подробности — означало трепать имя женщины, а за такие вещи человека

исключают из клубов и перестают с ним здороваться. С другой стороны, угодить в подобную ловушку и не обратиться к нему за помощью было бы полным безумием. Так что я долго размышлял и наконец сообразил, как действовать. Я крикнул его, и он возник передо мной со своим неизменным «Сэр?»

— Э-э, Дживс, — говорю я ему, — надеюсь, вы не лежали на диване с «Этикой» Спинозы или еще с чем-нибудь таким и я не оторвал вас от серьезных занятий? Не можете ли вы уделить мне минуту вашего бесценного времени?

— Конечно, сэр.

— У одного моего друга, которого я не буду называть, возникла серьезная проблема, и мне нужен ваш совет. Но сначала замечу, что это одна из тех деликатных проблем, когда не только имя друга должно остаться в тайне, но безымянным будет и весь остальной персонал. Другими словами, не будем называть имен. Вы меня понимаете?

— Вполне понимаю, сэр. Вы предпочитаете обозначить действующих лиц буквами А и В?

— Или словами Север и Юг.

— А и В привычнее, сэр.

— Как угодно. Итак, А — мужчина, В — женщина. Пока все понятно?

— Вы изъясняетесь с совершенной ясностью, сэр.

— В результате некоторого... Как это говорится, Дживс, когда обстоятельства как бы сливаются...

— Может быть, стечение обстоятельств вы имеете в виду, сэр?

— Вот именно. В результате некоторого стечения обстоятельств В забрала в голову, что будто бы А в нее влюблен. Но на самом деле это не так. Пока ясно?

— Да, сэр.

Я приумолк на этом месте, чтобы привести в порядок мысли. Когда они упорядочились, я стал рассказывать дальше.

— До недавнего времени В была помолвлена с...

— Может быть, назовем его С, сэр?

— С так С, я не против. Так вот, я говорю, В была помолвлена с С, благодаря чему А мог жить, не зная горя и забот. Однако потом в их лютне образовалась трещина, уговор аннулировали, а В теперь поговаривает о том, чтобы заключить брачный союз с А. Я хочу, чтобы вы употребили свой ум на то, чтобы подыскать способ, как бы А вывернуться из этой истории. Только не говорите, пожалуйста, что ничего нет легче, дело в том, что А имеет репутацию Рыцаря, и это серьезное препятствие. Допустим, В

приходит к нему и говорит: «А, я буду вашей». Он не может просто сказать ей в ответ: «Да? Вы так думаете? Заблуждаетесь.» У него есть свой кодекс чести, согласно этому кодексу он обязан поддакивать ей и покорно идти ей навстречу. А он, Дживс, по совести говоря, готов скорее умереть под забором. Так что вот какие дела. Все факты я вам изложил. Забрестило что-нибудь?

— Да, сэр.

Я был потрясен. Опыт подсказывал мне, что Дживсу известны все ответы, но чтобы так сразу...

— Говорите же, Дживс. Я умираю от нетерпения.

— Очевидно, сэр, что В будет вынуждена отказаться от своих матримониальных планов касательно А, если А даст ей понять, что его сердце отдано другой.

— Но оно не отдано.

— Достаточно того, чтобы создалось общее впечатление, сэр.

Я начал понимать, к чему он клонит.

— Вы хотите сказать, что если я предъявлю, то есть он предъявит какую-нибудь особу женского пола, которая согласится подтвердить, что обручена со мной, то есть с ним, понятное дело, и опасность будет устранена?

— Вот именно, сэр. Я задумался.

— Пожалуй, это мысль, — согласился я по размышлении. — Но имеется одна непреодолимая загвоздка: где взять исполнительницу на вторую роль? Нельзя же бегать по Лондону и просить знакомых девиц, чтобы они притворились твоими невестами. То есть на худой конец конечно можно, но это будет тяжелая нагрузка на нервы.

— Что верно, то верно, сэр.

— А никакого альтернативного плана у вас не найдется?

— Боюсь, что нет, сэр.

Признаюсь, я был обескуражен. Но у нас в клубе «Трутни», да и вообще повсюду общеизвестно, что Бертрама Вустера можно обескуражить, но, как правило, это скоро проходит. В тот же вечер в клубе я наткнулся на Китекэта Перебрайта, и при виде него меня вдруг осенило, как можно обойти возникшее затруднение.

Китекэт — актер, теперь он пользуется большим спросом, у него так называемое молодежное амплуа. Но на заре своей карьеры он, как и все начинающие, был вынужден обивать пороги театральных агентств в поисках ангажемента, или куска, как это у них называется. После обеда,

сидя за столом, он развлекал меня смешными рассказами на внутритеатральные темы. И меня вдруг, точно удар под ложечку, поразила мысль, что девушку, которая может сыграть мою невесту, надо искать в театральном агентстве. Кто-нибудь из этих деляг наверняка предоставит в мое распоряжение временно безработную артистку, которая за умеренную цену будет рада принять участие в безобидном обмане.

Китекэт объяснил, как найти театральных агентов. Оказалось, они обитают главным образом на Чэринг-Кросс-Роуд, и на следующее же утро наблюдатель мог бы увидеть, как я захожу в контору Джаса Уотербери, расположенную на последнем этаже одного из зданий на этой магистральной.

Я остановил выбор на этом агенте не потому, что слышал о нем какие-то особенно восторженные отзывы, просто по всем другим адресам было полно народу, все стояли бампер к бамперу, и не имело смысла пристраиваться и ждать, пока дойдет очередь. А у Уотербери, когда я вошел, в приемной не было ни души, будто он раз и навсегда расплевался с человеческим стадом.

Не исключено было, конечно, что он временно спустился вниз и пошел через дорогу пропустить рюмочку, но так же не исключено было и то, что он сейчас затаился у себя в кабинете с надписью «Не входить» на двери. Я постучался. Что этим я пробужу кого-то к жизни, у меня особых надежд не было. Однако же я ошибся. Из-за двери высунулась голова.

Мне случалось в жизни видеть головы, больше ласкающие взор. Высунувшуюся голову можно было, пожалуй, отнести к разряду масляных. Макушка лоснилась от лосьона или помады, и физиономия тоже имела такой вид, будто ее владелец утром после бритья натер щеки сливочным маслом. Но я держусь широких взглядов и не возражаю против того, чтобы у человека была масляная голова, если ему так больше нравится. Возможно, у Кеннета Молино, Малькольма Мак-Каллена, Эдмунда Огилви и Хораса Фернивала, других театральных агентов, к которым я пытался обратиться, при личном знакомстве тоже оказались бы масляные головы. Может быть даже, это вообще черта всех театральных агентов. Надо будет при встрече выяснить у Китекэта Перебрайта.

— Здорово, малый, — произнес скользкий тип, но не очень внятно, так как жевал при этом нечто вроде бутерброда с ветчиной. — Чем могу быть полезен?

— Вы Джас Уотербери?

— Я самый. Ищете работу?

— Мне нужна девушка.

— Всем нам нужны девушки. Какое у вас предприятие? Бродячая

труппа?

— Нет, скорее любительская постановка.

— Ах, вот оно что. Гоните подробности.

Я заранее решил, что выкладывать театральному агенту свои личные обстоятельства будет неудобно. Так оно и оказалось, но я взял себя в руки и все ему выложил. В ходе рассказа я стал замечать, что, по-видимому, недооценил Джаса Уотербери. Обманутый его внешним видом, я отнес его к той публике, которая медленно соображает, что ей говорят, и плохо врубается в тонкости. А он все быстро усваивал и хорошо соображал. Он слушал, умудренно кивая, а по окончании сказал, что я обратился как раз туда, куда надо было. У него есть племянница по имени Трикси, и она мне придется в самую пору. Задача полностью в ее духе. Если я поручу это дело ей, заключил он, успех несомненно будет самый сногшибательный.

Звучало заманчиво, но я с сомнением поджал губы. А вдруг любящий дядя из естественного пристрастия чересчур перехвалил вышеназванную Трикси?

— Вы уверены, — говорю, — что эта ваша племянница справится с такой непростой работой? Тут требуется основательная актерская подготовка. Будет ли она в этой роли убедительна?

— Она покроет ваше лицо жаркими поцелуями, если вы это имеете в виду.

— Меня больше беспокоит диалог. Что если она переврет текст? Может, все-таки лучше пригласить опытную актрису?

— А Трикси и есть опытная актриса. Она уже сколько лет играет Царицу Фей в пантомимах. Главных ролей ей в Лондоне не дают просто из зависти в высших инстанциях. Но справьтесь в Лидсе и Уигане, как ее там ценят. Поинтересуйтесь в Халле, в Хаддерсфилде.

Я ответил, что обязательно поинтересуюсь, если только попаду туда когда-нибудь. Тут он совсем разбушевался:

— «Фигуристая милашка» — «Лидс Ивниниг кроникл»! «Талантливая цыпочка» — «Халл Дейли ньюс»! «Красота и достоинство» — «Уиганский вестник»! Можете не волноваться, приятель, Трикси даром денег не берет. И кстати сказать, сколько она за эту роль получит?

— Я думал о пятерке.

— Может, десять?

— Согласен.

— Или лучше пятнадцать. И роль будет сыграна со всем послушанием и вдохновением.

Я не стал торговаться, не до того. Утром, когда я завтракал, звонила

тетя Далия и сообщила, что Гонория собирается посетить меня в четыре часа, так что к этому сроку надо было успеть подготовить ей надлежащую встречу. Я выложил пятнадцать фунтов и поинтересовался, как скоро он найдет племянницу, ибо сейчас, как говорит Дживс, время решает все. Он сказал, что она поступит в мое распоряжение задолго до назначенного часа, и я сказал: «Ладно».

— Позвоните мне, когда у вас все будет готово, — велел я ему. — Я буду обедать в клубе «Трутни».

Это странным образом возбудило его интерес.

— Клуб «Трутни»? Вы что же, состоите в нем? У меня там есть добрые знакомые, в клубе «Трутни». Мистера Уиджена знаете?

— Фредди Уиджена? Да, конечно.

— А мистера Проссера?

— И Богача Проссера знаю.

— Увидите их, передайте от меня горячий привет. Хорошие парни, и тот, и другой. Ну, а теперь можете валить отсюда и сидеть преспокойно набивать брюхо, отложив все заботы. Я отыщу Трикси раньше, чем вы доедите рыбу с картошкой.

Когда я после обеда пил кофе в курилке, меня позвали к телефону. Это был, как я и думал, Джас Уотербери.

— Это вы, милый человек?

Я ответил положительно, и он объявил, что все под контролем. Трикси обнаружена и прибудет заблаговременно до поднятия занавеса, готовая выполнить любую роль, что ей сулит судьба. Пусть я назову адрес, по которому им явиться. Я назвал, и он сказал, что они приедут как штык без четверти четыре. Так что все было улажено, и я возвратился в курилку, испытывая по отношению к Джасу Уотербери самые добрые чувства. Он конечно из тех, кого не рискнешь пригласить с собой в многодневный пеший поход, и лучше бы ему все-таки сократить употребление масла как на шевелюру, так и на всю свою персону, но несомненно одно: если обстоятельства потребуют от вас сплести интригу, лучшего помощника для такого плетения просто не найдешь.

Пока меня не было в курительной комнате, пришел Китекэт и сел в кресло рядом с моим, и я, как только его увидел, сразу же принялся расспрашивать его про Джаса Уотербери.

— Помнишь, ты мне объяснял насчет театральных агентов? Не случалось тебе иметь дело по этой линии с неким Уотербери?

Китекэт задумался.

— Фамилия как будто бы знакомая. А как он выглядит?

— Неопишимо.

— Это мне мало что говорит. Театральные агенты все выглядят неопишимо. Но вот фамилию такую я, похоже, где-то слышал. Уотербери, Уотербери? Постой! Такой скользкий тип?

— Да, скользкий. Маслянистый.

— А зовут его не Джас?

— Джас.

— Тогда я знаю, кого ты имеешь в виду. Сам я его никогда не встречал, — он наверно еще не оперировал в те времена, когда я обивал пороги агентов, — но Фредди Уиджен и Богач Проссер мне о нем рассказывали.

— Да, он говорил, что они его друзья.

— Ну, он бы не стал этого утверждать, если бы услышал, как они о нем отзываются. Особенно Проссер. Джас Уотербери вытряс из него однажды две тысячи фунтов.

Это меня поразило.

— Из Богача Проссера вытряс две тысячи? — переспросил я, недоумеваю. Может быть, я ослышался? Богач Проссер — наш клубный миллионер, но всем хорошо известно, что у него невозможно вытянуть даже пятерку без хлороформа и наложения щипцов. Кто только не пытался, и все напрасно.

— Да, Фредди Уиджен мне говорил. По словам Фредди, если Джас Уотербери вторгся в чью-то жизнь, этот человек может попрощаться, по меньшей мере, с половиной своего имущества. Он у тебя уже взял что-нибудь?

— Пятнадцать фунтов.

— Скажи спасибо, что не пятнадцать сотен.

Если вы сейчас подумали, что слова Китекэта посеяли у меня в душе беспокойство и дурные предчувствия, то вы не ошиблись. Наступил назначенный срок — три часа сорок пять минут — и застал Вустера расхаживающим по комнате с насупленными бровями. Одно дело, если бы засаленный театральный агент выставил на пару фунтов всего-навсего старину Фредди Уиджена, его может обобрать даже ребенок. Но чтобы деньги, да еще в таком колоссальном количестве, были изъяты у Богача Проссера, у которого в кошельке гнездится многодетная моль, это было выше моего понимания. Невероятно... Китекэт сказал, что толком ничего понять нельзя, потому что стоит Богачу Проссеру услышать имя Джаса Уотербери, он синее с лица и начинает невразумительно брызгать слюной,

но факт таков, что банковский счет Джаса возрос на эту сумму, а банковский счет Проссера, наоборот, на столько же уменьшился. Словом, я ощущал себя тем персонажем из романа тайн, который вдруг понимает, что против него сражается сам Спрут преступного мира, а как ускользнуть от его щупалец, понятия не имеет.

Однако вскоре Здравый Смысл ко мне возвратился, и я осознал, что напрасно так уж разволновался. Ничего подобного со мной случиться не может. Ну, допустим, Джас Уотербери попытается втянуть меня в какую-нибудь сомнительную сделку, чтобы потом исчезнуть, оставив меня, как говорится, с младенцем на руках, все равно у него ничего не выйдет, не на такого напал. Короче говоря, к тому моменту, когда у двери зазвонил звонок, Бертрам снова был самим собой. Дверь открыл я, потому что у Дживса была выходная половина дня. Он раз в неделю складывает орудия своего труда и отправляется в клуб «Подсобник Ганимед» играть в бридж. Джас со своей племянницей переступили порог, а я остался стоять, разинув рот. Можно даже сказать, что на мгновение я обалдел.

Последний раз я был на представлении пантомимы в довольно раннем детском возрасте и совершенно забыл, насколько упитанны бывают Царицы Фей. Вид Трикси Уотербери поразил меня, как удар тупым предметом по голове. С одного взгляда было понятно, почему критик из Лидса назвал ее «фигуристкой милашкой». Ростом с меня, она стояла передо мной в белых носочках, выпирая во все стороны из короткого платья, хлопала сияющими глазами и улыбалась ослепительной улыбкой. Прошло несколько мгновений, прежде чем я сумел выговорить «здравствуйте».

— Привет, привет, — сказал Джас Уотербери и с одобрительным видом осмотрелся. — Неплохая квартирка. Ручаюсь, дорого обходится содержать такую в порядке. Это мистер Вустер, Трикси. Будешь звать его Берти.

Царица Фей сказала, что, может быть, лучше «мой пупсик»? И Джас Уотербери горячо одобрил ее предложение.

— У публики пройдет на «ура», — кивнул он. — Что я говорил, а? Девочка в самый раз подходит на эту роль. Придаст исполнению легкий шик, вот увидите. Когда вы ожидаете свою даму?

— С минуты на минуту.

— Тогда надо подготовить мизансцену. При поднятии занавеса вы сидите вон в том кресле, на коленях у вас Трикси.

— Что-о?

По-видимому, он услышал в моем голосе ужас, потому что немного

нахмурил свой сальный лоб.

— Мы же заботимся о качестве постановки, — строго указал он. — Для того чтобы сцена вышла убедительной, самое важное — это картинка.

Я нашел, что в его словах что-то есть. Сейчас не время для полумер. Я опустился в кресло. Не скажу, что я был вне себя от счастья, однако я сидел, и любимая фея города Уигана так шмякнулась мне на колени, что старое доброе кресло задрожало, как осина. И едва она успела прильнуть к моей груди, как раздался звонок в дверь.

— Занавес поднимается! — провозгласил Джас Уотербери. — А ну-ка выдай страстное объятие, Трикси, да на всю катушку.

Трикси вцепилась в меня на всю катушку, и мне показалось, что я альпинист в горах Швейцарии, задавленный лавиной с сильным запахом пачулей. Джас распахнул ворота, и входит не кто иной, как Блэр Эглстоун, гость, которого я меньше всего ожидал.

Он остолбенел и вытаращил глаза. Я тоже вытаращил глаза. И даже Джас Уотербери глядел на нас вытаращенными глазами. Его можно было понять. Человек ожидал появления дамы, и вдруг из глубины сцены слева входит некто, вообще в труппе не состоящий. Неудивительно, что он расстроился. Всякий импресарио на его месте отнесся бы к подобному вторжению неодобрительно.

Первым заговорил я. В конце концов, я хозяин, а обязанность хозяина — поддерживать беседу.

— А-а, Эглстоун! — произнес я. — Заходите. Вы ведь не знакомы с мистером Уотербери, не правда ли? Мистер Эглстоун, мистер Джас Уотербери. А это его племянница мисс Трикси Уотербери, моя невеста.

— Ваша *кто*!

— Невеста. Суженая. Нареченная.

— Боже милосердный!

Джас Уотербери, видимо, решил, что поскольку спектакль прерван, ему больше тут делать нечего.

— Ну, Трикс, — сказал он, — твой Берти захочет, наверное, поболтать с этим джентльменом, своим приятелем, так что чмокни его на прощание, и мы пошли. Очень приятно было познакомиться, мистер Как-бишь-вас. — И он с масляной улыбкой на губах повел Царицу Фей вон из комнаты.

А Блэр Эглстоун, похоже, совсем растерялся. Он смотрел им вслед и словно спрашивал себя, вправду ли он видел то, что видел? Потом обернулся и посмотрел на меня, как человек, требующий объяснения.

— Что это значит, Вустер?

— Что значит — что? Эглстоун? Выражайтесь яснее.

- Что это была за особа, черт подери?
- Вы что, не слышали? Моя невеста.
- То есть вы в самом деле с ней помолвлены?
- Совершенно верно.
- А кто она?

— Она играет Царицу Фей в пантомимах. Не в Лондоне, по причине зависти в высших сферах, но о ней высокого мнения в Лидсе, Уигане, Халле и Хаддерсфилде. В газете «Халл Дейли ньюс» о ней написали, что она «талантливая цыпочка».

Эглстоун помолчал, очевидно, обдумывая последнее сообщение, а затем, совершенно не стесняясь, как это теперь модно у молодых романистов, прямо и откровенно заявил:

- Она похожа на гиппопотама. Я мысленно прикинул:
- Да, сходство есть. Наверно от фей требуется некоторая мясистость, если они дорожат любовью народа в таких городах, как Лидс и Хаддерсфилд. Северный зритель хочет за свои деньги получить побольше.
- И от нее исходит какой-то жуткий запах, не припомню сейчас, что это.

- Пачули. Да, я тоже заметил. Он опять задумался.
- Не могу себе представить вас помолвленным с нею.
- А я могу.
- Так это официально?
- Вполне.
- Это будет замечательной новостью для Гонории. Я не понял.
- Для Гонории?
- Да. Она вздохнет с огромным облегчением. Она, бедняжка, очень о вас беспокоилась. Я из-за этого и пришел к вам, чтобы сообщить вам, что она не может быть вашей. Она выходит замуж за меня.

Я оторопело заморгал. Первая моя мысль была, что он, несмотря на ранний час, находится под воздействием алкоголя.

— Но я получил известие из надежного источника, что это дело расстроилось.

- Расстроилось было, а потом снова сладилось. Мы помирились.
- Надо же. Вот это да.
- И она не решалась пойти и сообщить вам сама. Сказала, что не в силах видеть немую муку в вашем взгляде. Когда я скажу ей, что вы обручились, она от радости пустится плясать по всему Вест-Энду, и не только потому, что не погубила вашу жизнь, но еще и ясно представив себе, какого несчастья ей удалось избежать. Подумать только, ведь она

могла выйти за вас! В голове не укладывается. Ну, я пошел сообщить ей хорошую новость, — заключил он, и мы простились.

А через минуту снова зазвонил звонок. Открываю дверь, а у порога снова стоит он.

— Как, вы говорили, ее зовут?

— Зовут? Кого?

— Вашу невесту.

— Трикси Уотербери.

— Боже милосердный! — воскликнул он, повернулся и ушел. А я снова погрузился в сладкие грезы, которые он прервал своим приходом.

Было такое время, когда, если бы ко мне кто-то пришел и сказал: «Мистер Вустер, меня подрядила одна солидная издательская фирма написать вашу биографию, и мне нужны какие-нибудь интимные подробности, которых, кроме как у вас, нигде не раздобыть. Оглядываясь назад, какой момент вы считаете верхом вашей жизненной карьеры?» — я бы ответил не задумываясь. Это было, сообщил бы я ему, когда мне шел четырнадцатый год и я состоял учеником в закрытой частной школе «Малверн-Хаус», что в Брамли-Он-Си, возглавляемой князем тьмы и злодейства Обри Апджоном М.А..^[93] Он велел мне на следующее утро явиться к нему в кабинет, а это всегда означало полдюжины горячих тростью, которая кусала, как змея, и жалила, как аспид. И каково же было мое счастье, когда наутро я весь с ног до головы покрылся красными пятнами, у меня оказалась корь, и неприятное объяснение с начальством само собой отложилось на неопределенное время.

Это и был мой высший миг. Примерно такое же блаженство переживал я теперь, только еще более упоительное, эдакое тихое ликование, осеняющее человека, который оставил с носом силы зла. Я словно освободился от огромного груза. Вообще-то в каком-то смысле так оно и было, Царица Фей наверняка потянула бы на добрых сто шестьдесят фунтов по магазинным весам, но я имею в виду не это, а ужасную тяжесть, которая угнетала мне душу. Наконец-то усмиренные грозовые тучи у меня над головой разошлись, и с небес засияло улыбчивое солнышко.

Единственное, чего мне не хватало для полного счастья, это Дживса, чтобы разделить с ним миг моего торжества. Я даже подумал, не позвонить ли ему в клуб «Подсобник Ганимед», но не хотелось отрывать его, когда он, может быть, как раз добывает взятки без козырей.

Тут я вспомнил про тетю Далию. Уж кому-кому, а ей-то непременно следовало сообщить добрую весть, поскольку она так хорошо относится к

Родди Глоссопу и проявила глубокую озабоченность в связи с его безвыходным положением. И потом, она наверняка порадует тому, что любимый племянник избежал опасности страшнее смерти, а именно, женитьбы на Гонории. Правда, обида на мой твердый отказ быть Санта-Клаусом у нее на детском празднике, наверно еще не зажила, но при последней нашей встрече я заметил, что тетя уже не такая воспаленная, и значит, можно предполагать, что, загляни я к ней сегодня, она встретит меня с распростертыми объятиями. Ну, может быть, не совсем распростертыми, но более или менее. Поэтому я оставил Дживсу записку с сообщением, где я, и со всех ног помчался к тете Далии на такси.

Как я предвидел, так и получилось. Не хочу сказать, что она просияла при виде меня, но и не швырнула в меня Перри Мейсоном в сопровождении новых обидных слов, а когда я рассказал, что было, пришла в восторг и сделалась просто сама любезность. Мы сидели и весело обменивались мнениями о том, каким прекрасным Рождественским подарком для старины Блоссопа будет такой оборот дел, и рассуждали, каково это, должно быть, — оказаться супругом его дочери Гонории, да и супругой Блэра Эглстоуна, если уж на то пошло, тоже, когда внезапно зазвонил телефон. Аппарат стоял на столике рядом, и тетя Далия подняла трубку.

— Алло? — пробасила она. — Кто? — или вернее: — КТО? (по телефону она разговаривает таким же мощным голосом, каким некогда гикала на отъезде поле). — И протянула трубку мне. — Кто-то из твоих приятелей тебя спрашивает. Говорит, что его фамилия Уотербери.

Джас Уотербери, когда я ответил, показался мне взволнованным. Он испуганно спросил:

— Вы где это находитесь, милый человек? В Зоопарке?

— Вас не понял, Джас Уотербери.

— Я слышал сейчас львиный рык.

— А-а, это моя тетя.

— Слава Богу, что ваша, а не моя. У меня барабанные перепонки чуть не лопнули.

— Да, у нее голос звучный.

— Что верно, то верно. Ну, так вот, миляга, сожалею, что потревожил ее в час кормежки, но вам, наверное, интересно будет, мы тут с Трикс все обговорили и решили, что скромная брачная церемония в Отделе регистрации — как раз самое оно. Большой съезд гостей и лишние затраты ни к чему. Да, и еще она говорит, что выбирает для свадебного путешествия Брайтон. Брайтон — ее любимый город.

Я толком не разобрал, о чем это он, но, читая между строк, предположил, что, по-видимому, Царица Фей выходит замуж. Я поинтересовался у него, так ли это, а он маслянисто хихикнул.

— Все шуточки шутишь, Берти? Такой шутник. Кто же должен знать, что она выходит замуж, если не ты?

— Понятия не имею. И за кого?

— Да за тебя, конечно. Разве ты не представил ее приятелю как свою невесту?

Я сразу же поспешил его поправить:

— Но это был просто розыгрыш. Вы ведь ей сказали?

— Что сказал?

— Что мне только нужно было, чтобы она притворилась моей невестой.

— Какая странная идея. Зачем бы я стал это говорить?

— За пятнадцать фунтов.

— Не знаю никаких пятнадцати фунтов. Как я это помню, вы явились ко мне и сказали, что видели Трикси в Уигане в общедоступном спектакле «Золушка», когда она исполняла там роль Царицы Фей, и влюбились с первого взгляда, как и многие другие молодые парни, кто ее видел. Каким-то образом вы разузнали, что она моя племянница, и попросили привезти ее к вам домой. Мы прибыли по вашему адресу, и я с порога увидел свет любви в вашем взгляде, и в ее взгляде тоже. Не прошло и пяти минут, как вы усадили ее к себе на колени и сидели эдак уютненько, миловались, как два голубчика. Настоящая любовь с первого взгляда, и признаюсь, я был искренне тронут. Люблю смотреть, как сходятся пары весенней порой. Правда, сейчас не весенняя пора, но принцип тот же.

В этом месте тетя Далия, которая сидела и безмолвно негодовала, все-таки встряла в разговор, обругала меня и спросила, в чем дело. Я властно от нее отмахнулся. Мне необходимо было сосредоточить все внимание, чтобы разобраться с возникшим недоразумением.

— Вы сами не знаете, что говорите, Джас Уотербери.

— Кто, я?

— Да, вы. Вы все перепутали.

— Вы так думаете?

— Да, думаю. И попрошу вас передать мисс Уотербери, что свадебные колокола не зазвонят.

— Вот и я то же говорю. Трикси предпочитает Отдел регистрации.

— И Отдел регистрации не зазвонит. Он сказал, что я его удивляю.

— Вы что, не хотите жениться на Трикси?

— Не подойду к ней даже на расстояние вытянутого столба. «Вот это да!» — прозвучало на том конце провода.

— Поразительное совпадение, — пояснил он. — Именно этим же выражением воспользовался мистер Проссер, когда отказывался жениться на другой моей племяннице, хотя раньше сам же объявил помолвку в присутствии свидетелей, точно так же, как и вы. Доказывает, как тесен мир. Я спросил, известно ли ему о судебных исках за нарушение брачных обещаний, и тогда он заметно задрожал и раз или два сглотнул. А потом заглянул мне в глаза и спросил: «Сколько?» Поначалу я его не понял, но потом меня вдруг осенило. «Так вы желаете расторгнуть помолвку? — говорю я. — И как джентльмен считаете себя обязанным позаботиться, чтобы бедная девушка получила какое-то сердечное утешение? — говорю я. — Что ж, сумма должна быть основательной, поскольку приходится учесть девушкино горе и отчаяние», — говорю я. Мы с ним обговорили это дело и в конце концов согласились на двух тысячах фунтов. Ту же сумму я порекомендовал бы и в вашем случае. Думаю, мне удастся склонить Трикси принять ее. Конечно, жизнь для нее все равно останется горькой пустыней после того, как она лишится вас, но две тысячи фунтов — это все же кое-что.

— БЕРТИ! — произнесла тетя Далия.

— О, — говорит Джас Уотербери. — Я снова слышу рык этого льва. Ладно, даю вам время все обдумать. Буду у вас завтра с утра, чтобы услышать ваше решение, и если вы предпочтете не выписывать чека, я попрошу приятеля, может, он сумеет вас уговорить. Он мастер спорта по борьбе без правил и зовут его Боров Джап. Когда-то я был у него менеджером. Теперь он больше не выступает, так как сломал одному типу в поединке позвоночник и с тех пор почему-то испытывает к этому виду спорта отвращение. Но до сих пор сохраняет прекрасную форму. Видели бы вы, как он пальцами щелкает бразильские орехи. Меня он очень уважает, и нет ничего, чего бы он для меня не сделал. Например, если кто-нибудь подставит меня в бизнесе, Боров сразу же ринется и оторвет ему руки-ноги, словно невинный ребенок, который гадает по ромашке: «Любит — не любит». Доброй ночи, приятных сновидений, — заключил Джас Уотербери и повесил трубку.

После такого крайне неприятного разговора я бы, конечно, будь моя воля, забился бы куда-нибудь в угол и сидел, зажав голову в ладонях и обдумывая создавшееся положение. Но тетя Далия слишком уж громогласно выражала желание услышать, что все это значит, пришлось

начать с нее. Я упавшим голосом изложил факты, и она проявила столько сочувствия и понимания, что я был удивлен и растроган. С женским полом часто так бывает. Если вы в чем-то расходитесь с ними во взглядах, например, по поводу того, чтобы наклеить белую бороду и подвязать на живот подушку, они подвергают вас самому жестокому обращению, но стоит им увидеть, что человек действительно в беде, и сердце их оттаивает, злость забыта, и они, не жалея усилий, спешат оказать всякую мыслимую поддержку. Точно так получилось и с престарелой родственницей. Высказавшись по поводу того, что я осел из ослов и меня нельзя выпускать из дому без няньки, она продолжала уже в более ласковом

ключе:

— Как бы то ни было, ты сын моего брата, маленьким я нередко тетешкала тебя на колене, хотя другого такого недоразвитого младенца я в жизни не видела, но ведь нельзя тебя винить за то, что ты был похож на помесь вареного яйца с куклой чревоушателя, и я не допущу, чтобы ты бесследно сгинул в калоше, в которую угодил. Я должна сплотиться вокруг тебя и протянуть руку помощи.

— Спасибо, единокровная старушенция. Ужасно благородно с вашей стороны это ваше стремление помочь. Но что вы можете сделать?

— Сама по себе, возможно, ничего, но я могу посоветоваться с Дживсом, и совместно мы наверняка что-нибудь придумаем. Звони ему и зови скорее сюда.

— Его еще нет дома. Он играет в бридж у себя в клубе.

— Все-таки позвони. А вдруг.

Я позвонил и, к своему изумлению, услышал размеренный голос:

— Резиденция мистера Вустера.

— Господи, Дживс, я и не предполагал застать вас дома так рано.

— Я уехал раньше срока, сэр. Сегодняшняя игра не доставила мне обычного удовольствия.

— Плохая карта шла?

— Нет, сэр, карты мне доставались вполне удовлетворительные, но партнер дважды сорвал мою игру, и у меня пропало желание продолжать.

— Сочувствую. Значит, вы сейчас ничем не заняты?

— Нет, сэр.

— Тогда, может, примчитесь во весь опор к моей тете Далии? Тут в вас большая нужда.

— Очень хорошо, сэр.

— Едет? — спросила тетя.

— На крыльях ветра. Только наденет свой котелок.

— Тогда уйди куда-нибудь.
— Вы не хотите, чтобы я участвовал в конференции?
— Нет.
— Но три головы лучше, чем две, — попробовал я настоять.
— Только не тогда, когда одна из них — насквозь костяная, — отрезала престарелая родственница, вернувшись к прежней манере выражаться.

В ту ночь я спал беспокойно, мне снилось, будто я убегая, а меня настигают Царицы Фей, целая свора, да их еще сзади подгоняет Джас Уотербери на коне и орет: «У-лю-лю!» и «Ату его!». Так что, когда я вышел к завтраку, был уже двенадцатый час.

— Насколько я понимаю, Дживс, — говорю я, мрачно ковыряя в тарелке яичницу, — тетя Далия вам все рассказала?

— Да, сэр. Рассказ миссис Траверс был весьма информативен.

Я вздохнул с облегчением, потому что от этой секретности и всяких условных обозначений А и В у меня уже голова кругом шла.

— Положение угрожающее, вы не находите?

— Безусловно, угроза, нависшая над вами, довольно серьезна, сэр.

— Не представляю себе, как я буду выступать ответчиком в деле о нарушении брачного обещания, а публика в зале будет издевательски хохотать, и присяжные еще назначат мне оплату издержек. Да я после этого просто не рискну показаться в «Трутнях».

— Да, скандальная слава — крайне неприятная вещь, сэр.

— С другой стороны, платить Джасу Уотербери две тысячи фунтов мне совершенно не хочется.

— Сочувствую вам в вашей дилемме, сэр.

— Но вы, может быть, придумали какой-нибудь потрясающий способ, как перехитрить Джаса, чтобы он до могилы ежедневно посыпал свою масляную голову пеплом? Как вы собираетесь с ним говорить, когда он явится сюда?

— Я собираюсь воззвать к его здравому смыслу, сэр. Сердце у меня похолодело. Наверно я слишком привык, что Дживс мановением волшебной палочки развеивает по воздуху самые опасные кризисы, и ожидал от него, что он, если что, всегда вынет из шляпы чудесное решение, и никаких хлопот. Однако в то утро, хотя вообще я до завтрака не слишком хорошо соображаю, мне было ясно, что намерение Дживса нипочем, выражаясь словами Джаса Уотербери, не пройдет у публики на «ура». Станет он слушать рассуждения о здравом смысле, как бы не так.

Чтобы в чем-то убедить этого короля мошенников, нужен кастет и чулок с мокрым песком, а не здравый смысл. В тоне, которым я спросил Дживса, неужели он не мог придумать ничего получше, прозвучал скрытый упрек.

— Вы невысокого мнения о таком плане действий, сэр?

— Знаете, я бы не хотел ранить ваши чувства...

— Ну что вы, сэр.

— ...но я бы не назвал это вершиной вашей творческой мысли.

— Мне очень жаль, сэр, но тем не менее...

В этот миг заголосил дверной звонок. Я с яичницей на губах вскочил из-за стола и оглянулся на Дживса. Не поручусь, что глаза у меня при этом вылезли вон из орбит, но вполне может быть, что и так, у меня было такое чувство, будто в квартире взорвалась добрая унция тринитротолуола.

— Пришел!

— По всей видимости, да, сэр.

— Я просто не в состоянии с ним общаться в такую рань.

— Ваши чувства вполне понятны, сэр. Было бы целесообразно вам куда-нибудь скрыться, пока я буду вести переговоры. Наиболее удобным укрытием представляется пространство позади пианино.

— Вы правы, как всегда, Дживс.

Утверждать, будто за пианино оказалось так уж удобно, я бы не стал, не желая вводить читателя в заблуждение, но все-таки там я был скрыт от посторонних глаз, а это главное. И условия, позволяющие оставаться в курсе происходящих событий, тоже оказались недурны. Я услышал звук открывающейся двери, и голос Джаса Уотербери произнес:

— Привет, миляга.

— Доброе утро, сэр.

— Вустер у себя?

— Нет, сэр, он только что вышел.

— Странно. Он знал, что я должен прийти.

— Вы — мистер Уотербери?

— Я самый. Куда он подался?

— Насколько я знаю, у мистера Вустера было намерение посетить своего ростовщика, сэр.

— Что?

— Он упомянул об этом, уходя. Сказал, что надеется получить фунта два-три за часы.

— Вы смеетесь? Зачем бы он стал закладывать часы?

— Он весьма стеснен в средствах.

Последовала, как выражаются иногда, зловещая тишина. Вероятно,

Джасу Уотербери потребовалось время, чтобы переварить это известие. Жаль, я не мог участвовать в разговоре, а то бы я непременно сказал: «Дживс, так держать!», — и извинился бы, что вздумал в нем усомниться. Можно было догадаться, что, говоря о намерении воззвать к здравому смыслу Джаса Уотербери, он припрятал в рукаве козырь, который все меняет.

Прошло какое-то время, прежде чем Джас Уотербери снова заговорил, и при этом в голосе у него слышалась некоторая дрожь, словно бы он начал подозревать, что в жизни есть не только розы и солнечные лучи, как ему казалось до сих пор. Я его понимал. Нет страданий горше, чем испытывает человек, который возомнил, будто отыскал горшок с золотом у подножья радуги, и вдруг узнает из авторитетных источников, что ничего подобного. До сих пор Бертрам Вустер был для него беззаботный жуир, который разбрасывает направо и налево суммы по пятнадцать фунтов, чего невозможно делать, не имея солидного счета в банке, и узнать, что Бертрам Вустер бегаёт закладывая часы, было для него как острый нож в сердце, — если, конечно, оно у него есть. Он ошарашенно проговорил:

— А как же эта квартира?

— Сэр?

— Квартиры на Парк-Лейн обходятся недешево.

— О да, сэр. Безусловно.

— Да ещё со швейцаром.

— Как, сэр?

— А вы разве не швейцар?

— Нет, сэр. Я состоял одно время личным слугой при джентльмене, но в настоящее время не занимаю этой должности. Я представляю мистеров Олсоппа и Уилсона, виноторговцев, предоставивших в кредит товар на общую сумму в триста четыре фунта пятнадцать шиллингов и восемь пенсов, — долг, расчеты по которому существенно превосходят финансовые возможности мистера Вустера. Я здесь нахожусь при описанном имуществе.

«Бог ты мой!» — пробормотал Джас, и, на мой взгляд, ему даже делает честь, что он не воспользовался более сильным выражением.

— То есть вы — судебный исполнитель?

— Вот именно, сэр. Должен с сокрушением признать, что карьера моя пошла под уклон и нынешняя должность — это единственное, что я смог найти. Здесь не то, к чему я привык, но и на этом месте есть свои положительные стороны. Мистер Вустер — весьма приятный молодой джентльмен и к моему пребыванию в его доме относится вполне

дружелюбно. Мы с ним ведем долгие увлекательные беседы, в ходе которых он и разъяснил мне свое финансовое положение. Он, оказывается, всецело зависит от содержания, назначенного его теткой, некоей миссис Траверс, дамы с нестабильным темпераментом, которая уже не раз угрожала, что если он не возьмется за ум и не прекратит мотовство, она лишит его содержания и отправит в Канаду, существовать на скромные почтовые переводы с родины. Она, разумеется, считает меня слугой мистера Вустера. Что произойдет, если она узнает, в качестве кого я здесь нахожусь на самом деле, мне страшно подумать, ясно одно, если вы позволите мне выразить мнение, легкая жизнь мистера Вустера на этом кончится навсегда и начнется тяжелая.

Снова наступила зловещая тишина, Джас Уотербери, наверно употребил ее на то, чтобы промокнуть лоб, на котором выступили обильные капли трудового пота. В заключение он еще раз произнес: «Бог ты мой!»

Намеревался ли он к этому еще что-нибудь прибавить, неизвестно, потому что ничего прибавить ему все равно не удалось: послышался шум, похожий на мощный порыв ветра, кто-то громко фыркнул, и я понял, что среди нас находится тетя Далия. Должно быть, впуская Джаса Уотербери, Дживс по рассеянности не запер входные двери.

— Дживс! — прогудела моя тетя. — Вы можете смотреть мне в глаза?

— Разумеется, мэм, если вам угодно.

— А я этому удивляюсь. Вы, по-видимому, обладаете наглостью армейского мула. Я только что узнала, что вы — судебный исполнитель в шкуре личного слуги джентльмена. Вы будете это отрицать?

— Нет, мэм. Я здесь от фирмы «Олсопп и Уилсон, вина, ликеры и крепкие напитки», ей причитается получить за поставленный товар на сумму в триста четыре фунта пятнадцать шиллингов и восемнадцать пенсов.

Пианино, за которым я скрючился, покачнулось и загудело, как динамо-машина, должно быть, пожилая родственница фыркнула на него.

— Милосердный Боже! Что юный Берти делает с вашим товаром, винные ванны принимает? Триста четыре фунта пятнадцать шиллингов и восемнадцать пенсов! И другим, должно быть, задолжал не меньше. Весь в долгу, как в шелку, да еще вдобавок, я слышала, собирается жениться на толстухе из цирка.

— На исполнительнице роли Царицы Фей в пантомимах, мэм.

— Еще того хуже. Блэр Эглстоун говорит, что она вылитый гиппопотам.

Мне было не видно, конечно, но я наглядно представил себе, как Джас Уотербери, услыша такое описание обожаемой племянницы, гордо выпрямился во весь рост и произнес холодно и надменно:

— Это вы так-то говорите про мою Трикси, а он с ней сочетается законным браком или же пойдет под суд за нарушение брачного обещания.

Опять же не могу ручаться, не видел своими глазами, но, по-моему, тетя Далия тут тоже выпрямилась во весь рост.

— Отлично. Но чтобы вчинить этот иск, ей придется отправиться в Канаду, — грозно прорычала она, — потому что Берти Вустер туда отплывает следующим же пароходным рейсом, и там у него не будет средств, чтобы транжирить на суды. Того, что я ему назначу, только-только хватит на прокорм. Мясной обед раз в три дня, это в лучшем случае. Вы посоветуйте этой вашей Трикси, чтобы забыла думать про Берти и обкрутила вместо него Царя Демонов.

Опыт подсказывает мне, что за исключением вопросов жизни и смерти, вроде того чтобы выступить Санта-Клаусом у нее на детском празднике, противостоять тете Далии физически невозможно, и Джас Уотербери, видимо, тоже это понял, так как еще через мгновение я услышал стук захлопнувшейся двери. Он исчез, даже не пискнув.

— Уф-ф, ну вот, — сказала тетя Далия. — Эмоциональные сцены страшно выматывают, Дживс. Вы не дадите мне глоток чего-нибудь подкрепляющего?

— Разумеется, мэм.

— Ну, как я вам показалась? Ничего?

— Вы были великолепны, мэм.

— Кажется, я была в голосе.

— Звучность превосходная, мэм.

— Приятно сознавать, что наши усилия увенчались успехом. Берти сможет вздохнуть с облегчением. Когда вы его ожидаете домой?

— Мистер Вустер дома, мэм. Не решаясь встретиться с мистером Уотербери лицом к лицу, он предусмотрительно спрятался. Вы найдете его, заглянув за пианино.

Но я к этому времени уже сам вылез и первым делом выразил им обоим мою глубокую благодарность. Дживс принял ее с любезностью. А тетя Далия в очередной раз фыркнула. После чего сказала:

— Конечно, из спасибо шубы не сошьешь. Я бы предпочла меньше слов и больше дела. Если ты в самом деле испытываешь чувство благодарности, сыграй Санта-Клауса у меня на Рождественском празднике.

Она была по-своему права. Что против этого скажешь? Я сжал кулаки.

Выпятил подбородок. И принял знаменательное решение:

— Хорошо, единокровная старушка.

— Ты согласен?

— Согласен.

— Вот молодец! Чего там бояться? В крайнем случае ребятишки перемажут твои ватные усы шоколадным кремом, только и всего.

— Шоколадным кремом? — переспросил я, и голос мой задрожал.

— Или клубничным вареньем. Таков обычай. И кстати, не обращай внимания на слухи, которые могли до тебя дойти, что будто бы в прошлом году они подпалили бороду нашему священнику. Это была чистейшая случайность.

Я уже было снова начал изображать трепещущую осину, но тут в разговор вмешался Дживс:

— Прошу прощения, мэм.

— Да, Дживс?

— Если мне позволительно внести предложение, я бы сказал, что артист более опытный справился бы с этой ролью успешнее, чем мистер Вустер.

— Вы что, вызываетесь добровольцем?

— Нет, мэм. Артист, которого я имел в виду, — это сэр Родерик Глоссоп. У сэра Родерика более внушительная наружность и голос гуще, чем у мистера Вустера. Если он своим басом произнесет: «Хо-хо-хо-хо!» — это произведет сильнейший драматический эффект, и я не сомневаюсь, что вам он в просьбе не откажет.

— Тем более, — включился и я, — что он имеет обыкновение зачернять себе лицо жженой пробкой.

— Совершенно верно, сэр. Он будет рад нарумянить щеки и нос — для разнообразия.

Тетя Даля задумалась.

— Пожалуй, вы правы, Дживс, — проговорила она наконец. — Жаль, конечно, детишек, они лишатся самой веселой потехи, но пусть знают, что жизнь состоит не из одних удовольствий. Спасибо, я наверно не буду это пить, еще слишком рано.

Тетя нас покинула, и я, глубоко растроганный, взглянул в глаза Дживсу. Он избавил меня от опасности, от одной мысли о которой у меня мурашки бежали по спине, я ведь ни на минуту не поверил тетиному утверждению, что будто бы борода у священника загорелась по чистой случайности. Юное поколение, наверное, многие ночи напролет замышляло этот террористический акт.

— Дживс, — сказал я, — вы что-то такое говорили давеча насчет поездки на Флориду после Рождества.

— Это было всего лишь предположение, сэр.

— Вы хотите поймать на удочку тарпонга, не так ли?

— Не скрою, это мое горячее желание, сэр.

Я вздохнул. И не столько потому, что мне жалко было рыбу, быть может, добрую мать и жену, которую хотят подцепить на крючок и вырвать из круга близких и любимых. Меня лично без ножа резало сознание, что я пропущу в клубе «Трутни» турнир по метанию летучих стрел, где мне светило стать победителем. Но — ничего не поделаешь. Я подавил сожаления.

— Тогда отправляйтесь за билетами.

— Очень хорошо, сэр.

А я прибавил торжественным тоном:

— И да поможет небо той рыбе, Дживс, которая вздумает потягаться хитростью с вами. Ее усилия останутся тщетны.

notes

Примечания

Субадар — по-персидски и на хинди означает «начальник».

...не работают со времен Эдуарда Седьмого — английский король Эдуард Седьмой, сын королевы Виктории, находился на престоле с 1901 по 1910 гг.

...уподобил ее танагрской статуэтке — Танагрские статуэтки — небольшие терракотовые фигурки из раскопок некрополя древнегреческого города Танагра, отличаются тонкостью лепки и раскраски; датируются IV в. до н. э.

...современным графом Честерфилдом — Филип, граф Честерфилд (1694–1773) — дипломат и писатель, автор книги «Письма сыну», считался воплощенным идеалом хорошего тона.

Рэффлс — герой популярных книг, комиксов и пр. изданий для юношества, созданный писателем Э.У. Хорнунгом.

...которая желает к потокам воды. — Образ из 41-го Псалма (в западной традиции — 42-го), стих первый.

...как церковные врата, но и этого хватит. — Цитата из «Ромео и Джульетты» Шекспира, акт 3-й, сцена 1-я.

...Аполлион, стоящий на пути — Бес Аполлион, упоминаемый в Откровении Св. Иоанна (гл. 9, ст. 11), описан в «Пути паломника» Дж. Баньяна (1628–1688).

Джон Уиттьер (1807–1892) — американский поэт. Процитировано его известное стихотворение из сборника «Панорама».

Корень и источник зла (*lat.*).

Почетная *медаль Конгресса* — высшая воинская награда США, вручается президентом от имени Конгресса.

...стал блистательный, но иной — строки из «Бури» Шекспира (акт. 1, сц. 2). Они начертаны на могиле П.Б. Шелли.

...обезьян, слоновой кости и павлинов. — «Слоны груженные золотом» и т. д. — аллюзия на библейское описание богатств царя Соломона, Книга Царств, гл. 10.

Летун (фр.).

В курсе ($\phi p.$).

От переводчика: Автор наделил Рори Кармойла своим умением остроумно каламбурить. Но так как каламбуры на другой язык в принципе непереводимы, переводчику пришлось отчасти, для иллюстрации, воспользоваться суррогатами собственного производства.

...как *Седрах, Мисах и Навуходоносор*. — История о том, как праведные мужи: Седрах, Мисах и Авденаго (а вовсе не Навуходоносор!) были брошены в огненную печь, но не сгорели, излагается в 3-й главе Книги Пророка Даниила.

Тщательно одетый (*фр.*).

О. Хаммерстейн и *К. Портер* — известные авторы текстов эстрадных песен и знаменитых бродвейских мюзиклов.

Пост, Эмили — писательница, автор широко известной книги «Этикет. Голубая книга хорошего тона».

...взглянуть в небеса — Дживс приводит четверостишие из стихотворения Э. Теннисона «Марианна» (1830).

...плечи выше головы. — Цитата из монолога Отелло — акт 5, сц. 2.

...пращи и стрелы. — Слова Гамлета из знаменитого монолога «Быть или не быть?».

...безмерно, безрассудно. — Так говорил о себе Отелло в последнем акте перед тем, как заколоться.

...отзыву поэта Китса. — Имеется в виду хрестоматийное стихотворение Джона Китса (1795–1820) «Ода к соловью».

...известном стихотворении Шелли. — Речь идет о знаменитом стихотворении П.Б.Шелли «К ***» (1821 г.), в котором говорится о любви мотылька к звезде.

...*белого слона* — английская идиома, постепенно внедряющаяся сегодня и в русскую фразеологию; означает очень дорогое и совершенно ненужное имущество, с которым одна морока.

...о, какая жалость! — См. «Отелло», акт 4, сц. 1.

...огромного размаха и влияния — См. «Гамлет», акт 3, сц. 1.

Дамон и Пифиас — герои классической легенды, прославившиеся верностью в дружбе; дружба *Давида и Ионафана* описана в Библии (например, 1 Царств, гл. 18); а «*Суон и Эдгар*» — название магазина дамского платья в Лондоне.

Величье ваше, милорд. — Эти слова и последующее рассуждение являются приблизительной цитатой из хроники «Генрих VIII», акт 3, сц. 2.

...сколько тот его ни укрощай. — Про глухого аспида см. в Библии Псалом 57, ст. 5–6.

В момент смерти (*лат.*).

...ты лучше меня, Гунга Дин. — Рефрен в стихотворении Р.Киплинга, входящего в сборник 1892 г. «Солдатские баллады».

Дартмур. — Тюрьма в Англии, построенная в 1809 г. первоначально для французских военнопленных.

...на *Тауэр-Хилле* — Площадь в Лондоне перед Тауэром, на которой казнили узников.

..*Дэнни Дивера повесят на рассвете.* — Капитан Биггар напевет песню на стихи Л. Хоупа «Кашмирская невеста», а затем плавно переходит на «Солдатские баллады» Р. Киплинга.

...все выиграть иль всего лишиться — Дживс вспоминает стихотворение Джеймса Грэхема, первого маркиза Монтроза (1612–1650).

Ч. Дж. Фокс (1749–1806) — знаменитый английский политический деятель либерального направления; в молодости был отчаянный игрок.

...Боб Хоуп и Граучо Маркс — американские эстрадные комики.

...дождь с небес на нивы упадет. — Цитата из шекспировского «Венецианского купца», акт 4, сц. I.

...налетом мысли бледным. — Слегка перефразированная цитата из монолога Гамлета «Быть иль не быть?», акт 3, сц. 1.

...расплести сеть его забот. — Выражение из «Макбета», акт 2, сц. 2.

Белл, А. Г. (1847–1922) — изобретатель первого практически пригодного телефона.

«Охота на снарка». — Поэма-нонсенс Льюиса Кэрролла. (1876 г.).

«Ихавод», — ворчал себе под нос начальник полиции... — Ихавод, согласно библейской традиции, означает «бесславление», «позор». В Первой книге Царств (в английском переводе — Пророка Самуила) гл. 4, ст. 21, описано, как мать назвала этим именем новорожденного младенца, ввиду того что в это время филистимляне отняли у израильтян Божий Ковчег.

...за правдивость прозвали Джордж Вашингтон. — Первый президент Соединенных Штатов Джордж Вашингтон (1732–1799) считается образцом честности; о его поразительной правдивости с детских лет сохранились рассказы и легенды.

...напружить сухожилья. — Цитата из «Генриха V», акт 3, сц. 1.

...а сигару можно курить. — Из стихотворения Р.Киплинга «Обрученные».

По свободному выбору (фр.).

Комплексные обеды (*фр.*).

...историю *Иаили*. — В библейской Книге Судий, гл. 4, повествуется, как женщина Иаиль убила ханаанского военачальника, пробив ему голову колом для шатра.

Сэр *Филип Сидней* (1554–1586) считался воплощением рыцарского идеала, погиб от раны на войне в Нидерландах. Сохранился рассказ про то, как он уступил фляжку с водой раненому солдату, которого на носилках проносили мимо него, и сказал при этом: «Твоя нужда больше моей».

...смолу роняют аравийские деревья. — Дживс цитирует дальше заключительный предсмертный монолог Отелло.

...своего демона-возлюбленного. — Образ из поэмы С. Т. Колриджа «Кубла Хан» (1797).

Галатея — в греческой мифологии статуя прекрасной женщины, изваянная скульптором Пигмалионом и ожившая под действием его любви.

...пьяно райским млеком. — Образ из поэмы СТ. Колриджа «Кубла Хан»(1797).

Я верю в фей! — Как известно всем детям, в книге Дж. Барри «Питер Пэн» (1904) волшебный мальчик опрашивает детей, верят ли они в фей.

...с девизом загадочным «Эксцельсиор». — Из стихотворения Генри Уодсуорта Лонгфелло (1807–1882) «Эксцельсиор» (1842).

В целом (*яат.*).

Берти перевирает известное латинское выражение: «Ne sutor supra crepidam», букв. — Пусть сапожник судит не выше сапога.

...не уступающий Хокшоу. — Герой пьесы Т. Тейлора «Человек с пропуском» (1863).

...природы утомленной. — Строка из стихотворения Эдварда Янга (1683–1765) «Ночные бдения».

Фош Фердинанд (1851–1929) — французский маршал.

Гудвуд — Ипподром близ г. Чичестер, граф. Суссекс.

...грифоны — длинношерстные легавые собаки.

...и в человеках благоволение. — Несколько искаженная цитата из Библии, Лк.: 2,14.

Сквош — род упрощенного тенниса.

Шаловлива (фр.).

Сокр. от прохіто (*лот.*) — в следующем месяце.

Гунга Дин. — сикхотворение Р. Киплинга, из сборника 1892 г. «Солдатские баллады».

В роли родителя (*лат.*).

Положение обязывает., (фр.).

Котлета из самых лучших сортов мяса с цветной капустой (*фр.*).

...час страдания пробьет... — Цитата из поэмы «Мармион» В. Скотта.

...и осыпъ ты ими. — Роберт Херрик (1591–1674), «Геспериды».

Против (*лат*), юридический термин.

...моей победы над нервиями. — Племя в Галлии, упоминается Тацитом и Цезарем («Записки о Галльской войне»).

...под знаменем странным — «Эксцельсиор». — Из стихотворения
Генри Уодсуорта Лонгфелло (1807–1882) «Эксцельсиор» (1842).

...Хрустальный дворец — огромный выставочный павильон из стекла и чугуна; построен в 1851 г. для «Великой выставки»; сгорел в 1936 г.

...да не зайдет солнце во гневе вашем — Еф., 4, 26.

...напоминал *Маленького лорда Фаунтлероя*. — Герой одноименного романа (1886) англо-американской писательницы Франсис Ходжсон Бернет (1849–1924).

...в этом мире все так хорошо! — Роберт Браунинг (1812–1889),
стихотворная драма «Проходит Пиппа» (1841).

...плач и скрежет зубов. — Мф.: 22,13.

Деяния благие, что вершатся втайне... — У. Вордсворт (1770—1850), «Строки, написанные поблизости от Тинтернского аббатства» (П98).

Снукер — игра на бильярде.

Подходящее слово (*фр.*).

Скотобойня (фр.).

...как ангел милосердный... — В. Скотт, поэма «Мармион», песнь VI.

...тряпки, кость и пучок волос. — Цитата из стихотворения Р. Киплинга «Вампир» (1897) в переводе К. Симонова.

Радость жизни (*фр.*).

Развязка (фр.).

Сокращение от латинского *Magister Artium*, то есть Магистр гуманитарных наук.